

ВОЗНИКШИЙ ВОЛЕЮ ПЕТРА

Annotation

Впервые воедино собран материал, рассказывающий об истории местности, где в 1703 году царь Петр I заложил Петербург. Шаг за шагом прослежена история города до середины XVIII столетия. Книга хорошо иллюстрирована, снабжена картами и таблицами.

•

ИСТОРИЯ ГОРОДОВ МИРА

ПЁТР КОШЕЛЬ

ТРИ ВЕКА СЕВЕРНОЙ СТОЛИЦЫ

Том I

ВОЗНИКШИЙ ВОЛЕЮ ПЕТРА

История Санкт-Петербурга первой половины XVIII века

Москва

РУБЕЖИ XXI

2003

**КРАСУЙСЯ, ГРАД ПЕТРОВ, И СТОЙ
НЕКОЛЕБИМО, КАК РОССИЯ...**

А. ПУШКИН

СЛОВО О СЕВЕРНОЙ СТОЛИЦЕ

Петербургу исполнилось 300 лет. И, любясь его великолепием, всякий раз поражаешься, что этот город-музей, пронизанный историческими ассоциациями, по существу, еще очень молод.

История здесь воспринимается не как далекое прошлое, а как нечто близкое, непосредственно связанное с современностью, с собственной судьбой. Почти зримо представляешь себе, как порывистый, неутомимый Петр впервые решительно ступил на болотистый невский берег; как по улицам Выборгской стороны пробирался в Смольный Ульянов-Ленин осенью 1917 года, чтобы начать вооруженное восстание; как по обледенелым набережным спускались к Неве за водой истощенные жители блокадного Ленинграда...

В этом, пожалуй, главное отличие Петербурга от других культурных центров мира и один из секретов его притягательности. История Петербурга не уходит корнями в древность, как, скажем, история Рима или даже Москвы, — ее можно охватить в памяти целиком, хотя она и богата эпохальными событиями.

О Петербурге было немало написано уже в XVIII веке. В произведениях Феофана Прокоповича, Ломоносова, Тредиаковского, Сумарокова, Державина Петербург предстает как «преславный град», «Северный Рим», «убежище покою», «Северная Пальмира». В XVIII веке северную русскую столицу реже описывали, чаще воспевали.

Преславный град, что Петр наш основал
И на красе построил столь полезно,
Уж древним всем он ныне равен стал,
И обитать в нем всякому любезно,—

писал Тредиаковский в «Похвале Ижорской земле и царствующему граду Санкт-Петербургу».

Ваше суетно препятство,
Ветры, нашим кораблям.
Рассыпается богатство
По твоим, Нева, брегам.

Это строки из «Дифирамба» Сумарокова. Здесь, как и в произведениях его современников, чувствуется стремление поэта передать не личное восприятие города, а общий, близкий всем «россам» восторг по поводу юного, но прекрасного Петербурга.

Писатели XVIII века часто подчеркивали, что Петербург накрепко связал Россию с Европой. Гаврила Державин, например, писал в «Шествии по Волхову российской Амфитриды»:

Вижу лентии летучи
Разноцветны по судам;
Лес пришел из мачт дремучий
К камнетесанным брегам.

Уже тогда, в XVIII веке, начали говорить о том, что Петербург — настоящий европеец, потому что при его застройке широко использовался или, по крайней мере, был учтен европейский опыт планировки и строительства. Творения Д. Трезини, Б. Ф. Растрелли, Д. Кваренги, Т. де Томона — выходцев из различных стран Западной Европы — во многом определили его облик. Но было в судьбе русской столицы нечто совсем не европейское: ни один из великих городов Европы не был построен так быстро. Знаменитые европейские столицы росли постепенно, это был естественный и в значительной мере стихийный рост. А тут город возник как бы сразу и строго по плану.

Державный дух Петра и ум Екатерины
Труд медленных веков свершили в век единый,—

писал П. А. Вяземский в 1818 г. в стихотворении «Я вижу град Петров». Хотя поэт тут и упоминает Екатерину, но город и в XVIII, и в XIX веках воспринимался прежде всего как город Петра I. Пожалуй, и тогда многие не сознавали, да и сейчас не все знают, что город назван не в честь царя, а в честь одного из апостолов. Название города ассоциировалось с именем царя-основателя.

В столь быстром росте города видели нечто чудесное. Так раньше на Руси города не возникали (вспомним пословицу: «Москва не скоро строилась»). Петербург воспринимается как воплощение великого замысла великого человека.

«По манию царя воздвигнутый из блат»,— писал Вяземский.

«Здесь будет город заложен» — так передает мысли Петра Пушкин в поэме «Медный всадник». Построить город «здесь», на болоте, рядом с постоянно грозящим наводнением морем, значило покорить саму природу. Это строительство должно было стать и стало торжеством человеческой воли, расчета, разума над стихией.

Но в отношении к Петербургу, если брать не только литературу, но и самые различные формы проявления народного сознания, была определенная противоречивость. Наряду с восторгами и прославлением — сомнения в целесообразности строительства города и даже пророчества о его гибели. «Петербургу быть пусту» — пророчество, появившееся еще во времена Петра. Чужой город с нерусским, немецким именем не устоит! — гласила молва.

Противоречие было в самой истории создания города: современный, европейский город, воплощение опыта европейской цивилизации, строился варварскими методами в традициях жесточайшего деспотизма, строился буквально на костях. Здесь страдали и гибли сотни и тысячи людей, память об этих страданиях была жива в народе, смысл молвы был в том, что городу придется еще расплатиться за это зло, за гибель невинных. И потому: «Петербургу быть пусту».

Итак, еще в XVIII веке отчетливо проявились две крайние тенденции в осмыслении судьбы Петербурга: или «чудотворный град», «Пальмира новая», город «победителя стихий», или проклятый город, город Антихриста. Эти тенденции и обусловили те драматические или даже трагические мотивы, которые мы слышим часто в романах и пьесах, поэмах и очерках, посвященных Петербургу.

В традиционном русском самосознании столица должна была представлять собой средоточие политической активности всего общества, быть центром управления, политических связей земли, олицетворять экономическое благополучие государства, являться символом святости, духовности России. Петербург как столица разрушал этот образ, разрывал его на составные части, предлагал совершенно иную модель центра. Несходство двух столичных городов подчеркивали и частично определяли положение в пространстве и природа местности. Если Москва находилась посреди равнины, на возвышенности, была удалена от морей и больших водных пространств, то Петербург был не просто городом, стоящим на полноводной реке, □ фактически это морской порт, город с морским воздухом, ветрами, наводнениями. В отличие от Москвы, «язык» Петербурга — это язык не

только улиц, площадей, домов, но также и воды, островов, каналов, кораблей и т. д.

Особенностью русской (московской) ментальности является то, что в образе, видении России, страны аграрной, именно земле (природе) как источнику жизни отдается основное, центральное место. В силу этого земля, на которой был построен Петербург, его окрестности в начале XVIII века стали объектом эмоционального критического отношения. Земля Петербурга — по сравнению с центром России — оказалась болотистой, топкой, со скудной растительностью и фауной. Характер отношений города и округа, в отличие от Москвы, был враждебным, ибо Ингерманландия была не способна прокормить новый город. Стоимость продуктов, по свидетельству современника, в 3—4 раза превышала московскую. Это отмечали практически все иностранцы, писавшие о петровском «парадизе». Даже считая град Петров «чудом света», они соглашались с русскими, когда речь шла о «плохой местности города».

Сложность смены московской городской среды на петербургскую нашла отображение в оценках Петербурга, петербургских пророчествах, легендах, мифах. Однако в них присутствовала не только объективная, но и сильно выраженная субъективная сторона. Например, это касается «неплодородия» невской земли и выросшего из него образа строительства города на пустом месте, среди топей и болот.

Уже много столетий берега Невы были обжиты людьми. Несколько веков здесь жило и русское население, построившее города Копорье, Ям, Орешек, Иван-город. Около 16 поселений находилось только на территории исторического центра города к моменту его основания. Обитатели приневских земель жили за счет местных природных возможностей и жили неплохо.

Впечатление скудости земли возникло именно вследствие быстрого строительства большого города. Как отмечал неизвестный автор «Описания Санкт-Петербурга и Кроншлота в 1710—1711 гг.», прежде продукты (мясные, домашний скот) «можно было покупать за безделицу, все изменилось, когда при большом стечении народа в С.-Петербург потребление чрезвычайно увеличилось».

Очень сложно петербуржцам оказалось принять облик иной, слишком отличной от центра России природы. Привычка видеть вокруг себя более живой мир иногда приводила к неожиданным действиям. Так, в окрестности Петербурга были завезены из Москвы и Подмосковья и выпущены на волю несколько тысяч птиц. В XVIII веке в Петербурге даже появились описания скворечников-берестянок, у которых «дворцовые скворцы приятным свистом увеселяют слух человеческий».

Субъективность петербуржцев проявилась и при оценке невских наводнений. Для России в целом наводнения, например весенние паводки, были обычны. Сильные половодья-наводнения знала и Москва. Так, в 1708 г. «великая вода» на Москве «с берегов дворы сносила и с хоромами, и с людьми, и многих людей потопила». Сведения об этом московском потопе до нас донесли письменные источники □ в народной памяти они оказались стерты. Петербургские же наводнения прочно вошли в образ города и послужили благодатным материалом для пророчеств о его гибельной судьбе. Так, по ассоциациями с мифами о потопе, о городах, уходящих в пучину вод, в петровскую эпоху возникли слухи, что Петербург погибнет от воды.

Триста лет Россия живет с двумя столицами.

Москву нередко противопоставляли Петербургу как город естественного развития, последовательно разраставшийся в узле дорог, расходившийся от него во

все стороны, город, который возвысился над русскими городами и стал столицей государства благодаря географическому положению. А Петербург изображали как город, созданный исключительно волей Петра I в гиблой местности, вдалеке от ядра русского государства. Анатолю Франсу, восхищавшемуся Москвой и подчеркивавшему ту роль, которую Москва сыграла в русской истории, принадлежат слова: «Петербург можно было создать где угодно, а Москва создала Россию».

В противоположность этому мнению географы и историки указывают на неслучайность создания Петербурга именно у крайней восточной точки Балтийского моря. Петербург был построен у впадения в Финский залив короткой (всего лишь 74 км), но полноводной реки, на островах и берегах дельты. Здесь новый город-столица мог лучше всего служить новой политике России. Петербург не просто сменил Москву на посту столицы. Он возглавил иную, по сравнению с допетровской Русью, по территориальному составу и форме державу — Российскую империю.

Французский энциклопедист Д. Дидро иронически сказал: «Чрезвычайно нецелесообразно помещать сердце на кончике пальца». Однако включение в состав Российской империи Прибалтики, а после разделов Польши — значительной части этой страны и еще позднее Финляндии смягчило отдаленность столицы, которая как бы скрепила новые территории и сделала их сферой своего влияния.

Сопоставление Петербурга и Москвы — давняя тема. Едва ли не первым дал их описание-сравнение князь М. М. Щербатов в книге «Путешествие в землю Офирскую», где Москва и Петербург выведены под именами Квамо и Пергам.

Дань этой теме отдавали не только потому, что Москва и Петербург, игравшие столь большую роль в

судьбах России, как бы напрашивались на сравнение, но и потому, что они всегда были связаны с большим накалом страстей и острым спором о путях дальнейшего развития страны.

Перенос столицы из Москвы в Петербург в начале XVIII века привел к тому, что Москва стала патриархальной, нацеленной на защиту старины, ценностей допетровской Руси. Петербург же, еще при жизни его создателя, стал выразителем всего нового, передового, а первая четверть века — переломной вехой в русской истории, когда Петр I властной рукой «Россию вздернул на дыбы», когда страна сбросила с себя обветшавшие лохмотья средневековья и на равных вошла в семью европейских народов. В русскую культуру и житейский обиход ворвались западноевропейские оценки и представления, со временем ставшие привычной нормой для петербургского общества. Ассамблеи и фейерверки, бритые лица и новомодная одежда, «галантное» обхождение и выход женщин из теремов — все это медленно, но верно завоевывало себе гражданство и становилось образцом для всей России.

О роли Петербурга в экономической, политической и военной истории России первой четверти XVIII века и говорить нечего.

Противопоставление Москвы и Петербурга в очередной раз привлекает внимание крупнейших деятелей русской культуры непосредственно после 1833 г., как бы принимая эстафету от «Медного всадника» и — в другой тональности, на другом материале — продолжая разработку проблем, в нем поставленных. Мы имеем в виду содержащие сопоставление обеих столиц сочинения Пушкина («Путешествие из Москвы в Петербург», 1833-1834), Гоголя («Петербургские записки 1836 года»), Герцена («Москва и Петербург», 1842), Белинского («Петербург и

Москва», 1845). Во всех этих произведениях контраст столиц предстает как серия противопоставленных друг другу зарисовок быта и нравов, не лишенных подчас фельетонного оттенка. Глубина этого сопоставления и историческая ситуация, в которой она раскрывалась бы, еще не встали в повестку дня, не выявились, не стали ясны даже людям такого масштаба и такой зоркости. Герцен прямо назвал свой очерк «шуткой», Пушкин отметил, что его заметки писаны в «светлые минуты веселости», у Гоголя разница между Москвой и Петербургом выглядит так: «Она еще до сих пор русская борода, а он уже аккуратный немец. Как раскинулась, как расширилась старая Москва! Какая она нечесаная! Как сдвинулся, как вытянулся в струнку щеголь Петербург! Перед ним со всех сторон зеркала: там Нева, там Финский залив. Ему есть куда поглядеться. Как только заметит он на себе перышко или пушок, ту ж минуту его щелчком. Москва — старая домоседка, печет блины, глядит издали и слушает рассказ, не подымаясь с кресел, о том, что делается в свете».

Мало-помалу, однако, сквозь полушутливые зарисовки начинают проглядывать контрасты более серьезного свойства — сначала как бы вполне очевидные, а постепенно и такие, за которыми угадываются глубины национальной истории. На первый план выходит контраст западной ориентации Петербурга, «окна в Европу», и внутренней национальной ориентации Москвы. Об этом идет речь у всех перечисленных авторов, а Герцен, не в силах расстаться с юмористическим тоном, говорит, что в Москве, в отличие от Петербурга, «всякий день доказывают друг другу какую-нибудь полезную мысль, например, что Запад гниет, а Русь цветет». Но уже друг и долгое время единомышленник Герцена Т. Н.

Грановский видит ту же коллизию не с улыбкой, а во всей ее трагической диалектике:

Москва,
Прекрасна ты в одежде вековой,
Царица-мать земли моей родной.
Как гроб костей, ты дел былых полна;
Но где ж они, кем ты была сильна?
Державный град на севере стоит;
У ног его седое море спит;
Порой оно подьѐмлет голос свой
И берег бьет широкою волной.
Но дивный град стоит неодолим
И море вновь стихает перед ним.
Когда б взглянул на ряд гробов твоих,
На ветхий Кремль, на сонм церквей святых,
То со стыда в нерусскую Неву
Венчанную сокрыл бы он главу!
Прекрасна ты в одежде вековой,
Царица-мать земли моей родной.

Контраст Петербурга и Москвы осмыслен здесь как выражение трагического расхождения национальной традиции с принципом воли, организации, торжества над стихией, ассоциированным с «окном в Европу» — Петербургом. «Град на севере» осмыслен еще в кругу категорий и образов «Медного всадника» — бьющее в берег море, неодолимая сила державного града, вынужденная вновь погаснуть стихия составляют главную и фактически единственную тему северной столицы. Но введена она в новый контекст. Державная воля торжествует не только над московскими волнами, но и над родной стариной, торжествует с исторической необходимостью, ибо старина эта одновременно и родная, и прекрасная, и исчерпывается своим прошлым, былыми делами, спеленута своими вековыми одеждами.

Поэтому и историческое дело «державного града» необходимо и исчерпано одновременно. Распад классического принципа, составлявшего идеальную программу русской государственности петербургско-императорского периода, выражен здесь полно, ярко и трагически. Таково было ощущение времени 40-х годов XIX в., объединявшего людей самых разных убеждений. Оно отразилось и у западника Герцена («Москва и Петербург»), и в славянофильстве.

В 1844 г. появляется цикл стихотворений Н. М. Языкова («Константину Аксакову», «К не нашим», «К Чаадаеву»). Отношение к проблеме «Москва — Петербург» здесь высказано прямо и яростно альтернативно. Выказывая восхищение К. Аксаковым, Языков упрекает его в том, что он «дружелюбно подает руку» Грановскому:

Тому, кто нашу Русь злословит
И ненавидит всей душой,
И кто неметчине лукавой
Передался, — и вслед за ней,
За госпожою величавой,
Идет блистательный лакей...
А православную царицу,
А мать русских городов
Сменить на пышную блудницу
На Вавилонскую готов.

Стихи эти при жизни автора изданы не были, но широко расходились в литературной среде.

«Первое условие для освобождения в себе пленного чувства народности, — скажет И. С. Аксаков, — возненавидеть Петербург всем сердцем своим и всеми помыслами своими».

Несходство двух городов отразилось даже в пословицах. «Питер — кормило, Москва — корм. Питер

— голова, Москва — сердце. Москва создана веками, Питер — миллионами. Питер женится, Москва замуж идет».

Не остался в стороне и Н. А. Некрасов, отнесшись к диалогу двух столиц тоже с изрядной долей юмора:

Дружеская переписка Москвы с Петербургом Московское стихотворение

На дальнем севере, в гиперборейском крае,
Где солнце тусклое, показываясь в мае,
Скрывается опять до лета в сентябре,
Столица новая возникла при Петре.
Возникнув с помощью чухонского народа
Из топей и болот в каких-нибудь два года,
Она до наших дней с Россией не срослась:
В употреблении там гнусный рижский квас,
С немецким языком там перемешан русский,
И над обоими господствует французский,
А речи истинно народный оборот
Там редок столько же, как честный патриот!
Да, патриота там наищешься со свечкой:
Подбиться к сильному, прикинуться овечкой,
Местечка теплого добиться, и потом
Безбожно торговать и честью, и умом —
Таков там человек! (Но, впрочем, без сомненья,
Спешу оговорить, найдутся исключения.
Забота промысла о людях такова,
Что если где растет негодная трава,
Там есть и добрая: вот, например, Жуковский,
Хоть в Петербурге жил, но был с душой московской).
Театры и дворцы, Нева и корабли,
Несущие туда со всех концов земли
Затеи роскоши; музеи просвещения,
Музеи древностей — «все признаки ученья»

В том городе найдешь; нет одного: души!
Там высох человек, погрязнув в барыши,
Улыбка на устах, а на уме коварность:
Святого ничего — одна утилитарность!
Итак, друзья мои! клянусь тщеславный град!
Рыдаю и клянусь... Прогрессу он не рад.
В то время как Москва надеждами пылает,
Он погружается по-прежнему в разврат
И против гласности стишонки сочиняет!..

Одним из первых, кто обратил внимание на важную для страны и одновременно важную для понимания сущности двух городов проблему, был Белинский. «Петербург и Москва — две стороны, или лучше сказать, две односторонности, которые могут со временем образовать своим слиянием прекрасное и гармоничное целое».

Теперь мы видим, что Петербург и Москва на протяжении всей своей истории делали общее дело.

Один из наиболее своеобразных русских мыслителей середины XIX века В. Ф. Одоевский в созданной в 1830-х гг., но при жизни автора не публиковавшейся социальной утопии «4338» выдвинул идею об объединении двух городов в будущем. Описывая свой полет в Петербург на аэростате, герой повести, студент Главной Пекинской школы Ипполит Цунгиев сообщал другу в Пекин: «Что за город, любезный товарищ, что за великолепие, что за огромность! Пролетая через него, я верил старому преданию, что здесь некогда было два города, из которых один назывался Москвою, а другой собственно Петербургом, и они были отделены друг от друга едва ли не стеной. Действительно, в той части города, которая называется Московскою и где находятся величественные остатки древнего Кремля, есть в характере архитектуры что-то особенное».

Итоговые слова произнес Достоевский: «Россию вели Петербург и Москва».

В конце концов, дело ведь не в том, какой из городов, Москва или Петербург, «лучше» или «хуже» отразил дух русской культуры, а в том, что каждая из столиц, оставаясь по сути русской, выражала этот дух по-своему.

Величие и сила культуры любого народа в ее открытости, которая позволяет отбирать лучшее из культурного опыта других стран и передавать миру свое, неповторимое. И реально существовавшие и существующие различия между Петербургом и Москвой представляют собой факт многообразия отечественной культуры, далекой и от вселенского имперства, и от национальной замкнутости.

Как бы ни называли в пылу полемики Петербург немецким городом, как бы ни отрицали в его стиле, архитектуре, образе жизни русские корни, он — великая колыбель русской культуры во всех ее проявлениях.

Конечно, характер Петербурга в отличие от московского строгий, сдержанный. И таков стиль петербургской повседневности. В жизнь и быт горожан незаметно входят и сопровождают их осенний холодный воздух, дождь за окном, ранние сумерки, мосты в тумане, томление и беспокойство белых ночей. Но петербургский дождь — это отражение арок и колоннад в мокром асфальте. Сырой туман — это фантазмагория архитектурных громад, выплывающих из потока времени. Осенние листья — это томящая душу красота старых дворцовых парков с черными решетками и тонкими стволами деревьев. Белые ночи — это силуэты шпилей и куполов в бледном свете.

Конечно, в каких-то проявлениях повседневной жизни стиль города выражен ярче, а где-то он размыт, растворен. Так, например, его труднее почувствовать на вокзале, где волны приезжающих вливаются в город,

внося что-то иное в городской муравейник. Духа Петербурга не почувствуешь на больших рынках, в предместьях. Его нет в новых кварталах города, хотя в метро, в троллейбусах едут те же горожане.

Когда говорят о петербуржцах, имеют в виду не просто население, а особый тип горожанина, отличающийся от жителей других городов России некими своими качествами психологии, поведения, общения с другими людьми, вкусами, даже речью. А если внимательно взглядеться в собрание этих качеств, то вдруг поймешь, что они составляют приметы российского интеллигента.

В других европейских языках, между прочим, понятия *интеллигенция* вообще нет; наше слово образовано от французского *intelligence*, что означает совсем другое — ум, интеллект. Это понятие было у нас изобретено писателем П. Боборыкиным в XIX веке и вошло в обиход, чтобы обозначать некое специфическое, не известное другим странам и не существовавшее прежде в России социально-культурное явление. «Русская интеллигенция, — отмечал известный философ Н. Бердяев, — есть совсем особое, лишь в России существующее, духовно-социальное образование, и возникла она в XVIII веке в результате дела Петра».

Когда В. Ленин определял интеллигенцию по ее месту в общественном разделении труда, он говорил, что «она охватывает всех образованных людей, представителей умственного труда». Здесь Ленин рассуждал как социолог. Между тем, интеллигенция — явление культурологическое, а не социологическое. Это хорошо видно на примере Петербурга.

Самыми заметными хранителями петербургского стиля в повседневной жизни традиционно остаются пожилые горожане. Их сдержанность, неспешность — это не столько старость, это внимательность к жизни, к

ее мгновеньям и полутонам. Не потому ли так красивы их лица, глаза? Очень разные лица, но в них есть нечто общее — отраженный город. Эти люди отмечены удивительным достоинством. Как часто именно пожилые горожане сохраняют чувство юмора, горькую иронию, доброту, умение сопереживать, удивляться, радоваться.

Петербургские черты обыденной жизни, обстановка квартир, занятия — у всех горожан различны. Особенно сейчас, когда расслоение в обществе идет полным ходом. Но повседневность петербургского школьника, студента, профессора, служащего, рабочего, бизнесмена при всей различности образа жизни объединена пространством города и в большей или меньшей степени ориентирована на культурные ценности северной столицы.

Главная черта петербуржца — развитое эстетическое чувство, особая роль требования вкуса во всех сферах жизни горожан. Это свойство было сформировано средой — архитектурной и природной, бытовой и духовной, речевой и художественной. Высокий эстетический потенциал, развиваясь на протяжении всего XVIII века, развернулся в полную силу в пушкинскую пору петербургской истории и культуры и, при всем драматизме последующей эволюции, сохранялся и даже достиг определенных высот в XX веке.

Этот город удивительно властен над своими детьми. Как для героев «Белых ночей» Достоевского, он остается их любовью, мучением, их другом и собеседником.

Петербургский поэт Иосиф Бродский, еще совсем юный, обращаясь к своему городу, написал такие строки:

Все умолкнет вокруг.

Только черный буксир закричит
посредине реки,
исступленно борясь с темнотою,
и летящая ночь
эту бедную жизнь обручит
с красотой твоей
и с посмертной моей правотою.

Наш знаменитый историк Н. М. Карамзин считал Петербург городом, выросшим из блестящей ошибки Петра. А Достоевский называл его самым отвлеченным и умышленным.

Да, Петербург — это реальность и мираж. И еще это один из самых удивительных городов на свете.

У города менялись названия и правители, а он возвращал людей, готовых своими немощными, истерзанными голодом и холодом телами защищать его до последнего дыхания... Их было немного, всего несколько человек, но они пришли сюда, на Мойку, под окна пушкинского дома, в морозный январский день 1942 года, самого страшного в истории города года, и потрескавшимися губами произнесли слова лучезарного мифа:

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия!

ГЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ ПЕТЕРБУРГА

...Из тьмы лесов, из топи блат...

А. Пушкин

Около 12 000 лет назад территория Петербурга и его окрестностей освободилась от мощного ледяного покрова. В течение нескольких сотен тысяч лет ледяной

панцирь толщиной до 2 000 м и более лежал на обширнейших пространствах великой Русской равнины. Возникнув в начале четвертичного периода истории земной коры, т. е. около миллиона лет назад, на горах Скандинавского полуострова, Новой Земли и полярного Урала, лед при наступившем большом охлаждении земного климата стал сползать на прилежащие равнины Европы, продвигаясь все дальше и дальше на юг. Во времена наибольшего похолодания ледяной покров распространился двумя грандиозными языками по днепровской низине до теперешнего местоположения Днепропетровска, а по донской — почти до Усть-Медведицы. Ледяной поток обошел Среднерусскую возвышенность, поднимающуюся над уровнем моря до 300 м. Толщина ледяного покрова в районе Петербурга превышала 1 000 м. Заметим, кстати, что в настоящее время в Гренландии толщина ледяного щита равна 2 000 м и даже 3 000 м.

Потепление земного климата привело к таянью льда, и он начал отступать на север, откуда пришел. При этом на равнинах, испытавших оледенение, оставались массы песков и глин, набитых валунами различных кристаллических пород, например гранитов, гнейсов и др. Они были занесены надвигавшимся льдом со скандинавских, новоземельских и полярноуральских скал. У Вырицы, Павловска, Тосно, Сестрорецка и других окрестностей Петербурга лежит множество ледниковых валунов, иногда размером в несколько десятков кубических метров и весом в несколько тонн. Один из таких гранитных валунов, занесенных на берег Финского залива, был использован в качестве пьедестала для Медного всадника — знаменитого памятника Петру I. Водные потоки не могли принести подобные громады камня. Они могли быть оторваны от скал и передвинуты на многие десятки и сотни километров грандиозными движущимися массами льда.

Граниты и гнейсы, из которых состоит большинство валунов, являются горными породами, чуждыми для местностей близ Петербурга. Здесь развиты пески, глины, известняки. Граниты же и гнейсы слагают горы Скандинавского полуострова, вместе с Кольским и Карелией. Примечательно, что ледниковые валуны и морены в окрестностях Петербурга выстилают и пониженные и возвышенные места. Они, например, лежат в Приневской низменности, а также на Парголовских высотах, ограничивающих ее с севера, и на плато, которое обрамляет ее с юга, где расположены Павловск, Пушкин, Тосно, Саблино, Мга. Это свидетельствует, что Приневская низменность существовала уже в доледниковые времена. Но на ее территории, протянувшейся от Ладожского озера до Финского залива, валуны и морены покрыты образовавшимися позже горными породами озерного и морского происхождения. Это ясно выраженные слоистые зернистые и светлые пески и тонкие, сизого цвета, глины. В них можно найти остатки диатомовых водорослей, рыб, морских и озерных моллюсков. Изучение таких остатков растений и животных дает возможность с большой точностью восстановить ту природную обстановку, которая была на территории всей Приневской низменности в различные послеледниковые времена. Выяснено, что здесь существовало несколько сменявших друг друга озерных и морских водоемов. Теперь стало известно, какой характер имели эти водные бассейны, где они распространялись и какие причины вызвали уничтожение одного и появление другого.

Морена — **скопление обломков горных пород, образуемое передвижением ледников.**

Сначала перед краем отступавшего ледника возникло большое приледниковое озеро, воды его были подпружены ледником. В этом озере отлагались

ленточные глины. Каждая отдельная лента состоит из слоя тонкого песка, отлагавшегося летом, и слоя глины, оседавшей зимой, когда поверхность озера покрывалась льдом. Летний и зимний слои вместе слагают ленту, отвечающую, следовательно, годовому отложению.

Подсчитав число годовых лент во всей толще ленточных глин, можно определить, за сколько лет образовалась вся эта толща. Так как приледниковое озеро продвигалось вслед за отступавшим ледником, то на оставляемую ледником морену откладывались все более и более новые ленты. Подсчет последних показал, что ледник в окрестностях Петербурга существовал 12 000 лет назад; отступление ледника совершалось со скоростью 450 м в год. Приледниковое озеро не было безжизненным: в нем обитали сиги, сомы, кости которых обнаружены в ленточных глинах под Петербургом.

Приледниковое озеро сменилось морским бассейном, пришедшим со стороны Белого моря. Этот морской бассейн назван по имени встречающегося в его отложениях моллюска иольдиа арктика — Первым Иольдиевым морем. Иольдиевый бассейн существовал в Приневской низменности около 11 000 лет назад. Южным берегом его было то плато, о котором говорилось выше. Оно обрывается к низменности крутым уступом, или, как его называют, глинтом, который тянется от южных берегов Ладожского озера до Финского залива. Образован он прибоем волн Иольдиевого моря и представляет древнюю береговую линию. Линия этого берега идет южнее Петергофа. На севере берегом Иольдиевого водоема были юккские и токовские высоты, протянувшиеся от северных берегов Ладожского озера до северных берегов Финского залива. Во время наиболее высокого стояния уровня Иольдиевого моря, достигавшего 40—55 м, токовские,

колтушевские и юккские высоты представляли архипелаг островов.

На дно Иольдиевого моря осели зернистые, иногда правильнослоистые, иногда косослоистые пески. В них находят остатки таких диатомовых водорослей, которые могли жить только в холодной и соленой воде. Само название моря по имени иольдиа арктика показывает, что этот моллюск — житель холодных, арктических вод. Иольдиа и теперь обитает в Баренцевом и Белом морях. Осадки, содержащие ее раковины, ясно говорят, что отложившие их воды приходили с севера, из Арктики, в частности из Белого моря. Холодные воды и образовали Иольдиевый морской бассейн. Он представлял, как видим, большой морской пролив, тянувшийся от Белого моря через Ладожское озеро, покрывавший Приневскую низменность и сливавшийся с Финским заливом и восточной частью Балтийского моря.

Поклонная гора, что находится в северной части Петербурга, на Выборгском шоссе, образована песками, отложенными в приледниковом озере. В разрезах горы можно видеть, что внизу, под песками, лежат ледниковые гранитные и гнейсовые валуны. Пески же представляют собой чередование правильнослоистых мелкозернистых песков с косослоистыми, более крупнозернистыми. В самом верху разреза наблюдается слой гравия с галечником. Такой характер залегания осадков позволяет историкам земли — геологам узнавать о колебаниях уровня воды. Правильная слоистость говорит о спокойном состоянии уровня моря и сравнительно далеком расположении берега. Он проходил у подножия юккских и токовских высот.

Санкт-Петербург с его пригородами расположен на Приневской низменности, окаймленной с севера Парголовской, с юга Пулковской и Дудергофской, а с востока Колтушской возвышенностями.

Косая, неправильная слоистость говорит о волнениях, поднимавших воду со дна и постоянно перемешивавших осевшие слойки песка. Такое явление обычно на мелкоморье, в непосредственной близости берега, в полосе прибоя. Правильная и косая слоистости в разрезе Поклонной горы чередуются несколько раз, что свидетельствует о неоднократном колебании уровня приледникового озера. Это то расширяло его площадь, то суживало.

Наконец, верхний, гравийно-галечный слой говорит о сильном обмелении приледникового озера и его последующем исчезновении.

Высота Поклонной горы — около 42 м. Это означает, что уровень приледникового озера был намного выше уровня современного Балтийского моря. Местность невской низины, лежащая ниже 42 м, затоплялась еще и водами Иольдиевого моря. В нем отложились светлые правильно- и косослоистые пески с остатками определенного типа диатомовых водорослей. Исаакиевский собор достигает 101 м высоты, то есть третья часть его затоплялась бы холодными водами Иольдиевого моря.

Отступая и сокращаясь под влиянием поднятия местности, Иольдиевое море сменилось новым водоемом — Балтийским ледниковым озером. Балтийским оно названо потому, что лежало во впадине Балтийского моря, а ледниковым — благодаря наличию в его осадках остатков полярной растительности. Осадки Балтийского ледникового озера представлены песками и глинами, в которых удается находить пресноводные водоросли. Это доказывает, что Балтийское ледниковое озеро было закрытым пресным озером и не сообщалось с океаном.

В конце существования Балтийского озера морские воды снова прорвались в Балтийскую впадину, но на этот раз они шли уже с запада, через южную Швецию.

Здесь отложились пески и глины, и опять с раковинной иольдиа арктика. Этот морской бассейн и назван Вторым Иольдиевым морем. Уровень его в окрестностях Петербурга лежал ниже уровня Финского залива. Восточнее Петербурга это море не заходило.

Последовавшее затем поднятие всего Скандинавско-Финского массива перервало связь с Атлантикой Второго Иольдиевого моря через среднюю Швецию. Воды его, будучи отрезаны от океана, постепенно стали пресными и превратились в пресное замкнутое озеро, получившее название Анцилового озера, по имени встречающегося в его осадках пресноводного моллюска анцилюс флювиатилис. Уровень Анцилового бассейна был ниже уровня океана. В Кронштадте торфяник времен этого озера найден на глубине 6 м ниже уровня моря. Он содержит остатки болотных и древесных растений умеренного климата. Это указывает на то, что время холодного климата Иольдиевого моря к этому моменту уже кончилось.

Анциловое озеро существовало от 9 800 до 7 500 лет назад. Соединения Ладожского озера с Финским заливом в то время не существовало. Восточный берег Анцилового озера, проходил в районе Кронштадта, и площадь его была очень малой, занимая лишь небольшую часть Финского залива и Балтийского моря. Река Тосна, принимавшая притоки Ижору и Славянку, впадала в Анциловое озеро за Кронштадтом.

В конце анцилового времени на юго-западе Балтики произошло отделение Датского полуострова от южной Швеции и образовались проливы Большой и Малый Бельты. Воды из Северного моря хлынули через эти проливы в Анциловое озеро, превратив замкнутый озерный водоем в Литориновое море. В него проникли фауна и флора, обитающие в слабосоленой воде. Наряду с соответствующими диатомеями и другими организмами особенно отметим моллюска литорина

литореа. Этот моллюск и в настоящее время живет в мелких прибрежных угорских водах, сильно опресняемых стекающими с суши реками. Такое обстоятельство дает нам возможность понять и восстановить характер древнего Литоринового моря, бывшего некогда на месте Балтийского моря, Финского залива и материка, на котором теперь находится Петербург.

На дно Литоринового моря осели зернистые пески, часто косослоистые. В южной части Карельского перешейка литориновые отложения наблюдаются на северном берегу Финского залива, на высотах до 10—112 м, а на южном—до 5—7 м над уровнем современной Балтики. Это указывает на то, что Литориновое море покрывало площадь значительно большую, чем Анцилово озеро во время его высокого стояния. Местность, на которой теперь расположен Петербург, почти вся была затоплена водами Литоринового моря. Оно неширокой полосой шло на восток по невской низине до того места, где ныне находится устье реки Тосны. Разливаясь, литориновые воды проникли в Ладожское озеро по низинным местам Карельского перешейка, образовав между Выборгом и Кексгольмом пролив, который имел до 1 км ширины и до 15 м глубины.

Исключительно отчетливый береговой уступ, выбитый волнами Литоринового моря, можно наблюдать по Выборгокому шоссе и далее на запад, в южной части Удельнинского парка.

Санкт-Петербург находится на восточной оконечности Финского залива, его координаты: 59 ° 57 ' северной широты и 30 ° 19 ' восточной долготы от Гринвича.

Литориновое море существовало 7 500—4 000 лет назад. Тогда в Ладожском озере произошли

примечательные события, в результате которых появилась река Нева. Но об этом попозже.

Итак, на месте Петербурга и его ближайших окрестностей были сменявшие друг друга морские и пресные водоемы: Иольдиевые моря, Анцилово озеро и Литориновое море. Они оставили после себя неизгладимые следы. Кроме песков и глин с остатками названных выше растений и животных, отложившихся в перечисленных водоемах, об их существовании говорят и следы, оставшиеся на земной поверхности. Выше мы упоминали о береговых линиях и уступах. Несмотря на уравнивание в течение двух с половиной столетий улиц Петербурга, эти следы геологической истории местности остались до наших дней.

* * *

Часть Петербурга расположена на островах — Васильевском, Петроградском, Петровском, Крестовском, Каменном, Елагине, Гутуевском. На материке лежит главная часть города.

Островные районы Петербурга, примыкающие к дельте Невы, возвышаются над уровнем моря на 2—3 м, а лежащие ближе к морю опускаются до 1 м и ниже. Понятно, что даже при небольшом поднятии воды в Финском заливе и в дельте Невы от нагонных западных ветров островная часть Петербурга подвергается затоплению или оказывается под его угрозой.

Материковая часть Петербурга имеет более сложное устройство поверхности, более разнообразный рельеф, Местности, прилегающие к Адмиралтейству, а также расположенные между правым берегом Невы и Б. Сампсоньевским проспектом, Новая деревня и вся местность вплоть до Коломяг не отличаются по высоте от островов. Остальная обширная площадь, на которой расположены основные и главные части Петербурга, имеет довольно разнообразное строение поверхности.

Здесь дугообразно по отношению к островной части тянутся валы, уступы, которые не поддались уничтожению, несмотря на неустанную работу труженика-человека, в течение 250 лет приспособивавшего природный рельеф к прокладке улиц, площадей. Эти валы и уступы представляют береговые линии бывших здесь Литоринового моря и Иольдиевого морского залива.

Весь Невский проспект и значительная часть близлежащей территории расположены на равнинной площади, поднимающейся на 4—6 м над уровнем моря. С востока эта площадь ограничена уступом, который отчетливо виден у концертного зала на Греческой площади, на Кузнечном переулке и на Ивановской улице, недалеко от места пересечения Боровой. Высота этого уступа равна 5—8 м над уровнем моря. Если пройти по городу, то можно заметить, что эта площадь имеет выпуклую поверхность и представляет в юго-западной части города как бы гряды около 1,5—2 км ширины. Она постепенно суживается к северо-востоку: у Московского вокзала — до 1 км, а между Кавалергардской улицей и Смольным проспектом выходит клином. Высота гряды также неодинакова: в юго-западной части города — до 7 м, под Московским вокзалом и возле концертного зала — 8 м, на северо-востоке—снова около 7 м. Вся гряда сложена желтым песком, галькой и остатками водных растений — диатомей. Они могли обитать в морской воде, более соленой, чем вода Финского залива в настоящее время. Выяснилось, что желтый песок с диатомеями отложился на дне Литоринового моря. Несколько десятков лет назад, когда эта часть города еще не была так благоустроена, как теперь, обилие песка в грунте сказывалось настолько, что вся местность называлась «Пески».

К северу от Невы береговая линия Литоринового моря в виде уступа пролегает от Пороховых вдоль Уманского переуллка, к пересечению Пискаревского проспекта Полюстровским проспектом, затем вдоль последнего идет в парк Лесного института, отсюда пересекает Выборгское шоссе и около Железнодорожной улицы уходит в Удельнинский парк, где она выражена вполне отчетливо.

Здесь же, в северной части города, имеется второй, очень резко выделяющийся уступ. Он идет от Сосновки на северо-запад, параллельно проспекту Тореза, улице Рылеева и проспекту Непокоренных, образует обрыв Поклонной горы на Выборгском шоссе и с небольшими перерывами прослеживается через Озерки, Шувалово, Парголово. В южной части города наблюдается продолжение этого же уступа — на Меншиковском проспекте с высотой в 20 м над уровнем моря, а на Алексеевских — до 23 м. Как показали исследования геологов, этот уступ — береговая линия Балтийского ледникового озера во времена его наиболее высокого стояния.

Пространства между уступами, т. е. берегами заливавших некогда территорию Петербурга морей, представляют, следовательно, их дно. В результате последовательного понижения уровней Балтийского ледникового, Иольдиевого, Анцилового и Литоринового морей появились обширные террасы, ступенчато нисходящие к уровню современного Балтийского моря.

Из крупнейших городов мира □ Санкт-Петербург ближайший к Северному полюсу. Он находится на одной широте с сеерной частью Камчатки и южной частью Аляски и лишь на 2 □ южнее Якутска.

Летописи сохранили нам известия о каких-то страшных геологических катастрофах, происходивших на берегах Балтийского моря в VIII—XII веках.

«В лето 6738 (по нынешнему летоисчислению, в 1230 г.) тресся земля по Велице дни (т. е. после Пасхи) в пяток на 5 недели в обед, а иные отобедали», — так отмечает очевидец в новгородской летописи. В той же летописи под 1176 годом отмечено, что «река Волхов в это лето в течение пяти дней шла «на взвод», т. е., имела обратное течение. Землетрясение отмечалось летописцами несколько раньше, например в 1107 г., читаем: «стресся земля месяца февраля в 5 день».

Конечно, как-то странно читать в наше время о землетрясениях в Петербурге и его окрестностях. Но, с одной стороны, точность, с которой летописец означает время землетрясения, заставляет его доверять, а, с другой стороны, у нас имеются сведения о землетрясении, бывшем в Петербурге гораздо позднее, в начале XIX в. Правда, оно было едва заметно. Но землетрясение в VIII—XII веках могло, возможно, вызвать не только громадное наводнение, но и общий подъем этой местности, вследствие чего должно было произойти некоторое спадение вод Ладожского озера и образование нынешнего русла Невы.

Если летописцы и другие источники говорят нам, что происхождение и нынешнего русла, и нынешнего устья Невы нужно отнести к VIII—X векам, то точно такие же результаты получаются и от географических и геологических наблюдений.

А в итоге выходит, что Петербург стоит на слое из песка, торфа и липучей глины, под ним - спрессованная глина кембрийского периода, которая, в свою очередь, покоится на кристаллическом фундаменте древнейших пород, образовавшихся около 500 миллионов лет назад.

НЕВА

Нева металась, как больной
В своей постели беспокойной.

А. Пушкин

Река Нева представляет большой интерес с геологической точки зрения, хотя сравнительно молода — ей не более 4 000 лет. Она значительно моложе рек Охты и Тосны, протекающих там же. Человек, несомненно, был свидетелем образования и формирования реки Невы и ее дельты.

Соединяя Ладожское озеро с Финским заливом, Нева прорезает Петербург на протяжении 32 км ($\frac{2}{5}$ всей длины), образуя ряд ответвлений, из которых главными являются Большая и Малая Нева, Большая, Средняя и Малая Невки. Кроме этого Нева образует в своей дельте еще ряд более мелких протоков — Фонтанку, Мойку, Карповку, Смоленку, Пряжку и Екатерингофку. Устье Невы — створ против Невских ворот морского торгового порта. Нева — естественный канал с очень своеобразным, отличным от обычных рек режимом. А ряд каналов — Грибоедова, Крюков, Обводный и другие — дополняют водную систему Петербурга. В черте города в Неву впадают несколько речек: Охта, Черная и др. Все это образует около сотни плоских и низменных островов.

Самое узкое место реки — Ивановские пороги: 210 м. Причем, самих Ивановских порогов уже нет, сохранилось только название. Самое широкое — у Невских ворот (1250 м). Средняя высота берегов 6-9 м, с приближением к устью они понижаются до 2-2,5 м. Наивысшая точка — Преображенская гора — 40 м.

Скорость течения в отдельных частях Невы различна: от 3,5 до 4,5 км в час. При впадении ее в Финский залив происходит резкое снижение скорости движения воды, из-за чего илистые частички, которые несут невисские воды, осаждаются на дно и образуют на

взморье обширные отмели, делающие невозможным проход в устье Невы судов со значительной осадкой.

Из-за скорости течения Нева не замерзает до тех пор, пока ее не затрет озерным ладожским льдом. Средняя продолжительность периода, когда Нева свободна от льда и пригодна для судоходства, всего 218 дней в году.

О невском ледоходе весьма образно сказал Николай Гумилев:

Уж одевались острова
Весенней зеленью прозрачной,
Но нет, изменчива Нева,
Ей так легко стать снова мрачной.

Взойди на мост, склони свой взгляд:
Там льдины прыгают по льдинам,
Зеленые, как медный яд,
С ужасным шелестом змеиным.

Географу, в час трудных снов,
Такие тяготят сознание —
Неведомых материков
Мучительные очертанья.

Так пахнут сыростью гриба,
И неуверенно, и слабо,
Те потайные погреба,
Где труп зарыт и бродят жабы.

Река больна, река в бреду.
Одни, уверены в победе,
В зоологическом саду
Довольны белые медведи.

И знают, что один обман —

Их тягостное заточенье:
Сам Ледовитый океан
Идет на их освобожденье.

Обычно Нева освобождается от льда за 4-5 дней, и столько же остается чистой. Потом в нее входит лед Ладожского озера и идет 8-12 дней, проходя от Ладоги до Петропавловской крепости за 16-18 часов. Невский весенний ледоход длится около трех недель. Бывают, впрочем, и исключения. Так, в 1954 г., например, лед шел по Неве более месяца.

При Петре I была даже особая церемония при замерзании и вскрытии Невы. Замерзание возвещалось жителям через одного из придворных шутов барабанным боем. Он же был обязан прежде всех перейти по льду в каком-нибудь странном наряде, в сопровождении своих товарищей, из которых один нес холщовое знамя, а другие следовали с лопатами, веревками и крючьями. О вскрытии Невы возвещалось тремя пушечными выстрелами из Петропавловской крепости, и первым переезжал Неву сам царь или в его отсутствие генерал-адмирал.

Адмирал — воинское звание в военно-морских силах. Введено Петром I. Первым адмиралом у нас был Ф. Лефорт, хотя в потешном морском походе 1694 г. адмиралом числился Ф. Ю. Ромодановский. Соответствует званию генерал-полковника. В России существуют: контр-адмирал, вице-адмирал, адмирал, адмирал флота.

Длина Невы — 74 км; по прямому пути от истоков Невы до ее устья — 43,74 км; протяжение же всего течения равно 67,20 км. Исток лежит на высоте 5,5 м над уровнем моря.

Каждую секунду Нева выбрасывает в море в среднем 2540 кубических метров воды. Она проносит воды как Днепр и Дон вместе взятые.

Поэт Александр Прокофьев пишет о Неве:

Главные приметы расскажу:

Голубая, небольшого роста

И, судя по ярости, вдова.

«Добрый день! — я говорю ей просто,—

Добрый день, широкая Нева!»

На реке почти нет обычной водной растительности, только у Невской губы на отмелях растет камыш и тростник.

Из Ладожского озера в Финский залив Невой проходят щука, окунь, плотва, ерш, лещ, судак, салака, корюшка.

В Неву впадают 26 рек и ручьев. Самые большие речки: Черная (30 км), Мойка (27 км), Мга (77 км), Тосна (118 км), Ижора (65 км), Славянка (39 км) и Большая Охта (93 км). Из маленьких речек можно вспомнить Волковку, Утку, Мурзинку, Черную речку.

Дельта Невы обширна и равна 51 281 419 м². Ранее здесь было более 100 больших и малых островов, разделенных протоками Невы. Теперь их 42.

Как уже было сказано, территория, на которой теперь расположен Петербург, долгое время находилась во власти морских стихий. Было время, когда Ладожское озеро и Финский залив представляли одно целое. Невская низменность сплошь покрывалась морской водой. Ее теперешние притоки—Славянка, Ижора, Тосна, Мга — были самостоятельными реками и впадали в Иольдиевое море и, наконец, в Литориновое море. Во времена существования Анцилового озера, доходившего только до Кронштадта, Ладожское озеро отделилось от общего водоема. Реки Невы тогда еще не существовало, и на ее месте текла река Тосна по морскому каналу до Кронштадта, где и размещалась ее

дельта. Река Мга тогда направила свои воды за отходившим Ладожским озером и тоже проложила речную долину, в которой теперь течет верхняя часть Невы.

Таким образом, современная долина Невы состоит из двух частей, бывших долинами рек Тосны и Мги. Эти две долины были потом соединены при событиях, происшедших в эпоху Литоринового моря. Распространяясь с запада, это море нешироким заливом вдалось далеко на восток по Приневской низине. Однако до Ладожского озера оно не дошло. Тогда река Тосна впадала в Литориновое море, по существу представлявшее морской залив, а Мга, — по-прежнему в Ладожское озеро, уровень которого был на 17—18 м выше Литоринового моря. Рано или поздно воды Ладожского озера должны были прорваться в соседний водоем с более низким уровнем. Этому прорыву способствовало еще и то обстоятельство, что северо-восточная часть Ладожского озера была расположена в области медленного поднятия земной коры. Под его влиянием огромная масса ладожских вод начала скатываться на юго-запад, и они, затопив устьевую часть долины реки Мги, прорвались в Приневскую низину, попав в ложе, ранее устроенное рекой Тосной. После этого прорыва возник речной канал — пролив, соединивший Ладожское озеро с Литориновым морем. С тех пор Тосна и Мга стали впадать в этот пролив, который и представляет долину Невы.

Прорыв вод совершился катастрофически. В месте прорыва до сих пор в русле Невы находятся пороги. Это Пелльские пороги, что лежат в 40 км от Петербурга.

**Я страдала, страданула,
С моста в Невку сиганула,
Из-за Котьки-дьявола
Два часа проплавала.**

Из городского фольклора.

Окруженные водой, покрытые столетними дубами, липами, кленами, тополями, ветлами, елями и соснами, манят к себе во всякое время года невские острова.

А дельта Невы богата островами. Первым из них, лежащим на пути из Невы в Финский залив, предстает Петроградский. Он омывается Большой Невой, Малой Невой, Кронверкским проливом, Большой и Малой Невкой и рекой Ждановкой. Поверхность Петроградского острова совершенно ровная. Его площадь 5,7 км². Наиболее высокая часть острова совпадает с Большим проспектом.

Отделяясь от Петроградского острова рекой Карповкой, севернее лежит Аптекарский остров, поднимающийся над уровнем от 0,76 м до 2 м 13 см. Площадь его около 200 га.

К северо-западу расположен такой же низкий Каменный остров, омываемый Большой, Малой и Средней Невкой и рекой Крестовкой. Его площадь 10,6 км².

На юго-запад от Петроградского острова находится Петровский — между Малой Невой, Малой Невкой и Ждановкой.

На запад от Каменного мы видим Елагин остров (0,94 км²), который омывается водами Большой и Средней Невки. Южнее лежит Крестовский остров (ок. 4,2 км²) — между Большой и Средней Невкой и Кронштадтской губой.

Еще полвека назад в устьях Малой Невы и Малой Невки, среди обширной отмели, незаметно поднимался остров Вольный. Он был так низок, что часть его большую половину года бывала покрыта водой. Намыванием он объединен с островом Декабристов и северной частью Васильевского острова.

Самым крупным островом невиской дельты является Васильевский (10,9 км²), омываемый Большой и Малой Невой, речкой Черной (Смоленской) и Кронштадтской губой, причем наиболее высокая часть лежит между Большим и Средним проспектами. Отсюда идет постепенное понижение местности во все стороны с незаметным переходом западнее Смоленского кладбища в болото, лежащее почти на уровне воды невиского устья.

Речка Черная отделяет от Васильевского острова остров Декабристов (ок. 4,1 км²), с которым сливаются теперь маленькие островки Жадимировский, Кашеварова и Гоноропуло. Остров Декабристов едва возвышался над водой—до 1,5 м. Теперь он значительно поднят искусственными насыпями земли. В устье Малой Невы когда-то лежали незначительные острова: Пеньковый буян, Ватный, Сальный буян и один — не имеющий названия, но теперь они присоединены к более крепким участкам суши.

В устье Большой Невы находится Гутуевский остров (3 км²) и на запад от него—Канонерский. Последний при строительстве Морского канала удлинен к северу и к югу, спрямлен его восточный берег. На юге остров переходит в дамбу. Нынешняя площадь острова 0,9 км².

**Если невиской дать воды
Выпить организму,
Не придется никогда
Больше ставить клизму.**

Из городского фольклора.

Сравнивая площади островов невиской дельты по планам, изготовленным в разные годы, обычно приходили к заключению, что эти острова растут, увеличивая дельту и продвигая ее все дальше в Кронштадтский залив. Сопоставление планов 1718,

1738, 1777, 1828 и 1864 гг. показало, что за 146 лет прирост островов невской дельты составил 6 319 806 м², или 43 286 м² в год. Если допустить, что на такую величину острова увеличивались и раньше, то их общая площадь, равнявшаяся в 1864 г. 38 443 036 м², могла возникнуть в течение 888,8 года (38 443 036 м²: 43 286 м² = 888,8). В круглых цифрах, около 1000 лет назад (978,8 года) островов невской дельты не существовало.

Острова Санкт-Петербурга. На правом берегу Невы: Петроградский, Заячий, Кронверкский, Аптекарский, Крестовский, Каменный, Елагин, Петровский, Северный, Декабристов, Васильевский. На левом берегу Невы: Адмиралтейский, Ново-Адмиралтейский, Новая Голландия, Матисов, Коломенский, Казанский, Спасский, Покровский, Канонерский, Гутуевский, Белый, Кривая Дамба, Монастырский, Дамба Гребенка, Екатерингофский.

За дельтой Невы расстилается обширное водное пространство до острова Котлин, на котором сооружен Кронштадт. Это пространство называют Кронштадтской, или Невской, губой. Площадь ее равна 325 127 286 м², что в восемь раз больше невской дельты. Наибольшая глубина ее — 6,7 м, средняя — около 3,5 м. Объем воды в Кронштадтской губе при обычном уровне равен 1 152 403 152 м³. С некоторым приближением установлено, что водная площадь Кронштадтской губы, вследствие выносов в нее из рек песка и продвижения невской дельты, ежегодно уменьшается на 97 902 м². Если допустить, что это уменьшение будет идти так же и впредь, то для полного ее занесения песком понадобится около 3 230 лет; при этом ежегодно должно осаждаться около 347 107 м³ наноса. В сделанных расчетах были исключены

колебания земной коры и изменения рельефа человеком.

В 1911 г. была произведена новая топографическая съемка Петербурга, внесшая ряд исправлений в старые планы. С. А. Яковлев, пересчитавший по данным новой съемки площади некоторых островов, обнаружил, что за 47 лет (1864—1911) они почти не увеличились, а некоторые даже уменьшились. Например, Васильевский остров с 1777 по 1828 г., т. е. за 50 лет, увеличился на 5,8 % площади, а с 1864 по 1911 г., т. е. за 47 лет, всего только на 0,8 %. Площадь островов Голодай, Жадимировского, Гоноропуло, Кашеварова, по данным съемки 1864 г., возросла почти в 2,5 раза. По данным же съемки 1911 г.—все вместе они дали прирост площади в 0,6 %, а территория Петровского и Крестовского островов уменьшилась: у первого—на 4 %, у второго— на 0,19 %.

Но река Нева давно перестала быть просто рекой, как и Петербург — не просто город. Она с годами претворилась в некий высокий символический образ. Об этом в середине прошлого века сказано так:

Давно стихами говорит Нева.
Страницей Гоголя ложится Невский.
Весь Летний сад — Онегина глава.
О Блоке вспоминают острова,
А по Разъезжей бродит Достоевский.

ДРЕВНИЙ МИР НЕВСКОЙ ЗЕМЛИ

Сердце бьется ровно, мерно,
Что мне долгие года!
Ведь под аркой на Галерной
Наши тени навсегда.

А. Ахматова

Северное побережье Невской губы и Финского залива было заселено в глубокой древности.

Ближайшие окрестности Петербурга таят в себе следы культуры каменного века. Следы эти, кроме неолитической стоянки в Разливе, относятся к 800-2 000 гг. до н. э. Стоянка в Разливе самая древняя и может быть датирована IV в. до н. э. Не менее обитаем был этот край и в более позднее время, о чем говорят сестрорецкие курганы X-XIII вв., котелок с монетами, вырытый в Галерной гавани в 1797 г., и большой клад арабских монет IX-X вв., найденный на территории Васильевского острова в 1809 г.

Вот как описывала эту находку тогдашняя газета: «Крестьянин г-жи Бестужевой в 12 верстах от устья Волхова увидел однажды, что дерево, к которому он привязывал свой челнок, вырвано бурей; желая прикрепить челн к корням дерева, он заметил, что земля под ним подмыта и унесена волнами; вглядываясь, он поражен был изумлением, увидев вдруг множество серебряных монет; при осмотре он увидел, что здесь была закопана бочка денег и дерево посажено над ней как знак для отыскания. Дважды должен был крестьянин возвращаться на своей ладье для перевозки клада в деревню. Скоро о находке проведала земская полиция и помещица. Крестьянин должен был часть возвратить, и отдал семь пудов серебра, оставив, вероятно, при себе большее количество, потому что через несколько лет выкупился сам и, выкупив семью, переехал в Тихвин, купил там дом и завел торговлю. Клад этот, к сожалению, перешел в плавильные горшки».

При прокладке в 1878 г. Ладожского канала археолог-любитель А. А. Иностранцев обнаружил в земле большое количество человеческих черепов, лодок, каменных топоров, молотков, посуды и разной

домашней утвари. По этим находкам он восстановил как облик населявших 4 000 лет назад ладожское побережье и невскую низину людей, так и их занятия и быт.

Южное побережье Ладожского озера от истоков Невы, т. е. от Петрокрепости (Шлиссельбурга) до устья реки Свири представляет собой низменную песчаную полосу; лишь местами тянется гряда валунов, иногда вдающихся в озеро. Вот это-то побережье и было местом обитания доисторического человека, о чем свидетельствовали вырытые при строительстве канала человеческие кости, части орудий, его труда и жизнедеятельности, а также следы растений и животных тех отдаленных от нас времен. Разрытые каналом слоистые пески содержали прослой торфа и так много следов человеческой жизни в этих местах, что всю толщу песков можно назвать, как это принято, культурными слоями.

Особенности геологического строения южного побережья Ладожского озера показывают, что со времени образования культурных слоев здесь произошли значительные изменения. Нахождение на глубине нескольких метров от поверхности земли погребенного лесного торфа и деревьев с толщиной стволов иногда до 1,5 м говорит о том, что в то время, когда у самого побережья жил доисторический человек, уровень Ладожского озера был много ниже современного. Затем началось медленное повышение уровня воды в озере, и берега стали постепенно затопляться. Деревья подмывались и падали на мелководное побережье, заносились песками. Так здесь был погребен и слой лесного торфа, лежащий на месте своего образования. Уровень озера повысился не менее чем на 12 м.

Изучение остатков растений показали что здесь произрастали василистник, лютик, малина, костяника,

сабельник, поручайник, вероника, щавель, береза, ольха, дуб, орешник, ива, сосна, ель и др. Из 39 видов только 13 растут на сухих местах.

В культурных слоях найдено множество костей животных. Химический анализ позволяет вскрыть те изменения, которые испытали кости, пролежав так долго под землей.

Главными составными частями костей являются фосфорнокислая известь, углекислая известь, фосфорнокислое железо, окись железа, органическое вещество и вода. Исследовав найденную кость лося каменного века и кость нынешнего лося из окрестностей Петербурга, получим (в процентах):

Фосфорнокислая известь — 21,41 и 55,14

Углекислая известь — 7,22 и 7,48

Фосфорнокислое железо — 33,04 и 0

Окись железа — 10,65 и 0,36

Органическое вещество и вода — 22,32 и 33,42.

Из сопоставления этих костей видно, что фосфорнокислая известь, которой столь богаты кости современных животных, со временем теряется, заменяясь различными соединениями железа. Со временем исчезает также значительная часть воды и органических веществ.

При раскопках были обнаружены кости 44 видов млекопитающих, птиц и рыб: тюленя, косули, северного оленя, лося, плосколобого быка, тура, кабана, беляка, бобра, водяной крысы, бурого медведя, соболя, куницы, хорька, выдры, собаки, волка, лисицы, барсука, белохвоста, глухаря, полевого тетерева, белой куропатки, серой цапли, гуся, утки, гагары, чайки, ворона, ястреба, сома, судака, налима, сига, окуня, плотвы, ерша. Существование таких животных, как тур и плосколобый бык, показывает, что в этих местах были огромные леса. Кабан, бобер, соболь ныне отсюда совершенно вытеснены. В общем, остатки животных

каменного века говорят о том, что в те времена побережье Ладожского озера было богато дремучими, преимущественно лиственными лесами, изобиловавшими болотами.

* * *

Летом 1878 г. начались работы на новых обходных каналах на реках Сясь и Свирь. Заинтересованный находками на старом Ладожском канале при работе на нем в XVIII в., археолог А. А. Иностранцев собрал в разрезах вновь строящихся каналов большую коллекцию остатков скелета человека, его изделий, окружавших его животных и растений.

Каким был человек, обитавший в те далекие времена на побережье Ладожского озера? Где и какое было у него жилище? Чем он занимался, и из чего складывалась его полная опасностей и неожиданностей жизнь?

Ценные находки флоры и фауны дают возможность установить климатические условия местности Ладожского озера. Среди находок оказался челнок из сплошного ствола дуба; в торфяных отложениях найдены целые стволы этих деревьев. Это доказывает, что в каменный век на берегах Ладожского озера распространялись дубовые леса, причем дуб каменного века почти не отличался от современного дуба. Такая внешняя обстановка — дремучие леса с населявшими их дикими зверями, огромное озеро, суровые климатические условия севера, — должна была отразиться как на образе жизни, так и на физическом и психологическом формировании доисторического человека. Осторожность, наблюдательность — с одной стороны, отвага и смелость — с другой, должны были сочетаться в человеке, как сочетались окружавшие его две стихии — лес и вода.

Финский залив — восточная часть Балтийского региона, простирается на 390 км и имеет глубину у входа до 100 м. В него впадает крупнейшая река Нева с водосбросом более 2000 тысяч кубометров в секунду, что оказывает существенное влияние на весь Балтийский регион. Территория залива ограничена с запада рекой Нарва, с востока рекой Стрелка, с севера водами Финского залива, а с юга автомагистралью С.-Петербург — Таллинн.

Географическое положение, климатические условия позволяют сравнивать жизнь доисторического человека Ладожского побережья с жизнью и бытом североамериканских индейцев, эскимосов и других жителей суровых северных районов. Прежде всего, человек должен был позаботиться о теплом, защищенном жилище. Тут не могло быть свайных построек, так как не было найдено обработанных кольев и других следов, говорящих о принадлежности их к такому виду строительства жилища; не могло быть пещерных жилищ, так как известковые террасы слишком удалены от берега, а человек, по-видимому, был постоянным жителем побережья; не могло быть и ледяных построек, ибо последние строят только там, где почва не оттаивает круглый год и где ощущается недостаток в лесе. Можно предполагать, что человек жил сначала в землянках, которые легко было вырыть и хорошо обогревать.

Изучение всевозможных следов обитания человека привело исследователей к заключению о миролюбивом характере человека Ладожского побережья. Даже многочисленные и разнообразные изделия его домашнего обихода и орудия для охоты характеризуют древнего поселенца здешних мест как мирного жителя. Охотничьи принадлежности указывают, что охота для человека служила лишь подспорьем для поддержания существования. Свои изделия человек мастерил из

камня, сланца и кости, в зависимости, по-видимому, от того, какой материал был ему более доступен и легок для обработки. Кремень добывался с трудом, сланец, хотя его и было очень много в ледниковых отложениях на побережье Ладожского озера, при обработке крошился и потому был малоудобен. Вот, очевидно, почему среди найденных изделий больше всего сделанных из кости.

Как пишет Иностранцев, «охота на зверя и рыбу доставляла нашему доисторическому человеку главный запас для питания. Способы охоты современных нам дикарей, а равно и найденные нами оружия дают некоторую возможность восстановить и самые способы охоты нашего человека. Вооруженный каменным или роговым топором, копьевидным заострением, плотно насаженным на деревянную рукоятку, навесив на себя точила и другие необходимые инструменты, он отважно отправлялся на таких крупных зверей, как бык, лось, кабан и медведь. Весьма вероятно, что он встречал врага и лицом к лицу, как это делает ныне крестьянин наших северных лесов, отправляясь на медведя с рогатиной и топором; но может быть, что при охоте на быка, лося и оленя он прибегал и к уловке, заманивая их к замаскированным ямам, в которых уже и добывал своими не особенно хитрыми инструментами. Во всяком случае охота на быка, медведя и кабана была не из легких, требовала как достаточной ловкости, так и храбрости и отваги. Большой избыток костей лося свидетельствует, что этот зверь наичаще делался добычей нашего человека».

Множество найденных рыбьих костей указывает на то, что человек был прежде всего рыбаком, и орудием для ловли ему служила дубина, которой он и глушил рыбу. Крупную рыбу и тюленя человек добывал при помощи гарпуна.

Недостатка в пище человек не испытывал: дремучие леса снабжали его зверем, озеро — рыбой, растительный мир — ягодами, орехами и кореньями.

Человек каменного века, живший на берегах Ладожского озера, умел добывать огонь. Это доказывается находками обожженных глиняных черепков и обугленных кусков дерева. Глиняные изделия приготавливались из смеси глины и раковин береговых моллюсков. Но так как эти изделия были непрочны и не годились для варки пищи, то человек редко употреблял их для этой цели; кроме того, внутри сосудов не замечено никакой накипи, а это говорит, что человек редко готовил себе горячую пищу.

Добываемые на охоте звери, кроме пищи, давали человеку шкуры, служившие ему одеждой. Убив животное, доисторический человек должен был прежде всего обработать его шкуру; при помощи каменных и костяных скребков он очищал ее от мяса, а разнообразные иглы и шила служили ему для сшивания отдельных кусков в одно целое. Весьма вероятно, что здесь для сшивания употреблялись жилы убитых животных.

Кроме повседневной заботы о своем существовании — добычи пищи, одежды, устройства жилища,— человек, живший на берегах Ладожского озера, носил в себе задатки духовных, художественных проявлений. На найденных в разрезе новолодожских каналов изделиях из камня и кости мы видим попытки изобразить орнаменты, различные художественные украшения и даже животных. Найденные амулеты — обработанные зубы диких животных, медведей и кабанов с отверстиями для постоянного ношения на себе, говорят, что человек каменного века не был лишен суеверия и почитал медведя за высшее существо.

Большое скопление находимых человеческих костей и костей животных указывает, что поселение на берегах Ладожского озера было довольно густое. Оно относится, видимо, к тому времени, когда вследствие таянья ледников образовались Онежское и Ладожское озера и еще не было Невы. Доисторический человек был свидетелем ее образования.

ПЕРВЫЕ ЖИТЕЛИ НЕВСКОГО КРАЯ

Приятный берег! Любезная страна!
Где свой Нева поток стремится к пучине.
О! прежде дебрь, се коль населена!
Мы град в тебе престольный видим ныне.

В. Тредиаковский

Озерным краем по традиции географы и геологи называют богатые озерами области России: Ленинградскую, Новгородскую и Псковскую; сюда же присоединяют и Карелию, характер ландшафта которой в отношении озер еще более резко выражен.

Итак, история заселения Озерного края начинается с неолитической эпохи. В то время, примерно с V—IV вв. до н. э., отдельные мелкие группы рыболовов-охотников постепенно проникали все далее к северу; их многочисленные стоянки располагались по берегам рек и озер — в местах, удобных для рыбной ловли, которая являлась главным источником пропитания.

Эти стоянки свидетельствуют о примерно одинаковом образе жизни обитателей Озерного края в том отдаленном прошлом. Неолитическое время длилось здесь, на севере, очень долго; римский историк I в. н. э. Корнелий Тацит указывал, что племя феннов даже и тогда продолжало жить в условиях каменно-костяного века. Во II в. другой античный писатель —

Птолемей — называет финнов Тацита финнами, и уже из этого следует вывести, что первопоселенцами на севере Европы вообще были племена, судя по описанию их быта Тацитом, близкие к теперешним саамам, которые у северных германцев носили имя финнов (норв. *fin* — «саам»). Вероятно, от того далекого времени ведут начало и названия некоторых природных объектов края — рек, озер и т. п. Разумеется, никаких городов и крупных постоянных населенных пунктов тогда не было, так что можно говорить лишь о географических названиях только природных объектов.

Эти древние пласты географических названий остаются обычно труднообъяснимыми, что вполне естественно. Достаточно определенные сведения о населении Озерного края мы получаем лишь со времени, когда здесь появляются славянские племена, сумевшие создать свое государство на землях Восточной Европы — Древнерусское государство.

Развитие древнерусской письменности вызвало появление летописей, освещающих историю стран Восточной Европы, в том числе и Озерного края начиная примерно с IX—X вв. Вскоре появляются и другие письменные источники: уставные и договорные грамоты, различные официальные и частные акты, а с XV в. — писцовые книги, представляющие подробное описание земель и населения с указанием названий даже мельчайших населенных пунктов, имен их жителей, обозначением различных угодий и другими данными, позволяющими нередко судить о возникновении и истории ряда географических названий во всех деталях.

Картина, которая вырисовывается на основании всех этих письменных источников и археологических данных, примерно такова: около VIII—IX вв. в Озерном крае жили древние местные племена—чудь (древние эсты), водь (близкая по языку к эстам), ижора (язык

сходен с карельским) и вепсы (весь) — совместно с пришедшими сюда с запада славянскими племенами, носившими названия кривичей (в теперешней Псковской области), и словен (в Новгородской области). По-видимому, словены были одной из ветвей кривичского племени, очень многочисленного и широко распространившегося в верховьях Западной Двины, Волги, Днепра, а также Великой и Ловати.

Чудь — название в русских летописях эстонских племен и занимаемой ими территории, входившей в состав Древнерусского государства; чудское племя участвовало в походе князя Олега на Царьград; в 1030 князь Ярослав Мудрый основал в области чуди город Юрьев (Тарту).

Заметим, что латыши, западные соседи кривичей, по их племенному имени стали называть восточных славян именем *krievs* («кривич»).

Около IX в. в Восточной Европе образовался обширный межплеменной союз, состоявший из ряда славянских и чудских племен. Чудью русские летописи называют древнеэстонские племена; в обобщенном смысле новгородцы называли этим именем все дославянское древнее население лесного Севера. Имя чудь нередко присваивалось также и вепсам, жителям Озерного края, родственникам карел.

В возникновении межплеменного союза немалую роль сыграла широкая торговля мехами в рамках византийско-хазарско-арабско-славянских отношений. Отсюда — огромное число богатых кладов восточных монет на всех торговых путях того времени, в частности и на том отрезке великого водного пути «из Варяг в Греки», который проходит через Озерный край (Финский залив — Нева — Ладожское озеро — река Волхов — озеро Ильмень, и далее по реке Ловать, мелкими речками и волоками в реку Западную Двину, а от нее к Днепру и в Черное море.

Другой, также очень важный торговый путь, шел от Каспийского моря по Волге, ее протоками Шексне и Мологе, по мелким речкам и волокам к реке Мсте, впадающей в озеро Ильмень, и затем по реке Волхов, Ладожскому озеру и Неве к Финскому заливу. По этим торговым путям русские купцы ездили торговать с греками, булгарами, хазарами и персами, а суда иностранных купцов приходили в Киев, Новгород, Москву.

Возникновение племенного союза, а затем государства, расширение торговых связей вызвало образование городских центров. Так возникли в Озерном крае Псков, Новгород и другие города. Господину Великому Новгороду, как называли свою метрополию ильменские словене, суждено было на полтысячелетия стать хозяином огромных пространств европейского Севера.

Великий Новгород был аристократической боярской республикой, но с заметными элементами «народоправства» (вече), просуществовавшей в качестве самостоятельного политического организма до 1470-х годов, когда новгородские волости и земли целиком вошли в состав Московского государства. С тех пор московское правительство управляло этими землями с помощью своих наместников и воевод, поселив здесь много новых помещиков и выдворив из пределов Новгорода прежних крупных вотчинников-бояр и житейных людей, переселенных в центральные московские области.

Из других исторических обстоятельств, влиявших на состав населения Невского края, необходимо отметить события Смутного времени начала XVII в., в результате которых часть Озерного края оказалась под властью шведов почти на столетие — до петровских времен, когда Руси удалось вернуть Ижорскую землю (Ингерманландию, как ее называли шведы) и

Выборгскую Карелию вместе с другими подступами к Балтийскому морю. Шведское владычество сказалось на составе местного населения в том отношении, что к прежним дославянским жителям — чуди, води, ижоре, карелам, вепсам — добавилось в Ижорской земле значительное число выходцев из Финляндии. Это создало здесь в течение XVII в. дополнительное, довольно значительное по численности финское население, называвшее себя «суомалайсет» (ед. число: суомалайнен) либо «эвремейсет» и «савакот» (по названиям тех двух округов Выборгской Карелии, из которых вышли новые поселенцы Ижорского края); потомков этих переселенцев в нашей науке принято называть «ингерманландские финны».

Все это отразилось на названиях населенных пунктов Ижорской земли. При Петре I, после основания новой столицы Санкт-Петербурга и позже, возникли также многие мызы и небольшие города с немецкими названиями.

Ижорская земля — территория народности ижора на берегах Невы и побережья Финского залива. В XIII - XV вв. подчинялась Новгороду. В 1478 г. присоединена к Московскому княжеству. После Ливонской войны в начале XVII в. часть земли захвачена Швецией. Возвращена России во время Северной войны 1700-1721.

Таким образом, топонимика Ижорской земли значительно усложнилась. В то же время топонимика теперешних Новгородской и Псковской областей менялась сравнительно мало — здесь не было того оживления, которое царило вокруг новооснованной столицы.

Этих кратких исторических сведений нам вполне достаточно для начала. В итоге можно сказать, что мы вправе ожидать в Невском крае названий разного языкового происхождения. Прежде всего в древнейшем

пласте речных и озерных названий надо искать следы давно минувших времен, когда здесь жили племена «чудского» происхождения. Особенно следует отметить, что говорившее на языке, близком к эстонскому, племя водь дало даже наименование Водской (Вотской) пятины Великого Новгорода — огромной административной области, начинавшейся у самого Новгорода, включавшей земли между Волховом и Лугой и простиравшейся далеко на север, охватывая восточную половину Карельского перешейка, северное Приладожье и часть восточной Финляндии. Точно так же племя ижора, бывшее верным союзником русских, дало имя Ижорской земле (Ингерманландии шведов).

Однако в течение многих столетий водь полностью обрусела. Тем не менее, топонимические следы, т. е. отражения водского и ижорского языка в географических названиях, достаточно заметны и значительны. Весьма ощутимы и следы вепсов, число которых и сейчас довольно велико. Возможно также в отдельных случаях отыскать на территории края саамские названия, хотя самих саамов здесь давно нет. Основная масса названий деревень, сел и других населенных пунктов принадлежит восточнославянскому (русскому) языку.

Топонимика — совокупность географических названий какого-либо района. Так как названия гор, морей, рек, лесов, населенных пунктов, присвоенные им коренным населением данных мест, могут сохраняться веками (с теми или иными последующими изменениями), то исследования топонимики играют большую роль при решении ряда вопросов истории языков и народов.

Примеры озерных названий Илмерь — Ильмень, Серегерь — Селегерь — Селигер, Белое озеро — Воугедарь уже дают некоторое представление о том характерном *p*-вом окончании в названиях озер, которое

является устойчивым признаком «чудского» происхождения названий. Белое озеро переименовало свое прежнее вепсское название на русское по той причине, что этим же термином (Белоозеро) стал называться основанный здесь город и даже весь край. Разумеется, причины такого рода, определенные уже не физико-географическими (естественными) факторами, а результатами деятельности человека, не обязательно должны существовать, но все же они нередко имеют решающее значение. Если природное название не было зафиксировано еще ранее в письменности (особенно в официальном употреблении), оно обычно вытесняется названием селения.

Новгород на Ильмене (Илмере) был основан сравнительно поздно (около IX—X вв.), и его имя не смогло вытеснить древнего названия озера. Что касается Селигера, то на нем до XVII в. не было ни одного города. Осташков возник тогда, когда имя Селигер давно закрепилось в письменности и во всеобщем употреблении. Этих материалов достаточно для того, чтобы понять причину, вследствие которой Ладожское озеро носит название, внешне имеющее совершенно славянский характер (хотя смысл его в рамках славянских языков остается неясным).

Дело в том, что основной тон задавали тут не природные условия, а огромное влияние на все окружающие племена со стороны здешнего торгового центра — укрепленного древнего города Ладоги, господствовавшего на этом важном отрезке пути «из варяг в греки» и находившегося на Волхове, в небольшом отдалении от озера (теперешняя Старая Ладога). Русское (славянское) название этого города — Ладога — отражено также в древнесканд. *Aldeigjuborg* (*borg* значит «город») и в средневековом нем. *Alagen*, финск. *Laatokka*. Обычно думают, что в основе названия Ладожского озера (Ладога) лежит прибалтийско-

финское слово *aaldokas* — «бурный» (от *aalto*—«волна»). Следует, однако, считать это предположение слабо обоснованным, так как древнерусские источники называют Ладожское озеро иначе: «озеро великое Ново»; и только в 1220 г. Лаврентьевская летопись впервые величает его Ладожским, что произведено прямо от названия г. Ладоги. Что касается названия «озеро великое Нево», то оно столь же очевидно связано с именем реки Невы, которую местные прибалтийские финны называли и называют *Neva-joki* («Болотистая река»), так как устье ее было, как известно, чрезвычайно заболочено.

В силу сказанного само название Ладога, по-видимому, первоначально относилось не к озеру, а только к городу; лишь впоследствии название Ладога, Ладожское озеро заменило древнейшее Нево, взятое славянами у прибалтийских финнов и относившееся первоначально только к Неве — к протоку из Ладоги в Финский залив, даже к самому его устью. Таких обобщений в истории географических имен много. Для нас здесь важно было подчеркнуть силу воздействия человеческого общества на изменение названий, даваемых первоначально по физико-географическим данным.

Новые названия, образовавшиеся как следствие оживления деятельности человека в этих местах с приходом сюда славянства, густо покрыли карту. В частности, названия городов здесь почти всюду имеют славянское происхождение, как будет показано далее.

Некоторые из притоков Невы носят имена неславянского происхождения: Салуя, Мга, Карбуселька, ручей Хумалаев, Харвази, Войтоловка, Иголинка, Писколовский ручей. Ольховка имеет русское название, по ее приток Лепцерка показывает, что здесь имеется след контакта русских с прибалтийско-

финским населением (вепс. *ler*—«ольха», финск. *lappa*, эст. *lepp*).

Однако и здесь основная масса мелких речек и ручьев имеет русские имена, в том числе Славянка (в писцовых книгах XV—XVI вв. Словенка — от племенного имени новгородских словен) и Ижора с несколькими притоками, носящими название Ижорка, что указывает на поселения здесь древнего местного племени ижора (ингери).

Весьма любопытно то обстоятельство, что одна из Ижорок носит второе название — Корчмянка, происшедшее от имени населенного пункта Корчмино (Воскресенское), расположенного на Неве недалеко от Усть-Ижоры. Корчмино в свою очередь получило название по фамилии генерал-майора артиллерии (майора лейб-гвардии Преображенского полка) Василия Дмитриевича Корчмина, который в молодости при Петре I командовал артиллерийской батареей на стрелке Васильевского острова и которому безосновательно приписывали самое возникновение имени этого острова.

Речка Назья, или Назия, впадающая в Ладожское озеро, упоминается уже в писцовой книге Вотской пятины 1500 г. Название это произошло от карело-финск. «*nasia*—волчник» («волчьи ягоды»), «волчье лыко»—кустарникового растения, росшего здесь в изобилии. Цветы волчника — ранние и пахучие — весьма красивы и имеют розовую окраску.

Пятины — пять областей, составлявших Новгородскую землю в XII - XV вв.: Водская, Обонежская, Деревская, Шелонская и Бежецкая.

Рассмотрим название огромного мохового болота Невий мох, расположенного около озера Ильмень и занимающего пространство около 400 км².

Финское *neva* означает «моховое болото», как и *vepskoe pova*. В приильменских русских говорах существует и нарицательное «невьи». Путешествующий в этих местах около 120 лет назад писатель К. К. Случевский писал: «Много встречалось моховых пространств, называемых здесь «невьи», от которых только мало-помалу совершался наш подъем на Валдайскую возвышенность».

Это и есть как раз та местность, в которой расположено обширное болото Невий мох. Таким образом, можно быть совершенно уверенным в том, что название сохранилось от дославянских времен и принадлежало языку того племени, которое жило здесь, вероятно, с неолитической эпохи и дало имя озеру Илмерь, Валдайским горам, Коломцам и Колмову, реке Мсте и пр. Подобных следов, в конце концов, не так уж и много, если учесть общую массу географических имен Озерного края.

Это и понятно, так как древнее дославянское население было немногочисленным и занималось по большей части рыболовством и охотой. Существовали, конечно, и иные виды хозяйственных занятий. По писцовым новгородским книгам конца XV в. мы знаем, что местами в то время процветала добыча и обработка болотных железных руд с выделкой ряда изделий из получаемого металла. Занимались этим ремеслом именно чудь и водь, и имеются все основания полагать, что подобное занятие очень древнее. Однако даже в XV в. все это носило чисто местный характер, и только прилив сюда сильного славянского потока придал новое направление и создал новый уровень жизни, как хозяйственной, так и политической.

Только тогда создались и зачатки государственности, основались города, по преимуществу торговые центры на важнейших водных путях, стала все более и более распространяться

восточнославянская речь, вытесняя водскую, карельскую и иную «чудскую». Если бы географические названия не были устойчивые остальных отделов словаря, то они тоже исчезли бы полностью или почти полностью.

Однако топонимика вообще гораздо консервативнее других элементов лексики; это и понятно, так как обычно нет причин изменять или заменять старое географическое название, даже иноязычное, если оно без особого затруднения входит в фонетические нормы нового языка, становящегося господствующим на данной территории.

Так обстояло дело и в отношении кривичей и словен, постепенно заселявших Озерный край в последние века I—первые века II тысячелетия. Прежнее население — водь, ижора и другие племена — тоже никуда не уходило. «Происходило заселение, а не завоевание края, не порабощение или вытеснение туземцев»; «чудь, постепенно русея, всю свою массу, со всеми антропологическими и этнографическими особенностями, со своим обликом, языком, обычаями и верованиями входила в состав русской народности». Так писал В. О. Ключевский.

К этим словам замечательного русского историка надо добавить, что из «чудских» языков в наследие русскому народу достались лишь некоторые элементы областной лексики, имеющие дославянскую природу, да значительный запас географических имен прибалтийско-финского или саамского происхождения.

Заметим теперь, что процесс обрусения даже в пределах одного только Озерного края был длительным и неравномерным. При этом, чем далее к северу, тем медленнее шел этот процесс. Как видно из летописей, писцовых книг и грамот, еще до XV—XVI вв. включительно были заметны во многих местах края группы води, чуди и ижоры, сохранившейся в

небольшом числе в современной Ленинградской области до наших дней.

Древняя Ижорская земля, составляющая значительную часть Ленинградской области, вообще стала заселяться русскими людьми сравнительно поздно — не ранее второй половины XIII в. При этом здесь возникли особые обстоятельства в силу того, что в шведское время (XVII в.) сюда пришло значительное число выходцев из Финляндии, которые поселились во многих местах совместно с древним чудским населением — ижорой и водью. Так как ижора, водь и финны говорили на сравнительно близких языках одной и той же прибалтийско-финской семьи, то такое совместное проживание при гораздо большей численности пришельцев (собственно финнов) привело в ряде случаев не к обрусению, а к финнизации некоторой части древнего чудского населения Ижорской земли. Это же отразилось и на некоторых старых географических названиях, хотя финны — пришельцы XVII в. — образовали много и своих, совершенно новых поселений с характерными названиями финского типа.

Теперь обратимся к племенам, жившим на берегах Невы.

Водь — племенное имя, отразившееся в названии огромной территории — Вотской (Водской) земли (позже Вотская пятина), — запечатлелось также и в наименованиях отдельных мелких объектов, расположенных отчасти в пределах той же территории, а значительно более — в соседних Новгородских землях (в пятинах Шелонской и Бежецкой). Сюда относятся названия, взятые нами из новгородских писцовых книг: Водская дорога, Вожане, Вожаниново, сельцо Вотской конец, Вотцкая (несколько деревень с этим именем), Вотцкое, Воцкая Гора и некоторые другие.

Подобные названия, относящиеся к незначительным объектам, возникли по большей части в позднейшее время; по ним отнюдь нельзя судить о древнем расселении племени водь. Напротив, эти названия — Вожаниново, Вожане, Воцкая и т. п. — свидетельствуют в большинстве случаев о широком проникновении на эти земли славян, которым необходимо было отмечать наличие соседей из иного народа.

Это естественный путь возникновения подобного рода названий, которые не характеризуют и межплеменную границу, так как речь должна идти о полной перемешанности поселений с водскими и славянскими (русскими) жителями. Проникновение древнерусских смердов на эти земли было мирным процессом и заканчивалось в итоге обрусением води. Интересно то обстоятельство, что, например, такое географическое имя конца XV в., как Водский (Вотский) дожило на своем месте до XX столетия; в пояснении к этнографической карте Санкт-Петербургской губернии П. И. Копнена (1867 г.) это сельцо значится как Воцкий (Вотский) конец или *Wenakontza*. Это показывает, что одна часть населения (русская) рассматривала сельцо Вотский конец как границу води, а другая часть (водь) — как «Русский конец», что и отражено в смешанном водско-русском названии *Wenakontza*, где *Wena* (Вена-) значит «русский». Разумеется, это вовсе не след общего русско-водского пограничья, а только местный, локальный отпечаток встречи двух разноплеменных групп, правда, в очень давнее время, поскольку факт наличия поселения Вотский конец в Вотской пятине засвидетельствован писцовыми книгами XV–XVI вв.

Чудь — этническое имя, первоначально в древнейшей русской летописи обозначавшее предков эстонского народа, впоследствии чрезвычайно обобщилось, получив широкое хождение на всем русском Севере в качестве обозначения вообще финско-

угорских племен, за исключением некоторых из них, имевших свои особые имена.

Что касается Приневского края, то в различных источниках этническое имя чудь применяется, помимо древних эстов, к населению отдельных погостов Вотской пятины, а в более позднее время (начиная с XVIII в., по крайней мере) — к вепсам.

В новгородских писцовых книгах имеются следующие географические названия, связанные с именем чуди: погост Воздвиженской Опорецкой (Ополской) в Чуди, погост Николской Толдуской (Толдожской) в Чуди, Чудская Гора, Чудско, Чудини, Чудино Сельцо, Чудинова и Чудиново (несколько), Чудинско, Чудинцово, Чуцкая Нивка и т. д. Всем в России, конечно, известно Чудское озеро.

Погост — центр сельской общины на северо-западе древнейшей Руси, в дальнейшем административно-податной округ в древнерусском государстве.

Мы можем легко обнаружить несколько названий, связанных с именем древнего племени ижора, от которого и вся Ижорская земля получила свое название. Ижорский погост, по писцовой книге 1500 г., находился в Ореховецком уезде. Сюда относятся: река Ижора — левый приток Невы; у ее устья произошла знаменитая битва 1240 г., прославившая имя Александра Невского; речки Ижорка Большая и Ижорка Малая, а также несколько селений с именем Ижора, возникших в разное время, но частично указываемых и в старых документах.

Происхождение этих названий — по крайней мере названий речных — бесспорно связано с племенным именем ингери, инкери, превратившемся в русской передаче в ижора, ижеря, известным по памятникам с XIII в. (Ingria еще ранее).

Особенно интересен тот факт, что рядом с Ижорой в Неву впадает река Словенка, как она называлась в древности (теперь Славянка). Мы знаем, что еще во времена Александра Невского, т. е. в середине XIII в., даже охрана водных границ («стража морская») производилась ижорцами с их старейшиной Пелгусием во главе, — следовательно, новгородских словен в качестве постоянных жителей Ижорской земли здесь еще не было.

Возникновение названия Словенка рядом с Ижорой означает появление первых групп новгородцев (словен) в этих местах, что и совершилось, по-видимому, уже в XIV столетии, в эпоху наивысшего расцвета Новгородской республики. Заметим попутно, что к этому же времени относится, по-видимому, и появление таких названий, как «Васильев остров в устье Невы» (Васильевский остров, зарегистрированный писцовой книгой 1500 г.), Фомин остров (теперешняя Петроградская сторона) и т. п.

Все это следы процесса постепенного проникновения славянского (русского, новгородского) земледельческого населения в Ижорскую землю, результаты которого становятся уже весьма заметны к концу самостоятельного существования Новгорода Великого, когда крупнейшие бояре республики успели наложить свою руку на места, освоенные смердами.

Во второй половине XV в. в Ижорской земле было расположено много владений новгородских бояр. Наряду с этим крупнейшие карельские и ижорские землевладельцы также сохранили значительные земельные богатства, о чем свидетельствуют показания писцовых книг, составленных московским правительством в конце XV в.

Естественно, что в дальнейшем от ижоры как племени сохранилось лишь сравнительно небольшое число поселений, разбросанных здесь и там, да самое

имя Ижорской земли и племенное самоназвание. Очень большое число ижорцев обрусело за ряд столетий, другие финнизировались (суомизировались).

По материалам середины XIX века видно, что ижора жили во многих случаях с суоми-финнами совместно, подвергаясь воздействию финского языка и культуры через школьные и церковные учреждения. Только в тех случаях, когда ижорские поселения были изолированы от внешних влияний, представители этой древней племенной группы сохранили особенности своей речи, довольно сильно отличающейся от финского языка, хотя и близкородственной ему.

А еще в 1840—1850 гг. П. И. Кеппен обнаружил близ нынешнего Петербурга около 17 800 ижорцев.

Чудское озеро — озеро на границе Псковской области и Эстонии. Площадь около 3600 кв. км. Длина 96 км. Ширина до 50 км. Средняя глубина 7,5 м. С расположенным к югу Псковским озером соединяется протокой — Теплым озером. Сток из Псковского озера в Чудское озеро, из Чудского озера через реку Нарва в Балтийское море. Замерзает в декабре, вскрывается в мае. Судоходно. Рыбоводно. В 1242 г. на льду озера произошло сражение русских войск Александра Невского с немецкими рыцарями.

Племенное имя вепсы (весь) в древности относилось к населению Белозерско-Пошехонского края. В настоящее время на северо-востоке Ленинградской области сохранились незначительные остатки потомков древней веси, которых местное русское население называет чудью; часть вепсов сохранила за собой древнее племенное имя в форме бепс, часть именуется себя людиками.

Однако географические названия, связанные по происхождению с самим племенным именем весь, вызывают в ряде случаев сомнения и недоразумения.

Причина этого заключается в существовании славянского слова «весь», означающего «село», «поселение», также широко участвующего в образовании географических названий. Возникает задача: отделить те из названий, содержащих элемент весь, которые имеют славянское (русское) происхождение, от тех, которые являются действительно связанными с племенным именем вепсов — веси. Задача эта решалась многими в том или ином ключе, и обычно при этом допускались серьезные ошибки, совершенно исказившие действительное положение вещей.

Необходимо отметить, что многие считали русский (в сущности общеславянский) термин «весь» книжным; на самом деле это слово широко представлено не только в древней новгородской письменности, но и существует доньше в местных говорах. Поэтому вероятность отражений славянского термина «весь» («селение», «село») в топонимике Озерного края весьма велика, и, как легко убедиться, названий этого рода имеется достаточно.

Летописи упоминают лишь немногие из географических названий теперешней Ленинградской области. При этом надо иметь в виду то обстоятельство, что эти упоминания относятся исключительно к местам, расположенным на важнейших торговых и военных путях того времени. Это вполне естественно, так как именно эти пути играли большую роль в жизни Руси, а места в стороне от них имели мало значения в крупных экономических и политических событиях.

Летописи называют Ладожское озеро («Нево»), реку Неву и ее приток Ижору, Ладогу, Копорье, реку Лугу и «Луское село», Охту и ряд других объектов, редко входя в подробности. О некоторых из этих названий мы уже говорили. Слишком скудные летописные известия представляют, конечно, большую ценность в том

отношении, что дают возможность точно установить степень древности некоторых важнейших названий края, особенно в соединении с другими источниками — западноевропейскими и иными (например, в отношении Ладоги, что подтверждается и данными археологических раскопок). Однако для более широкого охвата топонимического материала необходимо пользоваться писцовыми книгами, восходящими в древнейшей части к концу XV столетия. К ним мы и обратимся, не упуская из виду и летописей.

Попробуем проследить по древним источникам историю некоторых географических названий Ижорской земли, особенно той ее части, которая расположена около Невского устья. Древнейшим населением, как уже говорилось, здесь было племя ижора («ижера»). Вся древняя история Ижорской земли связана с борьбой Руси и Швеции за обладание этой областью, что обеспечивало господство на пролежавших здесь важных торговых путях. Для Руси это был жизненно важный вопрос, тогда как Швеция и без того обладала широкими морскими выходами. В свете вышесказанного понятно достаточно частое упоминание русскими летописями Ижорской земли и отдельных ее пунктов, иногда кажущихся не очень значительными, но расположенных на важных торговых дорогах.

Начнем здесь с названия реки Охты, хорошо знакомого жителям Петербурга, да и не только им. В летописи Охта упоминается очень давно.

В 1300 г., как говорит Новгородская летопись, пришли из заморья свеи (шведы) в великой силе в Неву, привели мастеров из своей земли, а из Рима особо искусного мастера, и поставили укрепленный город, настоящую крепость «над Невую, на усть Охты реки». Летописец добавляет об этом городе: «Похвалившееся оканьнии нарекоша его Венец земли». Это была шведская крепость Ландскрона, поставленная

руководителем похода маршалом Тюргильсом Кнутсоном на месте впадения Охты в Неву. В крепости был оставлен значительный гарнизон; однако уже в следующем 1301 г. сын Александра Невского великий князь Андрей Александрович, собрав большую рать, взял эту твердыню, сжег и срыл город, уведя в плен остатки гарнизона. С тех пор шведы на 300 лет с лишним оставили Охту в покое. Почему они выбрали именно это место для построения Ландскроны? Ответ очень прост: устье Охты удобно для подхода и стоянки судов, а берег сравнительно высок — во всяком случае выше уровня даже больших наводнений.

Итак, мы имеем достаточно почтенную дату (1300 г.) первого упоминания реки Охты в наших источниках. Разумеется, это имя существовало и до того много столетий, так как устье Охты являлось весьма удобным местом для остановок торговых кораблей. Однако подробное описание местности мы получаем только через 200 лет — в те времена, когда уже далеко зашел процесс объединения русских земель под общей властью Москвы, где княжили прямые потомки Александра Невского, когда Великий Новгород, потеряв свою самостоятельность, уже вошел в состав Московского централизованного государства. В это время, в конце XV в., была составлена перепись новгородских земель и угодий, появились переписные и писцовые книги, из которых узнаем и об интересующей нас местности. Писцовые книги 1495—1500 гг. частично дошли до нас, и в них имеется описание окрестностей реки Охты, в частности ее устья.

В переписной книге Вотской пятины 1500 г. читаем:
«В Городенском Спасском погосте. . . великого князя деревни на усть Охты Олферевские Иванова сына Офонасова.

За князем за Ондреем, за княж Олександровым сыном Ростовского деревня на Неве, на усть Охты...».

Указаны 2 деревни (без особых названий), в них 3 двора, а в этих дворах жило пять человек (разумеется, взрослых мужчин, которые могли нести тягло).

Кроме того, здесь же было «сельцо на усть Охты на Неве», в нем было 7 человек пашенных и 15 непашенных. Тут же указывается и «деревня Минкино, на усть Охты» (5 человек пашенных крестьян). Выше по Охте также было расположено несколько деревень, из них 4 на Сторожевой горе. Вообще говоря, местность была заселена довольно слабо. Заметим, что название реки Охты повторяется в писцовой книге много раз — без всяких отклонений; в одном только случае ошибочно написано «Тохта».

Сто с лишним лет спустя в результате Столбовского мира 1617 г. шведы, завладев Ижорской землей, именно в устье Охты снова, как и в 1300 г., построили г. Ниен («Невский»), создав здесь крепость Ниеншанц, по-русски «Канцы») на том же месте, где стояла Ландскрона. В то время шведы составили свои писцовые книги Ингерманландии (начиная с 1618 г.), которые дошли до нас. Сохранились также карты и планы времени шведского господства; особенный интерес представляет карта нижнего течения Невы, составленная генералом Кроньортом в 1698 г., т. е. накануне Северной войны. На ней можно видеть расположенный на слиянии Охты с Невой шведский город Ниен с крепостью, многими постройками преимущественно военного назначения, а также дачами шведских офицеров и чиновников.

Заметим, что в писцовой шведской книге 1640 г. в том же Спасском Городненском погосте еще упоминается Ochta Vu (деревня Охта), но на карте Кроньорта 1698 г. на устье Охты отмечены только городские и крепостные постройки; те деревеньки и сельцо, которые указывались русской переписной книгой Вотской пятины 1500 г., бесследно исчезли.

Шведский город Ниен имел смешанное население: в нем жили ижора, финны, шведы и русские (всего было около 2000 человек). Просуществовал он вплоть до 1703 г., когда Петр I, взяв город, приказал разрушить и скрыть все укрепления, а затем заложил основу Санкт-Петербурга на Заячьем острове (Янис-саари), начав 29 июня 1703 г. постройку Петропавловской крепости. Стал заселяться также Васильевский остров, Адмиралтейская часть и другие места. Для Охты осталась роль сравнительно скромная — здесь были поселены несколько сот рабочих-кораблестроителей и их семей; это были рабочие для верфи, основанной Петром на месте Ниеншанца.

Название реки Охты перешло на слободы, в которых жили эти кораблестроители, а также рабочие тогда же, при Петре, основанных пороховых заводов. Долгое время Охта была захолустной частью Санкт-Петербурга; только значительно позже здесь развернулось строительство большого размаха, сделавшее старинную «Охтинскую часть» во всех отношениях равной другим районам Петербурга. Итак, мы достаточно хорошо знаем историю Охты-реки и названных по ее имени районов.

Что же может значить это название? По-видимому, оно принадлежит карельским и финским говорам: *oh*to значит «медведь». Заметим, что в некоторых письменных источниках XIX в. значится другое название той же реки, придаваемое ей некоторой частью финноязычного населения, жившего под Петербургом: Ахо-йоки (*Aho-joki*). Название это состоит из двух слов: *aho* — «пожога», «ляда», «паровое поле» и *joki* — «река». По-видимому, это второе название возникло сравнительно поздно, вероятнее всего, в силу деятельности прибывших сюда в шведское время выходцев из Финляндии, пахавших здесь землю. Однако можно вообще подвергнуть это название (Ахойоки)

сомнению, так как чаще мы встречаем в источниках XIX в. форму Охайоки, принадлежащую не ижоре — исконным обитателям края, а пришельцам — финнам XVII столетия, воспринявшим это название, вероятнее всего, от русских, так как по Охте еще в 1500 г. был ряд селений, носящих, несмотря на значительное еще ижорское население, чисто русские имена. Выше мы уже упоминали деревни того времени «на Сторожевой горе», указанные в писцовой книге.

Однако все русские названия исчезли; разгадка этого обнаруживается довольно просто: русские названия были естественным образом финнизированы в течение XVII—XVIII вв. многочисленными финнами-иммигрантами, поглотившими также и ижору.

При этом совершалась и финнизация географических названий, в том числе и ряда русских; поэтому мы часто не можем теперь дать точную характеристику подобным названиям, определяя их просто как прибалтийско-финские.

Многое, впрочем, удастся установить по писцовым книгам, во время составления которых (XV—XVI вв.) иммигрантов из Финляндии еще не было. В частности, вместо Сторожевой горы с ее русскими деревнями на том же самом месте, на реке Охте, мы обнаруживаем в XIX—начале XX столетия крупное волостное селение Вартемяки (Верхние и Нижние Станки). Вартемяки — финское *Vartio-mäki* — есть точная передача русского названия Сторожевая гора 1500 г.: *vartio* значит «стража» (в качестве определения «сторожевой» или «сторожевая», так как рода в финской грамматике нет), *mäki* означает «гора». Вот каким образом исчезли многие русские названия XV в., подвергшись позднейшей финнизации. Параллельно с этим шло и превращение води с ижорой — давних местных жителей — в финнов-суоми, говор которых в Ленинградской области приобрел особые черты,

позволяющие говорить об особом (ингерманландском) диалекте. Ингерманландский диалект не совпадает совершенно с ижорским языком, хотя и воспринял от него некоторые черты.

Итак, в результате всех исторических перемен сохранилось лишь только это речное имя — Охта, перешедшее и на часть города Петербурга. Ни русские названия деревень XV—XVI вв., ни шведские имена следующего столетия по большей части не удержались здесь в народной памяти — все это известно лишь по дошедшим до нас письменным источникам прошлых времен. Заметим, кстати, что шведы ввели свои названия для всех крупных объектов в окрестностях г. Ниена, и ни одно из них не дошло до нас в народном употреблении. В частности, все острова Невской дельты обозначались у шведов не так, как их называла ижора или русские, но все это дошло до нас только на картах и в документах того времени.

Что касается популярных преданий о происхождении названия Охты, то наиболее распространенный рассказ связывает возникновение этого имени с деятельностью Петра I, будто бы сказавшего «ох ты!» по поводу здешних непролазных дорог. Очевидно, такая легенда могла сложиться только в устах пришлых людей, заселявших охтенские слободы, или просто была сочинена каким-нибудь остряком.

Вообще топонимические легенды совершенно антиисторичны и имеют обычно анекдотический характер. Несмотря на явную несообразность, некоторые из них держатся довольно упорно; иногда же подобные легенды внешне имеют настолько правдоподобный вид, что вводят в заблуждение даже ученых.

Переходим к части Петербурга, известной теперь под названием Васильевского острова.

Название это он получил только во второй половине XIX в., а раньше назывался несколько проще: Васильев остров. Если обратиться к географическому словарю 1870-х гг., то найдем там следующее пояснение: «Большой из островов во всей Невской дельте есть Васильевский, называвшийся во время владычества шведов Ирвисари, или «Лосиный остров», и получивший нынешнее название от квартировавшего здесь офицера Василия Корчмина, коему Петр I посылал приказания с лаконической надписью: «Василию на остров».

Это свидетельство весьма авторитетного источника — капитального географического словаря, издававшегося под редакцией знаменитого географа П. П. Семенова (Тян-Шанского). Казалось бы, сомневаться в этом указании не приходится, хотя несколько настораживает, что и здесь, как в случае с Охтой, упоминается имя Петра I. История вопроса в общих чертах может быть изложена следующим образом.

До 1837 г. мнение о позднем — петровских времен — происхождении названия Васильев остров было общепринятым, причем Василий Корчмин, будто бы давший имя острову, действительно существовал и командовал артиллерийской батареей, при Петре I стоявшей на Стрелке еще с 1703 г., — как раз там, где теперь Ростральные колонны.

В 1837 г. в журнале «Сын Отечества» появилась статья анонимного автора, в которой было сказано, что Васильев остров упоминается в документах допетровского времени. Судя по документам, опубликованным этим автором и упоминающим Васильев остров под 1545 г., бригадир-поручик Василий Корчмин не имел отношения к имени Васильева острова, которое должно было возникнуть во всяком случае не позже времени Ивана Грозного. Эта заметка в «Сыне Отечества» вызвала решительный отпор со стороны известного тогда историка, действительно

члена Петербургской Академии наук П. Г. Буткова, который в 1840 г. поместил в «Трудах Российской Академии наук» небольшую статью «О Васильевом острове в Санкт-Петербурге», где говорилось: «Доселе мы не имели подозрения на предание, что Петербургский Васильев остров назван так от имени бомбардирского поручика Василия Корчмина, когда сей офицер, командуя батареей на Стрелке, получал от Петра Великого указы с надписью: Василию на остров.

Но теперь некто объявил в «Сыне Отечества», что Петербургский Васильев остров известен был под сим именем еще в XVI в.: ибо в одном из актов Археографической экспедиции 1545 г. упоминаются: Ям-городок, Копорье, Орешек, река Черная, река Ижера, Ижерский погост и вслед за тем Васильев остров с двумя жилыми и двумя пустыми дворами. Новость сия при первом взгляде походит на правду». Бутков приводит и соображения, которыми старается доказать, что упоминаемый грамотой 1545 г. Васильев остров — какой-то другой, а не тот, который находится в устье Невы.

Не следуя в подробностях за довольно путаными и в конце концов не вполне убедительными соображениями Буткова, сообщим здесь лишь его окончательный вывод, в котором он заявляет: «Итак, оставим за (Василием) Корчминым, по праву многих давностей, имя Петербургского Васильева острова, пока в сподвижниках Петра Великого окажется иной Василий, который на присвоение себе чести сей может предъявить суду здоровой критики неоспоримые доказательства».

Итак, Бутков решительно высказался за Василия Корчмина как крестного отца Васильева острова, за начало XVIII в., за петровское время. Интереснее всего то обстоятельство, что Бутков сумел придать своему изложению весьма наукообразный, а по тому времени

даже как будто и научный вид. Самым главным аргументом в суждениях этого историка в пользу отличия Васильева острова грамоты 1545 г. от Васильева острова в устье Невы было то, что в грамоте поставлены рядом два моста: ряд Клетей в Ижорском погосте и Васильев остров. Поэтому он считал, что указанный здесь Васильев остров лежит где-то далеко от устья Невы.

К сожалению, он не мог ознакомиться со второй половиной переписной оброчной книги Вотской пятины 1500 г., напечатанной только через 11 лет после появления его статьи. Если бы он заглянул в эту переписную книгу, то увидел бы следующее замечательное обстоятельство: в ней опять Васильев остров поставлен рядом с «великого князя рядом у Клетей на реце на Ижере», т. е. точно так же, как и в грамоте 1545 г., несмотря на то что «рядок у Клетей» порядочно отстоит от Васильева острова и находится в другом погосте (Ижорском, а не в Спасском Городенском) — «от Невы семь верст», как говорит переписная книга. При этом в книге прямо сказано, что Васильев остров находится «на рыбном устье на Неве», так что все сомнения устраняются.

То, что порядок изложения в переписной книге 1500 г. и в грамоте 1545 г. один и тот же, вполне понятно: переписная (писцовая) книга была государственным документом большой важности, и по ней составляли все грамоты о тех или других повинностях населения. Грамота 1545 г. содержала распоряжение о сборе ратников с новгородских земель. При составлении этой грамоты учитывалось не ближайшее географическое расположение отдельных пунктов, а порядок их указания в писцовой книге, являвшейся основой для подобных грамот. Поэтому оказались упомянутыми вместе два пункта, вовсе не лежавшие рядом. Бутков не знал всего этого и потому решил, что

легенда о Василии Корчмине представляет историческую истину, не требующую существенных поправок.

С тех пор это мнение настолько укрепилось, что, как мы уже видели, П. П. Семенов 33 года спустя воспроизвел его буквально в своем «Географическо-статистическом словаре». Таким образом, топонимическая легенда о Петре I, Василии Корчмине и Васильевом острове получила серьезную научно-литературную подоснову, откуда попала во многие справочники.

Однако уже в 1851—1852 гг. Московское общество истории и древностей российских опубликовало «Переписную окладную книгу по Новгороду Вотской пятины 7008 (1500) г. (вторая половина)». Этот ценнейший исторический документ содержит подробное описание «Васильева острова на устье Невы», из чего ясно, что название Васильев остров существовало даже и в XVI в., т. е. за сотни лет до Петра Великого и Василия Корчмина.

Итак, топонимическая легенда, связанная с именем последнего, оказывается неверной. Неверным оказывается и предположение о том, что название Васильева острова возникло в связи с именем какого-либо из посадников Великого Новгорода 70-х годов XV столетия — Василия Ананьина или Василия Казимира, как думали некоторые историки.

Дело в том, что в последние десятилетия независимого существования Новгорода Васильев остров представлял «волостку Олферьевскую Иванова сына Офонасова», которая принадлежала ему, а не какому-нибудь из известных нам новгородских бояр конца XV в., носивших имя Василий. По-видимому, в семье бояр Офонасовых Васильев остров был собственностью не одно десятилетие, так что весьма вероятно возникновение самого названия острова даже

не в XV, а скорее в XIV в. Наиболее правдоподобным является предположение, что лицом, давшим название острову, был какой-то новгородец-первопоселенец; местное прибалтийско-финское (преимущественно ижорское) население, напротив, сохранило за островом свое древнее название Hirvisaari (Хирвисаари) — Лосиный остров.

В конце XV в., согласно упомянутой переписной книге, на Васильевом острове было 17 пашенных рыбных ловцов и 18 непашенных (ловили на устье Невы четырьмя неводами— преимущественно сигов).

В шведское время (XVII в.) Васильев остров носил сразу три имени — русское, финское и шведское. Русское имя звучало все так же: Васильев остров (в шведской писцовой книге — Wassilie Ostroff); финское Hirvisaari — Лосиный остров (в шведской писцовой книге — Hirfwisari); шведское Dammarholm, т. е. Прудовой остров, так как на нем были расположены рыбные ловли, принадлежавшие в конце шведского периода известной семье де ла Гарди.

Следует сказать, что на Васильевом острове и в шведское время было три селения: на Стрелке, на теперешней речке Смоленке и на северной оконечности острова, у моря.

Судя по карте Кроньорта 1698 г., даже величайшее наводнение, бывшее за 7 лет до того (1691 г.), не помешало рыболовам вновь обосноваться на острове; разумеется, это были не шведы, а русские и ижора. Шведы представляли только военный элемент в населении края, и с их изгнанием все без исключения данные ими шведские имена островам невской дельты и других объектов полностью исчезли из употребления, тогда как названия Васильев остров и Хирвисаари сохранились (второе только в ижорской и финской среде). Пример с Васильевым островом весьма поучителен. Всего древнее было, конечно, его

дославянское название Хирвисаари, но оно не удержалось во всеобщем употреблении, оставшись только у финского населения, да и то не у всех финнов. Следует считать, что Василий, давший имя острову, был не ижорцем, а русским (новгородцем) и жил, вероятнее всего, в XIV или в начале XV в. Сделался ли он хозяином острова, или был просто первопоселенцем, совершенно неизвестно. Во всяком случае, как уже было сказано, им не мог быть ни один из новгородских посадников третьей четверти XV в., носивших имя Василий.

Наконец, следует упомянуть еще о том обстоятельстве, что Васильев остров подвергался при Петре I опасности быть переименованным свыше. Некоторое время его уже официально называли Преображенским. Однако это имя не привилось, и, быть может, старую традицию поддерживало в какой-то степени то обстоятельство, что здесь приметалось имя командира батареи Василия Корчмина. Если принять это предположение, то окажется, что в топонимической легенде о Петре I и Василии Корчмине заключена какая-то крупная истина: Василий Корчмин своим именем мог способствовать донесению до нас древнего названия Васильева острова, не будучи в то же время действительным крестным отцом его.

Петербургская, или позже Петроградская, сторона носила по писцовой книге 1500 г. наименование Фомин остров, возникшее, возможно, совершенно на тех же основаниях, что и имя Васильева острова, и, вероятно, приблизительно одновременно с ним.

«Село на Фомине Острову на Неве у моря» имело около 30 дворов — 40 жильцов, плативших повинности (частично непашенные); в этом числе были названы лица, носившие еще дохристианские имена ижорского происхождения: Иголин, Игола, Ускал, Ибасов, Игандуев. Рядом указано село Лахта (финск. lahti— залив, губа) □ название сохранилось доньше.

Фомин остров в писцовой книге Ингерманландии шведских времен (1640 г.) обозначен как Phomin Ostroff eller Koufiusari, т. е. Фомин остров, или Koivusaari (Березовый остров). Новгородская летопись еще в 1348 г. называла этот остров Березовым, говоря о походе на ижору шведского короля Магнуса, который здесь останавливался по пути на Ореховый (впоследствии Нотебург— Шлиссельбург—Петрокрепость). Заметим, что местность против Фомина острова на другом берегу Невы носила название Фомина конца (здесь были 3 деревни) в писцовой книге 1500 г. Кто был Фома, давший свое имя этим местам, неизвестно. Во всяком случае он, вероятно, жил и действовал после 1348 г., так как летопись в известиях того времени (XIV в.) не называет Березового острова Фоминым, как это делают писцовые книги XV в. В шведском атласе 1676 г. теперешняя Петроградская сторона носит название Koivosari eller Biorckenholm (т. е. и финское, и шведское название означает «Березовый остров», как и в шведской писцовой книге 1640 г., и в русской летописи 1348 г.). И здесь мы видим несколько названий одного и того же объекта: 1) древнее дославянское — Koivusaari — и точно соответствующие ему по смыслу русское — Березовый остров (1348 г.) — и шведское — Biorckenholm; 2) русское (новгородское) — Фомин остров.

Почему же название Фомин остров бесследно исчезло, тогда как имя Васильев остров звучит до сих пор? По-видимому, разгадка заключается в том, что от Фомина острова начал расти на первых порах Петербург, так как Заячий остров в общем представлении не отделялся от соседнего большого Березового — Фомина, что и заставило признать последний Петербургской стороной. Здесь, конечно, официальное словоупотребление (Петербургская часть) тесно сплеталось с народным, что ускоряло процесс

вытеснения старых наименований новыми, тем более что приток сюда новопоселенцев был очень велик, поэтому старая традиция не удержалась. Гораздо более удивительна чрезвычайная устойчивость названия Васильев остров, прошедшего через ряд столетий.

Возвращаясь к Фомину острову, необходимо отметить, что иногда объясняли это чисто русское название совершенно невероятным образом. Так, в известном сочинении «Россия», изданном под редакцией В. П. Семенова, утверждается, что название «Фомин (остров)» значит «Дубовый остров». Основой подобного мнения послужило мнимое созвучие этого названия («Фомин») с финск. *tamminen* («дубовый»). Еще более невероятно «объяснение», предложенное Г. А. Немировым, который толковал название Фомин остров из ... маньчжурского языка.

* * *

Обратимся теперь к тогдашним жителям. Вот прозвища русских жителей, обитавших в пределах нынешнего Петербурга: Вергуцины, Гаврилкины, Звягины, Мишкины, Омельяновы. В отказных и обыскных книгах 1587 года сказано: «В прошлых годах ореховский наместник и воевода князь Богдан Гагарин послал Будашева на государеву службу в подъезд под немецкие люди в Ижерский погост, и тут взяли его в полон немецкие люди Свейские». Там же написано: «Усадище, где живал Субота Похабный на Неве-реке, на паруге (пороге), двор выжгли немецкие люди, как шли под Орешек».

Территория нынешнего Петербурга в новгородские времена находилась на землях Никольского Ижорского и Спасского Городенского погостов Ореховского уезда, входившего в состав Вотской пятины, причем южный, левый берег Малой Невы относился к Никольскому

Ижорскому погосту, а правый, северный, к Спасскому Городенскому. Таким образом, вся местность современного Петербурга причислялась к Ижорскому погосту, кроме Охты и Петроградской стороны, которые относились к Спасскому погосту.

Побережье Финского залива на север от устья Невы относилось к Карбосельскому погосту, а южнее — к Дудуровскому погосту того же Ореховского уезда.

Писцовая книга 1500 г., давая подробное представление о жителях Ижорской земли, свидетельствует, что в состав «старого дохода», шедшего с крестьян восьми погостов Ореховского уезда, входили рожь, овес, ячмень и лен. Развито было и скотоводство, продукты которого — мясо, баранина, масло, сыр — взимались с крестьян также всех восьми погостов. В некоторых погостах существенную роль играла охота, результаты которой в виде беличьих и заячьих шкурок также шли в уплату «старого дохода», первые — по трем, а вторые — по четырем погостам.

Рыбная ловля была развита в местностях, лежащих по берегам реки Невы. Здесь были расположены поселки рыболовов, для которых земледелие являлось лишь подсобным занятием.

С Невой же был связан и другой вид занятий — судовой промысел. В число судовщиков включались не только лица, делавшие суда, и владельцы их, но и лоцманы, хорошо знавшие «речной ход» как по Неве, Ладожскому озеру, Волхову, так и по Финскому заливу.

Из промыслов в Ижорской земле были особо развиты железодобывающий и железоделательный. Они были сосредоточены в погостах Никольском Ярвосольском и примыкающих к нему Егорьевском Лопском, Спасском Городенском и Никольском Ижорском. Во всех 4 погостах было 11 домниц с 11 печами и столько же домников; кузнецов же было только 8 человек. Что касается других промыслов, то в погостах Лопском,

Дудоровском, Ижорском и Ярвосельском заметна специализация крестьян в области льноводства и обработки льна. Отсюда и уплата «старого дохода», отмеченного в переписной книге 1500 г., полотном, холстом, льняной пряжей, утиральниками и убрусами.

Переписная книга 1500 г. в известной мере отражает не дошедшую до нас переписную книгу конца XV в., поэтому, сравнивая имеющиеся в ней данные «старого письма» (конца XV в.) и данные «нового письма» (1500 г.), можно говорить об увеличении количества населенных пунктов, о значительном росте числа дворов и населения в них по Спасскому Городенскому и Никольскому Ижорскому погостам.

На территории нынешнего Петербурга и прилегающего к нему района (старые погосты Ижорский и Городенский) в конце XV в. населенных пунктов было 419, дворов 744 с населением в 1191 человек, а в 1500 г. — деревень 410, дворов 1082 с населением в 1516 человек. Данные писцовой книги Вотской пятины 1539 г. свидетельствуют о том, что рост населения продолжался и в 30-х годах XVI в.: рядом со старыми деревнями упоминаются новые починки.

По словам летописцев, в XVI в. в Вотской и Ижорской земле многие держались крепко язычества. Так, в некоторых местах существовали «скверные мольбища идольские, поклонялись лесам, горам, рекам, приносили кровные жертвы, закалывали собственных детей» и т. д. Новгородский архиепископ Макарий прилагал большие старания для истребления язычества; посланный им инок Илья порубил и сжег священные рощи, потопил священные камни и много «разорил злых обычаев», как говорит летописец. В числе таких языческих святых мест долго считалось место в десяти верстах от Петербурга, по Рижской дороге, где стояла большая липа, ветви которой переплелись со стволами ближайших деревьев, так что составляли природную

беседку, в которой нередко отдыхал и царь Петр. На этом месте собиралась ижора на Иванов день и проводила ночь при большом огне, с плачем, пением и плясками; в конце сборища здесь сжигали белого петуха, читая заклинания.

Самым населенным пунктом в Спасском погосте было село на «Фомине острове на Неве у моря». Оно состояло из 37 дворов, из них 4 двора принадлежали непашенным людям и 1 двор был устроен на случай приезда тиуна. Наличие здесь двора тиуна говорит о том, что село являлось центром погоста.

На Никольском погосте находились церковь, 3 двора церковнослужителей и 1 двор торгового человека, который платил «с рядовичи, что у Клетей». Кроме того, был рядок Клетей с 8 дворами с населением в 20 человек, а на «Васильеве острове были дворы великого князя рыбных ловцов» — по «старому письму» их было 14 дворов с населением в 17 человек, а по «новому письму» □ 16 дворов с населением в 16 человек. Все это многочисленное крестьянское население жило в волостях, принадлежавших сначала новгородским землевладельцам, а затем московским. В числе землевладельцев были бояре, своеземцы, монастыри и церкви. Боярам и другим крупным светским владельцам принадлежало 66,7% всей земли, своеземцам — 14,7%, на долю остальных категорий владельцев, в том числе монастырей и церквей, приходилось всего лишь 18,6% общего количества земли. Внутри Ореховского уезда резко различаются два района — границей между ними служила река Нева. В погостах, расположенных на север от Невы, было сосредоточено своеземческое землевладение; на юг от Невы — крупное, по преимуществу боярское землевладение, составлявшее 88% от всего частного землевладения.

В течение XII—XV вв. крепки, увеличивались и расширялись экономические, политические и

культурные связи Ижорской земли с Новгородом, а через него и с северо-восточной Русью, с которой Новгород был тесно связан, особенно с конца XIII в., когда новгородскими князьями считались великие князья Владимирские. Чрезвычайно важное значение для этих связей имело происходившее в XII—XV вв. переселение широких масс крестьянства из центральных областей на север. К концу XV в. в среде местного крестьянского населения русское крестьянство составляло подавляющее большинство; местная земельная знать также уже полностью ассимилировалась с новгородскими вотчинниками.

В XVII в. в Ижорской земле крестьянство составляло 95% населения края. Среди крестьян шведские писцовые книги различают три группы. Первая группа — «достаточные крестьяне», которые составляли 61%, причем термин «достаточный» свидетельствует не столько о степени их «прожиточности», сколько об их тяглоспособности. Эта группа крестьян по своему имущественному положению была далеко не однородна, так как одни из них имели одну лошадь, а другие — семь. Вторая группа — «обедневших крестьян», т. е. нетяглоспособных, □ составляла 22%; третью группу составляли бобыли, их было 17%. Кроме того, шведские писцовые книги отмечают значительное количество батраков — наемных сельскохозяйственных рабочих.

Как в XVI, так и в XVII в. крестьянское население несло повинности в пользу государства — сначала Русского, затем, после Столбовского мира 1617 г., и Шведского, а также в пользу землевладельцев. Повинности были как денежные, так и натуральные.

Кроме сельского населения, в Ижорской земле было и городское население, сосредоточенное в городах и поселениях городского типа. В Новгородской области XVI в. находилось 9 городов, из которых в Вотской

пятине было 6 городов-крепостей: Ивангород, Ладога, Корела, Ям, Копорье и Орешек; 4 из них — Ивангород, Ям, Копорье и Орешек — находились в Ижорской земле. Орешек (Ореховая крепость, или Орехов; на месте его теперь находится г. Петрокрепость), построенный в 1323 г. у истоков Невы на Ореховом острове, являлся центром Ижорской земли. По количеству дворов и населения Орешек занимал третье место среди городов Вотской пятины.

Город Орешек быстро развивался и уже в 40-х годах XIV в., помимо крепости, имел посад с значительным торгово-ремесленным населением, поэтому о нем можно говорить как о центре ремесла и торговли. На территории нынешнего Петербурга находились два поселения торгово-ремесленного типа — это «рядок» «на реце на Ижоре, от Невы 7 верст», описанный в переписной книге 1500 г., и торговый поселок в устье Невы, впервые упомянутый под 1521 г.

О первом из них — рядке Клетти — в переписной книге 1500 г. сказано: «Живут в нем торговые люди, пашни у них нет, а дворов 8, а торговых людей 20». Вокруг рядка было расположено 5 деревень с семью дворами. Совершенно очевидно, что зарождение этого поселения — рядка Клетти — произошло значительно ранее составления переписной книги 1500 г. Этот тип поселения (рядок) чрезвычайно интересен, так как являлся поселением переходного типа от села к городу. Интересен и комплекс селений, окружавший рядок Клетти. Жители этих селений частично были уже непашенными людьми и, таким образом, стояли на том пути, который только что прошел рядок Клетти.

Последнее известие о рядке Клетти относится к 1545 г. и находится в «разрядном и разметном списке» о сборе с Новгорода и Новгородских пятин ратных людей и пороха для Казанского похода. Этот список содержит данные, относящиеся не только к 1545 г., но и к 1500 г.

В 1500 г. в рядке Клетки значилось «тяглых 10 дворов», а в 1545 г. — только 7 дворов «живущих» и 3 двора «пустых».

Второе торговое поселение, находившееся в устье Невы и впервые названное торговым поселением в 1521 г., несомненно возникло значительно ранее 1521 г., ибо уже в писцовой книге 1500 г. говорится о «сельце» в устье реки Охты, населенном «непашенными» людьми, которых в 1500 г. было 15 дворов. Это поселение продолжало развиваться в течение всего XVI в., и торговля в нем процветала. Не прекращалась она и в тяжелые годы шведской интервенции начала XVII в. Так, под 1610 г. в одном источнике сообщается о том, что Яков Деллагарди захватил здесь несколько тысяч бочек соли, хранящихся в складах, и 2 судна с солью. Подробные сведения об этом торговом поселении и торговле, происходившей здесь, сообщает «Записная книга сбора таможенных пошлин» в Невском устье от 1615 г. В ней говорится о том, что в мае 1615 г. подьячий Афанасий Бражников «збирал на Невскою устье государеву таможенную пошлину с торговых с немецких и русских людей, которые ездили с Невского устья в Орешек и в Новгород и назад и которые немецкие и русские торговые люди стоя торговали на Невском устье».

Торговое русское поселение в устье Невы, получившее в XVII в., во времена шведского владычества, название Ниен (Канцы русских источников, от построенного при нем земляного шведского укрепления — шанца — Невский шанец), развивалось очень быстро и в 1632 г. получило от шведского правительства права города. К концу XVII в. Ниен, ежегодно посещавшийся не менее чем 50 купеческими кораблями, по своему торговому значению равнялся такому городу, как Нарва, а купечество Ниена в конце того же века славилось своим богатством.

К началу Северной войны (1700 г.) здесь была небольшая шведская крепость, сторожившая устье Невы, и посад с 450 дворами. В числе жителей Ниена было много русских, число которых росло. В 30-х годах XVII в. в городе был образован специальный православный приход, обслуживавший не только русских жителей города, но и «обретающих» у реки Невы «земледелателей».

На том месте, где теперь раскинулась столица с ее окрестностями, по шведскому плану, составленному в 1676 г., известно около 40 населенных местечек. Вот некоторые из этих мест: где теперь Александро-Невская лавра, местность была названа Rihtiowa; местность между Невой и Мойкой носила имя Usadissa-saari; местность Волкова кладбища называлась Antolala; Выборгская часть Петербурга — Avista; между Мойкой и Фонтанкой место называлось Peryka-saari, т. е. земля, смешанная с навозом; старинное имя реки Фонтанки забыто, но есть предположение, что имя Кеме принадлежит Фонтанке,— слово Кеме значит по-фински крутобережье; деревня Кеме-joki находилась до основания Петербурга на левом берегу Фонтанки, около казарм Измайловского полка; прилежащий к Петроградской стороне Аптекарский остров на карте 1676 г. написан Korpi-saari и удерживает и сейчас свое древнее имя на речке Карповке,— по-фински Korpi — необитаемый, пустынный лес. Имя Голодай происходит от финского halawa, ивовое дерево, по новгородским записям Голодай назван Галевой; Лахта, по-фински lahti — залив. На месте Гагаринской пристани была Враловцина деревня, у Прачечного моста в нынешнем Летнем саду — Парвушина или Кононова мыза и т. д.

Словарик угро-финских топонимов

йок, йоки, йыги, йые, деги — река
оя, оя, уай — ручей

соо, суо, суу, шуо — болото (мох)
ярв, ярве, ярви, явр — озеро
лампи, ламба — небольшое озерцо (ламбина,
ламбушка)

мяги, мяки — холм
киви — камень, булыжник, валун
чиуру, чивр, чуури — мелкий камень, галька
саар, сарь, саари, шуари — остров
лахт, лухт, лакша — залив (губа)
салми, салма, чуолма — пролив
нярк, ниemi — мыс (наволоок)
ранна, ранд, ранта, ранда — берег
маа, моа — земля, земли
аля, ала, алим, алинен — нижний
юля, юлим, юлинен, иля — верхний
суур, шури, шуури — большой
кеск, кески — средний, серединный,
центральный

пюха, пюхя — святой
риви — прямой
питкя — длинный
валкеа, валга — белый
муста, мушта — черный
рускеа — коричневый
пала, пуло — горелый
вене — русский
кюла, кюля — деревушка
кунта, кундо — поселение
пиртти, перти, перт — изба
тало — дом, строение
коти, коди, кода — жилье
вески — мельница
силт, силд, силла — мост
калма — кладбище, смерть
руохо, руого, рог, руга — трава, камыш, рогоз
хаапа, хаб, габ — осина

лепя — ольха

койву — береза

мянтю — сосна

кууси, куужи, куз — ель

Итак, в Ижорской земле по течению реки Невы одновременно существовало 3 торгово-ремесленных центра— город Орешек, основанный в 1323 г., рядок Клети, описанный в книге 1500 г., но появившийся безусловно ранее, и торговые поселения в устье Невы, впервые упомянутые в 1521 г., но возникшие бесспорно значительно раньше.

Быстрому развитию городов и торгово-промышленных поселений в Ижорской земле и особенно на реке Неве способствовало то, что они были не только торговыми и ремесленными центрами своего уезда, но имели большое значение и во внешней торговле всего Русского государства. В XVI □ XVII вв. несколько важных путей, по которым шла русская торговля с Западом, пролегало через Ижорскую землю. Один из них шел по Волхову, Ладожскому озеру, через Орешек вниз по Неве в Финский залив. Особенно важным отрезком этого пути была Нева, так как здесь происходила перегрузка товаров с морских на речные суда.

Ижорская земля, по которой пролегли пути, связывавшие Русь с Западной Европой, и которая прикрывала Русь от нападений немцев и шведов, на протяжении многих веков была ареной многочисленных войн. Объектом ожесточеннейшей борьбы было устье Невы, имевшее совершенно исключительное стратегическое и торговое значение сначала для Новгорода, а позднее для всего Русского государства.

ЗА ЗЕМЛЮ РУССКУЮ

Не расти траве на Неве-реке,
Не владеть чужим землей русскою.

Из сборника «Героизм русского народа в пословицах и поговорках», 1943

С конца XI в. начинается продолжительная и упорная борьба Новгорода со Швецией за выход из Невы в Финский залив.

В 1240 г. в Водскую пятину вторглись прочно обосновавшиеся к этому времени в Прибалтике немецкие рыцари. Здесь ими был построен замок Копорье. Однако вскоре они были вынуждены оставить захваченные русские земли, а 5 апреля 1242 г. Александр Невский разгромил немецких рыцарей на льду Чудского озера. Эта битва вошла в историю под названием Ледового побоища.

Александр Ярославич Невский (1220-1263) — князь Новгородский с 1228 г., Киевский с 1252 г. Во время княжения в Новгороде отстоял русскую землю от вторжения немецких рыцарей и шведов; в 1240 г. разгромил шведов у Невы (отсюда Невский), в 1242 г. разбил рыцарей Ливонского ордена на льду Чудского озера и остановил их движение на восток. Став великим князем Владимирским, умелой политикой удерживал татар от новых разорительных набегов на русские города, объединил войска северо-восточных княжеств и Новгорода, вступил в соглашение с Норвегией и Литвой и организовал новый поход в Прибалтику, отбросив шведов и ливонских рыцарей от русской земли, чем надолго обеспечил безопасность Руси на западе.

Первые отраженные летописью походы «свеев» (шведов) относятся к 60-м годам XII в. Шведская агрессия в сторону Новгорода успеха не имела. В 1240 г. крупные силы шведов появились на Неве у устья реки Ижоры, но 15 июля 1240 г. были разбиты Александром

Невским. Разгромив шведов на Неве, Александр оказал неоценимую услугу не только Новгороду, но и всей Руси.

Александра Невского орден — учрежден 21 мая 1725 г. Петром I. Девиз ордена гласил: «За труды и отечество». Восстановлен 29 июля 1942 г., имеет одну степень. Им награждается командный состав.

Александр Невский отразил первый натиск врагов, стремившихся захватить русские земли. Но на этом борьба не прекратилась. Только в течение 40 лет (с 1283 по 1323 г.) Новгородская летопись отмечает 15 крупных военных столкновений русских со шведами. Обе стороны — и Новгород и Швеция — пытались укрепить свое положение постройкой сильных крепостей на важнейших путях, ведущих из Ладожского озера в Финский залив, и в первую очередь на реке Неве. Так, под 1300 г. Новгородская летопись рассказывает о том, что пришли в Неву из Заморья «свеи в силе велице», привели с собой мастеров и поставили в устье реки Охты город, назвав его гордым именем «Венец земли», или Ландскрона. Во вновь построенном городе был оставлен сильный гарнизон. Шведские отряды, действовавшие по Неве, грабили и убивали население, жгли деревни. Русское население края, а также местные нерусские племена начали ожесточенную борьбу с захватчиками. Гарнизон Ландскроны оказался в осаде. Это облегчило вел. кн. Андрею Александровичу борьбу с вторгнувшимися в Ижорскую землю шведами,

В 1301 г. соединенные новгородские, ладожские и низовские полки под командой вел. кн. Андрея Александровича взяли и разрушили Ландскрону. Так была пресечена попытка шведов закрепиться на Неве. Но борьба продолжалась, и одно нападение шведов следовало за другим. Чтобы предотвратить опасность захвата Невы шведами, русские в 1310 г. строят город

Корелу (Кексгольм) на месте старого карело-русского поселения, возникшего еще в XIII в., а в 1323 г. великий князь московский Юрий Данилович строит деревянную крепость Орешек. В Новгородской летописи об этом событии записано: «В лето 6831. Ходиша новгородцы князем Юрьем и поставиша город на устье Невы, на Ореховом острове». Деревянную крепость окружили земляным валом.

Остров, по форме напоминающий орех (отсюда его название — Ореховец, а затем Ореховый), как бы преграждал проход судам по водному пути в Балтику, этим объясняется и более позднее название крепости и города — Шлиссельбург («Ключ-город»).

До постройки крепости постоянного населения на острове не было, с крепостью же образуется довольно большой Ореховый посад.

Построенный для укрепления северо-западного рубежа Новгородской земли, Орешек закрыл выход из Невы в Ладожское озеро и таким образом затруднил шведам доступ во внутренние русские области. В том же 1323 г. в Орешке был заключен между Новгородом и Швецией «вечный мир», в котором впервые была определена и утверждена более или менее точная граница между новгородскими и шведскими владениями. Граница проходила по острову Котлину и рекам Сестре и Сае (правый приток реки Вуоксы) и шла далее в северо-восточном направлении.

Ореховский договор 1323 г. явился базой для всех позднейших дипломатических переговоров между Россией и Швецией вплоть до XVII в., но «вечного» мира он не дал. Время от времени борьба за Неву вспыхивала с новой силой. В 1348 г., через 25 лет после закладки крепости, латники шведского короля Магнуса Эриксона захватили Орешек. Новгородцы вскоре же вернули Орешек обратно и постарались укрепить его, поставив там в 1352 г. по приказу новгородского владыки

архиепископа Василия «град камен». Теперь крепость окружал широкий ров. На валах вместо сгоревшего бревенчатого частокола появились каменные стены длиной в 350 м и высотой 5-6 м и высокие башни. Они были сложены из крупных валунов и известковых плит на известковом растворе. Это вообще была первая многобашенная крепость на Руси.

К слову сказать, крепость потом перестраивалась где-то на рубеже XV-XVI вв. и заняла весь остров. Ее стены высотой около 12 м, сложенные из серой известняковой плиты, стояли почти у самой воды. Имелось 7 мощных башен высотой 14-16 м.

В конце XIV и в XV в. можно отметить только отдельные нападения шведов, во время которых шведские рыцари проникали в Неву и Ладожское озеро, грабили купеческие суда, разоряли и жгли расположенные по берегам села, а население избивали или уводили в плен. Эти набеги шведов имели своей целью подорвать русскую торговлю на Неве и сделать невозможным торговое мореплавание в Финском заливе.

Кроме шведов, на берегах Невы время от времени появлялись и отряды немецких рыцарей (как, например, в 1446—1448 гг.), которые также производили здесь большие опустошения.

Возникновение в середине XV в. централизованного Русского государства, к которому в 1478 г. был присоединен Новгород, а в 1510 г. Псков, резко изменило обстановку в Прибалтике. Старая псковско-новгородская граница стала теперь русской государственной границей. На защиту ее от Швеции и Ливонии Иван III обратил самое серьезное внимание. Новгородские порубежные городки были укреплены и снабжены гарнизонами, а в 1492 г. Иван III строит в Прибалтике новую крепость Ивангород, которая, дополняя линию старых новгородских укреплений на

подступах к морю, преграждала проход между Чудским озером и морским берегом и поэтому играла большую роль в обороне принадлежащей Русскому государству юго-восточной части Финского залива и прилегающей к нему территории — Вотской пятины.

Поход русской рати в 1496 г. к Выборгу свидетельствует о настойчивом намерении Русского государства выйти к морю на широком фронте между Невой и северным побережьем Финского залива, но эта попытка, как и другие, была неудачной. Мирный договор 1537 г. восстановил старые границы Ореховского мира 1323 г.

Таким образом, одна из главнейших задач внешней политики Ивана III осталась нерешенной.

В XVI в. начинается новый этап борьбы за Балтийское море. С середины 50-х годов XVI в. все внимание русского правительства обращается на северо-запад, в сторону Балтийского моря, ибо экономическое развитие России требовало свободного доступа к морю. Отрезанное Литвой и Ливонией от Балтийского моря, Русское государство в своих сношениях с Западом всегда зависело от этих государств, которые из страха усиления России всячески стремились не допустить развития этих сношений и фактически держали Русское государство в блокаде.

Балтийское море (у древних славян Варяжское) — внутриматериковое море Атлантического океана. Соединяется с океаном проливами. Площадь 386 тыс. кв. км. Средняя глубина 60 □ 130 м. Заливы: Ботанический, Финский, Рижский. Острова: Котлин, Саарема, Муху, Хиума и др. Северные берега сильно порезаны, шхерные и фиордовые, южные — низинные, песчаные с отмелями и дюнами. В море впадают Нева, Даугава, Неман, Висла, Одер. Частые туманы. Фауна бедна

разнообразием, зато богата количеством: салака, килька, треска, сиг, палтус, окунь. Балтийское море — морской путь, соединяющий балтийские государства со всеми портами мира. Основные порты в России: Петербург, Калининград.

Стремясь полностью отрезать Русское государство от выхода к морю, шведский король Густав Ваза употреблял большие усилия к тому, чтобы создать союз против России из Швеции, Дании, Польши и Литвы. Ближайшей целью шведского короля был захват бассейна Невы, Ладожского озера и Финского залива. Прорвать блокаду, в которой фактически находилось Русское государство, и прочно закрепиться на выходах к морю русское правительство могло лишь путем войны с Ливонским орденом, захватившим еще в XIII в. ливонские и эстонские земли. Поэтому в 1558 г. Иван IV начал войну с Ливонией. Победа в этой войне предотвратила бы всякие неожиданности для Русского государства со стороны Швеции. Ливонская война и преследовала цель дать России выход к Балтийскому морю и открыть пути сообщения с Европой.

Победы, одержанные Иваном IV в первые годы войны, вызвали вмешательство в ливонские дела других держав, заинтересованных в балтийском вопросе. В войну вмешались Литва, Дания и Швеция. Это сильно осложнило положение Ивана IV, которому вместо слабой Ливонии пришлось воевать с тремя могущественными в то время державами. Кроме того, Турция и ее вассал крымский хан вместе с ногаями, действуя в союзе со шляхетской Польшей, систематически отвлекали на себя большое количество русских войск. Это имело большое значение в ходе Ливонской войны и особенно в последний ее период. Теснимый польским королем Стефаном Баторием и шведами, Иван IV вынужден был заключить перемирие в 1582 г. с Польшей и в 1583 г. со Швецией. По

Плюсскому перемирию 1583 г. русские города Ям, Копорье, Ивангород и Корела вместе с уездами отошли к Швеции. Орешек с уездом оставался в руках русских.

Таким образом, не только южный, но и северный берег реки Невы, ее устье и морское побережье, входившее в состав Ореховского уезда, оставались в пределах Русского государства. Во время русско-шведских переговоров 1585—1586 гг. шведы настойчиво домогались получения Ореховского уезда, предлагая за него в два раза большую территорию в Копорском и Ямском уездах. Русские послы, отлично понимавшие то большое стратегическое и экономическое значение, какое имели река Нева и ее устье для Русского государства, категорически отказались от обмена. В результате новой войны со Швецией, начавшейся в 1590 г., временно захваченные русские области с городами Копорьем, Ямом и Ивангородом были возвращены России, чему во многом способствовало население этого района, которое не примирилось с оккупантами и все время вело с ними партизанскую войну. Вернуть город Нарву с уездом не удалось. Война была закончена Тявзинским миром 1595 г. Сохранившиеся источники говорят о том страшном разорении, которое причиняли шведы жителям Новгородского уезда даже в годы «мирного постановления», т. е. в годы перемирия (1588—1590 гг.): шведы «многих людей побили», многих «в полон поймали», «животы» (имущество) пограбили, а села и деревни «пожгли».

В годы польско-шведской интервенции в начале XVII в. шведы воспользовались временной слабостью Русского государства и захватили весь Невско-Ладожский бассейн вместе с Новгородом. Но удержать за собой Новгород и Новгородскую землю оказалось невозможным. Население на захват ответило непрекращающейся борьбой, которая изнуряла силы

шведов, и шведы должны были заключить мир с Русским государством в деревне Столбово в 1617 г. Возвращая русским Новгород, Швеция сохранила за собой широкую стратегически важную полосу от Нарвы до Ладожского озера. Русское государство оказалось наглухо отрезанным от моря. Шведский король Густав-Адольф хорошо понимал значение Столбовского договора и в своей речи на сейме в 1617 г. так оценивал его результаты: «Благодаря уступке шведам Ивангорода, Яма, Копорья, Нотебурга. и Кексгольма шведы теперь могут руководить по своей воле нарвскою торговлею... А области, теперь уступленные шведам, отличаются плодородием, в них много рек, богатых рыбою, много лесов с изобилием дичи и пушных зверей, меха и шкуры которых высоко ценятся».

Таким образом, Швеция достигла наконец цели, к которой стремилась в течение более трех веков. Почти на целое столетие старая русская область, какой был Невский край, оказалась захвачена шведами и получила название Ингерманландии.

После Столбовского мира Ижорская земля вошла в состав Нарвской губернии Шведского государства и была разбита на 4 лена. Нева вместе с Ижорским и Ореховским уездами вошла в состав Нотебургского (Ореховского) лена. Внутренняя же организация уездов (деление на погосты) оставалась старой.

Учитывая важное стратегическое значение Невы, шведы сразу же по овладении ею составили план сооружения здесь целого ряда укреплений. Целиком этот план осуществлен не был, но в первой четверти XVII в. в устье реки Охты было построено небольшое укрепление Ниеншанц вблизи упоминавшегося выше русского торгового пункта в устье Невы, на месте селения, разоренного в XVI в. пиратами.

Ниеншанц был невелик — помимо укреплений, всего две продольные и пять поперечных улиц. Зато здесь

находились лесопильные заводы и строились превосходные корабли. Через несколько десятилетий это был цветущий торговый городок (а не только крепость), с которым «не один Любек, но и Амстердам начал... торги иметь,— водный путь оттуда до Новагорода весьма тому способствовал...». Мало-помалу «и российское купечество в Ниеншанц вошло...». Короче говоря, к концу XVII в. в порту Ниеншанца за год останавливалось до сотни торговых судов под самыми различными европейскими флагами.

Кстати, только недавно, в 1993 г., в результате археологических исследований и совмещений шведских планов XVI в. с современными удалось определить границы этого города, находящегося на территории современного Петрозавода, на мысе при впадении Охты в Неву. В середине XVII в. там были три маленькие деревни — в один, два и четыре двора. Одна деревня называлась Минкино. Потом эти места долго пустовали. В XVIII в. здесь был «Канецкий питомник» — сад, где выращивали цветы и плодовые деревья. Потом здесь построили Охтенскую верфь.

При археологических раскопках были найдены различные гвозди и скобочки, явно для строительства судов, бутылочное стекло и керамическая посуда XVIII в.

Вероятно, к дошведскому времени относится могильник на левом берегу Охты в 300 м от места впадения ее в Неву. Человеческие кости, найденные в могильнике, принадлежат мужчине 50 лет и женщине 40 лет. Радиоуглеродный анализ костей, к сожалению, не проводился.

* * *

Могла ли Москва спокойно относиться к такому соседу, как «невские шведы», столь близкому, воинственному, предприимчивому, к тому ж осевшему

на коренных русских землях? А тут еще на царское имя стали поступать жалобы от православного населения Ингерманландии: притесняют-де свеи, хотят в лютеранство обращаться...

Тотчас же по заключении Столбовского мира началась колонизация Невского края в соответствии с политическими интересами Швеции. Особым манифестом шведское правительство приглашало сюда шведских подданных, преимущественно дворян, а также и иностранцев, главным образом немцев. Для привлечения колонистов шведское правительство предоставляло им целый ряд льгот и привилегий. Нашлось достаточное количество желающих, особенно среди обедневшего немецкого дворянства, получить покинутые поместья, селения, земли. Получил здесь земли и возглавлявший шведское вторжение в Россию в начале XVII в. Яков Делягарди, одно из ингерманландских имений которого находилось в устье Невы на Васильевском острове.

Наряду с этим, шведы привлекли сюда крестьян-переселенцев — выходцев из Финляндии. Именно к этому времени относится появление здесь финского населения.

В результате этой строго продуманной и систематически проводимой шведами политики вместо новгородских и московских помещиков владельцами земли оказались шведские и немецкие дворяне. Крестьянство же, сидевшее на этих землях, в массе своей состояло из русских и ижор.

По условиям Столбовского мира служилые люди с их семьями и слугами, городское население и монахи имели право в течение двух недель перейти в пределы Русского государства. Сельское население должно было остаться на своих старых местах. Однако шведы нарушили это условие и всеми мерами, вплоть до

грубого насилия, препятствовали выходу русского населения из Ижорской земли.

После окончания войны на русское крестьянство легло тяжелое бремя податей и повинностей, в том числе и содержание расквартированных в крае шведских войск. Тяжесть налогового бремени усугублялась тем, что в Ижорской земле шведы отдали взимание всех государственных доходов частным лицам. Положение колонизируемой шведами далекой окраины, какой была Ижорская земля для шведов, создавало для коренного населения, всячески притесняемого, невыносимые условия. К жестокой эксплуатации присоединялся религиозный и национальный гнет. Особенно он усилился в 80-х годах XVII в., когда с чрезвычайной энергией принялись за насаждение здесь лютеранства. Русское население не примирилось с иноземным гнетом. Оно массами потянулось в пределы России. Число переселенцев достигало 50 000 человек. Устраивавшиеся на границе заставы не могли остановить движения в русские земли русских крестьян и посадских людей, страдавших под гнетом иноземных захватчиков. Выходы из-за «Свейского рубежа» начались сразу же после Столбовского мира 1617 г. и все время росли, несмотря на то что за переход шведы грозили смертной казнью. Хотя русское население уходило из-под шведского господства, русские и ижоры составляли самую значительную часть населения Ингерманландии как в деревнях, так и в торгово-ремесленных центрах ее, сохраняя при этом свой язык, религию, обычаи.

В целях усиления шведского влияния на русское население оккупированной шведами территории в Стокгольме была организована специальная типография, где печатались книги на русском языке. Однако эти меры успеха не имели.

Настроения населения захваченного шведами края нашли свое яркое выражение в «Плаче о реке Нарове», датируемом 1665 г. Это произведение народной поэзии проникнуто чувством жгучей тоски и любви к родной русской земле.

Несмотря на оккупацию Невского края шведами, старая тесная связь его населения с Русским государством продолжалась в течение всего того периода, когда этот край был в руках шведов. Это были прежде всего торговые связи. Русские купцы не только Приладожья и Прионежья, но и «московских городов» регулярно и в большом количестве продолжали бывать в Орешке, Канцах и пользоваться Невой для своих торговых поездок «за рубеж» в «Свейскую землю».

Ежегодно «по первой вешней располой воде», в мае — июне, целые караваны судов, принадлежавшие русским торговым людям, со своими «товаренцы» отправлялись «за Свейский рубеж в Стекольно». Плыли они по реке Сяси, Ладожскому озеру, реке Неве, проходили через Канцы, где часть русских торговых людей оставалась для своих торговых дел, а другая, выправив «пасы», переплывала Финский залив, Балтийское море, проходила у Аландских островов и, наконец, достигала Стокгольма. Этим же путем приезжали в Россию и «свейские немцы» (шведы), жители Канцев, Орешка, Выборга и других городов, которые после Кардисского мира (1661 г.) могли свободно торговать в Москве, Новгороде Великом, Пскове, Ладого, Ярославле, Переславле-Залесском, Холмогорах, Тихвине и Александровой пустыне.

Кроме торговых связей, были и другие. Так, например, «зарубежские» русские ремесленники продолжали приходить на заработки в Москву, Новгород Великий, Вологду, Белоозеро и другие города. Причем приходившие в эти города для «плотнишного промысла» насчитывались не единицами и даже не

десятками, а сотнями человек. Любопытно, что и крестьяне как русской, так и шведской стороны продолжали ездить «за рубеж» косить сено и пашню пахать.

Мысль о возвращении захваченного шведами края — земли «наших отчич и дедич», «государской земли» — все время не покидала русское правительство.

В 1656 г. была сделана попытка освободить от шведов все побережье от Риги до Выборга. В начавшейся в 1656 г. войне со Швецией поводом было обвинение шведского короля в том, что он стремится овладеть всем Балтийским морем и подорвать торговлю на нем.

Русские войска одновременно двинулись в трех направлениях: главные силы пошли в Ливонию, один отряд начал действовать в Карелии и другой — в Ингерманландии, где русские войска безуспешно пытались взять хорошо укрепленные Орешек и Корелу, слабый же Ниеншанц был взят и разрушен.

Один из русских отрядов действовал в море, где «русским ратным людям у Котлина острова с немецкими людьми был бой и у Котлина острова, — говорится далее в документе, — полукорабль взяли и немецких людей побили и наряд и знамена поймали». Русское население Ингерманландии встретило русские войска с великой радостью и оказывало всемерную помощь: присоединялось к отрядам, помогало строить укрепления и т. д. Там же, куда не доходили русские войска, крестьяне сами расправлялись с иноземными поработителями, нападая на поместья, принадлежавшие шведским и немецким помещикам.

Не добившись прочного успеха, русские войска оставили Ингерманландию. Под прикрытием русских войск жители Ореховского уезда и других массами уходили на русские земли. Оставшееся население сильно пострадало от карательных экспедиций шведов,

расправлявшихся с ними за помощь, оказанную русским войскам.

Война закончилась Кардисским миром 1661 г., восстановившим прежние границы.

Русское государство оставалось отрезанным от моря, а русское население Ингерманландии продолжало страдать от насилий иноземных поработителей.

После войны 1656—1658 гг. было сделано две попытки (первая в 1676 г., а вторая в 1684 г.) путем дипломатических переговоров вернуть Ижорскую землю России, но они окончились неудачей. Единственным средством воссоединения Ижорской земли с Русским государством, а следовательно и возвращения выхода на морские пути, становилась новая война со Швецией. Эти задачи и должна была разрешить начавшаяся в августе 1700 г. Северная война.

В 1698 г. Петр I, вызванный из Вены сообщением о стрелецком бунте, возвращался в Россию. На пути он встретился в Раве (в Галиции) с польским королем Августом II. Польский король жаловался на непрочность своего положения («много поляков противных имеет») и просил Петра оказать ему помощь в случае необходимости. Петр ответил согласием и в свою очередь просил Августа II помочь «отомстить обиду, которую учинил ему рижский губернатор Дальберг в Риге». Польский король обещал Петру свою поддержку. Этим разговором, происходившим на вечере у генерала Флемминга и носившим, по-видимому, совершенно неофициальный характер, все дело и ограничилось. Никаких письменных обязательств оба монарха друг другу не дали.

Однако разговор в Раве положил начало русско-польскому союзу, оформленному в следующем году. В Москву приехал уполномоченный польского короля Карлович, в результате переговоров с которым в селе

Преображенском 11 ноября 1699 г. был заключен «наступательный союз противу Швеции», к которому в том же году присоединилась и Дания. Во время переговоров был намечен театр военных действий: предполагалось, что он охватит территорию между Рижским заливом и Ладожским озером, причем в Лифляндии и Эстляндии будут действовать польские войска, а в Ингерманландии и Карелии — русские. В договоре Петр обеспечил за собой право не начинать войны, пока не будет заключен мир с Турцией.

Когда в Москву пришло известие, что русский уполномоченный в Константинополе Е. И. Украинцев подписал мирный договор, Петр тотчас же объявил Швеции войну. 22 августа 1700 г. из Москвы, направляясь к Нарве, выступил первый отряд под командованием И. И. Бутурлина, вслед за которым двинулись остальные войска. К концу сентября сосредоточение русских войск под Нарвой закончилось, и в ночь на 2 октября обстрелом русского лагеря шведами из Нарвы было положено начало военным действиям.

Выбор Петром направления на Нарву был продиктован всей совокупностью стратегических и политических соображений. Захват Нарвы, а вместе с нею и всей реки Наровы, мог обеспечить быстрое завоевание Ингерманландии и Карелии, т. е. осуществить важнейшую задачу, поставленную Петром. Овладение Нарвой и Наровой отделяло шведские войска, действующие в Эстляндии, от тех, которые были расположены в Карелии. Кроме того, укрепившись путем овладения Наровой на западе Ингерманландии, русские получали свободу действий на ее восточных и южных границах, которые были открыты для наступления и потому не требовали подготовительных мероприятий военного порядка. Эти причины заставили Петра выбрать для первого удара Нарву. Сделал он это

вопреки противодействию своих союзников, опасавшихся вторжения русских в Лифляндию. Паткуль, который, как известно, был одним из самых активных деятелей подготовки Северной войны, писал саксонскому поверенному в делах в Москве Лангену, что Петра не следует пускать дальше Наровы и Пейпуса, что если он захватит Нарву, то ничто не помешает ему овладеть Лифляндией и Эстляндией; Петру «надобно доказать историей и географией, что он должен ограничиться одной Ингерманландией и Карелией».

Неудача русских под Нарвой и поражение Августа II в Лифляндии внесли изменения в отношения между союзниками и вместе с тем в ход войны. Выйдя фактически из войны и предоставив Петру вести борьбу одному, он уже не мог воспрепятствовать русским перенести военные действия в Лифляндию. Вместе с тем Петр должен был до времени расстаться с мыслью об овладении Нарвой. Однако он не отказался от намерения открыть военные действия в Ингерманландии. Карл XII, уверенный в том, что с Петром после Нарвы покончено, не только не перенес войну на территорию России, что надолго сковало бы силы Петра, но даже не оставил в Ингерманландии войска, достаточного для ее обороны, если бы Петр все же решился перейти в наступление. Эта ошибка Карла XII дала Петру возможность наступать в Ингерманландии. Только теперь для прикрытия своей армии с западной стороны он был вынужден перенести военные действия из-под Нарвы значительно южнее. К зиме 1701—1702 гг. у Петра наметился план войны на ближайшее время: главные силы его армии наступают в районе Невы и Ладожского озера, отдельный же отряд Б. П. Шереметева действует в Лифляндии.

Петр I Алексеевич (1672-1725) — царь с 1682 г. (до 1696 г. царствовал вместе с братом Иваном V),

с 1721 г. до 1725 г. император, великий гос. деятель, полководец, флотоводец и дипломат, реформатор России. Активно содействовал строительству промышленных предприятий на Урале и в центре страны, что привело к развитию металлургии, судостроения, текстильной промышленности и др., организовал строительство каналов и сухопутных дорог. Была создана регулярная армия на основе рекрутских наборов, основан флот, реорганизована система гос. управления и образованы новые центральные и местные гос. учреждения (сенат в 1711 г., коллегии в 1718-1722 гг., введение губерний в 1708 г.). Способствовал распространению культуры и просвещения (создание Академии наук в 1725 г., ряда школ, издание первой газеты «Ведомости» в 1703 г., реформа календаря в 1700 г. и т. п.). В 1703 г. основал город Петербург и сделал его столицей. Реформы Петра, подготовленные всем ходом исторического развития, были своеобразной попыткой преодолеть экономическую отсталость России и способствовали росту производительных сил страны. В области внешней политики вел настойчивую борьбу за выход к морям, что являлось необходимым условием дальнейшего развития страны.

Умело противодействовал стремлениям враждебных России европейских стран, в первую очередь Англии, воспрепятствовать усилению России; русская дипломатия под его руководством достигла ряда выдающихся успехов. Войны с Турцией и в особенности Северная война против Швеции и поддерживавших ее стран ознаменовались крупными победами на море и суше (Полтавское сражение 1709 г., сражение при Гангуте 1714 г. и др.), в которых раскрылся

полководческий талант царя. Россия овладела жизненно необходимым побережьем Балтийского моря.

После поражения под Нарвой необходимость добиться серьезного успеха над шведами в Ингерманландии становилась для Петра тем острее, что международный престиж России оказался сильно поколебленным. Надо было доказать Европе, что Россия не настолько слаба, чтобы не быть в состоянии поддержать силой оружия свои притязания на отторгнутые у нее в Смутное время области. А Европа не только сомневалась в этом, она была убеждена, что России нанесен непоправимый удар, после которого ей долго не удастся оправиться. Знакомство с некоторыми документами убедительным образом свидетельствует об этом.

В 1701 г. в Фрейштадте (Германия) выходил ежемесячник под названием «Секретные письма необыкновенных людей о замечательных предметах политического и ученого мира». Заголовки некоторых из этих писем говорят сами за себя и в комментариях не нуждаются. Например: «О поражении москвитян под Нарвой и почему они никогда не станут твердой ногой в Лифляндии и не в состоянии будут ничего сделать против Польши», «О том, что осада и освобождение Нарвы во многом похожи на осаду Вены турками и что победа шведов в некоторых отношениях важнее для христиан победы их под Веною», «...О том, что понесенное московским царем поражение есть божье наказание за его высокомерие и дерзость, порожденные в нем сопровождавшим его до сих пор счастьем» и т. п. Издатель листка всячески стремился преувеличить успех шведов, умалить достоинство русского войска и пытался доказать, что дело «русских варваров» безнадежно проиграно. Откровенная ненависть к русским и злобствующее торжество по

поводу их неудачи веет с каждой из тех страниц листка, в которых идет речь о русско-шведской войне.

В 1701 г. в Вену с дипломатическими поручениями был послан Петром князь П. А. Голицын. В одном из своих донесений в Москву он писал: «Непременно нужна нашему государю хоть малая виктория, которою бы имя его по-прежнему во всей Европе славилось. Тогда можно и мир заключить, а теперь войскам нашим и управлению войсковому только смеются». Донесения остальных петровских дипломатов, отправленных в 1701, 1702 и 1703 гг. из других столиц Европы, были столь же малоутешительны. В них сообщалось о неблагоприятном отношении европейских правительств к России и о дурном впечатлении от поражения под Нарвой.

Зная все это, Петр считал крайне необходимым поднять поколебленный престиж России, а потому очень тщательно и серьезно стал готовиться к кампании в Ингерманландии. Принятые им срочные меры военно-административного и экономического характера позволили ему приступить к военным действиям с несравненно большими шансами на успех, чем под Нарвой. Пора «младенческого игrania» (такова была характеристика поведения русских в подготовке и проведении Нарвского сражения, данная «Журналом» Петра) кончилась, и Петру предстояло серьезное дело.

По мысли Петра, центром военных действий в Ингерманландии должна была стать Нева. Имея в виду прочно утвердиться в Приневском крае и захватить Неву, он принял ряд мер, свидетельствующих о наличии у него широко задуманного и тщательно разработанного плана. С начала 1702 г. на Олонецкой верфи (Лодейное поле) и на Сяси приступили к строительству кораблей, без которых нечего было и думать о достижении какого-либо успеха на Ладожском озере и Неве.

На Олонецкой верфи в 1703 г. были заложены 7 фрегатов, 5 шняв, 7 галер, 13 полугалер, 1 галиот и 13 бригантин.

Около Ладоги находился шведский отряд генерала Крониорта. Петр приказал П. М. Апраксину наступать на Крониорта, тесня его к западу. Апраксин выполнил это поручение, дойдя в августе 1702 г. до реки Тосны, но потом был вынужден отступить до реки Назиы. В августе же флотилия Ивана Тыртова атаковала шведскую эскадру вице-адмирала Нумерса в Ладожском озере и вынудила ее уйти Невой и Финским заливом в Выборг. Шереметев еще летом 1702 г. получил приказание вторгнуться в Лифляндию, что он и сделал, разбив шведов при Гумельсгофе. После возвращения в Псков, Шереметев в сентябре был вызван вместе со своим отрядом в Ладогу. Еще до Шереметева в Ладогу пришел во главе своего войска князь Н. И. Репнин. Сам Петр весной 1702 г. отправился в Архангельск с целью принять ряд оборонительных мер против возможного наступления шведских морских сил с севера, что после нападения шведского флота на Архангельск в 1701 г. представлялось вероятным. В августе 1702 г. Петр с отрядом войск и двумя построенными в Архангельске большими кораблями по знаменитой «Осударевой дороге», проложенной в лесах и болотах от деревни Нюхча до Повенца на протяжении 160 верст, прибыл в Ладогу.

Итак, к осени 1702 г. все меры к обеспечению удаchi замысла Петра были приняты: архангельские укрепления и рейд Шереметева в Лифляндию внушали уверенность, что с севера и запада шведов опасаться нечего; морские силы шведов в Ладожском озере перестали быть угрозой; возле Ладоги сосредоточилась большая армия, готовая к наступлению, первой стадией которого явились действия Апраксина против

Крониорта. 26 сентября русские войска выступили в поход.

Апраксин Федор Матвеевич (1661 □ 1728) — сподвижник Петра I, генерал-адмирал, строитель и командующий русского флота. Успешно защищал от шведов Петербург (1708). Член Верховного тайного совета.

Матвеев Андрей Артамонович (1666 □ 1728) — дипломат и гос. деятель нач. XVIII в. Был послом в Гааге и Вене, с успехом выполнял сложные дипломатические поручения. После 1715 г. был президентом Морской академии и навигационной школы.

Начало наступления увенчалось блестящим успехом — в октябре пал Нотебург. Петр торжествовал: реванш за Нарву был взят, и теперь шведы должны будут убедиться в том, что русская армия не только не потеряла своей боеспособности, но стала гораздо сильнее, чем за два года до того. Стратегический выигрыш заключался в возможности для Петра двигаться вниз по Неве, не опасаясь за свой тыл. Политическое значение овладения старым русским Орешком было весьма велико. Петр это живо чувствовал; на медали, выбитой по случаю взятия Нотебурга, было вычеканено: «Был у неприятеля 90 лет», а в объяснительном тексте к чертежу осады Нотебурга, написанном самим Петром, говорилось: «Таковым образом через помочь Божию отечественная крепость возвращена, которая была в неправдивых неприятельских руках 92 года».

Однако развить немедленно свой успех Петр не мог. Он сам признавался, что победа далась ему нелегко («зело жесток сей орех был»), а потому надо было прежде всего привести в порядок материальную часть армии (во время осады и штурма Нотебурга было выпущено около 15 тысяч снарядов и истрачено более 4

тысяч пудов пороха). Для снабжения армии боевыми и другими припасами следовало ждать вскрытия Невы. Кроме того, Петр поджидал прибытия новых подкреплений. Все эти обстоятельства заставили его отложить поход вниз по Неве до весны 1703 г. Но вместе с тем затягивать развитие наступления было опасно: морские силы шведов могли войти в устье Невы, а шведские войска, опираясь на крепость Ниеншанц, находившуюся почти у самого устья (при впадении Охты в Неву), имели возможность предпринять контрнаступление. Допустить это — значило бы аннулировать только что одержанный успех. Вот почему Петр ранней весной 1703 г. возобновил наступление. Главной задачей его теперь было овладение Ниеншанцем и защита Невы от проникновения в нее шведов с моря.

23 апреля 1703 г. Б. П. Шереметев во главе корпуса пехоты численностью в 16 тысяч человек направился к Ниеншанцу. На следующий день, не дойдя 15 верст до крепости, он выслал вперед двухтысячный отряд с разведывательными целями. Отряд подошел к самой крепости и после короткой стычки с неприятельской заставой занял место у внешнего вала. 26 апреля к Ниеншанцу подошел Шереметев и расположился около него лагерем. Немедленно же начались осадные работы. Шведы вели по осаждающим непрерывный орудийный огонь, но особенного вреда не наносили. В тот же день из Шлиссельбурга прибыл Петр с караваном барок, на которых находилось 16 трехпудовых мортир, 48 пушек крупного калибра, бомбы, фашины, шанцевый инструмент и т. п.

28 апреля Петр с семью ротами Преображенского и Семеновского полков на 60 лодках отправился вниз по Неве «для осматривания неевского устья и для занятия оногo от прихода неприятельского с моря». В эту разведку Петр впервые имел возможность

познакомиться с местом основания новой крепости и города. Оставив на острове Витусаари (позднее Гутуевский) заставу из трех рот, он 29 апреля вернулся в лагерь под Ниеншанцем. Ко времени возвращения Петра осадные работы были закончены и батареи возведены. 30 апреля Шереметев послал к коменданту Ниеншанца парламентариев с предложением сдаться. После отказа шведов, с вечера 30 апреля началась артиллерийская стрельба, продолжавшаяся до рассвета 1 мая. На рассвете шведы заявили о согласии сдаться. Начались переговоры о сдаче. К полудню они были закончены. По условиям сдачи в руки русских переходили вся артиллерия и военное имущество крепости. Гарнизон и жители города отпущались в Выборг. 2 мая после благодарственного молебна «за оную полученную над неприятелем победу о взятии крепости, а наипаче, что желаемая морская пристань получена», русские войска вошли в крепость и город, а шведский гарнизон и городские жители были выведены из Ниеншанца и поставлены у Невы, откуда 9 мая они были отпущены в Выборг.

Таким образом, вся ниеншанцская операция, начиная с выступления корпуса Шереметева и кончая капитуляцией крепости, заняла всего 8 дней.

Подавляющее превосходство русских сил определило столь быстрый успех. Но легкость, с какой досталась в руки Петра крепость, ни в какой мере не означала, что Нева уже прочно закреплена за русскими. Шведская угроза со стороны моря продолжала висеть над тем сухопутным войском, какое появилось близ устья Невы. Петр это превосходно понимал, что он и доказал своей разведкой взморья, произведенной накануне взятия Ниеншанца. Его опасения подтвердились. Вечером 2 мая к Петру прибыл посланный от начальника заставы на Витусаари с извещением, что на взморье появилась шведская

эскадра, состоявшая, как выяснилось впоследствии, из 9 судов под командованием Нумерса. Шведский адмирал двумя пушечными выстрелами дал знать о своем прибытии гарнизону Ниеншанца, о судьбе которого он, конечно, не подозревал.

С целью обмануть шведов Шереметев приказал ответить двумя же выстрелами из русского лагеря и повторять этот сигнал ежедневно утром и вечером. Шведы поддались обману и спокойно оставались на взморье. 6 мая от шведской эскадры отделились бот «Гедан» и шнява «Астрель», направились к Неве и стали в ней недалеко от устья.

Шведы неоднократно посылали матросов за лоцманами. Но всех посыльных ловили русские гвардейцы, специально для этого поставленные.

5 мая прибыл гонец, доложивший, что два корабля из шведской эскадры, подошли к самой Неве и стали на якорях. Было решено плыть на лодках на разведку. Снарядили 30 лодок. На передней лодке плыл сам царь Петр. Вместе с ним был старый рыбак. Старик сообщил, что к взморью есть два пути: по небольшой речке (Фонтанке) и прямо по Неве, мимо Лосьего (Васильевского) острова. Решили разделиться. 17 лодок во главе с Меншиковым пошли по Фонтанке, а остальные 13 во главе с Петром поплыли напрямик, прячась у лесистых берегов Лосьего острова.

Приблизившись к шведским кораблям, «лодочная флотилия» затаилась: стали ждать темноты... Наконец набежала небольшая тучка, закропил дождик. Петр махнул рукой и атака началась.

Часовые на восьмипушечном «Астреле» и десятипушечном адмиральском боте «Гедан» мирно дремали. Стук весел сливался со звуком дождя, поэтому лодкам удалось подойти очень близко, когда их все-таки заметили.

С «Астреля» послышался ружейный залп. Еще один. Но в суматохе шведы не могли как следует прицелиться. Прямо на палубе взрывались гранаты.

Одним из первых на «Астрель» влез «бомбардир-капитан» огромного роста, с топором и гранатой в руках. За ним лезли преображенцы... Жестокая, быстрая схватка и «Астрель» в руках Петра I. А в это время Меншиков захватил «Гедан».

Меншиков Александр Данилович (1673 – 1729) — ближайший сподвижник Петра I, талантливый полководец и гос. деятель, генералиссимус русской армии. С 1703 г. — первый губернатор и руководитель строительства Петербурга и крепости Кронштадт. В 1706 г. под его руководством была разгромлена 27-тысячная шведско-польская армия у Калиша. В Полтавской битве 1709 г. блестяще осуществил замысел Петра по охвату и разгрому левого крыла шведов. Настойчивым преследованием принудил остатки шведской армии к капитуляции у Переволочны. При Петре II попал в опалу и в 1727 г. был сослан в Березов (Зап. Сибирь), где и умер.

Победителей встречали и салют и награда. Фельдмаршал Шереметев и адмирал Головин, старейшие кавалеры ордена св. Андрея Первозванного, возложили его на Петра Алексеевича, Александра Меншикова и Гаврилу Головкина.

На медали было выгравировано «Небывалое бывает»...

Офицеры и солдаты были награждены золотыми медалями. Вид сражения и изображение обоих шведских кораблей были по распоряжению Петра выгравированы художником-голландцем Адрианом Шхонебеком.

Московский резидент Отто Плейер своему государю в Вену

10 мая 1703 г.

Вместе с первым министром уехал к его царскому величеству в Нотебург, теперь называемый Шлиссельбургом, польский посол г. фон Кенигсек. Недалеко оттуда строятся корабли... После прибытия его царского величества и других господ был спущен на воду один из тех кораблей — быстроходное судно, после чего до поздней ночи пили и кричали «виват!», и наконец каждый в темноте вернулся на свою квартиру. При этом, однако, с господином польским послом произошло несчастье: его штурман напился пьян, посол также был не слишком трезв, и они наехали ночью на лежащий на воде якорный канат другого судна, опрокинулись, и посол, а вместе с ним и еще несколько человек утонули, и тела их пока не найдены».

Царь Петр из Шлиссельбурга Федору Апраксину

Здесь все изрядно, милостию Божию; толко зело нещасливый случай учинился за грехи мои: перво доктор Клем, а потом Кенигсек, который уже принял службу нашу, и Петелин утонули внезапно. И так, вместо радости, плач...

Успех, одержанный русскими, на первое время развязал руки Петру. Нумерс, правда, не ушел со взморья (он оставался там до октября), но пленение двух кораблей передвигавшимся на лодках сухопутным войском, происшедшее на глазах у всей шведской эскадры, не могло не заставить шведского адмирала быть весьма осторожным. Рассчитывая на пассивность Нумерса, Петр тотчас же отправил Шереметева к Копорью. 8 мая Шереметев выступил, а 27 мая Копорье было уже взято. Еще раньше (14 мая) шведы потеряли Ямы, взятые отрядом генерала Вердена.

Отправляя Шереметева к Копорью и поручая Вердену захватить Ямы, Петр торопился прикрыть

только что завоеванные места со стороны Эстляндии на случай, если шведы станут наступать с запада. Но выполнение этой задачи решало только половину дела. Нумерс все же оставался у взморья, и никакой уверенности в том, что он не сможет получить подкрепления и после этого не перейдет к активным действиям, у Петра не было. Кроме того, у реки Сестры находился отряд Крониорта, который в любую минуту мог появиться на Неве. Это заставляло Петра принять меры к тому, чтобы Нева оказалась укрепленной сильнее, чем была укреплена шведами, и чтобы ее нельзя было потерять столь же легко, как выпустил ее из своих рук противник. Петр немедленно занялся этим делом.

ЗАКЛАДКА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам,
И запируем на просторе.

А. Пушкин

В «Журнале» Петра читаем: «По взятии Канец (Ниеншанца) отправлен воинский совет, тот ли шанец крепить или иное место искать (понеже оный мал, далеко от моря и место не гораздо крепко от натуры), в котором положено искать нового места, и по нескольких днях найдено к тому удобное место — остров, который назывался Луст-Эланд (т. е. Веселый остров), где в 16 день мая (в неделю пятидесятницы) крепость заложена и именована Санктпитербурх...». Вообще-то тамошние жители-финны называли остров

Енисаари, т. е. Заячий. Но Петр оставил шведское название. Вроде бы здесь когда-то при шведах был увеселительный сад.

Таковы скудные сведения о закладке новой крепости на Неве, сообщаемые единственным официальным и авторитетным источником («Журнал» редактировался самим Петром). Приведенная запись не оставляет сомнений в том, что вопрос об основании новой крепости не был решен до взятия Ниеншанца, т. е. до 2 мая 1703 г. Это вполне понятно: невозможность превращения Ниеншанца в сильный укрепленный пункт могла обнаружиться только после осмотра крепости Петром и лицами, участвовавшими в ее взятии. Осмотр убедил их прежде всего в малых размерах Ниеншанца, очевидно недостаточных для замыслов Петра. Далее, место оказалось «не гораздо крепким от природы». Вероятнее всего, этими словами выражалось то, что Ниеншанц с восточной и северо-восточной сторон не имел никаких водных преград (с юга он примыкал к Неве, а с запада — к Охте). Удаленность крепости от моря могла быть установлена Петром еще во время его поездки к Витусаари 28 и 29 апреля. Она явилась дополнительным доводом в пользу необходимости искать места для новой крепости. Все эти соображения заставили Петра пренебречь получением «желаемой морской пристани», славой Ниеншанца как торгового центра, его экономическими связями с балтийскими городами и побудили организовать поиски такого места, какое в первую очередь обеспечивало бы военные нужды.

«По нескольких днях найдено к тому удобное место», — так записано в «Журнале» Петра. Очевидно, что после военного совета обследование невских берегов, начатое еще до падения Ниеншанца, продолжалось. Петр остановил свой выбор на Луст-Эланде. Для целей обороны Невы место было очень

удобно. Остров находился у самого разветвления реки на два рукава, и крепость, возведенная на нем, могла держать под обзором вход в Неву. Размеры Луст-Эланда были почти одинаковы с размерами Ниеншанца, и с этой стороны новая крепость преимуществ перед Ниеншанцем иметь не могла. Но стратегические выгоды острова с лихвой искупали этот недостаток. Петр, видимо, сразу оценил значение Луст-Эланда и приказал немедленно же начать работы по возведению на нем крепости.

В «Журнале» Петра и в «Книге Марсовой» дата закладки крепости указана одна и та же — 16 мая. Эта дата была принята за день основания Петербурга и в течение 182 лет не возбуждала никаких сомнений. В 1885 г. появилось известное исследование П. Н. Петрова «История Санкт-Петербурга», в котором автор заявил, что днем основания крепости следует считать не 16 мая, а 29 июня. В пользу своего положения Петров выдвинул три довода: 1) 16 мая Петр находился на Сяси, а без него не могло состояться такое важное событие, как закладка Петербурга; 2) все документы, написанные на Неве за май и июнь 1703 г., помечены Шлотбургом и только 1 июля впервые появляется помета «из Санкт-Питербурха» (на письме Петра Ф. М. Апраксину); 3) 29 июня в торжественной обстановке — с тостами и пушечной пальбой, в присутствии самого царя и новгородского митрополита Иова — происходила закладка церкви Петра и Павла; эта закладка и есть основание крепости.

Предложение П. Н. Петрова считать днем основания Петербурга не 16 мая, а 29 июня вызвало возражения и породило целую полемику. Автору справедливо указывали, что он смешал два факта: закладку крепости и ее название. За Петровым остается бесспорная заслуга установления точной даты названия крепости, но дата начала ее постройки (16 мая)

соображениями Петрова не колеблется, так как никаких прямых доказательств в пользу ее ошибочности он привести не смог. Значительно позже выхода исследования Петрова появилась брошюра князя Н. В. Голицына «К 200-летию основания Петербурга. Петербург или Петрополь? Новое свидетельство об основании Петербурга» (СПб., 1903). В ней было приведено прямое документальное свидетельство о времени наименования крепости. Ф. А. Головин, сопровождавший Петра в его походе на Неву, в письме от 25 июня 1703 г. писал П. Н. Готовцеву, который состоял в литовском войске при жмудском генеральном старосте князе Г. Огинском: «Войска великого государя стоят ныне в Ингрии и чинят непрестанны на отвращение неприятеля паники... И делают две крепости зело изрядные, чтоб неприятелю приступу к тому не было». А в письме от 16 июля Головин сообщал тому же Готовцеву:

«Сей город новостроющийся назван в самый Петров день Петрополь, и уже онога едва не с половину состроили». Письма Головина не оставляют сомнения в дате наименования крепости, но в то же время являются новым подтверждением того, что постройка крепости началась до 29 июня.

Крепость получила название Санкт-Питербурх — так она названа в «Журнале», в «Книге Марсовой» и почти во всех документах, написанных или полученных в ней после 29 июня. Только в нескольких случаях встречается название Петрополь: письмо Петра Г. Огинскому от 16 июля помечено Петрополем, на проекте договора Петра с Августом II имеется скрепа Ф. А. Головина: «Статьи, которые посланы по указу великого государя 1703, июля в 16 день, от Петрополя», в письме князя Б. А. Голицына Петру от 17 августа Петербург называется Питерполь, да в только что приведенном письме Головина Готовцеву сообщается,

что крепость названа Петрополь. На гравюре «Новый способ арифметики» (Москва, 1705) было воспроизведено изображение крепости с надписью над ним: «С. Петрополкъ, 1703». Надо думать, что название Петрополь никогда не носило официального характера и бытовало лишь короткое время. Нет оснований предполагать, что Петр когда-либо серьезно задумывался над возможностью назвать новую крепость Петрополем. Переименование им Нотебурга, Ниеншанца, Ям на голландский манер заставляет думать, что для вновь построенной крепости он не имел причин сделать исключение и назвать ее не по-голландски, а греко-византийским названием, заимствованным с языка, всегда остававшегося чуждым Петру.

Мысль о названии крепости именем того святого, в честь которого получил свое имя Петр, была для него не новой. Еще в 1697 г. Петр назначил боярина А. С. Шеина командовать войсками, отправляемыми в Азов. Ему было поручено построить на северной стороне Дона против Азова крепость, которая стала называться крепостью святого Петра. Через шесть лет опыт был повторен, и основанная на берегах Невы крепость получила такое же название, но только не по-русски, а по-голландски, что не может вызывать удивления после путешествия Петра за границу.

На воротах Петропавловской крепости сохранилось аллегорическое изображение победы апостола Петра (олицетворяющем собой Россию) над волхвом Симоном (олицетворяющем Швецию), который в Риме похвалялся, что умеет летать, но был низвергнут из выси на землю по молитве апостола и разбился.

Петр I за два дня до основания Петербурга, произнес: «Во имя Иисуса Христа на сем месте будет церковь во имя верховных апостолов Петра и Павла!» — воздвиг крест на Заячьем острове. 16 мая в момент

закладки земляной Петропавловской крепости в ее основание был помещен золотой ковчег с частицей Андрея Первозванного. Напомним, что Андрей Первозванный особо почитался в петровское время. «Повесть временных лет» рассказывает о путешествии Андрея через русские земли по пути «из варяг в греки». В начале этого пути, на месте будущего Киева, Андрей со словами: «Имать град велик быть и церкви многи Бог воздвигнути имать!» — установил крест. Так что аналогия налицо.

Конечно же об основании Петербурга существует легенда.

Якобы Петр I, осматривая остров, взял у солдата башнет, вырезал два куска дерна и, положив их крестообразно, сказал: «Здесь быть городу!». Затем, взяв заступ, первым начал копать ров; в это время в воздухе появился орел и стал парить над царем. Когда был выкопан ров около двух аршин, в него поставили ящик, высеченный из камня; духовенство этот ящик окропило святой водой, государь поставил в него золотой ковчег с мощами св. апостола Андрея Первозванного. После того царь покрыл ящик каменной доской, на которой была вырезана следующая надпись: «От воплощения Иисуса Христа 1703, мая 16, основан царствующий град С.-Петербург великим государем царем и великим князем Петром Алексеевичем, самодержцем всероссийским». Затем царь приступил к обложению другого раската; здесь было сделано из двух длинных тонких берез, воткнутых в землю и связанных верхушками, нечто вроде ворот. Парящий над островом в это время орел спустился с высоты и сел на эти ворота; ефрейтор Одинцов снял его выстрелом из ружья. Петр увидел в этом хорошее предзнаменование; перевязал у орла ноги платком, посадил себе на руку и, сев на яхту с орлом в руке, отплыл к Канцам. В этот день все чины были

пожалованы столом, веселье продолжалось до двух часов ночи при пушечной пальбе.

Эта легенда исторически не правдива. Петра I при закладке крепости не было, он находился в это время у Лодейного поля (там строили «лодья»), а что касается орла — какие на болоте могли быть орлы? Впрочем, в рукописи петровского времени неизвестного автора «О зачатии и здании царствующего града Санктпетербурга» говорится:

«Жители острова, который ныне именуется Санктпетербургской и близ оною по островам жившего, сказывали, будто оной орел был ручной, а жительство его было на острове на котором ныне город Санктпетербург. Выгружались по берегам реки Невы маштовые и брусовые королевские леса, и караульными солдатами тех лесов оной орел приручен был к рукам».

А финская легенда рассказывает, что Петербург не мог быть построен на таком топком, губительном, проклятом Богом болоте не известными в то время способами строительства. Он бы просто утонул по частям. И поэтому его целиком возвели на небе и затем осторожно опустили на землю.

Или еще легенда. Петербург строил богатырь на пучине. Построил первый дом своего города — пучина его проглотила. Богатырь строит второй дом: та же судьба. Богатырь не унывает, он строит третий дом, и третий дом съедает злая пучина. Тогда богатырь задумался, нахмурил свои черные брови, наморщил свой широкий лоб, а в черных больших глазах загорелись злые огоньки. Долго думал богатырь и придумал. Растопырил он свою богатырскую ладонь, построил на ней сразу свой город и опустил на пучину. Съесть сразу целый город пучина не смогла, она должна была покориться, и город Петра остался цел.

В XIX в. появилось много разных рассказов о Петре I, во многом забавных. Вот один из них, об отношении

царя к тем же финнам.

Завоевав у шведов часть Финляндии и принявшись с обычной энергией за устройство новой области своей державы, царь обратил внимание на то обстоятельство, что местные крестьяне большей частью страдают болезнями ног. Тотчас же, со свойственной ему проницательностью, он открыл и причину этого патологического явления: у чухонцев оказалась весьма скверная обувь. Тогда царь вызвал из Нижегородской губернии, известной производством лаптей, шесть человек лучших мастеров-лапотников в Финляндию, обучить чухонцев своему искусству. Мастера прибыли, их разместили по разным пасторатам, и дело так привилось, что в самое короткое время чухонцы выучились плести лапти и, таким образом, приобрели удобную обувь.

Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства — это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времен Петра два века и доселе не разрешенная.

В. Ключевский

Вспомним строки, которые Пушкин посвятил возникновению Петербурга. Поэт сказал: «на берегу пустынных волн» — но это утверждение вовсе не соответствует действительности: ко времени основания Петербурга его острова были в достаточной степени заселены. На главных из них мы можем указать 6 селений. На истоках Фонтанки находилось имение шведского майора Конау: приблизительно там, где потом встал Инженерный замок, стояла усадьба майора, а на месте нынешнего Летнего сада был разбит по голландскому образцу довольно большой сад. Далее, на месте нынешнего Адмиралтейства была довольно большая безымянная деревня, в ней заключалось «пять дворов и семь душ мужского пола, сена косили 90

копен, а хлеба сеяли 18 коробей». Деревня Гавгуева была приблизительно на месте возникшей потом Благовещенской площади — при Петре здесь был каторжный двор. На Васильевском острове, на самой стрелке, были охотничий домик Якова Делягарди и селение лоцманов. Наконец, на Фомином острове при шведах находилось большое, — подчеркиваем это определение, — поместье Биркенгольм, где король Густав Адольф хотел основать город Ниен, а в новгородское время здесь было большое село в 36 дворов (что соответствует населению около 180 душ) — самое крупное из поселений в устьях Невы, — и в нем находился «двор тиун на приезд, без пашни», т.е. дом для приезда великокняжеского судьи. Значительное количество деревушек было раскинуто и по другим островам, так что назвать эту местность «пустынной» ни в коем случае нельзя.

Большая Новгородская дорога шла приблизительно по нынешней Лиговке и в конце современной Кирочной делилась на несколько троп. Одна из них, около Пантелеймоновского моста, переходила через Фонтанку, огибала сад майора Конау, и вдоль берега Невы шла на взморье, другая через современные Пески направлялась к Охтинскому перевозу, тогда перевозу к Ниеншанцу.

На Охте в начале XVII в. лежала деревня Усадище, на реке Чернавке, притоке реки Охты, — деревня Минкино. На территории, занятой позднее Смольным, располагалось село Спасское, Спасский погост, где стояла православная церковь. У Литейного проспекта, там, где сейчас набережная Кутузова, располагались деревни Враловщина и Палениха.

У ерика Безымянного, как тогда звалась Фонтанка, лежала деревня Кандуя. На Выборгской стороне значатся деревни Кошкино и Орешек.

У истоков Фонтанки, там, где она вытекает из Невы, стояла деревня Усадище, или Усадица. Возле устья Безымянного ерика были избы деревни Калинки. Память о ней запечатлена в названии Калинкина моста.

Ерик — небольшой проток, соединяющий два озера или реку с озером.

Где-то возле будущего Таврического сада лежали Сабирино и Осинное, на реке Волковке — Гаврилово и Кухарево. На Неве, у места расположения современного Володарского моста, значатся Дубок Верхний и Дубок Нижний. Между Охтой и Большой Невкой были расположены Одинцово, Гринкино, Максимово. Там, где сейчас село Рыбацкое, располагалась деревня Сундерица. Уже тогда стояли деревни Волково, Купчино, Саблино, Лукьяновка. Деревушки в два-три дома располагались на берегу Карповки, на Крестовском острове.

На Выборгской стороне лежали деревня Опока и усадьба Одинцова (Адицова—на шведских картах).

Вблизи дельты Невы располагались русские поселения: Первушкино и Лигово, Колтуши, Тосно, Токсово, Лисий Нос, Стрельна, Паркола (Парголово), Кавгала (Кавголово), Дудорово (Дудергоф). Вверх по течению Невы лежали Путилово, Муцыкино, Васильево и др. В дельте Невы находились острова Васильевский, Лозовый (Гутуевский), Крестовый (Крестовский), Каменный, Хвойный (Аптекарский), Столбовой (Петровский), Березовый (Петроградская сторона) и др.

Следует отметить следующую любопытную подробность, к которой более обстоятельно мы вернемся впоследствии: почти все большие сооружения Петербурга петровского времени сооружались на месте этих первоначальных деревушек. И понятно, почему: здесь почва была более или менее обработана, укреплена, следовательно, требовалось менее

подготовительной работы — а Петр, несмотря на весь его размах, был очень экономен в средствах.

Итак, 16 мая 1703 г. основывается крепость, названная в честь святого апостола Петра: Санкт-Петербург. А 29 июня в центре крепости закладывается деревянная небольшая церковь во имя апостолов Петра и Павла. Это был как раз их день. Крепость переименовывается в Петропавловскую, а прежнее ее название Санкт-Петербург переносится на город, к тому времени уже возникший под защитой крепости.

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ

У самых вод раскатистой Невы,
Лицом к лицу с нарядною столицей,
Темнеет, грозный в памяти молвы,
Гранитный вал с внушительною спицей.
Там виден храм, там искони внутри
Опочивают русские цари,
А возле стен зарыты коменданты,
И тихий плач в гробницы льют куранты...

С. Андреевский

Поспешность в возведении крепости заставляла ее коменданта Романа Вилимовича Брюса принимать самые решительные меры по комплектованию рабочей силы. Главными строителями, конечно, были «рабочие люди», вербовавшиеся в то время по всей России.

Ценою жизни и здоровья солдат и «рабочих людей» крепость, действительно, строилась быстро. Условия труда и быта первых строителей города были исключительно тяжелы. Изнурительный труд, недоедание, отсутствие жилищ (люди ютились в шалашах, а то и просто под сырым петербургским небом) уносили множество жизней.

Об участии строителей города ярко говорит то обстоятельство, что работа на этой стройке приравнивалась к каторге. В одном из своих указов Петр I предписывал дезертиров из армии «...бить кнутом и ссылать на каторгу в новопостроенный город в Санкт-Петербург, чтобы и впредь иным таким с службы и из полков бегать было неповадно».

Правда, для сокращения смертности среди строителей города принимались некоторые меры. В Новгороде было создано центральное провиантское управление, направлявшее в район стройки продукты на судах по реке Волхов и через Ладожское озеро. В Ладоге и Шлиссельбурге были созданы продовольственные перевалочные базы. Уже весной 1704 г. в Петербург прибыл транспорт с теплой одеждой. Однако регулярность подвоза хлеба и других припасов нередко нарушалась из-за бурь на Ладожском озере. Для борьбы против дизентерии и цинги применялась лекарственная водка, настоенная на сосновых шишках. Это «лекарство» выдавалось, конечно, не бесплатно — ведро стоило 4 руб. 32 коп. Высученные деньги шли в доход казны. (Заметим, что ежедневный заработок квалифицированного каменщика не превышал 10 копеек.)

Несмотря на все эти меры, смертность среди строителей была очень высока, о чем свидетельствует замечание графа Апраксина на одном из донесений: «Зело ужасает меня включенная роспись о умерших и больных солдатах, и отчего такой упадок учинился не можем рассудить».

Нехватка рабочих рук и, вероятно, стремление сохранить своих солдат и полноценную рабочую силу побудили Петра дать распоряжение о направлении в Петербург уголовных преступников, с тем чтобы заменить им ссылку в Сибирь работами по сооружению крепости. «Зело нужда есть,—писал Петр 23 сентября

1703 г. к Ф. Ю. Ромодановскому,—дабы несколько тысяч воров (а именно, если возможно, 2000 человек) приготовить к будущему лету: по всем приказам, ратушам и городам собрать по первому пути их, которые посланы в Сибирь, а ныне еще в Вологде».

В основном же ряды строителей города пополнялись путем мобилизации рабочей силы. Уже в 1704 г. указ от 1 марта обязывал провинциальную администрацию выслать в Петербург из 85 мест страны 40 тысяч рабочих. На 1705 год был дан наряд на отправку рабочей силы «с 35 городов, с посадов, дворцовых волостей, поместьев, вотчин всяких чинов людей, с крестьянских и бобыльских дворов, взять работных людей с девяти дворов человека». И с тех пор мобилизация рабочих рук на строительство Петербурга не прекращалась много лет.

Осенью 1703 г. можно было уже приступить к установке орудий на земляных бастионах крепости. Жерла 300 пушек преградили вход шведскому флоту в пределы отвоеванной территории. По 52 пушки было установлено на Нарышкинском и Трубецком бастионах, 58 пушек — на Царском бастионе, который держал под прицелом вход в Неву со стороны ее рукава — Большой Невки. В крепости были созданы большие запасы пороха, ядер, продовольствия.

Бастион — выступ крепостной стены, вначале полукруглый или прямоугольный, позднее — обычно пятиугольной формы в плане.

С осени 1703 г. строительными работами, по общим указаниям Петра, руководил вызванный им в Россию итальянский архитектор Доменико Трезини. Уже 4 апреля 1704 г. на «Государевом раскате» (Царском бастионе) впервые был зажжен маячный фонарь, что символизировало собой завершение первоочередных фортификационных работ.

Трезини Доменико (1670-е гг.-1734) — архитектор, уроженец Швейцарии. С 1703 г. до конца жизни работал в Петербурге, выполнил «образцовые» (типовые) проекты жилых домов и выстроил много зданий. Наиболее значительны: собор с колокольней в Петропавловской крепости, здание 12 коллегий (ныне университет), Летний дворец царя Петра и др. Творчество Трезини характеризуется чертами русского барокко начала XVIII в.

Для снабжения защитников крепости водой на случай осады во всю длину Заячьего острова был прорыт канал пятиметровой ширины (он был засыпан лишь в 1882 г.). По нему подвозились и строительные материалы: вдоль канала строились дома для коменданта и других начальствующих лиц крепости, цейхгауз (арсенал) для склада оружия и боеприпасов, гарнизонная канцелярия, «провиантские магазейны» (продовольственные склады).

Изданная в XVIII в. книга А. И. Богданова — первого русского историка Петербурга — дает некоторые сведения о том, какие здания существовали внутри Петропавловской крепости.

В центре крепости, на северном берегу канала стояла церковь «деревянная, видом крестообразная, о трех шпицах, на которых шпицах по воскресным дням и праздничным подымались вымпелы, расписана была под каменный вид желтым мрамором». Неподалеку от церкви стояли светлицы «нарочитой архитектуры», в которых размещался Сенат, впоследствии переехавший в мазанковое здание на Троицкой площади. В пределах крепости размещалась и главная аптека — лучшая во всей стране по ассортименту медикаментов. Аптека имела свои плантации для выращивания лекарственных растений — Аптекарский огород, который находился на тогдашней окраине города. От этого «огорода» ведет

свою историю нынешний Ботанический сад в Петербурге. Эта аптека широко славилась замечательным собранием сосудов из тончайшего китайского фарфора.

На южном берегу прорезающего Заячий остров канала, у площади напротив церкви стояло здание гауптвахты. В 1743 г. гауптвахта была построена в камне (здание было одноэтажным), но современный свой облик она приобрела в 1907 — 1908 годах. Площадь перед гауптвахтой в первые годы существования крепости служила местом наказаний в чем-либо провинившихся солдат. На этой площади (она именовалась Плясовой) «поставлена была деревянная лошадь с острою спиной, на которую сажали за штраф солдат на несколько часов сидеть, и притом еще столб вкопан был деревянный, а около его поставлены были спицы острые, а вверху того столба была цепь, и когда кого станут штрафовать, то во оную цепь руки его замкнут и на тех спицах оный штрафованный должен несколько времени стоять».

Вблизи гауптвахты находился деревянный оберкомендантский дом. В 1747 г. здание было возведено в камне и в таком виде сохранилось до наших дней. В этом доме проходили судебные заседания по делам декабристов, группы Петрашевского, а также Д. Каракозова и А. Соловьева (впоследствии казненных за покушения на Александра II) и других. Верхний этаж здания служил квартирой коменданта крепости, должность которого считалась почетной и несменяемой. Комендантов крепости с 1720 по 1914 г. хоронили на крохотном кладбище у восточной стены собора.

Коменданты Петропавловской крепости:

Р. В. Брюс (комендант в 1704—1720), М. О. Чемезов (1720—1723), Я. Х. Бахмиотов (1723—1725), Г. Д. Есипов (1732—1734), С. Л. Игнатьев

(1734—1747), Ф. В. Мещерский (1748—1756), П. А. Сафонов (1801—1814), А. Я. Сукин (1814—1837), М. К. Крыжановский (1837—1839), И. Н. Скобелев (1839—1849), И. А. Набоков (1849—1852), А. Ф. Сорокин (1861—1869), Н. Д. Корсаков (1869—1876), Е. И. Майдель (1876—1881), В. Н. Веревкин (1887—1896), А. В. Эллис (1896—1907), К. В. Кошаров (1908—1912), В. Н. Данилов (1913—1914).

Для защиты крепости с севера на правом берегу проходящего здесь пролива в 1706—1707 гг. было начато строительство укреплений — кронверка. В 50-х годах XIX в., когда во время Крымской войны английский флот грозил Петербургу, на территории кронверка для дополнительного усиления крепости и размещения боеприпасов было построено подковообразное здание арсенала.

Территорию, примыкавшую к кронверку, по требованиям военной науки нельзя было застраивать, чтобы неприятель не мог под прикрытием зданий приблизиться к стенам крепости. Так возник громадный пустырь, который не застраивался и позже, в соответствии с изданными в 1747 г. «Правилами построения деревянных домов в расстоянии 300 сажен от Петропавловской крепости». На месте этого пустыря был создан парк, открытый 30 августа 1845 г., в день празднования памяти Александра Невского, и названный в его честь Александровским.

Помимо земляных валов кронверка с установленными здесь 78 орудиями, Петропавловская крепость в начале своего существования имела еще однокрытие — артиллерийскую батарею, стоявшую на стрелке Васильевского острова. Обеспечению безопасности крепости и города со стороны моря (оно еще оставалось во власти шведского флота) служили также пушки на валах, окружавших Адмиралтейство, и еще одна далеко выдвинутая «фортеция».

Еще в октябре 1703 г., промерив фарватер Невы, Петр на шлюпке вышел в залив и, оценив стратегическое положение острова Котлин, решил неподалеку от него соорудить крепость, которая заперла бы шведскому флоту подход к новому городу по Финскому заливу. В феврале 1704 г. модель этого укрепления была передана Петром Меншикову для исполнения. Модель изображала пятигранную деревянную башню с конусообразным верхом и несколькими рядами амбразур для пушек. Меншикову было приказано на льду, на краю отмели у южного побережья острова Котлин, рубить из бревен ряжи, нагружая их камнями, чтобы ряжи эти, проломив лед, силой своей тяжести опустились на дно и служили основанием возвышающейся над водой башни.

К делу приступили немедленно, и весной того же 1704 г. строительство нового узла обороны города было закончено. Крепость Кроншлот, как называли эту башню, имела на вооружении 14 пушек. В нередких боевых схватках, срывавших шведские планы вторжения в город с моря, она поддерживалась огнем батареи из 60 пушек, установленной на острове Котлин (позже на нем началось сооружение крепости Кронштадт). Комендант крепости Кроншлот получил предписание Петра: «Содержать сию ситадель с божьею помощью, аще случится, хотя до последнего человека... При приближении к крепости нейтральных кораблей давать предупредительный выстрел, чтобы опустили паруса и бросили якорь; в случае неповиновения открывать огонь».

После возведения дополнительных укреплений, усиления флота за счет кораблей, построенных на Адмиралтейской верфи, и выхода русских войск в районе Нарвы на южное побережье Финского залива возникла возможность дальнейшего усиления Петропавловской крепости. В мае 1706 г. развернулись

работы по замене земляных стен крепости мощными каменными сооружениями. Это строительство продолжалось около 35 лет. Над Невой на высоту почти 12 метров вознеслись новые, сложенные из кирпича, крепостные стены.

Начиная с 1736 г. с Нарышкинского бастиона ежедневно гремел пушечный выстрел, возвещавший населению города о наступлении полудня. Это было принято по предложению, внесенному в Академию наук академиком Делилем. Проектом предлагалось ровно в полдень по сигналу из обсерватории (она находилась напротив Адмиралтейства, в здании Академии наук, где размещалась также Кунсткамера) стрелять из пушки со стен Адмиралтейства, «чтобы дать каждому санктпетербургскому обывателю способ, как исправно заводить по солнцу стенные и карманные часы». В проект Делиля было внесено небольшое изменение — пушка стреляла не со стен Адмиралтейства, а с крепостного бастиона. Команда для выстрела сначала подавалась по часам колокольни Петропавловского собора, а с 1860-х гг. пушка стреляла по сигналу, передаваемому по кабелю непосредственно из Пулковской обсерватории. В конце 1938 г. передача сигналов точного времени по радио заменила этот обычай. Возобновилась пальба в 1957 г. Кроме того, стрельбой из пушки население извещалось о чрезвычайных происшествиях (наводнение, пожар и т. п.).

С годами стены крепости, ее внешний вид уже не гармонировали с прекрасными зданиями, построенными на берегах Невы во второй половине XVIII в. Решено было крепостные стены, обращенные к Неве на протяжении 700 метров, облицевать гранитом, и эта работа, придавшая крепости ее современный облик, была завершена в 1787 г.

Одетые камнем бастионы в 1790 г. были украшены круглыми будками для часовых, висящими на каменных консолях. Эти гранитные «фонарики» имитировали старинные угловые башни, которые позволяли защитникам осажденных крепостей вести огонь по врагу, пользуясь значительным сектором обстрела.

В 1797 г. за стенами Алексеевского рavelина на месте ветхого деревянного тюремного здания построили новый каменный, треугольный в плане, одноэтажный «секретный» дом Алексеевского рavelина, содержащий 21 камеру, кухню, квартиру смотрителя и баню. С этого времени крепость более чем на столетие превращается в тюрьму.

С конца XVIII в. вплоть до 1917 г. строительство крепости шло непрерывно, но работы не носили большого размаха и сводились главным образом к ремонту, который велся от случая к случаю, и застройке внутренней территории разными второстепенными домами. Военное значение крепости в начале XIX в. резко упало в связи с тем, что Финляндия по декларации 1808 г. была объявлена русской провинцией и граница передвинулась далеко на север и северо-запад.

* * *

Строительство Петропавловского собора началось летом 1712 г. по проекту и под руководством Доменико Трезини. В это время Петербург становился столицей русского государства, и в центре крепости уже нельзя было сохранять старое, обветшавшее здание деревянной церкви. Стены собора возводились вокруг старой церкви. Она оказалась как бы под каменным колпаком и была разобрана лишь в 1719 г., когда приступили к сооружению сводов и потолка собора.

В соответствии с указанием Петра, собор строился наподобие так называемой Меншиковой башни, сооруженной в Москве в 1705—1707 гг.

Колокольня и основной корпус собора возводились не одновременно. Прежде всего была построена колокольня. Такая очередность была продиктована не стремлением Петра к скорейшему декоративному убранству столицы, а совершенно правильным техническим расчетом — надо было выждать естественного оседания колоссальной массы колокольни и лишь потом соединять с ней стены собора, иначе в местах соединения стен собора с колокольней неминуемо появились бы трещины. Поэтому Петр в 1715 г. отдал распоряжение: «На колокольне, которая в городе, как возможно скорее отделать... а церковь делать исподволь».

Колокольню в основном закончили уже в апреле 1720 г. Каркас шпиля был еще обнажен (золочение медных листов для него велось в самой крепости с 1719 г.), но в августе 1720 г. Петр со своими сподвижниками уже любовался с высоты панорамой быстро растущего города.

Строительство собора затянулось, долгое время шли работы по его внутреннему убранству. Датой окончания строительных работ по сооружению собора принято считать 29 июня 1733 г.

Шпиль колокольни Петропавловского собора, высоко и гордо поднятый над Невой, призван был символизировать выход России к просторам Балтийского моря. Вместе с тем он играл важную роль в украшении и обогащении силуэта города.

Каркас шпиля в 1723 г. был покрыт позолоченными листами и тогда же на вершине колокольни собора установили часы «с курантами в 35 колоколов», купленные в Голландии за 45 тысяч рублей. Так как шпиль не имел громоотвода (последний был установлен

лишь в 1778 г.), от ударов молнии в колокольню часто возникали пожары (1736, 1748, 1756 гг. и т. д.) Одним из таких пожаров в 1756 г. были сожжены шпиль собора и драгоценные часы с курантами. Взамен их в Голландии были заказаны новые часы; их доставили в Петербург в 1761 г., но пустили в ход только в конце 1779 г. Куранты отбивали четверть часа, полчаса, час, после чего вызванивали мелодию «Коль славен», а в полдень и в полночь — «Боже, царя храни». В советское время они исполняли «Интернационал», после реставрации 1952 г. — гимн Советского Союза (в 6, 12, 18 и 24 часа), а ныне играют «Гимн великому городу» композитора Р. Глиэра.

Во время пожара 1756 г. сгорела также колокольня и было серьезно повреждено внутреннее убранство собора. Строительство новой колокольни и реставрационные работы были проведены по проекту зодчего С. Чевакинского, при участии А. Дьякова. В результате этих работ внешний вид собора в деталях изменился по сравнению с его первоначальным обликом, в частности несколько увеличилась высота колокольни.

Реставрация собора была закончена в 1757 г., а сооружение новой колокольни затянулось на много лет. Каркас нового шпиля над Петропавловским собором установили лишь в конце 1772 г. Следующие два года ушли на золочение медных листов для покрытия шпиля, изготовление креста, яблока и ангела. На позолоту всех деталей шпиля было израсходовано около 9 килограммов чистого золота. Ангел первоначально был закреплен на шпиле неподвижно, из-за чего в сентябре 1777 г. его сломала буря. В том же году по рисунку архитектора А. Ринальди изготовили новое изображение ангела, несколько меньшее по размерам. На этот раз фигура ангела была закреплена на шпиле

таким образом, что не оказывала сопротивления напору ветра, а свободно вращалась наподобие флюгера.

Всё же спустя несколько десятилетий крест вместе с ангелом от бури накренился и угрожал падением. Сооружение строительных лесов до вершины шпиля потребовало бы колоссальных расходов. Помочь делу вызвался работавший в Петербурге кровельный мастер крестьянин Петр Телушкин. Он предложил исправить повреждения без сооружения лесов и просил оплатить лишь расходы на материалы, нужные ему для работы.

Ремонт флюгера сметливым умельцем, произведенный в октябре-ноябре 1830 г., по праву может быть назван подвигом, он вошел в историю отечественной техники как выдающийся образец русской смекалки и отваги.

Первоначально Телушкин рассчитывал выйти из верхнего люка, сделанного в 10 саженьях от основания шпиля, и окинуть вокруг него веревку, которая поддержала бы работающего при опасном восхождении вверх. Но от этого намерения Телушкину пришлось отказаться — шпиль у своего основания был настолько широк, что окинуть вокруг него веревку было невозможно.

Главная трудность состояла в том, чтобы взобраться к подножию флюгера-ангела и укрепить там веревочную лестницу для последующих восхождений вверх вместе с материалами, необходимыми при ремонте. Эту трудность Телушкин блестяще преодолел. Он учел, что шпиль колокольни выложен медными золочеными листами, которые в горизонтальных спаях гладко прилегают друг к другу, а в вертикальных— загнуты ребром, так что составляют перпендикулярно стоящие к плоскости шпиля полосы двухвершковой ширины. Эти вертикальные сгибы, по плану Телушкина, должны были сыграть решающую роль в его восхождении к флюгеру.

Опясавав себя веревкой и закрепив ее другой конец на внутренней перекладине шпилья, Телушкин вылез из люка и на веревке спустился по шпилью на несколько метров. Затем, ухватившись пальцами за загибы медных листов облицовки, он уперся в один из загибов носком правой ноги и, утвердившись в таком положении, начал двигаться влево к близлежащему сгибу. Телушкин схватывал этот сгиб левой рукой несколько выше того уровня, на котором он держался за другой сгиб правой рукой. Таким образом, смельчак продвигался по спирали влево, постепенно поднимаясь вверх. Во время этого продвижения он держался только на пальцах. Кровь лилась из-под ногтей. Но преодолевая боль, напрягая силы (несмотря на свой невысокий рост, Телушкин поднимал 13 пудов) и не зная страха, он продолжал свое восхождение, таща за собой привязанную к поясу веревку, которая спиралью, следуя за его движением, обвивала шпиль колокольни.

Задача окружить шпиль веревочным кольцом была решена. Дальнейшее продвижение наверх было уже значительно легче. Преодолев большое расстояние, Телушкин обнаружил на шпилье прикрепленные к нему крючья. Они выступали на 2 вершка от поверхности медных листов. Продолжать в этих условиях спиральный подъем стало невозможным. Однако Телушкин вновь нашел выход из положения. Забрасывая на крючья веревки и подтягиваясь на них, мастер, наконец, достиг яблока, подъем на которое представлял собой, на первый взгляд, неразрешимую задачу. Теперь необходимо было забросить веревку на крест над яблоком. Однако сделать это было очень трудно.

Диаметр шпилья под самым яблоком был немногим больше аршина, а яблоко со всех сторон широко нависало над гранями шпилья. Телушкин преодолел и это препятствие. Он привязал себя за ноги повыше

ступней к шпилю под самым яблоком и, откинувшись так, что оказался почти в горизонтальном положении в воздухе, после нескольких неудачных попыток забросил конец веревки на яблоко. Веревка обвила подножие креста, и Телушкин, с ее помощью, поднялся на вершину яблока.

Огромная толпа собравшихся у колокольни всё время с тревогой следила за восхождением и радостно приветствовала победителя почти 40-метровой высоты шпиля. У подножия креста Телушкин закрепил веревочную лестницу, по которой он затем в течение шести недель поднимался вверх и вел ремонтные работы.

За свой подвиг Телушкин был награжден деньгами и медалью. Легенда гласит, что императорским указом ему было разрешено пить в петербургских кабаках бесплатно. Что случилось потом с умельцем Телушкиным — неизвестно.

Поэт второй половины XIX в. Д. Минаев сочинил такую эпиграмму:

Здесь погребены великие цари,
Здесь золотые делают монеты,
На шпиц Телушкин лазил — эка высь, смотри!
И под Неву спускаются поэты.

Последней строкой намекалось на казематы Петропавловской крепости.

В 1854 г. вновь потребовались ремонтные работы на вершине шпиля. Тогда решено было перестроить шпиль таким образом, чтобы в будущем на случай ремонтных работ не возникала необходимость сооружения лесов или вынужденного повторения подвига Телушкина. Перестройку шпиля поручили инженеру Д. И. Журавскому. В 1858 г. на Боткинском заводе (Урал) был сделан каркас нового шпиля из стальных полос. В

Петербург этот каркас доставили в разобранном виде. Монтаж производился на колокольне собора. Внутри каркаса, на две трети его высоты, была сооружена винтовая лестница, подводящая к наружному люку, от которого на внешней поверхности шпиля начиналась лесенка из скоб для восхождения до основания креста. Новая конструкция шпиля предусматривала также возможность сооружения висячих лесов. Для этого у верхней площадки винтовой лестницы внутри шпиля были сделаны люки, через которые крест-накрест устанавливались балки, а на них — легкий настил для ремонта креста и ангела.

После реконструкции шпиля высота собора вместе с ангелом достигла 122,5 метра — это и поныне самое высокое здание Петербурга (Исаакиевский собор ниже Петропавловского на 20 метров). В целом Петропавловский собор характеризуется такими размерами: длина — около 64 метров, ширина — около 30 метров, своды внутри собора поднять на высоту 16 метров, толщина стен — около 2 метров, высота шпиля колокольни 39,1 метра, диаметр яблока — 1,6 метра, высота креста — 6,4 метра, высота ангела — 3,2 метра, размах его крыльев — 3,8 метра.

Из внутреннего убранства собора особенного внимания заслуживает резной из дуба позолоченный иконостас из 43 икон. Это выдающееся художественное произведение выполнено в 1722—1726 гг. в духе традиций русского искусства по проекту Ивана Зарудного талантливыми мастерами-резчиками Иваном Телегой и Трифоном Ивановым. Роспись иконостаса производилась под руководством Андрея Меркурьева.

Зарудный Иван Петрович (1670 — 1727) — архитектор, учился и работал на Украине, затем в Москве, где создал в начале XVIII в. церковь архангела Гавриила («Меншикову башню») — один из шедевров архитектуры раннего барокко. На

строительстве церкви под его руководством работала группа иностранных мастеров во главе с Д. Трезини. Работал также в Ревеле, Петербурге, Ораниенбауме. Архитектор, скульптор, мастер декоративно-прикладного искусства, Зарудный был видным организатором строительных работ. Под его руководством создан иконостас Петропавловского собора (1722 — 1726). Возможно и его участие в создании самого собора.

В стенах собора похоронены все цари, от Петра I до Александра III (только Петр II, умерший в Москве, там и был похоронен, да нет Иоанна VI Антоновича).

Обычай хоронить членов царской династии в храмах, основывавшийся на древнейшем представлении о божественном происхождении их власти, был широко распространен во всем христианском мире. В допетровской Руси таким храмом был Архангельский собор Московского Кремля. С переносом в 1712 г. столицы из Москвы в Петербург его значение перешло к Петропавловскому собору. По этому поводу один из первых историков собора писал: «Архангельский собор в Москве весьма справедливо называют святилищем истории Российской, как заключающий в себе останки наших великих князей от Калиты... до царя Иоанна Алексеевича. Это название, столь же справедливо, принадлежит собору Петропавловскому — как служащему усыпальницей августейших особ нашего Императорского Дома со времен основания Санкт-Петербурга...».

Первой в церкви Апостолов Петра и Павла была похоронена полторагодовалая дочь Петра I Екатерина, скончавшаяся в 1708 г. (Впоследствии деревянную церковь, построенную в 1703—1704 гг., разобрали в связи с начавшимся в 1712 г. строительством на этом месте каменного храма.) К моменту смерти Петра I собор еще не был достроен. Поэтому внутри него, по

проекту Доменико Трезини, была сделана временная деревянная церковь. Туда 10 марта 1725 г., с подобающей пышной церемонией, перенесли тела Петра I и его дочери Натальи, скончавшейся 4 марта. Оба гроба были установлены на катафалке под балдахин, обитом золотой тканью. В 1727 г. там же поставили и гроб с телом его жены, императрицы Екатерины I. В мае 1731 г. императрица Анна Иоанновна повелела предать земле прах Петра I и его супруги. Погребение происходило с особенно учрежденной церемонией 29 мая в субботу, в одиннадцатом часу утра. При этом присутствовали вельможи и многие коллежские чины. Во время опускания гробов в крепости был произведен пятьдесят один выстрел. Точная дата предания земле праха его дочери неизвестна.

Захоронения производились в землю, и места могил отмечались вделанными в пол мраморными плитами с надписями и позолоченными крестами. В 1865 г. плиты заменили надгробиями. Среди них примечательны гробницы, воздвигнутые у северной стены собора над могилами Александра II и его жены. Оба саркофага высечены из цельных монолитов: первый — из алтайской яшмы (вес его около 4960 кг), второй — из уральского орлеца (вес около 6560 кг). Работу, которая длилась 17 лет и была закончена в 1906 г., выполняли мастера Петергофской гранильной фабрики. Справа от южного входа в собор установлена гробница на месте захоронения Петра I. Гроб с телом Петра был перенесен в еще недостроенный собор, в течение шести лет (1725—1731 гг.) стоял посреди собора и, наконец, был предан земле на месте, избранном самим Петром еще при его жизни.

В течение многих лет собор служил своеобразным музеем, где сосредоточивались почетные трофеи, взятые русскими войсками в ходе Северной войны со

Швецией, войны с Турцией в конце XVIII в., Отечественной войны 1812 года и других войн. В настоящее время эти трофеи (знамена, ключи от взятых крепостей, оружие и т. п.) находятся в Историческом музее в Москве.

В непосредственной близости к Петропавловскому собору в начале XX в. по проекту архитекторов Д. Гримма, А. Томишко и Л. Бенуа было закончено строительство усыпальницы для захоронения великих князей. Это здание соединяется с Петропавловским собором. Рядом с куполом усыпальницы еще более высоким кажется золотой шпиль колокольни собора, который, поднимаясь над гладью Невы, как бы перекликается с Адмиралтейской иглой, куполом Исаакиевского собора и башней Кунсткамеры, являясь главным украшением прекрасного ансамбля невских набережных.

В 1998 г. в Екатерининском приделе собора Петропавловской крепости захоронены останки последней царской семьи. Правда, церковь не признает их «царскими», поэтому, видимо, молебен летом 2001 г. проходил не у главного алтаря, а в приделе.

Придел — пристройка к православному храму со стороны южного или северного фасада или специально выделенная часть основного здания с дополнительным алтарем для отдельных богослужений.

Сомнения церкви основаны на выводах следователя Н. Соколова, который еще в 1918 г. по горячим следам преступления пришел к заключению, что изуверы расчленили, а затем сожгли тела убитых.

Недавно японский ученый Тацуо Нагай провел собственное исследование капли пота Николая II, и заявил, что она не имеет ничего общего с захороненными костями. Помимо профессора питерцам было и другое знамение, что останки ненастоящие. В

день годовщины захоронения — 17 июля — с крыши Смольного собора ураганом снесло крест. После чего по городу прокатилась молва, что это небесный знак, указующий на ошибку.

К 1917 г. в Петропавловском соборе на стенах, колоннах и у могил находилось более тысячи венков. Например, у могилы Александра III их было 674. У каждой могилы стояли иконы и лампы. На надгробиях Петра I, Александра I, Николая I и Александра II лежали золотые, серебряные и бронзовые медали, выбитые по случаю различных юбилейных дат.

В октябре 1917 г. по распоряжению Временного правительства все иконы, лампы, золотые, серебряные и бронзовые медали с могил, золотые, серебряные и фарфоровые венки были сняты, уложены в ящики и отправлены в Москву.

Дальнейшая судьба этих вещей неизвестна.

В мае 1919 г. по распоряжению коменданта Петропавловской крепости собор и усыпальница были закрыты и опечатаны. В 1922 г. произведено изъятие остатков церковных ценностей для помощи голодающим. Оно происходило в присутствии коменданта крепости, церковного старосты, представителя Главмузея и заведующего имуществом собора.

Ах ты батюшка светел месяц!
Что ты светишь не по-старому,
Не по-старому и не по-прежнему,
Все ты прячешься за облаки,
Закрываешься тучей темною.
Что у нас было на святой Руси,
В Петербурге в славном городе,
Во соборе Петропавловском,

Что у правого у крылоса,
У гробницы государевой,
Молодой солдат на часах стоял,
Стоючи, он призадумался,
Призадумавши, он плакать стал.
И он плачет — что река льется,
Возрыдает — что ручьи текут,
Возрыдаючи он вымолвил:
«Ах ты матушка сыра земля!
Расступися ты на все стороны,
Ты раскройся, гробова доска,
Развернися ты, золота парча,
И ты встань, проснись, православный царь,
Посмотри, сударь, на свою гвардию,
Посмотри на всю армию,
Уже все полки во строю стоят,
Все полковники при своих полках,
Подполковники на своих местах,
Все майоры на добрых конях,
Капитаны перед ротами,
Офицеры перед взводами,
А прапорщики под знаменами,
Дожидают они полковника,
Что полковника Преображенского,
Капитана бомбардирского».

В 1939 г. вскрывалась могила великой княгини Александры Георгиевны, супруги великого князя Павла Александровича (он был расстрелян в 1919 г.). Она была урожденной принцессой Греческой, и ее прах, по просьбе греческого правительства, был передан на родину.

В 1927 г. собор перешел в собственность Музея революции, а в 1954 г. стал принадлежать

Государственному музею истории Ленинграда (Санкт-Петербурга).

С великокняжеской усыпальницей дело обстояло иначе. В декабре 1926 г. комиссия, обследовавшая здание, пришла к выводу, что «все бронзовые украшения, а также решетки алтарной части, как не представляющие исторической и художественной ценности, подлежат переплавке». Украшения были сняты, и дальнейшая судьба их неизвестна. После Великой Отечественной войны в здании некоторое время располагался склад бумажной фабрики.

В 1954 г. усыпальница была передана Музею истории Ленинграда. В 1960-е годы, после проведения реставрационных работ, в здании усыпальницы открылась экспозиция «История строительства Петропавловской крепости». Ее демонтировали в 1992 г. в связи с захоронением правнука Александра II, великого князя Владимира Кирилловича и началом реставрационных работ.

Церковь в крепости раньше была деревянной, но расписана под желтый камень. На ее увенчанной острым шпилем колокольне были подвешены особым образом подобранные колокола. И некий «великий в своем деле искусник», для того тут и поставленный, ежечасно отбивал соответствующее число ударов, предварительно отзвонив какую-нибудь мелодию.

Колокол — символ христианского благовеста. На Руси упоминаются с XI в. В то время они были в Полоцке, Владимире, Ростове, Киеве. До XVII в. их было мало: около полусотни при всех церквях, и притом небольшие. Первый великан в 250 пудов отлит при архимандрите Макарии в Новгороде.

В 2001 г. Петропавловская крепость, являющаяся теперь музеем, приобрела карильон (комплект настроенных колоколов и колокольчиков) из 51 колокола, рассчитанных на 4 октавы. Теперь в

Петропавловке 134 колокола. Новый карильон был поднят в среднюю звонницу собора Петра и Павла. Стоит он около 300 тысяч долларов и приобретен директором голландской Мехеленской карильонной школы Йо Хаазеном на пожертвования 352 спонсоров из десятков стран. Среди дарителей — фонд Романовых и королевская чета Бельгии, благодаря которой в карильоне появился самый тяжелый колокол весом более 3 тонн.

Петропавловский собор стал уникальным: в нем теперь звучат два карильона (голландский XVIII в. и бельгийский XX в.) и православная звонница. Петровские карильоны 1710 г. на колокольне Исаакиевского собора и в 1721 г. в Петропавловской крепости пострадали от пожаров, и в 1760 г. для Петропавловского собора был приобретен новый карильон, который, правда, уже полтора столетия не звучит.

Петровские ворота — единственный на территории крепости историко-архитектурный памятник, который, будучи свидетелем первых лет ее существования, почти без изменений сохранился до наших дней.

В те годы Петровские ворота еще не были прикрыты Иоанновским рavelином с одноименными воротами. Арка Петровских ворот служила главным входом в крепость со стороны строящегося на Городском (Березовом) острове города, и естественно, что были приняты меры к ее декоративному оформлению.

Ворота первоначально (в 1707—1708 гг.) были сооружены из дерева по проекту Доменико Трезини. По своему облику они напоминали Триумфальные ворота в Нарве, возведенные тем же зодчим по случаю победоносного штурма Нарвской крепости в 1704 г.

Название свое Петровские ворота получили после перестройки их в камне в 1717—1718 гг.

Из первоначального декоративного убранства ворот сохранилось большинство скульптур: вырезанные из дерева скульптором Николаем Пино барельефы, изображающие бога Саваофа в облаках (в центре) и воинские доспехи (по бокам). Под центральным барельефом (Н. Пино) на аттике укреплен выполненный около 1708 г. также деревянный барельеф работы Конрада Оснера «Низвержение Симона волхва». Эта скульптура, хотя и не отличается художественными достоинствами (пластичность формы, возможно, была утрачена вследствие неоднократных окрашивании барельефа), представляет немалый интерес как образец широко распространенных в декоративном искусстве начала XVIII в. аллегорических произведений.

Под деревянным барельефом над аркой ворот было укреплено свинцовое изваяние двуглавого орла — государственного герба Российской империи. Эта колоссальная скульптура весом в 1069 килограммов, была установлена во время перестройки ворот в камне и, вероятно, повторяет деревянную скульптуру орла, в свое время украшавшую деревянные ворота.

Ниши Петровских ворот декорированы двумя изваяниями. В литературе можно встретить противоречивые указания о сюжетах этих статуй, датах их установки и материале, из которого они выполнены. В частности, широко распространено мнение, будто эти статуи изображают Марса (бога войны) и Венеру (богиню любви и красоты) и являются изготовленными в XIX веке копиями первоначально стоявших здесь других изваяний. Однако, вероятнее всего, скульптуры — не копии, а оригинальные произведения искусства первой четверти XVIII в., причем одна фигура изображает Беллону — богиню войны, а другая является аллегорией мудрости.

После Великой Отечественной войны в Петропавловской крепости проводились значительные

работы по восстановлению уникальных памятников архитектуры, в том числе Петровских ворот. В 1951 г. были реставрированы деревянные барельефы, статуи в нишах и другие детали декоративного убранства этого замечательного сооружения.

Крепостная стена, в которой сооружены Петровские ворота, колоссальна по толщине (около 20 метров). Вначале она представляла собой сплошной массив с прорезями амбразур, впоследствии в ее толще были устроены казармы. Но вскоре после сооружения каменных Петровских ворот было решено принять дополнительные меры по усилению безопасности крепости, и 20 июня 1731 г. было приступлено к сооружению рavelина (предкрепостного укрепления) для защиты Петровских ворот с восточной стороны крепости. Этот рavelин был назван Иоанновским—в честь Иоанна Алексеевича, брата Петра I и отца царствовавшей тогда Анны Иоанновны. Такое же название получили построенные в 1740 г., сравнительно скромные по своей архитектуре, ворота в стене рavelина. К Иоанновским воротам ведет теперь мост, переброшенный через Кронверкский пролив со стороны Каменноостровского проспекта.

У западного входа в Петропавловский собор возвышался изящный, украшенный колоннами и декоративной скульптурой павильон, в котором долгое время хранилась одна из ценнейших исторических реликвий — ботик Петра I. В 1687 г. в селе Измайлове юный Петр случайно обнаружил в сарае издавна лежавший здесь бот, который принадлежал еще его деду. Внешний вид Ботика очень скромен. Длина его — без малого 6 метров, ширина—немного менее 2 метров. Вдоль окрашенных красной краской бортов идет полоса, составленная из треугольников белого, красного и зеленого цветов. Петру объяснили, что это

судно ходит на парусах не только по ветру, но и против ветра.

Кораблик заинтересовал Петра, он часто плавал на нем по тихой и узкой московской Яузе, а потом и на глубоком, 12 верст в ширину Переяславском озере.

Сейчас ботик находится в Переяславле-Залесском.

Шли годы, в битвах за землю «отчич и дедич» мужало Русское государство. И когда, по крылатым словам А. С. Пушкина, «Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, — при стуке топора и при громе пушек», когда Россия стала могучей морской державой, Петр, как прославленному ветерану, воздал воинские почести своему ботику — родоначальнику регулярного русского флота.

В дни торжественного празднования заключения Ништадского мира ботик был выставлен в Московском Кремле и мимо него шла возглавляемая Петром грандиозная процессия, аллегорически изображавшая победы России. Во время этого торжества ботик был установлен на пьедестале, украшенном символическими картинами Ивана Зарудного, надписи к которым были сочинены самим Петром. Этот же текст, по-видимому, был повторен на гравюре, запечатлевшей вид ботика во время этого праздника («Судно сие водное, хотя мерою малое и только к потешному на малых водах играню построенное, но потом явилось аки плодоносное семя великого в России корабельного флота...»).

После московских торжеств Петр решил перевезти ботик на берега Невы. В январе 1722 г. гвардии сержант Коренев получил собственноручно написанный Петром указ: «Ехать тебе с ботиком и весть до Шлиссельбурга на ямских подводах и будучи в дороге смотреть прилежно, чтобы его не испортить, понеже судно старое, того ради ехать днем, а ночью стоять, и где есть выбоины спускать по тихоньку». В подорожной,

врученной Кореневу, всем учреждениям и лицам предписывалось: «ежели в пути потребны будут какие путевые припасы, или где мост сделать, и то все управителям тех мест, где что потребно будет, исправлять без всякого медления и отговорки».

Почти на полтора года затянулось путешествие ботика. Наконец в мае 1723 г. ему была устроена торжественная встреча у стен Александро-Невской лавры. Петр сам вел этот кораблик по глади Невы, и орудийным салютам с бастионов Петропавловской крепости и с бортов военных кораблей вторили залпы четырех крохотных чугунных орудий славного «дедушки русского флота».

В Петербурге ботик сначала установили в Адмиралтействе, а затем перевезли под специально сооруженный деревянный навес в Петропавловской крепости. В 1761—1762 гг. по проекту ученика Варфоломея Растрелли—А. Виста было возведено дошедшее до наших дней здание Ботного домика, украшенное изящными портиками. Четырехскатная куполообразная крыша домика первоначально была увенчана вырезанным из дерева изваянием, которое в 1827 г. было заменено каменной статуей Наяды. По образу последней в 1891 г. скульптор Д. Иенсен изваял из терракоты женскую фигуру с веслом, изображающую богиню Навигации.

Много десятилетий ботик сохранялся в этом павильоне. Лишь в особо торжественных случаях «Дедушка русского флота» вывозился из Домика. Например, в день празднования столетия Петербурга — 16 мая 1803 года двадцатитысячное войско, проходя по Сенатской площади, воздавало воинские почести изваянию Петра— «Медному всаднику» и ботику, который был специально для этого торжества установлен на стоявшем у берега 110-пушечном корабле «Гавриил».

На западной стороне центральной площади Петропавловской крепости высится здание прекрасных пропорций, украшенное фронтоном, аркадами главного входа и круглыми башнями на углах главного фасада. Это здание Монетного двора, возникновение которого принято относить к 1724 г.

В начале XVIII в. финансовое положение России было очень сложным. Военные расходы, развитие государственной промышленности, колоссальный размах строительных работ обуславливали исключительную напряженность государственного бюджета. Например, в 1701 г. военные нужды поглотили 75 процентов (1964 тыс. рублей) из общего государственного бюджета в 2500 тыс. рублей, а в 1710 г. в бюджете, достигшем 3384 тыс. рублей, военные расходы составили 80 процентов.

Военные расходы, а также расходы, связанные с осуществлением прогрессивных реформ внутри страны, требовали соответствующих преобразований и в области финансовой системы. Правительство Петра I принимало для этого ряд мер. Усилилась разработка золотых, серебряных и медных рудников, был обеспечен перевес ввоза из-за границы золота и серебра над вывозом этих драгоценных металлов, резко возросли налоги, которые главной своей тяжестью падали на трудовое население страны. Для пополнения казны придумывались новые налоги, вроде налогов на погреб, на печные трубы, на топоры, на бороды и даже «на черные глаза по 2 алтына, на серые глаза по 8 алтын».

Наряду с этими мероприятиями немаловажную роль в осуществлении финансовой политики правительства сыграло упорядочение монетного дела.

К концу XVII в. оно находилось в хаотическом состоянии. Не существовало монет некоторых номиналов, по внешнему виду монеты были безобразны;

но главное, их совершенно не хватало. Порой из-за недостатка разменной монеты серебряные копейки рассекались на две-три части, и эти обломки использовались в торговых операциях. Кое-где в провинции наряду с серебряными монетами в обращении находились заменявшие их куски тисненой кожи.

Проведенная Петром I денежная реформа явилась важным шагом в упорядочении монетной системы в России. Была, в частности, введена десятичная система (с соподчинением монетных единиц 1: 10 : 100). В настоящее время она принята почти во всех странах, но была введена там намного позже, чем в России (в 1792 г. — в США, в 1795 г. — во Франции и т. д.).

Уже с 1700 г. в России производилась машинная чеканка мелких медных монет, хотя одновременно с этим вплоть до 1718 г. продолжался выпуск монет старого образца, изготовлявшихся вручную — расплющиванием обрезков проволоки: серебряных копеек, денег («деньга» — полкопейки) и алтынов (3 копейки).

После переноса столицы в Петербург было решено, как говорилось в указе от 1719 г., «...денежные дворы из Москвы со всеми принадлежностями и с мастеровыми людьми и служители перевести в Санктпетербург в будущем 720 году неотменно». Работу Монетного двора вначале предполагалось развернуть в стенах Шлиссельбургской крепости, однако уже в 1721 г. последовало распоряжение Петра: «...чтоб в денежном деле прибыльнее было и для лучшего усмотрения порядочной модели, золотую монету в С.-Петербурге делать в крепости».

Наряду с выпуском денег Монетными дворами в Москве, с 1724 г. началось изготовление серебряных монет в каком-то временном помещении Трубецкого бастиона, а затем, с 1755 г., после длительного

перерыва и переоборудования помещений, в Петропавловской крепости приступили к чеканке и медных монет. В литературе об истории Монетного двора имеются указания о том, что в стенах крепости уже в конце первой четверти XVIII в. производилась чеканка и золотых монет из плашек, доставляемых из Москвы.

Начиная с 1765 г. Петербургский Монетный двор стал в России монополистом по чеканке золотых монет, а также серебряных рублей и полтинников. Однако чеканка серебряной монеты в Москве продолжалась вплоть до 1776 г.

В стенах Монетного двора было сосредоточено также изготовление орденов, медалей и тому подобных знаков отличия.

Рабочие Монетного двора трудились в исключительно тяжелых условиях. Во время работы они (как и солдаты, несшие караул) находились на казарменном положении, лишались права выхода из сырых мастерских. В первые годы существования Монетного двора все работы производились вручную, хотя и делались попытки использовать энергию ветра для прокатки металла и других тяжелых работ. С 1726 г. началось использование «конных машин».

Рабочие селились в районе Посадской слободы— неподалеку от крепости. В связи с этим возникло название Монетной улицы.

На рубеже XVIII □ XIX вв. в связи с тем, что старые помещения Монетного двора обветшали и возникла необходимость использования новых технических достижений, приступили к возведению нового здания. Документ, относящийся к лету 1800 г., сообщает, что «строение Монетного двора в Петропавловской крепости производится с возможным успехом».

Автор проекта, по которому сооружалось современное здание, нашел остроумное архитектурное

решение задачи строительства промышленного предприятия, вид которого по своему внешнему облику должен был напоминать постройку дворцового типа. В соответствии с проектом дымовые трубы были скрыты внутри угловых башен на фасаде здания. Этот замысел зодчего был нарушен в XIX в.

Установка паровых и других машин в новом здании несколько затянулась, и лишь после пятилетнего перерыва, в октябре 1805 г. предприятие возобновило свою работу.

Здесь, на Монетном дворе, в 1811 г. русским механиком И. А. Неведомским впервые в истории мировой техники была разработана конструкция рычажного пресса для чеканки монет. Чеканка советской монеты началась в 1921 г.

К числу лучших архитектурных сооружений крепости принадлежат воздвигнутые из серого гранита классически четкие по форме и декорированные четырехколонным портиком и фронтоном Невские ворота с Комендантской пристанью. Этот величественный парадный ход из крепости на Неву нынешний свой вид приобрел в 1787 г. после перестройки по проекту архитектора Н. А. Львова (автора проекта Петербургского почтамта).

Львов Николай Александрович (1751 – 1803) — деятель русской культуры XVIII в.: ученый, архитектор, поэт, график. Член Российской академии наук. В своих архитектурных произведениях дал своеобразную трактовку художественных принципов классицизма (Иосифовский собор в Могилеве, Невские ворота Петропавловской крепости, здание почтамта в Петербурге и др). Был членом литературного кружка Державина. Совместно с композитором Прачем составил классический сборник «Собрание русских народных песен с их голосами» (1790).

Занимался также вопросами экономики, строительной техники, геологии.

Под аркой Невских ворот на врезанной в стену белой каменной плите во второй половине XVIII в. отмечалась высота подъема воды во время значительных наводнений. Нижняя линия на камне указывает уровень воды во время наводнения 1752 г., верхняя — 1777 г. Ниже этой плиты, у самой поверхности земли, на сером камне в конце XVIII в. была высечена надпись, указывавшая высоту воды во время наводнения 1788 г.

Комендантская пристань у Невских ворот носит свое название сравнительно недавно — с 60-х годов XIX в., когда у причалов ее стоял дежурный катер коменданта крепости.

Но Невские ворота служили не только декоративным целям. Через них ночами на гранитную Комендантскую пристань выводились из казематов узники для отправки судами в Шлиссельбургскую крепость или на Лисий Нос — «лобное место русской революции», как называли революционеры эту местность на берегу Финского залива. Здесь приводились в исполнение смертные приговоры.

КЛИМАТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Сыплет дождик большие горошины,
Рвется ветер, и даль нечиста.
Закрывается тополь взъерошенный
Серебристой изнанкой листа.

Н. Заболоцкий

До чего же неприветлива Нева в глухую осеннюю пору! Конечно, октябрь есть октябрь, и ничего тут не поделаешь. Но все же, глядя на вздувшуюся

непроницаемую серую поверхность, на косматые волны, захлестывающие ступени спусков петербургских набережных и даже тротуары, чувствуешь себя на редкость неуютно. Невольно вспоминаешь три страшных наводнения, с какой-то удивительной закономерностью повторявшихся в 20-х годах трех последних столетий и унесших с собой столько жертв. А ведь такие наводнения были бичом здешних мест еще исстари, задолго до основания Петербурга. Поэтому-то в давние времена жители этого края (славянские и связанные с ними финские племена), селившиеся по берегам Невы, никогда не строили добротных жилищ. Наскоро сколачивались небольшие домики, почти хижины. При первых предвестниках близящейся бури они так же быстро разбирались. Бревна связывались в плоты, плоты толстыми канатами прикручивались к деревьям, а народ спешил укрыться на возвышенностях. Наиболее надежным убежищем служила Дудорова гора, где люди и отсиживались до той поры, пока не спадет вода.

Страшное это было зрелище, и не раз, должно быть, вспоминали библейскую легенду о всемирном потопе невольные пленники разбушевавшейся реки.

Иное дело весной или в начале лета. Нева такая спокойная, голубая, поблескивающая серебристыми искорками... Конечно, именно такой должен был впервые увидеть ее Петр I. Недаром он назвал свою новую столицу «парадизом» — раем, с чем добрых 20 лет никак не хотели согласиться даже царские приближенные, не говоря уже о простых смертных первых петербуржцах, переселенных сюда из Москвы и других старых русских городов.

Ученый-филолог XIX в. М. Михельсон в работе «Опыт русской фразеологии» определяет понятие «петербургский климат» как «нездоровый, скверный», а

«петербургская погода» — «погода нездоровая, переменчивая».

И действительно, количество безоблачных, ясных дней в году всего 31, пасмурных — 172, с туманами — 57, полужасных — 105. Петербург немыслим без ветра: западного, юго-западного или северо-западного. И еще трудно представить Петербург без дождя. С 3 апреля по 11 ноября — в течение 222 дней — дожди идут 158 раз. Меньше всего дождей в марте.

Впервые системно изучать климат в Петербурге стали в 1709 г. Занялся этим вице-адмирал К. Крюйс, отмечая в своем дневнике силу и направление ветра и уровень невиской воды: «Апрель 22, воскресенье. Поутру ветер норд-вест, вода також стоит, как ранее. Пасмурно и студено. В полдни ветер малый норд-вест и дождь после полудни. Тихо и красный день до самого вечера».

Петр I, наглядевшись за границей всяких лабораторий, требовал собирать в окрестностях Петербурга распускающиеся листочки «с надписанием числа, дабы знать, где раньше весна начало берет». Надзор за этим странным делом возложили на Меншикова, который только поначалу смеялся, пока Петр не дал ему в зубы.

Это было за 27 лет до того, как в Уппсальском саду швед Карл Линней приступил к наблюдению одновременно за развитием растений и ходом погоды. Сопоставляя данные, Линней вскрыл зависимость прохождения растительных фаз от характера погоды.

В Петербурге этим занимался уже в 60-е годы XVIII в. директор Аптекарского огорода И. П. Фальк и позже академик П. С. Паллас.

Паллас Петр Симон (1741-1811) — естествоиспытатель, член Петербургской академии наук; по национальности немец. Известен исследованиями в различных областях естествознания (зоологии, ботаники, физической

географии, геологии, палеонтологии и др.). В своих первых работах высказывал идеи исторического развития органического мира, однако позже выступил как метафизик, признавая постоянство и неизменность видов. В ряде работ неверно толковал некоторые вопросы истории русского народа, принижал его заслуги.

Между прочим, и сам Петр весьма серьезно занимался климатологией. Его «Походный журнал» за 1695–1725 гг. содержит почти 10 тысяч метеорологических записей. Еще в 1721 г. он составил метеорологический бюллетень на основе одновременных наблюдений в Петербурге и Риге. А годом раньше Петр в «Уставе морском» обязал капитанов кораблей «в путешествии держать журнал» и заносить в него сведения о штормах, ветрах, течениях и пр.

После суровой зимы 1739–1740 гг. в Петербургской академии наук задумались, как бы предугадывать разные нежелательные климатические явления. «Без сомнения, — писал академик Крафт, — то несказанную пользу бы учинило, ежели бы такие жестокие зимы заранее предвидеть, и тот год, в который она опять будет, наперед объявить можно было. Хотя сие трудно, и почти учинить невозможно, однакож могло бы оно служить к некоторым догадкам, ежели бы все зимы, в которые случалась жестокая стужа, в историях записанные, замечать и смотреть, не по порядку ли какому, который узнать было можно, одна за другою последуют. К сему надлежит еще обстоятельную роспись всех студеной зим иметь, для сочинения которой от давних времен зачавши, многие исторические книги читать надобно.

Однакож я здесь некоторый опыт предложу, который может быть те, которые в том меня искуснее, гораздо пространнее учинить могут».

Крафт пришел к выводу, что суровые зимы повторяются через 32 года.

В документах XVIII в. много сведений об ущербе, нанесенном морозами, засухами, ураганами. Нет нужды их все перечислять. Скажем только, что за этот век в России было 68 очень голодных лет, вызванных засухой, 40 чрезвычайно холодных зим, 20 дождливых сезонов.

Не только ученых интересовала погода. Не прошли мимо петербургского климата и писатели. Вот как пишет о нем известный в XIX в. Аполлон Григорьев:

«Петербургское лето большею частью бывает дождливо и холодно — в том должно признаться. Бывают жаркие дни и даже месяцы, но они составляют исключение. Собственно говоря, весны нет в Петербурге. Год его может быть разделен на снего-холодное и на дожде-холодное время. Я подозреваю, что весны даже и не было в Петербурге и что ее нарочно сочинили поэты, чтобы им было с чем-нибудь сравнивать красавиц и что-нибудь воспевать. Очень даже может быть, что первый, кто назвал обожаемый им предмет майскою розою, сказал в сердцах самую злую и едкую насмешку, а другие приняли ее за чистые деньги. Ведь и теперь у нас в журналах часто пишутся такие критики, что с первого взгляда кажется, будто книга и расхвалена, а в самом деле выходит, что критик разругал ее наповал. Трудно только догадаться об этом, и многие остаются при первом убеждении. Появление и удаление весны даже очень трудно подсмотреть. Она так костюмируется, что ее трудно отличить от осени. Весна сделалась каким-то баснословным существом, мифом, о котором все говорят, но которого никто не видал. Другие находят, что даже очень неприлично говорить о весне. Один из моих знакомых, если ему необходимо нужно употребить это слово, всегда прибавляет: «Это было, с позволения сказать, весною!»»

Итак, весны нет в Петербурге — это дело решенное; лета, в том смысле, как его понимает Европа и другие части света, также нет. Так что же в нем есть наконец? Как что? Помилуйте — а дождь, неутомимый дождь, вечный дождь, который так страстно любит приневские страны. Дождь сделался необходимостью для Петербурга, без дождя ему, кажется, чего-то недостает. Если его нет день, другой, то Петербург начинает беспокоиться и спрашивает: «Что же это значит? Неужто он и сегодня не будет?». Есть люди, которые удивляются тому, откуда берется такая огромная масса воды, в течение нескольких месяцев ежедневно низвергающаяся на Петербург; но они и не подозревают, что это происходит от особенного благоволения неба, которое, зная, как дождь необходим для Петербурга, собирает дождевые тучи со всех концов земли для его удовольствия. И зато сколько сортов дождя падает в течение лета! И маленький, и большой, и проливной, и частый, и редкий, и мелкий, и крупный, и грибной, и травяной, и постоянный, и с отдыхом — решительно на все вкусы — кому какой больше нравится. Напрасно враги дождя вооружаются против него зонтиками, калошами и непромокаемыми плащами — он пробирает их насквозь своими каплями, хлещет с насмешкой в лицо, забирается в калоши, заползает за галстук... Напрасно слишком доверчивый иностранец, взглянув на прояснившееся небо и подумав, что теперь все уже кончено, отправляется куда-нибудь за город, в надежде погулять: коварный дождь вдруг нежданно-негаданно грянет ему прямо на голову из-за какого-нибудь угла и вымоет его на славу, так что сукно у сюртука и прочего после этого и мочить незачем. Но Петербург так привык к дождю, что не обращает на него никакого внимания. Чтобы удостовериться в этом, стоит только взглянуть, как во время дождя петербургские жители флегматически

расхаживают по улицам под зонтиками, как исполинские грибы, ни скорее, ни тише обыкновенного. Из любви к дождю и по невозможности пользоваться им во всякое время, Петербург составил для себя искусственный дождь, заключаемый в шкафе, куда истинный петербуржец влезает, раздевшись, чтобы вполне насладиться удовольствием дождя, который, при повороте крана, вдруг обдаёт его со всех сторон мелкими брызгами. При этом Петербург уверяет, что это, кроме удовольствия, ещё чрезвычайно как здорово. В сильный дождь народу на улицах, однако, очень мало, не потому, чтобы он боялся дождя и прятался от него, но потому, что он предпочитает лучше мокнуть на даче, чем в городе, потому что там большая часть домов с удобством заменяет новоизобретенные шкафы с дождем, с тою ещё разницею, что в шкафе надобно нарочно наливать воду, а на дачах само небо льет ее сквозь крыши домов из своего неистощимого резервуара. Не веселую, но очень занимательную картину представляет Петербург во время дождя. Под всеми навесами подъездов и балконов составляются разнохарактерные группы лиц, которым незачем торопиться и которые спокойно пережидают ливень, по временам отпуская фразы вроде:

«Каков полил. — Да-с, большой! — Эк его торопится! — Что, не перестает? Позвольте узнать! Я близорук. — Ещё пуще зачастил! — Кажется, однако, скоро разгуляется? — Он и так порядочно разгулялся. — Какое у нас нынче лето, ужаси! — Да обыкновенное-с! Завсегда такое бывает. — Ну нет, прошлое получше было.— Ну нет, не скажу, чем же-с? — Ну как же-с! Я прошлого лета был в Парголове и три дня сряду никакого дождя не было. — В самом деле! — Как же-с! Я очень помню! — Посмотрите-ка, как эта дама отделала себе подол.— Просто страсти-с! — У меня всю шляпу испортило, а белые очень дороги: 30 рублей заплатил у

Циммермана. — Это еще что-с! А вот я третьего дня отправился на вечер к начальнику, на Безбородкину дачу, да он как прысни на дороге. Я жалел, что уж был выехавши, а воротиться далеко — ну и поехал дальше: думаю, авось пройдет, так когда приехал, так на мне все вот так, что хоть выжми. Насквозь пробило все шта..» и т. д.

Покамест неторопящаяся публика занимается под воротами подобными разговорами, жертвы службы и обязанностей с самоотвержением продолжают идти, куда им нужно. Чиновники, придерживающие одною рукою шинель, а другою держа над головою большой зеленый зонтик, тщательно выбирают камни посуше, куда бы поставить им свои ноги. Курносенькие горничные, накинув на голову платок, подвязанный под подбородком, очень ловко прыгают через лужи, подобрав ситцевое платье, из-под которого видна сомнительной чистоты юбка, но весьма туго накрахмаленная. Мальчишки нарочно ступают в лужи, чтобы иметь удовольствие забрызгать хоть самих себя; ловкие купчики, степенно закинув одну полу сибирки на другую, семят вперебивку ногами и размахивают локотками, живописно выгнув вперед верхнюю часть корпуса. Средина улицы остается пустою. Изредка тянется по ней какой-нибудь дощатый короб на колесах и лежащий на нем мужик, поворачивая дождю то один, то другой бок, покрытый мокрой рогожею, приговаривает: «Э! эвона! эк его! эвоя!» и т. п.».

Желчен в описании петербургского климата любящий и ненавидящий этот город Николай Алексеевич Некрасов:

Говорят, еще день. Правда, я не видал,
Чтобы месяц свой рог золотой показал,
Но и солнца не видел никто.
Без его даровых, благодатных лучей

Золоченые куполы пышных церквей
И вся роскошь столицы — ничто.
Надо всем, что ни есть: над дворцом и тюрьмой,
И над медным Петром, и над грозной Невой,
До чугунных коней на воротах застав
(Что хотят ускакать из столицы стремглав) —
Надо всем распростерся туман.
Душный, стройный, угрюмый, гнилой,
Некрасив в эту пору наш город большой,
Как изношенный фат без румян...

Климат Петербурга мягкий и влажный. Средняя годовая температура в городе — 4,2°. Плюсовая температура держится в среднем 222 дня в году, минусовая — 143 дня. Самая низкая температура была зимой 1739–1740 гг.: — минус 45°. А самая высокая температура — в июле 1972 г.: 34°.

Весна в городе коротка, в лето переходит незаметно. И тогда начинаются белые ночи: примерно с 25 мая до 20 июля. При этом долгота дня доходит до 19 часов. Остальные часы — это прозрачные сумерки и робкие рассветы. Как говорил Пушкин, «одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса». В это время солнце опускается под горизонт не более чем на 9°, поэтому полной темноты не бывает. К 22 июня солнце отдалается от экватора в Северное полушарие и опускается под петербургский горизонт на 6,5°. Полуденная высота солнца достигает 53,5°, и продолжительность дня равна 18 часам 53 минутам. Это самая светлая пора. После трехдневного солнцестояния день начинает сокращаться.

Есть такой анекдот. Приезжий спрашивает своего друга:

- А лето в этом году в вашем Петербурге было?
- Было, конечно. Только я в этот день работал.

Петербургский климат, как и все на свете, можно объяснить. Ведь город находится сравнительно недалеко от главного арктического фронта, где встречаются теплый воздух средних широт и холодный воздух высоких широт и рождаются циклоны, которые сопровождаются резким понижением температуры, дождями и снегопадами. Пройдя Балтику и двигаясь далее с запада на восток, циклоны проходят через город.

* * *

XVIII век можно назвать климатическим феноменом, переломным моментом второй половины малого ледникового периода, когда климат в Европе резко ухудшился.

Летом 1703 г., вскоре после основания Петербурга, в России установилось «великое бездождие». Началась чума, которая, слава Богу, до нового города не дошла.

Первая половина века знаменовалась двумя лютыми зимами.

Так, в декабре 1708 г., по словам «Походного журнала» Петра I, наступили «зело великие морозы, которых мало помнили в прежние годы, от чего немало швецких солдат пропало; тако же и в наших людях от морозов было не без упадку».

Автор трудов по метеорологии и географии академик Г. В. Крафт вел регулярный дневник погоды в Петербурге с 1729 г. Зимой 1739–1740 гг. он отметил особенно сильные морозы в ноябре, декабре и первой половине февраля. Затем морозы ослабли, но в конце февраля снова усилились и продолжались уже до середины марта. Вот что Крафт записал, например, 25 января 1740 г., когда в 7 часов утра было 40 градусов: «Небо было весьма ясно, кроме того, что нижний воздух

тонким туманом был наполнен, а притом дул небольшой северный ветер».

В 1710 г. почти всю европейскую Россию охватила моровая язва. Из-за повальных болезней в Петербургской губернии не убрали урожай, а в Пскове «мор был столь велик, что живые не успевали погребать мертвых». Выходившие в Петербурге «Ведомости» писали: «В Стокгольме люди, ходя, падают и мрут. Мор так умножился, что в неделю 1100 человек померло».

В 1721 г. с мая по ноябрь шли затяжные дожди, иногда со снегом: «Овцы в поле помезли, овощу не было, пасеки погибли». А в следующем году ударила засуха. Хлеба выгорели. Начался голод. Жители Петербургской губернии толкли льняное семя, дубовые желуди, мешали их с мякиной. Петр I приказал «у зажиточных людей описывать лишний хлеб» и раздавать голодным. Так что вовсе не большевики придумали продрозверстку. Одновременно начальникам ближних губерний предписывалось ежемесячно присылать в Петербург сведения об урожае и ценах на хлеб. Голод продолжался четыре года.

Переменился ли за последние 300 лет петербургский климат? Да, в отдельные годы и даже десятилетия он то теплел, то холодал, но, в общем, существенных изменений с ним не произошло.

И все-таки он меняется. Достаточно сказать, что за последнее столетие петербургская температура повысилась на полградуса. Правда, за это столетие влияние человека на окружающую среду было весьма интенсивным: это и осушение болот, и вырубка лесов, и сжигаемое топливо...

ПЕТЕРБУРГСКИЕ НАВОДНЕНИЯ XVIII века

Вновь поднимается Нева.
Ее сегодня слишком много.

В. Адмони

Поистине бедой для Петербурга являются наводнения. За 300 лет их было более трехсот.

Первые сведения о наводнениях в устье Невы находим в Новгородских летописях за 1300, 1540. 1555 и 1594 годы.

Первое большое наводнение случилось до постройки Петербурга □ в 1691 г. По шведским летописям, вода покрыла все места, занимаемые теперь городом, на двадцать пять футов высоты. Такое же наводнение, по рассказам старых рыбаков, повторялось почти каждые пять лет.

Петербург стал жертвой наводнения в первый же год своего существования: 30-31 августа 1703 г. вода поднялась более чем 215 см над обычным уровнем. Лагерь русских войск был затоплен и «превратился в непроходимое болото». Нева унесла часть заготовленных для строительства Петропавловской крепости материалов. Командовавший войсками князь А. И. Репнин писал Петру: «Зело, государь, у нас жестока погода с моря и набивает в нашем месте, где я стою с полками, воды аж до моего станишки... Жители здешние сказывают, что в нынешнем времени всегда то место заливают».

Спустя три года очевидец уже нового наводнения А. Меншиков писал царю: «Третьего дня ветром вест-зюйд такую воду нагнало, какой, сказывают, не бывало. У меня в хоромах было сверху пола 21 дюйм (53,5 см), а по городу и на другой стороне по улице свободно ездили на лодках. Однако же недолго держалось, мене трех часов. И зело было утешно смотреть, что люди по кровлям и по деревьям, будто во время потопа, сидели... Вода хоть и зело велика была, беды большой не сделала».

В книге «Das veränderte Russland» (Франкфурт, 1721) автор рассказывает, что в 1713 г. в Петербурге два раза случались наводнения, все острова были покрыты водой, в первый раз буря случилась ночью, и жители, почти сонные, с трудом спасались в уносимых водой постройках.

В ноябре 1715 г. вода поднялась на 224 см; все мосты и башни были снесены; береговые укрепления тоже размыты и повреждены; жители по улицам ездили на лодках.

Существует такая легенда.

В 1720 г. в Петербурге якобы явился пророк, который предсказывал, что 23 сентября, к зачатию Предтечи, с моря нахлынет вода на город выше всех бывших вод. Она изведет весь народ и затопит город за отступление их от православия, т. е. за новые гражданские порядки. На Петербургском острове, у Троицкой пристани, недалеко от крепости стояло старое дерево, ольха или сосна; финны, жившие здесь еще до построения города, к этому дереву относили такой мистический рассказ. Будто бы в 1701 г., в ночь на Рождество Христово, они увидели свет наподобие пожара, ✪ это на дереве, на всех сучьях его, горели восковые свечи. Тогда, надев на жердь топор, финны собрались рубить у дерева сук с горящими свечами, думая, что свечи упадут или самую ветвь со свечами они отсекут. Но как только они несколько раз ударили по дереву, свет угас, от ударов же топора образовалась на суку впадина пальца в два, сук с пометкой был от земли на две сажени. Пророк уверял, что вода 23 сентября покроет город по сук с зарубкой. Население Петербурга впало в уныние. Многие стали переселяться на возвышенные места. Чтобы прекратить это, Петр приказал срубить старое дерево, и солдаты Преображенского полка в присутствии царя срубили его; только пень еще в 1725 г. существовал, и на него

приходили смотреть как на редкость. Пророк был наказан у этого дерева плетьюми, и собравшимся зрителям у пня срубленного дерева царь говорил, чтобы впредь не верили басням. Однако же наводнение в 1720 г., по свидетельству современной записи, действительно было, только не в тот день, который указывал пророк.

В ноябре 1721 г. Нева затопила весь город; перед этим 9 дней дул сильный юго-западный ветер. Крепость, которую начали строить в 1706 г., и Ладожский канал были повреждены и занесены песком; убытки от этого наводнения доходили до 7 миллионов рублей. Приезжавший в Петербург в составе свиты герцога Голштинского камер-юнкер Бергхольц описывает его так: «С ужасом смотрел я на разные суда, оторванные ветром и уносимые бурными волнами; вода с необыкновенной силой проникала в дома, ветер был так силен, что срывал черепицы с крыш. Около половины второго часа вода, наконец, начала уменьшаться. 10-го числа того же месяца, после обеда, вода опять начала подниматься, и 11-го числа было тоже наводнение.

После ноябрьского наводнения был читан на всех перекрестках, при барабанном бое, указ: «Как вода начнет прибывать, то весь рогатый скот и лошадей отсылать в лес». В этот вечер все придворные лошади были отправлены в лес, а некоторые, как посланника Бассевича, стояли на втором этаже в покоях. Сам император Петр, бывший с утра в гостях у цесарского посла, графа Кинского, с невероятным трудом возвратился во дворец, от которого во время самой высокой воды выехал на буере на луг, окружавший Адмиралтейство, где лавировал у церкви Святого Исаакия».

Почему же в Петербурге возникают наводнения?

Циклоны по земле идут обычно с запада на восток и сопровождаются сильными ветрами. Когда циклон пересекает Балтийское море с юго-запада на северо-восток, то его направление совпадает с осью, вдоль которой лежит море. Ветры циклона сгоняют воду к горлу Финского залива и на его поверхности образуется этакое большое вздутие, которое растекается в стороны в виде свободной волны высотой 40-60 см. Когда эта волна, идущая со скоростью 50 км в час, начинает проходить мелководную и узкую часть залива, ее скорость и высота возрастают. Тогда весь Финский залив волна проходит за 7-9 часов. И, наконец, уже достигая 5 метров, она врывается в Невскую губу и устье Невы, вызывая быстрый подъем воды.

В 1736 г. в Петербург приехал датчанин Педер фон Хавен и устроился секретарем к российскому вице-адмиралу П. Бредалю. Позже он написал книгу «Путешествие в Россию», вышедшую в Копенгагене. В ней фон Хавен пишет о наводнении, очевидцем которого был.

«В середине октября всю местность Петербурга затопило. В 10 часов утра река Нева начала подниматься, и по истечении часа вся суша находилась под водой. Мы могли плавать по всему саду в лодках и обнаружили, что глубина воды повсюду была довольно большая. В таком состоянии все оставалось до двух часов дня, когда река Нева вновь стала спадать. К четырем часам вода уже ушла с суши и с большой силой и шумом снова потекла своим обычным руслом, хотя и была порядочно высока и опасна. В продолжение наводнения вода поднималась совершенно тихо и почти незаметно, без малейшей тревоги, бури или непогоды, которая возникла не ранее, чем спустя несколько дней. Однако перед наводнением несколько дней дул сильный и устойчивый юго-западный ветер. И после

того как вода спала, ее быстрое движение производило не меньший шум, чем шумная и бурная непогода.

Однако это наводнение не причинило никакого вреда, так как там уже привыкли к подобным происшествиям, случающимся каждую осень, и время от времени принимают следующие меры, посредством которых можно предупредить несчастье.

Грунт ценой невероятных трудов и расходов во всех должных местах подсыпан землей по берегам и снабжен такими прочными больверками, что вода не может их размыть. Бедняки, возможно, испытывают в своих низких жалких жилищах в том или ином месте некоторые тяготы. Но более всего кажутся подверженными опасности сады и склады купцов в подвалах. Однако что касается первого, то садов в Петербурге немного. В Аптекарском саду все то, что могло быть испорчено водой, было заранее перенесено в его высокую оранжерею, где и находилось в совершенной безопасности. Подвальные склады повсюду охраняются таким образом, чтобы, едва заметят подъем воды, их легко было запереть и сохранить в порядке. И если наводнение причинит какой-либо ущерб тому или иному купцу, то ему следует отнести это на счет собственной неосторожности. Но поскольку в Петербурге многие иностранные купцы являются комиссионерами предпринимателей Голландии, Англии и других государств, то они видят свою выгоду в том, чтобы обращать внимание лишь на то, что каждый год терпят из-за наводнений невозместимый ущерб. Поэтому обычно говорят, что если в Петербурге в какой-то год не случится большого пожара или очень высокой воды, то наверняка некоторые из этих тамошних иностранных факторов обанкротятся.

Причины этих наводнений, удивительным образом случающихся в Петербурге каждую осень,

представляются мне достойными изучения. Теперь это видится тем более легким, что прежде уже изучалось другими. Но в действительности задача труднее, чем кажется, ибо, насколько мне известно, причина еще пока никем удовлетворительно не объяснена. Мне думается теперь, что ее следует искать и она может заключаться в следующих трех вещах: во-первых, в поре года, затем в расположении местности и реки и наконец в ветре.

Что касается времени, то такие наводнения случаются каждую осень в конце октября или начале ноября месяца. Теперь известно, что в это время все воды выше, чем в какую-либо иную пору года. Ибо хотя реки весной, когда тают лед и снег и также льют сильные дожди, конечно, могут и обязательно должны сильно подниматься, однако тогда они зато имеют более сильное и быстрое течение, поскольку их уровень выше уровня открытого моря, в которое они впадают. И, напротив, осенью моря, реки и все большие водоемы поднимаются столь же высоко. Причина тому заключается в следующем. Весной воздух теплеет, поэтому расширяется и, следовательно, придавливает все воды. Осенью же, наоборот, воздух остывает, вследствие чего сжимается и освобождает воде пространство — прибывать и подниматься вверх. Опыт подтверждает сказанное настолько ясно, что в его пользу нет нужды приводить какие-либо примеры, особенно учитывая, что вдаваться в подобные материи моим намерением не является.

Относительно местоположения края и реки следует заметить, что река Нева вытекает из беспокойного Ладожского озера, затем проходит различные пороги, прежде чем, разделясь на многочисленные рукава, образовать острова, на которых заложен и отчасти построен Петербург; затем она между Петербургом и Кронштадтом становится очень широкой, но по мере

приближения к Кронштадту все более глубокой и узкой и наконец впадает в тесный Финский залив, который, протянувшись с северо-востока на юго-запад, выходит в открытое Балтийское море.

Весь край вокруг Петербурга до самого Кронштадта очень болотистый и низменный. И если бы наводнения в Петербурге не имели никаких иных причин, то уже само расположение местности и реки Невы могло бы быть для этого достаточным, особенно если учесть удивительную беспокойность Ладожского озера, до причин чего по сию пору никто не смог доискаться, хотя знать их было бы весьма важно.

Однако же прежде всего эти наводнения вызывает юго-западный ветер; вот уже почти 30 лет, с тех пор как туда пришли разумные, ученые люди, замечают, что такой ветер всегда сильно дует на протяжении нескольких дней до начала подъема воды. Этот ветер сдерживает воду в Ладожском озере и в реке Неве и также гонит мимо Кронштадта соленую морскую воду в пресную. Опыты подтверждают, что всегда, когда долго дует юго-западный ветер, между Кронштадтом и Петербургом появляется солоноватая вода. Этот ветер вряд ли способен вызвать наводнение зимой, весной и летом, ибо, как уже было сказано, вода в этой реке течет очень быстро. Кроме того, в северных областях России юго-западный ветер бывает редко. Однако каждую осень на протяжении нескольких дней он обязательно дует в округе Петербурга и северо-восточных областях России. Ведь легко понять, что на северо-востоке должно скорее становиться холодно, чем на юго-западе. И когда воздух от холода сжимается, то испарения в еще теплом и более расширенном юго-западном воздухе необходимо должны стремиться туда, где могли бы получить пространство, то есть на северо-восток. Поскольку ветер — не что иное, как быстрое передвижение

испарений с одного места в другое, то юго-западный ветер непременно должен наконец несколько дней каждую осень дуть в Петербурге. Поскольку же этим ветром вода задерживается в Ладожском озере и реке Неве, то едва ветер изменит направление или утихнет, не может быть ничего иного, как реке сразу с большой силой устремиться в море, особенно если учесть, что она вытекает из большого Ладожского озера и минует различные водопады, прежде чем прийти к Петербургу. Но поскольку Нева в Петербурге широка, а у Кронштадта становится узкой, то ее можно рассматривать как воронку, которая должна переливаться, если в нее льют слишком много и быстро. При таких обстоятельствах весь край вокруг Петербурга обязательно должен уходить под воду и совершенно затопляться. Кроме того, замечено, что наводнения всегда происходят в полнолуние. Поскольку теперь известно, что вся влага на земле и в земле осенью, зимой и весной убывает и прибывает вместе с луной, то возможно, что полная луна может иметь какое-то отношение к наводнениям. Однако объяснить это нелегко, так как невозможно назвать причину, почему юго-западный ветер должен больше дуть именно в полнолуние, а не в новолуние. Если же от наводнений в Петербурге хотят окончательно избавиться, то я не знаю лучшего способа, чем следующий. Надо, если позволят особенности местности, прокопать канал в море из юго-западного устья реки Невы в северо-восточном направлении, и тем самым легче будет перевести течение реки Невы с южной стороны от Кронштадта, между ним и Ингерманландией, на северную сторону, между ним и Карелией. Тогда, вероятно, вода смогла бы выливаться, какой бы ветер ни был, так как она, собственно, задерживается ветром прежде всего у Кронштадта.

Этим наводнением вынесло много черепов и человеческих костей до самой ограды вокруг Аптекарского сада. Их сочли останками людей, погибших в сражении, которое будто бы состоялось на этом острове между русскими и шведами. Это могло быть также принесено со старого немецкого кладбища, прежде располагавшегося на Аптекарском, а теперь устроенного на Сампсоньевском острове — это одно из мест, Петербурге, где производится казнь».

В октябре 1723 г. вода в городе была выше, чем в предыдущее наводнение.

Академик Г. Крафт рассказывает, что 5 ноября 1725 г. было опять наводнение и жестокий юго-западный ветер дул с 9 часов утра до полуночи. Берггольц заносит в свой дневник, что 1 ноября, в 10 часов утра, императрица в шлюпке ехала из Летнего дворца, где она еще тогда жила, на другую сторону, чтобы помолиться в церкви Святой Троицы, но вода была так высока, что нельзя было дойти до кареты. Государыня обратно отправилась уже не в свой Летний дворец, а в государев Зимний с намерением остаться там жить. После обеда, 2 ноября, возвратился государь в Петербург; во время бывшего шторма он испытал много опасности на пути от Дубков. Одно из следовавших за ним судов погибло, и два только человека спаслись. Царь поставил свою яхту на два якоря и так провел всю ночь.

В 1726 г. в Петербурге было опять наводнение; профессор Лейтман посчитал, что оно было на 8 английских футов и 2 вершка выше обыкновенного уровня воды (фут — 30,48 см, дюйм — 2,54 см, вершок — 4,45 см). После этого наводнения Екатерина I издала указ: «Для опасности от такой же воды всякое строение впредь, кому где надлежит строить, выше нынешней бывшей воды на фут, и для того везде на строениях поставить знаки».

Регулярно измерять воду в Неве стали в 1715 г. — у Петропавловской крепости. Там поставили металлическую рейку с делениями - футшток.

В 1877 г. Главная физическая обсерватория установила у Горного института прибор, который непрерывно записывал на ленте уровень воды в Неве.

В 1971 г. на берегу Мойки поставлен гранитный обелиск с трезубцем Нептуна. На масштабной линейке можно видеть, насколько уровень воды повышается. Бронзовые пояски обозначают уровень самых сильных наводнений с 1824 г.

Абсолютным уровнем воды в Неве принято считать 2,5 метров.

После наводнения 1726 г. на Неве образовался новый остров, который назвали Буян, на нем вскоре были построены пеньковые и масляные амбары.

В этом году, как говорит адмирал А. И. Нагаев, было два наводнения: 18 сентября и 1 ноября. Во время второго он находился в Кронштадтской цитадели на карауле; вода, выгнала их из караульного дома, потом покрыла всю пушечную платформу и принудила отсиживаться на цитадельских пушках, где они, окатываемые морскими волнами, пребывали до полуночи «в отчаянии живота, однако, Бог спас всех без упаду».

В октябре 1729 г. вода доходила до 7 футов и одного дюйма. В сентябре 1732 г. опять была высокая вода.

В сентябре 1736 г. почти весь город был покрыт водой, ветер дул западный, очень большой. В декабре того же года вода снова вышла из берегов.

В 1744 г. наводнение было в августе, вода доходила при северо-западном ветре до 7 футов. В сентябре того же года поутру сильный западный ветер выгнал почти всю воду из каналов, к вечеру задул юго-западный ветер, нагнав большое наводнение.

Октябрьским утром 1752 г. при западном ветре вода поднялась до высоты 8 футов 5 дюймов, по другим сведениям, все острова и части города, за исключением Литейной и части близ Невского монастыря, были залиты водой; вода как поднялась быстро при жестоком шторме, так и убыла с той же быстротой.

В этом же году Нева возвышалась несколько раз: 25, 27 и 28 октября; в последний день, несмотря на безветрие, вода стояла целые сутки.

В 1755 г. вода в октябре доходила до 7 футов; 29 сентября 1756 г. вода при жестокой буре поднималась до высоты 7 футов 3 дюймов. 25 августа 1762 г. была чрезвычайная буря, причинившая много крушений на реке. В 1764 г. с 18 по 22 ноября вода стояла от 7 до 8 футов при совершенном безветрии.

Ужасное наводнение произошло 10 сентября 1777 г. В этот день в 10 часов утра вода поднялась на 335 см и залила весь город, только Литейная и Выборгская части не были под водой; в седьмом часу пополудни вода начала убывать и только назавтра в полдень вступила в берега. За два дня до этого бедствия в Петербурге стояла бурная погода; сильный юго-западный ветер был настолько велик, что отогнал воду к восточным берегам Ладожского озера, и все стоявшие у Шлиссельбурга суда оказались на мели. Буря особенно много принесла вреда садам и рощам Петербурга. В «Академических ведомостях» этого года есть объявление о продаже с дачи Яковлева на Петергофской дороге 2 тысяч мачтовых деревьев, вырванных с корнем. Много вреда нанесла буря Летнему саду.

Во время этого наводнения, по словам историка И. Георги, небольшой купеческий корабль переплыл мимо Зимнего дворца через каменную набережную. Любское судно, нагруженное яблоками, занесено было ветром на 10 сажень от берега в лес; почти по всем улицам ездили на маленьких шлюпках, и тогдашний обер-

полицмейстер Н. И. Чичерин проехал на ялике от своего дома прямо в Зимний дворец. Множество оград и заборов было опрокинуто, не говоря о домах; одна изба переплыла на противоположный берег Невы. Все лавки с товарами размыло, уцелели одни только каменные в Гостином дворе, где вода была вышиной в 3,73 м; в Большой и Малой Коломне и на Мещанской более ста домов со всем строением и с людьми разнесло; на взморье смыло острог, в котором было до трехсот человек; вокруг Петербурга на 12 километров вокруг находили в полях трупы животных и людей. Екатерина II рано утром приказала выбить стекла в окне Зимнего дворца, откуда и смотрела на бушующие волны. Затем она велела служить молебен и сама молилась на коленях.

Императрица очень подробно описывает это наводнение в письме к Ф.-М. Гримму: «Я очень рада, что вчера в полдень возвратились в город из Царского. Была отличная погода; но я говорила: «Посмотрите, будет гроза», потому что накануне мы с князем Потемкиным воображали себе, что берем крепость штурмом. Действительно, в десять часов пополудни поднялся ветер, который начал с того, что порывисто ворвался в окно моей комнаты. Дождик шел небольшой, но с этой минуты понеслось в воздухе все, что угодно: черепицы, железные листы, стекла, вода, град, снег. Я очень крепко спала; порыв ветра разбудил меня в пять часов. Я позвонила, и мне доложили, что вода у моего крыльца и готова залить его. Я сказала: «Если так, отпустите часовых с внутренних дворов; а то, пожалуй, они вздумают бороться с напором воды и погубят себя»; сказано, сделано; желая узнать поближе, в чем дело, я пошла в Эрмитаж. Нева представляла зрелище разрушения Иерусалима. По набережной, которая еще не окончена, громоздились трехмачтовые купеческие корабли. Я сказала: «Боже мой! Биржа переменяла

место, графу Миниху придется устроить таможню там, где был эрмитажный театр». Сколько разбитых стекол! Сколько опрокинутых горшков с цветами! И как будто под стать цветочным горшкам, на полу и на диванах лежали фарфоровые горшки с каминов. Нечего сказать, тут таки похозяйничали! И к чему это? Но об этом нечего и спрашивать. Нынче утром ни к одной даме не придет ее парикмахер, не для кого служить обедню и на куртаге будет пусто. Кстати, десерт Бретеля (который давно прибыл и покончил после трудов и опасностей, весь целый, не надтреснутый и не разбитый, в последней комнате Эрмитажа) нынешней ночью едва не сделался жертвой урагана. Большое окно упало на землю подле самого стола, весьма прочного, на котором десерт расставлен. Ветром сорвало с него тафтяную крышку, но десерт остался целехонек».

Далее пишет императрица после обеда: «Обедаю дома. Вода сбыла, и, как вам известно, я не потонула. Но еще немногие показываются из своих берлог. Я видела, как подъехала английская коляска; вода была выше задней оси, и лакей, стоявший на запятках, замочил себе ноги. Но довольно о воде, подбавим о вине. Погреба мои залиты водою, и Бог весть, что с ними станется. Прощайте; четыре страницы довольно во время наводнения, которое с каждым часом уменьшается».

После этого бедствия императрица в сентябрьском указе 1777 г. вице-президенту адмиралтейств-коллегий и главному командиру галерного флота графу И. Г. Чернышеву повелела учредить знаки и сигналы, по которым жители должны были принимать спасительные меры: «Когда в Коломнах и в Галерной гавани вода начинает выходить на берег, то дан будет сигнал: тремя выстрелами из пушек, и будет поднято на шпиге всех четырех сторон по красному флагу, а ночью три фонаря; также пойдет барабанщик бить в барабан; в

случае же сильной опасности для всех жителей из Адмиралтейской крепости будет сделан сигнал пятью выстрелами из пушек и выставлены будут на адмиралтейском шпице со всех сторон белые флаги, а ночью по два фонаря». В то же время императрица приказала генералу Бауру составить план Петербурга с обозначением мест наводнения.

ПЕРВЫЙ ДОМ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

От малой хижины возрастает город.

Из разговора Петра I с механиком Нартовым

На Петровской набережной есть маленький садик, его деревьям более 100 лет. Сквозь их зелень виден небольшой краснокирпичный дом с железной крышей. Это футляр, он укрывает от ветра, дождя и снега домик Петра I — первую жилую постройку Санкт-Петербурга.

Итак, в 1703 г. под защитой бастионов Петропавловской крепости на Городском (он также именовался и Березовым) острове, как тогда называлась Петроградская сторона, развертывалось строительство города. Троицкая площадь была центральной площадью строящегося города. Здесь в течение первых трех десятилетий размещался порт, устраивались торжества и казни, сооружались дворцы вельмож. Здесь же по приказу Петра была построена его первая петербургская резиденция — знаменитый домик, сохранившийся до наших дней.

В ноябре 1703 г., как сообщала первая русская газета «Ведомости», «пришел к Санкт-Петербургу корабль голландской с товары: с питьями и с солью». Товары эти были закуплены казной; радушно встреченную команду корабля щедро наградили, причем было объявлено, что награду получит также

команда второго и (в меньшем размере) третьего корабля, которые придут с грузами в новый порт России на Балтике.

Выгодные условия торговли через петербургский порт побуждали западноевропейские кампании с каждым годом расширять торговлю с Россией. И к причалам у Троицкой площади подходило все больше кораблей под английскими, голландскими, немецкими и другими флагами, и даже из далеких Венеции и «Гишпании». В 1703 г. в Петербург прибыл один торговый заморский корабль, в 1722 г.—116, в 1724 г.—240, а в 1725 г. здесь побывало уже 914 иностранных торговых кораблей.

Первоначально район порта застраивался небольшими деревянными домами, но в начале второго десятилетия XVIII в. на мысу, образуемом Невой и Большой Невкой (у нынешней стоянки «Авроры»), уже высились каменные палаты первого губернатора Петербурга Меншикова, канцлера Головкина, неподалеку от них возведенные также в камне дома сибирского губернатора Гагарина и вице-канцлера Шафирова. Позже, в 1726 г. в доме Шафирова начала свою работу Академия наук, а в соседнем доме велись занятия гимназии, существовавшей при Академии.

Неподалеку от домика Петра стоял деревянный дом генерала Брюса, откупленный после смерти владельца казной для заседаний Синода. Здесь же находился маленький домик престарелого учителя Петра Никиты Зотова. Некоторые дома были своеобразны по архитектуре. Например, деревянные большие палаты Бутурлина увенчивались куполом, украшенным изваянием Бахуса—бога вина и веселья.

В центре площади высился небольшой деревянный Троицкий собор. С правой стороны площади (если смотреть от Невы) стояло мазанковое строение, в которое в 1714 г. был переведен Сенат, ранее

находившийся в Петропавловской крепости. Здесь же начали свою работу так называемые коллегии, учрежденные в 1718 г.

Левее, в глубине площади, в первые годы находилось бревенчатое строение Гостиного двора, состоявшего из наспех выстроенных, без печей и окон, нескольких десятков лавок. Этот Гостиный двор простоял недолго и ночным пожаром в 1710 г. был уничтожен в течение одного часа.

Домик Петра был срублен из обтесанных сосновых бревен саардамскими плотниками по типу голландских домов за три дня — с 24 по 26 мая 1703 г. А 28 мая здесь уже состоялось торжественное празднование по случаю возвращения Россией приневских земель. «При пушечной пальбе» Петр со своими ближайшими сподвижниками посетил «дворец и изволил в нем кушать». В документах тех лет перовский домик называют то «дворцом», то «старыми красными хоромцами» (красными — значит красивыми). И это не случайно. Несмотря на небольшие размеры (длина около 12 метров, ширина 5,5 метра), он привлекает внимание своим необычным внешним видом.

В домике семь окон, из них три обращены к югу — на Неву, одно на запад — к Петропавловской крепости, два — на север, со стороны входа в домик, и одно — на восток. Остекленные свинцовые оконные переплеты на ночь прикрывались ставнями и запирались болтами. Размеры окон не одинаковы, двери тоже разного размера. Петру приходилось нагибаться, проходя в них. Самая высокая дверь в домике имеет в высоту 182 см, тогда как рост Петра был 204 см.

Домик крыт дощечками в виде черепицы. Посреди крыши, в знак того, что здесь было жилище «капитана бомбардирской (т. е. артиллерийской) роты», как числился Петр в армейских списках, стояла деревянная модель мортиры, а на углах крыши красовались

вырезанные из дерева и ярко раскрашенные изображения пылающих бомб.

Комнаты домика, разделенные узким коридором сеней, отличались скромностью внутреннего убранства. Стены были обтянуты выбеленным холстом; косяки, двери и ставни покрыты росписью в виде букетов цветов. Здесь стояли простое кресло и скамейка собственноручной работы Петра, его токарный станок, простой стол, на стене висели плотничьи инструменты. В домике не было печей, Петр жил здесь только в летнее время, находясь зимой, большей частью в походах.

Как говорит легенда, к этому домику Петр в качестве кормчего привел первое торговое фрисландское судно с товарами, угостил обедом шкипера, который никак не мог себе представить, что был во дворце у императора, и обошелся с Петром товарищески. Царь представил ему жену. Шкипер подарил ей сыр, сказав, что подобного она никогда не ела, и, довольный ее ответом, вынув из-под полы кусок полотна, просил принять на рубашки. «Ну, Катя, — сказал Петр, — ты теперь будешь нарядна и горда, как императрица! Какая ты счастливая! Тебе бы век не видать таких рубашек!» Шкипер просил поцеловать его за подарок. В эту минуту, как рассказывает Штелин, вошел к царю Меншиков в орденах и, не зная ничего, стал докладывать почтительно о делах. Шкипер смутился. Но царь приказал выйти Меншикову и убедил голландца, что в Петербурге господа со звездами и лентами нередко являются с любезностями ко всякому, кто имеет деньги, чтобы занять у него, и советовал беречься их. Голландский купец поверил царю и стал продавать ему свои товары, и только под конец, когда к царю явился капитан с рапортом о смене, купец понял шутку царя, упал к его ногам и просил извинения. Петр

милостиво поднял его, купил все его товары и вдобавок пожаловал ему многие привилегии на будущее время.

После постройки Летнего дворца на территории Летнего сада домик перестал служить Петру жилищем и сохранялся как историческая достопримечательность Петербурга. В 1731 г. он был «защищен от влияния непогод особенною постройкою». Спустя 30 лет была благоустроена ранее захламленная территория вокруг него; проезд к нему расчистили от штабелей дров, в этом месте запретили разгрузку леса с барж. Для наблюдения за состоянием домика была учреждена специальная комиссия, и тогда же провели небольшие реставрационные работы. После этого реставрация домика производилась неоднократно, так как «особенная постройка» не могла предохранить его от разрушительных действий частых наводнений.

Особенно отразились на состоянии домика наводнения 1777 и 1824 гг. 10 сентября 1777 г. «от великой бури и наводнения венцы домика, внутри полы и часть балок, также двери и окна с косяками и ставнями сильно повредило». В 1784 г. над ним был сооружен новый каменный чехол в виде галереи. Но еще большие повреждения были причинены зданию страшным наводнением 1824 г.

В 1844 г. прежняя крытая галерея вокруг домика была перестроена — над ним возвели каменный шатер с застекленными арками под железной крышей. Эта сохранившаяся до наших дней надстройка (возможно, с частичными переделками, относящимися к 1889 г.) спасла домик от немецких зажигательных бомб в годы войны. В 1875 г. вокруг домика был устроен сад, обнесенный чугунной оградой, а в саду установлен бронзовый бюст Петра I — упрощенная копия бронзового бюста работы К. Растрелли.

Галерея — 1) длинное крытое помещение, в котором одна из продольных стен заменена

колоннами или столбами; длинный балкон; 2) удлиненный зал со сплошным рядом больших окон в одной из продольных стен.

Внешний вид домика дошел до наших дней почти без изменений—не сохранились только резные деревянные украшения кровли.

Александр Сумароков

К домику Петра Великого

В пустынях хижина состроена сия,
Не для затворника состроили ея:
В порфире, с скипетром, с державой и короной
Великий государь имел жилище в оной.
Льзя ль пышный было град сим домом обещать?
Никто не мог того в то время предвещать;
Но то исполнилось; стал город скоро в цвете...
Какой сей домик мал, так Петр велик на свете.

1756

Некоторые изменения во внутренней планировке домика были произведены в дореволюционное время, когда это здание в течение почти столетия использовалось как часовня. Тогда были перегорожены сени и в южной стене прорублена дверь.

В домике еще при Петре висела икона нерукотворного образа Спасителя. По преданию, она принадлежала кисти известного иконописца времен царя Алексея Михайловича Симона Ушакова, являлась одним из образцовых произведений и очень уважалась и почиталась Петром. Это почитание не ослабевало и впоследствии у петербуржцев: число богомольцев,

стекавшихся в домик Петра, все увеличивалось и с течением времени он обратился в часовню, где шли молебны и возжигались свечи. Часовня стала доходной статьей, и о ней заспорили две церкви: Троицкий собор и церковь Зимнего дворца. Победила последняя, и часовня была приписана к ней.

Проведенные капитальные реставрационные работы в основном вернули домику его первоначальный облик, и с 1930 г. он открыт для обозрения как музей. В комнатах домика сохраняются предметы обстановки и утвари первой четверти XVIII в., представлен здесь и такой любопытный экспонат, как отливка оттиска руки Петра.

У стен домика хранится принадлежавшая Петру лодка-верейка, по преданию, сделанная им собственноручно. В 1824 г. ее отреставрировали.

АДМИРАЛТЕЙСТВО

...Пишу, читаю без лампы,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла.

А. Пушкин

Сырой ветер гнал сильный туман с моря; шумел поредевший ельник на Васильевских болотах; гнулись высокие сосны, кое-где еще торчавшие по городу; сдувало гнилую солому с изб и клетей, завывало в холодных печных трубах, хлопало дверями: много в то время пустело домов, потому что народ мер до последней степени от язвы, туманов и голода. Лихое, невеселое было житье в Питербурге.

Вздвухшаяся река била в бревенчатые набережные; качались, трещали крутобокие барки; снег и косой

дождь наплюхивали целые озера на площадях и улицах, где для проезда брошены были поперек бревна, доски, чурбаны.

На черном пожарище выгоревшего в прошлый четверг гостиного двора, что на Троицкой площади, торчали четыре виселицы, и ветер раскачивал в тумане четырех воров, повешенных здесь на боязнь и великое страхование впредь. По берегам реки, вдоль Невской перспективы, уже обсаженной с обеих сторон чахлыми деревцами, стучали топоры, тянулись тачки с песком, тележки с известью, булыжником, кирпичами. В грязи, в желтом тумане, на забиваемых в болотный ил сваях возникали каждый день все новые амбары, длинные бараки, гошпитали, частные дома переселяемых бояр. Понемногу все меньше становилось мазаных, из ивняка и глины, избенок, где еще недавно жили Головин, Остерман, Шафиров.

Головин Федор Алексеевич (1650 – 1706) — гос. и военный деятель, дипломат. Генерал-адмирал. В 1689 г. заключил Нерчинский договор с Китаем. В составе «Великого посольства» был вторым послом. Ближайший помощник царя Петра по созданию русского флота и руководству внешней политикой государства.

Только проворный светлейший уже давно успел выкатить себе деревянные палаты с башней, как у кирпичи, и присматривал местечко для каменного дворца.

Многие тысячи народа, со всех концов России — все языки — трудились день и ночь над постройкой города. Наводнения смывали работу, опустошал ее пожар; голод и язва косили народ, и снова тянулись по топким дорогам, по лесным тропам партии каменщиков, дроворубов, бочкарей, кожемяк. Иных ковали в железо, чтобы не разбежались, иных засекали насмерть у верстовых столбов, у тиунской избы; пощады не знали

конвоиры-драгуны, бритые, как коты, в заморских зеленых кафтанах.

Строился царский город на краю земли, в болотах, у самой неметчины. Кому он был нужен, для какой муки еще новой надо было обливаться потом и кровью и гибнуть тысячами,— народ не знал. Но от податей, оброков, дорожных и войсковых повинностей стоном стонала земля. А если кто и заикался от накипевшего сердца: «Ныне-де спрашивают с крестьян наших подводы, и так мы от подвод, от поборов и от податей разорились, а ныне еще и сухарей спрашивают; государь свою землю разорил и выпустошил; только моим сухарем он, государь, подавится»,— тех неосторожных, заковав руки и ноги в железо, везли в Тайную канцелярию или в Преображенский приказ, и счастье было, кому просто рубили голову, иных терзали зубьями, или протыкали колом железным насквозь, или коптили живьем. Страшные казни грозили всякому, кто хоть тайно, хоть наедине или во хмелю задумался бы: к добру ли ведет нас царь, и не напрасны ли все эти муки, не приведут ли они к мукам злейшим на многие сотни лет?

Но думать, даже чувствовать что-либо, кроме покорности, было воспрещено. Так царь Петр, сидя на пустошах и болотах, одной своей страшной волей укреплял государство, перестраивал землю. Епископ или боярин, тяглый человек, школяр или родства не помнящий бродяга слова не мог сказать против этой воли: услышит чье-нибудь вострое ухо, добежит до приказной избы и крикнет за собой: «слово и дело». Повсюду сновали комиссары, фискалы, доносчики; летели с грохотом по дорогам телеги с колодниками; робостью и ужасом охвачено было все государство.

Пустели города и села; разбежался народ на Дон, на Волгу, в Брянские, Муромские, Пермские леса. Кого перехватывали драгуны, кого воры забивали дубинами

на дорогах, кого резали волки, драли медведи. Порастали бурьяном поля, дичало, пустело крестьянство, грабили воеводы и комиссары.

Через Троицкую площадь шли семеновцы с медными киками на головах, в промокших кафтанах. Солдаты лихо месили по грязи и разом взяли на караул, выкатывая глаза в сторону государя. Чиновники, спешившие по своим делам, пробираясь по настланным вдоль лавок и домишек мосткам, низко снимали шляпы, и ветер трепал букли их париков. Простой народ, в зипунах и овчинах, иные совсем босые, валились на колени прямо в лужи, хотя и был приказ: «Ниц перед государем, идя по его государевой надобности, не падать, а снять шляпу, и, стоя, где остановился, быть в пристойном виде, покуда он, государь, пройти не изволит».

Один только толстый булочник, ганноверец, в полосатых штанах, в чистом фартуке, стоя у дверцы булочной, где на ставнях были нарисованы какие-то смешные носатые старички, весело усмехнулся и крикнул, махнув трубкой:

Гут морген, герр Питер!

И Петр, повернув к нему багровое круглое лицо, ответил хрипло:

— Гут морген, герр Мюллер!

На набережной, между бунтами досок, бревен и бочек с известью, толпились рабочие. Туда же бежал в больших сапогах, с лотком пирожков, мальчишка, покрытый рогожей. А с того берега на веслах и парусе подходил полицейский баркас, кренился, зарывался в волны носом, и на носу его ругательски ругался обер-полицеймейстер. Все это обличало явный непорядок.

А непорядок был вот в чем: посредине народа, в страхе великом обступившего бочку с известью, на бочке стоял тощий, сутулый человек без шапки. Волосы, спутанные, как войлок, падали косицами на плечи;

горбоносое, изможденное лицо было темно и в глубоких морщинах; глаза провалились и горели люто; узкая бороденка металась по голой груди; ребра, обтянутые, собачьи, сквозили через дыры подпоясанного лыком армяка. Вытягивая руку в древнем двуперстном знамени, он кричал пронзительно дурным голосом:

— Православные, ныне привезли знаки на трех кораблях. А те знаки — чем людей клеймить, и сам государь по ним ездил, и привезены на Котлин остров, но токмо никому не кажут и за крепким караулом содержат, и солдаты стоят при них бессменно...

— Верно... верно... — зароптала толпа. — Сами слышали... Клейма привезены... Вот такой же кричал намедни.

Сзади два усатых сержанта уже принялись расталкивать, гнать народ. Иные отошли, другие теснее, как овцы, сдвинулись к бочонку... Рваный же человек растопырил руку и, суя в нее пальцем, кричал:

— Вот здесь, между большим и средним пальцем, царь будет пятнать, и станут в него веровать. Слушайте, христиане, слушайте... В Москве мясо всех уж заставили есть в Сырную неделю и в Великий пост. И на Соловки послали трех дьяков, чтобы монахов учить мясо есть. И весь народ мужеска и женска пола будет государь печатать, а у помещиков и у крестьян всякий хлеб описывать, и каждому будут давать самое малое число, а из остального отписного хлеба будут давать только тем людям, которые запечатаны, а на которых печатей нет, тем хлеба давать не станут. Бойтесь этих печатей, православные. Бегите, скрывайтесь. Последнее время настало... Антихрист пришел. Антихрист...

Крестясь и отплевываясь, пятились мужики. Иные побежали. Закликали бабы... Смяли мальчишку в рогоже, опрокинули с пирожками лоток. Человек двадцать солдат лупили палками по головам и спинам.

Рванный слез с бочки и пошел, наклонив голову. Перед ним расступились, и он скрылся за бунтами леса.

Когда Петр, широко шагая через лужи, подошел к месту происшествия, солдаты уже разогнали рабочих, и только обер-полицеймейстер Ивашин таскал за волосы вятского, какого-то хилого мужичка, последнего, кто подвернулся под руку. Вятский, растопырив руки и согнувшись, покорно вертел головой по всем направлениям, куда таскало его начальство; Ивашин же с ужасом косился на подходившего царя: дело было нешуточное — бунт и его, полицеймейстера, недоглядка.

«Пропал, пропал, пришибет на месте», — торопливо думал он, крутя за виски покорную голову.

— Что? Кто? Почему? — отрывисто, дергая щекой, спросил Петр, и сам, схватив сзади за полушубок вятского мужичка, приблизил его тощее, с провалившимися щеками, смиренно-готовое к неминуемой смерти лицо к безумным своим глазам. Приблизил, впился и проник, точно выпил всю его нехитрую мужицкую правду.

«Господи Иисусе», — посиневшими губами пролепетал вятский. Но Петр уже отшвырнул его и обратился к Ивашину:

— Причину нарушения работ, господин обер-полицеймейстер, извольте рапортовать.

Бритое, рябое лицо Ивашина подернулось серым налетом. Вытянувшись до последней жилы, он отрапортовал:

— Пирожник пироги принес, народишко начал хватать безобразно, началась драка и безобразие, пирожника едва не задавили, пироги все потоптали.

Соврал, соврал Ивашин, и сам потом много дивился, как он так ловко вывернулся из скверной истории, — гораздо хорошо соврал, глядя честно и прямо в царские глаза. Петр спросил спокойнее:

— С чем пироги?

— С грибами, ваше величество.

Придерживая шпагу, Ивашин живо присел и, подняв из грязи, подал царю пирожок. Петр разломил, понюхал и бросил.

— А этот, ваше величество,— Ивашин сапогом пихнул вятского мужичка в ноги,— всем им, вора́м, зачинщик, крикун и вор.

— Батогов! — Петр повернулся и зашагал косолапой, но стремительной поступью вдоль набережной к работам. Ивашин рысью, придерживая треугольную шляпу и шпагу, поспевал за ним.

Вдоль топкого берега, куда били, расползаясь, черно-ледяные волны, копошились до трехсот человеческих фигур: орловцы и туляки в войлочных гречушниках, киргизы в остроконечных, как кибитки, шапках, с меховыми ушами, одетые в олени кофты поморы, сибиряки в собачьих шубах и иной бродячий люд, кто обмотанный тряпками, кто просто прикрытый рогожей.

— Оглядывайся... Оглядывайся... Оглядывайся... — пошли негромкие голоса по всему берегу. Не жалея ни рук, ни спин, подгоняемые десятскими и еще более зорким взглядом царя, все эти изнуренные, цинготные, покрытые лишаями и сыпью строители великого города «бодро и весело», как сказано в регламенте работ, били в сваи, рысью тащили бревна, с грохотом сбрасывали их, пилили, накатывали; человек пятьдесят, стоя по пояс в воде, обтесывали торцы. Едко пахло мокрым деревом, дегтем и дымом от обжигаемых свай.

Все эти люди были, как духи земли, вызванные из небытия, чтобы, не ропща и не уставая, строить стены, укрепления, дворцы, овладевать разливом рек, ловить ветер в паруса, бороться с огнем.

Одного слова, движения бровей было достаточно, чтобы поднять на сажень берег Невы, оковать его

гранитом, ввинтить бронзовые кольца, воздвигнуть вон там, поправее трех оципанных елей, огромное здание с каналами, арками, пушками у ворот и высоким шпилем, на золоте которого загорится северное солнце.

Грызая ноготь, Петр исподлобья посматривал на то место, где назначалось быть адмиралтейству. Там, на низком берегу, стояли длинные барки с дегтем, пенькой, чугунными отливками; кругом строились леса, тянулись тележки по гребням выкидываемой из каналов зеленоватой земли, и сколько еще нужно было гнева и нетерпения, чтобы поднялся из болот и тумана дивный город!

А тут еще пирожки какие-то мешают!..

В конце стройки Петр свернул на мостки, сквозь доски которых под его шагами зачмокала вода. Здесь он вынул часы, отколупнул черным ногтем крышку — было ровно половина одиннадцатого — и шагнул в качавшийся и скрипевший о сваи одномачтовый бот.

Скуластый матрос, в короткой стеганой куртке и в падающих из-под нее складками широких коричневых штанах, весело взглянул на Петра Алексеевича, сунул в карман фарфоровую трубочку и, живо перебирая руками, поднял парус. Тотчас лодка, бессильно до этого качавшаяся, точно напрягла мускулы, накренилась, мачта, заскрипев, согнулась под крепким ветром. Петр снял руку с поручни мостков, положил руль, и лодка скользнула, взлетела на гребень и пошла через Неву.

Петр проговорил сквозь зубы:

— Ветерок, Степан, а?

Ослабясь, матрос прищурился на ветер, сплюнул.

— Был норд на рассвете, ободняло,— ишь, на норд-вест повернул.

— Врешь, норд-вест-вест.

На это Степан усмехнулся, качнул головой, но не ответил: хотя с Петром Алексеевичем были они и

давнишними приятелями-мореходами, все-таки много спорить с ним не приходилось.

У строящегося адмиралтейства, где была уже вытянута сажень на полтора высокая, из крепких бревен, пахнувшая смолой набережная, Петр выскочил из лодки и, все так же, спеша и на ходу махая руками, пошел к пеньковым складам.

Матросы, чиновники, рабочие и солдаты издали слышали косолапые и тяжелые шаги царя и, слышав, низко нагнулись над бумагами и книгами, засуетились каждый по своему делу.

Неяркое, как пузырь, солнце повисело полдня за еловой пусторослью и закатилось. Темно-красный свет разлился на все небо; как уголья, пылали края свинцовых туч, заваливших закат на тысячу верст; в вышину поднялись оттуда клубы черно-красного тумана; багровая, мрачная, текла Нева; лужи на площади, колеи, слюдяные окошки домиков и стволы сосен — все отдавало этим пыланием; и не яркими — бледными казались сыплющие искрами большие костры, разложенные на местах работ.

Но вот яркой иголкой блеснула пушка на крепостном валу, ударил и далеко покотился выстрел, затрещали барабаны, и длинные партии рабочих потянулись к баракам.

У бревенчатых длинных и низких строений, с высокими крышами, дымились котлы, охраняемые солдатами; в подходившей толпе, несмотря на строгий приказ, вертелись сбитенщики с крепким сбитнем, воры, офени и лихие люди, предлагавшие поиграть в зернь, в кости, покурить табачку; гнусили калеки и бродяжки; толкся всякий людишко, норотивший пограбить, поживиться, погреться. Давали, конечно, по шеям, да всем не надаешь — пропускали.

В бараке усталые и продрогшие рабочие обступили котел, просовывая каждый свою чашку усатому унтеру,

говорившему поминутно:

— Легче, ребята, осаживай!

Получивший порцию брел в барак, садился на нары и ел, помалкивая: пищу-де хаить нельзя — государева. Хлеб покупали на свои деньги, говорили, что в царский подмешивают конский навоз.

С двух концов горящие над парашами лучины едва освещали нары, тянущиеся в три яруса, щелястые, нетесаные стены и множество грязного тряпья, развешанного под потолком на мочальных веревках. Набив брюхо, кряхтя и крестясь, полз народ на нары, наваливал на себя тулупы, рогожи, тряпье и засыпал до утреннего барабана. У дверей всю ночь шагал солдат в кивере, с перевязью, с большой алебардой, покашливал для страху и время от времени вставлял новую лучину. Строго было заказано — не баловать, а пуще всего зря языком не трепать...

Камер-юнкер Берхгольц о рабочем дне Петра I:

«Государь встает очень рано, так что в три и четыре часа утра присутствует в Тайном совете. Потом идет на верфь, где смотрит за постройкой кораблей и даже сам работает, зная это мастерство превосходно. В девять или десять часов занимается токарной работой, в которой так искусен, что решительно ни одному художнику не уступит. В 11 часов кушает, но не любит прохлаждаться за столом, а после обеда, отдохнув немного по русскому обычаю, идет опять смотреть какую-либо постройку или другую работу. Вечером отправляется куда-нибудь в гости или на ужин, откуда, однако, спешит возвратиться, чтобы раньше лечь в постель. Петр любил ходить к своему мундкоху-шведу, куда собираются знатнейшие господа и офицеры, русские и немцы, за угощение каждый платит по червонцу. Царь не любит никаких игр и охоты, или других увеселений. Лучшее его удовольствие — быть на воде. Вода составляет его настоящую стихию, он целый

день иногда проводит на яхте, буере или шлюпке, в этом он никому не уступает, разве только одному адмиралу Крюйсу. Однажды, когда Нева уже почти замерзла и незамерзшей воды осталось только перед дворцом на сто шагов, он не переставал, однако, плавать взад и вперед в каком-то кораблике до тех пор, пока было возможно. Когда Нева совсем замерзла, то он приказал вдоль берега прочистить дорогу шагов на сто в длину и на тридцать в ширину, и здесь каждый день катался по гладкому льду на буере. Лица, все служащие во флоте, если имеют до него просьбу, то должны говорить ему не ваше царское величество, а Mon Heer Schout by Nacht, после чего он выслушивает и просителя отсылает к адмиралу».

* * *

Стране нужен был флот. Еще не умолкли пушки на Неве, а на только что сооруженных верфях на Сяси и Свири уже поспешно строились первые боевые корабли. Это еще совсем малые суда, скорее лодки. Большие суда и нельзя было возводить за Ладожским озером, так как Невские пороги не позволяли вывести их в море.

И вот осенью 1704 г. со стапелей верфей у устья Сяси сошло около полуста кораблей, направившихся в Неву через Ладожское озеро.

Ладожское озеро капризно и бурливо. Шторм на нем — явление частое. И первая эскадра малых судов русского флота на Ладожском озере попала в сильный штормовой ветер. Шесть дней ветер трепал корабли. До Петербурга добралась только часть судов, да и то сильно поврежденная.

Этот случай заставил Петра задуматься над устройством судостроительных верфей ближе к заливу, к рейду кораблей. Осмотрены берега Невы, и Петр на заболоченном, покрытом девственным лесом северном

берегу самого широкого протока Невы выбрал площадку, где раскинулось пять избышек безыменной деревушки, окруженных благоустроенным участком с выкорчеванными пнями, осушенной и распаханной землей.

На том месте, где сейчас стоит здание Адмиралтейства, и была в ноябре 1704 г. основана судостроительная Петербургская верфь. В журнале Петра I в этот день была внесена запись:

«Заложили Адмиралтейский дом и были в остерии и веселились, длина 200 сажен, ширина 100 сажен».

Адмиралтейство — место на берегу моря или реки, приспособленное для постройки различных кораблей.

Первоначальный замысел Адмиралтейской верфи, ее план и вся композиция принадлежат Петру I. «Сей верфь делать государственными работниками или подрядом как лучше и строить по сему, жилья делать мазанками прямыми без кирпича, кузницы обе каменные, амбары и сараи делать основу из брусья и амбары доделать мазанками, а сараи обить досками так как мельницы ветряные обиты доска на доску и у каждой доски нижний край обдорожить и потом писать красною краскою. От реки бить поженными сваями».

Первый построенный адмиралтейской верфью линейный корабль «Полтава» был спущен на воду в 1713 г. К летней кампании 1714 г. русский флот насчитывал уже 26 линейных кораблей, вооруженных 42–74 пушками каждый, 8 фрегатов с 18–32 пушками и 100 галер и скампавей.

По замыслу Петра Адмиралтейский дом представлял собой группу различных сооружений, из которых главные объединены в одно здание, распластавшееся широкой гигантской буквой П (покоем), раскрытой и обращенной своими концами к Неве. Внутри площадки вдоль ограждающего здания был прорыт канал,

выходящий в Неву. На самой площадке располагались сараи, кузницы, а у Невы эллинги и стапеля для постройки кораблей «длиной от 60 до 70 футов» и различных мелких судов «от 20 до 50 футов».

В восточной части главного П-образного здания размещался канатный сарай в 350 футов длиной, в западное крыло — мачтовые, парусные, конопатные мастерские.

Так называемые мастерские избы образовывали главную часть здания длиной в «200 сажень» (около 426 метров) и шириной в 23 фута (7,01 м).

После закладки Адмиралтейства к его строительству приступили немедленно, и летом 1705 г. контуры адмиралтейских построек уже отчетливо вырисовывались среди сильно порубленного вокруг леса. Южнее Адмиралтейства вырастали дома для морских чинов, светлицы для жилья адмиралтейских рабочих и мастеровых. Масштаб строительства был огромен. Леса на месте не хватало, поэтому его заготовка шла и на Охте, и в отдалении — по реке Тосна и даже в Новгородском уезде.

Нападения шведов на строящийся город все еще продолжались, главным образом с моря. Шведы значительно усилили свой флот. В связи с этим Петр принял решение о превращении возводимой Адмиралтейской верфи во вторую крепость на Неве, которая вместе с Петропавловской защищала бы Неву и делала ее непроходимой для вражеских судов.

Исполняя волю Петра, губернатор Петербурга А. Д. Меншиков 24 июня 1705 г. письменно отдал распоряжение производителю работ на Адмиралтейской верфи И. Я. Яковлеву:

«Ныне для прихода неприятеля ведено сделать около Адмиралтейского двора палисад, вал земляной против образца, каков послан по нынешней почте к Роману Брюсу».

Главный комендант Петербурга Брюс получил чертеж крепости только 17 сентября и тотчас развернул спешную ее постройку. Уже через два месяца — 15 ноября — Яковлев рапортует Меншикову о том, что «при Санкт-Питербурхе на Адмиралтейском дворе милостию Вашею все хранимо и кроме того двора крепость строением совсем совершилась и ворота подъемные и шпиц и по бастионам по всем пушки поставлены и рогатками обнесены».

Адмиралтейская крепость была окружена обширной площадью — так называемым гласисом, — необходимой по стратегическим соображениям того времени. Открытое пространство перед валами и бастионами крепости давало возможность хорошего обзора местности, а главное — обеспечивало Адмиралтейскую крепость от пожаров, столь часто возникавших в деревянном Петербурге тех лет.

Адмиралтейский гласис — адмиралтейский луг — простирался на юг до самой речки Мьи, как называлась тогда Мойка, и в стороны на 300 метров. От гласиса расходились по разным направлениям дороги, первоначально проложенные в лесной чаще, а позднее превратившиеся в улицы и проспекты. Прямо против главного въезда в Адмиралтейство начиналась старая дорога на Новгород и далее на Москву. Теперь это Гороховая улица. Две другие дороги, отклонявшиеся к востоку и западу, шли соответственно на Охту и Псков и превратились в Невский проспект и проспект Майорова. От гласиса шли дороги и по берегу Невы, вдоль которых прежде всего началось строительство. В течение первых 15—20 лет они превратились в благоустроенные набережные с особняками и дворцами.

У канала, окружавшего Адмиралтейство, уже в 1717 г. получил начало и был прорыт новый канал вдоль нынешнего бульвара Профсоюзов, связавший Верфь с Новой Голландией — Портовыми складами. Вдоль этого

канала расположилась Галерная слобода и канатные заводы.

Петр лично руководил строительством отечественного флота на Адмиралтейской верфи и следил за ее состоянием, тщательно оберегая от пожаров. С этой целью он периодически сам осматривал гласис и «страха пожарного для» повелел сносить расположенные близко к Адмиралтейству всякого рода стихийно возникавшие строения.

Трудно достоверно воспроизвести облик первоначальной Адмиралтейской верфи, поскольку старинные гравюры дают только приблизительное представление, и известно лишь одно раннее ее описание, относящееся к 1710—1711 гг.

«Морской арсенал или Адмиралтейство, обширное четырехугольное здание, окруженное рвом и валом, вооруженное пушками большого калибра, четверо крестообразно расположенных ворот ведут в это здание. Здесь строятся и оснащаются все большие суда и припасены в значительном количестве нужного для этого материалы». Пушки были расставлены на пяти бастионах, из которых один посередине, против главных ворот, а остальные — по углам и концам крепости у Невы.

Адмиралтейство долго сохраняло свой крепостной облик, несмотря на то, что угроза вражеского нападения была полностью устранена после разгрома шведов под Полтавой в 1709 г. и занятием в следующем — 1710 г. — русскими войсками Выборга, где было захвачено 58 вражеских знамен. Кстати сказать, в ознаменование Полтавской виктории Петр 6 декабря 1709 г. собственноручно заложил на Адмиралтейской верфи крупный корабль «Полтава», оснащенный 54 пушками и сошедший со стапелей в июне 1712 г. А в 1710 г. в воды Финского залива из Адмиралтейской

верфи был выведен 50-пушечный корабль, названный Петром «Выборг».

Полтавское сражение □ в июне 1709 г. русские войска под предводительством Петра I разгромили шведские армии под командованием Карла XII. Шведы потеряли убитыми более 9 тыс. человек, все пушки, более 2500 человек взяты в плен. Остатки деморализованной шведской армии были настигнуты русскими войсками А. Д. Меншикова у Переволочной на Днепре и взяты в плен. Раненый Карл XII и изменник Мазепа едва спаслись бегством в Турцию. Сражение решило исход Северной войны 1700 □ 1721 гг. в пользу России.

Петр даже во время поездки за границу продолжал следить за тем, как успешно возводится Адмиралтейство, и присылал с курьерами запросы к Меншикову, который в качестве-губернатора Петербурга обязан был следить за всем строительством города, в том числе и его верфи — Адмиралтейства. Меншиков в своих письмах подробно отчитывался о выполненном объеме строительства и держал Петра в курсе всех дел.

Характер построек и внешний облик первоначального Адмиралтейства начинает меняться в 20-х гг. XVIII в. Через 10 лет после основания крепости над главными воротами Адмиралтейской верфи возводится деревянный шпиль.

Петр, вернувшись из-за границы, весной 1719 г. осмотрел обветшавшие к тому времени старые адмиралтейские строения и предложил произвести расширение «Мастерских палат» и вести строительство из камня. С этого года заново возводятся по частям каменные магазины, склады и различные другие постройки; перестраивается модель-камера, строятся вновь эллинги, возводятся через канал, окружавший

Адмиралтейство, мосты, а стенки самого канала укрепляются.

Для осуществления строительства только что учрежденная Адмиралтейств-коллегия привлекает ряд голландских мастеров-строителей, находящихся в ту пору в Петербурге. С мая 1719 г. достройку адмиралтейского шпица ведет голландский «шпицных и кровельных дел мастер» Герман ван Более — строитель шпиля Петропавловского собора. Этому мастеру Адмиралтейств-коллегия приказала «шпиц адмиралтейский достроить всякою столярною и плотничною работою и укрепить ему своими мастеровыми людьми и на оном шпице поставить яблоко и корабль и поверху его корону, доделать же внутри и с лица того шпица окошки, двери, цимзы, балясы и лестницы со всем в отделку самым добрым и чистым мастерством...».

Шпиль был обит железом, а сама башня украшена деревянными колоннами с резными капителями, кронштейнами и четырьмя фигурами орлов сложной резной работы. Все эти украшения исполнялись группой русских мастеров — Иваном Шпаком, Иваном Сухим с товарищами. Вместе с ними на равных началах работал иностранец, резной мастер Никлас Кнак, выписанный из Голландии адмиралом Крюйсом в 1704 г. для художественного оформления строящихся в Петербурге кораблей.

На Адмиралтейском шпице в 1721 г. устанавливаются часы, в устройстве которых участвовали слесарь Герасим Иванов и капрал Пимен Куликов.

Тогдашнее описание Адмиралтейства оставил нам уже упоминавшийся камер-юнкер Берхгольц в своем дневнике, который вел он со дня приезда в Петербург в 1721 г.:

«Оно имеет внутри большое, почти совсем четырехугольное место, которое с трех сторон застроено, а с четвертой открыто на Неву, где корабли строятся, а потом спускаются на воду. Против открытой стороны находится большой въезд или главные ворота, над ними устроены комнаты для заседания Адмиралтейств-Коллегий и поднимается довольно высокая башня. . .

Подле здания стоят большие кузницы. В одном из флигелей устроена обширная зала, где рисуют и, если нужно, переписывают мелом вид и устройство всех кораблей, назначенных к постройке. Вне и внутри Адмиралтейского здания наложено множество корабельного леса всякого рода, но еще большее его количество лежит в ближайших каналах, откуда его берут по мере надобности. Все это огромное Адмиралтейство обведено снаружи валом с бастионами со стороны реки, которые окружены довольно широким и глубоким каналом, и с внутренней стороны обрыто небольшим рвом».

Далее Берхгольц добавляет о том, что они «пришли потом в Флаговый зал, где приготовлена была закуска. В этом зале развешаны под потолком все флаги, знамена и штандарты, отнятые в продолжение последней войны у шведов».

Андреевский стяг — флаг на корме судна в русском военно-морском флоте. Введен Петром I в 1699 г. в честь ордена св. Андрея Первозванного. Полотнище с голубым крестом по диагоналям было сначала трехполосное — бело-сине-красное, затем — одного из этих цветов, с 1712 г. — только белое.

Число трофейных знамен в Адмиралтействе было велико, ибо русский молодой флот за годы войны со Швецией сражался доблестно. Только одна победа нашего галерного флота у Финского мыса Гангута над одним из старейших и сильных флотов мира —

шведским, 27 июля 1714 г., принесла множество трофеев, так как вражеские суда были не только разбиты, но и пленены, и 9 сентября шведские галеры, шхерботы и фрегат были торжественно введены в Неву при звуках салюта в 151 выстрел из пушек Адмиралтейства и Петропавловской крепости.

Манкиев (Манкеев) Александр Ильич (ум. 1723) — один из первых русских историков, автор «Ядра Российской истории» (1770). Участвовал в заключении Ништадтского мира 1721 г. и был секретарем русского посольства в Стокгольме.

Блестящая Гангутская виктория была одержана при непосредственном участии Петра I на судах, построенных на Адмиралтейской верфи, и она позволила сказать Петру гордые слова: «Ныне кроме многих побед на земле, России и на море слава есть».

В этот год, 26 октября, на воду был спущен с Адмиралтейства еще больший корабль в 64 пушки под названием «Нарва».

Северная война со шведами закончилась миром, подписанным в сентябре 1721 г. в Ништадте в Финляндии. За Россией были закреплены земли Прибалтики и часть Финляндии (Выборг, Кексгольм).

Северная война 1700 □ 1721 гг. — война России против Швеции за выход к Балтийскому морю. В XVI □ нач. XVII вв. Швеция захватила русские земли, прилегающие к Финскому заливу и отрезала Россию от морских торговых путей, что сдерживало ее экономическое и культурное развитие. В 1699 г. Петр I заключил союз с Данией и курфюрстом Саксонии (он же польский король) Августом II против Швеции. В феврале 1700 г. саксонские войска введены на территорию герцогства Гольштейн (союзник Швеции). В июне 1700 г. шведский король Карл высадил десант около Копенгагена и заставил Данию заключить

мир. В августе Россия объявила войну Швеции. Русские войска (ок. 35 тыс.) осадили Нарву, но в битве были побеждены. Карл XII выступил против Саксонии, вторгся в Польшу. Петр I использовал передышку для усиления армии и создания флота. В 1701 г. русские войска возобновили военные действия, в 1702 г. взяли крепость Нотебург (Орешек), в 1703 г. — Ниеншанц, Ям, Копорье, в 1704 г. — Дерпт (Юрьев), Нарву, Ивангород и вышли к Балтийскому морю. В 1703 г. основан Санкт-Петербург и крепость Кроншлот (Кронштадт).

Зимой 1704 — 1705 гг. Петр сосредоточил около Полоцка 60-тысячную армию, войска под командованием Б. П. Шереметева послал в Курляндию, в июле 1705 г. двинулся на Вильно, оставил там значительные силы и с частью войск пошел на помощь Шереметеву. К осени 1705 г. русские войска заняли Митаву и Бауску. В сентябре 1705 г. Петр собрал главные силы (35 тыс.) возле Гродно и, передав командование Августу II, уехал в Москву. В январе 1706 г. Карл блокировал 30-тысячный гарнизон в Гродно. Август отступил в Саксонию, часть русской конницы отошла к Минску. В сентябре 1706 г. Август заключил сепаратный мир со Швецией. Россия осталась без союзников, ее главные силы отошли из Волыни к Полесью. В июне шведские войска подошли к Минску, переправились через Березину и частично разбили на Могилевщине русскую армию. Русские отошли за Днепр. Карл занял Могилев и двинулся на Смоленск, но потом повернул на Украину, чтобы соединиться с отрядами изменника гетмана Мазепы. На помощь ему из Риги выступил 26-тысячный корпус Левенгаупта. У деревни Лесная на Могилевщине Левенгаупт был разбит, потерял

обоз и привел к Карлу лишь 6 тыс. солдат. Карл решил идти на Москву с юга через Полтаву. В июле 1709 г. в Полтавской битве шведская армия была разбита. Эта победа стала переломным пунктом в С.в. Был возобновлен союз России с Данией, Речью Посполитой и Саксонией (позднее присоединились Ганновер и Пруссия); военные действия переместились в Прибалтику и Сев.Германию. Ставленник Карла XII в Речи Посполитой С. Лещинский (король с 1704) бежал в Швецию. В 1710 г. русские войска заняли Лифляндию и Эстляндию, русский флот получил выход из Финского залива. Карлу удалось вовлечь Турцию в войну против России. Русско-турецкая война 1710 – 1713 гг. оттягивала значительные силы русских войск и сдерживала активные действия против Швеции. В 1713 г. русские войска заняли Гельсингфорс и Або, в результате победы над шведским флотом — Аландские острова и создали непосредственную угрозу Стокгольму. Русские корабли контролировали Балтийское море, в мае 1717 г. высадили десант на о-ве Готланд. В мае 1718 г. начались переговоры о мире (так называемый Аландский конгресс), проходившие успешно до гибели Карла XII. Его сестра Ульрике Элеонора, занявшая трон, под влиянием Англии и Франции прекратила переговоры и возобновила военные действия. В 1719 – 1720 русские десанты трижды высаживались в Швеции, подходили к Стокгольму; в августе 1720 г. после Гренграмского боя был заключен мирный договор, в результате Россия вернула свои земли, закрепила на побережье Балтийского моря от Выборга до Риги.

Празднование Ништадтского мира сопровождалось преподнесением Сенатом и Синодом Петру I нового

титула «императора». Ликующий Петербург приветствовал императора Петра и успешное завершение Северной войны пальбой с Адмиралтейской и Петропавловской крепостей и 125 галер, стоявших тут же на Неве.

Многие официальные бумаги начала XVIII в. содержат титул Петра. Вот он: «Поспешествующею милостию мы, пресветлейший и державнейший великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белыя России, самодержец московский, киевский, владимирский, новгородский, царь казанский, царь астраханский, царь сибирский, государь псковский и великий князь смоленский, тверский, югорский, пермский, вятский, болгарский и иных, государь и великий князь Новагорода, Низовские земли, черниговский, резанский, ростовский, ярославский, белозерский, удорский, обдорский, кондинский и всея северныя страны повелитель и государь Иверские земли, карталинских и грузинских князей, и Кабардинские земли, черкасских и горских князей, и иных многих государств и земель, восточных и западных и северных, отчич и дедич и наследник и государь и обладатель».

В день празднования Ништадского мира Петр сказал, подняв бокал: «Надеясь на мир, не подлежит ослабевать в воинском деле».

Балтийский флот с каждым днем укреплялся и пополнялся все большим числом судов, непрерывно сходящих с Адмиралтейской верфи. При Петре здесь было построено более 40 больших кораблей. Сама верфь с каждым годом расширялась и совершенствовалась. Каналы облицевали плитным камнем, территорию вокруг Адмиралтейства замостили, были расширены и перестроены сами корпуса здания.

Вот как описывает тогдашнее Адмиралтейство датский посланник Юст Юль:

«Нас пригласили в Адмиралтейство, где ожидал царь. Пройдя мост на канаве и ворота, мы вошли через сени в громадное помещение, где строятся корабли; здесь мы осматривали нововыстроенный большой, красивый корабль, затем отправились в кузницу, где было 15 горнов и при каждом 15 кузнецов с мастером. Оттуда мы прошли через другой канал к большому трехэтажному дому, выстроенному в виде треугольника на прусский манер. Царь ходил с нами по разным магазинам, находящимся в этом здании; мы осматривали все корабельные принадлежности: были там канаты, вощенные, смоленные, намазанные разным жиром; некоторые были толщиной в половину человека, гвозди для прибивки досок лежали большими кучами и т. д. Несколько палат завалены были большим количеством тяжелого, как олово, дерева, привезенного из Ост-Индии; царь говорил, что если бы у бояр его было столько дерева, то ему хватило бы его на два года. Это дерево употреблялось для выделки колес, вращающих канаты; далее царь нам показывал несколько других вещей; затем в двух комнатах мы увидели множество меди, взятой у шведов, и царь при этом сказал послу, что это шведы ему пожаловали. Гости после отправились в галерею, находящуюся в среднем этаже, где адмирал Апраксин угощал нас одними корабельными блюдами, т. е. копченой говядиной, языком, морскими рыбами и т.д.; давали и полпиво, очень холодное. В это время на башне играла музыка. Посидев немного, мы отправились в коллегии, где было много молодежи. Там столы накрыты были зеленым сукном, на стенах развешаны зеркала, чертежи, гравюры. Преподаватель здесь объяснял военное искусство. Отсюда мы сошли к каналу, в котором стояло несколько судов с насосами. Потом

пошли в комнату, где была библиотека, в которой были большие запасы разного рода бумаги, белой, серой, черной. Несколько комнат было занято готовым платьем разного цвета на 24000 человек. Затем пошли мы через канал, где живут разного рода ремесленники, видели, где цирюльники приготавливают мази и пластыри для ран, было здесь около восьмисот портных, работающих над парусами. Было там тоже здание большое и широкое на сваях, в два этажа; здесь готовили модели кораблей. Вечером, когда стал идти дождь, мы отправились в комнаты, где было много вина и пива и где начальник кораблей Головин нас угощал. Он носит постоянно золотой циркуль, украшенный драгоценными камнями, в знак своего достоинства. Царь его на каждом пиру сажает с собой рядом, пьет за его здоровье и делает с него гравюры. Во время пира царь привстал и, кланяясь, налил вино, ходил и раздавал нам всем рюмки, исполняя свою обязанность так, как если бы не сделал этого, то должен был бы уплатить штраф».

Для ведения работ привлекались опытные и известные строители и архитекторы. В 20-х гг. XVIII в. — это по преимуществу иностранцы из различных европейских стран. Из Голландии в 1720 г. в Россию приезжает архитектор Ван-Звитен, приглашенный русским послом князем Куракиным. Он строит в Петербурге по указанию самого Петра «Новый Летний Дом» у Летнего сада, Подзорный дворец на Острове у Екатерингофа, дворец и ряд построек в Дальних Дубках. В Адмиралтействе он работает в с 1722 по 1726 г. В этот период здесь ведется перестройка такелажной и четверти адмиралтейских каменных магазинов, осуществляемых «по чертежу и указанию архитектора Ван-Звитена добрым и твердым мастерством по голландскому манеру».

В 1722 г. он предлагает Адмиралтейств-коллегии проект и смету «на построение в Адмиралтействе меж кораблями каменных пяти палат с сенцами».

В 1726 г. Ван-Звитен от работы отстраняется и на его место Адмиралтейств-коллегия назначает другого иностранного архитектора — итальянца Гаэтано Киавери. Итальянский зодчий приехал в Петербург около 1720 г. За все время работы в России он не смог завоевать сколько-нибудь значительного положения, но все же оставил здесь некоторые из своих произведений. Из них наиболее значительным является библиотечный зал в Петровской кунсткамере.

Киавери в Петербурге работал главным образом под руководством и в качестве помощника известного итальянского архитектора Микетти.

В Адмиралтействе Киавери занимается наблюдением за различными ремонтными работами и перестройкой части каменных магазинов, осуществляемых по его проекту. В начале 1728 г. Гаэтано Киавери был отстранен от работы в Адмиралтействе и уехал из России.

Наряду с архитекторами Ван-Звитеном и Киавери с 1722 г. к строительству верфи привлекается крупнейший зодчий Петербурга — Доменико Трезини. Ему поручается «генеральное смотрение» над всеми строениями Адмиралтейства, в том числе и над постройками, осуществлявшимися под руководством Ван-Звитена. Он становится главным архитектором Адмиралтейства.

Трезини всё больше втягивается в строительство Адмиралтейства, которым руководит одновременно с другими постройками Петербурга: Петропавловским собором, зданием Двенадцати Коллегий, «Гошпитали» на Выборгской стороне и второго Зимнего дворца. Адмиралтейств-коллегия требует от Трезини советов,

чертежей и смет ряда построек верфи: кузницы, четвертой части магазейнов и других.

Следует отметить, что Ван-Звитен, Киавери и даже Трезини уделяли скучному утилитарному строительству Адмиралтейских магазейнов, кузниц, эллингов и каналов совершенно недостаточное внимание. Адмиралтейств-коллегия все эти годы выражает явное недовольство их работой, часто обращается к ним с письменными напоминаниями об их обязанностях, зачастую прибегая даже к помощи городской канцелярии, в ведении которой находились приезжие мастера, а порой добиваются прямых личных распоряжений царя.

В этом отношении типична запись в журналах Адмиралтейств-коллегии в июле 1722 г.: «Приказали архитектору Степану Фоншвитену (Ван-Звитену) послать его императорского величества указ, дабы он у строения в Адмиралтействе каменных новых магазейнов был и показывал делать подрядчикам по предложенному его архитектора чертежу, а от городской канцелярии присылки помянутого Фоншвитена требовать немедленно».

Адмиралтейств-коллегия — гос. орган управления военно-морским флотом в 1718 □ 1827 гг. Ведала верфями, полотняными и канатными заводами, строительством гаваней и портов, вооружением и снабжением флота.

В результате Адмиралтейств-коллегия в октябре 1727 г. принимает решение о приглашении в Адмиралтейство постоянного русского архитектора из числа «ныне прибывших из чужестранных государств, обучившихся архитектурному делу российской нации» с тем, чтобы «поведено б было ведать ему токмо одни адмиралтейские строения, а другими не обязывать, дабы в адмиралтейских строениях остановки не происходило».

И вот в апреле 1728 г. к строительству привлекается русский зодчий — талантливый самородок, пенсионер Петра Первого—Иван Коробов, недавно приехавший из Голландии, где он совершенствовался в области архитектуры.

Иван Кузьмич Коробов родился в 1700 г. Шестнадцатилетним мальчиком, по приказанию Петра I, в числе двух десятков даровитых русских юношей он был отправлен за границу для «обучения художествам». Коробов с тремя другими товарищами, Устиновым, Мордвиновым и Башмаковым, «в Антверпене и в других местах здесь, в Голландия, учился гражданской архитектуре, также делать sluзы (шлюзы), сады заводить, и как здесь под фундаменты сваи бьют, которые свое дело изрядно знают и в России служить могут». Такой отзыв дает в своей реляции голландский агент Петра I фон дер Бург при отправке мастеров в 1727 г. в Петербург.

Таким образом, Коробов вернулся в Россию в 1727 г. широко образованным и приобретшим практический опыт инженером-архитектором.

Он построил в Кронштадте деревянную Андреевскую церковь, но главное внимание его сосредоточивалось на Адмиралтействе. Здесь надо было ему не только достраивать корпуса, начатые Трезини, но и строить по своему проекту новую — последнюю четверть магазейнов, всем постройкам придать известное единство, приводить в нужный порядок каналы.

В 1731 г. Адмиралтейств-коллегия решает: «На Адмиралтейском шпицу, где имеется набатной колокол для лучшего звуку, окна сделать по рассуждению архитектора Коробова». Этот колокол к апрелю 1731 г. был отлит в Главной Артиллерии и тотчас поднят на башню. Он стоил 76 рублей и, как гласит надпись на

нем (колокол до сих пор находится на башне Адмиралтейства), весит 59 пудов.

Осмотрев Адмиралтейскую башню и шпиль, Коробов установил, что башня пришла в ветхость, и настоял на ее перестройке. Авторитетная комиссия в составе Доменико Трезини, Еропкина и самого Коробова решила, что возможно временное крепление шпиля, но Адмиралтейств-коллегия получила указ царицы Анны Иоанновны, в котором она потребовала: «Адмиралтейскую башню, на которой шпиц за ветхостью разобрать и для прочности впредь сделать вновь всю каменную, и шпиц поставить же...».

Еропкин Петр Михайлович (1698 – 1748) — архитектор. Под его руководством был составлен генеральный план Петербурга, он создал первый в России архитектурно-строительный трактат «Должность архитектурной экспедиции» (1737 – 1741). Казнен за выступление против бироновщины.

Адмиралтейств-коллегия предложила Коробову составить проект новой каменной башни и «учиня чертежи подать в Коллегию немедля», а к разбору старой башни приступить тотчас же, удалив с башни часы, колокола, а из Адмиралтейского зала «под шпицею завоеванные шведские флаги и вымпелы и знамена иметь до указа в хранения в магазейнах».

Снова в Адмиралтейство призывается «спицной мастер» Ван Более, который сперва руководит разборкой башни и шпица, а после того вновь его возводит по проекту Коробова.

При рассмотрении проекта в июне 1732 г. Анна Иоанновна еще раз подтвердила, чтобы «тот шпиц построить против того, какой оной прежде был и оббить оной шпиц и купол медью и вызолотить добрым мастерством».

И она утвердила тот вариант проекта башни Коробова, в котором шпиль сохраняет прежний силуэт.

На позолоту шпиля потребовалось довольно много чистого золота. Новая башня и шпиль были запроектированы Коробовым гораздо выше прежних и достигали высоты 72 метра. Шпиль, как и раньше, венчался яблоком диаметром немного более одного метра, короной и трехмачтовым корабликом высотой в два метра.

Башня Коробова была чрезвычайно проста и по композиции и по деталям, стройна и изящна по силуэту. Средняя часть длинного корпуса десятью простенками слегка выступала вперед и служила основанием башни. В центре — арочный проезд с двумя окнами по бокам и углам и, как бы выложенными из больших камней — рустов. Выше поднималась уступчатая башня, ярусы которой были украшены плоскими пилястрами. Над первым уступом — терраса, окруженная балюстрадой. Башня перекрыта восьмигранным золотым куполом своеобразного очертания, на четыре стороны которого были врезаны круглые часы, украшенные богатым обрамлением. На куполе покоился легкий восьмигранный барабан, служащий как бы подставкой для самого шпиля, уходящего вверх восемью сужающимися гранями.

В ярусах башни размещалась Адмиралтейств-коллегия. К моменту возведения Адмиралтейской башни Коробовым, т. е. к середине 30-х гг. центр города передвинулся с «Городского острова» — Петроградской стороны — на Адмиралтейскую сторону, которая менее страдала от наводнений и лучше связывалась дорогами с окрестностями. В связи с этим в районе Петровского Зимнего дворца еще в 1711 г. стремились селиться вельможи и приближенные царя. И вот вдоль Невы стали возникать особняки, последним в ряду которых, перед валами Адмиралтейской крепости, был дворец

графа Апраксина, обращенный на Неву, и дворец Кикина, выходящий на адмиралтейский гласис. Эти дворцы позднее послужили основой для возведения Зимнего дворца зодчим Растрелли.

Растрелли Варфоломей Варфоломеевич (1700 – 1771) — архитектор, крупнейший представитель русского барокко. Сын скульптора К. Б. Растрелли. В его сооружениях пластическая выразительность архитектурных форм, богатство скульптурного убранства, мастерское использование цвета сочетаются с грандиозным пространственным размахом. четкостью основных объемов, строгостью прямолинейных планов. Главные работы: Смольный монастырь (1748 – 1764) и Зимний дворец (1754-1762) в Петербурге; Большой дворец в Петергофе (1747 – 1752); Екатерининский дворец (1752 – 1757) с парком и павильонами в Царском Селе; Андреевская церковь в Киеве (1747 – 1753).

Далее застройка шла вокруг адмиралтейского гласиса. По берегу Мойки располагались усадебные участки частных домов. А на месте нынешнего Сената и Синода с 1710 г. возникли княжеские мазанки Меншикова, рядом с которыми в 1716 г. были построены небольшие домики, где позднее разместилась первая в России школа лепки и художественной резьбы и ее различные мастерские. Школа была основана знаменитым французским архитектором Леблоном, приглашенным Петром I для работы в Петербурге. В школе подготавливались, наряду с мастерами, необходимыми для убранства новых зданий Петербурга, специалисты, которые должны были украшать и суда, строящиеся на верфи.

Вдоль Невы от здания Синода в сторону Адмиралтейства стояли канатные дворы, представлявшие собой, по описанию Берхгольца, «в

известном расстоянии один от другого три дома, из которых каждый тянется ровно на полверсты, имея 750 локтей в длину и 20 шириной».

У самой Невы, на том месте площади, где сейчас Медный Всадник, высился старый Исаакиевский собор.

Таково было окружение Адмиралтейства в первые десятилетия существования Петербурга и верфи.

Само здание Адмиралтейства после капитальной его перестройки и возведения новой красивой башни, ставшей украшением и достопримечательностью Петербурга, в течение всего XVIII в. почти не изменилось, изредка подвергаясь некоторым ремонтным переделкам и перепланировкам внутри.

К числу немногих более или менее значительных работ по переустройству некоторых помещений Адмиралтейства надо отнести создание в 1747 г. церкви в башне под шпилем.

Двухсветный зал «посреди Адмиралтейства под шпилем», ранее используемый Коллегией, был приспособлен под нужды церкви, основанной в этом здании по указу императрицы Елизаветы Петровны. Постройка была поручена русскому архитектору С. И. Чевакинскому — воспитаннику Морской академии по классу гражданской архитектуры, ученику В. Растрелли.

Вместе с Растрелли Чевакинский работал над павильонами и церковью Екатерининского дворца в Царском Селе. Самостоятельно им построен в 1753—1762 гг. великолепный военно-морской Никольский собор в Петербурге.

Поручение Чевакинскому постройки Адмиралтейской церкви было вызвано тем, что он как архитектор служил в морском ведомстве и должен был наблюдать за зданиями Адмиралтейств-коллегий.

Планы и чертежи убранства, в том числе иконостаса и плафона, были составлены по указанию Чевакинского

каменных и палатных дел мастером Башмаковым, подписывавшим чертежи «за архитектора».

Михаил Алексеевич Башмаков, подобно Ивану Коробову, в качестве петровского пенсионера учился в Голландии. По возвращении в Россию работал в Морском ведомстве и значительных собственных работ не оставил. Тем не менее, иконостас высотой около 4,3 метра, шириной около 6 метров и его проект плафона в церкви в Адмиралтействе свидетельствуют о хорошем вкусе и достаточно высоком мастерстве Башмакова. Этот деревянный иконостас светло-лазоревого цвета с позолоченными рамками и резьбой был позднее перенесен в Ижорскую кладбищенскую церковь и сохранился до наших дней. Двадцать девять образов для церкви написал известный в то время художник Мина Лукич Колокольников.

Потолок церковного зала был подбит досками и сверху их холстиной; карнизы были не штукатурные, а выполнены из дерева «из опасения обвала от сырости». Роспись потолка была сделана по рисунку Башмакова. К началу 1755 г. церковь была закончена.

В мае 1783 г. в Адмиралтействе произошел большой пожар, чуть не кончившийся трагично.

Был характерный для Петербурга холодный ветреный день. От искр, летящих из кузницы, «загорелся деревянный карниз, который круг всех магазейнов с начала строения сделанной, следственно самый сухой лес, каковы и стропила под железною крышею». Огонь по стропилам перекинулся на третий этаж и стал угрожать громадным запасам выдержанного судостроительного сухого леса, а главное — строящимся большим военным 100- и 74-пушечным кораблям, стоящим на стапелях верфи. Пожар ликвидировали.

В результате этого Екатерина II, предвидя возможность повторения пожара, который сможет

коснуться и Зимнего дворца, приняла решение о переводе Адмиралтейской верфи в Кронштадт и постройке на ее месте в Петербурге нового здания Сената. К счастью, указ остался на бумаге и вскоре был забыт, а Адмиралтейство отремонтировано.

С 1777 г., после очередного значительного наводнения, Екатерина II издала специальное повеление извещать жителей Петербурга об угрозе наводнения пушечными выстрелами с Адмиралтейской крепости и, кроме того, флагами днем и красными фонарями ночью, выставляемыми на Адмиралтейской башне. Ночью во время наводнения били в адмиралтейские колокола «продолжительным звуком».

В 90-х годах XVII в. адмиралтейство, как пишет историк И. Г. Георги в описании Санкт-Петербурга, включает «в себе коллегию, магазейны для материалов а снарядов, также мастерские для столяров, кузнецов, делателей компасов и прочих».

На верфи военных кораблей «можно заложить вдруг от 8 до 10, но по большей части строится их только 3 или 4, строение же корабля от 60 до 100 пушек, продолжается обыкновенно три года».

Георги красочно описывает торжественный спуск корабля в Неву: «На новом корабле развеваются государственные адмиралтейские флаги и штандарты; на площади стоят морские батальоны и духовенство освящает торжественно новый корабль, при чем дается ему и имя... плотники лежат под кораблем на спине, отрубают все подпоры и подставки, отчего и начинается он спускаться на воду, по-видимому не очень скоро, но с такую быстротою, что желоб сильно дымит, и Нева приходит в такое движение, что бьет волны на противоположащем берегу. Спуск корабля происходит с музыкой на оном, при радостном крике матросов и пушечном громе с валов и яхт; последние поднимают в то же мгновение с беспримерною скоростью множество

разноцветных флагов, так что после чего едва снасти видеть можно. Новый корабль дошел до середины Невы, становится на якорь по течению реки».

Екатерина II, отвлеченная военными событиями на юге России, мало уделяла внимания флоту на Балтике, и Адмиралтейская верфь мало-помалу пришла в упадок.

Императрица специальным распоряжением выключает из Адмиралтейского ведомства охтенских «переведенцев» — плотников, которые в петровские дни были «переведены» из районов Белоозера, Вологды, Каргополя, Устюга и других в Петербург, поселены на Охте и приписаны к Адмиралтейству, обслуживая нужды как Адмиралтейской, так и партикулярной верфи.

Эти плотники, ставшие очень квалифицированными мастерами: резчиками, столярами, позолотчиками, теперь, при Екатерине, приписываются к «точной команде придворной конторы» для надобностей дворцовых театров.

В 1799 г. по повелению Павла I инженер генерал-лейтенант Герард привел в порядок сохранившиеся земляные валы, очистил заросшие каналы, здание окружил палисадом. Во дворе были построены новые каменные мастерские. В это же время гласис покрывается дерном, и мостится проезжая часть.

К началу XIX в. весь район города вокруг Адмиралтейской верфи сильно изменился и приобрел торжественный, столичный облик.

Рядом с земляным валом Адмиралтейской крепости высился грандиозный Зимний дворец — резиденция русских царей. Десятки статуй на карнизе, множество колонн, украшающих стены, лепные обрамления окон причудливого рисунка придавали дворцу сказочно-богатый вид. Напротив дворца располагались большие дома, построенные по проекту Фельтена, они образовали начало полукружия, так блестяще

использованного позднее зодчим Росси при сооружении здания Главного штаба.

Лепнина — рельефные украшения (фигурные орнаментальные) на фасадах и в интерьерах зданий, как правило, отлитые или отпрессованные из гипса, штукатурки, бетона и других материалов.

Между этими постройками и Адмиралтейским валом протянулась обширная, в то время уже замощенная Дворцовая площадь, отделенная аллеей от Адмиралтейской, раскинувшейся вдоль длинного главного фасада Адмиралтейства. Адмиралтейская площадь замыкалась с запада только что отстроенным восьмиколонным портиком Конногвардейского манежа (1800—1804), который архитектор Д. Кваренги уподобил античному римскому храму. Сбоку Адмиралтейская площадь ограждалась рядом особняков и массивом неоконченного Исаакиевского собора, начатого по проекту Ринальди еще при Екатерине II.

Кваренги Джакомо (1744 — 1817) — выдающийся архитектор, один из крупнейших представителей классицизма в русском зодчестве. По происхождению итальянец. Главные постройки: Александровский дворец, павильон «Концертный зал» и мавзолей Ланского в Царском Селе, Ассигнационный банк, Эрмитажный театр, Конногвардейский манеж, Смольный ин-т и др. Произведения Кваренги характеризуются монументальностью и строгостью форм, пластичной законченностью образа, мастерством композиционных решений.

В январе 1740 г. между Адмиралтейским валом и Зимним дворцом было построено курьезное здание в 70 метров длиной, сохранившееся в народной памяти под названием Ледяного дома. Вокруг него происходили 6 февраля празднества и гулянья, посвященные миру с

турками. Тогда же 12 февраля в Ледяном доме была разыграна маскарадная свадьба шута князя Голицына с вдовой Бужаниновой.

С тех пор Адмиралтейский луг стал ареной народных гуляний, масляничных карнавалов, и вошло в традицию Петербурга все значительные события и праздники отмечать здесь, на Адмиралтейской, Дворцовой или Петровской площадях, среди прекраснейшей декорации, которой так удачно служили красивые фасады дворцов и общественных зданий.

Только Адмиралтейство выпадало из строя красивых зданий, окружающих площади. Оно казалось чужеродной постройкой и резко противоречило величию соседних фасадов.

* * *

Постепенно все отчетливее слагалась идея о необходимости переделки Адмиралтейства. Но нужен был повод для начала столь грандиозного дела: трудно было решиться на замену колоссального здания другим, не меньшим по объему, или в лучшем случае на полную его перестройку только потому, что оно было недостаточно красивым.

И все-таки, в конце концов, вопрос о перестройке здания стал очевиден, тем более, что в 1805 г. учреждается новое Министерство морских сил в составе Адмиралтейств-коллегии и Адмиралтейств-департамента, для которого нужны были специальные апартаменты. Сама верфь тоже требовала капитальной реконструкции, так как флот не мог более довольствоваться прежней технологией кораблестроения.

Перестройкой здания решено было ознаменовать столетие со дня основания Адмиралтейства.

Кому же было поручить это труднейшее задание?

Главным архитектором Адмиралтейства был Чарльз Камерон, создавший тончайшие архитектурные произведения, какими являются дворец и чарующие павильоны Павловского парка, галерея в Царском Селе, носящая его имя, и многие залы и гостиные Екатерининского дворца. В военно-морское ведомство он пришел стариком 70-ти с лишним лет. И, конечно, нельзя было думать о привлечении Камерона к перестройке Адмиралтейства, поскольку он даже с рядовыми текущими делами справлялся с трудом и, в конце концов, ушел в отставку, передав свой пост архитектору Захарову. Александр I утвердил Захарова в мае 1805 г. в должности «Главных Адмиралтейств Архитектором».

Андреян Дмитриевич Захаров к моменту своего нового назначения был академиком архитектуры, профессором Академии художеств и уважаемым, авторитетным архитектором, находящимся в расцвете сил.

Захаров Андреян Дмитриевич (1761 – 1811) — русский архитектор, крупнейший представитель русского классического зодчества нач. XIX в. Создатель одного из шедевров архитектуры — здания Адмиралтейства в Петербурге. В этом сооружении Захаров решил грандиозную градостроительную задачу, создав архитектурное и идейное завершение центра Петербурга. Знаменитая башня Адмиралтейства является выдающимся образцом высотного сооружения XIX в. Архитектурный образ Адмиралтейства, в котором большую роль играет скульптура, проникнут патриотическим содержанием и с огромной силой воплощает идею могущества России как великой морской державы. Захаров является также автором Андреевского собора в

Кронштадте (не сохранился) и проектов различных сооружений и ансамблей.

Многолетнее архитектурное образование и тщательное изучение классической и западноевропейской архитектуры, а также знание национального русского зодчества вооружило Захарова чрезвычайно широкой эрудицией.

Он был отдан отцом в художественное училище при Академии художеств, где будущий зодчий скоро проявил свои способности к наукам и художеству.

После окончания училища Захаров перешел в архитектурный класс Академии. Здесь быстро выявилась способности юноши к изобразительному, пространственному искусству. Он получил все академические отличия. Большой золотой медалью был отмечен в 1782 г. его проект Увеселительного дома или, как его тогда называли, «Фокзала».

В это время Захаров захвачен уже новаторскими классицистическими идеями, пропагандируемыми профессорами Академии Художеств Кокориновым и Ивановым, у которых он работал; поэтому с большой радостью узнает он о том, что по решению совета Академии: «...за успехи и похвальное поведение по силе привилегии академической произведен в 14-й класс художников и отправлен в чужие края пенсионером для приобретения дальнейших успехов в архитектуре».

В Париже он знакомится с прославленными постройками передовых зодчих Франции и в 1786 г. со своими товарищами возвращается в Петербург.

Вскоре после этого решением совета Академии художеств Андреяна Дмитриевича включают в число преподавателей архитектуры в качестве «исправляющего должность адъюнкт-профессора». Кроме того, Захарову поручается завершить недостроенное еще тогда здания Академии художеств по проекту архитектора Валлен Деламота.

В 1792 г. Захаров успешно защитил проект на соискание звания академика архитектуры, после чего совет Академии утвердил его в должности адъюнкт-профессора.

Несмотря на то что Захаров все время был завален практической работой по проектированию и строительству, он не бросал преподавательской деятельности и до конца жизни занимал должность старшего профессора Петербургской Академии художеств.

Творческая деятельность Захарова вне стен Академии художеств началась с его работ для Гатчины. Павел I задумал ряд построек для своей загородной резиденции и привлек для их осуществления Захарова.

Осенью 1805 г. Захаров приступил к проектированию и реконструкции Адмиралтейства.

Трудно представить себе всю сложность вставшей перед ним гигантской задачи. Нужно было тщательно распланировать сотни помещений громадного здания. Захарова первоначально очень связывало решение Адмиралтейств-коллегии о переделке только фасадов. Но на первом же этапе работы он отбросил это обстоятельство и предложил исключительный по размаху проект нового здания.

Проект, несмотря на очевидные значительные затраты, нужные для его реализации, был утвержден Александром I, и в мае 1806 г. на Адмиралтейском дворе вновь началась строительная суета.

О своем проекте Захаров писал:

«Составляя сей проект, первым правилом постановляя соблюсти сколь возможно выгоды казны, то и побудило меня старые стены и фундаменты не расстроивать ломкою, почему и прибавлено новых стен весьма мало, как ясно видно из всего описания:

1. Ворота под спицею подняты выше, для укрепления стен оных прибавлен фундамент, дабы

укрепление под спицею было тверже через соединение новых стен со старыми. Спиц самый, не расстраивая ни мало его связи, удержит настоящую свою фигуру; но фонарь, равно как все прочее строение, находящееся ниже спица, получит совсем другой вид. Церковь остается на прежнем своем месте.

2. По обеим сторонам сих главных ворот под спицею сделаны большие лестницы, ведущие в общий внутренний коридор, в арсеналы для хранения адмиралтейских сокровищ, моделей и редкостей. За сими лестницами по сторонам помещены две гауптвахты, одна с арестантской для караула общего, а другая для артиллерийского, при которой находится большая кладовая для денежной казны.

3. По концам Главного фасада к императорскому дворцу и к монументу Петра I сделаны большие выступы в 3 этажа с подъездами и большими парадными лестницами, в средний этаж ведущими. Первый корпус, что к Императорскому дворцу определяется для присутствия Адмиралтейского Департамента с его библиотекою, музеем и прочими к нему принадлежностями, второй, что к монументу Петра I для присутствия Адмиралтейств-коллегии с прочими ее отделениями.

4. На Неву реку по обоим сего здания концам шлюпочные сараи соединены с наружными флигелями чрез продолжение оных до берега в один корпус, в середине коего сделаны над внутренним каналом большие ворота для впуску к магазинам барок. Над сими воротами поставятся павильоны, вместо тех, кои ныне находятся на бастионах.

5. Весь нижний этаж под всем зданием и в некоторых местах в среднем этаже займут кладовыми, в нижнем же этаже корпуса к монументу подле павильона сделана большая кузница.

Все сии комнаты, магазины и кладовые для безопасности от огня будут ее сводами».

Последовательность работ предполагалась Захаровым такая: сперва строится корпус перед Зимним дворцом, затем крыло главного корпуса до башни, третья очередь — башня с примыкающими лестницами и далее в той же последовательности.

Смета определяла стоимость осуществления проекта в 654.232 рубля, а «если же сделать колонны, карнизы и прочие украшения из пудожского камня, то еще нужно прибавить 110.000 рублей».

Фактически постройка обошлась в сумму около 2,5 миллионов рублей.

Всю постройку предполагалось основном закончить в три года □ в действительности строительство сильно растянулось. Здание полностью было закончено лишь в 1820 г., а отделано в 1823 г.

Проследим вкратце ход строительства из года в год.

1806 г. Начато строительство восточного корпуса перед Зимним дворцом. К осени выведена часть его стен.

1807 г. Восточный корпус подведен под крышу. Приступили к изготовлению деталей украшения фасада.

1808 г. Переделка того же строящегося корпуса в связи с указанием Александра I о сокращении его длины. Перепланировка и переделка первого этажа старого корпуса. Со стороны Сената начата штукатурка внутри здания.

1809 г. Начаты работы по восточному крылу главного корпуса и перестройке башни. Строится Невский павильон со стороны Зимнего дворца. Ведутся работы по отделке фасадов и внутренних помещений восточного корпуса.

1810 г. Начаты живописные работы в помещениях корпуса перед Зимним дворцом. Приступили к

реконструкции нижней части башни. В мае Адмиралтейский департамент переехал в новое здание.

1811 г. Заканчивается отделка фасада перед дворцом и Невского павильона до флагштока включительно. Развертываются работы по внутреннему флигелю против Сената.

Выносится высочайшее решение об уничтожении наружного Адмиралтейского канала и подъемных мостов и устройстве бульваров.

27 августа умирает А. Д. Захаров.

1812 г. Императорским указом от 3 апреля все постройки начатых зданий, в том числе и Адмиралтейства, прекращаются, но продолжается установка скульптурных украшений на башне, фронтонах и над окнами первого и второго этажей.

1813 г. Готовы эскизы фигур для вестибюля и скульптурных групп «нимф».

1814 г. Вновь развернуты строительные работы. Возводятся корпус перед Сенатом и Невский павильон. Исполнены модели больших фигур и установлены фигуры на фронтоне перед Сенатом.

1815 г. В основном закончены главнейшие трудоемкие работы, в том числе и на башне. К осени готовы башенные часы и закончены статуи Рек и Стран Света.

1816 г. Оканчивается засыпка наружного канала. Ведутся штукатурные фасадные работы и достраивается корпус перед Сенатом.

1817 г. Идут лепные работы внутри всех парадных помещений и заканчиваются штукатурные работы по фасадам.

1818 г. Установлены скульптуры в главном вестибюле.

1819-1820 гг. Окончание штукатурки внутри и лепных украшений снаружи. Разбит бульвар перед

Адмиралтейством, установлены каменные скульптуры у Невских павильонов.

1821 г. Приспосабливается помещение под временно перенесенную в Адмиралтейство церковь Исаакия Далматского. Ведутся соответствующие строительные работы.

1822 г. Закончено оформление церкви в связи с решением о постоянном ее местопребывании в Адмиралтействе.

Из приведенного дневника хода строительства можно установить, что здание по существу было полностью закончено в 1820 г., т. е. строилось 14 лет с двухлетним перерывом в 1812—1813 гг. из-за Отечественной войны.

Рапорты и требования Захарова очень медленно продвигались строительной экспедицией, недоставало порой рабочих, из-за задержки возникали конфликты с подрядчиками и т. д.

Задерживало постройку и вмешательство Александра I. В 1808 г. корпус Адмиралтейства перед Зимним дворцом вчерне был готов и стоял весь в лесах. Неожиданно Захаров получает высочайшее предписание, что Александр I недоволен тем, что корпус Адмиралтейства слишком близко подходит к реке и «отнимает вид из собственных его комнат на Галерную гавань и устье Невы». И далее повелением предлагается «отступить строением в такой пропорции, чтобы оно не отнимало упомянутых видов».

В то время, когда проекты и сама возведенная по нему постройка были основаны на определенной архитектурной гармонии и равновесии отдельных частей, такое предписание, естественно, очень огорчает Захарова. Но он терпеливо сносит это вмешательство, тут же переделывает проект, укорачивая корпус здания на 18 метров, и приступает к сломам части постройки.

Опасаясь кривотолков и осуждения общественным мнением, Захаров просит морского министра П. В. Чичагова «оправдать его в виду могущего возникнуть в публике противного мнения, что Государь или недоволен прежним утвержденным проектом, или же строение в прочности его подало какое-либо сомнение».

К счастью, авторитет Захарова не был поколеблен.

Захаров предполагал здание Адмиралтейства окружить наружным каналом с бастионами и пушками на них, гранитными берегами и «богато убранной решеткой».

Канал оставался до 1811 г., потом Александр I решил снести бастионы и их землей засыпать наружные каналы, на месте которых разбить бульвары в виде длинных аллей у самых стен строящегося Адмиралтейства. Как все получилось, можно прочитать газета «Северная пчела» за 1857 г.:

«Этот открытый просторный бульвар сделался любимым гульбищем публики. Каждый день в хорошую погоду толпились на нем тысячи гуляющих. Это продолжалось до 1817 г.; тогда засыпан был широкий ров Адмиралтейства, снесены валы, и бульвар придвинут к самому зданию Адмиралтейства, потерявшего от этого последний признак укрепленного места. Эта перемена послужила к большому украшению города: площади Петровская, Адмиралтейская и Дворцовая слились в одну, единственную в своем роде».

Архитектор Луиджи Руска предложил у Зимнего дворца, там, где выходит бульвар к Неве, интересный проект красивой пристани с лестницей, украшенной четырьмя громадными скульптурными фигурами богинь. К сожалению, проект не был осуществлен. Новый бульвар был открыт в 1819 г.

Захаров очень внимательно относился к вопросу скульптурного и живописного убранства здания

Адмиралтейства. По проекту все фасады украшались горельефами, отдельными круглыми фигурами и скульптурными группами. Общее количество скульптурных работ было настолько большим, что с Адмиралтейством не может быть сопоставлено в этом отношении ни одно современное ему здание.

Только в готических храмах или знаменитых творениях античности можно было видеть такую насыщенность здания скульптурой, столь органически входящей в его архитектуру.

Горельеф (фр. hautrelief — высокий рельеф) — разновидность выпуклого рельефа. Изображаемые в горельефе фигуры и предметы, возвышаясь над плоскостью изображения более чем на половину своего объема, выступают часто почти как полнообъемные; нередко они лишь прикасаются к фону и могут вовсе отделяться от него в деталях. В русском прикладном искусстве работы последнего рода называются обронными.

Захаров украсил башню следующими фигурами: у основания башни по бокам арки — две большие группы трех морских нимф, поддерживающих земную сферу; по углам парапета на первом уступе — четыре сидящих античных полководца и героя — Ахиллес, Аякс, Пирр и Александр Македонский; выше башенной колоннады — 28 статуй по числу окружающих башню колонн: четыре стихии — Огонь, Вода, Воздух и Земля, четыре времени года — Весну, Лето, Осень и Зиму, четыре главных ветра — Южный, Северный, Западный и Восточный и две богини древности — Изиды Египетская, изобретшая корабли, и Урания — богиня астрономии. Фигуры повторены дважды.

Все 4 больших 12-колонных портика здания должны были венчаться тремя стоящими фигурами, изображающим 12 месяцев года. У подножья этих

портиков, на гранитных пьедесталах, стояли фигуры главных рек России.

У Невских павильонов, у канала, входящего во двор Адмиралтейства, на четырех высоких пьедесталах высились сидящие фигуры частей света: Европы, Азии, Америки и Африки.

Таким образом, 56 громадных каменных фигур украшали здание. Но кроме них широкие плоскости стен и фронтонов, так называемые метопы, под карнизом были покрыты лепными барельефами, из которых барельефы во фронтонах и на аттике башни изображали целые сюжетные аллегорические картины.

Почти все окна первого и второго этажа украшались замковыми камнями общим числом 240 с лепными масками — Нептуна и Амфитриды — божественных супругов, повелевающих морской стихией, — по второму этажу, и Тритона и Горгоны — фантастических морских существ — по первому этажу.

Входные двери украшались чугунными наличниками, с изящными головками медуз во фризе, а Невские павильоны венчались композициями из дельфинов, обвивших хвостами основание флагштоков. И, наконец, на уровне окон третьего этажа, по стенам фасадов протянулся гигантский лепной фриз, составленный из военных доспехов и морских атрибутов.

Главные лестницы украшались скульптурами, а все административные и парадные помещения оформлялись различным лепным убранством.

Общая стоимость художественных работ по смете была исчислена Захаровым в 268 834 рубля.

К выполнению статуй и лепки были привлечены крупнейшие скульпторы России. Захаров считал, что «украшения на фасаде должны быть сделаны изящнейше и самыми опытными мастерами».

23 августа 1811 г. Захаров в рапорте с описанием и сметой всех скульптурных работ обещал «строгое наблюдение за производством сих работ и при счете в оных не упустить из виду сохранение казенной пользы».

Спустя несколько дней он умер, оставив лишь эскизы фигур и их описание, но замысел Захарова проводился после его смерти достаточно твердо помощниками.

В сентябре 1811 г. крупнейшие русские скульпторы-академики Ф. Ф. Щедрин, В. И. Демут-Малиновский, С. С. Пименов и А. А. Анисимов берутся за изваяние фигур из пудожского камня.

Федор Федорович Щедрин — первоклассный русский скульптор. Он учился в Академии художеств и совершенствовался в Италии и Париже. Его высоко ценила Екатерина II, которая писала о нем своему заграничному корреспонденту Гримму: «Да благословит бог таланты господина Щедрина».

Щедрин прославился статуей Венеры, фигурами для фонтанов Большого Грота в Петродворце и особенно работами для Адмиралтейства. «Человек прямой, услужливый, скромный и характера мягкого и любящего», — как рассказывает о Щедрине Реймерс, — создал ряд произведений, обогативших славу русского искусства и украсивших достойное им здание Адмиралтейства.

Профессор В. Я. Курбатов, посвятивший всю свою жизнь изучению Петербурга, говорит о четырех воинах в древних одеяниях, сидящих на парапете башни: «Едва ли за всю историю искусства можно найти что-нибудь равное по красоте силуэтам воинов на фоне темной петербургской лазури. Даже пышно развевающиеся одеяния святых на лютеранском соборе менее эффектно, чем эти одинокие классично-спокойные фигуры».

Щедрин к осени 1812 г. выполнил большую часть из 28 статуй, предназначенных для установки над колоннадой башни и фигуры весенних, осенних и зимних месяцев для фронтонов. Позднее фигуры на башне были заменены пустотелыми из битой меди.

Наконец, им же исполнены модели Тритона и Горгоны для замковых камней, и Нептуна с Амфитридой.

Степан Степанович Пименов известен своими скульптурами, украшающими здания Петербурга: группа «Геркулес» и «Антей» у портика Горного института, воинственная фигура св. Владимира у Казанского собора и, наконец, лирическое изваяние скорбящей женщины в памятнике князю М. М. Голицыну. Им же создана фигура Славы на колеснице — на арке Главного штаба.

Для Адмиралтейства к 1812 г. Пименов высек из камня фигуры: Огонь, Лето и Воздух—для башенной колоннады, Азию и Америку — к Невским павильонам, «Неву» и «Днепр» для установки у левого портика главного фасада.

Василий Иванович Демут-Малиновский создал много прекрасных произведений, из которых наибольшей популярностью пользуются группа у Горного института — «Похищение Прозерпины», прекрасно сочетающаяся с пименовским Геркулесом по другую сторону портика, громадная статуя св. Андрея для Казанского собора, воины и арматура со щитами на арке Главного штаба, часть статуй на фасаде Публичной библиотеки и ряд других.

Для Адмиралтейства Демут-Малиновский выполнил колоссальные скульптуры «Европа» и статуи «Енисея», «Лены» и трех летних месяцев (июнь, июль, август) — все для портика против Сената.

Наконец, четвертый сотоварищ славной группы русских скульпторов — Артемий Анисимович Анисимов.

Одно из его произведений—барельеф «Сретения иконы Божьей Матери» на Казанском соборе — достаточно известно. Им выполнены для Адмиралтейства громадная статуя «Африка» для одного из Невских павильонов и две лежащие фигуры рек «Волга» и «Дон» к восточному портику Главного фасада.

К сожалению, все скульптуры Пименова, Демут-Малиновского и Анисимова для Адмиралтейства были уничтожены в 1860 г. Поводом этому явилось утверждение в Адмиралтействе постоянного собора, первоначально размещенного только временно, на период строительства Исаакиевского собора.

В связи с этим главный священник Армии и Флота В. И. Кутневич писал 5 октября 1854 г...в своем рапорте:

«Над собором нет креста, а вместо него наверху собора поставлена статуя, принадлежащая к языческой мифологии, а также при входе в церковные сени помещены две колоссальные статуи из той же мифологии, что служит предметом осуждения для входящих в церковь.. . долгом поставляю сообщить о сем Инспекторскому Департаменту Морского Министерства и всепокорнейше просить: не признает ли он возможным снять над собором и при входе в оный мифологические изображения и дозволить над собором поставить животворящий крест. ..»

Александр II в связи с этим вопросом повелел: «Нижние статуи, что у входа, можно снять, представить рисунок фасада в теперешнем его виде. Составить проект средней статуи, чтобы держала крест в руке».

В это же время выяснилось, что не только статуи у подъезда собора, но и у других портиков пришли в ветхость и требовали серьезной реставрации. И вновь чиновничья инициатива не о реставрации, а о снятии вообще всех статуй с Адмиралтейства была поддержана царем, который в апреле 1860 г. начертал свое решение: «Высочайше разрешено: все статуи

снять, кроме находившихся у центральной части здания и около шпица и против фронтона Адмиралтейского собора. Вместо центральной статуи поставить Крест на шаре».

Скорбная для города утрата двадцати двух каменных изваяний, являвшихся неотъемлемой частью архитектуры фасада Адмиралтейства, не опечалила чиновничий мир Морского и Духовного департаментов. Наоборот, здесь удовлетворились той мелкой экономией, которая получилась от продажи за 24 рубля 35 коп. металлических креплений: скоб и пиронов, и пудожского камня — лома от разрушенных статуй. Так что первоначальный расход на уничтожение художественных уникальных произведений, выразившийся в 45 руб. 30 коп. был уменьшен более чем вдвое.

Захаров нарочно выбирал пудожский камень для скульптур, чтобы они дольше сохранились, но их безжалостно уничтожили спустя 50 лет после создания.

Следует вспомнить, что вопрос о фигурах на фасаде церкви, переведенной под крышу западного портика главного фасада, возник еще в последние годы строительства Адмиралтейства, в 1820 г. Тогда было вынесено решение Адмиралтейств-коллегии: «Наружный фасад Адмиралтейства украсить соответствующими церкви принадлежностями», а «те статуи, кои поставлены на фронтоне и у входа в двери, не могут уже иметь тут приличия».

Архитектор Гомзин, продолжавший после смерти Захарова достраивать Адмиралтейство, предложил остроумный выход из положения: вместо трех статуй весенних месяцев на фронтоне — марта, апреля и мая — он предложил возвести «точно в такую же меру стоячие же фигуры: Вера, Надежда и Любовь, а как Вера должна была быть изображена держащей в руках крест и должна поставиться на середине, т. е. на

верхней оконечности фронтона, через каковой признак обозначится место, занимаемое церковью». Колоссальные фигуры Пименова — «Неву» и «Днепр» — Гомзин предлагал переделать «только с прибавкою к оным некоторой части пудожского камня для перемены некоторых частей и обнаженностей, так из мужской фигуры (Днепр) можно переделать изображающих святого Иону, и из женской (Нева) святую Марию Магдалину». Вместо барельефа во фронтоне, изображающего Фемиду, раздающую награды за мореплавание и морские военные подвиги, «создать новую композицию с изображением какого-либо сюжета из священной истории, или евангельского учения, или всевидящего ока, окруженного лучами и херувимами в облаках».

Конечно, решение Гомзина было тактичным, и если бы оно было тогда осуществлено или к нему вернулись бы спустя 40 лет, в 1859 г., то ценнейшие образцы русской скульптуры были бы сохранены.

Но история судила иначе.

Такова самая печальная страница в строительстве великолепного здания Петербурга — Адмиралтейства. И до сих пор историческую ошибку прошлого напоминают громадные гранитные устои у всех портиков и Невских павильонов, занятые грубыми якорями и немасштабно малыми пушками, а над треугольными фронтонами двенадцатиколонных портиков высятся пустующие пьедесталы, некогда поддерживавшие фигуры двенадцати месяцев года.

В конце 20-х гг. XIX в. в Управлении флотом произошла серьезная реорганизация. Были упразднены Адмиралтейств-коллегия и Государственный Адмиралтейский департамент, замененные Министерством военно-морских дел и целым разветвлением различных флотских учреждений.

В связи с этим левое крыло Адмиралтейства оказалось свободным от ранее занимавшей его Адмиралтейств-коллегии, и туда решено было перевести из дома на Мойке Рабочий флотский экипаж с кондукторскими ротами, превратившийся со временем в Высшее военно-морское инженерное училище имени Дзержинского.

Для размещения классов, спален, бытовых учреждений, шести кондукторских рот архитектор Анерт в 1827 г. создает проект преобразования бывших помещений Адмиралтейств-коллегий. Ему пришлось занять не только оба этажа, но и использовать темные помещения третьего этажа, находившиеся за гигантским лепным фризом, тянувшимся между башней и портиком левого крыла главного фасада и фасада против памятника Петру I. Анерт решается осветить эти помещения за счет уничтожения лепного фриза, на месте которого проектирует почти квадратные окна, по пропорциям такие же, как и те, которые были запроектированы Захаровым в частях здания с тремя этажами. Проект изменения фасадов исполняет архитектор А. Е. Штауберг, который украшает окна кирасирскими касками двух вариантов. Проект утверждается Николаем I и приводится в исполнение в следующем же году.

Идея превращения темных больших кладовых в светлые помещения была распространена и на правое крыло и даже коснулась парадных помещений музея, расположенных по второму этажу от башни на восток до первого шестиколонного портика. Эти помещения были перекрыты каменным цилиндрическим сводом, занимавшим высоту третьего этажа. Своды уничтожаются, и над залами устраиваются, как и в других парадных частях здания, плоские междуэтажные перекрытия.

В 1828 г. Гомзин перестраивает в павильонах изящную подкупольную галерею над входом канала в адмиралтейский двор, он возводит перекрытие потолка второго этажа на уровне балюстрады. Так возникли два круглых купольных зала под дельфинами, возносящими флагштоки.

В 1831 г. по проекту Анерта устанавливается решетка, отделяющая территорию Адмиралтейства от набережных, позднее уничтоженная при прокладке новой Адмиралтейской набережной.

К 1860-м гг. Адмиралтейство почти полностью теряет роль судостроительной верфи. К этому времени в конце Английской набережной, почти у выхода Невы в залив, все больше развивается Новое Адмиралтейство, место которого оказалось более удобным для постройки больших судов новейшей конструкции.

В связи с этим встал вопрос об использовании заброшенного участка бывших верфей во дворе Адмиралтейства. Был предложен ряд проектов застройки двора и открытия набережной от Дворцовой до Петровской (Декабристов) площадей мимо павильонов Адмиралтейства.

В 1871 г. морской министр Краббе принял решение: пустырь между павильонами Адмиралтейства разбить на семь участков и продать под частную застройку. Целесообразность устройства набережной, конечно, была очевидной, но принцип ее застройки был ошибочен. Ошибался и журнал «Зодчий», который в 1872 г. писал о будущей новой набережной: «Мы слышали, что к работам набережной предполагают приступить непременно в нынешнем еще году. Место застроится, вероятно, прекрасными домами взамен ныне существующих безобразных сараев, и Петербург с прекрасной Невой значительно выиграет в отношении красоты».

Каналы во дворе были засыпаны, и Русское строительное общество в 1873 г. приступило к устройству Набережной, которая была открыта в ноябре 1874 г.. Дома на набережной начали возводить с 1880 г.

С легкой руки Александра II, одобдившего первый проект княжеского дворца надписью: «согласен и могу указать, как на пример хорошего вкуса», [] начали строить особняки и казенные пятиэтажные безвкусные и бесстильные громады, которые в купеческом соревновании мешали друг другу и были готовы задавить чудесные павильоны Адмиралтейства.

Здание Адмиралтейства обращено к городу через его основные магистрали как символ моря — «окна в Европу». Оно обращено другой своей стороной к широкой водной глади как символ власти города над водой, над морем. В этом главная идея его, и она была разрушена Александром II, поощрившим застройку Набережной. Адмиралтейская башня оказалась отгороженной от водной стихии.

Случайно проложенные узкие, как щели, переулочки от Набережной — Азовский, Черноморский и Керченский — не спасали положения, они лишь убеждали в нелепости безвкусных и бесстильных домов, укравших Адмиралтейство у Невы.

Сквер, позднее устроенный на набережной, мало улучшил картину. В сквере на осях павильонов в 1905 г. были поставлены две скульптурные группы Бернштамма, изображающие Петра I мастеровым за постройкой судна. Позже их сняли.

Пейзаж вокруг Адмиралтейства постепенно менялся, да и само Адмиралтейство менялось.

В начале 1830-х гг. Карл Росси возводит здание Сената и Синода на Петровской площади и позднее — Главного штаба перед Зимним дворцом. Огюст Монферран заканчивает в 1858 г. Исаакиевский собор, а

еще ранее, в 1834 г., ставит Александрийский столп в центре Дворцовой площади.

Этим полностью завершаются ансамбли вокруг Адмиралтейства. Далее, в связи с 200-летием со дня рождения Петра I принимается решение разбить сад перед Адмиралтейством, который и был торжественно открыт в июле 1874 г. и назван Александровским по желанию Александра II. Ближняя к Адмиралтейству аллея во всю длину его фасада замыкалась с двух сторон мраморными копиями с античных образов Геракла и Флоры. Белизна мрамора среди зелени разросшихся деревьев оживляла однообразный по планировке сад.

При устройстве сада не учли одного важного фактора— времени — и не подумали, что же станет с пейзажем через 30—40 лет. Деревья выросли, их кроны образовали сплошную зеленую завесу, скрывшую стены Адмиралтейства от глаз зрителя, стоящего по эту сторону сада. Уже нельзя было охватить одним взором всего величественного фасада здания. Невский, Гороховая и Вознесенский проспекты упиралась в зеленую гущу деревьев летом или в серую массу стволов и голых веток — зимой. Зимой желтые стены и белые колонны Адмиралтейства неясно читались как бы сквозь вуаль из сетки переплетающихся веток и стволов, а летом из-за зелени маячила только башня. Таким образом, Адмиралтейство с севера оказалось загроможденным каменными мешками, особняками набережной, с юга закрылось садом.

Помещения Адмиралтейства неоднократно переделывались и приспособлялись для различных целей. Особенно сильно коснулось это западного крыла, где в конце XIX в. по середине фасада устроили министерский подъезд с новой парадной лестницей, украшенной лепным убранством. Залы превратили в обширную квартиру морского министра.

С каждым годом все больше терялись детали старинного художественного убранства — лепка, росписи, адмиралтейская мебель специального рисунка. Лепные орнаменты сбивались или исчезали под толстыми слоями красок. Замалевывались росписи. Многие помещения превращались в простые казармы. Исчезла художественная прелесть адмиралтейских помещений.

В годы Первой мировой войны полностью была закрыта аркада, подобно гостиному двору шедшая вдоль всего здания по двору. Длинный коридор под сводами был «нарезан» на десятки новых небольших комнат.

В 1926 г. в Адмиралтейство возвращается Военно-морское инженерное училище и прочно оседает здесь на многие годы, все более расширяясь и занимая всё новые помещения. В 1929—1935 гг. надстраивается восточный дворовый корпус, возводятся некоторые постройки во дворе.

В 1926 г. производится капитальная реставрация и ремонт ряда парадных комнат, отводимых под аудиенц-залы и кабинет Наркома военно-морского Флота СССР, и лестницы главного подъезда. В 1940 г. возобновляется повторный ремонт некоторых комнат и приводится в должный порядок бывший церковный зал, превращенный в клубный зал училища. В нем подвешивается новая богатая люстра с тысячами деталей граненого стекла.

В 1928 г. было произведено последнее золочение купола и шпиля с предварительным капитальным ремонтом конструкции. Во время этих работ 13 февраля 1928 г. был вскрыт шар адмиралтейской иглы, в котором комиссия Главнауки обнаружила металлический ящик. В числе содержимого ящика была медная позолоченная доска (размером 22 X 18 кв. см) с надписью: «Перекрытие шпица Главного

Адмиралтейства новыми позолоченными листами произведено в 1886 г.». Кроме того, в ящике лежал конверт с фотографиями царствовавшего в то время Александра III, его жены и наследника. Другой конверт содержал документы, относящиеся уже к 1901 г., когда вновь была вызолочена игла.

В шаре также лежали три газеты от 25 октября 1886 г.: «Новости» № 293, «Биржевая газета» № 294 и «Петербургская газета».

Реставраторы сохранили эти документы в том же ящике и присоединили к ним новые, в том числе и номер «Красной Газеты».

В начале войны в Адмиралтействе сносятся во дворах почти все деревянные строения, чердачные деревянные конструкции покрываются суперфосфатом — раствором, замедляющим возгорание. Организуются посты МПВО на чердаках, оснащенные клещами для зажигательных бомб, лопатами, баграми, ящиками с песком, бочками с водой. Хотя Адмиралтейство и в самом центре города, тем не менее, оно также должно было стать крепостью. Закладывается большинство окон первого этажа кирпичом и устраиваются стрелковые амбразуры. Некоторые помещения приспособляются под бомбо- и газоубежища.

Штаб МПВО города включает Адмиралтейство в число объектов, подлежащих маскировке. Небольшая бригада архитекторов: Н. Навроцкая, Ю. Гремячинская, Ф. Олейник и художник К. Фантгоф в августе 1941 г. предложили проект, по которому хорошо знакомые сверху очертания плана Адмиралтейства должны были быть искажены до неузнаваемости.

«Длинная сторона фасада Адмиралтейства, обращенная к саду, декорируется под парк: на крыше проводится дорожка, дымовые трубы и слуховые окна декорируются под кусты и деревья, силуэту крыш в плане, путем набивки дополнительных козырьков,

придается извилистая форма, а сама крыша и стены здания раскрашиваются под зелень пятнами из зеленой, желтой и черной красок, которые на расстоянии читаются аллеей деревьев, подобно существующему саду. Башня маскируется в конусообразную форму зелени, которая сверху может быть принята за большую клумбу, а для аналогии в парке фонтан декорируется аналогичным башне образом под клумбу, равную по размеру в плане — башне.

...Павильон, обращенный в сторону Зимнего дворца, маскируется под жилой дом, который сливается в ряд существующих жилых домов».

Однако висячие и нарисованные «сады» на месте Адмиралтейства вряд ли могли замаскировать этот объект, на который ведут три луча главных улиц города и место которого безошибочно может быть определено на рисунке дельты Невы.

Поэтому здание Адмиралтейства решено было не маскировать, но нужно было немедленно убрать блеск золотого шпиля и купола. Ведь Адмиралтейский и Петропавловский шпили, купол Исаакиевского собора, благодаря своим ослепительным, горящим золотом бликам, загорававшимся в солнечных лучах и мерцавшим на сером фоне пасмурного неба, видны были за десятки километров. А немцы подходили всё ближе к Ленинграду. По этим ясным шпилям и куполам им легко было корректировать свою стрельбу по городу, створы высотных точек давали немцам возможность точной ориентировки.

Штаб МПВО города поручил маскировку шпилей и куполов города Государственной инспекции по охране памятников. Архитектор С. Давыдов сумел организовать группу альпинистов, которые, подобно Телушкину, взялись одеть Адмиралтейский шпиль в маскировочный халат без всяких лесов.

Инициатива архитектора О. Шилиной не красить поверхность шпиля, а покрыть его маскировочным чехлом из мешковины спасла позолоту и сберегла ее до победного дня завершения войны.

Первая задача — укрепление блока на вершине шпиля — была решена остроумно с помощью воздушных шариков-попрыгунчиков. На таких шарах поднялся к вершине шпиля верхолаз, лейтенант В. Судаков, и прочно укрепил блок, перекинув через него канат. Ну а дальше, когда был из мешковины в Адмиралтейской швальне сшит чехол, — им и были обтянуты грани золотого шпиля и купола ловкими руками верхолаза О. Фирсовой, бесстрашно сидевшей на высоте на тонкой доске, подвешенной на петлях к блоку.

В декабре 1941 г. на крышу и дворы Адмиралтейства было сброшено с вражеских самолетов несколько зажигательных бомб, к счастью не давших ожидаемого эффекта. В Адмиралтействе не возникло пожаров. Тогда же в вестибюль главного подъезда попал снаряд и повредил фигуру Афины.

Днем 4 апреля 1942 г. вражеская бомба, сброшенная с самолета, попала в угол парапета башни. Две фигуры из числа двадцати восьми уничтожены и две искалечены до неузнаваемости, десять других изранены осколками.

Бомбы, сброшенные ночью 25 января 1943 г. вблизи Адмиралтейства, привели к разрушению части живописных плафонов зала Адмиралтейского Совета.

Снаряд в декабре 1941 г. попал внутрь вестибюля Главного подъезда и ранил чудесную фигуру Афины, гордо возвышавшуюся на своем пьедестале у лестницы.

За все дни блокады города на Адмиралтейство и территорию, непосредственно его окружающую, было сброшено 18 фугасных бомб с самолета и 58 снарядов дальнобойной вражеской артиллерией. Значительный ущерб, нанесенный зданию, мог бы быть еще

значительней, если бы не самоотверженная работа аварийно-восстановительной группы Адмиралтейства. Сотни квадратных метров разрушенных стропил и кровли восстанавливались, несмотря на стужу, зимой, и работа продолжалась в долгие белые вечера летом, дабы весенние или осенние дожди не погубили потолков десятков ценных помещений. Флот строил Адмиралтейство, и Флот его оберегал.

Особенной заботе подвергалось художественное убранство. Известный и старейший реставратор, художник В. Щербаков, в застывших громадных залах Адмиралтейства, высоко, на примитивно сколоченных лесах, обогревая руки об электрическую лампочку, в 1942 и 1943 гг. снимал на кальку всю старинную роспись, дабы сохранить точные очертания контуров.

На цветowych эталонах — фрагментах росписи в натуральную величину в цвете — запечатлевались подлинные цвета живописных плафонов. Кальки росписи были важнейшим документом при последующей реставрации живописи в 1944 г.

Архитекторы О. Шилина и М. Тарановская производили обмеры ценных помещений и деталей художественного убранства. Много сложнее было сохранить скульптуры. Если различные повторяющиеся лепные украшения порезки карнизов, маски над окнами □ можно было снять с места и в качестве образцов сохранить в надежном укрытии, то как же было поступить с уникальными фризами и украшением фронтонов, с отдельными громадными скульптурами, сросшимися со зданием?

В ноябре—декабре 1941 г. были разработаны проекты укрытия четырех воинов, нимф с глобусами и барельефов во фронтонах.

Принцип был тот же, который применялся на монументальных скульптурных памятниках города: Медном всаднике, памятниках Николаю I, Ленину,

Кирову и др. Скульптура должна была быть укрыта футляром с предохранительной засыпкой из песка.

Но реализовать эти проекты в зимние дни 1941—1942 г. не было возможности: люди и без того несли непомерную нагрузку в условиях блокады.

Тогда родилась мысль — провести консервационный ремонт колоссальных барельефов портиков и башни. От бесконечных сотрясений, поражений осколками все барельефы пришли в угрожающее состояние. Алебастровые доски с лепкой разошлись по швам, отстали от плоскости стен, куски лепки обваливались на глазах.

И вот шестидесятилетний скульптор Я. Троснянский согласился взять на себя этот труд. С 1942 г. он изо дня в день, невзирая на непогоду и свист проносившихся над головой снарядов, забирался по подвешенной к крыше лестнице на карнизы фронтонов и там, без всяких лесов и ограждений, опоясав себя пожарным поясом, реставрировал барельефы.

К октябрю 1943 г. работа закончилась. Барельефы были спасены.

Наступил январь 1944 г. Отгремел салют над Невой, оповестивший мир о ликовании ленинградцев в связи со снятием блокады. С Невских павильонов и башни Адмиралтейства взвились в тот вечер тысячи цветных ракет. Орудия, стоявшие у стен Адмиралтейства, озарили вспышками залпов стройный силуэт башни и длинные стены постройки. И естественным было для всех, когда на бронзовом диске медали «За оборону Ленинграда» увидели башню и шпиль Адмиралтейства.

Снова стены старинного здания огласились строительным шумом. Вся громадная работа по восстановлению была осуществлена в основном за 1944 г. строительной организацией Инженерного отдела Военно-Морского Флота. Со всей научной и художественной точностью реставрировалось лепное и

живописное убранство, а в двенадцати комнатах удалось восстановить лепку, утраченную много лет назад, задолго до войны.

Смотреть на здание Главного Адмиралтейства хорошо всегда и при всяком освещении: и тогда, когда оно озарено ранними утренними лучами и его башня затенена с одной грани, и в ясный, солнечный день, когда шпиль горит ослепительным блеском и пронзает синеву неба, и тогда, когда четкий, как бы выточенный из камня стройный и красивый темный силуэт башни рисуется на закатном небе и слегка мерцает купол или игла в белую ночь...

Мы с вами стоим на узком мостике под самым шпилем Адмиралтейства на высоте 40 метров от земли. И если закинуть голову далеко назад, то ясно рисуется на вершине шпиля золотой кораблик — старинный парусник, символ мореходства, который, слегка поворачиваясь по ветру, как будто проносится мимо облаков и плывет в беспредельной лазури.

Кораблик, как шар и корона, нам кажутся гораздо большими, чем с земли. Но все же трудно представить себе, что высота корабля около двух метров, а диаметр шара под ним в один метр. Глаз скользит по граням шпиля, и взгляд уносится далеко вперед, охватывая панораму Невы и грандиозного города. С этого балкончика, как с капитанского мостика гигантского корабля, можно охватить очертание всего Адмиралтейства, которое своими рукавами подходит к самой Неве.

Всего в первой четверти XVIII в. в России было построено около 900 военных судов, в том числе в Петербурге — 262. Из 48 линейных кораблей, имевшихся в русском флоте в конце царствования Петра I, 23 были построены в петербургском Адмиралтействе, а из 305 галер и полугалер 203 построены на Галерном дворе в Петербурге.

За все двадцатилетие царствования Елизаветы (1741—1761) на петербургской Корабельной верфи было построено всего 10 кораблей и несколько мелких судов (меньше, чем в Архангельске). Только за 1740—1747 гг. было недодано Адмиралтейству на нужды кораблестроения около миллиона рублей.

Всего в середине XVIII в. в Петербурге и его районе насчитывалось 5 судостроительных и судоремонтных верфей.

Заметное оживление в судостроительной промышленности Петербурга наступило только во второй половине XVIII в., когда вновь должным образом была оценена в правящих сферах необходимость сильного флота для России.

Семен Кирсанов

Золотой корабль

На золотой игле —
кораблик золотой.
Лет двести пятьдесят
летит он над водой.

На полных парусах
уходит в море флот.
Лишь этот никуда
кораблик не плывет.

Открыли острова
и Берингов пролив,
других на берега
выбрасывал прилив.

Другие подошли
и к Северной Земле,
и только он один —
ни с места — на игле.

И столько лет стоять,
и видеть чей-то путь,
и по такой реке
не плыть и не тонуть...

Но это ничего.
Кораблик терпелив.
Смирился он, что жил,
морей не переплыв.

А я вот за него
испытываю грусть,
корабликом таким
я сам себе кажусь —
без рейсов и морей,
поставленным на шпиль,
но позолотой всей
осыпавшимся в пыль...

Бывает, что и грусть...
Но ты не прав, поэт,
кораблик-то пришел
к нам из Петровых лет,
и Новую Страну
открыл у невских вод,
и дальше — в добрый путь
кораблик поплывет.

По компасу звезды
плыви в вечерней мгле,

кораблик золотой
на золотой игле!

1958 г.

Адмиралтейский шпиль как бы перекликается через Неву со шпилем Петропавловской крепости, и они служат ориентирами судам, следующим по широкому руслу Невы.

Великое произведение архитектуры никогда не бывает только зданием. В нем узнает себя целый город...

ПЕРВЫЕ ЖИТЕЛИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Питер □ бока повытер.

Кто же эти люди, пришедшие в столь гиблые места и возводившие такую красоту?

Первыми русскими, вступившими на берега Невы, были солдаты, с которыми Петр I совершил свой поход из Шлиссельбурга к устью Невы весной 1703 г. Они же стали и строителями крепости. Вместе с солдатами крепость строили местные жители — финские и ингерманландские крестьяне. Пригнали сюда и пленных шведов. Но солдат и местных жителей было слишком мало для свершения такого грандиозного замысла.

С самого начала надо было решить вопрос об обеспечении строительства рабочей силой. Постройка крепостных сооружений — городов, так называемое городовое дело, была одной из очень старых повинностей тяглого населения Русского государства. Строительство Петербурга □ исключительное по темпам, масштабу и разнообразию работ □

представлялось Петру I делом государственно-первостепенным. Сюда были переброшены люди, собранные для предполагавшегося обширного строительства крепостных сооружений в районе Ладожского озера и Невы — крепости Шлиссельбурга и др. В 1704 г. в Петербург для «городового дела» вызывается из разных губерний до 40 тыс. работных людей — крепостных помещичьих, государственных крестьян и др. Эти 40 тыс. были распределены на три смены двухмесячной работы с началом для первой смены 25 марта, для второй — 25 мая и для третьей — 25 июля. Такие распоряжения повторяются и в последующие годы, но с 1708 г. вызывались ежегодно две смены, причем работа для каждой смены была определена в три месяца с явкой на работу 1 апреля и 1 июля. Количество людей, ежегодно высылаемых на строительство, не опускалось ниже 24 тыс. На тяглое население падала вся тяжесть не только выделения работных людей, но и полного материального обеспечения их и в пути, и на работе. Выдаваемая этим работным людям плата за работу шла из денег, специально для этой цели собираемых правительством с тяглового населения тех же губерний — с людей, «которые в домех оставались».

«А хлеба и запасу тем работным людям взять с собою, — говорится в царском указе, — чем мочно в дороге сытым быть до указанного места и до Санктпетербурга, а больше того хлебных запасов не иметь, для того в Санктпетербурге дано будет им ... хлебное жалованье и денег по полтине на месяц каждому...».

«Хлебное жалованье» было невелико: «полуосмина муки да круп по малому четверику». Не приходится говорить, что для человека, занятого тяжелым физическим трудом, это «жалованье» было совершенно недостаточным. К тому же и выдавалось оно не всегда

полностью. Сама казна уменьшала это содержание, да многое расхищалось и оставалось в руках чиновников.

Инструкции указывают и инструмент, с каким должны были отправляться работные люди: топор на каждого человека и на 10 человек долото, бурав, пазник и скобель. Этот набор говорит, что вызываемые работные люди наряду с черной работой должны были выполнять и плотничные работы.

Жили в землянках, в шалашах или в наспех сколоченных лачугах. Ни в одном документе петровского времени нет никаких упоминаний о строительстве помещений (хотя бы и временных) для многих тысяч работных людей, ежегодно прибывавших в Петербург.

При тогдашнем бездорожье очень трудным и изнурительным был путь от дома до Петербурга, особенно для высылаемых из дальних губерний. Это видно на примере одного из донесений о работных людях Московской, Смоленской, Казанской и Архангелогородской губерний, выполнявших сезонные работы в 1712 г.: из 6597 человек, принятых «приводцами» (назначаемыми для сопровождения работных людей в Петербург из дворян этих губерний) на месте отправки, 14 умерли в дороге, 387 человек заболели и оставлены в пути, а 441 — сбежал по дороге. Не дошло до Петербурга свыше 840 человек, или 2,75%.

В 1717 г. был такой случай. Работные люди направлялись в Александро-Невский монастырь. На перекличке и на трех смотрах все были налицо, но в дальнейшем, в дороге, они «собою переменились детьми и братьями своими малыми», и в Петербург вместо взрослых людей прибыло много малолетних. Когда вставал вопрос о существовании всей семьи, приходилось жертвовать малолетними, чтобы дома могли остаться взрослые работники, способные прокормить семью.

Вот пример, как доставляли будущих строителей «парадиза» в Петербург. В июле 1712 г. дворянин Яков Пещеряков привел из Азовской губернии партию работных людей. С ним прибыл целый отряд проводников – 44 человека; на работных же людях «для охранения в дороге от побега» были «двоешные» цепи: 410 железных цепей общим весом в 24 пуда.

То ли я не молодец,

То ли я не Фомка.

Как из Питера бежал -

Прыгала котомка.

В 1707 г. очень много сбежало работников, направленных в Петербург из Белозерского края. Петр I приказал взять членов семей бежавших □ их отцов, матерей, жен, детей «или кто в домах их живут» и держать в тюрьмах, пока беглецы не будут сысканы. В 1724 г. Петру показалось, что «каторжных невольников ноздри вынуты мало знатны», и он приказал «ноздри вынимать до кости», чтобы в случае побега этих людей можно было узнать сразу же.

Правда, в легендах о строительстве осталось совсем не это. В них Петр предстает как заботливый царь-батюшка.

Однажды, якобы, Петр в сопровождении князя Меншикова посетил партикулярную верфь, на которой работал молодой парень Петр Щитов. Разговаривая с Меншиковым, Петр не спускал глаз со Щитова, который в это время приколачивал деревянную обшивку к уже готовому шхерботу. Дело в том, что Петр Щитов вколачивал гвозди особенным, каким-то молодецким образом, а именно: наставив гвоздь на намеченное место, молодой плотник слегка ударял молотком по головке гвоздя, а затем уже сильным ударом всаживал гвоздь до самого основания. Все это Щитов проделывал с такой быстротой и ловкостью, что не мог, конечно, не

обратить на себя внимание царя, который сам был недюжинный мастер.

Прошла ровно неделя. Рано утром, лишь только плотники принялись за работу, как на верфь неожиданно явился Петр. Подойдя к Щитову, который, как и на прошлой неделе, «обшивал» судно, царь молча взял у него молоток и гвозди и принялся вколачивать гвозди с одного удара. Плотники, прекратив работу, с удивлением смотрели на царя, который с необычайной быстротой всаживал гвоздь за гвоздем. Всадив таким образом несколько десятков гвоздей, царь выпрямился во весь свой гигантский рост и промолвил, обращаясь к Петру Щитову:

— Спасибо, брат, за науку, это я у тебя научился так гвозди вбивать.

— Царь-батюшка, — заговорил тут Щитов, — уж ежели твоя царская милость так велика ко мне есть, то прикажи меня не казнить, а миловать.

И молодой плотник вдруг неожиданно упал к ногам царя.

Петр, крайне изумившись подобному поступку, успокоил парня и стал его расспрашивать. Оказалось, что Щитова, как и многих других плотников, купили у помещика за 20 рублей и, согласно воле царя, пригнали в Петербург, причем никто не счел нужным справиться, есть ли у него родня или какие-нибудь другие привязанности, а просто схватили и увезли. А у парня на родине осталась невеста Анисья, которую он любил без памяти!

— Так что же ты хочешь? — спросил царь, выслушав парня.

— Царь-батюшка, прикажи Анисью сюда представить.

— Ладно, — промолвил царь и оставил верфь.

Через два месяца Анисья была доставлена на Охту и повенчана с Петром Щитовым.

Однажды зимой Петру донесли, что один из плотников, некий Гаврило Смирной, нашел на берегах Невы, выше Охтинских слобод, против Александро-Невского монастыря, самородную краску. Государь, узнав об этом, немедленно отправился на означенное место, чтобы лично убедиться в справедливости сообщенного известия. Оказалось, что Смирной действительно нашел самородную краску, вполне пригодную для флота.

Государь похвалил Смирного, подарил ему полтину и приказал ему добывать эту краску в свою пользу.

Прошла зима, весна, и наступило лето. В один прекрасный день Петр, переправляясь через Неву на Охту, увидел среди реки плавающего человека. Царя это обстоятельство весьма заинтересовало, так как в то время людей, привыкших к воде, было очень мало.

Поэтому государь немедленно направил свою верейку к пловцу, чтобы ближе разглядеть смельчака. Но каково же было удивление Петра, когда он в пловце узнал Гаврилу Смирного, у которого все тело было вымазано густой темной краской.

— Куда это ты, Гаврило, плывешь? И почему ты весь в краске испачкан?

— Прости, царь-батюшка, это я краску пробую,— ответил Гаврило.— Ежели Нева не смоеет ее с меня, стало быть, краска добрая.

Государь весело рассмеялся, но, смекнув в то же время, что Гаврило неспроста пустился вплавь, спросил его:

— Ну а как же твои дела идут с краской?

Этого только и ожидал Смирной.

— Ах, царь-батюшка, ожидают меня и краску мою, всяк, кто хочет, берет! — воскликнул Гаврило и поплыл к берегу.

В тот же день Петр издал указ: «Охтянину Гавриле Смирному добывать найденную им краску

преимущественно для продажи и продавать беспошлинно, а посторонним никому в оных местах краски не брать; буде же из охтинских плотников, кто пожелает оную краску, то дозволить им это с тем, однако, чтобы изыскателю Смирному брать с них за этот труд по несколько денег с пуда».

Благодаря этому указу Гаврило Смирной вскоре сделался богачом.

Когда строилось Адмиралтейство, на дворе здания накопилось множество щеп, которые страшно затрудняли проход и тормозили работу. Жителям Петербурга было объявлено, что желающие могут даром брать щепы. Съехалось много телег, и сделалась невыразимая теснота. В это время показался в своей одноколке государь, приехавший поглядеть работы.

При въезде на подъемный мост, ведущий в Адмиралтейство, царский денщик закричал встречному возу с щепами:

— Эй ты, поворачивай назад!

— Молчи! — остановил Петр. — И того-то не можешь рассудить, что нам с одноколкой гораздо легче повернуть назад, чем ему.

Тотчас же государь слез с одноколки и с помощью денщика поворачивает ее назад, пропускает воз, садится снова и уезжает.

С возом щеп ехал слуга одного секретаря по имени Ларион. Спустя несколько времени Петр снова встретился с ним на том же мосту. Ларион по-прежнему вез щепы. Государь уже въехал на мост, а Ларион только еще подъезжал к нему, и Петр поэтому начал кричать, чтоб он остановился. Ларион не останавливается и продолжает путь. Поравнявшись с возом, государь узнал Лариона и спросил:

— Ведь, кажется, для тебя на днях я поворотил с одноколкой, чтобы возможно было нам разъехаться?

— Для меня, государь. Я и подумал, что ты всегда так поступать будешь.

— Но тогда ты первый въехал на мост и поворотиться тебе было уже неудобно, а теперь ты видел, что я прежде тебя въехал, между тем ты только что подъезжал к мосту, и поворотиться мне было уже неудобно, да я же и кричал, чтобы ты остановился и пропустил меня. Однако ты, несмотря на это, не останавливаясь, все едешь.

— Виноват!— отвечал слуга. — Я думал, что ты всегда уступить мне решил...

— Так надо, чтобы ты так не думал и не озорничал впредь,— сказал государь и тут же дал ему несколько ударов палкою, приговаривая: — Не озорничай, не озорничай, пропускай того, кто прежде тебя въедет на мост.

Петр весьма заботился о сбережении лесов, тогда обильно еще покрывавших окрестности Петербурга, да и вообще всю Россию. При постройках заводов и фабрик император обращал большое внимание на устройство печей главным образом в видах экономии топлива.

Однажды, посетив пивоваренный завод Лапшина, царь увидал, как из огромной заводской трубы огонь выбивало высоким пламенем.

— Лапшин, я вижу, что ты не думаешь о сбережении дров,— сказал государь,— смотри, сколько понапрасну у тебя их пропадает, ты видишь только под носом, что около Петербурга ныне лесу много и дрова дешевы, а не рассуждаешь, что без бережливости и самые большие леса истребятся в самое короткое время. Итак, нужно тебе переделать печь и сделать ее так, чтобы отнюдь не было такой траты дров.

Петр потребовал бумаги, начертил план экономной печки и, объясняя его, сказал:

— Когда переделаешь печь, то я приеду и посмотрю: нет ли еще какой ошибки. А теперь дай-ка мне молот, я, пожалуй, и помогу начать тебе переделку твоей печи.

С этими словами Петр I взмахнул кузнечным молотом и развалил несколькими ударами непонравившуюся ему печь.

Петр в начале основания Петербурга, который он называл своим «парадизом», был сильно озабочен устройством новой столицы. Он даже издал указ, которым «накрепко» запрещалось в течение известного числа лет строить какие бы то ни было каменные здания во всем государстве, чтобы привлечь и сосредоточить строительные силы и средства в Петербурге. Он был крайне доволен, когда кто-нибудь по собственной инициативе строил в городе или окрестностях какое-либо выдающееся по величине или красоте здание.

Легенда гласит, что императрица Екатерина задумала сделать своему державному супругу сюрприз. С помощью архитектора Феретера в 25 верстах от Петербурга выбрали удобное место и возвели увеселительный замок с садом. Государыня назвала эту дачу «сарским селом» по имени бывшей владелицы лифляндской баронессы Сары. Когда Петр возвратился, Екатерина сказала ему, что в его отсутствие нашла, «хотя пустое, но весьма приятное» здоровое место недалеко от столицы, на котором, наверное, он захочет построить себе увеселительный замок. Петр пожелал увидеть это место.

В одно прекрасное утро они с Екатериной отправились туда. Петр был изумлен, когда они въехали в ровную, гладкую аллею, просеченную через густой лес, но когда перед глазами появился заново отделанный замок, его удовольствию не было предела.

Царь в присутствии всех горячо обнял Екатерину и сказал ей:

□ Превосходное строение! Но с сожалением вижу в нем два больших недостатка — первый, что нельзя взять и тотчас перенести его в Петербург, дабы украсить город, а другой — что нельзя и Петербург перенести на это место.

В 1718 г. заведовавший строительными работами кн. А. Черкасский указывал Петру на нецелесообразность использования работных людей в принудительном порядке. Он ссылаясь на ущерб, который терпело помещичье сельское хозяйство от массового отвлечения рабочей силы на строительство. Многие из привлекаемых на строительство крестьян оказывались в бегах, болели или использовались на непроизводительных работах. Петр учел соображения Черкасского. Со второй половины 1718 г. работные люди, высылаемые из губерний по указу правительства, заменяются людьми, набираемыми по найму. Но это не означало полного отказа от использования рабочей силы в принудительном порядке. Высылка на летний сезон работных людей — строителей — осталась на ближайшие годы в качестве повинности за С.-Петербургской губернией, которая должна была высылать прежним порядком 8 тысяч работных людей. В случае затруднений в выполнении работ людьми, набранными по найму, правительство и позднее прибегало к принудительной вербовке работных людей.

Собранные со всего обширного Русского государства для строительства новой столицы, эти тысячи работных людей, привычно и просто организованные в артели по областным землячествам вокруг артельных котлов-очагов, в первые 15 лет жизни Петербурга составляли очень важную часть населения нового города. Они выполняли наиболее трудоемкие и тяжелые работы по выкорчевке леса, осушке болот,

подготовке грунта для строительства, по укреплению набережных. Они же выстроили и все возведенные в этот период здания. В гигантской по масштабу, исключительной по трудоемкости и тяжести работе, в результате которой «из тьмы лесов, из топи блат» родилась блистательная новая столица, решающим явился труд многих тысяч работных людей — участников этой грандиозной стройки.

На строительстве Петербурга работали также военнопленные шведы. Их в 1712 г. прислали из Москвы и Воронежа 1100 человек.

Сложным был вопрос о мастерах и рабочих, необходимых для мануфактурных предприятий Петербурга, и о квалифицированных ремесленниках. Перенос столицы на берега Невы усилил приток переселенцев в новый город. Но этот приток населения ни по составу прибывающих, ни по их численности не отвечал насущным нуждам очень быстро увеличивавшегося города. В связи с перенесением столицы в Петербург последовал ряд царских указов о принудительном переселении в новую столицу «на вечное жительство» мастеровых людей, купцов, ремесленников, ямщиков и т. д. Указом от 18 августа 1710 г. предписывалось из всех губерний, из уездов и посадов переселить «на вечное жительство» с женами и детьми в Петербург 4720 мастеровых людей. При этом из посадов, т. е. из городского населения, намечалось переселить 260 человек, а остальных — из уездов, т. е. из сельского, в основном крестьянского, населения. Из переселяемых 500 человек предназначались в распоряжение Канцелярии городских дел, а остальные — в распоряжение Адмиралтейства. Указывались и специальности, какими должны были обладать вызываемые: 1900 каменщиков, 1741 плотник, 226 кузнецов, 200 кирпичников, 50 котельников, 48 пильщиков, 41 бочар, 10 слесарей, «174 — для

назначения впредь к выучке в юношеских летах разным ремеслам и 70 молодых людей для выучки в прядильщики». Ведавший Канцелярией городских дел У. А. Синявин писал, что к 6 июня 1712 г. из назначенных в его ведомство 2500 человек было выслано на вечное житье 2210 мастеровых людей. По прибытии на место в Петербург с работ бежало 365 человек, умерло 61, а 46 не могли быть использованы за дряхлостью. Кроме того, как указывал Синявин, в числе высланных имелось 629 мастеровых «наемщиков», в списках не значившихся и заменивших собою поверстанных. С 1714 г. последовали новые указы, о переселении мастеровых и работных людей «на вечное житье» в столицу.

К 1724 г. из числа переведенцев-плотников успело сбежать 127 человек и умерло 91, осталось 806. «Знать, по судьбе нашей бороной прошли», □ говорили они друг другу.

Яков Полонский

Миазм

Дом стоит близ Мойки □ вензеля в воронках
Скрасили балкон.

В доме роскошь — мрамор — хоры на колонках —
Расписной плафон.

Шумно было в доме: гости приезжали —
Вечера - балы;
Вдруг все стало тихо — даже перестали
Натирать полы.

Няня в кухне плачет, повар снял передник,
Перевязь — швейцар:

Заболел внезапно маленький наследник □
Судороги, жар...

Вот перед киотом огонек лампадки...
И хозяйка-мать
Приложила ухо к пологу кроватки □
Стонov не слыxать.

«Боже мой! Ужели?! Кажется, что дышит...»
Но на этот раз
Мнимое дыханье только сердце слышит □
Сын ее погас.

«Боже милосердный! Я ли не молилась
За родную кровь!
Я ли не любила! Чем же оплатилась
Мне моя любовь!

Боже! Страшный Боже! Где ж твои щедроты,
Коли отнял ты
У отца — надежду, у моей заботы —
Лучшие мечты!».

И от взрыва горя в ней иссякли слезы,—
Жалобы напев
Перешел в упреки, в дикие угрозы,
В богохульный гнев.

Вдруг остановилась, дрогнула от страха,
Крестится, глядит:
Видит — промелькнула белая рубаха,
Что-то шелестит.

И мужик косматый, точно из берлоги,
Вылез на простор,
Сел на табурете и босые ноги

Свесил на ковер.

И вздохнул, и молвил: «Ты уж за ребенка
Лучше помолись;
Это я, голубка, глупый мужичонко,—
На меня гневись...»

В ужасе хозяйка — жмурится, читает
«Да воскреснет Бог!».
«Няня, няня! Люди! — Кто ты? — вопрошает.—
Как войти ты мог?»

«А сквозь щель, голубка! Ведь твое жилище
На моих костях,
Новый дом твой давит старое кладбище —
Наш отпетый прах.

Вызваны мы были при Петре Великом...
Как пришел указ —
Взвыли наши бабы, и ребята криком
Проводили нас —

И, крестясь, мы вышли. С родиной проститься
Жалко было тож —
Подрастали детки, да и колоситься
Начинала рожь...

За спиной-то пилы, топоры несли мы:
Шел не я один, —
К Петрову, голубка, под Москву пришли мы,
А сюда в Ильин.

Истоптал я лапти, началась работа,
Почали спешить:
Лес валить дремучий, засыпать болота,
Сваи колотить,—

Годик был тяжелый! За Невую, в лето,
Вырос городок!
Прихватила осень,— я шубенку где-то
Заложил в шинок.

К зиме-то пригнали новых на подмогу;
А я слег в шалаш;
К утру, под рогожей, отморозил ногу,
Умер и — шабаш!

Вот на этом самом месте и зарыли,—
Барыня, поверь,
В те поры тут ночью только волки были —
То ли, что теперь!

Ге! Теперь не то что... миллион народу...
Стены выше гор...
Из подвальной ямы выкачали воду —
Дали мне простор...

Ты меня не бойся, — что я? мужичонко!
Грязен, беден, сгнил,
Только вздох мой тяжкий твоего ребенка
Словно придушил...»

Он исчез — хозяйку около кровати
На полу нашли;
Появление духа к нервной лихорадке,
К бреду отнесли.

Но с тех пор хозяйка в северной столице
Что-то не живет;
Вечно то в деревне, то на юге, в Ницце...
Дом свой продает,—

И пустой стоит он, только дождь стучится
В запертый подъезд,
Да в окошках темных по ночам слезится
Отраженье звезд.

1868

*Петербургский губернатор А. Меншиков Петру I :
Городовое дело управляется как надлежит.
Работные люди из городов уже многие пришли и
непрестанно прибавляются. Чаем, милостию Божией,
что то предреченное дело будет поспешествовать.
Только то бедно, что здесь солнце зело высоко ходит.*

Переселение мастеровых людей «на вечное жительство» с семьями, естественно, требовало специальных мер для их устройства. Петр I приказывал Адмиралтейству заблаговременно строить дома для «переведенцев», но Адмиралтейство не торопилось выполнять эти приказания. Возникшие в 1712 г. на Адмиралтейском острове 10 слобод для переведенцев были выстроены ими самими. Помощь переселяемым «на вечное жительство» оказывал лишь мир (сельская община жителям деревень и посадская община горожанам): он обеспечивал их подводами в пути следования, питанием и деньгами для устройства на месте. Но эта помощь была очень скудной, так как и сам мир был очень беден.

Указы устанавливали содержание переведенцу на 1-й год: денег 12 руб. на жалованье да на хлеб 10 руб., сверх того детям от 5 до 15 лет муки по четверику на месяц каждому. Высланным в распоряжение Канцелярии городских дел, т. е. самой многочисленной категории мастеровых и работных людей, выплачивали только половину указанного оклада. Высылку денег мастеровым людям местная администрация часто

задерживала, «отчего мастеровые и работные люди бегут и мрут с голоду». Равнодушие петербургских и местных чиновников к судьбе переведенцев и прямые злоупотребления предназначенными для них деньгами вызывали большую задержку в выплате содержания и часто ставили на край гибели работных людей и их семьи.

Датчанин Юст Юль пишет, что при сооружении Петропавловской крепости «от работ, холода и голода погибло, как говорят, 60 000 человек».

А. Меншиков А. Макарову в 1716 г.:

В Петергофе и Стрельне в работниках больных zelo много и умирают беспрестанно, нынешним летом больше тысячи человек померло.

Г. Головкин царю Петру I :

Как у солдат, так и у работных людей нынешней присылки болезнь одна - понос и цинга.

Сравнительно благоприятные условия сложились для переведенцев Охтенской слободы. В начале 1720 г. был издан указ о построении на берегу Невы на Охтенской стороне пятисот изб. Через год, когда было построено 216 домов, в северные города — Белоозеро, Вологду, Шуйский городок, Каргополь, Устюг и Холмогоры — был послан офицер с поручением «взять с тех городов 432 добрых плотников», знающих судостроение, и выслать их в Петербург с женами и с детьми, «и как привезены будут, дать им провианта муки по три четверти, да на то избное строение денег по два рубля на семью, и огороды в построенных домах вспахать». В этот год удалось набрать и привезти только 91 семью. В следующем году был дан указ о новом наборе 350 семей плотников. Послан тот же офицер с приказанием набрать плотников, где только возможно. Переведенцы Охтенской слободы поступили в ведение Партикулярной верфи. Практически было привлечено к работе около 150 человек, «наиболее

обыкших к судовому делу». Остальные охтенские поселенцы — «вольные плотники» — в последующие годы использовались в качестве наемных рабочих.

В 1749 г. для жителей Охтенской слободы, которых в это время было 864 семьи, отвели на прилегающей к слободе территории около 2300 гектаров земли. Слобода получила законченный облик пригородного поселка, поставлявшего для города наемную рабочую силу.

С принудительным переселением народа в Петербург было связано возникновение и Ямской слободы. Обеспечение средств сообщения столицы со страной являлось делом первостепенной важности. В указе 1713 г. требовалось «выбрать губернаторам из ямщиков лучших и семьянистых и лошадных людей добрых и прожиточных в С.-Петербург 105 вытей. А на строение домов, и на подмогу, и на корм, и на годовое их содержание собрать для поселяемых в С.-Петербурге на выть по 60 рублей».

Устройство Ямской слободы относится к 1714—1716 гг. В 1723 г. ямщикам была отведена пашня и сенные покосы на землях деревень Волковой и Купчиной. Многие из мастеровых и работных людей были крепостными помещиков, и распоряжаться ими считалось возможным лишь постольку, поскольку не затрагивались интересы помещиков. При переселении работных и мастеровых людей «на вечное жительство» в столицу правительством Петра I было разъяснено, что каждый переселяемый приравнивается к рекруту и переселение его освобождало помещика от поставки рекрута при очередных наборах. Другой формой компенсации помещикам была выплата им денег за каждого переселенца. В 1729 г., например, помещикам, по возбужденным ими просьбам, выплачивалось за переселенных в Петербург крестьян по 25 руб. за человека.

В 1719 г. в Петербурге было две аптеки: главная - в Петропавловской крепости, и Адмиралтейская - на Адмиралтейской стороне.

Строительные работы в Петербурге проводились «с крайним поспешанием». Работников подгоняли офицеры, определенные на стройки, надзирали солдаты. Солдаты стояли на карауле у ворот, не выпуская мастеровых людей с работы. Сложная система мелкого надзора и понукания, система принуждения, без которой казенные предприятия не могли нормально функционировать, выматывала всю душу.

Рабочий день □ осенью и летом □ начинался в 5 часов утра и кончался в 9 вечера, т. е. длился 16 часов. Делались два перерыва: днем в 12 часов на полтора часа, в том числе и на обед, и вечером на полчаса. Зимой, или, вернее, в темную пору года, рабочий день точно не регулировался. Он должен был начинаться «по пушке» — по пушечному выстрелу из адмиралтейской крепости; по выстрелу же и оканчивался. Пушка стреляла по усмотрению начальства: достаточно ли светло, чтобы начинать работу, и достаточно ли темно, чтобы ее заканчивать. Когда рабочие обедали зимой - неизвестно.

Существовала установленная законом шкала штрафов за прогулы. В Канцелярии от строений за прогул одного дня из заработка рабочего человека вычитали сумму, равную трехдневному заработку. За штрафами следовали телесные наказания. Посещения работными и мастеровыми церкви вводилось правительством в обязательном порядке, и администрация предприятия следила за тем, чтобы рабочие люди исправно посещали церковь. В церкви мастеровым внушали, что они должны работать прилежно, не гневаться, почитать всех вышестоящих.

Существовали еще фискалы, наблюдающие за работами. Они получали в свою пользу четверть

штрафа.

Положение казенных мастеровых определялось в первую очередь тем, что они были фактически прикреплены к заводу, выполняли обязательную пожизненную работу и были полностью подчинены начальству как в рабочее, так и в послерабочее время.

Весьма характерным представляется стремление заводской администрации полностью регламентировать досуг мастеровых. Как записано в Проекте о должностях, мастеровые люди не имели права отлучаться из слободы, где они жили, ни в праздничные дни, ни вечером в рабочие дни. Запрещалось не только самим уходить со двора, но и принимать у себя постояльцев, «держатъ посторонних людей в своих домах, ниже ночевать пускать». Запрещалось пускать в слободу бродячих торговцев. В пределах слободы разрешалось лишь в урочные часы ходить в кабаки или шинок, принимать гостей или играть в карты. В неурочное время мастеровые люди были обязаны находиться на своем дворе. Они не были вольны в использовании своего жалования, не имели права продать или заложить личную вещь, купленную на жалование. Каждую купленную вещь полагалось объявлять комиссару, «дабы он знал, что у кого платья есть нового и обуви». Указывалось даже количество водки, которое разрешалось выпить в день получения жалования.

Оплата труда в петровское время была дифференцированной. Если выписанные из-за границы иностранные специалисты (архитекторы, мастера и т. д.) получали очень крупные по тому времени оклады, часто даже не соответствовавшие их квалификации, то русским специалистам платили гораздо меньше, а рабочие получали гроши. Вот несколько примеров денежных окладов архитекторов-иностранцев: Леблон получал 5000 рублей в год, Трезини — 1000 рублей,

Фонтана □ 600 руб. Для сравнения: архитектор М. Земцов получал 180 рублей.

В 1716 г., например, из числа мастеровых людей, «которые обретаются при доме его царского величества», столяры получали по 24 руб. в год, маляры – по 15 руб. токари и кузнецы □ по 11 руб. Таким образом, русские мастеровые при дворце получали в среднем по рублю в месяц. Это был обычный размер заработка рабочего на строительстве Петербурга. На эти деньги почти невозможно было прожить в новой столице (где все было дорого) даже одинокому человеку, не говоря уже о семейных. И правительство стало выдавать рабочим хлебные пайки: в месяц по полуосмине муки (около 29 кг) и по малому четверику крупы (около 5 кг), т. е. чуть больше одного килограмма в день.

Переведенцы получали паек в два раза больше; кроме того, им еще давали надел земли.

«Устав воинский» 1716 г. определил денежное и продовольственное содержания всех воинских чинов для мирного и военного времени. Пехотинец должен был получать деньгами 10 руб. в год и 1 порцион продовольствия – 2 фунта (1 фунт – 409, 5 г) хлеба в день, 1 фунт мяса, 2 чарки (чарка – 122,99 мл) вина и 1 гарнец (3,28 л) пива; кроме того, полагалось на месяц 2 фунта соли и 1,5 гарнеца круп. Однако царские указы не выполнялись, и солдаты зачастую голодали.

Характеризуя грандиозность и всеохватность реформ Петра, историк М. П. Погодин писал: «Место в системе европейских государств, управление, разделение, судопроизводство, права сословий, Табель о рангах, войско, флот, подати, ревизии, рекрутские наборы, фабрики, заводы, гавани, каналы, дороги, почты, земледелие, лесоводство, скотоводство, рудокопство; садоводство, виноделие, торговля

внутренняя и внешняя, одежда, наружность, аптеки, госпитали, лекарства, летоисчисление, язык, печать, типографии, военные училища, академии — суть памятники его неутомимой деятельности и его гения».

К этому впечатляющему списку петровских деяний и нововведений следует добавить и каторжные работы.

Идея воспользоваться подневольной рабочей силой для гребного флота принадлежит Андрею Винуису. В 1688 г. в записке, поданной в Посольский приказ, он, ссылаясь на пример иностранных государств, предлагал: «всяких воров и бусурманских полонянников мочно на каторги сажать для гребли на цепях, чтобы не разбежались и зло не учинили; и чем таким ворами и полонянникам, которых по тюрьмам бывает много, хлеб туне давать, они бы на каторгах хлеб зарабатывали».

На крупнейших предприятиях Петербурга регулярно использовались «каторжные невольники». Ведомости Синода сообщают, что при Адмиралтействе постоянно находилось «в работе» от 500 до 800 каторжников. В 1717 г. Петр указал «артиллерийских служителей, которые осуждены будут за вину на каторгу в вечную работу или на урочные годы, посылать скованных в Санкт-Петербурх на Пушечный двор ради всяких артиллерийских работ».

В июле 1706 г. в рапорте на имя Меншикова сообщалось: «Острог каторжным колодникам заложили». Этот острог («каторжный двор»), состоявший до 1732 г. в ведении Адмиралтейства, находился рядом с Канатиным и Галерным дворами — на территории будущей Благовещенской площади.

Указ 1715 г. рекомендовал употреблять каторжных для «битья свай», т.е. на общестроительных работах; часть колодников использовалась в качестве гребцов на галерах, другие трудились на Адмиралтейской и Галерной верфях, в Арсенале. Каторжане жили, в основном, на подаяния. По материалам Синода, они, «не

имея средств к пропитанию, ежедневно ходили «на связках» по городу, прося милостыню.

Петербург рос стремительно. И в темпах его роста даже в начальном этапе истории города — в годы царствования Петра I — сказались не только меры принуждения к переселению в новый город, но и свободный приток сюда новопоселенцев.

Отсутствие статистических данных о населении Петербурга в первой четверти XVIII в. не дает возможности установить сколько-нибудь точно количество жителей столицы в этот период.

По позднейшим данным, число жителей Петербурга к 1725 г. определялось в 25—30 тыс. человек. Но это число нередко преувеличивалось. По подсчетам одного исследователя, число жителей столицы к этому году определяется в 70 тыс. Вероятнее всего предположить, исходя из числа домов в Петербурге и средней заселенности одного дома, что число жителей Петербурга в 1725 г. определялось примерно в 40 тыс. человек, из них не менее 20 тыс. было занято производительным трудом. После некоторого перебоя в притоке переселенцев в Петербург в 1728—1730 гг., совпавшего с пребыванием двора в Москве, с 30-х годов население столицы снова стало быстро расти. Этот рост по-прежнему был связан с неуклонным развитием промышленности и торговли в Петербурге.

Общая численность населения Петербурга на 1750 г. указана в ведомости генерал-полицеймейстера, представленной по приказанию императрицы Елизаветы Петровны в сентябре этого года. Дошедшая до нас переписка по поводу подготовки этой ведомости дает основание считать ее сведения сравнительно полными и достаточно надежными. Численность взрослого населения Петербурга до этой ведомости определена в 74 283 человека.

Так как при исчислении населения были исключены дети, то общая численность населения Петербурга в 1750 г. с дополнением 25—30% на детей будет около 95 тыс. человек, из них 61% составляли мужчины и 39% женщины.

Ведомость различает «обывателей» столицы от ее «жильцов», хотя и те и другие одинаково относятся к постоянному населению Петербурга. Разница между этими категориями определялась прежде всего различием их социального положения. «Обыватели» — свободные, полноправные граждане, владельцы домов и другой недвижимости в городе, дворяне, чиновники, духовенство и купцы, ремесленники, посадские люди, владельцы торговых и промышленных предприятий, мастерских и т. п. «Жильцы» — это постоянные жители города, но не владеющие недвижимостью или не входящие ни в одну из городских корпораций (цехи, гильдии), а поэтому неполноправные, т. е. не имеющие права принимать участие в выборах городских органов управления—магистратов.

В число «приезжих» лишь в самой малой доле могли попасть временные сезонные рабочие. Немного среди них было и купцов, которые имели тесные деловые связи со столицей и подолгу там жили. Большая доля из этих 10 тыс. «приезжих» были мастерами на крупных предприятиях, ремесленниками, имели мелкие предприятия, обслуживали торговлю столицы. Они были тесно связаны со столицей, скоро становились постоянными ее жителями, но для полиции все же долго оставались «иногородними» — ростовцами, ярославцами, кашинцами и т. п., если они были посадскими людьми; бездомными солдатскими детьми или тяглыми людьми различных сельских районов если были крестьянами.

Служители при «обывателях» и слуги иностранных посольств (численность их с детьми достигала 17 тыс.

человек) — это прежде всего дворовые крепостные слуги. Число свободных домашних слуг было очень небольшим. Возможно, в число слуг полиция включила низший обслуживающий персонал учреждений дворцового ведомства, т. е. тех, кто выполнял черную работу в царских конюшнях, прачечном дворе, служил в егерском охотничьем корпусе и т. п.

В ведомости 1750 г. обращает на себя внимание значительное превышение численности мужского населения над женским.

У привилегированного слоя населения столицы число мужчин лишь немного превосходило число женщин. Совсем иное соотношение у остальной части постоянного населения столицы. У «жильцов» число мужчин в полтора раза больше числа женщин, а среди слуг и служителей мужчин в два раза больше, чем женщин. «Приезжие», в основном трудовое население, были лишены возможности иметь семьи в Петербурге; число мужчин среди «приезжих» в 7,7 раза превосходило число женщин. Чем меньше обеспечены были жители столицы, тем труднее было для них обзаведение семьей.

Население росло в основном за счет трудящихся слоев. Продолжало развиваться ремесло. Для 50-х гг. XVIII в. сохранился перечень 44 ремесленных цехов, существовавших в Петербурге, но перечень этот неполон. Представляют интерес данные о социальных слоях, из которых выходили ремесленники в середине XVIII в. Среди 1041 человека ремесленников, о которых имеются сведения, из крестьян и крепостных дворовых было 214 человек (20,5%), из купцов 316 человек (30,3%), из разночинцев, т. е. детей мелких служащих, солдат, церковников, 95 человек (9,1%), 83 человека поименованы просто людьми «польской нации», 5 — «малороссиянами». Для коренного местного населения запись в цехи вызывала лишь неудобства, она

связывалась с возможностью принудительного привлечения ремесленников к выполнению казенных работ. Все это не могло касаться иностранцев. Иностранцы, в противоположность коренному местному населению, считали запись в цехи выгодной и охотно записывались все, даже имевшие отдаленное отношение к ремеслу. Поэтому число цеховых ремесленников иностранцев (316 чел.) не соответствовало их действительному удельному весу.

Кроме увеличения в 30—50-х годах XVIII в. числа лиц, работавших на казенных и частных предприятиях, цеховых ремесленников и мелких товаропроизводителей-одиночек, рост численности населения города происходил за счет людей, занятых работой по обслуживанию коммунальных нужд и торговли. Плавучие, разводные мосты через Большую Неву и Малую Неву и разводные мосты через малые реки и каналы обслуживались специальными мостовыми командами. Существовало большое число перевозов. Легковые и грузовые извозчики вместе с лодочниками и перевозчиками обеспечивали внутригородской транспорт. Современник, автор описания Петербурга начала 50-х годов, отметил, что в Петербурге было «около трех тысяч извозчиков или более в зимнее время».

Многочисленные рынки обслуживались массой мелких торговцев, огородниками, из которых многие арендовали землю в пригородах и являлись, таким образом, постоянными жителями городских окраин. Разносчики и лотошники торговали пирогами, калачами, сбитнем не только на рынках, но и по улицам и дворам.

Материальная обеспеченность мелких производителей была очень различной и зависела в первую очередь от того, работали ли они непосредственно на потребителя-заказчика, продавали ли сами свой товар на рынке или работали на торговца-

перекупщика. Широкое применение крепостного труда в условиях очень низкой его оплаты понижало оплату и вольнонаемного труда, а вместе с тем понижало и общий уровень материального обеспечения мелких производителей. Были ремесла более прибыльные, обслуживавшие потребности и запросы богатого дворянства, но спрос на таких ремесленников был очень ограничен. Оплата труда строителей, определявшаяся в первую очередь их квалификацией, существенно колебалась в зависимости от спроса на труд. Как правило, между заказчиком и артелью строителей стояли подрядчики. Подрядчики, нанимая артель, обычно брали на себя и обязательство обеспечивать строителей питанием. Подрядчики создавали тяжелые условия работы, плохо кормили рабочих, часто обманывали их при расчете.

Естественно, что конфликты между рабочими и подрядчиками возникали постоянно. И строители, и большая доля мастеровых и работных людей, так же как и ремесленники, состояли в основной своей части из крепостных крестьян. То, что зарабатывал крестьянин, лишь в некоторой и притом малой доле принадлежало ему. Значительную часть из своего заработка отпущенный на оброк крестьянин должен был отдавать помещику. Размер оброка определялся волей помещика. Столица привлекала оброчных крестьян прежде всего как наиболее емкий рынок рабочей силы всех специальностей. Оброчник — строитель, текстильщик, металлург и т. п. — находил здесь работу по специальности, повышал квалификацию, другие приобретали здесь специальность. Крестьян-оброчников гнали в столицу нужда и голод. Но нельзя забывать о заманчивости и притягательности ухода от взора барина, из-под придирчивого надзора крепостной администрации.

Этим преимуществом не обладали многочисленные крепостные дворовые слуги в Петербурге в дворянских домах: они всегда были на глазах барина.

В 30—50-е годы XVIII в. Петербург расширял свои пределы и уплотнялся на старой, давно освоенной территории. Еще представленный Петру I Леблонем план строительства Петербурга предусматривал удаление жилищ рабочих на окраины. В ходе строительства Петербурга на левом берегу Невы — на так называемой Московской стороне — появились рабочие слободы. Правительство с неудовольствием смотрело на это. Большие пожары в августе 1736 г. и июне 1737 г. использовались как предлог для выселения рабочих на окраины, к этому были направлены и распоряжения правительства о необходимости строить в центре города только большие красивые здания. Лучшие районы города отводились дворянству. Рабочее население с его бедными жилищами оттеснялось на окраины города, или в предместья, где еще не были осушены болотистые трясины, или на захолустные улицы города с их непролазной грязью.

Слободы, населенные работными людьми, часто одной профессии и даже одного предприятия, являлись поселениями, характерными для окраинных районов Петербурга. Особенно интенсивно слободы росли в 30—40-х годах XVIII в., когда шло усиленное вытеснение трудового населения из центра; рост их продолжался и во второй половине XVIII в. Больше всего слобод появилось на Охте. Кроме двух слобод переселенцев-плотников, там возникли: Бочарная слобода, в которой жили люди, готовившие бочки для пивоваренных заводов, слобода Синявина батальона (по фамилии начальника Канцелярии городских дел), населенная рабочими и низшими служащими Канцелярии городских дел, Госпитальная слобода служителей двух

расположенных там госпиталей, Компанейская слобода компанейщиков пивоваренного дела, Казачья слобода, населенная сначала казаками, а позднее отставными солдатами и другими бедными людьми.

Жители Казачьей слободы вызывали у полиции крайнее недовольство нарушениями полицейских порядков. Комиссия по строению постановила снести Казачью слободу и строить на освобожденном месте только «регулярное» строение. Но полиции не удалось осуществить это намерение. Казачья слобода осталась и во второй половине XVIII столетия такой же «нерегулярной» и приютом для беглых, преследуемых полицией и помещиками.

На Васильевском острове вблизи Галерной гавани существовала Галерная слобода, населенная находившимися на службе и отставными матросами с их семьями; с 1738 г. начали застраиваться слободки в западной части Малого проспекта. По Фонтанке, в нижнем ее течении, располагались слободы Калинкиной деревни, а рядом Матисова деревня. Здесь жили по большей части отставные солдаты. В Московской части возникла Ямская Московская слобода ямщиков-переведенцев, а за Аничковым мостом — Каретная, в которой жили ремесленники, производившие кареты, коляски, сани.

Рабочие Адмиралтейства в 40-х годах были вытеснены в район вновь появившейся слободы Новая Коломна на правом берегу Фонтанки, между устьями Мойки и Фонтанки.

Число дворов в Петербурге на 1737 г. составило 5898.

Согласно второй ревизии, проведенной в конце 40-х годов XVIII в., население империи составляло 9 103 387 душ мужского пола. На долю Петербурга приходилось приблизительно 56 700 душ мужского пола, т. е. 0,6 % всего мужского населения страны.

Далеко не везде работные люди имели собственное жилье. На большинстве мелких и крупных предприятий считалось достаточным, если при предприятии предоставлялся какой-либо угол рабочему для сна; на многих предприятиях таким приютом служило помещение мастерской.

Домики в слободах, в которых жило большинство трудового населения столицы, имели небольшие усадьбы с огородами. Ко всем окраинным слободам близко прилегали места городского выгона для скота. Молочный скот держали и в Галерной слободе, и жители Петербургского острова, и жители Охтенских и Ямской слобод. Домики-избы, наскоро выстроенные для переведенцев или построенные самими переведенцами, были малы и тесны. Убогими лачугами называли их правительственные строительные комиссии. Более просторными были дома у ямщиков, так как им приходилось иметь не меньше 4—6 лошадей и располагать помещением для проезжавших.

Жилище в «один покой» для семьи рабочего было обычным явлением. В одном указе времен Анны Иоанновны велено «в Санкт-Петербурге у находящихся адмиралтейской и других команд мастеровых людей, на построенных в указных местах дворах их, буде у кого имеется токмо по одному покою, а в нем живет хозяин и жена его и дети, постоя не ставить». Часто в таком же «покое» жили еще и съемщики углов — работные или мастеровые люди.

При Петре I в слободах было еще много курных изб, и петровскими указами предписывалось «командам из солдат избы проверять и черные печи ломать». Судя по тому, что в позднейшее время такого вопроса не поднималось, курные избы, по-видимому, исчезли. Освещались дома в слободах лучиной. Свечи были дороги и малодоступны бедноте.

Значительную и экономически важную и влиятельную группу населения Петербурга составляли купцы. Купечество в первой половине XVIII в. входило вместе с ремесленниками в число посадских людей. В начальный период истории Петербурга стремление Петра I ускорить развитие в нем торговли и промышленности вызвало меры по принудительному привлечению купечества в столицу. Первым шагом на этом пути было переселение некоторых купцов из Архангельска. В 1710 г. на казенный счет переселяется ряд видных купцов из Москвы и других городов. За этим последовали указы от 1712 и 1714 гг. о принудительном переселении 300 купцов из числа «гостей» (т. е. самых богатых купцов) и «записанных в московские гостиные сотни», именно тех, «которые у портов и на ярмарках валовые (оптовые) торги или где какие заводы и промыслы имеют». Указ выполнялся медленно. К лету 1716 г. из числа 300 купцов было выслано 186. Переселялись купцы из разных губерний: Московской, Киевской, Казанской, Архангелогородской. Принудительное переселение посадских людей происходило в условиях, не сравнимых с теми, в каких переселялись люди крепостного состояния. Для купцов строились в Петербурге за счет посадков хорошие дома. Для этой цели некоторые посады выделяли большие по тому времени суммы: посады Казанской губернии — по 1000 руб., а Смоленской губернии — по 500 руб.

К 1719 г. принудительное переселение в Петербург купцов было приостановлено, так как и без мер принуждения иногороднее купечество «своей охотой» устремилось в новую столицу. Но купечество Петербурга пополняло свои ряды не только за счет торговцев из других городов страны. Оно росло за счет оброчных крепостных крестьян. Многие помещики за хороший оброк предоставляли своим крестьянам возможность заниматься подрядами, поставками,

торговлей, откупам, заводить производственные предприятия. Конечно, не всем разбогатевшим крестьянам удавалось затем выкупиться у помещика, получить свободу и записаться в купеческое сословие. Многие из них, занимаясь подчас крупной торговлей, продолжали числиться крестьянами. В 1744—1747 гг. в Петербурге из общего числа посадского населения в 3471 человек купцов было свыше 2 тыс. В Окладной купеческой книге 1753 г. число купцов определялось в 1484 человека; в этом списке значатся и 22 иностранца. На деле же как общее число купцов, так и число купцов из иностранцев, повидимому, было несколько большим.

В своей основной массе купцы оставались податным сословием; в продолжение всей первой половины XVIII в. они были обязаны давать рекрутов для армии. Правда, им разрешалось покупать рекрутов и поставлять их вместо себя. Купечество было очень разнородным по своему положению, определявшемуся в первую очередь размером капитала. Купцы-откупщики были одновременно и владельцами крупных торговых и промышленных предприятий. Наиболее крупным из них, например Ивану Исаеву, Савве Яковлеву, правительство жаловало чины и зачисляло их в ряды дворянства. Они жили в столице в лучших районах города, как и дворяне. Купцов не забывали приглашать на придворные торжества и праздники, на маскарады и т. д. Но наряду с богатыми первогильдейскими купцами были и малосостоятельные купцы третьей гильдии, ближе стоявшие к ремесленникам и массе посадского населения. Материальная неустойчивость часто приводила таких купцов к необходимости работать по найму, и их дети нередко пополняли ряды мастеровых и работных людей.

В Петербурге наметились районы, где преимущественно жило купечество: таковы район Садовой улицы, ближе к Сенной площади и к

нынешнему Гостиному двору, и район Каретной слободы.

Но первенствующую, руководящую роль в жизни Петербурга играло дворянство; эта особая роль дворянства в столице естественно определялась его положением как господствующего класса в Российской империи. Петр I после основания Петербурга и перенесения в него столицы принял ряд мер, понуждавших дворянство к более быстрому и массовому переселению в Петербург. Уже с первых лет существования Петербурга в нем было немало дворян, служивших при дворе и в армии. С основанием в Петербурге центральных правительственных учреждений к ним прибавилось значительное число чиновников. В 1725 г. только в гражданских центральных учреждениях было по штату около 1700 человек служащих, подавляющее большинство которых принадлежало к дворянскому сословию. Еще при Петре дворянство поняло все выгоды службы в новой столице и без принуждения начало переселяться в Петербург.

Внутренняя торговля Петербурга развивалась по мере развития самого города, роста его населения. В значительных количествах поступало из провинций России продовольствие. В отдельные неурожайные годы разрешался даже ввоз хлеба из-за границы с уплатой 5%-й пошлины в ефимках. Городское ремесло и мануфактурная промышленность нуждались в сырье; кроме того, ремесло, несмотря на значительное его развитие, и мануфактурная промышленность города не могли обеспечить потребность городского населения в товарах широкого потребления; все это вызывало подвоз из других мест.

С самого начала строительства Петербурга в нем появились мелкие торговцы, маркитанты, ремесленники. Решительный перелом в ходе Северной войны после 1709 г. усилил приток сюда поселенцев,

изменил отношение к новой столице тех, кто до этого времени сомневался в успехе создания нового города. Перепись дворов Городского острова, проведенная в конце 1713 г., указывает на большое число изб и домиков мастеровых людей, ремесленников, мелких торговцев, добровольно обосновавшихся на постоянную жизнь в Петербурге.

На своих огородах они выращивали капусту, горох, репу, брюкву, морковь и пр. Но в течение всего XVIII в. практически нет упоминания о картофеле. Он широко стал распространяться лишь в XIX в., ибо еще во времена Екатерины II не только в России, но и в Западной Европе считался «чертовым яблоком». Скромное место даже в 30—50-х гг. XIX в. занимали «амурные яблоки», или «яблоки любви» (так, по дословному переводу с французского, называли помидоры). Употребляли их только для изготовления приправ к мясным блюдам и салатам, свежие же плоды считали несъедобными из-за «неприятного вкуса». Только к концу XIX в. их стали употреблять «для закусок и в салатах».

В Петербурге было уже довольно много богатых людей — это стимулировало не только разнообразие овощей, но и развитие совсем особой отрасли огородного дела — выращивания ранних и сверхранних овощей и ягод. Уже в XVIII в. объявления в «Санкт-Петербургских ведомостях» предлагали зрелую землянику и клубнику в марте, а огурцы — начиная с декабря-января. В XIX в. это направление огородничества достигла просто расцвета. На рынках с февраля по июнь продавали парниковый картофель, в марте — щавель и кресс-салат, в июне — фасоль (все местного производства). К середине лета успевали вырастить дыни, коих было множество сортов. Немалые затраты на строительство и содержание теплиц, оранжерей и паровых гряд (на навозе) окупались с

лихвой, поскольку зимние и ранние овощи шли по очень высоким ценам, которые не смущали столичную знать. С навозом проблем не было: огородники покупали его на извозчичьих дворах, в кавалерийских частях, у владельцев частных конюшен.

Противоположная сторона нынешней Морской и Невского, там, где теперь здание Главного штаба с его знаменитой аркой, не была застроена частными домами, □ там возник стихийный рынок, называвшийся Морским.

Это было собрание шалашей, ларей, раскинутых в беспорядке по грязной, немощеной площади. Весьма понятно, что торговцы однородными предметами группировались для своего и для покупателей удобства — и это соединение нескольких ларей и шалашей получило гордое название «ряд». Появлялся, таким образом, мясной ряд, калашный ряд, лоскутный, где торговали старой одеждой: ближе к Адмиралтейству устанавливались возы с сеном и дровами — здесь были сенной и дровяной ряды.

Была сделана еще при Петре попытка урегулировать этот рынок — в ноябре 1718 г. издали указ о рынках Петербурге, чистоте торговцев съестным, о ношении торговцами белых фартуков. Как видим, 300 лет тому назад пытались заботиться о гигиене, и, конечно, эти заботы не достигали цели, и торговцы съестными припасами ничего такого не одевали. Прямым следствием этого указа было приказание, отданное в следующем году архитектору Гербелю произвести планировку Морских слободок, большой и малой, и построить Мытной двор на Невском проспекте, на углу Морской улицы. Сохранилось описание этого первого Гостиного двора Адмиралтейской стороны: «Гостиный двор каменный, прежде именованный Мытный, на Адмиралтейской стороне, на самом том месте близ Зеленого моста на Мойке, где ныне дом

генерал-полицмейстера и кавалера Николая Ивановича Чичерина, наименован Мытным потому, что оный построен был только для продажи съестных припасов, но, между тем, несколько лавок занято было и разными товарами и потом отчасти более стало умножаться в нем купечество с хорошими и богатыми товарами, оный более стал именоваться Гостиным двором, а не Мытным». Из сохранившегося плана видно, что этот Мытный или Гостиный двор представлял собой четырехугольное или даже пятиугольное здание, так как передний фас, обращенный к Мойке, не был параллелен заднему. На переднем фасаде, в середине, было нечто походящее на башню и выступающее за линию фасада: по всей вероятности, эта срединная часть здания предназначалась Петром для магистрата и была украшена или только было намерение украсить ее «великим шпицом с часами». Главная цель этой постройки очевидна — уничтожить Морской рынок и перевести всех торговцев сюда. Но этого не случилось: может быть, торговцы Морского рынка не могли снимать помещение по дороговизне арендной платы, а может быть, этих торговцев не пускали более богатые купцы.

«Сей гостиный или мытный двор — писал Богданов — в 1736 г., загоревшись внутри, весь сгорел и от онаго пожара развалился, понеже оный строен был весьма стенами тонко, потолки, двери и затворы были деревянные и от сильного огня распался, а на последки и остатки разобрали».

Потом деревянные торговые ряды появились на углу Невского проспекта и Садовой улицы. И. И. Лажечников в романе «Ледяной дом» описывает их так: «Большую перспективу, около Гостиного двора, русский горговыи дух оживляет. Бойкие сидельцы, при появлении каждого прохожего, скинув шапку и вынятув руку, будто загоняют цыплят, отряхнув свою масленую

голову, остриженную в кружок, лают, выпевают... как докучливые шавки: «Что вам угодно? Барыня-сударыня, пожалуйста сюда! Что покупаете? Господин честной, милости просим! Что потребно? Железо, мед, бахта, платки, бархат, парча, деготь, бумага!.. Ко мне, сударыня, у меня товар лучший!.. Уступлю за бесценок... с убытком, только для почину... с легкой руки вашей...».

К 1717 г. число жилых домов в Петербурге по сравнению с 1713 г. увеличилось больше чем в 2,5 раза и достигло 2553 дворов. А в 1722 г. насчитывалось уже 4163 двора, кроме Васильевского острова, где в 1725 г. было 463 дома или, по другим данным, 489.

Рост повинностей и частые неурожаи гнали крестьян на заработки в большие города. Голодные годы 1723-й, 1743-й и особенно 1747-й, 1748-й вызывали местами повальное бегство крестьян в города. Крестьяне хорошо знали дорогу в новую столицу, где был большой спрос на рабочие руки, и в голодные годы столичной полиции трудно было держать под своим контролем огромный поток направлявшихся сюда людей. Крестьянин мог уйти из деревни лишь по письменному разрешению помещика. Такими разрешениями были вначале «покормежные письма», с 1726 г. замененные паспортами, писавшимися на печатных бланках.

Со времени отмены в 1718 г. принудительного вызова строительных рабочих в Петербург на протяжении всего XVIII в. крестьяне, отпускаемые помещиками на заработки в столицу, составляли основную массу строителей Петербурга. Они же скоро заняли важнейшее место и среди рабочих промышленных предприятий столицы. Крестьяне, знавшие штукатурное дело, мастерство каменщика, каменотеса, столяра, в период строительного сезона

всегда находили работу на строительстве дворцов, при сооружении набережных, прокладке улиц, на многочисленных дорожных работах и т. п. Этими же крестьянами производилась и заготовка строительных материалов.

С течением времени более четко определились районы, поставлявшие Петербургу строительных рабочих. Так, каменщики и каменотесы шли из Олонецкой губернии, каменщики — из Ярославской, Костромской, строители других специальностей — из Московской, и т. д. При непрерывном строительстве и высоких его темпах на протяжении почти всей первой половины XVIII в. ежегодный приток строителей в Петербург выражался в тысячах человек, а в некоторые годы даже в десятках тысяч. Особенно возросло число строителей в 40—50-е годы XVIII в. в связи с широким размахом работ, осуществлявшихся тогда казной и частными лицами.

Недаром сложилась поговорка - «Москва создана веками, Питер миллионами».

ИЗ ЦЕРКВИ □ В БАНЮ, ИЗ БАНИ □ В КАБАК...

Мимо светлого окошечка
Течет река Нева.
Мне, мальчишке, поднаскучила
Чужая сторона.

Из старой песни.

Были, конечно, в начале XVIII в. у петербургских рабочих и праздничные дни, и просто выходные.

Но только в определенные часы даже в пределах своей слободы рабочие имели право ходить друг к другу в гости, в кабак, развлекаться игрой в карты. Собираться можно было лишь в церкви и кабаке.

Кабаки густой сетью накрыли город; в середине века их было более 120, в том числе на Адмиралтейской стороне 48, на Петербургской 30.

В 1723 г. кабацкие доходы казны по Петербургу составили 128 тыс. рублей, а в 1752 г. «питейный» откуп дал более миллиона рублей. Продавали спиртное и тайком. Из уличенных в этом деле в 1752 г. спекулянтов самым крупным оказался прусский посол, на квартире которого был сделан обыск и отобрано еще не проданное вино.

До наших дней дошел анекдот петровского времени.

- Пойдем в церковь! - Грязно. - Ну так в кабак! - Разве уж под тыном пройти?

Кабаки в то время были крайне неряшливы, пиво в них стояло в больших открытых кадках, из которых теснящийся народ зачерпывал его деревянным ковшом и, и чтобы не проливать ничего даром, выпивал пиво над кадкой, в которую стекало таким образом по бороде то, что не попало в рот. Притом, если у пришедшего выпить не оказалось денег, он оставлял в заклад свой старый тулуп, рубаху или другое что-нибудь, без чего мог обойтись до вечера, когда получит поденную плату и заплатит за пиво. Такой заклад обычно вешался тут же на кадку, которая часто была кругом обвешена этой грязной рухлядью, но никто этим не брезговал, хотя нередко эта ветошь от тесноты сваливалась в чан и там преспокойно плавала в пиве по нескольку часов.

В праздники можно было пошататься по рынкам. Вот что пишет анонимный современник:

«Сколько при Санктпетербурге находится рынков и прочих торговых мест, также по знатым улицам и перекресткам, всюду имеются маркитантские торги в избах, в лавочках и в разноску, оных премножество и числить нужды нет, некоторые для всяких рабочих людей и для скудных приготавливают съестные припасы

следующие: 1) в харчевнях варят щи с мясом и рубцы, 2) уху с рыбой, 3) пироги пекут, 4) блины, 5) грешневики, 6) калачи простые и сдобные, 7) хлебы ржаные и ситные, 8) квасы, 9) сбитень вместо чаю». Готовили все это и торговали вразнос солдатские женки и вдовы, женки работные, а из мужиков – ярославцы да ростовцы.

Как мы видим, развлечений для мастерового люда в Петербурге было мало. Самым главным – и развлечением, и лечением, и забавой была, конечно, баня.

При входе с улицы на банный двор сидел сборщик с ящиком и брал с приходивших «банное», то есть плату за вход. Бедняки обычно приходили семьями или артелями по несколько человек, чтобы расходы были поменьше. Делали так: пока одни мылись, другие оставались стеречь одежду, потом менялись местами с вышедшими из бани.

Парились по многу часов до одури. Столяр В. Гаврилов рассказывал, как во втором часу пополудни на двор к нему пришли работники и просили «ево, чтоб для их истопить баню, а за дрова, и за веники, и за работу рядили дать ему три копейки. Работники парились и ночевали во оной же бане, а один из них там же на полке и умер».

Приезжий иностранец О. де Ламотре, описав монастыри, порт и застраивавшиеся красивыми домами невские берега, пожелал «сказать два слова о банях». Вот что он отметил: «Эти бани по великолепию и чистоте не могут идти ни в какое сравнение с турецкими банями, но они тоже всегда полны народу; способ купания русских известен по нескольким напечатанным уже сочинениям, поэтому я избегаю повторения. Русские так же привычны к купанию в бане, как к еде и питью, они используют баню в качестве универсального лечения от любого недуга, как турки

свою. Русские бани построены в основном из дерева, и лучшая из них, какую я видел в Петербурге или в других местах, через какие проезжал, не сравнится с наилучшей турецкой, где бани построены из мрамора или твердого камня».

Ученый швед Карл Рейнхольд Берк, живший в Петербурге в 1735 г., отмечал в своих «Путевых заметках»: «Русские моются часто, и это для простолюдинов если не универсальное средство лечения, то во всяком случае профилактика — они всегда спят одетыми, и им требуется раз в неделю купаться и надевать чистое, таким образом несколько освежаясь. Это дело в С.-Петербурге поставлено лучше, чем вообще по стране, ибо дворы за мужскими и женскими банями стоят так, что прохожим не видно никакого неприличное зрелище».

Способом «купания» русских неизменно восторгались многие иностранцы, приезжавшие в город на Неве. Посланник Юст Юль в ноябре 1709 г. был свидетелем такой сцены:

«За городом мне случилось видеть, как русские пользуются своими банями. В тот день был сильный мороз, но они все-таки выбегали из бани на двор совершенно голые, красные, как вареные раки, и прямо прыгали в протекающую возле самой бани реку; затем, прохладившись вдоволь, вбегали обратно в баню, потом выходили опять на мороз и, прежде чем одеться, долго еще играли и бегали нагишом. В баню русские приносят березовые веники в листьях, которыми дерут, скребут и царапают себе тело, чтобы в него лучше проникала теплота и шире отворялись бы поры». Юст Юль делал вывод: «У русских всего три доктора», притом «первый доктор — это русская баня».

Фридрих Христиан Вебер также заинтересовался «купанием» русских, которое они «употребляют как универсальное средство ото всех болезней». Он не

смог, конечно же, удержаться от того, чтобы не описать бани, из которых россияне «выбирают наиболее пригодную и полезную, по их мнению, против недуга». Вот что он еще отметил: «Вверху на крышах сидят дети и кричат, что бани их превосходно натоплены. Желаящие мыться в этих банях раздеваются на открытом воздухе и бегут затем в баню; когда же там достаточно пропотеют и обдадутся холодной водой, выходят на воздух или на солнце, бегают везде под кустами, шутят и балагурят между собою.

С изумлением видишь, что не только мужчины в своем отделении, но и девицы и женщины в своем, по 30, 50 и более человек, бегают, без всякого стыда и совести так, как сотворил их Бог, и не только не прячутся от сторонних людей, прогуливающих там, но еще посмеиваются над своей нескромностью».

Другой немец, оставшийся неизвестным, посетив Петербург в 1710 г., свидетельствовал: «Я частенько видал, как и мужчины, и женщины, чрезвычайно разгоряченные, выбегали вдруг нагими из очень жаркой бани и с ходу прыгали в холодную воду, сколь бы ни силен был мороз. После этого они считают себя совершенно здоровыми и бодрыми. Поэтому русские моются очень часто; пожалуй, нет ни одного домишки или хижины, даже самой бедной, при которой не стояла бы баня. Иного лечения они не знают».

Что до совместного мытья мужчин и женщин, то у петербургского начальства это всегда вызывало недовольство и правительствующий Сенат счел в конце концов, что сие «весьма противно».

Баню как «медицинское средство» описал и упоминавшийся уже Ф. Х. Вебер. По его наблюдениям, к этому средству прибегали «в тяжких болезнях» и состояло оно в следующем: «Натапливают печь обыкновенным образом, и, когда самый жар в ней, после топки, несколько спадет (до того, впрочем, что я

не мог выдержать руки на полу печи и четверть минуты), залезают в нее пять, шесть, а иногда меньше или больше, человек; когда таким образом они разместятся и разлягутся в печке, товарищ их, остающийся снаружи, прикрывает устье печи так плотно, что пациенты едва могут переводить в ней дух. Наконец, когда они не могут уже более выдержать, то начинают кричать, чтобы сторожевой отворил печь и выпустил бы их из нее дохнуть немного свежим воздухом; вздохнув, они опять залезают по-прежнему в печь и повторяют приемы эти до тех пор, пока вдоволь не распарятся, после чего, с раскрасневшим, как кумач, телом, бросаются они летом прямо в реку, а зимою (что они еще больше любят) в снег, в который и зарываются совершенно, оставляя открытыми только нос да глаза. Так зарытыми в снегу остаются они два и более часа, смотря по тому, как требует их болезненное состояние, и этот последний прием считают они одним из превосходных средств к выздоровлению».

Понятно, что Вебер в данном случае был свидетелем «массового посещения» «влазни»; вероятно, увиденное произвело на него столь необыкновенное впечатление, что он решил «зарыть» моющихся в снег на «два и более часа», чтобы еще сильнее поразить воображение читателей-соотечественников.

В XVIII в. в Петербурге появились «специальные» лечебные бани, получившие название «бадерские» (от немецкого слова, имеющего несколько значений: ванна, купание, водолечебный курорт; вспомним знаменитый немецкий город Баден-Баден). Просуществовали они более пятидесяти лет. Чтобы получить право содержать лечебную баню, нужно было испрашивать разрешение правительства.

Считается, что первым бадером в России был лекарь Христофор Паульсон, привезенный Петром I из Риги в

1720 г.. После смерти Петра I должность придворного бадера была упразднена.

И. Г. Георги писал в 1794 г.: «Для простого народа... бани суть необходимо нужны. Почти всякий старается единожды в неделю или так часто, как может, ходить в баню, и в каждой части города имеются для того у воды несколько публичных бань для мужеска и женска полу.

Публичные бани... находятся обыкновенно в весьма обветшалых деревянных домах».

«Публичные» (иначе «торговые», «народные», «общие») бани держали поначалу крестьяне, переселившиеся на берега Невы. Потом «банным промыслом» стали заниматься купцы, чиновники.

Бани не топили в большие церковные праздники (были закрыты в продолжение всей Страстной недели); если же последние приходились на банные дни, например на четверг или субботу, то бани работали в среду или пятницу.

Топили бани (но не все) два раза в день: с полуночи — утренние, с полудня — «вечеровые»; в этом была необходимость, потому что от беспрестанного поливания водой каменка остывала. Утренние бани открывались к заутрени, в церковный благовест, а вечеровые — к вечернему звону.

Но одной бани, как развлечения, было мало.

Рабочие, несмотря на запреты полиции, играли не только в карты, но и в кости, вели кулачные бои. Ходили в лес по грибы и ягоды, устраивали игры, пели песни. Посещение церкви являлось обязательным, что подтверждается указами.

Известна история, как московские мастеровые, переведенные в Петербург на позументную фабрику, очень скоро познакомились с обхождением Санкт-петербургским. Однажды они запели песни на улице, за что были тотчас арестованы и биты кошками. Из-за

отсутствия поручителей они долго не могли освободиться из полиции.

При длинном рабочем дне досуг мастеровых был коротким. Но и немногие свободные часы занять было нечем. Работных людей не подпускали к разбитым в столице садам, кунсткамере и библиотеке.

По праздникам множество народа собиралось на большом лугу в окрестностях столицы, они разбивались на две партии и дрались с ожесточением, до крови. Хотя кулачные бои и были запрещены, в кабаках мастеровые нередко пробовали силу своих кулаков «в любовном бою». Во хмелю такие бои заканчивались иногда трагически.

Были в Петербурге и общие праздники по случаю каких-либо важных событий. И обязательным атрибутом таких празднеств были фейерверки, приводившие всех в восхищение.

Артиллерист Михайло Данилов издал в 1777 г. «Руководство производства фейерверков», где рассказывает об истории этого зрелища.

«Художественные огни изготовляли Преображенского полка бомбардирские офицеры Карчмин и писаря, которых записки для составления ракет и до нашего времени сохранены. В тогдашнее время фейерверк исполняла помянутая рота: потом, когда граф Миних был фельдцейхмейстером, то составление и изготовление фейерверков зависело только от артиллерии. В России первым фейерверком был, а потом и оберфейерверкером г. Демидов, а по нем фейерверкером г. Мартынов, находящийся ныне при артиллерии генерал-поручиком. После него находясь я при изготовлении фейерверков так и иллюминации, удостоен был в 1756 г. в обер-фейерверкеры и во всю мою при лаборатории бытность не мало упражнялся как в военных, так и фейерверочных делах и работах».

Далее о самих фейерверках. «Фейерверк, имея в виду, что его художество недолгое время показывает свои предметы, должен дорожить столь скоро преходящими действиями и применяясь ко образу мыслей зрителей, по политическим и гражданским связям, избирать то мгновение предмета, какое выразить может его искусство так, чтобы вдруг можно было оное обозреть и чтобы все занимая и привлекая зрение которого, удовлетворяло вместе и уму, все бы согласовалось и соответствовало цели и даже последняя ракета была пущена во время, дабы не отвлечь собою напрасно взора зрителей; одним словом фейерверкер должен изобразить торжество так, чтобы всякий, будучи от онаго в полном удовольствии, умственно мог себе представить не только повод и начало, но есть ли возможно и всю историю торжества».

Английский посланник Клерк напугал русских обывателей в Устюге. В благодарность соловецкому воеводе за травлю зайцев, Клерк ответил роскошным обедом, после которого был устроен фейерверк. Было пущено несколько ракет и шутих и, кроме того, зажжено целых сто бочек смолы □ при громадном стечении народа, собравшегося на это необычайное зрелище... Ракеты были приняты крестьянами за огненных змей, и они в страхе разбежались.

Крестьяне в страхе разбежались в 1674 г., но в XVIII в. фейерверка уже не пугались; наоборот, фейерверками любовались, и они имели громадное воспитательное значение.

Фейерверк, если перевести его на современный язык, соответствовал передовой статье современной правительственной газеты. Правительству необходимо было произвести то или иное влияние на умы. Манифесты могли слышать немногие; печатные указы опять-таки были достоянием немногих: грамотеев в то время было мало, да и самый текст манифестов,

написанный в канцеляриях сначала по-немецки, а затем переведенный на русский, а если и написанный прямо «по-русски», то, во всяком случае, с оборотами и конструкциями фраз вполне не русскими, с трудом разбирался и понимался.

Но когда перед глазами тысячной толпы из горящего орла, который словно парил в вышине, вылетала ракета, попадала в льва, зажигала его, после чего лев разлетался в куски, — всякий, даже только недавно ставший постигать ту иноземщину, которую Петр Великий вводил на русской земле, понимал, что орел — это российская держава, а лев — исконный враг, шведский король, и что орел победил этого льва, уничтожил его планы покорить Россию. Вот почему экономный и расчетливый Петр не жалел денег на эти огненные забавы; его примеру следовали и преемники. Фейерверки стали терять свой смысл лишь в конце XVIII - начале XIX в., когда они сделались одной из принадлежностей раз и навсегда принятого церемониала.

Между тем, для каждого фейерверка первой половины XVIII в. надо было прежде всего сочинить сценарий. К этой работе привлекались деятели науки и искусства. Проекты иллюминаций и фейерверков делали лучшие художники и ученые. В делах академии наук, например, сохранился рисунок самого Ломоносова; который представляет Геркулеса, облокотившегося на земной шар и держащего в другой руке свою знаменитую палицу. Составленный проект поступал на «аппробацию», и если он удостоивался утверждения, то его отсылали в артиллерийскую лабораторию, и тут-то искусные мастера и своего рода художники должны были оживить картину при помощи пиротехнических средств.

Нельзя забывать, что эти работы производились экстренно. Сегодня, едва переводя дыхание, на

курьерской тройке прибывал в столицу курьер; выстрелами из Петропавловской крепости давалось знать населению, «что победоносным Российским воинством одержана еще одна победа». Затем был молебен, а вечером, самое позднее, на другой вечер, должна была быть зажжена иллюминация, должны загреметь пушечные выстрелы и разноцветный дождь ракет должен был озарить темную петербургскую ночь...

Молебен — церковное богослужение, включающее благодарственное или просительное моление. Молебны бывают общие, совершаемые в храме перед литургией или после нее, после утрени или вечерни, и частные, которые совершаются и на дому по желанию отдельных лиц. К общим относятся молебны в храмовые праздники, по поводу больших государственных событий и бедствий.

Вот описание фейерверка 1721 г.: «Во время шведского мира 1721 года на Петербургском острове против Сената сделан был Янусов дом великим фигурным театром и убран весь фонарями разноцветными, в воротах план фитильной нарисован Янусов древней, мирорешительной. Противу того дома поставлены две особы, первая в знак императора Петра Великого, другая в знак короля Шведского и около дома по плану фитильному и возле их пирамиды, колеса и всякие огненные фигуры, да от того же дому протянута веревка к Сенатской галерее, и на ней укреплен орел. У всего того приуготовления был сам государь. И в ночи в 12 часу сам Государь зажег орел, который полетел прямо в Янусов дом и зажег план с статуей и как стал сгорать, то те особы пошли с простертыми руками и затворили ворота янусовы, из того храма вдруг вылетело больше тысячи ракет и потом с города, из поставленных по Неве реке галер, из пушек учинилася

стрельба, подобная грому и молнии, и продолжалась с час; потом зажгли два плана: на одном корабль, идущий в гавань, с надписью: «конец дело венчает», а на другом корона Российская и Шведская, соединенные на столбе, с надписью: «соединение дружбы». По сгорании планов началась потеха огненная удивительным порядком с пирамидами, в подобие бриллианта, а на верху пирамиды корона Российская, а на другой корона Шведская и продолжалась потеха часа четыре».

Уличные празднества устраивались и в честь каких-нибудь примечательных в жизни страны событий. При Петре они становятся столь же традиционными, как карнавальные шествия и фейерверки в дни рождества, Нового года или масленицы. Совершенно естественно, что эти торжества несколько отличны от тех, что затевались по пустяковым поводам, из одного только желания повеселиться.

Сбегался народ поглядеть и на потехи Петра I.

Особенно однажды позабавило зрителей представление на реке. Под барабанный бой, пушечную пальбу и визгливое завывание дудок по Неве торжественно плыл плот из пустых бочек. На них восседали, крепко привязанные, чтобы невзначай не кувырнуться в воду, кардиналы всешутейшего собора. Плот был подцеплен к другому, тоже сделанному из бочек. На нем единственный пассажир — князь-папа. Он сидел в деревянной лохани, которая плавала в громадном котле с пивом. Этот нелепый поезд тянула на буксире хитро устроенная деревянная машина в виде морского чудовища. Верхом на нем сидел сам владыка морей Нептун. Время от времени он поворачивал трезубцем князя-папу в его котле, а тот при этом громко вопил со страху: плавать-то он не умел, а согласитесь, что утонуть в теплом и порядком грязном пиве — гибель довольно бесславная.

Такие вот нехитрые развлечения были у жителей будущей российской столицы.

КАК ВЕСЕЛИЛСЯ ВЫСШИЙ СВЕТ

Что за славная столица
Развеселый Петербург!

Из лакейской песни

«Заложили Адмиралтейство и были в остерии и веселились».

Такую ноябрьскую заметку 1704 г. находим мы в поденной записке Петра I.

Как же веселились?

«В продолжение обеда, хотя пили только из рюмок, однако ж гости под конец все до того опьянели, что большею частию и не понимали, как убралась с корабля. И не мудрено: они сидели за столом с 4 часов пополудни до 2 часов утра и все это время беспрерывно пили, так что, наконец, даже сам император едва мог стоять на ногах. Он, впрочем, объявил наперед, что в этот день намерен хорошенько напиться. Его королевское высочество (герцог Голштинский, отец Петра III) должен был отвечать на все тосты крепким венгерским вином, кроме того часто получал штрафные стаканы от императора, которому непременно хотелось напоить его и довести, как он говорил, до состояния пьяного немца. Вследствие этого его высочество так сильно опьянел, как ему никогда и в жизни не случилось. Мы принуждены были под конец носить его, потому что он не мог более держаться на ногах, причем у него, как и многих других, несколько раз начиналась рвота».

Как писал Пушкин:

Над Невою резво вьются
Флаги пестрые судов;
Звучно с лодок раздаются
Песни дружные гребцов.
В царском доме пир веселый,
Речь гостей хмельна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Датский посланник рассказывает о свадьбе Анны Иоанновны с герцогом Курляндским в ноябре 1710 г.:

«Вчерашние гости снова приглашены на дом к князю Меншикову; но на этот раз пир задал он сам, тогда как накануне пировали за счет царя. Сошлись мы в два часа. пополудни; обедали по вчерашнему, с соблюдением того же порядка, при маршале, дворецких и пр. Выпито было 17 заздравных чаш, из коих каждая приветствовалась 13-ю пушечными выстрелами. Чаши эти царь наперед записал на особый лоскуток бумаги (таков обычай при подобных случаях). По окончании обеда в залу внесли два пирога; один поставили на столе, за которым сидел я, другой к новобрачным. Когда пироги взрезали, в каждом из них оказалось по карлице. Обе были затянута во французское платье и имели самую модную высокую прическу. Та, что лежала в пироге на столе новобрачных, поднялась на ноги и, стоя в пироге, сказала по-русски речь в стихах. Декламировала она так же смело, как самая привычная и лучшая актриса. Затем, вылезая из пирога, она начала здороваться с новобрачными и с прочими лицами, сидевшими за их столом. Другую карлицу (из пирога на нашем столе) царь сам перенес и поставил на стол к молодым. Тут раздались звуки менуэта, и карлицы весьма изящно исполнили для новобрачных этот танец на обеденном столе. Каждая из них была ростом в локоть. После трапезы зажгли фейерверк,

установленный на плотках на Неве. Сперва на двух колоннах загорелось два княжеских венца; под одним стояла буква F, под другим A, а посредине, между венцами, буква P. Потом появились две пальмы со сплетшимися вершинами; над ними сияли слова: «Любовь соединяет». Далее показался купидон в рост человеческий, с крыльями и колчаном на раменах; он стоял перед наковальней, замахнувшись большим кузнечным молотом, и сковывал вместе два сердца, лежавшие на наковальне. Над этим изображением горела надпись: «Из Двух едино сочиняю». Царь, будучи капитаном фейерверкеров, сам устроил этот фейерверк. Стоя среди общества, он объяснял окружающим значение каждой аллегорической картины, пока она горела. Наконец, было пущено большое множество ракет, шумих, баллонов и разных водяных швермеров. Вообще фейерверк отличался великолепием и стоил больших денег. Вечер заключился танцами, продлившимися в этот раз до полуночи».

Вот что рассказывает современник о петровской свадьбе карликов. О петровской, потому что была еще и екатерининская.

«По изволению его царского величества рассуждено было устроить свадьбу карликов в 1710 г. после бракосочетания герцога Курляндского.

Накануне два статные, богато наряженные карлика в маленькой одноколке о трех колесах, запряженной доброй, убранной пестрыми лентами, лошадкой, разъезжали по городу с двумя всадниками □ со свадебными приглашениями. В назначенный, день, утром, пара была обвенчана в русской крепостной церкви по русскому обряду. Впереди шел нарядно одетый карлик, в качестве маршала, с жезлом, на котором висела длинная, по соразмерности, кисть из пестрых лент. За ним следовали: жених с невестой,

тоже в особенном наряде, его царское величество с несколькими министрами, князьями, боярами, офицерами и, наконец, 72 карлика обоего пола, проживающие у царя, вдовствующей царицы, князя и княгини Меншиковых и других господ, но большею частью нарочно выписанные, для настоящей церемонии, из разных краев России, иные миль за двести и более. Шествие заключалось множеством сторонних зрителей. Все эти карлики заняли середину церкви и жених на вопрос священника, хочет ли он жениться на своей невесте, громко произнес по-русски: «На ней и ни на какой другой»; невеста же на вопрос, хочет ли она выйти за своего жениха и не обещалась ли уже другому, отвечала: «Вот бы была штука!» но ее «да» чуть можно было расслышать, что возбудило единодушный смех. Венец над невестою держал сам царь, в знак особой своей милости. После венчания, все поехали водою к князю Меншикову и сели там за стол, накрытый в той же большой зале, где происходило пиршество по случаю бракосочетания герцога Курляндского. Молодые и вся прочая компания карликов, щегольски и богато одетых по-немецки, заняли несколько маленьких столов посередине залы. Над женихом и невестой, сидевшими за разными столами, возвышались два небольших шелковых балдахина и сверх того над ними, и над обеими невестиными подружками, висели лавровые венки. Угощали, как и при бракосочетании герцога, маршал и восемь шаферов, имевших кокарды из кружев и пестрых лент на правой руке, и все они так заботливо и важно расхаживали вокруг столов, потчуют гостей, как будто кроме них никого тут не было. Невестины подружки подарили сидевшему между ними крохотному форшнейдеру кокарду, за что он отплатил каждой поцелуем. По четырем сторонам залы тянулись длинные узкие столы, за которыми сидели царь с

герцогом Курляндским, русские и чужестранные министры, генералы, герцогиня Курляндская со своими сестрами и знатнейшими русскими дамами, а потом остальные князья, бояре и русские и немецкие офицеры.

Первое здоровье провозгласил маленький маршал, который, подойдя, вместе с восемью дружками, к столу его величества, поклонился ему до земли; причем все они, под звуки труб и литавр, к общему удивлению, осушили свои кубки до дна, как бы самые великорослые люди.

Позади дома поставлено было несколько небольших пушек, из которых однако же не палили, потому что молодой сын князя Меншикова лежал в тяжелой болезни, от которой в тот самый день и умер. После стола все карлики очень весело танцевали по-русски, часов до 11-ти. Какие были тут прыжки, кривлянья и гримасы, вообразить себе нельзя! Все гости, в особенности же царь, не могли довольно тем навеселиться и, смотря на коверканье и ужимки этих 72-х уродцов, хохотали до упада. У иного были коротенькие ножки и высокий горб, у другого — большое брюхо, у третьего — ноги кривые и вывернутые, как у барсуковой собаки, или огромная голова, или кривой рот и длинные уши, или маленькие глазки и расплывшееся от жира лицо».

Вечером молодых отвезли в царские палаты... Прочих же гостей распустили по домам. Таким образом окончилась эта свадьба, представившая, на общую потеху, редкий пример соединения в одном месте более 70-ти карликов.

* * *

Мы уже упоминали о маскараде 1721 г. Обратимся к очевидцу □ Ф. Берхгольцу.

«Начался маскарад, который должен был продолжаться целую неделю, и в этот же день

праздновалась свадьба князя-папы со вдовою его наместника, которая целый год не соглашалась выходить за него, но теперь должна была повиноваться воле царя. Было приказано, чтобы сегодня, по сигнальному выстрелу из пушки, все маски собрались по ту сторону реки на площади, которая вся была устлана досками, положенными на бревна, потому что место там очень болотисто и не вымощено. Площадь эта находится перед Сенатом и церковью Св. Троицы, имея с одной стороны здание художеств, с другой — крепость, с третьей — здания всех Коллегий, а с четвертой — Неву. Посредине ее стоит упомянутая церковь Св. Троицы, а перед Сенатом возвышается большая деревянная пирамида, воздвигнутая в память отнятия у шведов, в 1714 г., четырех фрегатов, в котором царь сам участвовал, за что и был произведен князем-кесарем в вице-адмиралы. Она украшена разного рода девизами. В 8 часов утра последовал сказанный сигнал, и его высочество со своими кавалерами отправился на барке к сборному месту, но покамест в плащах. В этот день в крепости не только подняли большой праздничный флаг (из желтой материи, с изображением черного двуглавого орла), но и палили, в знак торжества, из пушек, как и на галерах, стоявших по реке.

Между тем все маски, в плащах, съехались на сборное место, и пока особо назначенные маршалы разделяли и расставляли их по группам, в том порядке, в каком они должны были следовать друг за другом, их величества, его высочество и знатнейшие из вельмож находились у обедни в Троицкой церкви, где совершилось и бракосочетание князя-папы, которого венчали в полном его костюме. Когда же, по окончании этой церемонии, их величества со всеми прочими вышли из церкви, сам царь, как было условлено, ударил в барабан (его величество представлял корабельного

барабанщика, и уж конечно не жалел старой телячьей кожи инструмента, будучи мастером своего дела и начав, как известно, военную службу с этой должности). Все маски разом сбросили плащи, и площадь запестрела разнообразнейшими костюмами. Открылось вдруг около 100 масок, разделенных на большие группы и стоявших в назначенных для них местах. Они начали медленно ходить по большой площади процессией, по порядку номеров, и гуляли таким образом часа два, чтобы лучше рассмотреть друг друга.

Царь, одетый, как сказано, голландским матросом или французским крестьянином и в то же время корабельным барабанщиком, имел через плечо черную бархатную, обшитую серебром, перевязь, на которой висел барабан, и исполнял свое дело превосходно. Перед ним шли три трубача, одетые арабами, с белыми повязками на головах, в белых фартуках и в костюмах, обложенных серебряным галуном, а возле него три других барабанщика, а именно генерал Бутурлин, генерал Чернышев и гвардии майор Мамонов, из которых оба первые были одеты, как его величество. За ними следовал князь-кесарь Ромодановский в костюме древних царей, то есть в бархатной мантии, подбитой горностаем, в золотой короне и со скипетром в руке, окруженный толпой слуг в старинной русской одежде. Царица, заключавшая со всеми дамами процессию, была одета голландской или фризской крестьянкой, в душегрейке и юбке из черного бархата, обложенных красною тафтой, в простом чепце из голландского полотна, и держала под рукою небольшую корзинку. Этот костюм ей очень шел. Перед нею шли ее гобоисты и три камер-юнкера, а по обеим сторонам восемь арабов, в индейской одежде из черного бархата и с большими цветами на головах. За государыней следовали две девицы Нарышкины, одетые точно так, как она, а за ними все дамы, сперва придворные, также

в крестьянских платьях, но не из бархата, а из белого полотна и тафты, красиво обшитых красными, зелеными и желтыми лентами; потом остальные, переодетые пастушками, нимфами, негритянками, монахинями, арлекинами, скарамушами; некоторые имели старинный русский костюм, испанский и другие, и все были очень милы. Все шествие заключал большой толстый францисканец в своем орденском одеянии и со странническим посохом в руке.

За группу царицы, как за царем, шла княгиня-кесарша Ромодановская в костюме древних цариц, т. е. в длинной красной бархатной мантии, отороченной золотом, и в короне из драгоценных камней и жемчуга. Женщины ее свиты имели также старинную русскую одежду. Его королевское высочество, наш герцог Голштинский был со своей группой в костюме французских виноградарей, в шелковых фуфайках, и панталонах разных цветов, красиво обложенных лентами. Шляпы у них были обтянуты тафтой и обвиты вокруг тульи лозами с виноградными кистями из воска. Его высочество, в костюме розового цвета, шел один впереди, отличаясь от своей группы тем, что имел под тафтяной фуфайкой короткий парчовый камзол, входивший в панталоны, и что вместо шнурков и лент платье его было обшито серебряным галуном. Кроме того, он держал в руке виноградный серп. За ним шла его свита в три ряда, по три человека в каждом: именно первый ряд в зеленых костюмах, второй в желтых, третий в голубых. Ленты на тафтяных фуфайках были у них также разноцветные, но нашиты у всех одинаково, шляпы же одного цвета...

Группа его высочества была одной из лучших. Маски, следовавшие за нею, отличались красивыми и самыми разнообразными костюмами. Одни были одеты, как гамбургские бургомистры в их полном наряде из черного бархата (между ними находился и князь

Меншиков); другие — гвардейские офицеры, как римские воины, в размалеванных латах, в шлемах и с цветами на головах; третьи, как турки, индийцы, испанцы (в числе их был крещеный жид и шут царя Ля-Коста), персияне, китайцы, епископы, прелаты, каноники, аббаты, капуцины, доминиканцы, иезуиты; некоторые, как государственные министры, в шелковых мантиях и больших париках, или как венецианские nobili; наконец, многие были наряжены жидами (здешние купцы), корабельщиками, рудокопами и другими ремесленниками.

Самыми странными были князь-папа, из рода Бутурлиных, и коллегия кардиналов, в их полном наряде, они величайшие и развратнейшие пьяницы; но между ними есть некоторые из хороших фамилий. Коллегия эта и глава ее, так называемый князь-папа, имеют свой особый устав и должны всякий день напиваться допьяна пивом, водкой и вином. Как скоро один из ее членов умирает, на место его тотчас, со многими церемониями, избирается другой отчаянный пьяница. Поводом к учреждению ее царем был, говорят, слишком распространившийся между его подданными, особенно между знатными лицами, порок пьянства, который он хотел осмеять, и вместе с тем предостеречь последних от позора. Многие губернаторы и другие сановники имели в этом случае одинаковую участь с людьми, менее их знатными, и не были избавлены от поступления в коллегия. Но другие думают, что царь насмехается над папой и его кардиналами, тем более, что он, как рассказывают, не щадит и своего духовенства, приказывая ежегодно, перед постом, исполнять одну смешную церемонию.

В прежние времена в Москве всякий год, в Вербное Воскресенье бывала особенная процессия, в которой патриарх ехал верхом, а царь вел лошадь его за поводья через весь город. Вместо всего этого бывает

теперь совершенно другая церемония: в тот же день князь-папа с своими кардиналами ездит по всему городу и делает визиты верхом на волах и ослах, или в санях, в которые запрягают свиней, медведей, или козлов. Я думаю скорее, что его величество имел в виду первую причину. Конечно, он может иметь тут и еще другую, скрытую цель, потому что, как государь мудрый, всячески заботится о благе своего народа и всеми мерами старается искоренять в нем старые грубые предрассудки. Я было забыл при этом случае упомянуть, что князь-папа для прислуги имеет 10 или 12 человек, тщательно набираемых для него во всем государстве, которые не могут говорить как следует, страшно заикаются и делают при том самые разнообразные телодвижения. Они обязаны прислуживать ему и всей коллегии во время празднеств, и имеют свой особенный смешной костюм.

Но возвращаюсь к маскараду. Кроме названных масок, были еще в разных уморительных нарядах сотни других, бегавших с бичами, пузырями, наполненными горохом, погремушками и свистками и делавших множество шалостей. Были некоторые и отдельные смешные маски, как, например, турецкий муфтий в обыкновенном своем одеянии, Бахус в тигровой коже и увешанный виноградными лозами, очень натуральный, потому что его представлял человек приземистый, необыкновенно толстый и с распухшим лицом. Говорят, его перед тем целые три дня постоянно поили, причем ни на минуту не давали ему заснуть. Весьма недурные были Нептун и другие боги; но особенно хорош и чрезвычайно натурален был Сатир (танцмейстер князя Меншикова), делавший на ходу искусные и трудные прыжки. Многие очень искусно представляли журавлей. Огромный француз царя и один из самых рослых гайдуков были одеты, как маленькие дети, и их водили на помочах два крошечных карла, наряженные

стариками с длинными седыми бородами. Некоторые щеголяли в костюмах прежних бояр, т. е. носили длинные бороды, высокие собольи шапки и парчовые кафтаны под шелковыми охабнями, и ездили верхом на живых ручных медведях. Так называемый тайный кухмистер был весь зашит в медвежью шкуру и превосходно представлял медведя; сначала он несколько времени вертелся в какой-то машине, похожей на клетки, в которых прыгают белки, но потом должен был ездить верхом на медведе. Кто-то представлял индийского жреца, увешенного бубенчиками и в шляпе с огромными полями. Несколько человек были наряжены, как индейские цари, в перья всевозможных цветов, и т. д.

Погоуляв, при стечении тысяч народа, часа два по площади и рассмотрев хорошенько друг друга, все маски, в том же порядке, отправились в здания Сената и Коллегий, где за множеством приготовленных столов князь-папа должен был угощать их свадебным обедом. Новобрачный и его молодая, лет 60-ти, сидели за столом под прекрасными балдахинами, он с царем и господами кардиналами, а она с дамами. Над головою князя-папы висел серебряный Бахус, сидящий верхом на бочке с водкой, которую тот цедил в свой стакан и пил. В продолжение всего обеда человек, представлявший на маскараде Бахуса, сидел у стола также верхом на винной бочке и громко принуждал пить папу и кардиналов; он вливал вино в какой-то бочонок, причем они постоянно должны были отвечать ему...

После обеда (11-го числа), все маски, по данному сигналу, собрались опять на вчерашнее место, чтобы проводить новобрачных через реку в Почтовый дом, где положено было праздновать другой день свадьбы. Все в том же порядке, как накануне, отправились в собственный дом князя-папы, где он стоял у дверей и, по своему обычаю, благословлял гостей (по способу

русского духовенства), давая таким образом в одно и тоже время и папское и патриаршее свое благословение. Всякий, прежде чем проходил далее, выпивал при входе по деревянной ложке водки из большой чаши, потом поздравлял папу и целовался с ним. После того молодые присоединились к процессии масок, которые, обойдя раза два вокруг пирамиды, сели на суда и переехали, под разную музыку и при пушечной пальбе в крепости и Адмиралтействе, на другую сторону реки, в Почтовый дом, назначенный для угощения.

Машина, на которой переплывали через реку князь-папа и кардиналы, была особенного, странного изобретения. Сделан был плот из пустых, но хорошо закупоренных бочек, связанных по две вместе. Все они, в определенном расстоянии одна от другой, составляли шесть пар. Сверху, на каждой паре больших бочек, были прикреплены посредине еще бочки поменьше или ушаты, на которых сидели верхом кардиналы, крепко привязанные, чтобы не упали в воду. В этом виде они плыли один за другим, как гуси. Перед ними ехал большой пивной котел с широким дощатым бортом снаружи, поставленный также на пустые бочки, чтоб лучше держался на воде, и привязанный канатами и веревками к задним бочкам, на которых сидели кардиналы. В этом-то котле, наполненном крепким пивом, плавал князь-папа в большой деревянной чашке, как в лодке, так что видна была почти одна только его голова. И он, и кардиналы дрожали от страха, хотя совершенно напрасно, потому что приняты были все меры для их безопасности. Впереди всей машины красовалось большое, вырезанное из дерева, морское чудовище, и на нем сидел верхом явившийся на маскарад Нептун со своим трезубцем, которым он повертывал иногда князя-папу в его котле. Сзади на борту котла, на особой бочке, сидел Бахус и

беспреданно черпал пиво, в котором плавал папа, немало сердившийся на обоих своих соседей. Все эти бочки, большие и малые, влеклись несколькими лодками, причем кардиналы производили страшный шум коровьими рогами, в которые должны были постоянно трубить. Когда князь-папа хотел выйти из своего котла на берег, несколько человек, нарочно подсланных царем, как бы желая помочь ему, окунули его совсем с чашей в пиво, за что он страшно рассердился и немилосердно бранил царя, которому не оставлял ни на грош совести, очень хорошо поняв, что был выкупан в пиве по его приказанию. После того все маски отправились в Почтовый дом, где пили и пировали до позднего вечера. Сегодня (17-го числа) окончился маскарад, и хотя в продолжение восьми дней наряженные не постоянно собирались, однако ж никто, под штрафом 50 рублей, не смел все это время ходить иначе, как в маске. Поэтому все радовались, что удовольствия на первый раз кончились».

* * *

Если бы вам довелось попасть в Петербург 26 ноября 1718 г., вы бы заметили, что на его и без того шумных улицах царит какое-то особое оживление. На перекрестках, у ворот того или иного дома толкся, собираясь кучками, народ, судя по одежде — все больше люди средних сословий. Что-то обсуждали, спорили. Наибольшим ажиотажем были охвачены те, которые толпились вокруг уличных фонарей. На фонарях висели какие-то объявления, и грамотеи читали их вслух. Понять, однако, толком было трудно. Чтецов-добровольцев перебивали вопросами. Иногда их голоса тонули в хоре восклицаний, то ли одобрительных, то ли нет — поди-ка разбери при таком шуме.

Но вот в общий галдеж ворвалось мерное деловитое постукивание барабана. Люди отхлынули от фонарей. Топтавшиеся до того в задних рядах первыми устремились вслед за барабанщиком. А тот, словно не видя, что за ним выросла целая свита, невозмутимо шагал по улице и, не поворачивая головы, выкрикивал в такт отбиваемой им дробы: «... начнутся 27 числа сего месяца. Первая будет у князь-папы, а потом будут следовать другие, кому сказано будет, от того хозя...»

Барабанщик повернул за угол. Кое-кто из сопровождавшей его толпы отстал и вернулся к фонарям. Они явно разобрались уже, в чем дело, и спешили поделиться своими соображениями с остальными.

Что же так взбудоражило в этот день петербуржцев?

Всего-навсего указ об ассамблеях.

Пожалуй, лишь ближайшие сподвижники Петра, ну и те, конечно, кому удалось побывать в Западной Европе, отчетливо представляли себе, что такое ассамблея. Для большинства же само слово было совершеннейшей новостью — его услышали на Руси впервые. Поэтому указ начинался с подробного разъяснения названия и того, что за ним кроется.

«Ассамблея — слово французское, которого на русском языке одним словом выразить невозможно, но обстоятельно сказать: вольное в котором доме собрание или съезд делается не для только забавы, но и для дела; ибо тут можно друг друга видеть и о всякой нужде переговорить, также слышать, что где делается, при том же и забава».

Далее шел уже собственно указ.

«А каким образом оные ассамблеи отправлять, определяется... пунктом, покамест в обычай не войдет.

1. В каком дому имеет ассамблея быть, то надлежит письмом или иным знаком объявить людям, куда

всякому вольно придти, как мужескому полу, так и женскому.

2. Ранее 5 или 4 часов не начинается, а долее 10 пополудни не продолжается.

3. Хозяин не повинен гостей ни встречать, ни провожать, ни подчивать... но токмо повинен несколько покоев очистить, столы, свечи, питье, употребляемое в жажду, кто попросит, игры, на столах употребляемые.

4. ... также тут быть столько, кто хочет, и отъехать волен, когда хочет.

5. Во время бытия на ассамблее вольно сидеть, ходить, играть, никто другому прешкодить или унимать, также церемонии делать вставанием, провожанием и прочее отнюдь не дерзает под штрафом великого орла, но только при приезде и отъезде поклоном почтить можно.

6. Определяется, каким чинам на оные ассамблеи ходить, а именно: с высших чинов до обер-офицеров и дворян, также знатным купцам и начальным мастеровым людям, также знатным приказным, тож разумеется и о женском поле, их жен и детей».

Любопытный документ, не правда ли? А главное, неожиданный. У современного человека как-то не укладывается в сознании, для чего он понадобился: неужто тогда и веселиться можно было лишь по высочайшему приказу? У некоторых же, наверное, возникнет и другой вопрос: чего ради столько волнений из-за подобного указа? Можно подумать, что по меньшей мере о введении нового налога объявили.

Указ 1718 г. знаменует ломку старых бытовых традиций во имя более разумных требований времени. Предлагается новая форма общественного сближения, и в ней нет места типичной для Московской Руси замкнутости — национальной, сословной и семейной. На ассамблее русский и иностранец, титулованный сановник и мастеровой, мужчина и женщина должны

чувствовать себя на равной ноге. Притом «вольно»: хочешь — танцуй, хочешь — сиди, в шахматы, шашки играй, разговаривай (сюда ведь, как помните, приходят не только развлекаться, но и потолковать о делах да о том, что на белом свете делается). И поменьше церемоний: кому нужны все эти утомительные поклоны в пояс и до земли, торжественные встречи и проводы, длиннющие тосты на полчаса каждый.

Однако растолковывать таким вот образом пункты указа — занятие, признаться, довольно скучное. Заглянем лучше на одну из петровских ассамблей. На какую — безразлично, порядки ведь на них одинаковые. Только не надо мешкать. Зимой в Петербурге темнеет рано. Уже к четырем часам пополудни город погружается в лиловые сумерки, незаметно сменяющиеся полной темнотой. Уличных же фонарей пока мало. Впрочем, обойдемся и без них. Вот, кажется, то, что мы ищем. Большой двухэтажный дом. Его окна ярко освещены, на разукрашенных морозом стеклах движутся какие-то тени.

Фыркают лошади, скрипит снег под полозьями саней. Одни, другие, третьи... десятые. Подкатывают к самому крыльцу, куда легко спрыгивают или степенно спускаются — это уж смотря по возрасту или темпераменту — седоки, исчезающие за гостеприимной дверью.

Обширные сени. Здесь блаженно тепло. Пахнет чем-то вкусным. Но к дразнящим обоняние запахам примешиваются иные — крепкого трубочного табака, мускуса, горячего воска. Из соседнего помещения несутся звуки оркестра. Полонез. Танцы всегда открываются польским, значит, они начались недавно. Гости рангом пониже спешат прямо туда, где гремит музыка, откуда плывут такие соблазнительные ароматы. Те же, что починовнее, еще мешкают в сенях: им нужно «устроить» в компанию к хозяйским слугам

своих лакеев: и тем, и другим — гласит седьмой пункт известного вам указа — «в апартаменты невольно входить, но быть в сенях или где хозяин определит».

Войдя в танцевальный зал, на какую-то секунду зажмуриваешься. Яркий свет режет привыкшие к сумраку глаза. Не менее двадцати свечей зажжено в спускающейся с потолка массивной серебряной люстре, да на окнах стоят целые пирамиды из горящих свечей, вставленных в многосвечники из того же благородного металла.

Завсегдатаи ассамблей (видно, и в этом доме они не впервые) чувствуют себя превосходно. Любители потанцевать устремляются приглашать дам на «миновею» (менуэт). Дамы сидят отдельно от мужчин. «Если не танцуешь, словечком с ними не перекинешься», — ворчит один из гостей-иностранцев. Люди солидные, осторожно обходя скользящие по паркету пары, усаживаются за шахматы и, забыв обо всем на свете, погружаются в обдумывание какого-то головоломного хода. Словом, каждый находит занятие по вкусу. Лишь заядлые картежники чувствуют себя не у дел. Петр I терпеть не мог карт (как и других азартных игр), и на ассамблеях они были строго-настрога запрещены.

Что до новичков, то они еще некоторое время жмутся в спасительной близости к двери, с любопытством, однако, озираясь по сторонам. Зал обширный. Танцует никак не меньше двадцати пар, да еще куча народа стоит или сидит вдоль стен. И всем места хватает. Никому не мешает даже уставленный холодными кушаньями стол и стоящий позади него грандиозный буфет черного дерева, на котором сверкает хрустальная и серебряная посуда. Стены обтянуты дорогими штофными обоями, по ним развешаны зеркала и портреты в золоченых рамах. Из глубины черных фонов высокомерно щурятся на

собравшееся здесь пестрое, разносословное общество кавалеры каких-то орденов, загадочно улыбаются красавицы в пышных туалетах. Вон и портрет государя в латах, с маршальским жезлом в руках. Несомненно, хозяин дома не просто богатый человек, но и лицо сановное.

В глубине зала виднеется еще дверь. Потому ли, что она распахнута на обе половины, или по другой какой причине, но только есть в этой двери что-то удивительно притягательное для большинства нетанцующих мужчин. Нет-нет да и исчезают они в ее светящемся проеме и возвращаются заметно повеселевшими. А дело в том, что в покое за таинственной дверью стоит длинный-предлинный стол. На нем щедрой рукой расставлено всевозможное жаркое — молочные поросята, гуси, индюшки, даже бараний бок с кашей. И все это так аппетитно выглядит («говорят, хозяин держит повара-немца и большое вознаграждение ему за умение положил»), что и есть не хочешь — все равно слюнки потекут. Посреди стола — огромный серебряный поднос с грудями сластей. Конечно, нет недостатка и в крепких напитках.

Обратите внимание, что сервировка стола отличается от древнерусской. Тарелки уже не из драгоценных металлов, а из фарфора, но не из соображений дешевизны. Секрет изготовления фарфора в Европе был открыт совсем недавно, и за изделия из него поначалу платили бешеные деньги. Купить столовый сервиз, подобный тому, что красуется здесь на столе, мог позволить себе только очень богатый человек.

Среди сосудов для питья преобладают стеклянные и хрустальные довольно большие, расширяющиеся кверху стаканы и кубки (те и другие были мало употребительны в древнерусском быту). На некоторых резаны вензеля, государственные орлы, а на одном

стакане — вон он стоит у самого подноса со сладостями,— если присмотреться, прочтешь ликующую надпись: «Виват, царь Петр Алексеевич!» Разумеется, она видна гораздо отчетливее, когда стакан до краев наполнен кроваво-красным вином.

Попадаются и серебряные сосуды. Главным образом чарки, украшенные чеканными узорами, расписной эмалью или чернью, на которой расцветают пышные золотые цветы. Совсем как в конце XVII в. Однако форма уже не та. Некоторые, правда, похожи еще на чашечки с плоскими припаянными к краю бортика ручками. Но уж очень они мелкие и маленькие — только под водку и крепкие вина годятся — да и поддонцев у них нет. Другие и вовсе необычные: то в виде «корзиночек» с двумя-четырьмя ручками-завитками, то наподобие низеньких стаканчиков на дурых ножках-шариках или птичьих лапах. Одна слава, что чарки...

Есть тут также несколько золоченых с чернью кружек. В былые времена их не очень у нас жаловали. Видно, и сейчас они не слишком в фаворе: на такой громадный столик — одна, две... всего пять штук. Не сразу и заметишь их среди другой посуды.

А вот столь любимых в русском средневековье серебряных горш-кообразных братин и плоскодонных с высокими гнутыми рукоятями ковшей вы здесь, безусловно, не найдете. Разве что за дверцами буфета. Но если станут их оттуда вынимать, то лишь для того, чтобы показать какому-нибудь любознательному гостю-иностранцу, что и встарь на Руси были искусные мастера-ювелиры. Иной же раз снимут с полки массивный, тяжелый ковш. И начинает он, пустой, ходить по рукам. Передают его гости один другому, селятся разобрать надпись, вырезанную по золоченому бортику замысловатой вязью, и почтительно слушают рассказ владельца о том, за какие заслуги перед

московским престолом получили он или его ближайшие предки сей дар.

При Петре тоже жаловали серебряными ковшами. Но не за ратные подвиги, не за «художества» (хотя такое и случалось), а главным образом за хорошо и вовремя проведенный таможенный сбор и разные другие мероприятия в интересах казны (к слову сказать, серебряный ковш сохранил свое наградное значение вплоть до 20-х годов XIX в.). За воинские же заслуги, дипломатические, иногда и просто в знак расположения императора к тому или иному лицу жалуют теперь миниатюрные портреты Петра. Они написаны по эмали, а основой служит овальная золотая пластинка. Носят их на шейных лентах наподобие орденов. После Полтавской баталии Петр лично раздавал такие портреты в обрамлениях из алмазов всем штаб- и обер-офицерам, отличившимся в сражении. Может быть, некоторые из них были выполнены Григорием Мусикийским — имя этого первого русского миниатюриста встречается уже в документах 1709 г.

Среди тех, кто собрался на сегодняшней ассамблее, также есть несколько счастливцев, удостоенных подобного знака отличия. «За что это он, за что?» — любопытствует кто-то из недавних «новичков», вполне уже освоившихся с обстановкой. Многие, к своему удовольствию, обнаружили добрых знакомых. Пока в танцах наступил перерыв и дам обносят чаем, всяческими вареньями, лимонадом и горячим шоколадом (они вошли в моду с легкой руки герцога Голштинского), можно посудачить о некоторых из присутствующих.

— Кто этот полный господин с веселым лицом? Тот, что отвечает — бог мой! — какой церемонный поклон красивой черноглазой даме.

— Госпоже Лопухиной? Неужто вы его не узнаете! Генерал-прокурор Ягужинский. Царь всех балов, он и мертвого расшевелит. Недаром государь поручил ему надзор за ассамблеями.

— А вы слышали, какую штуку-то князь-кесарь недавно выкинул? — вмешивается в разговор третий собеседник. — Да нет, не здесь, в Москве. — На зычный голос словоохотливого рассказчика повернулись еще несколько человек и подошли поближе послушать. — Назвал к себе гостей, а встречать их поставил любимца своего — медведя. Грома-ад-нейший.. . где только такого раздобыл! Так вот, значит, гость только на крыльцо подымается, а навстречу ему этакая махина идет на задних лапах. В передних — поднос со здоровенным стаканом данцигской водки. Загородит Мишка дверь, рычит и поднос в рожу тычет: выпей, дескать, а не то — с жизнью прощайся. Скотина предобрейшая, совсем ручная. Да гостю-то невдомек, у него от страха зубы дробь выбивают. До водки ль тут! А князь Федор Юрьевич из окна смотрит, смеется: «Не упрямясь, — говорит, — батенька, выпей, коли от души предлагают».

Смеются и слушатели. Такие медвежьи шутки в те годы мало кого оскорбляли, исключая разве тех, на кого они были направлены.

Время близится к восьми. Ждут императора. Обычно он приезжает в шесть часов, а сегодня что-то запаздывает. Нельзя сказать, чтобы ожидание это было чересчур нетерпеливым. Если у Петра хорошее настроение, обходительнее и веселее его человека нет. Для каждого приветливое или шутливое слово найдется. К одному подсядет перекурить, к другому — за шахматной доской силами помериться. Охотно вступает в деловую или живую, остроумную беседу. Но горе тому, кто, ободренный вниманием и простотой обращения своего собеседника, начнет вдохновенно

завираться или, еще того хуже, «в нечестных словах задирать» кого-нибудь из присутствующих. Если в наказание придется осушить «большого орла» — почтеннейших размеров кубок крепкого венгерского, — считайте, что проштрафившийся счастливо отделался.

Неутомимым танцором был Петр Алексеевич, притом и затейник же! Прямо, что называется, на ходу изобретал в англезах и гроссфатерах новые фигуры.

Случалось, однако, государь являлся сильно не в духе. Да вот хоть бы на прошлой ассамблее у светлейшего. Приехал мрачнее тучи. Рта ни разу не открыл, будто язык у него отнялся. Ходил из угла в угол, головой тряс. Хотел вице-канцлер Шафиров его величество от мыслей неприятных отвлечь, начал анекдот какой-то смешной рассказывать. А тот как сверкнет на него очами — Петр Павлович своей историей и поперхнулся. Едва дождались, чтоб уехал.

Внезапно тревожное перешептывание смолкает. Император уже здесь, в зале, с ним и императрица и обе принцессы. Настроен он сегодня отменно хорошо, милостиво улыбается, шутит. Все сразу оживились. А хозяин от счастливого сознания, что дела обстоят как нельзя лучше, устремился к высокому гостю, импровизируя на ходу пышное приветствие. Одно из правил ассамблей нарушено. «Орла, орла ему! — весело кричит Петр, — и всенепременно большого!».

Само собой разумеется, что являвшиеся в первое время на ассамблеи наши боярыни и боярышни были смешны и неуклюжи. Затянутые в крепкие корсеты, с огромными фижмами, в башмаках на высоких каблуках, с пышно расчесанною и большей частью напудренною прическою, с длинными «шлепами», или шлейфами, они не умели не только легко и грациозно вертеться в танцах, но даже не знали, как им стать и сесть. Кавалеры были также под стать дамам, и их, при чрезвычайной неловкости, крайне стесняла одежда:

шитые кафтаны с твердыми, как железные листы, фалдами, узкие панталоны, плотно натянутые чулки с подвязками, тяжелые башмаки, висевшие у бока шпаги, перчатки и «аллонжеловые» парики с длинными завитыми в букли волосами. Но мало-помалу все привыкли к новым костюмам. Женщины, выпущенные на свободу, почувствовали силу красоты; в них пробудилось тщеславие и желание обращать на себя внимание; они сделались смелы и развязны. Пленные шведы получили свободный доступ в боярские дома и зарабатывали хорошие деньги, обучая боярышень заморским манерам и модным танцам.

Скоро петровские ассамблеи уже не требовали принудительных мер, и бывшие теремные затворницы и прежние боярские сынки отплясывали столь усердно, что удивляли своей неутомимостью и ловкостью даже иностранцев.

Из указа Петра I :

Замечено, что жены и девицы, на ассамблеях являющиеся не зная политесу и правил одежды иностранной, яко кикиморы одеты бывают. Одев робы и фижмы из атласу белого на грязное исподнее, потеют гораздо, отчего зело гнусный запах распространяется, приводя в смятение гостей иностранных.

Указую: впредь перед ассамблеей мыться в бане с мылом со тщанием и не только за чистотой верхней робы, но и за исподним также следить усердно, дабы гнусным видом своим не позорить жен российских.

На ассамблеях танцы делились на церемониальные и английские. К первым принадлежали польский (полонез) и менуэт, ко вторым «англез», «аллеманд», английский контраданс и другие. Мы опишем некоторые из этих танцев, так как они уже отошли в прошлое и теперь никому не известны.

Менуэт отличался мерностью и церемонностью движений; танцоры двигались мелкими, размеренными шагами, стараясь придать своим фигурам изящные позы, причем дамы, грациозно опустив руки, слегка приподымали пальцами полы своих юбок. Менуэт складывался из четырех хореографических движений. Первое состояло из двух коротких полушагов правой и левой ноги. Во втором движении танцор делал движение правой ногой, приподнимаясь на носках. Медленным опусканием пятки правой ноги он переходил в третье движение, причем правая нога плавно сгибалась; затем повторялся полушаг, и скользящим движением вперед левой ноги, составлявшим четвертый ритм, танец завершался. Далее следовало повторение тех же движений, как это, впрочем, делается почти во всех танцах. Таким образом, менуэт состоял преимущественно из приседаний. Танцевали его парами под монотонные и бедные мелодией звуки менуэтной музыки.

Англез состоял всегда из двух темпов и отличался живостью и картинностью движений, давая женщине возможность выказать свою грацию. Он танцевался также парами и представлял собою, по идее, пантомиму ухаживания. Танцорка делала движения такого рода, как будто она убегает и уклоняется от ухаживаний кавалера, ее преследующего; то вдруг, точно поддразнивая его и кокетничая, останавливается в обольстительной позе и, едва он к ней приближается, мгновенно оборачивается в сторону и скользит по полу. Одной из разновидностей англеза явился впоследствии экосез.

Аллеманд начинался собственно гроссфатером. Дамы становились по одну сторону, кавалеры — по другую. Музыканты играли нечто вроде марша, и в продолжение этой музыки кавалеры и дамы первой пары делали реверансы своим соседям и друг другу,

потом брались за руки, делали круг влево и становились на свое место. После первой пары делали то же самое, одна за другой, следующие пары. Когда туры оканчивались, музыка начинала играть веселый мотив, и аллеманд переходил в оживленный танец. Танцующие пары связывали себя носовыми платками и каждый из танцевавших, попеременно идя впереди, должен был выдумывать новые фигуры. Иногда танцующие, имея во главе музыканта, переходили из одной комнаты в другую и обходили таким образом весь дом.

Петру, который в этот вечер словно сбросил с себя добрый десяток лет, взбрела на ум шальная мысль: поставить в пары с самыми молоденькими дамами убеленных сединами старцев. Напрасно ссылались перепуганные «кавалеры» на терзающие их недуги, на неискушенность в такого рода делах. Петр неумолим. Подагра? Нет лучшего средства против подагры, чем тот танец, каковому он их намерен обучить. Фигуры же в нем простые, нечего тут и уметь. Пусть лишь внимательно смотрят да все движения за ним повторяют. И вдруг начал такие замысловатые «каприоли» выделявать, каких, верно, никому еще видеть не приходилось. Темп танца ускоряется и ускоряется. Старики путаются в фигурах, кряхтят, стонут. Некоторые, вконец обессиленные, на пол садиться стали. Их бойкие партнерши тянут горе-танцоров за руки. Зрители хохочут... Сколько при этом было выпито штрафных «орлов», больших и малых!

Всеми, однако, бывает конец. Пора и по домам. В последний раз поднимают бокалы: «За Ивана Михайловича и его деток!» — традиционный тост за корабли русского флота. Теперь надо только узнать, когда и у кого будет следующая ассамблея. В Петербурге оповещал об этом обер-полицмейстер, в Москве — комендант города. Но все очереди заранее

расписывались самим Петром. Он и себя из этого списка не исключил, приемы же устраивал в петербургском Почтовом доме (на месте этого здания в конце XVIII в. вырос Мраморный дворец). Так вот, оказалось, что теперь принимать гостей настал черед канцлера Гавриилы Ивановича Головкина.

Когда назвали имя Головкина, на многих лицах замелькали улыбки. Гавриила Иванович, даром что такой пост занимал и ни в чем нужды не имел, скареда был величайший. Говорили, что дома он никогда не надевал парика, а держал его на подставке в приемной: все до времени проносить боялся. Устраивать же у себя многолюдные собрания было для него горче горького.

В Петербурге «ассамблейный сезон» открывался и закрывался балом у Меншикова. В Москве — когда у кого.

* * *

В первых строках указа об ассамблеях оговаривалось, что правила отправления их «определяются... покамест в обычай не войдет». В обычай все это вошло на редкость быстро. Давно ли отошли те времена, когда танцы считались развлечением греховным, «бесовским скаканием» назывались. А теперь, по распоряжению архиепископа Феодосия, вице-президента «святейшего Синода», ассамблеи устраивают и духовные лица. Даже настоятели монастырей. Они прекратились (всего на два года) лишь после смерти Петра. Потом в 1727 г. появился указ об их возобновлении, по содержанию своему — почти копия первоначального. Но уже примерно с 1730 г. ассамблеи утрачивают характер официально предписанного «развлекательного мероприятия» и прочно входят в русский быт как нечто вполне естественное, само собой разумеющееся.

Музыка на ассамблеях была сначала духовая: трубы, фаготы, гобои и литавры; но в 1721 г. герцог Голштинский привез с собой небольшой струнный оркестр, понравившийся до такой степени, что его наперебой каждый вечер приглашали куда-нибудь.

Конечно, ассамблеи времен Петра не отличались утонченностью обстановки. В первую пору все делалось просто: в той комнате, где обедали и ужинали, слуги, убрав столы, подметали пол вениками, раскрывали зимою окна, чтобы проветрить помещение, пропитанное запахом кушанья и прокопченное кнастером, и затем в той же самой комнате разодетые кавалеры и дамы принимались за танцы. Это происходило от тесноты тогдашних петербургских домов, почему во время собраний большею частью не было общего для всех ужина, а гости делились на две группы: когда одна ужинала, другая танцевала. Кроме того, петровская ассамблея отличалась попойками, и спаивание не только мужчин, но и дам было явлением обыкновенным.

Тем не менее, ассамблеи в какие-нибудь три-четыре года после их принудительного учреждения до такой степени привились в преобразованном русском обществе, что сделались для него потребностью и еще через несколько лет превратились в такие балы, которые по их приличию и чопорности мало чем уступали изящным версальским собраниям.

В подтверждение наших слов приведем описание двух балов при императрице Анне Иоанновне и при императрице Елизавете Петровне.

«Большая зала дворца, — пишет в 1734 г. жена английского резидента леди Рондо, — была украшена померанцевыми и миртовыми деревьями в полном цвету. Деревья, расставленные шпалерами, образовали с каждой стороны аллею, оставляя довольно пространства для танцев. Эти боковые аллеи, в которых были расставлены скамейки, давали возможность

танцующим отдыхать на свободе. Красота, благоухание и тепло в этой своего рода роще — тогда как из окон были видны только лед и снег — казались чем-то волшебным и наполняли душу приятными мечтами. В смежных комнатах подавали гостям чай, кофе и разные прохладительные напитки; в зале гремела музыка и происходили танцы. Аллеи были наполнены изящными кавалерами и очаровательными дамами в роскошных платьях. Все это заставляло меня думать, что я нахожусь среди фей, и в моих мыслях в течение всего вечера восставали картины из «Сна в летнюю ночь» Шекспира».

«Знатные лица обоего пола, — рассказывает в 1757 г. в своих записках французский дипломат граф де ла Мессельер, — наполняли апартаменты дворца и блистали уборами и драгоценными камнями. Красота апартаментов и богатство их изумительны; но их затмевало приятное зрелище четырехсот дам, вообще очень красивых и очень богато одетых. К этому поводу восхищения вскоре присоединился другой: внезапно произведенная одновременным падением всех стор темнота сменилась в то же мгновение светом 1200 свечей, отражавшихся со всех сторон в зеркалах. Заиграл оркестр из 80 музыкантов, и бал открылся. Во время первых менуэтов послышался глухой шум, имевший, однако, нечто величественное: дверь быстро отворилась настежь, и мы увидели императрицу, сидевшую на блестящем троне. Сойдя с него, она вошла в большую залу, окруженная своими ближайшими царедворцами. Зала была очень велика; танцевали за раз по двадцати менуэтов, что составляло довольно необыкновенное зрелище; контрадансов танцевали мало, кроме нескольких английских и полонезов. Бал продолжался до одиннадцати часов, когда гофмаршал пришел доложить ее величеству, что готов ужин. Все перешли в очень обширную и изящно убранную залу,

освещенную 900 свечей, в которой красовался фигурный стол на несколько сот кувертов.

На хорах залы начался вокальный и инструментальный концерт, продолжавшийся во все время банкета. Кушанья были всевозможных наций, и служители были русские, французы, немцы, итальянцы, которые спрашивали у единоплеменных им гостей, что они желают. Ужин окончился около трех часов пополуночи, после чего все разъехались».

Увеселения зимнего времени не ограничивались ассамблеями (летом они бывали только у Петра в день его именин и устраивались обычно в Летнем саду). В большой чести был театр.

Театр сам по себе — не новость для русского человека. Еще при отце Петра, Алексее Михайловиче, в подмосковном царском селе Преображенском соорудили специальное здание «комедийной хоромины». В нем и сцена была устроена, и «рамы перспективного письма» (то есть декорации) имелись, выполненные Петром Гавриловым сыном Инглесом — первым на Руси театральным художником. Игравшиеся в хороmine комедии (слово «комедийный» не определяло тогда характера пьесы, а приравнивалось к понятию «театральный») — это драмы преимущественно на библейско-евангельские сюжеты: «Действо об Иосифе», «Комедия о блудном сыне» и т. п. В XVII в. и в начале XVIII в. Москве подвизались также различные иностранные театральные труппы.

Первый театр в Петербурге появился в середине второго десятилетия XVIII в. стараниями принцессы Наталии Алексеевны. Обретался он в деревянном доме на углу будущих Сергиевской улицы и Воскресенского проспекта. Труппа небольшая — всего десять человек русских актеров и актрис. Все они остались для нас безыменными, кроме одного — карлика Кардовского.

Был и оркестр из шестнадцати музыкантов, тоже русских.

Репертуар к тому времени тоже переменялся. Пьесы духовного содержания давались редко (по этой части более всего, пожалуй, грешила Наталия Алексеевна, любившая беседовать с музами — равно почитая Мельпомену и Талию — с пером в руках). Зато охотно ставили комедии и драмы на мифологические или нравоучительные сюжеты, переделывая подчас для сцены популярные в Западной Европе новеллы и романы. У этих пьес порою были чудовищно длинные названия. Скажем: «Дафния, гонением любовного Аполлона в древо лавровое превращенная». Но, по крайней мере, нетерпеливый или склонный к излишней чувствительности зритель заранее знал, что ему предстоит смотреть и какого рода переживания его ожидают. Бывают ведь такие чудаки, которые чувствуют себя бессовестно обманутыми, если они рассчитывали на счастливый финал, а герой, под самый занавес, возьми да и заколись.

Театр пользовался у петербуржцев успехом. К тому же он был бесплатным.

Театр петровского времени соединял в себе приятное с полезным. Наряду с драмами, подобными «Дафнии», ставилось, например, какое-нибудь «Действие о Петре Златые ключи», в котором доказывалась необходимость и полезность заграничных путешествий. А когда шла многоактная пьеса, в антрактах разыгрывались коротенькие интермедии на злободневные темы: в одной высмеивались слепые ревнителы старины, в другой обличались взяточники и т. п.

И, пожалуй, сценические подмостки оказывались в этом смысле полезнее трибуны оратора. Ведь искусство, благодаря красочности и образности своего языка, всегда действует сильнее, чем самые логичные, но

сухие пояснения. Из всех же видов искусств театральное — одно из наиболее доходчивых, а по тем временам оно и наиболее массовое.

Итак, когда со свинцового неба густыми хлопьями падает снег, когда холод загоняет людей под крышу, а в изразцовых печах так уютно потрескивают дрова, — ассамблейный и театральный сезон в разгаре.

Развлечения летнего времени соответствовали этой благословенной поре года, к сожалению, столь скоротечной в здешних краях. Прежде всего, это катанье по Неве на гребных и парусных судах.

До страсти любивший все виды водного спорта, Петр всячески поощрял его развитие среди своих подданных. В один прекрасный день петербуржцы узнали, что они могут бесплатно, «от казны» получить яхты и вёсельные лодки. Притом им разъяснили, что новая «забава» вводится «не токмо для увеселения народа», но и «для лучшего обучения и искусства по водам и смелости в плавании».

Если с раннего утра на флагштоке Петропавловской крепости полоскался в солнечных лучах морской флаг, привыкшие к дисциплине жители «парадиза» спешили к своим судам. Коли ты предпочитаешь веселой прогулке мягкую постель, плати штраф. А те, кто поразворотливее, давно уже на месте. Сборный пункт у крепости. Маршрут — по Неве до Екатериненгофа. Там остановка на несколько часов, можно погулять и подкрепиться — угощение приготовлено заранее.

Маленькая «невская флотилия» из пятидесяти или шестидесяти судов легко скользит по водной глади. Свежий ветерок надувает паруса, играет пестрыми вымпелами. Мерно взмахивают веслами одетые в белые рубахи гребцы. На яхтах вельмож — музыканты, волторнисты и трубачи. Простые же смертные довольствуются задушевной русской песней. Немножко грустная, широкая, как сама эта чудесная река, она

разливается в воздухе, подхватывается чайками и уносится ветром к зеленеющим берегам.

Из числа многих оригинальных затей Петра Великого можно признать попытку вывести в России породу карликов посредством браков. С этой целью Петр задумал женить своего любимого карлу Якима Волкова на карлице царицы Прасковьи Федоровны. Эта идея была приведена в исполнение оригинальным же образом. В августе 1710 г. последовал такой указ:

«Карл мужеского и женского пола, которые ныне живут в Москве в домах боярских и других ближних людей, собрав всех, выслать из Москвы в Петербург сего августа 25-го дня, а в тот отпуск, в тех домах, в которых те карлы живут, сделать к тому дню на них, карл, платье: на мужской пол кафтаны и камзолы нарядные, цветные, с позументами золотыми и с пуговицами медными золочеными, и шпаги, и портупей, и шляпы; и чулки, и башмаки немецкие; на женский пол верхнее и исподнее немецкое платье, и фантажи, и всякий приличный добрый убор».

Согласно этому указу, было собрано в Петербурге и Москве около 80 карликов и карлиц, однако же сбор продолжался настолько медленно, что свадьба могла быть отпразднована не ранее 14 ноября. Накануне ее двое карликов, исполнявшие обязанность шаферов, ездили приглашать гостей в колясочке о трех колесах, заряженной одной маленькой лошадью, убранной разноцветными лентами и предшествуемой двумя верховыми придворными лакеями. На другой день, когда приглашенные гости собрались в назначенный дом, молодые отправились к венцу торжественным шествием. Впереди шел карлик, исполнявший должность маршала, с жезлом, к концу которого был привязан большой букет из лент. За ним шествовали жених и невеста с шаферами, в самых простых костюмах; потом царь, многие дамы, некоторые

иностранные министры и знатные особы. Шествие замыкалось 72 карликами и карлицами попарно; карлики были одеты в светло-голубые и розовые французские кафтаны, с треугольными шляпами на головах и при шпагах, а карлицы в белые платья с розовыми лентами. После церемонии бракосочетания все отправились на Васильевский остров, в дом князя Меншикова, где молодых ожидал роскошный обед. Карлы сидели в середине; над местами жениха и невесты были сделаны шелковые балдахины, убранные, по тогдашнему обычаю, венками. Маршал и восемь шаферов имели для отличия кокарды из кружев и разноцветные ленты. Кругом, по стенам залы, сидела царская фамилия и прочие гости. Праздник кончился пляской, в которой принимали участие только карлы и карлицы. Петр усердно подпаивал новобрачных и затем сам отвез их домой и при себе велел уложить их в постель.

Затея Петра (повторенная им еще раз в 1713 г.) не привела к желаемым результатам. Правда, молодая карлица сделалась беременной, но не могла разрешиться и после тяжелых страданий умерла вместе с ребенком.

Вдовец-карлик Яким Волков после смерти своей жены начал пьянствовать и распутничать; все строгие меры, принятые для его исправления, оказались напрасными. Он умер в конце января 1724 г. и по приказанию Петра был похоронен торжественным и опять-таки забавным образом. Впереди погребальной процессии шли попарно 30 певчих, все маленькие мальчики. За ними следовал в полном облачении крошечный поп, которого нарочно выбрали для этой церемонии по причине его малого роста. Затем ехали маленькие, особого устройства сани. Их везли шесть крошечных лошадок, покрытых до самой земли черными попонами и ведомых под уздцы маленькими

пажами. На санях стоял гроб с телом усопшего, обитый малиновым бархатом, с серебряными позументами и кистями. В головах покойника, на спинке саней, сидел пятидесятилетний карла, брат умершего. Позади гроба следовал маленький карла в качестве маршала, с большим маршальским жезлом, обтянутым флером, спускавшимся до земли. На этом карле, как и на прочих товарищах его, была длинная черная мантия. За ним двигались попарно остальные карлики. Потом выступал другой маленький маршал, во главе карлиц. Из них самую крошечную вели под руки двое наиболее рослых карл. Лицо ее было совершенно закрыто флером. За нею шествовали остальные карлицы попарно, в глубоком трауре. По обеим сторонам процессии шли с зажженными факелами огромные гвардейские солдаты и придворные гайдуки. Император вместе с Меншиковым провожал процессию пешком от Зимнего дворца до Зеленого (ныне Полицейского) моста. Тело Якима Волкова было предано земле на кладбище Ямской слободы. По окончании погребения все карлики и карлицы были привезены во дворец и угощены здесь обедом.

«Едва ли, — замечает в своих записках один иностранец, — где-нибудь в другом государстве, кроме России, можно увидеть такую странную процессию!..»

В ТАЙНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

Законы святы, да законники супостаты.

При Петре I петербургской Тайной канцелярии много хлопот доставил принятый им титул императора. Народ на Руси знал царей, бояр, слышал про «заморских королей», но самое слово «император» было для него совершенно чуждо. На этой почве происходили недоразумения, которые кончались трагически, когда

вмешивалась Тайная канцелярия, впрочем, благодаря Петру виновные отделялись сравнительно дешево.

Начинались такие дела обычно с пустяков. Один приезжий, например, попав в Петербург, изрядно выпил в кабаке с каким-то солдатом. Солдат предложил выпить за здоровье императора. Приезжий, никогда не слышавший такого слова, обозлился. Он ударил кулаком по столу и крикнул:

— На кой нужен мне твой император?! Много вас таких найдется! Черт тебя знает, кто он, твой император! А я знаю праведного моего государя и больше знать никого не хочу!

Солдат бросился к своему начальству, кабак оцепили, всех бывших там арестовали и под строгим караулом отправили в Тайную канцелярию.

Началось громкое дело «о поношении Императорского Величества».

Приезжий Данила Белоконник был допрошен на дыбе, и три раза показал одно и то же, слово в слово:

— Молвил я такие слова, не ведаючи того, что гренадер про государево здоровье пьет. Мыслил я, что пьет он какого боярина, кличка которому император. Не знал я, Данила, по простоте своей, что Его Царское Величество изволит зваться императором.

Зато свидетели путались в показаниях. В момент совершения «преступления» все были пьяны, никто ничего толком не слышал, но дыба заставила их говорить, и бедняги кричали, что им приходило в голову. И более всего пострадали именно свидетели: пятеро из них умерли, не выдержав «неумеренной пытки», другие сосланы в каторжные работы, и только двоим посчастливилось отделаться пыткой без дальнейшего наказания.

О самом «преступнике» состоялся такой приговор: «Данило Белоконник расспросом показал, что непристойные слова говорил он от простоты своей, не

зная, что Его Величество — император. Знает-де он государя, а что у нас есть император — того он, Данило, не знает. И хотя два свидетеля показали сходно простоту Данилы, однако же, без наказания вину Белоконника отпустить невозможно, для того, что никакой персоны такими непотребными словами бранить не надлежит. Того ради бить его, Белоконника, батогами нещадно, а по битье освободить и дать ему на проезд паспорт».

В царствование Петра I многие оговоренные выходили из Тайной канцелярии на свободу, но бывали случаи, когда ни в чем серьезном не повинные люди обрекались на тяжелые наказания просто по недоразумению, совершенно против воли царя.

Особенно характерен в этом отношении эпизод, о котором повествуют летописи Тайной канцелярии за 1721 г. В общих чертах дело рисуется так. 27 июня 1721 г. в Петербурге праздновалась двенадцатая годовщина победы под Полтавой. На Троицкой площади были выстроены войска, в обширной палатке совершалось торжественное молебствие в присутствии царя и его приближенных. Петр был одет в тот же мундир, в котором вел свои войска на шведов: на нем был старый зеленый кафтан с красными отворотами, широкая кожаная портупея со шпагой, старая, сильно поношенная шляпа. На ногах — зеленые чулки и побуревшие от времени башмаки. Костюм царя так резко выделялся среди щегольских мундиров гвардии и богатых кафтанов придворных, что все взоры невольно были обращены на него.

За рядами гвардейцев толпился народ. Зрителями были усеяны все заборы и крыши домов.

В числе лиц, окружавших царя, был и герцог Голштинский, жених старшей царевны. По окончании молебна Петр хотел похвастаться перед дорогим гостем выправкой своих солдат. Он приказал гвардии

выстроиться в колонну и сам повел ее парадным маршем мимо палатки.

В это-то время и произошел казус, которым долго пришлось заниматься Тайной канцелярии.

В толпе зрителей стоял мужичок Максим Антонов. По пути на торжество он завернул в кабак и изрядно выпил, благо, накануне у его хозяина был расчетный день. На площадь Антонов явился сильно навеселе, или, как говорили в то время, «зело шумным».

Торжественная обстановка, пальба и колокольный звон ошеломили его, под влиянием солнца, припекавшего обнаженную голову, хмель стал бродить, затуманивал сознание, и Антонову захотелось чем-нибудь проявить свое восторженное состояние.

Под звуки музыки, с царем во главе, войска двигались по площади. Гремело «ура». Вдруг в пьяном мозгу мужичка мелькнула мысль, что он должен лично засвидетельствовать государю-батюшке свое почтение. Недолго думая, он протиснулся вперед, прорвался сквозь цепь солдат, еле сдерживавших напор толпы, пробежал несколько шагов по площади и отвесил царю глубокий поясной поклон. Потом поклонился второй раз, третий. Один из адъютантов Петра подбежал к нему и оттащил в сторону. Антонова окружили солдаты. Но по его глубокому убеждению, он недостаточно полно выразил свое почтение царю. Антонов развернулся и ударил одного из солдат в ухо. На Антонова накинулись другие солдаты. Прежде всего они старались отнять висевший на поясе небольшой ножик с костяной ручкой. Мужичок защищался с отчаянием пьяного, произошла свалка, через несколько минут Антонова связали по рукам и ногам и поволокли в Петропавловскую крепость, в Тайную канцелярию.

Через два дня Максим Антонов предстал перед грозным судом. Дело получилось серьезное, незаурядное: по свидетельству очевидцев, злодей,

вооруженный ножом, кинулся на царя, имея злой умысел, а потому и следствие велось со всей строгостью.

Прежде чем начать допрос, беднягу «для острастки» три раза вздернули на дыбу и уже после этого стали предлагать обычные вопросы. Однако, несмотря на повторные пытки, включительно до раздробления костей в тисках, Антонов не признал себя виновным в злом умысле. На все вопросы он отвечал одно и то же:

— Был зело шумен, хотел поклониться его величеству, государю Петру Алексеевичу, иного умысла не имел, а нож у меня всегда висит на поясе, чтоб резать хлеб за едой. Дрался же потому, что меня неучтиво за шиворот хватали и нож отнять хотели.

Однако такие показания совсем не удовлетворяли судей, которым непременно нужно было создать «государево дело».

Принялись за других мужиков, работавших вместе с Антоновым. Все они попали в застенки Тайной канцелярии. Их пытали целую неделю, но все согласно показывали одно и то же.

— Максим часто бывает «шумен», во хмелю «вздорлив», бранит кого приключится, и нас бранивал. Ни о каком его злом умысле никогда не слыхивали и ничего не знаем. А нож был при нем постоянно, но он им не дрался и только хлеб, да, когда случится, убоину (мясо) резал.

Обо всех мужиках навели справки на родине, но и там ничего не дознались. Через два месяца пришлось их отпустить. Но трем из них свобода сулила мало отрадного: у них от «неосторожной» пытки были сломаны кости и работать они не могли...

Самого виновника этого переполоха периодически продолжали пытать, но уже без особого рвения, а просто «для порядка».

19 ноября 1721 г. в ознаменование Ништадтского мира Петр издал манифест, в котором, между прочим, говорилось:

«Чего ради генеральное прощение и отпущение вин во всем государстве явить всем тем, которые в тяжких и других преступлениях в наказание впали или у оным осуждены суть...».

Но такого «тяжкого» преступника, как Максим Антонов, помилование не коснулось. Тайная канцелярия составила приговор:

«Крестьянина Максима Антонова за то, что к высокой особе Его Царского Величества подходил необычно, послать в Сибирь и быть ему там при работах государевых до его смерти неотлучно».

Сенат утвердил приговор.

Воронежский подьячий Иван Завесин все свободное от работы время отдавал пьянству. В 1720 г., как и теперь, для этого веселого занятия требовались деньги. Завесин занимался разными махинациями, сутяжничал да ябедничал, несколько раз попадал в тюрьму, сначала провел там год, дальше уже более. У Завесина было несколько крепостных, и у одного из них проживал некий гулящий человек Худяков. Завесин, составив поддельные бумаги, записал этого Худякова в крепостные. Худяков поднял бучу, и зарвавшегося подьячего арестовали.

Так вот и жил Завесин: в сутяжничестве, в пьянстве да в арестах.

Случилось ему быть в Петербурге. Сначала, конечно, отправился в кабак. Нарезался изрядно, но еще на ногах держался. Понесло его в церковь, там уже кончалась обедня. Стоял Завесин спокойно, потом вдруг торжественно снял с чаши со святой водой крышку и надел ее на голову. Вода полилась на пол. Прихожане набросились на подьячего, исколотили и сволокли властям. Там его били кнутом.

Однажды сидел Завесин под арестом при губернской канцелярии за какие-то служебные провинности. Он отпросился навестить дядю, не застал и вместе с конвойным пошел в кабак. Вышли они оттуда нескоро и, тепленькие, проходили мимо надворного суда. Завесин решил зайти.

Там дежурил канцелярист, склонились над бумагами писцы.

□ Кто ваш государь? — закричал пьяный Завесин канцеляристу.

Тот, видя странного человека и сопровождающего его солдата с ружьем, отвечал по всей форме:

— Наш государь — Петр Великий, император и самодержец всероссийский!

— А-а-а! Ваш государь... Петр Великий... а я холоп государя Алексея Петровича!.. и за него голову положу!..

Канцелярист остолбенел, едва хватило у него духу крикнуть: «Слово и дело!» Как государственный чиновник, он помнил указ:

«Где в городах, селах и деревнях злодеи и злыми словами явятся, их в самой скорости провожать в город к правителям, а тем правителям заковывать их в ручные и ножные железа; не расспрашивая, затем вместе с изветчиками присылать в Тайную канцелярию».

Завесина привезли в Тайную канцелярию снимать допрос.

— Ничего не помню, — лепетал подьячий, — ничегошеньки... А в трезвом уме никогда и ни с кем государственных противных слов не говаривал и от других не слышал... Со мною случается, что болезнь находит: бывало, я вне ума и что в то время делаю и говорю — не помню. Болезнь та со мной — лет шесть.

Навели справки, действительно, Завесин в пьяном состоянии делается невменяемым, несмотря на это, положили подьячего допросить «с пристрастием».

Тайная канцелярия сомневалась: «Хотя он и говорит, что те слова не помнит, говорил ли, нет ли, за великим пьянством, но его расспроса за истину причесть невозможно; может быть, он, отбывая вину свою, не покажет самой истины без розыску... а при розыске спрашивать: с чего он такие слова говорил и не имеет ли он в них каких-нибудь согласников?».

Завесина пытали. Но что он мог сказать? Приговорили его к битью кнутом, привязали к столбам на Красной площади, палач всыпал 25 ударов. После каждого за кнутом тянулась полоска кожи...

Отлежался Завесин и отправился домой, в Воронеж. Только перед этим расписку дал: «Ежели я впредь какие непристойные слова буду говорить, то по учинении жестокого наказания сослан буду на каторгу, в вечную работу, или учинена мне будет смертная казнь».

Отбило ли это происшествие у него тягу к вину — неизвестно.

* * *

Теперь этих женщин не видно. Может быть, вывелись со временем или их держат в психбольницах? Но когда-то, обычно в церкви, можно было увидеть стоявшую подле дверей бабу явно не в себе. Она морщилась, рот перекашивался □ казалось, вот-вот упадет на пол и забьется в истерике. Вокруг нее образовывалась как бы зона некоей пустоты, отчужденности. Народ у нас с недоумением и боязнью относится ко всему непонятному. Ранее считали, что в человека вселился бес, и поэтому он так себя ведет. Беса изгоняли. Нам известны костры европейской инквизиции. В России как будто было помягче. Позже в народе поняли, что это болезнь. Падучая, или, как называли в деревнях, родимчик.

Как запоют в церкви, так бабу и начнет бить: дергается, слюною брызжет, на пол падает, ноги-руки судорогой сводит... Только минут через двадцать в себя придет,

Если при Иване Грозном на блаженных и юродивых смотрели как на святых, на прорицателей, то в петровское время власть их недолюбливала: народ смущают. За всякие бессмысленные слова, за пьяный бред Тайная канцелярия цеплялась как за антигосударственные действия.

Где уж было неграмотным бабам разбираться в высокой политике. Но власть обратила свое подозрительное око и на них. В 1720 г. в храмах схватили трех кликуш: Авдотью Яковлеву — дочь хлебопека, Авдотью Акимову — купеческую женку да Арину Иванову — слепую из богадельни.

Дело в том, что вышел царский указ: «Ни по церквам, ни по домам не кликать и народ тем не смущать». Бабы попадали под категорию государственных преступников.

Бедная Акимова показывала на допросе:

— В сем году точно я была в соборе и во время божественного пенья кричала нелепым голосом, лаяла собакою... Случилась со мною эта скорь лет уж с сорок, еще младенцем. Заходит она на меня в месяц по однажды, по дважды, по трижды и более, приключается в церквах и дома. Ведают о той скорби многие посторонние люди, а также духовник мой, священник. А буде я, Авдотья, сказала, что можно, и за то указал бы великий государь казнить меня смертью...

Послали за духовником. Старичок-священник подтвердил:

— Не ведаю, кликала ли она в церкви, но, живучи у меня в дому, почасту лаяла собакою, кричала лягушкою, песни пела, смеялась да приговаривала: «Ох, тошно мне, тошно!».

Показывала Авдотья Яковлева:

— Кричала и я нелепым голосом в разных церквах и дома почасту. Кричала во время божественного пенья, а по-каковски, того не упомяну. А та скорбь приключилась недавно, и с чего — не знаю.

— Довелось мне кричать нелепым голосом, — соглашалась Иванова, — было сие во время слушания чтения святого Евангелия; что кричала — того не ведаю, и была та скорбь со мной в богадельне по дням и ночам, приключилась она от рождения...

Тайная канцелярия решила их пытаться.

Вздернули на дыбе Акимову:

— Не притворяешься ли? Кто научил тебя кричать?

— Ах, батюшка, кричала я лягушкою и лаяла собакою без притвору в болезни своей, а та болезнь у меня сорок лет, и как схватит — тогда ничего не помню... а кликать меня не научали.

Дали семь ударов кнутом.

Подняли на дыбу Авдотью Яковлеву:

□ Говори без утайки, по чьему наущению и с чего кликала?

— В беспамятстве кричала, болезнь у меня такая... ничего не помню. Дали ей одиннадцать ударов кнутом, Ивановой — пять.

Полежали кликуши пять дней в застенке, и опять их на пытку.

Авдотья Яковлева, плача, говорила:

— Вот и вчерашнего дня схватила меня скорбь та, кликанье. При караульном солдате упала оземь в беспамятстве полном...

Позвали вчерашнего часового.

— Заподлинно правда. Молилась эта баба в караульне равелиновой да вдруг вскочила, после упала, затряслась, и стало ее гнуть. Лежала замертво часа полтора — пришел я в страх немалый.

Это свидетельство спасло Яковлеву от наказания. Ее отпустили, а с супруга взяли расписку, что женка «во святых храмах кричать, кликать и смятения чинить не будет, под страхом жестокого штрафования кнутом и ссылки на прядильный двор в работу вечно».

А двум другим кликушам пришлось стать прядильщицами.

* * *

Продолжительная борьба со Швецией сильно утомила народ; все с нетерпением ждали мира, и от Петербурга до дальних стран сибирских все толковали, каждый по-своему, о тягостях войны, о времени заключения мира, об условиях, на которых он может быть заключен, и т. д. Нечего и говорить, что в подобных толках и пересудах, совершенно, впрочем, невинных, отпечатывались воззрения простодушных и суеверных простолюдинов, которые, проникая в Тайную канцелярию, вызывали аресты, допросы и штрафования говорунгов: «Не толкуй, мол, не твое дело, жди да молчи; что повелят, то и будет; не тебе рассуждать!».

Смирный и скромного вида поп Козловского уезда Кочетовской слободы ездил в столицу по делам и пробыл там несколько недель. Помимо известия об удачном окончании дел, поп повез домой целую кучу рассказов о столице, ее редкостях и диковинках. Вскоре изба попа наполнилась народом, вопросы сыпались со всех сторон.

— А царя, отец, видел? — возник наконец самый интересный вопрос.

— Сподобился, друже, сподобился. Видел единожды, и по грехам моим в великое сумнение пришел, да надоумили добрые люди...

— Что же он?.. Страшен?

— Зело чуден и непонятен: ростом что бы мало помене сажени, лицом мужествен и грозен, в

движениях и походке быстр, аки пардус, и всем образом аки иноземец: одеяние немецкое, на голове шапочка малая солдатская, кафтан куцый, ноги в чулках и башмаки с пряжками железными.

Слушатели ахнули при таком описании царя, и на попа снова посыпались вопросы: где видел, что тот говорил...

— А видел я царя, как он съезжал со двора князя Александра Даниловича Меншикова в колымаге. И мало отъехав, побежала за каретой со двора собачка невелика, собой поджарая, шерсти рыжей, с зеленым бархатным ошейничком, и с превеликим визгом начала в колымагу к царю проситься...

Слушатели наострили уши, боясь проронить хоть слово.

— И великий царь, увидя то, велел колымагу остановить, взял ту собачку на руки и, поцеловав ее в лоб, начал ласкать, говоря с нею ласково, и поехал дальше, а собачка на коленях у него сидела...

— Воистину чуден и непонятен сей царь! — пробасил отец дьякон и сомнительно покачал головой.

— Да не врешь ли ты, батька? — ввернула свое замечание попадья, но поп только укоризненно посмотрел на нее.

— Своими глазами видел и еще усомнился — царь ли это? И мне сказали: «Царь, подлинно царь Петр Алексеевич», а дальше видел я, как солдаты честь ружьями колымаге отдавали.

Рассказ попа вызвал разные толки: кто удивлялся, кто осуждал царя. Ну подобает ли царю благоверному собаку в лоб целовать, погань этакую, да еще при народе!..

На другой день рассказ попа ходил уже по всей волости, а там пошел и дальше, и в народе началось некоторое смущение. Люди мирные покачивали головами, а злонамеренные и недовольные

перетолковывали по-своему и находили подтверждение разговоров о «последних временах», «царстве антихристовом» и пр.

Рассказ дошел наконец и до начальства: смущенные власти стали доискиваться начала, откуда все пошло, и через несколько дней смиренный кочетковский поп был потребован по «важному секретному делу» в уездный город Козлов, а оттуда его отправили под крепким караулом в Петербург.

Защемило сердце у попа. Однако, как ни размышлял, не мог найти вины за собой. В столице, кажется, он вел себя честно и благородно, в консисториях дела провел хорошо — что же это такое?

Стали допрашивать попа: подлинно ли он говорил, что царь Петр Алексеевич собаку целовал?

— Видел подлинно! — утверждал поп. — Собачка рыженькая и ошейничек зеленый бархатный с ободком.

— А коли видел, чего ради распространяешь такие предеззостные слухи?

— Государь сделал это не таяся, днем и при народе, — оправдывался поп, — чаятельно мне было, что и зазорного в том нет, коли рассказывать.

— А вот с твоих неразумных рассказов в народе шум пошел. Чем бы тебе, попу, государево спокойствие оберегать, а ты смуты заводишь, нелепые рассказы про царя говоришь!.. Отвечай, с какого умыслу, не то — на дыбу!

Тут уж поп струсил не на шутку, поняв свою простоту и догадавшись, что дешево не отделаешься.

— С простоты, княже, с сущей простоты, а не со злого умысла! — взмолился кокчетовский поп. — Прости, княже, простоту мою деревенскую! Каюсь, как перед Богом!

□ Все вы так говорите — с простоты! А я не поверю да велю на дыбу вздернуть!

Однако попа на дыбу не подняли, а навели о нем справки, и когда оказалось, что кокчетовский поп — человек совсем смиренный и благонадежный, а коли говорил, так именно «с сущей простоты», а не злобою, то приказано было постегать его плетьюми да и отпустить домой с наказом — не распространять глупых рассказов.

— Это тебе за простоту, — сказали ему, отпуская домой, — не будь впредь прост и умей держать язык за зубами. С твоей-то простоты чести его царского величества поруха причинялась, и ты еще моли Бога, что дешево отделался. Ступай же и не болтай!

Невесел приехал поп домой после питерского угощения, и когда снова слобожане собрались было к нему послушать рассказов, поп и ворота на щеколду запер, и сам не показывался.

* * *

В январе 1725 г. царь Петр I скончался, но созданная им Тайная канцелярия не только не исчезла, но даже стала развиваться еще шире.

В 1827 г. на престол вступил Петр II, сын несчастного царевича Алексея Петровича, не умевшего ладить со своим суровым отцом. Внук Петра начал свое царствование с того, что стал беспощадно преследовать всех, кто пользовался расположением деда. Двенадцатилетний царь, несмотря на юный возраст, был довольно самостоятелен, и, кроме того, его окружали люди, имевшие много причин для враждебного отношения к друзьям покойного императора.

Тюрьмы переполнились, одного застенка в Петропавловской крепости оказалось мало, пришлось устроить второй на Петербургской стороне, по Колтовской улице. Там же на обширном дворе хоронили

колодников, не выдержавших мучений или умерших в тюрьме.

В тюрьмах того времени смертность достигала чудовищных размеров. Тогда не было принято вести особые книги, по которым можно точно определить, сколько арестованных содержалось в той или иной тюрьме, но, судя по дошедшим до нас отрывочным сведениям, можно предположить, что из 100 колодников доживали до приговора или освобождения не более 20. Таким образом, смертность доходила до 80 процентов.

Человек, попавший в Тайную канцелярию, считался обреченным на суровое наказание, в нем видели тяжкого преступника, а если он не признавался, судьи относились к нему еще суровее. Поэтому никто не находил нужным заботиться о «заведомых злодеях», и люди, часто ни в чем не повинные, должны были терпеть двойную пытку: в застенке и в тюрьме.

Апухов, секретарь князя Меншикова, перенесший несколько пыток и затем, в виде особой милости, сосланный в Сибирь на поселение, провел в тюрьме более года. В оставшихся после него записках он нарисовал картину этой тюрьмы.

Изящный, хорошо образованный молодой человек был посажен в подземелье, стены которого обросли толстым слоем зловонной плесени. Свет в эту яму проникал сверху, через крошечное отверстие, закрытое толстыми железными прутьями и почти сплошь затканное грязной паутиной. Сквозь это отверстие свободно проникал дождь, и нередко в яме вода стояла на вершок от пола.

Так как выходить колодникам не дозволялось и им не полагалось даже простого ведра, то земляной пол всегда был покрыт испражнениями, которые вычищались один раз в год — перед Пасхой.

Кормили колодников плохо. Утром им бросали куски пропеченного, заплесневелого хлеба, причем на каждого заключенного приходилось не более двух фунтов, на всех полагался один кувшин воды в день. В большие праздники, кроме хлеба, бросали куски вареных говяжьих отбросов. Если случались подаяния — и их бросали. Но даже и это подобие пищи доходило не до всех. Более здоровые и сильные завладевали лучшими кусками и были сравнительно сыты, в то время как больные и измученные пытками оставались совершенно голодными и умирали от истощения.

Для спанья полагалась солома, не сменявшаяся по нескольку месяцев. От грязи солома, конечно, скоро превращалась в вонючую массу, ничем не отличающуюся от отвратительной гущи, заменявшей пол. Казенной одежды колодникам не полагалось, а о смене и стирке белья они не смели и мечтать.

Если к этому добавить, что сами колодники считали себя обреченными на постоянные пытки и в «счастливом случае» могли надеяться разве только на ссылку в далекую Сибирь, то необычная смертность среди них станет вполне понятной.

В начале 1860-х гг. на месте, где прежде находилось отделение Тайной канцелярии, рыли землю для какой-то постройки и нашли много скелетов в ручных и ножных кандалах. Несчастных колодников не считали нужным расковывать даже после смерти...

При Петре I канцелярия имела дело почти исключительно с людьми низших сословий. В случае, когда обвинялись военные или люди, более или менее близкие к верхам, допрос чинили доверенные лица.

Петр II считал такой порядок лишним. При нем в застенки отправляли всех без различия звания; исключение делалось редко: когда обвиняемый стоял слишком на виду. Одним из этих немногих «счастливых» был князь Александр Данилович

Меншиков, самый близкий к Петру I сановник. Его не пытали, а по личному распоряжению царя без суда и следствия сослали в Сибирь, в глухой городишко Березов. Там князь и умер.

Зато было приказано всех, близко соприкасавшихся с князем, пытаться до крайности, и, вероятно, не один из этих без вины виноватых был похоронен во дворе Полтавского застенка.

Вообще за три года царствования Петра II у Тайной канцелярии было очень много дел, начатых по личному указанию царя.

Удаляя и отправляя в застенки людей, пользовавшихся властью при его деде, Петр II старался окружить себя людьми, не пользовавшимися милостью у Петра I. Эти новые любимцы, в свою очередь, пользовались выпавшим на их долю случаем и спешили свести личные счеты со своими врагами. Государь, до вступления на престол живший в опале, видел от людей мало хорошего. Он был очень подозрителен, всюду видел врагов, почти никому не доверял. Достаточно ему было намекнуть, что кто-то затевает заговор или даже просто отзывается о нем не совсем почтительно, как тотчас Тайной канцелярии отдавался приказ произвести расследование. Если же заподозренный имел несчастье еще раньше навлечь на себя немилость царя, то в приказе предписывалось пытаться «жесточайше», и через короткое время доносили, что такой-то «во время допроса с пристрастием волею Божией помре».

Князь Яков Шаховской в своих «Записках» рассказывает о такой «жесточайшей» пытке.

Допрашивали Данилу Свешникова, родственника князя А. Т. Долгорукова.

Петр II намеревался жениться на дочери князя Екатерине Алексеевне и вдруг узнал, что за ней ухаживает гвардии сержант Данила Свешников. Нашлись услужливые люди, донесшие, что Свешников

подготавливает в гвардии бунт, чего на самом деле не было.

Ко времени пытки оговоренного в крепостном застенке, кроме судей и секретаря, собрались высшие гражданские чины: дело чрезвычайной важности.

Ввели Свешникова. На нем еще был гвардейский мундир. Бледный, он испуганно озирался. Помощники палача умелыми руками быстро раздели его донага и подвели к дыбе.

Допрос начался.

Закрутив Свешникову руки за спину и в хомут, палач дал знак. Его помощники натянули веревку, хрустнули кости, и застенок огласился нечеловеческим криком. Судьи задавали вопросы, но пытаемый от страшной боли не мог отвечать. Его спустили на землю, вправили вывихнутые в плечах руки и спросили, с кем он вел уговор против его царского величества. Что заговор существовал, считалось установленным. Свешников, только теперь узнавший, в чем его обвиняют, стал клясться, что ни о каком заговоре не знает, а потому не может назвать и соучастников. Его вторично подняли на дыбу, но на этот раз последовал приказ «встряхнуть».

Князь Шаховской, не раз присутствовавший на рядовых пытках, пишет, что страшнее такого «встряхивания» трудно себе что-либо представить: веревку слегка отпустили, затем сразу натянули, и раздался хруст костей, переломленных в локтях. Свешников уже не кричал, а только бессмысленно мычал. Его спустили на землю, вправили плечевые суставы сломанных рук и снова начали допрашивать. Но он не держался на ногах и едва ли понимал вопросы.

— Железо! — скомандовал старший судья.

Сержанта прикрутили ремнями к длинной скамье, палач взял клещи, достал из печи небольшой железный брусок, раскаленный докрасна, и стал им медленно

водить по подошвам пытаемого. В застенке запахло жареным мясом.

Судьи опять задали вопрос и опять не получили ответа. Палач достал другой брусок и стал прижигать Свешникову грудь и живот.

Свешников впал в беспамятство. Его несколько раз обливали водой. Он очнулся, но не совсем понимал, что с ним делается, глядел мутными глазами перед собой. Сам палач был смущен и вопросительно поглядывал на судей. Было ясно, что при таком состоянии обвиняемого продолжать допрос бесполезно. Но судьи так не думали. пытка продолжалась. Свешникову вбивали гвозди под ногти, капали на спину кипящей смолой, наконец железными тисками по очереди раздробили пальцы на обеих ногах — он молчал. Наконец сам Толстой заявил, что на этот раз достаточно. Свешникова подняли и только тут увидели, что он уже умер.

Такая поспешность Тайной канцелярии, однако, не понравилась Петру II. Выслушав доклад, он нахмурился, резко сказал: «Дураки!» и повернулся спиной.

Казнь Данилы Свешникова не принесла Петру II никакой пользы: государь скончался, не успев обвенчаться с княжной Долгоруковой.

Он умер в январе 1730 г., а через пять месяцев князь Алексей Долгоруков со всей семьей, в том числе и с нареченной невестой покойного государя, отправился в ссылку, в Сибирь.

На российский престол придворными чинами была избрана Анна Иоанновна, племянница Петра Великого.

Новая императрица всегда относилась враждебно к Петру Алексеевичу и поспешила окружить себя людьми, до тех пор бывшими в опале или, по крайней мере, не одобрявшими поступков покойного.

Трон окружили новые люди, и это, между прочим, сказалось и на сыске.

Анна Иоанновна до вступления на престол была герцогиней Курляндской. Естественно, что она пригласила к петербургскому двору многих курляндцев, сумевших заслужить ее расположение в Митаве. Среди этих людей первое место занимал Бирон, произведенный новой императрицей в герцоги. Бирон пользовался почти неограниченной властью. Чуждый всему русскому, даже плохо говоривший по-русски, он не доверял петербургской Тайной канцелярии и устроил свою, курляндскую, где допрашивались и пытались все заподозренные в неблагожелательстве к нему, Бирону, и другим курляндцам. Императрица оставалась совершенно в стороне. Она вела рассеянную веселую жизнь и только подписывала то, что ей подсовывал Бирон.

Однако, несмотря на такое положение вещей, Тайная канцелярия не бездействовала. За отсутствием сколько-нибудь серьезных дел она занялась мелочами, нередко, как и при Петре I, доходившими до драматических курьезов.

В 1738 г., т. е. через 13 лет после кончины Петра I, кронштадтский писарь Кузьма Бунин представил Тайной канцелярии обстоятельный донос, в котором сообщал, что вдова квартирмейстера матросов Маремьяна Полозова распускает зловерные слухи, будто покойный государь Петр Алексеевич был не русский, а немец, а потому на Руси правят немцы.

В действительности же произошло следующее: жена Бунина родила дочь. При родах ей помогала Маремьяна Полозова. Как-то ночью у постели роженицы разговорились о Петре I. Старушка, кстати, и передала сплетню, слышанную ею десятка три лет назад.

— Говорили, — шамкала Маремьяна, — как царица Наталья Кирилловна родила дочку, так в то время сыскали в немецкой слободе младенца мужеска пола и сказали царю Алексею Михайловичу, что двойня

родилась. А тот подлинный немецкий младенец и был государь Петр Алексеевич.

Бунин насторожился. Он поднес бабке стакан вина и попросил продолжать. Маремьяна, не подозревая ничего, охотно заговорила снова:

— И то верно, что покойный государь куда как больше жаловал немцев. А еще довелось мне о том же слышать у города Архангельского, от немчина Матиса. И говорил тот немчин, что-де государь Петр Алексеевич природы не русской. А слышала я все это так-то: муж мой, покойник, был на службе в Архангельском, и я с ним там житие имела. И хаживала я для работы к тому самому Матису, а у него завсегда иноземцы толклись, по-своему калякали. Иные и по-нашему, по-русски, говаривали и, бывало, все надо мною издеваются: Дурак-де русак! Не ваш государь, а наш, и русским до него дела нет никакого».

Для Бунина этого было вполне достаточно. Он знал, что Тайная канцелярия охотно принимает доносы и даже платит по ним, но не рассчитал только, что в то время на верхней ступени власти стояли немцы во главе с Бироном и что его донос, таким образом, близко касался этой власти.

В Тайную канцелярию немедленно доставили бабку Полозову, а вместе с ней и доносчика Бунина.

Началось следствие. Несчастную старуху три раза вздергивали на дыбу, пытали огнем; она созналась во всех своих словах, приведенных Буниным в доносе, но больше ничего не могла показать, поскольку ничего не знала. Было указано «еще разыскивать и пытаться ее накрепко», но выполнить этот приказ оказалось невозможным: сами судьи определили, что «токмо ею не разыскивано за ея болезнью; и ныне ее не разыскивать же, понеже она весьма от старости в здоровье слаба».

Можно представить, в каком состоянии была старуха, если даже Тайная канцелярия отказалась пытаться ее.

Бунин счастливо спасся от пытки. Для этого он воспользовался уловкой, бывшей тогда в большом ходу. Он попросил прислать священника для исповеди. Такие просьбы среди ожидавших пытки не были редкостью, и к Бунину явился священник. Хитрый писарь отлично знал, что каждое слово, произнесенное им на исповеди, будет непременно передано судьям, и «покаялся», что «доносил на Маремьяну без всякой страсти и злобы, прямою христианскою совестью» и что все написанное им — святая истина.

За Бунина, кроме того, просил один из вице-адмиралов, у которого он исполнял обязанности секретаря, и судьи махнули на него рукой. Доносчик отделался двухмесячным тюремным заключением и страхом пытки. Кроме того, ему ничего не заплатили за донос, потому что Маремьяна ни в чем не повинилась.

Еле живую старуху, искалеченную пыткой, сослали в Пустозерск — в ста верстах от Ледовитого океана. При этом было постановлено, что «пропитание ей иметь от своих трудов, как возможно».

Это было одно из редких дел Тайной канцелярии, кончившихся трагически в царствование Анны Иоанновны. Обычно в то время пустяковые, большей частью «пьяные» дела, носили почти водевильный характер.

В канцелярию петербургского обер-полицмейстера была доставлена солдатская жена Ирина Иванова.

Полицейский сотник, доставивший ее, рапортовал по начальству:

«Вчерашнего числа вечером был я на петербургской стороне, в Мокрушиной слободе, и проходил вместе с десятским, для того чтобы за порядком наблюдение иметь. Проходя мимо дома солдатки Ирины, услышали

мы крик великий. Вошли во двор и стали тот крик запрещать. Из избы выбежали два бурлака и стали нас бить, а там выбежала самая солдатка и стала зазорно поносить начальство, и о его светлости негоже кричала. Того ради мы ее и взяли, а бурлаков отправили на съезжую».

Ирина самым решительным образом опровергала все показания.

— Неправда, ой, неправда! — голосила она. — Был у меня и крик, и шум великий, а чего ради? Того, что пришли на двор сотник с десятским и вошли в избу. И стал мне сотник говорить непристойные слова к блюду, и я стала его гнать со двора вон. В ту пору вошли в избу два брата моих, родной и двоюродный, и столкали сотского и десятского на улицу. А те начали кричать, собрали народу немало, взяли меня и братьев под караул и повели на съезжую. Ведучи на съезжую, зачал сотский бить меня смертным боем, а я, не стерпев того бою, облаяла сотского. Он совсем осерчал, братьев отправил на съезжую, а меня сюда представил.

Полицмейстеру совсем не хотелось путаться в дело, где, хотя и косвенно, замешано имя всесильного Бирона, и он отправил солдатку с сотским в Тайную канцелярию.

Там сразу поняли, в чем дело, и начали допрос с полицейского. Однако его даже не пришлось пытаться. Когда привели в застенок и он увидел одетых в красные рубахи палачей, орудия пыток, потемневшие от крови, им овладел ужас. Сотник упал на колени и повинился, что оклеветал солдатку.

Судьи, в свою очередь, не хотели из-за пустяков препираться с полицией и отпустили сотника, приказав лишь слегка «постегать».

Солдатке Ирине пришлось пережить несколько более тяжелых минут. Ее привели в застенок, раздели, вправили руки в хомут и несколько раз потянули за

веревку, но настолько слабо, что ноги женщины даже не отделились от земли. Затем был проведен формальный допрос, исход которого после признания полицейского, был разумеется, предрешен. Наконец, солдатке «для памяти» дали несколько слабых ударов кнутом и отпустили с миром.

У столяра Адмиралтейства Никифора Муравьева было дело в Коммерц-коллегии, тянувшееся уже четыре года.

Заключалось оно в том, что подал столяр челобитную на англичанина, купеческого сына Пеля Эвенса, обвиняя его в «бое и бесчестии» и прося удовлетворения себе «по указам».

«Бой и бесчестье» эти произошли, конечно, от того, что Никифор, нанявшись работать у англичанина, часто загуливал, ревностно справлял все праздники, установил еще и свой собственный праздник — «узенькое воскресенье», т. е. понедельник, и тем крайне досаждал своему хозяину, у которого работа стояла.

И вот в одно прекрасное «узенькое воскресенье» Пель Эвенс, раздосадованный пьянством Никифора, расправился с ним по-своему: надавал добрых тумачков.

Обиженный столяр задумал отомстить англичанину судом и подал на него челобитную в Коммерц-коллегию, но решения своего дела ему пришлось ждать долго.

«Жившие мздою» чиновники не очень-то торопились, может быть, и потому, что купеческий сын Пель Эвенс частенько навещивался по своим делам в Коммерц-коллегию и успел уже задобрить их, а голый столяр не представлял для чиновников никакого интереса.

Так или иначе, но Никифор ходил год, другой, третий и, наконец, четвертый справляться в коллегию о деле, а оно все лежало под сукном. Столяр все не терял надежды на возмещение обиды и надоедал коллежским

чиновникам своими визитами, а они только твердили, что «жди мол, решение учинят, когда дело рассмотрится».

И долго бы пришлось ходить Муравьеву таким образом, если бы не случилось неожиданного происшествия, которое его самого вовлекло в беду и заставило забыть об англичанине.

Уже на четвертый год своего мытарства пришел однажды Муравьев в коллегия и толкся с прочими в сенях, ожидая выхода какого-нибудь чиновника.

Вышел ассессор Рудаковский. Муравьев подошел к нему с обычным вопросом.

— Ты зачем?.. Ах да, по делу с Эвенсом... Ну что ты, брат, шатаешься, брось ты это дело и ступай, помирись лучше с хозяином, право.

— Нет-с, никак невозможно. Что же, я четвертый год суда жду, а тут помириться!

— Ну, мне некогда с тобой разговаривать, не до тебя, — и чиновник скрылся.

Столяр остался в раздумье, уж не оставить ли все это? Удовлетворения не получишь, коли сам не заплатишь, а где же тягаться с купцом?.. Дай-ка попытаюсь еще припугнуть жалобой!..

И снова ждет Муравьев чиновника, который через некоторое время появляется.

— Ваше благородие! Я все-таки буду вас просить об этом деле...

— Ах, отстань ты, поди прочь, не до тебя...

— Ну коли так, то я к Анне Ивановне пойду с челобитной, она рассудит!

Чиновник остановился и строго воззрился на Муравьева:

— Кто такая Анна Ивановна?

— Самодержица...

□ Как же ты смеешь так предерзостно говорить о высокой персоне императрицы? Какая она тебе «Анна

Ивановна», родная, что ли, знакомая? Да знаешь ли ты, что тебе за это будет?!

Чиновник рад был случаю придраться и наступал на столяра с угрожающими жестами. Никифор струсил:

— Так что же вы мое дело тянете? Ведь четыре года лежит! Аль вам получить с меня нечего, так и суда мне нет?

— А, так вот ты еще как! Хорошо! Слышали, как он предерзостно отзывался об Ее Величестве: я, говорит, к Анне Ивановне пойду!

Присутствующие замялись.

— Я тебя упеку! — разорался Рудаковский.

— Конечно, конечно, надо его проучить, мужика, — подхватил другой чиновник — Идите вы сейчас в Сенат и доложите Андрею Ивановичу Ушакову, он его проймет!

— Иду, иду, сейчас же! Я этого дела так не оставлю!

— Да что вы, господа, все на меня? Рады обговорить-то!..

— Не отговаривайся, все слышали твои речи!

Смущенный столяр хотел уйти, но его удержали.

— Нет, ты постой, куда улизнуть хочешь?! Вот я тебя с солдатами под караул отправлю! — кричал Рудаковский, и действительно, несчастного Муравьева отправили в Сенат.

На другой день столяр предстал в походной Тайной канцелярии пред очи Ушакова и, разумеется, заперся в говорении неприличных слов:

— Чиновник со злобы доносит, потому как они мое дело с англичанином четыре года тянут, а я помириться не могу и взятку не даю.

— Так что же ты говорил?

— Говорил, как надлежит высокой чести: ее величеству, государыне Анне Ивановне, а не просто — Анне Ивановне... Рудаковский со злобы оговаривает.

— Позвать сюда ассессора Рудаковского!

— Как он говорил об императрице?

— Весьма оскорбительно для высокой чести самодержицы — именовал ее, как простую знакомую, Анной Ивановной, без титула, подобающего ее персоне. Говорил мне в глаза и слышали его другие люди, коих могу свидетелями поставить.

— Ну! — обратился Ушаков к Никифору. — Признавайся лучше прямо, винись, не то огнем жечь буду!

□ Со злобы!.. Потому как...

— А, не признаешься! Поднимите его на дыбу!

— Винюсь, винюсь, ваше превосходительство! В забвении был, с досады, может, что и не так сказал, как надобно! Дело мое не решают, ну я и хотел пострадать именем ее величества государыни, чтоб дело-то решили...

— Ну так чтобы ты никогда не забывал подобающей императорской персоне чести и уважения, мы тебя плетями спрыснем, — решил Ушаков.

Не искал с тех пор больше столяр Муравьев справедливости в судах.

* * *

Императрица Анна Иоанновна, скончавшаяся в октябре 1740 г., назначила своим наследником Иоанна □ сына Антона-Ульриха, герцога Брауншвейгского, и Анны Леопольдовны, внучки царя Ивана (брата Петра I).

Ко дню кончины императрицы Иоанну Антоновичу едва исполнилось два месяца, а потому за его малолетством по воле Анны Иоанновны был назначен регент. Им стал Бирон. Так что в управлении страной ничего не изменилось, и Тайная канцелярия могла свободно продолжать заниматься делами о болтливых старушках и энергичных солдатках. Но уже через месяц совершился дворцовый переворот, встряхнувший всю Россию. Бирона, сумевшего заслужить ненависть

русских, свергнул фельдмаршал Б. Х. Миних, прославившийся победами над турками. Официальной регентшей была объявлена Анна Леопольдовна. Хотя Миних был тоже из немцев, от него все же ждали, что он разгонит курляндцев, плотной толпой заслонивших императорский трон от народа. И в первое время эти надежды как будто начали сбываться.

Миних Бурхард Христофор (1683 – 1767) — фельдмаршал. По происхождению немец. Командовал русской армией в войне с Турцией 1735-1739 гг., известен жестоким обращением с солдатами. Один из типичных иностранных политиканов, игравших активную роль в правящей верхушке России XVIII в.

С начала 1741 г. застенки Тайной канцелярии наполнились невиданными до сих пор колодниками, почти не говорившими по-русски. Это были курляндцы, ставленники Бирона, обвиняемые во всевозможных преступлениях, начиная от простых краж и кончая государственной изменой. Для допроса этой толпы иноземцев пришлось даже приглашать особых переводчиков, которых во избежание разглашения застеночных тайн держали в одиночном заключении.

Одним из первых допрашивался двоюродный брат герцога Бирона, носивший высокий чин капитана Преображенского полка. Ему было предъявлено крайне серьезное обвинение: по сведениям Миниха, он готовил переворот в пользу брата, предполагалось, что он хотел, отравив Иоанна Антоновича, обвинить в его смерти Анну Леопольдовну, заточить ее в монастырь и, опираясь на войска, провозгласить российским императором герцога Бирона. Обвинение это, конечно, было вздорное, потому что русские войска не поднялись бы на защиту захватных прав курляндца, но Миниху нужно было создать что-нибудь крупное, чтобы оправдать им самим произведенный переворот.

Когда капитан Бирон вошел в застенок, судьи невольно переглянулись. За десятки лет там не появлялся такой преступник. Бирон, рослый красавец, одетый в преображенский мундир, переступил порог с высоко поднятой головой. Сопровождавшие его два конвойных солдата были смущены и, видимо, чувствовали себя неловко. Капитан остановился у порога, прищуренными глазами посмотрел на судей и хорошо знакомых ему военных, жавшихся к стене, и презрительно сказал:

— Хороший компаний! — и твердыми шагами направился к палачу.

Пока Бирона раздевали, в застенке царило томительное молчание. Первым очнулся Ушаков, старший из судей. Он наклонился к своим товарищам и довольно громко сказал:

— Помните, приказано костей не ломать, на руках и лице знаков не оставлять. А об остальном мы постараемся.

И, действительно, постарались.

Раздетого Бирона прикрутили к широкой доске и стали пытать особым утонченным способом. У него медленно, методично и с полным знанием дела вырезали из кожи маленькие квадраты, отдирали кожу, а рану присыпали солью. Сначала эту операцию произвели у него на груди, потом на боках, в паху...

Судьи предлагали вопросы, палачи старательно делали свое дело, но Бирон молчал. Только лицо его, то сине-багровое, то мертвенно-бледное, да скрип зубов говорили о нечеловеческих муках, которые ему приходилось переносить.

Видя, что «шашечки» не помогают, Ушаков распорядился «посмолить». Палачи достали из печи небольшие чугуны с кипящей смолой и стали каплями лить ее на обнаженное от кожи мясо. Когда на кровавую рану упала первая капля, Бирон дико

вскрикнул, рванулся, широко раскрыл глаза, потом снова затих. Шипя на живом мясе, падала капля за каплей, далеко во все стороны брызгала кровь, но пытаемый не шевелился. Он был в беспамятстве.

После краткого совещания судьи решили продолжать допрос. Бирона несколько раз облили холодной водой, привели в чувство и стали допрашивать без новой пытки. Первый вопрос остался без ответа. Когда судья повторил его, Бирон с огромным трудом повернул голову и плюнул в сторону судей. Возмущенные, они велели продолжить пытку.

Три раза терял Бирон сознание — его отливали водой. Наконец четвертый обморок, длившийся около получаса, испугал истязателей, и полумертвого капитана отнесли в «секретную» камеру.

В это время Тайная канцелярия была завалена делами, и два застенка работали круглые сутки.

По распоряжению Миниха, трем главным судьям — Толстому, Ушакову и Писареву — было присвоено звание инквизиторов.

Тайная канцелярия прилагала все усилия, чтобы найти нити хоть какого-нибудь политического заговора, который мог оправдать действия фельдмаршала, но все было напрасно. Самые жестокие пытки не могли заставить курляндцев сознаться в том, что было нужно Миниху. А в своем рвении инквизиторы перестарались. Один из курляндских баронов, изувеченный в застенке, дал в состоянии полубреда нечто вроде признания и оговорил князя Сергея Путятина, одного из влиятельных вельмож того времени. Именитого князя схватили, жестоко пытали, и, может быть, запытали бы до смерти, если бы за него не вступилась влиятельная родня.

Миних, которому уже успела надоеть возня с мнимыми заговорщиками и который чувствовал себя в роли фактического регента довольно прочно, призвал

во дворец всех трех инквизиторов, накричал на них, изругал и велел «прекратить болванское занятие, от коего по Российскому государству смута сеется». В заключение он приказал немедленно освободить положительно всех, привлеченных по грандиозному делу о заговоре, но сделать это было невозможно, поскольку две трети побывавших в застенках носили слишком «явные улики» против Тайной канцелярии. Состоялось особое совещание инквизиторов и младших судей, где решили отпустить лишь тех, кто не изувечен и не обезображен пытками, остальных же «продолжать допрашивать с пристрастием как особо подозрительных». Освободили 80 человек. Об остальных донесли, что «Тайная канцелярия питает сугубые надежды изобличить злодейства оных».

Освободив Россию от курляндцев, Миних не мог воспрепятствовать вторжению в столицу родственников младенца-императора, □ брауншвейгцев, во главе с самим принцем Антоном-Ульрихом, ближайшим советником которого стал канцлер Остерман, немец, прозванный старой лисицей.

Среди гвардии росло возбуждение, которым умело воспользовалась цесаревна Елизавета, дочь Петра I.

В ноябре 1741 г. Елизавета Петровна подняла гвардию, арестовала Иоанна Антоновича и его родителей, Миниха, Остермана и других и вступила на отцовский престол.

Уже в декабре начались допросы сторонников Бирона, которого в то же время отправили в ссылку, в сибирское местечко Пелым.

Императрица Елизавета Петровна, не любившая курляндцев, приказала схватить тех из них, кто был привлечен к следствию по распоряжению Миниха. Застенки опять наполнились курляндцами, но уже не теми, успевшими познакомиться с дыбой и кнутом, — те бежали на родину, — а другими, ни в чем не повинными.

Снова полились потоки крови, захрустели кости.

Через десять месяцев после ссылки Бирона в тот же Пелым отправился его недруг Миних. У Тайной канцелярии на руках оказались новые дела: «О злоумышлениях бывшего фельдмаршала фон Миниха на здоровье принца Иоанна Антоновича, герцога Брауншвейгского» и «О происках бывшего канцлера графа Остермана».

Сами названия обоих дел были настолько неопределенны, что давали полный простор инквизиторам, которые поняли свою задачу просто: они организовали целый штат шпионов, днем и ночью шнырявших по Петербургу. Стоило такому агенту подслушать разговор, в котором, пусть и косвенно, выражалось сочувствие Бирону, Миниху или Остерману, и неосторожные собеседники попадали в застенки и вносились в список государственных преступников.

В конце 1742 г. Тайной канцелярии пришлось начать розыск еще по одному делу, едва ли не самому серьезному из всех, которыми она когда-либо занималась: императрица Елизавета Петровна назначила наследником российского престола принца голштейн-готторпского (будущего Петра III), сына ее родной сестры — герцогини Анны Петровны.

И вот создался обширный заговор, целью которого было добиться назначения наследником Иоанна Антоновича, уже занимавшего престол после Анны Иоанновны.

Тайная канцелярия бросила иноземцев и всецело отдалась ловле русских, стремившихся к изменению порядка престолонаследия. И снова, наряду с серьезными арестами и допросами, начались курьезы, нередко кончавшиеся трагически. Пример тому — дело прапорщика Бугрова.

Началось с пустяков: прапорщик очень любил выпить и не пропускал ни одного сколько-нибудь

удобного случая, когда можно напиться до бесчувствия «на законном основании».

Такой случай ему представился накануне Троицына дня. По его глубокому убеждению, всякий верующий человек должен встречать праздник в радости, то есть в подпитии.

Проснувшись утром в праздник, «верующий человек» сделал неприятное открытие: добрая баклага вина, оставленная им накануне на похмелье, исчезла неведомо куда. Впрочем, не совсем неведомо, ибо прапорщик имел веские основания подозревать в похищении драгоценной посуды свою жену, постоянно ругавшую его за пьянство. Он «со всею вежливостью» обратился к жене дать ему похмелиться, но та решительно отказала.

Жил прапорщик в своей крошечной усадьбе, кабаков поблизости не было, вином приходилось запасаться загодя и, таким образом, оставалось надеяться единственно на милость жены. Но та была неумолима. Тогда огорченный супруг прибегнул к испытанному средству: набросился на жену с кулаками. Но она отлично знала его привычки и, со своей стороны, приняла меры: схватила ухват и стала обороняться. Битва грозила принять серьезные размеры, единственной свидетельницей вооруженного столкновения была служанка Авдотья Васильева. Опасаясь, что господа изувечат друг друга, она выбежала на крыльцо и отчаянным голосом стала звать единственного дворового человека Бугровых, Василия Замятина. Когда последний вошел в комнаты, там уже наступило перемирие, прапорщик лежал на печи, а жена его сидела на лавке и причитала:

— И чего ты пьешь да буянишь, аспид ты окаянный! Пьешь да безобразничаешь, в среду да в пятницу блудишь, и никакой пропасти на тебя нет. Чай, ни один басурман поганый того не делает!

— Ан врешь! — мрачно отозвался с печи жаждавший опохмелиться Бугров. — Басурмане еще и не то делают. Вот, пожди, навяжут нам в цари басурмана голштинского, коли не удастся отстоять батюшку Ивана Антоныча, тогда и ты обасурманишься...

Замятин обомлел. Еще накануне проезжий офицер читал в деревне бумагу, чтобы все, кому ведомы речи, супротивные назначенному государыней наследнику, о тех речах немедля доносили начальству. За праведный донос бумага сулила всякие милости, а за утайку — кнут да рваные ноздри. Поразмыслив, мужичок отправился в деревню посоветоваться с друзьями и пропал. А через неделю наехало на хуторок всякое начальство, посадило прапорщика с женой в телегу и повезли их прямо в Петербург.

Начался допрос, и, по обычаю, «с пристрастием». При первом же вздергивании на дыбу Бугров повинился, подробно рассказал, как было дело, и клялся, что «иных важных предерзостных и непристойных слов ни допрежь, ни после того не было; про наследника с женой никогда не говаривал, а что им сказано, то спроста да спьяну, а ни в какую силу».

Все-таки «для прилику» прапорщика несколько раз подняли на дыбу, а жену его допросили даже без пытки, и ограничились тем, что ввели ее в застенок, где она сразу упала в обморок.

Тайная канцелярия постановила: «Прапорщика Николая Бугрова за глупые и непристойные слова бить батоги нещадно, затем отпустить. Жене его, Наталье, дать в застенке пять ударов кнутом за то, что слыша мужние речи, не донесла о них. А доносителю Василию Замятину за его извет дать паспорт, в котором написать, что ему, Василию, с женой и детьми от Бугрова быть свободну и жить, где похочет».

Вообще в первые годы царствования Елизаветы Петровны, когда еще был страшен призрак свергнутого

младенца-императора, доносчики неизменно награждались даже в тех случаях, когда и изветы оказывались не только вздорными, но и явно лживыми.

Среди колодников Петропавловской крепости был некий Камов, которому неминуемо грозила сибирская каторга. Здоровый парень, бывший дворовый Разумовских, случайно попал в солдаты. Четырнадцать лет тащил он лямку, принимал участие в нескольких походах и всюду выделялся своей старательностью и смышленостью. Между прочим, в мирное время он в совершенстве изучил токарное ремесло, и это погубило его.

Как способного мастерового Камова из полка перевели в Петербург, где Адмиралтейство нуждалось в опытных рабочих руках. Там он сразу занял положение мастера и уже мечтал о том времени, когда сможет выписать к себе, с разрешения добряка Разумовского, жену, как вдруг ничтожный случай положил конец его мечтаниям.

Камов любил выпить с приятелями. Однажды, немного подгуляв, он продал кабатчику какой-то медный точильный инструмент. Протрезвев, он решил бежать, потому что за утрату казенного добра ему грозило суровое наказание. Однако его скоро поймали и определили в особую мастерскую, где работали исключительно штрафники. Через месяц Камов снова бежал и поселился у свояка, дворцового повара. Рискуя, свояк дал ему приют, всячески уговаривал явиться к начальству и повиниться. В благодарность за все заботы повара Камов обокрал его, начал кутить и был задержан в кабаке, когда пытался сбыть серебряное блюдо с дворцовым клеймом.

До суда Камова поместили в каземат Петропавловской крепости вместе с другими уголовными колодниками.

В то время уголовных колодников не кормили за казенный счет и предоставляли им самим заботиться о собственном пропитании. С этой целью их отпускали в город за подаванием. Выводили в цепях. После одной такой прогулки Камов заявил караульному, что он хочет сделать важное сообщение. Его привели в канцелярию крепости и там он заявил следующее:

— Сегодня, войдя во двор дома Шестерицына, что на Слободской улице, увидел я сержанта комендантского полка Бирюкова, ведшего беседу со стряпчим того дома. Говорил Бирюков, что надо известить немецкого подкидыша и добиться, чтобы российский престол занял наш исконный государь Иван Антонович. И тогда только можно будет честно службу нести, а сейчас, когда надо ждать нашествия немцев, служить тошно.

Колодника Камова немедленно переправили в Тайную канцелярию, куда скоро доставили и сержанта Бирюкова. Допрос начали с последнего. И тут выяснилось любопытное обстоятельство: оказалось, что в тот день, когда Камов слышал разговор, Бирюков по служебным делам находился в Москве, а стряпчий был болен и лежал в постели. Вызванные свидетели подтвердили это.

Когда у Камова потребовали объяснений, он развязно заявил, что мог и обознаться, но что «разговор тот офицера с человеком, одетым во фризовую шинель, он сам слышал, и именно в тех словах, кои передал своему начальству».

Его пытали «не наседливо» — он оставался при том же показании. Тогда, чтобы поддержать ревностность доносчиков, Тайная канцелярия постановила отпустить Камова на все четыре стороны за его преданность государыне, а сержанта комендантского полка Бирюкова, также освободив, держать под сильным подозрением...

Донос в то время процветал, как никогда, и тем не менее главных виновников не удавалось обнаружить. Как всегда, помог случай, и нити заговора обнаружили без всякого содействия Тайной канцелярии.

В то время трехлетний Иоанн Антонович с матерью и отцом находился в крепости Дюнамунде под сравнительно слабым надзором. Барон Черкасский, один из ближайших советников Елизаветы, неоднократно советовал ей приказать вскрывать письма, которыми Анна Леопольдовна обменивалась со многими близкими ко двору лицами, но императрица считала такие меры нечестными, унижающими ее достоинство. Тогда барон самостоятельно взялся за просмотр переписки, и скоро у него в руках собрались неопровержимые улики против Лопухиных, Бестужевых, Путятиных и других, письменно уверявших бывшую регентшу, что Иоанн Антонович во что бы то ни стало займет российский престол.

Это глубоко возмутило Елизавету Петровну. Она прежде всего распорядилась, чтобы всю семью Иоанна немедленно перевезли в более удаленный от столицы Ранненбург, а затем поручила Черкасскому произвести дознание «по всей строгости».

В середине XVIII в., когда пытка считалась вполне дозволенным и надежным средством для «отыскания истины», судьи-инквизиторы очень мало считались с положением допрашиваемых, особенно в случаях, когда допрос чинился по приказанию свыше, а не по собственному почину Тайной канцелярии. Но допрос лиц, уличенных в агитации в пользу воцарения малолетнего Иоанна Антоновича, превзошел, кажется, все, что до того времени видели петербургские застенки.

В уверенности, что избыток усердия в этом деле встретит только одобрение, заплечных дел мастера

довели пытку до последней степени утонченности. Они пытали больше нравственно, чем физически, и, действительно, достигли блестящих результатов: почти все заподозренные признались не только в том, в чем их обвиняли, но и в проступках, о которых обвинители не сказали ни единого слова.

Допрос начался в июне 1743 г. В застенки Петропавловской крепости одновременно привели Сергея Лопухина с женой, их сына Николая и его невесту, девицу Анну Зыбину.

Первым раздели Николая Лопухина, вправили ему руки в хомут и «слегка» подняли на дыбу. Услышав хруст костей, Зыбина упала в обморок. Ее оставили в покое и принялись за юношу. Он с поразительным терпением выносил боль и вполне сознательно отвечал на все вопросы. После формальных вопросов о звании, возрасте и т.д. судьи спросили его, участвовал ли он в заговоре против государыни Елизаветы Петровны. Лопухин твердо отвечал:

— Нет!

Стремился ли он посадить на царство принца брауншвейгского Иоанна?

— Нет! Я желал и желаю видеть на российском престоле его величество, государя императора Иоанна VI Антоновича!

Главное было сделано, требовалось еще выведать имена сообщников. Но на все дальнейшие вопросы юноша упорно отмалчивался. Его «встряхивали», вытягивали на ремнях, били кнутом, но все напрасно. Старики Лопухины стояли, скованные каким-то столбняком. Судьи поглядывали на них выжидательно. Наконец Ушаков, руководивший допросом, громко, ни к кому не обращаясь, сказал:

— Жаль молодца! Все кости ему переломают. Вот ежели бы сообщники выискались, сейчас и пытке конец. Отпустили бы его.

Сергей Лопухин выступил вперед, хотел что-то сказать, но не успел. Его предупредила Анна, только что очнувшаяся от обморока. Молодая девушка, дико озираясь, сидела на грязном полу застенка и старалась понять, что вокруг нее делается. Последние слова инквизитора молнией пронизали ее мозг. Она вскочила, бросилась к судейскому столу и истступленно закричала:

— Отпустите его! Я сообщница!

Николая сняли, вправили суставы, туго стянули ноги и руки и положили у стены, лицом к дыбе. Затем раздели Зыбину, впавшую в полубессознательное состояние, и стали пытаться. Девушка, казалось, не чувствовала боли. На все вопросы она равнодушно отвечала:

— Я его сообщница. Пустите его.

Юноша метался по полу, стараясь разорвать ремни. Напрасно он кричал, что Зыбина ни в чем не виновата, что она оговорила себя. Неумолимые судьи продолжали допрашивать девушку, требуя назвать других соучастников.

Сергей Лопухин умолял пощадить Анну и допросить его, но Ушаков знал, что делал. Секретные сведения, доставленные в Тайную канцелярию, указывали на Николая Лопухина как на одного из главных руководителей заговора; его невеста и родители обвинялись только в соучастии, да и то косвенном. Опытный инквизитор действовал с верным расчетом: молодой Лопухин мог выдержать собственные муки, но пытка невесты развязала ему язык. Он крикнул:

— Не мучьте ее! Я все скажу!

Анну спустили на пол. Николай Лопухин с лихорадочной поспешностью стал давать показания. Он называл десятки имен, указывал мельчайшие разветвления заговора, не щадил никого. Секретарь едва успевал записывать. Допрос длился более двух часов. Наконец все устали. Судьи отправились обедать,

Николая Лопухина и Анну Зыбину отвели в их камеры, а после перерыва началась пытка жены Лопухина в присутствии ее мужа.

И опять посыпались показания, на этот раз — ни на чем не основанные, наскоро придуманные, вызванные исключительно одним горячим желанием спасти от мучений близкого человека...

Таким же образом были добыты показания князя Ивана Путятина, при котором пытали огнем его единственную дочь. Графиня Анна Гавриловна Бестужева оговорила всех, кого помнила, когда при ней подняли на дыбу ее брата Ивана Мошкова. Словом, новый способ применения пытки дал богатый материал для дальнейшего следствия: к делу о заговоре оказались привлеченными несколько сот человек, из которых огромное большинство было виновато разве только в том, что их имена не вовремя вспомнили люди, доведенные до отчаяния.

В течение месяца тюрьмы Тайной канцелярии переполнились еще более, чем при расследовании бирюзовского дела. Судьи запутались в показаниях оговоренных до такой степени, что слова одних записывали в листы других, и наконец, при проверке этого следственного материала были найдены такие курьезы, как показания некоего Александра Топтова, клятвенно утверждавшего, что никогда он не слышал о существовании Александра Топтова, а в показаниях одного гвардейского офицера отмечено: «В камеру принесено дитя для кормления оною грудью».

Словом, получилась совершенно невообразимая путаница, в которой немислимо было разобраться.

Черкасский доложил об этом Елизавете. Государыня приказала подать письменный доклад и написала на нем резолюцию: «Главных злодеев сослать в Сибирь, других бить кнутом и отпустить».

Кнутом, согласно царской резолюции, были наказаны 286 человек, среди которых было несколько офицеров. Один из них, поручик Земцов, не вынес позора и повесился, остальные были разжалованы в рядовые.

Дело о заговоре в пользу Иоанна Антоновича было первым и последним большим делом Тайной канцелярии в царствование Елизаветы Петровны. Правда, не было недостатка в допросах и пытках людей, оговоренных в разных государственных преступлениях, но это были большей частью мелочи, с которыми опытные следователи справлялись без особого труда.

* * *

После тревожных лет власти Петра II, бироновщины и дворцовых переворотов двадцать лет царствования Елизаветы Петровны значительно успокоили и укрепили Россию. Возник первый университет, основался первый русский постоянный театр. Россия приняла участие в семилетней войне и одержала ряд побед над пруссаками. Словом, все обстоятельства говорили о благоденствии страны, насколько это было возможно во времена крепостничества.

Почти не было людей, недовольных императрицей, твердо державшей власть в своих руках. Сыск терял всякий смысл, ибо государственной крамолы не было. С 1753 г., когда Елизавета Петровна отменила смертную казнь, чиновники Тайной канцелярии стали получать лишь половинное жалованье.

В 1751 г. в Тайную канцелярию доставили из Киева важного преступника Ивана Ситникова, скованного по рукам и ногам. Ситников, бывший запорожец, жил в каком-то маленьком городке близ турецкой границы и мирно занимался сапожным ремеслом. По показанию

его знакомых, это был вполне благонадежный человек, никогда ни о какой крамоле не помышлявший.

Случайно он узнал, что один из жителей городка промышляет провозом через турецкую границу пороха, что в то время было строжайше воспрещено. Ситников поспешил сообщить начальству. Началось следствие, но виновный вовремя успел дать взятку нужным людям, и в результате оказалось, что «донос был облыжен». Ситникова как ложного доносчика наказали кнутом.

Незаслуженное наказание страшно оскорбило и озлобило сапожника. Он стал сблизаться с раскольниками, сектантами и вообще людьми, настроенными враждебно к правительству. Результат сказался скоро: Ситников из безобидного человека, про которого раньше никто не мог сказать худого слова, превратился в ярого врага любого начальства. Он всегда изрядно пил, но прежде во хмелю был добродушен и весел, теперь же раздражался бранью в адрес властей. Начальство долго терпело, снисходительно относясь к выходкам сапожника, но наконец терпение лопнуло.

В праздник Благовещения Ситников на единственной площади городка громко поносил Богоматерь и непристойно ругал государыню, осыпая ее самой оскорбительной для женщины бранью. Его взяли, посадили в тюрьму, но что с ним делать дальше — не знали. С одной стороны, это был всем известный сапожник Ванька, который просто «блажил», но, с другой стороны, здесь приходилось иметь дело с серьезным государственным преступником, злодейства которого требовали серьезного и сурового наказания. Местные власти решили снять с себя всякую ответственность в этом мудреном деле и отправили Ситникова в Киев, в распоряжение губернатора.

В Киеве «злодея» пытали, надеясь, по обыкновению, найти какой-нибудь заговор, но Ситников твердо стоял

на своем: «никакого заговора не знает, а кричал на площади блажные слова от хмельного духа».

Киевский губернатор написал об этом казусе в Тайную канцелярию, откуда через месяц пришел ответ: «Злодея Ивана Ситникова, уличенного в богохульстве и поношении Ее Царского Величества, наказать по усмотрению господина губернатора, руководствуясь на сей предмет установленными законами, которые суть: 1) богохульники сжигаются живыми; 3) богохульникам менее виновным прожигают язык раскаленным железом, а потом им отсекают головы; 4) поносителей Пречистой Матери Божией и святых угодников наказывают тельно, либо, по вине смотря, отсекают им суставы, либо вовсе казнить смертью; у хулителей Царского Величества отсекают голову».

Киевский губернатор, однако, не захотел применить к спившемуся сапожнику такие ужасы и отправил его в Петербург, в Тайную канцелярию.

Для инквизиторов «опасный злодей», присланный с турецкой границы, был настоящей находкой, и они посвятили ему все свое время. В результате Ситников даже назвал сообщников. На другой день он, оправившись, потребовал нового допроса и самым решительным образом отказался от всего сказанного им накануне. Он был настолько слаб, что вторично пытаться его не решились, но через две недели, когда раны начали подживать, его снова потребовали в застенок, пытали, и он под влиянием нестерпимой боли опять взвалил на себя небывалые вины, от которых снова отрекся через день. Эта кошмарная игра продолжалась более двух месяцев, пока сами инквизиторы не пришли к убеждению, что далее пытаться его бесполезно и, главным образом, рискованно, потому что ежеминутно можно ожидать его кончины.

Тогда возник новый вопрос, доставивший Тайной канцелярии много хлопот. По церковным правилам

нельзя было давать последнее напутствие человеку, провинившемуся в богохульстве. Обратились в Синод. Оттуда ответили: «Ежели оный преступник покается искренне, от души, то можно препослать ему искусного иерея для исповеди и, буде священнослужитель найдет возможным, также для причастия. Если же покаяние не от души исходило, то да будет над ним суд Божий».

Тайной канцелярии надоела возня с упрямым сапожником, и решено было считать его покаявшимся от души. К нему позвали священника, но опоздали: Иван Ситников скончался, не дождавшись исповеди.

Другой случай не менее характерен.

В московском Симоновом монастыре жил иеродиакон Кирилл, в миру купеческий сын Иван Модестов. Богатырского сложения, здоровый, всегда веселый, он пользовался общей любовью, но как-то не подходил к суровой обстановке монастыря XVIII в. Конечно, и тогда в монастырях уже царил «соблазн», но отец Кирилл вел себя «весьма подобающе», как сообщал Тайной канцелярии настоятель монастыря. Веселого иеродиакона оставляли в Симоновом только потому, что он при вступлении в число братии сделал значительный вклад в монастырскую казну и, кроме того, обитель не оставляли своими милостями и его родственники, люди глубоко верующие.

Сам отец Кирилл откровенно признавался, что попал в монахи «под пьяную руку»: поспорил с приятелем, что пострижется в монахи, и счел своим долгом сдержать обещание. К тому времени его отец, богатый торговец красным товаром, умер. Иван остался единственным наследником. Модестов не долго думая продал отцовскую лавку, вырученные деньги, весьма немалые, отдал монастырю и постригся. Человек, способный всецело отдаваться увлечению, Модестов в первое время считался в монастыре чуть ли не подвижником. Он не пропускал ни одной церковной

службы, вел самый строгий образ жизни, сурово постился, открыто обличал монахов, пытавшихся соблазнить его «мирскими прелестями». Он даже не принимал своих бывших приятелей, которые сначала являлись в монастырь гурьбой, на тройках, чтобы развеселить «бедного Ванюшу».

Через три года отца Кирилла рукоположили в иеродиаконы, и с этого момента ровно бес в нем проснулся.

Он стал исчезать из монастыря на сутки и более, его видели в самых подозрительных компаниях, в обществе сомнительных женщин. Напрасно настоятель увещевал веселого монаха — тот отвечал шутками и звал почтенного старца «тряхнуть стариною».

Старшие иеромонахи собирались уже просить митрополита отправить отца Кирилла куда-нибудь в отдаленную обитель, на послушание, как вдруг над Симоновым монастырем, основанным еще преподобным Сергием Радонежским, стряслась неслыханная беда: ночью понаехали военные и штатские, перерыли все кельи, потревожили всю братию, не пощадили даже древних старцев и немощных. Искали какую-то крамолу, о которой монахи и понятия не имели. Поискали — ничего не нашли и уехали, оставив население монастыря в полном недоумении. Только через несколько дней выяснилось, в чем дело.

Отец Кирилл в компании своих обычных собутыльников кутил в одном из притонов, ютившихся в то время около Покровской заставы. К кутившим пристали три «неизвестных человека», оказавшихся потом сыщиками из Московского розыскного приказа. Иеродиакон, изрядно выпивший, начал высказывать свои взгляды на правительство и, главным образом, на императрицу. Оказалось, что он очень не любит Елизавету Петровну, и в основном за то, что она женщина. По его убеждению, все зло на Руси шло

оттого, что российский престол после Петра I занимали женщины. Свою «политическую» речь иеродиакон закончил такой виртуозной бранью в адрес царствующей Елизаветы, что, по показанию свидетелей, «многие смутясь немало, уйти поспешили».

Сыщики воспользовались случаем и проявили свое служебное рвение. Через четверть часа притон оцепили солдаты, всех присутствующих связали и отправили в тюрьму. Отец Кирилл, отчаянно сопротивлявшийся при аресте, откусил одному сыщику палец, а солдату выбил глаз.

Полетел обстоятельный рапорт в Петербург, в Тайную канцелярию. Оттуда пришел приказ: немедленно заковать преступников в кандалы и под караулом доставить в столицу. Через неделю злополучный иеродиакон со своими товарищами предстал перед судьями.

Но здесь возник сложный вопрос, который мог решить только Синод. В «правилах», которыми руководствовалась Тайная канцелярия, значилось, что лиц духовного звания пытаться «с пристрастием» нельзя. Таким образом, для допроса отца Кирилла требовалось, чтобы синод снял с него сан. По этому поводу завязалась бесконечная переписка. Синод запрашивал Симонов монастырь, обсуждал ответы, посылал дополнительные запросы, требовал разные справки от Тайной канцелярии и т. д. При отсутствии телеграфного и железнодорожного сообщения все это требовало продолжительного времени, проходили месяцы, а отец Кирилл все сидел в одиночной камере, ожидая своей очереди.

Наконец Тайной канцелярии эта волокита надоела и там решили начать допрос иеродиакона без пытки, но «с показательством».

В хмурый осенний день отца Кирилла провели в застенок, где уже находились его бывшие веселые

собутельники. После обычных формальных вопросов ему предложили чистосердечно покаяться «в злом умысле против Ее Царского Величества, императрицы Елизаветы Петровны». Кирилл по совести показал, что ни о каком злом умысле против государыни он никогда не думал, а что «зазорные речи» были произнесены им в пьяном виде, бессознательно.

Его оставили в покое, предложили даже сесть, но при нем начали пытать арестованных вместе с ним, и несчастные, вздернутые на дыбу, обожженные пылающими вениками, избитые кнутом, среди воплей и стонов возводили на Кирилла всякие небылицы, приписывали ему речи и планы, от которых у него волосы шевелились на голове. Один из пытаемых, между прочим, показал, что монах носит у себя на шее, в ладанке, порошок, которым намеревался известить государыню. Судьи немедленно, «с соблюдением всяческого уважения к духовному сану», обыскали иеродиакона. Действительно нашли ладанку, распороли ее, и на стол высыпался серый порошок. Напрасно отец Кирилл клялся, что это зола из кадила, которое горело в Иерусалиме при гробе Господнем, и даже называл монаха, что привез эту золу, — порошок приобщили к делу как важную улику.

С этого злополучного дня отца Кирилла стали каждый день водить в застенки. Ему приходилось присутствовать при пытках не только друзей, но и людей совершенно посторонних. От природы добрый и жалостливый, несмотря на свое сумасбродство, иеродиакон сначала ужасался, рыдал при виде страшных пыток, потом вдруг стал сосредоточенным, угрюмым, а через неделю вдруг бросился на судей и расшвырял их во все стороны, как щепки. На него накинулись конвойные солдаты, но Кирилл обладал недюжинной силой, а сознание опасности развило в нем ловкость, которой никак нельзя было ожидать от

монаха. Он оборонялся руками и ногами, и конвойные солдаты через минуту валялись на полу. Им на помощь поспешили палачи, но и они отступили.

Помешавшийся иеродиакон забаррикадировался разными орудиями пыток, вооружился железными полосами и, сидя в своем углу, рычал как зверь. Если бы это был простой обвиняемый, разъяренные судьи, конечно, без всяких церемоний приказали бы солдатам приколоть его или пристрелить, но об отце Кирилле была заведена целая переписка; его приходилось щадить. И судьи избрали законный путь: отправились к Черкасскому, изложили ему все обстоятельства казусного дела. Тот немедленно снесся с Синодом, и уже через несколько часов в Тайной канцелярии была получена резолюция, предписывающая обращаться с Кириллом как с простым колодником, ибо «Синод признал его татем и разбойником и постановил лишить иноческого сана, коего он по своим поступкам недостоин».

После этого с иеродиаконем перестали церемониться, неизвестно, как его извлекли из угла, что с ним делали, но в «Вершенных делах розыскных дел Тайной канцелярии» о нем красноречиво сказано: «Умер, неведомо от чего».

Вообще монахов в Тайной канцелярии перебивало немало, особенно в последние годы царствования Елизаветы Петровны, и все эти иноки доставляли судьям массу хлопот именно потому, что пользовались известной неприкосновенностью до тех пор, пока носили сан, а Синод всегда медлил с лишением их духовного звания.

Особой ненавистью судей пользовался некий «отец Ферапион» — вероятно, Ферапонт, так как имени Ферапион в православных святцах нет, — привезенный из какого-то небольшого монастыря, затерявшегося в Архангельском крае.

Этот Ферапион ни за что не желал признавать императрицу Елизавету Петровну и упорно возглашал многолетие «благочестивому, самодержавнейшему государю Иоанну Антоновичу».

В монастыре его держать боялись □ отправили в Петербург. Старик, несомненно, был помешан, потому что пел свое «крамольное» многолетие даже на допросе в застенке, но выпустить его Тайная канцелярия не могла, не закончив следствия. Синод, со своей стороны, не считал возможным лишить монаха сана только за то, что он болен, и бедный Ферапион оставался в тюрьме более трех лет, до официальной отмены Тайной канцелярии.

* * *

В первый день праздника Рождества Христова 1761 г. скончалась Елизавета Петровна. Ее кончина искренно опечалила всю Россию. За двадцать лет своего царствования дочь Петра I сумела внести в страну умиротворение после раздоров, которые до нее чинили курляндцы и другие иноземцы. Впереди рисовалось повторение тяжелого прошлого, потому что наследником Российского престола являлся чуждый русским племянник покойной императрицы принц голштейн-готторпский, который и начал царствование под именем Петра III.

Новый государь, даже плохо говоривший по-русски, с первых шагов принялся ломать все, что создала Елизавета, которую он не любил и называл старухой. Впрочем, ему довелось править всего полгода, так что много он не успел, но, между прочим, в феврале 1762 г. подписал указ об упразднении Тайной канцелярии. Этим он, по его собственным словам, хотел показать Европе, что «Россия вышла из состояния варварства и не нуждается в учреждениях, напоминающих

средневековую инквизицию». В таких выражениях был составлен указ.

Официально Тайная канцелярия перестала существовать. Судьи получили «абшид» с приличными пенсиями, колодники были частью отпущены, частью сосланы в Сибирь, но... застенки не были упразднены, в них еще ощущалась надобность.

В сущности, изменилось лишь очень немногое. Ушли инквизиторы, за долгие годы работы приобретшие опыт в допросах и пытках, а их место заняли новые, случайные люди, которым предстояло еще приобретать этот опыт.

Главным распорядителем всяких розысков был назначен любимый генерал-адъютант императора, барон Карл Унгерн-Штернберг, сухой, рыжий немец, весь покрытый веснушками и всецело занятый уходом за своей красотой. Ближайшим его помощником и действительным руководителем сыска был петербургский генерал-полицмейстер, старик Николай Андреевич Корф.

Корф был добродушнейшим человеком, но в застенке он старался казаться суровым и неумолимым, хотя это ему не всегда удавалось. Возможно, что со временем его нервы притупились бы и он сделался бы таким же безжалостным инквизитором, как предшественники, но, к счастью, ведать застенками ему пришлось всего три месяца, и за этот короткий срок не случилось ни одного серьезного дела, требовавшего неуклонной суровости.

Петр III приказывал, чтобы хватали и строго допрашивали всех сторонников покойной государыни, неодобрительно отзывавшихся о новом государе. Если бы Корф захотел исполнить волю императора в точности, пришлось бы забрать чуть ли не все население Петербурга. Поэтому приходилось довольствоваться оборванными представителями

«дна», которые в пьяном угаре считали своим долгом всячески ругать «проклятую неметчину».

Петр III, поспешивший упразднить петровскую Тайную канцелярию, очень интересовался работой «судебных камер», как при нем официально называли застенки. Он даже посетил их два или три раза, чтобы лично убедиться, что там творится правосудие «по-европейски».

Генерал Мельгунов, находившийся при царе почти неотлучно, вел дневник, где очень образно описано первое из этих посещений.

В феврале 1762 г., поздно вечером, император выразил желание немедленно отправиться в Петропавловскую крепость. Подали сани. Его сопровождали, кроме Мельгунова, барон Унгерн-Штернберг и камергер Лев Александрович Нарышкин. По требованию государя, комендант крепости не был предупрежден о прибытии высоких гостей.

Сани лихо подкатили к крепости, государь выскочил из них и в сопровождении маленькой свиты пешком подошел к воротам. После звонка в окошечко выглянул дежурный, который не узнал императора, и калитка распахнулась только после гневного окрика Нарышкина. Появился испуганный офицер и по требованию того же Нарышкина повел нежданных посетителей темными коридорами через маленькие дворики в «судебную камеру».

В застенке шел допрос. Сам Корф мирно пил вино у коменданта, а вместо него распоряжался юный поручик.

Петр III вошел в застенок и остановился, пораженный невиданным зрелищем: на длинной лавке привязанный к ней по рукам и ногам лежал совершенно голый человек, а два парня, одетые в ярко-красные поддевки, били его по спине горящими вениками, лежавший дико визжал; парни, не обращая никакого внимания на вошедших, усердствовали, а сидевший в

стороне за столом молодой поручик повторял, как заученный урок, один вопрос:

— Скажи, кто подговорил тебя бранить государя императора Петра Федоровича?

Офицер лениво взглянул на небольшую группу, остановившуюся в дверях, и, кивнув головой, небрежно заметил:

— Ничего здесь нет любопытного. Напрасно беспокоились.

Петром овладел один из тех припадков бешенства, под влиянием которых он обычно совершал многое, в чем впоследствии ему приходилось раскаиваться. Он бросился к офицеру и стал жестоко избивать его тростью. Поручик, никогда не выдавший государя, хотел было обнажить оружие, но ему вовремя помешали Мельгунов и Нарышкин, шепнувшие, что перед ним сам император. После этого поручик покорно подставил голову и плечи под удары палки.

Как всегда, Петр скоро пришел в себя. Он велел немедленно прекратить допрос и освободить голого человека. Путая русские слова с немецкими, он долго доказывал офицеру, что судебные камеры существуют не для пыток, а для правосудия, что в Голштинии судьи пользуются всеобщим уважением, потому что они уважают других. Но поручик, ошеломленный всем случившимся, едва ли понял сотую долю царских наставлений. По словам генерала Мельгунова, он «стоял с глазами, выпученными, аки у рака отваренного».

Корфу дали знать, что в крепости находится царь. Генерал-полицмейстер поспешил в застенки, но встретил государя уже в коридоре, направлявшегося к выходу. Петр не обратил никакого внимания на вытянувшегося в струнку старика и только процедил сквозь зубы:

— Чудовище!

После этого внезапного посещения барон Унгерн-Штернберг распорядился, чтобы допросы «с пристрастием» велись исключительно в застенке на Петербургской стороне, а в Петропавловской крепости осталась лишь показная «следственная камера», которой Петр при своем вторичном посещении остался очень доволен.

Из курьезов, которыми изобиловала упраздненная, но все-таки продолжавшая существовать Тайная канцелярия при Петре III, нужно отметить «расследование о преступной организации, поставившей себе целью мешать отправлению богослужения в храмах». Это витиеватое название было придумано самим государем и затем дословно переведено на русский язык. В действительности это было то же самое дело о кликушах, которое разбиралось еще при Петре Великом и составило в «Делах» Тайной канцелярии целый объемистый том.

Петр III любил подражать халифу Гаруну аль-Рашиду и гулять по городу. Из ста его подданных навряд ли императора знал в лицо один. Однажды после бессонной ночи (он вообще страдал бессонницей, засыпал часа на два-три, потом поднимал дежурных офицеров и совершал куда-нибудь неожиданные наезды) он в сопровождении дежурного генерал-адъютанта отправился в небольшую церковь близ Ораниенбаума. Никто, конечно, не ждал императора, и он застал обычную картину захолустного храма во время ранней обедни: несколько тускло мерцающих свечей перед наиболее чтимыми иконами, темные фигуры старух, гулко раздающиеся с амвона слова... Но церковь, куда случайно попал император, была известна в народе тем, что ее настоятель «отчитывал» кликуш — несчастных нервнобольных крестьянских женщин, корчащихся в судорогах на холодном

каменном церковном полу и искренне верящих, что в них «лютует бес».

Петр вошел в церковь и остановился у дверей. Там же жались женские фигуры. Дьячок на клиросе запел «Иже херувимы...», и вдруг фигуры отделились от стен, грохнулись возле царя, закричали, завопили, забились в припадке, стали хватать Петра за ноги, за полы шинели...

Петр, сам отличавшийся нервностью, вскрикнул, бросился вперед, споткнулся и упал среди барахтающихся тел. Когда его подняли, он был в полуобморочном состоянии, и его пришлось почти нести в ораниенбаумский дворец.

Через день после этого случая во всех церквях с амвона читали царский указ, воспрещавший «всякие безобразия в божьих храмах, особливо же валяние по полу и непристойные вскрикивания», причем виновным грозил немедленный арест и строгий розыск о причинах такого поведения.

Разумеется, больных этот указ не излечил, но бедному Корфу пришлось много возиться с кликушами, которых ему ежедневно доставляли со всех концов Петербурга и, если бы Тайная канцелярия продолжала в это время существовать официально, ей было бы довольно работы. Корф отлично понимал, что больных нельзя лечить пытками, и допрашивал женщин только ради соблюдения формальностей. К тому же ни для кого, кроме самого Петра и его ближайших фаворитов, не было тайной, что назревает переворот, который наверняка изменит многое, по крайней мере, в столицах...

Новый дворцовый переворот совершился в июне 1762 г.: супруга Петра III, урожденная принцесса Ангальт-Цербтская, при помощи войск провозгласила себя российской самодержицей и вступила на престол под именем Екатерины II.

Петр III, оставленный всеми, при таинственных обстоятельствах скончался через неделю после переворота.

У власти опять стали новые люди, опять началась ломка старого, но на этот раз реформы действительно проводились с целью подвинуть Россию в сторону Европы, и русские встречали новшества без особого ропота.

Когда после переворота дворцовая жизнь вошла в обычную колею, Екатерина II распорядилась немедленно уничтожить застенки как в Петербурге, так и в Москве.

Но в Петербурге была создана Тайная экспедиция.

Формирование штата Тайной экспедиции последовало, по-видимому, только 10 декабря 1763 г., когда указом Сенату сенатский секретарь Шешковский был назначен состоять «по некоторым поручениям от нас делам при наших сенаторе т. д. с. Панине, ген.-прокуроре Глебове», с жалованьем 800 рублей в год. «Да при тех же делах, — говорилось в указе, — быть протоколисту Зотову, канцеляристам Зряхову и Волокову и копиисту Казину». С этого времени Степан Иванович Шешковский делается бессменным фактическим главой Тайной экспедиции. Известны многочисленные свидетельства современников об истязаниях людей, попавших в руки Шешковского, и его различных приемах, которыми он добивался «раскаяния» и «сознания» у привлеченных к следствию.

Это был загадочный человек, волей капризного случая поднятый из низов на вершину чиновничьей лестницы. В молодости он много учился, писал стихи, брал уроки живописи и очень недурно набрасывал модные в то время амурные пасторали (одна из них, «Психея у ручья», хранится в Эрмитаже). Одно время Шешковского даже считали вольнодумцем и при Елизавете Петровне он едва не попал в ссылку.

Июньский переворот сыграл в жизни Степана Ивановича роль кризиса. Платон Зубов, твердо ставший у трона, оценил достоинства скромного чиновника, приблизил его к себе, представил императрице, и через несколько лет имя Шешковского в Петербурге произносили шепотом, с почтением, смешанным со страхом. Приказание «явиться к Шешковскому» повергало в трепет даже людей, занимавших видное положение, украшенных орденами.

Имя Шешковского было окружено непроницаемой дымкой таинственности. Жил он на углу Садовой и Итальянской (где, кстати, спустя сто с лишним лет народовольцы будут делать подкоп для взрыва царской кареты), в небольшом особняке, некогда принадлежавшем Бирону. Люди, которые проходили мимо этого домика, приветливо выглядывавшего из-за палисадничка, переходили на другую сторону и пугливо косились. Никто из побывавших «в гостях» у Степана Ивановича не рассказывал, что ему там пришлось пережить. На расспросы все только отмалчивались, а наиболее откровенные скрежетали зубами и обещали «стереть в порошок» Шешковского. Во всяком случае, Шешковский за свои «старания» имел, очевидно, основание бояться должного возмездия. Он решался обедать только во дворце, когда его приглашали к царскому столу, а дома ел лишь яйца, которые пекли в его присутствии, да просфоры, приносимые ежедневно настоятелем приходской церкви. Очевидно, несмотря на высокий чин и всевозможные награды, ему жилось далеко не сладко...

Майор Бехтерев, которому пришлось посетить Шешковского «по особому приглашению», описал в дневнике его наружность: «За столом, заваленным грудями бумаг между двух восковых свечей, я разглядел прямо сидевшую против меня добродушную фигуру невысокого, сгорбленного, полного и кротко

улыбавшегося старика. Ему было под семьдесят лет. В таком роде я встречал изображения некоторых, прославленных тихим правлением, римских пап. Жирный, в мягких складочках, точно взбитый из сливок, подбородок был тщательно выбрит, серые глаза глядели вяло и сонно; умильные, полные губы, смиренно и ласково сложенные, казалось, готовы были к одним ободряющим привет и ласку словам. Белые, сквозящие жирком руки в покорном ожидании были сложены на животе...».

Этот «добрый старичок» не стеснялся, когда к нему попадал человек, чем-либо провинившийся перед фаворитами государыни или просто не поладивший с ними. Он начинал допрос вкрадчиво, мягко, под видом дружеской беседы, затем в его голосе начинали звучать резкие, стальные нотки, глаза загорались недобрым огнем, белая рука тянулась к серебряному колокольчику, вбегали несколько рослых гайдуков, и здесь же, в кабинете, начиналась расправа...

По приблизительному подсчету современников, принимавших в расчет число посетивших таинственный особняк на Садовой, Шешковский за 15 лет своей «работы» высек не менее двух тысяч человек, среди которых были особы генеральского чина и даже дамы, пользовавшиеся почетом в обществе. Старый камердинер Степана Ивановича, переживший своего господина, перед смертью показывал, что не проходило дня, когда в кабинете Шешковского кого-нибудь не истязали.

Избитые, даже генералы, молчали, потому что не хотели сознаваться в своем позоре, но бывали случаи, когда посещение Шешковского влекло за собой суровые последствия. Не раз случалось, что темной ночью к «черному» крыльцу на Садовой подкатывала фельдъегерская тележка или, если допрос у Шешковского кончался особенно печально для

допрашиваемого, простая кибитка, крытая рогожей. С крыльца сводили или сносили, кого указано, и бодрая тройка мчалась к заставе. Верные люди, снабженные «открытым листом», быстро и без огласки доставляли порученного им человека в какой-нибудь захудалый городишко, где он попадал под опеку привыкшего не рассуждать городничего или гарнизонного начальника. Таким образом Шешковский избавлялся от людей, которых нельзя было образумить ни угрозами, ни плеткой.

Как известно, наследник престола великий князь Павел Петрович расходился во взглядах с матерью, почти не показывался в Петербурге и жил в Гатчине, окруженный своими друзьями. Орловцы и зубовцы, конечно, относились к гатчинцам враждебно, и эта распря давала Шешковскому возможность широко проявлять свою деятельность. Бывали случаи, когда он «беседовал» с близкими любимцами князя Павла, и тогда Павел, выведенный из себя, мчался к Екатерине, жаловался, но никогда ничего не добивался.

Мягкий, вкрадчивый Степан Иванович немало содействовал расширению пропасти между державной матерью и сыном...

6 ноября 1796 г. скончалась Екатерина II, и 7 ноября Шешковский ушел в отставку, без всякой пенсии. Он умер в нищете.

В Тайной экспедиции появились новые лица. В 1794 г. дела стал приводить в порядок А. С. Макаров. Эти дела после Шешковского оказались в «большом неустройстве», и Макарову понадобилось несколько месяцев. Макаров вступил в службу в 1759 г., был секретарем при рижском генерал-губернаторе Броуне, а потом служил в Петербурге при генерал-прокуроре Самойлове. При императоре Павле он был начальником Тайной экспедиции. Ермолов отзывался о нем как о человеке «благороднейшем и великодушном».

Тайная экспедиция, видимо, не располагала сетью агентуры, которая держала бы ее в курсе всех важнейших явлений в области общественной мысли и общественного движения. Правда, в письме Екатерины II сенатору Суворову по делу Хитрово было сказано: «Впрочем, по полкам имеете уши и глаза», а московский главнокомандующий князь Волконский доносил ей о своем распоряжении обер-полицмейстеру «употребить надежных людей для подслушивания разговоров публики в публичных сборищах, как то: в рядах, банях, кабаках, что уже и исполняется, а между дворянством также всякие разговоры примечаются». Но это, видимо, был случайный материал, не отражавший настроений и фактов жизни хотя бы двух столиц империи с их населением в несколько сотен тысяч человек, не говоря уже о всей остальной России.

Следственные документы Тайной экспедиции определенно говорят, что главный материал, на котором строились процессы, — это доносы. Широко развитые в практике русской жизни в течение всего XVIII в. доносы в последней трети этого века получили особое значение во всех судебных процессах, и в политических в частности, изменив только после манифеста 13 октября 1762 г. свою форму. Этим манифестом было запрещено произносить «Слово и дело», но все подданные императрицы обязывались доносить в указанные места обо всем, что им станет известно по «первому» и «второму» пунктам; устанавливалась ответственность за недонесение, за ложный донос; последними в практике судебных процессов стали считаться такие доносы, которые не подтверждались или признанием обвиняемого, или уликами третьих лиц. Поэтому донос о чем-либо сказанном с глаза на глаз был очень рискованным, он легко мог стать ложным, в то же время умолчание о таком факте могло повлечь тяжелые последствия, если

автор сказанного сам мог рассказать об этом кому-нибудь третьему и донос поступал от того. Требовалось, чтобы донос следовал непосредственно за получением сведения о проступке.

В практике Тайной экспедиции было немало процессов, где констатирован ложный донос, и потому такие дела оканчивались тем или иным наказанием доносчика.

Содержание доносов, а также сведения, поступавшие к ней, Тайная экспедиция проверяла и дополняла: вызывались и допрашивались свидетели, устраивались очные ставки, составлялись «вопросные пункты». Обвиняемые или свидетели или собственноручно писали показания, или с их слов составлялся протокол допроса чиновниками Тайной экспедиции. Наконец, для проверки сведений, содержащихся в доносах или в показаниях обвиняемых и свидетелей, чиновники Тайной экспедиции посылались в места, так или иначе связанные с данным процессом. Кроме того, аресты обычно сопровождалось обысками, при которых забирались вещественные доказательства в виде записок, писем, документов всякого рода и пр. Широко применявшаяся тогда перлюстрация также часто доставляла Тайной экспедиции важные сведения для производимого ею следствия.

В делах Тайной экспедиции имеются прямые указания на применение пытки к подсудимым. Так, например, по приказу Екатерины II в 1762 г. был подвергнут «для изыскания истины с пристрастием под батожем» Петр Хрущев, а потом и Семен Гурьев.

Не случайно именно Тайная экспедиция и ее московская контора возглавили розыск по делам участников пугачевского восстания, которым они исключительно занимались в течение всего 1774 и большей части 1775 г. Этим же розыском занимались и

другие учреждения — губернские канцелярии главным образом районов, охваченных движением, и временные секретные комиссии из гвардейских офицеров, названные Оренбургской и Казанской. В состав комиссий наряду с гвардейскими офицерами входили и чиновники Тайной экспедиции. В этих комиссиях на следственные дела составлялись экстракты, которые направлялись в Сенат, где по ним в Тайной экспедиции выносились решения после получения соответствующих указаний от Екатерины, которая принимала самое деятельное участие в розыске. Приговоры Тайной экспедиции приводились в исполнение секретными комиссиями на месте. Все остальные дела участников восстания, не попавшие по тем или иным причинам в сферу деятельности этих секретных комиссий, рассматривались в обычном порядке в Тайной экспедиции.

Первым по времени, судя по протоколам, было дело лейб-гвардии сержанта Петра Бабаева. Он обвинялся в том, что при взятии Сорочинской крепости войсками восставших публично именовал Пугачева «Величеством Петром Федоровичем... целовал у него руку. А после, смотря на него пристально и по разным сходным с покойным государем Петром приметам, признал его точно за истинного Петра, о чем всюду и всем сказывал и уверял».

Комиссия «всячески старалась извлечь из него признание, увещевала его сама и через священника и, наконец, водила в застенок для устрашения пыткой, но ни тем, ни другим до желаемого сведения он не был доведен, а утвердился на своем показании». Трудно сказать, что побудило старого солдата стоять на своем. Возможно, здесь сказалась огромная вера в справедливого «надежду-государя». По приговору Тайной экспедиции, утвержденному Екатериной Бабаев был наказан кнутом в «четыре-х местах, в том числе

напоследок в Сорочинской крепости, где от него вышесказанное разглашение последовало».

К 1774 г. относится много дел о привлечении к следствию дворовых, ремесленников и другого люда за распространение слухов. В апреле в розыск был взят крестьянин Панкрат Абакумов, говоривший: «...был он на низу, и что Томского полку целая половина пропала, а оставшаяся половина сопротивляется».

Тогда же производился розыск по делу Федора Гориянова, дворового человека отставного поручика Усова. На вопрос целовальника, почему у него, Гориянова, сапоги худы, Гориянов убежденно отвечал: «Дай Бог здоровья Петру Федоровичу, а у него сапоги будут». Во время розыска выяснилось, что и другие дворовые часто говорили между собой о Пугачеве, что он подлинно Петр III, что у него много войска, что он скоро будет в Москве и «они все будут за него стоять, и если бы они были отданы в солдаты, то они бы все пошли к нему на службу». Повар Ремесленников добавлял, что Пугачев не только скоро будет в столице, но еще «белопузых дворян всех перерубит». Дворовых людей били плетьюми.

В июне 1774 г. в Тайную экспедицию поступил донос от отставного прапорщика Зубова на крестьянина Петра Пономарева, работавшего у него плотником. На вопрос Зубова, почему он в худом кафтане, плотник ответил, что «взять негде, потому что часто с него на казначейские расходы сходится по рублю. Вот уж придет государь, то что-то им будет», — добавил он. На вопрос, какой государь придет, Пономарев отвечал: «Государь наш и новый царь».

Солдаты Нарвского пехотного полка Ларион Казаков и Никита Копнин в мае 1774 г. были осуждены Тайной экспедицией к наказанию шпицрутенами «через полк шесть раз», что фактически означало верную смерть, за намерение бежать из полка к Пугачеву.

Солдаты Преображенского полка, расположенного в Петербурге, Ляхов, Мясников и Филиппов были пойманы уже в Новгородской губернии. В Тайной экспедиции они сознались в намерении «идти на службу... к Пугачеву... чая получить от него... награждение». Они были наказаны в экспедиции плетью и отправлены на каторгу в Таганрог, где должны были употребляться «в тяжких казенных работах».

Крестьянин Ульян Филатов, называл Пугачева государем и говорил: «Он всех бояр будет казнить, и ежели бы де была его, Филатова, воля, и он бы боярский род перевел». По розыску стало известно, что подобные разговоры Филатов вел уже несколько недель. В последнем разговоре он делился: «Слава де Богу, недолго нам за господами жить, потому что ныне идет к нам Петр Федорович и всех крестьян отпишет на себя, а господ перевешает».

После подавления крестьянской войны и казни Емельяна Пугачева Тайная экспедиция развернула широкую карательную деятельность. С 1774 г. в Тайную экспедицию из Оренбургской и Казанской секретных комиссий начали доставляться протоколы и розыскные дела. За это время экспедиция вынесла решения по 685 розыскным делам участников мятежа. Из них 177 были делами крестьян, 246 — делами казаков, 22 — работных людей (преимущественно молотовых рабочих), 55 — башкир, татар, чувашей и других инородцев, 15 — солдат, 140 — священников и 29 — дворян (главным образом офицеров).

В том числе приговоры были вынесены по делу Юлая Азналина и Салавата Юлаева, пугачевских полковников и есаулов. За исключением 109 человек яицких казаков во главе с Петром Булдыгиным, освобожденных от наказания, потому что они «не только сами явились, но и привезли его (Пугачева) с собой в Уральск, предали правосудию», т.е. в руки

правительства, почти все руководители восставших были казнены. Что же касается рядовых участников восстания, то они были подвергнуты различным наказаниям. Крестьян обычно после наказания кнутом или плетью отправляли к их помещикам или на каторгу в Таганрог и Рогервик, где их должны были «во всю жизнь содержать в оковах», или в Сибирь на поселение.

Такой же расправе подвергались и работные люди, принимавшие участие в крестьянской войне. В числе их жестоко был наказан плетью и сослан «в тяжкую каторжную работу» предводитель отряда работных людей Боткинского завода молотовый мастер Семен Пономарев. В отдельных случаях работные люди после наказания посылались на различные заводы, причем мастера — в качестве простых рабочих с условием, «что в мастера всю жизнь их не произведут».

Священников, как правило, не подвергали телесным наказаниям, но в большинстве случаев «лиша священства, посылали в Нерчинск на каторжную работу вечно». Иногда священников после лишения сана отправляли в солдаты, «а буде негодны, то положив в подушный оклад, причисляли во крестьянство».

Жестоко расправлялась Тайная экспедиция с теми из дворян, которые изменили интересам своего класса или недостаточно их защищали. В феврале 1774 г. экспедиция осудила к лишению всех чинов и дворянского звания, записанию в солдаты и наказанию шпицрутенами поручика Илью Щипачева, прапорщика Ивана Черемисова, подпрапорщика Богдана Буткевича; первого — за то, что, оставшись старшим офицером Самарской крепости, сдал ее без сопротивления повстанцам и присягнул Пугачеву, второго — за сдачу повстанцам без сопротивления отряда пленных польских конфедератов и также за присягу Пугачеву, третьего — тоже за присягу Пугачеву.

В сентябре 1762 г., в дни коронации Екатерины, в Тайной экспедиции производился предварительный розыск по крупному политическому процессу — делу гвардейских офицеров, братьев Гурьевых, Петра Хрущева и коллежского асессора Алексея Хрущева, замышлявших путем дворцового переворота возвести на престол Иоанна Антоновича. К вынесению приговора по этому делу Тайная экспедиция имела слабое отношение. Решение было вынесено Сенатом. Петр Хрущев и Семен Гурьев, после лишения чинов и публичного шельмования, были сосланы на Камчатку в Большерецкий острог. В Якутск сослали Ивана и Петра Гурьевых. Алексею Хрущеву было предписано «жить в своих деревнях, не выезжая в столицы». В январе 1764 г. императрица пересмотрела решение и предписала Алексея Хрущева сослать в Тобольск. Из ссылки братья Гурьевы были возвращены только в 1772 г., то есть ровно через 10 лет после их ареста.

Если в 1762 г. розыск по этому крупному политическому делу велся в Тайной экспедиции лишь частично, то в 1763 г. по аналогичному делу солдата Преображенского полка Михаила Кругликова все розыскное дело от начала до конца велось в Тайной экспедиции. Кругликова обвиняли в распространении слухов о состоявшемся якобы собрании пятисот Преображенских солдат, «которые другую ночь не спят для Ульриха» — отца бывшего императора Иоанна Антоновича, принца брауншвейгского Ульриха-Антоня. Во время розыска выяснилось, что слова Кругликова были чистым вымыслом. Несмотря на это, Екатерина встревожилась. В записке к Панину она указывала: «... при наказании оного служивого прикажите хотя Шешковскому, чтобы еще у него спросили, где оные 500 человек собираются и видел ли он их или слышал от кого?».

Кругликова приговорили к наказанию батогами и ссылке в сибирский гарнизон.

В 1769 г. по доносу «майорши» вдовы Анны Постниковой, было открыто намерение офицеров Преображенского полка Озерова, Жилина, Попова и Афанасьева совершить государственный переворот и возвести на престол Павла Петровича. После предварительного следствия это дело было рассмотрено судом особой комиссии в составе генерал-полицмейстера Чечерина, Елагина, генерал-прокурора Вяземского во главе с Паниным. Обвиняемые были приговорены к лишению всех чинов, дворянства и звания, к ссылке в Нерчинск на вечную работу, на Камчатку и заключению в Дианементскую крепость.

Вся эта группа дел свидетельствует, что во второй половине XVIII в. чиновники политического розыска не видели разницы между умыслом, т. е. намерением совершить преступление, и фактом его совершения. Обвиняемые только высказывали намерение, но в действительности решительно ничего не предприняли для организации переворота. Вся их антигосударственная деятельность практически свелась к одному: разговорам на эту тему в узком кругу. Действия участников всех этих «заговоров» не представляли опасности для правительства. Несмотря на это, им было придано большое значение.

Дело в том, что Гурьевы и Хрущев выражали недовольство порядками, установившимися в гвардии для офицеров. То же самое говорил и Кругликов, имея в виду солдат. Попов жаловался на пренебрежение правительством интересами дворянства, на финансовые трудности, вызванные войной с Турцией, и чрезмерную любовь Екатерины к Орловым. Императрица не могла не считаться с настроениями той самой гвардии, штыками которой она была возведена на престол. Получив власть из рук гвардии, Екатерина была не прочь ее обуздать и

вытравить из сознания офицеров самую мысль о возможности таких переворотов в будущем.

Значительно более опасными для правительства Екатерины были другие заговоры, в частности, заговор поручика Смоленского пехотного полка Мировича, предпринявшего в июле 1764 г. попытку освободить Иоанна Антоновича и возвести его на престол.

Дед Василия Мировича был приверженцем Мазепы, отец тоже в чем-то замешан. В обвинительном заключении Мирович назван внуком и сыном изменников. Было ему 24 года. Картежник, мот, постоянный должник — что называется, без царя в голове, он все время добивался возвращения конфискованного отцовского имущества.

У отставного барабанщика из крепости Мирович случайно узнал, что в Шлиссельбурге заточен Иоанн Антонович. И у него возникает мысль освободить его. Зачем? Да кое-что изменить в России. Что же? На допросе Мирович изложил причины, побудившие его пуститься в такое рискованное предприятие. Их четыре: 1) что «он не имел свободного входа при высочайшем дворе в те комнаты, где ее императорское величество присутствовать изволит, и в кои только штаб-офицерского ранга люди допускаются»; 2) что «в те оперы, в которых ее императорское величество сама присутствовать изволила, он равномерно допускаем не был»; 3) что «в полках штаб-офицеры не такое, какое следует офицерам по своей чести отдают, и что тех, кои из дворян, с теми, кои из разночинцев, сравнивают и ни в чем преимущества первым против последних не отдают»; 4) что «по поданной им ее императорскому величеству челобитной о выдаче из отписанных предков его имений, сколько из милости ее императорского величества пожаловано будет ему, в резолюции от ее величества написано было: как по

прописанному здесь проситель никакого права не имеет, потому отказать...».

Мирович вошел в сговор с поручиком Аполлоном Ушаковым. Они порешили так: Мирович постарается быть посланным в караул в Шлиссельбургскую крепость, а Ушаков, надев штаб-офицерский мундир, должен был в крепость приплыть на шлюпке и, представившись Мировичу при всех подполковником Арсеньевым, предъявить указ императрицы: арестовать коменданта крепости, заковать его в кандалы и с таинственным узником везти в Петербург. А там они намеревались, пристав в шлюпке к Выборгской стороне, показать Иоанна артиллеристам и прочесть составленный Мировичем манифест о настоящем государе. После присяги новому государю полки должны были захватить Сенат, правительственные учреждения.

Заговорщики и не предполагали, насколько их план наивен. Правда, Ушакову не суждена была публичная казнь. Воистину, кому суждено быть повешенным, тот не утонет. Военная коллегия послала Ушакова с казнью к генералу князю М. Волконскому, и он по пути утонул в реке.

Мирович продолжал начатое дело один. Он дождался, когда Екатерина уехала в Прибалтику, и явился в крепость как караульный офицер Смоленского полка. Караульные офицеры дежурили неделю, потом сменялись другими.

Мирович попытался в крепости прощупать офицера Власьева. Но тот, почувствовав неладное, сразу известил графа Панина.

«Сего июля 4-го дни, после полудня, вышел я для прогулки в крепости и сошелся со мною караульный обер-офицер Смоленского пехотного полка и начал мне говорить: «Ежели дозволите мне вам довериться, не

погубите меня». Прочел я из тех разговоров, что клонился он до нашей комиссии».

Ночью от коменданта крепости пришел посыльный: в крепость нужно было пропустить гребцов. Спустя несколько минут пришел он опять: следовало пропустить канцеляриста. Потом нужно было гребцов выпустить. Это не то что необычное, а прямо удивительное оживление насторожило Мировича. Он понял, что Власьев донес на него.

Мирович оделся и со шпагой в руке ворвался в караульную, крича: «К ружью!» Он отправил трех солдат к выходам с приказом никого не впускать и не выпускать. Под командованием Мировича была команда Смоленского полка из 45 человек. По его приказу они притащили пушку, зарядили ее и направили против гарнизонной команды.

Комендант крепости вышел на крыльцо и крикнул Мировичу, желая узнать, в чем дело.

Тот с ружьем бросился к нему, крича:

— Ты здесь держишь нашего государя!

Мирович ударил коменданта прикладом так, что разбил ему лицо.

Во главе солдат Мирович пошел к казарме, где обитал Иоанн. Гарнизон стал стрелять. Солдаты пехотного полка отступили и, опомнившись, потребовали у Мировича объяснений. Мирович вынес им из кордегардии поддельный манифест и зачитал его.

Подстегивая солдат и не давая им опомниться, он велел прикатить пушку, что и было исполнено. Пушку зарядили и установили перед казармой.

Власьев и поручик Чекин, видя такое дело, решили поступить по инструкции. А в инструкции предписывалось в таких случаях узника убить. Что они и сделали.

Гарнизонная команда под наведенной пушкой сдалась, и Мирович вбежал в казарму:

— Где государь?

— У нас государыня, а не государь, — отвечал Чекин.

Мирович закричал:

— Отпирай дверь и укажи государя!

Вошли в комнаты и увидели на полу бездыханного Иоанна.

Тело было выставлено перед построившимися солдатами. Под бой барабана Мирович поцеловал у лежащего руку и воскликнул:

— Вот наш государь Иоанн Антонович, и теперь мы не столько счастливы, как несчастны, и я более всех! За то я все и претерплю; вы не виноваты, вы не ведали, что я хотел сделать, и я за всех вас буду ответственность и все мучения на себе сносить!

Идя вдоль шеренги, Мирович целовал солдат. В это время капрал схватил его сзади. Подбежавший комендант сорвал с Мировича офицерские отличия и шпагу. Мировича арестовали. Тут появился приехавший командир Семеновского полка, и Мирович сказал ему:

— Может быть, вы не видели живого Иоанна Антоновича, так ныне мертвого можете посмотреть. Он кланяется вам теперь не духом, а телом.

Вот так кончилась эта история. Иоанна похоронили где-то на территории крепости, а Мировичу отрубили голову, и тело сожгли.

Тайная экспедиция ведала также делами о самозванцах. Велся розыск по следующим делам: Елизаветы Таракановой, выдававшей себя за дочь Елизаветы Петровны (1775), в 1765 г. беглого рекрута Евдокимова, украинца Колченко, беглого солдата Кремнева, капитана Кретьева, солдат Чернышева и Сенюшина, в 1797 г. — московского купца Петерикова, выдававших себя за Петра III. Кроме того, в 1784 г. сына пономаря Зайцева, выдававшего себя за великого князя Павла Петровича, и купца Тимофея Курдюмова,

выдававшего себя за принца Иоанна. Большинство самозванцев, дела которых рассматривались в Тайной экспедиции, были подвергнуты смертной казни или наказанию кнутом, вырыванию ноздрей и ссылке в каторжные работы.

* * *

В последней четверти XVIII в. в России появляются и работают замечательные просветители А. Н. Радищев, Н. И. Новиков, В. В. Попугаев, И. М. Борн, Ф. В. Кречетов, В. В. Лассек. Власти относились к ним подозрительно. Екатерина назвала Радищева «бунтовщиком хуже Пугачева».

Радищев Александр Николаевич (1749 – 1802) — выдающийся писатель, философ и просветитель, основоположник русской революционной литературы. Родился в дворянской семье. С 1766 по 1771 г. учился в Лейпцигском ун-те. По возвращению в Россию служил в Сенате и петербургской таможне, одновременно занимался литературой и научной деятельностью. В 1790 г. анонимно издал свое основное произведение «Путешествие из Петербурга в Москву», в котором нарисована потрясающая картина угнетения и эксплуатации крестьян в России. Обосновывая право крестьян на восстание против помещиков и царя, выдвинул идею народной революции. По приказу Екатерины II был арестован в 1790 г. и приговорен к смертной казни. Смертный приговор заменен ссылкой в Сибирь, в Илимский острог. Книга Радищева была сожжена. После смерти Екатерины в 1796 г. амнистирован, но травля его продолжалась. 11 сентября 1802 г. покончил жизнь самоубийством.

Оставил многочисленные исторические, экономические и философские работы, в которых

выступает как крупный ученый, мыслитель и горячий патриот своей Родины. Продолжая материалистические традиции Ломоносова, явился основоположником русской материалистической философии. Он доказывал материальность мира и его познаваемость. Движение рассматривал как неотъемлемое свойство материи. К основным произведениям относятся также «Письмо к другу, жителюствующему в Тобольске, по долгу звания своего», «Житие Федора Васильевича Ушакова», «О человеке, его смертности и бессмертии», одна «Вольность».

Радищев был арестован Тайной экспедицией. В протоколе от 20 декабря 1790 г. записано: «Находящийся при здешней таможене коллежский советник Радищев сочинил и напечатал в своей типографии книгу, наполненную зловерными мыслями против царской власти и правительства, которая дошед до рук Ее Императорского Величества, прислана была в Тайную экспедицию с замечаниями, сделанными собственною ее рукою, против коих и велено было оного Радищева допросить. При допросе он... говорил, что, по его мысли, подобное когда-нибудь исполнится, но не в нынешнее время».

Розыск по делу Радищева велся Шешковским и графом Безбородко. Шешковским на основании «замечаний» Екатерины были составлены вопросные пункты, предъявленные Радищеву, и протоколы допросов. В последних Шешковский значительное место уделял биографии Радищева, сведениям о его литературной работе и выяснению целей, которые тот ставил перед собой написанием книги «Путешествие из Петербурга в Москву». При этом Шешковского особенно интересовало отношение Радищева к освобождению крестьян. Протоколы допросов книгопродавца Зотова и Николая Петрова, арестованных по обвинению в

распространении книги Радищева, составлялись тем же Шешковским. Тайной экспедицией был подготовлен проект приговора Радищеву, которым он присуждался к смертной казни. Этот приговор Екатерина заменила ссылкой в Илимский острог на 10 лет. Но перед этим Радищев успел еще насидеться в Петропавловской крепости. Он вообще был впечатлительным человеком: когда узнал, что его делом поручили заниматься Шешковскому, упал в обморок. Пока Радищев находился в крепости, его родственники каждый день посылали Шешковскому гостинцы, и, пожалуй, лишь это спасло писателя от пыток. Шешковский ограничился «вопросными пунктами».

В мае 1792 г. в Тайной экспедиции велся розыск по делу Н. И. Новикова. Он преследовался по обвинению в участии в масонской ложе. По поводу Новикова князь Прозоровский писал Шешковскому: «Жду от Ее Императорского Величества высочайшего повеления и сердечно желаю, чтобы вы ко мне приехали, а один с ним не слажу. Экова шута тонкого мало я видал». В другом письме тому же адресату он жалуется: «Птицу Новикова я отправил, правда, что не без труда вам будет с ним, лукав до бесконечности, бессовестен, и смел, и дерзок».

По делу Новикова также привлекли действительного статского советника Николая Трубецкого, отставного бригадира Лопухина и Тургенева. Новикова осудили на 15 лет тюремного заключения в Шлиссельбургской крепости, откуда выпустили досрочно лишь в связи с кончиной Екатерины II в 1796 г.

Новиков Николай Иванович (1744 – 1818) — просветитель, общественный деятель, писатель, масон. Содействовал просвещению в России, издавал журналы, книги по всем отраслям знаний. В своих сатирических журналах «Трутень»,

«Кошелёк», «Живописец» выступал против крепостного права. В 1792 г. по приказу Екатерины II был арестован за «вольнодумство» и заключен в Шлиссельбургскую крепость. Многообразная деятельность Новикова сыграла значительную роль в истории русской культуры.

При императрице запрещено было наказывать битьем дворянина и священника, бить без суда мещанина и простолюдина. В Тайной экспедиции на это не обращали внимания. Да и само дворянство не очень-то указу верило. Московский главнокомандующий граф Брюс требовал увеличения наказаний для простого люда: не пятьдесят ударов плетью назначать, а двести, пятьсот. «Но, — возражали ему, — так до смерти засечь можно!» — «Что ж их жалеть, это наказание вместо смертной казни». Брюса с трудом убедили, что смертная казнь отменена не затем, чтобы ее заменили смертельными истязаниями.

Сама Екатерина иногда прибегала к наказанию плетью, только негласно. Жена генерала Марья Кожина однажды прошлась шуткой по адресу императрицы. Та написала Шешковскому: «Кожина каждое воскресенье бывает в публичном маскараде, поезжайте сами и, взяв ее оттуда в Тайную экспедицию, слегка телесно накажите и обратно туда же доставьте со всею благопристойностью».

Для Шешковского же что дворянин, что крестьянин — все одно. При допросе студента Невзорова он заявил: «Государыня велела тебя бить четвертным поленом, коли не будешь отвечать». — «Нет, не верю, — кричал студент, — не могла так велеть государыня, которая написала наказ комиссии о сочинении Уложения!»

В 1793 г. Тайная экспедиция была занята розыском по делу отставного поручика Ф. Кречетова, арестованного по доносу Осипа Малевинского. Последний доносил, что Кречетов «сочиняет разные

сочинения против царской власти, клонящиеся к соделанию бунта, а нередко говорил и на словах возмутительные речи, касающиеся до порицания особы Ее Императорского Величества и нынешнего правления». При обыске у Кречетова нашли неизданные сочинения об учреждении в России школ, типографий, об издании книг, организации «компаний путешественников» по России, о преобразовании человеческого общества на основах законности. Особое внимание Тайной экспедиции привлекла записка Кречетова об издании в России «Основного государственного закона», по которому «монархи» должны были быть лишь «блюстителями» и «стражами» этого закона, а в противном случае лишались престола. Среди бумаг был найден и текст печатного объявления об открытии подписки на его сочинения. Заглавие — «Открытие нового издания, души и сердца пользующие, о всех и о вся, и обо всем, или Российский патриот и патриотизм».

Кречетова заключили в Петропавловскую крепость «под крепчайшей стражей» без права писать и встречаться с родными.

Преследованию Тайной экспедиции в 1792 г. был подвергнут купец Гавриил Попов за сочинения, в которых он под псевдонимом «Ливитов» писал о равенстве всех людей, осуждал порабощение человека человеком, продажу людей и предупреждал «вельмож» о возможности восстания «ожесточившихся земледельцев», то есть крепостных крестьян. Сочинения Попова признали вредными, и автора сослали в Спасо-Евфимьевский монастырь.

Екатерина II и Павел I были твердо убеждены, что «вольные мысли» и «дерзкие сочинения» появились в России под влиянием французской революции.

В августе 1790 г. было предписано всем русским немедленно выехать из Франции. Усилили контроль за

приезжающими иностранцами, особенно из Франции и Италии. В указе от 1798 г. говорилось: «Развратные правила и буйственное воспаление рассудка, поправшие закон Божий и повиновение установленным властям, рассеянные в некоторой части Европы, обратили внимание наше... Приняли мы все меры к ограждению зла от пределов империи нашей, предписав пограничным губернаторам о строгом наблюдении за всеми теми, кои в империю нашу приезжать пожелают».

В апреле циркулярным указом Павла I было предписано выдавать иностранные паспорта на въезд в Россию только после получения личного разрешения императора. В результате въезд иностранцев резко сократился.

В январе 1792 г. в Тайную экспедицию были присланы «три француза — Аже, Дарбель и Миош, на которых донесено, что они в кофейном доме говорили дерзостные о государях вообще слова». По следствию же в Тайной экспедиции оказалось, что Аже и Дарбель подлинно люди дурного поведения и бродяги. Французов выслали за границу.

В 1800 г. в Москве арестовали домашнего учителя семьи полковника Нарышкина француза Мерме по подозрению в якобинстве. На вопрос: «Кто якобинцы в Москве?», заданный Мерме в Тайной экспедиции, он ответил:

«Якобинцы там следующие: мадам Рашель, живущая у Ивана Ивановича Демидова, Лебон — учитель ее посещающий, Франсуа — гувернер детей вдовы Салтыковой, Файлет девица Марк». Кроме них, Мерме указал также на Ле-кеня, «содержателя музыкального собрания в Москве».

На вопрос, связан ли он с якобинским клубом в Париже, Мерме ответил отрицательно. Все лица, им

названные, были арестованы и допрошены в Тайной экспедиции.

Лекень показал, что в Россию приехал в 1785 г. и работал столяром пять лет. После он стал в Москве учредителем музыкального общества под именем Академии музыки. В доме Академии Лекень содержал «стол и бильярд» и давал «концерты, нанимая музыкантов у московских дворян Столыпина, князей Трубецкого, Волконского и Волинского».

Намерение чиновников Тайной экспедиции придать делу «московских якобинцев» крупное значение не увенчалось успехом. Павел I, несмотря на свою ненависть к якобинцам, вынужден был признать, что в поведении арестованных ничего революционного не было. Поэтому все они были освобождены, а музыкальное общество вновь открыто.

Ввели строжайшую цензуру. Любое произведение, содержание которого в какой-то степени касалось событий французской революции, не допускалось к изданию. Все печатные произведения такого характера, уже вышедшие в свет, изымались из продажи и в большинстве случаев уничтожались. Таким образом поступили с игральными картами с изображением санкюлотов вместо обычных фигур, которые появились в продаже в Ревеле.

Литографская картина с изображением казни Людовика XVI была изъята из продажи и сожжена по указанию Екатерины, велевшей «поступать таким же образом и впредь, если где таковые найдутся». Тут императрица полностью одобрила мнение ревельского губернатора Репина, что «сие богомерзкое дело обращается в публике допускать не должно».

Несмотря на то что в работе Тайной экспедиции основное место принадлежало политическому розыску, в отдельных случаях это учреждение занималось

сыском и по делам, не имеющим прямого отношения к политическим преступлениям.

В таких случаях Тайная экспедиция выступала в качестве карательного органа императрицы по отношению к тем лицам, которые своим поведением вызывали ее гнев или раздражение.

В начале царствования Екатерины фрейлины ее двора графиня Эльмит и графиня Бутурлина посплетничали по поводу женских качеств императрицы. Последней стало известно об этом в тот же день, и на завтра фрейлины оказались в Тайной экспедиции, где и были допрошены с пристрастием. И после соответствующего внушения высланы в свои деревни.

Раздражение Екатерины вызвал тайный брак между генерал-поручиком графом Апраксиным и Елизаветой Разумовской без разрешения родителей невесты. По поручению императрицы это дело расследовалось в 1776 г. и закончилось заключением Апраксина сперва в петербургскую крепость, а затем высылкой в Казань.

В начале 1775 г. дворцовый полотер Тимофей Теленков, увидев в дворцовой зале великого князя Павла Петровича, опустился перед ним на колени и хотел обратиться к нему с просьбой, но от волнения сказать ничего не мог. Сразу же после этого Теленков был доставлен в Тайную экспедицию, где признан «в помешательстве ума» и отправлен к родным для присмотра.

* * *

В конце XVIII в. Тайная экспедиция обзаводится уже довольно значительным штатом секретных агентов. Из краткой выписки о расходах на эту агентуру в 1800 г. мы узнаем о некоторых: это корнет Семигилевич, получавший 400 рублей в год, майор Чернов с тем же жалованьем и ряд агентов, получавших деньги за

выполнение отдельных заданий конторы: Дельсоль, переводчик московской полиции, «Люди при Несловском и Ясинском находящиеся, получавшие по 10 рублей» за доставленные сведения. В этой же выписке имеется пункт о расходах «по особо порученным от Его Императорского Величества секретным делам, касательно некоторых людей по разным губерниям», за которыми, несомненно, скрывалась и секретная агентура.

Тайная экспедиция к концу XVIII в. недалеко была от превращения в специальное учреждение, занимающееся исключительно политическим розыском и борьбой с политическими преступлениями.

Поручик Семеновского полка Алексей Петрович Шубин, потомок елизаветинского «сержанта-фаворита» Шубина, проснулся в самом скверном расположении духа и с головной болью после вчерашнего кутежа. Накинув халат, поручик кликнул камердинера и спросил кофе. На подносе вместе с кофе камердинер принес два письма.

— Кой там еще черт! — проворчал хриплым голосом поручик и порывисто сорвал печать с одного пакета. Это было приглашение товарища-офицера о подписке между семеновцами на ужин «с дамами». При этом сообщалось, что по случаю предстоящего полкового праздника затевается особенное пиршество. «Вообще ты в последнее время, — говорилось в письме, — редко появляешься на товарищеских пирушках. Скуп стал или заважничал. И то, и другое нехорошо относительно товарищей и может быть истолковано ими в худую сторону. Предупреждаю тебя по-дружески. Подписные деньги можешь внести хоть сегодня, но никак не позже трех дней».

— Черт подери! Этого не доставало! — зарычал поручик. — Где я возьму эти деньги. И так кругом в долгу, кредиторы наседают!

Другое письмо было от отца:

«Любезный сын Алексей! Я с прискорбием замечаю, что ты, не внимая советам родителей, ведешь в Петербурге жизнь развратную и разорительную. Такое непокорство твое весьма огорчительно нам, а наипаче потому, что ты оказываешь мне дерзость и неуважение и словесно, и письменно. Ты пишешь, что гвардейская служба требует больших расходов, а я скажу тебе, что сам служил поболее твоего и знаю, что с умом можно жить на те деньги, что мы с матерью посылаем тебе. Все же твои долги я заплатить не могу и объявляю, что с сего времени ты не получишь от меня ни денежки сверх того, что я посылал, и долговые расписки твои платить не буду. Времена нынче тугие, хлеба недород, да и скотский падеж был у нас, и я продал двадцать душ без земли на вывод генеральше Зинаиде Федоровне...»

Поручик злобно фыркнул и, не дочитав письмо, швырнул его на пол.

— Ах я несчастный, несчастный, — шептал он, склонившись над столом. — И что он, старый дурак, не уберется! — вдруг вскочил поручик с места. — Давно ему бы пора на покой, а он кряхтит как кикимора над деньгами... Не даст, ни гроша не даст, коли уж сказал, — рассуждал поручик, ходя из угла в угол. — Вот беда-то настоящая пришла! Нужно что-нибудь придумать, вывернуться, а то хоть в отставку выходи!

Поручик глубоко задумался.

Через час он, гремя саблей, уже спускался с лестницы, сел в ожидавшуюся у подъезда линейку и поехал «обделывать дела», чтобы не ударить лицом в грязь перед товарищами, которые уже начинали поговаривать что-то о скупости и заносчивости.

Поручик знал, что это значит, понимал, что тем самым ему дается косвенный намек на отставку или перевод в армию, и самолюбие его страдало

неимоверно. Молодой и гордый, Шубин не мог допустить мысли о переводе в армию...

— По бедности!.. — шевелилась в его голове неотвязная мучительная мысль. — Скажут «коли ты нищий, так чего совался в гвардию, не марал бы мундира».

Поручик велел кучеру остановиться у модного портного, где заказывала себе платье вся военная знать, и вошел туда. Добрый час он бился с хозяином, убеждая поверить в кредит и уверяя, что через две недели получит «со своих земель» чуть ли не сотни тысяч, и, наконец, уладив кое-как дело, весь красный и злой, вышел из магазина. Предстояло еще труднейшее: достать денег.

Около гвардейских офицеров всегда трется орава разных ростовщиков, готовых за огромные проценты ссудить несколько сотен рублей, но для Шубина и этот источник был почти совсем закрыт. Он задолжал уже всем и никому не платил как следует, да, кроме того, чуткие ростовщики пронюхали, что поручик беден, а отец его не платит долгов сына, владея незначительным имением.

Он знал это, понимал, какое унижение должен будет вынести, уговаривая иудеев ссудить ему двести-триста рублей, и все-таки ехал, гонимый фатальной необходимостью «поддержать честь гвардейского мундира».

У одного из подъездов на Большой Морской Шубин остановился и отправился к одному «благодетелю», занимавшемуся ростовщичеством негласно и не от своего имени. Тут поручику пришлось пустить в ход все свое красноречие и всю дипломатию, и через два часа лжи и унижения он добыл драгоценные двести рублей, дав заемное письмо на четыреста.

С облегченным сердцем сел поручик на дрожки, чтобы сейчас же истребить добытые деньги. Подписная

сумма была внесена, и через некоторое время поручика можно было видеть в модном ресторане весело кутившим среди офицерской молодежи.

— Черт возьми, господа, а не устроить ли нам завтра вечером катанье и жженку? — сказал кто-то из офицеров.

— Отлично, господа! Прихватим дам! — подхватили другие.

Кошки скребли на душе у поручика. Мысль о будущем он старался гнать как можно дальше.

На другой вечер окна ресторана, где шел кутеж офицеров, гремели от восхищений и тостов, а на скрещенных шпагах пылали головы сахара, облитые ромом. Роскошная белокурая француженка, любовница одного из участников, вся покрасневшая от выпитого вина, разливала пылающую жженку из большой серебряной чаши по стаканам...

Неприглядное «будущее» далеко-далеко исчезло из глаз Шубина под обаянием ароматного и возбуждающего настоящего...

В приятном полузабытьи он ехал домой. Уже совсем рассвело. Войдя в комнаты, он бросился на постель, но ему под руку попало письмо отца, полученное вчера, и поручик с яростью разорвал его на мелкие клочки...

Прошло время. Друзья стали замечать: поручик Шубин стал часто задумываться и даже в приятельской компании иногда отвечал невпопад, вызывая взрывы смеха и шутки.

— Влюбился ты, что ли? — спрашивали товарищи.

— Нет, господа, он выдумывает новую машину!

— Вернее всего, что влюбился, господа! Я за ним кое-что замечаю: с недавнего времени он что-то томно посматривает на одни окна.

Шубин при этом приободрялся и старался казаться веселым, но скоро тайная дума снова овладевала им...

— Скажи, пожалуйста, в самом деле, — обратился раз к нему его товарищ по полку — полковой адъютант Полторацкий, — с чего ты так рассеян и задумчив? В самом деле влюбился?

— Ах, Костя, — отвечал Шубин, — у меня есть важная причина задуматься... И ты бы на моем месте задумался!

— Черт возьми! Вот никогда бы не задумался, а обрубил бы сразу: влюблен — женись, не отдадут — силой увези!

— Совсем особого рода обстоятельства! Самые необыкновенные... я уверен, что тебе и в голову не придет догадаться.

— Да что такое? Ты меня интригуешь! Расскажи, пожалуйста!

Шубин замялся, но Полторацкий начал приставать к нему, прося посвятить его в тайны своих дум о необыкновенных обстоятельствах.

— Тут, брат Костя, такая история, что волосы дыбом встанут, как услышишь! — говорил Шубин с расстановкой. Полторацкий рассмеялся:

— Ну, братец, я чувствую уже, как моя фуражка на голове шевелится! За большого же труса ты меня считаешь!

Они подошли к квартире Шубина.

— Зайдем ко мне, я тебе все расскажу. Только дай слово сохранить все в тайне!

— Даю слово, — ответил Полторацкий, не зная, в шутку или серьезно говорит товарищ.

Когда офицеры остались одни в комнате перед топящимся камином и бутылкой вина, Шубин придвинулся к Полторацкому и вполголоса произнес:

— Слушай, Костя, что меня мучает... Я знаю о заговоре против императора!.. Дело идет о его жизни!

Полторацкий вскочил, как ужаленный, весь побледнев:

— Шубин, — произнес он строго, — ты или с ума сошел, или простираешь свои глупые шутки слишком далеко.

— Клянусь тебе, это правда!

— А если правда, — вскричал Полторацкий, сжимая кулаки и подступая к Шубину, — то почему ты медлишь и не даешь знать, кому следует или сам не препятствуешь злодейству? Ведь пока ты размышляешь да раздумываешь, злоумышленники могут привести свой замысел в исполнение!

— Успокойся, Полторацкий, успокойся. Жизни императора пока не грозит опасность, — взял за руку товарища Шубин. — Сядь и выслушай спокойно, мы вместе обдумаем средства помешать тому...

— Какое тут к черту спокойствие! — волновался молодой адъютант. — Нужно сейчас же ехать к военному губернатору!

— Выслушай, Полторацкий, прошу тебя. Своей горячностью ты только испортишь дело. Сядь и слушай!

Полторацкий сел, тяжело дыша, и вперил глаза в Шубина:

— Ну, ну, говори!

— Заговор еще далек от исполнения... Я узнал о нем совершенно случайно... Как? — это другой вопрос, рассказывать долго. Но достаточно того, что я узнал о заговоре и знаю лицо, руководящее им.

— Кто это?

— Это... это... некто Григорий Иванов, находившийся прежде в свите великого князя Константина Павловича...

— Офицер?

— Офицер... И я, для того чтобы лучше проследить все нити заговора, прикинулся сочувствующим их замыслу и теперь имею возможность раскрыть его, покуда никакая опасность еще не грозит государю.

— Отчего же ты не сделал этого раньше, отчего сразу не полетел с донесением?

— Да пойми ты, прежде я и сам ничего не знал и мог сделать ложную тревогу, а злодей тем временем избегнул бы кары!

— Ну, ну, дальше!

— Теперь злодей в наших руках! Ты дал мне слово держать это в тайне, так помоги немного, и мы поймем его завтра же... Слушай, завтра этот Григорий Иванов назначил мне встречу в Летнем саду. Мы с тобой поедем туда вместе — и злодей не избегнет наших рук!

— Это правда, Шубин? — испытующе спросил Полторацкий, глядя на него в упор.

— Клянусь тебе честью офицера! Так решено? Завтра едем в Летний сад... ты вооружись парой пистолетов...

— Но зачем же только двое? Можно оцепить весь сад, чтобы злодеи не убежали!

— Не надо этого... там будет всего один, и если мы будем принимать какие-нибудь чрезвычайные меры, он увидит и скроется. Таким образом, мы потеряем последнюю возможность схватить злоумышленников, а он, этот Григорий Иванов, душа заговора. Схватив его, мы расстроим всю их комбинацию! Тут надо действовать осторожно и спокойно! Пойми хорошенько: спо-кой-но, иначе испортишь все дело.

— Хорошо. Но, скажи, как ты узнал об этом?

— О, это длинная история, которую ты узнаешь после, я теперь слишком взволнован. Я на тебя надеялся более, чем на кого другого, и потому избрал тебя для участия в этом деле.

— Благодарю, благодарю, Алексей! — пожал ему руку Полторацкий. — Извини, если я погорячился. Теперь вижу, ты прав. Ну так до завтра!

Словно в чад, вышел Полторацкий от Шубина. Мысль о затеваемом ужасном деле и о его роли в нем

овладела всем существом, и Полторацкий шел, почти ничего не видя перед собой.

Волнуемый такими мыслями, Полторацкий дошел до дому, но, несмотря на поздний час, лечь спать не мог. Он ходил по комнате, осмотрел и зарядил пару прекрасных пистолетов. Сон не скоро сомкнул его глаза. Не менее тревожную ночь провел и поручик Шубин. Завтрашний день должен был сделать крутой перелом в его жизни. Конец бедности, насмешкам товарищей! С завтрашнего дня начнется новая жизнь: блестящая карьера, деньги и всеобщее уважение за открытие преступного заговора...

Стоял теплый светлый день. Фешенебельный Петербург весь высыпал на Невский проспект. Блистали наряды, кровные рысаки мчались взад и вперед. Двери магазинов отворялись и затворялись за нарядными дамами. Пестрая толпа прогуливалась, волнуемая своими мелкими радостями и горестями, наслаждаясь хорошим днем. Веселый день светского Петербурга должен был окончиться еще более веселым вечером — с балами, ужинами и спектаклями.

Шубин с Полторацким увиделись утром на Семеновском плацу и обменялись многозначительными взглядами, а после ученья поехали вместе, сначала на квартиру Полторацкого — взять пистолеты, а потом в гостиницу — обедать.

— А знаешь, Шубин, — начал Полторацкий, когда они уселись в отдельной комнате ресторана, — ведь мы с тобой у дверей в храм счастья и славы! За такой подвиг нас озолотят!..

— Перестань говорить об этом! — перебил его Шубин. — Точно мы в ожидании наград беремся раскрыть и уничтожить гнусный замысел, грозящий опасностью всему государству! Тут оскорблено и чувство русского, и честь офицера, и даже человеческое чувство! Мы должны спасти монарха! И

тут не должна закрадываться ни одна корыстная или честолюбивая мысль!

— Черт возьми! — вспылил Полторацкий. — Да разве я сказал что-нибудь против этого? Я не менее тебя дорожу честью русского офицера! Да и жизни своей не пожалею!

— Не сердись, Костя! Никто не сомневается в твоей храбрости. Конечно, в случае успеха — а в нем я не сомневаюсь — нас наградят. А теперь выпьем за успех предприятия! Мы докажем, что истинно русский человек не потерпит в своей среде злодея!

Когда немного стемнело, друзья отправились к Летнему саду. Сзади за ними следовали дрожки, которым они велели остановиться у Михайловского замка.

— Мы войдем не вместе, не сразу, — сказал Шубин Полторацкому, — ты следуй за мною на некотором расстоянии, но не теряй меня из виду. В саду мы сойдемся, как случайно встретясь.

— Хорошо, я войду другими воротами.

Надвигались уже густые сумерки. Под лиственными сводами аллеи было довольно темно, в саду никого не было. От Невы и с пруда тянуло сыростью. Шубин плотнее завернулся в шинель — его била настоящая лихорадка. Голова горела как в огне... Наступал решительный момент, от которого зависела его дальнейшая жизнь. Ветка хрустнула под ногами, Шубин вздрогнул и огляделся. В конце аллеи чернела какая-то фигура. Шубин подошел:

— Полторацкий, это ты?

— Я, — ответил адъютант. — Видел ты его?

— Нет еще, надо подождать, вероятно, скоро придет.

— А как он вовсе не придет? — спросил Полторацкий. — Тогда что делать? Знаешь, я думаю,

нужно донести военному губернатору, чего еще тут ждать?

— Хорошо, тогда можно будет и донести... но он непременно должен придти сюда, — говорил Шубин, тихо идя рядом с Полторацким и сжимая судорожно пистолет в кармане шинели.

Они снова приближались к Михайловскому замку, вокруг которого чернели ветхие деревянные лачужки рабочих, еще не сломанные со времени постройки замка. Вдруг Шубин порывисто схватил Полторацкого за руку:

— Слышишь, слышишь? Кто-то идет... хрустнуло... вон там, смотри!

Полторацкий вздрогнул от неожиданности, нервы его были напряжены ожиданием; он устремил глаза в чащу кустов — ему показалось, мелькнула какая-то тень и послышался хруст сломанной ветки... Он схватился за пистолет.

— Слышу, слышу, вон там!..

— Да, это он. Подожди здесь. Я пойду к нему один, будь готов.

Шубин порывисто пошел вперед и скрылся в темноте аллеи. Полторацкий взвел курки обоих пистолетов. Руки его тряслись. Так прошло несколько минут.

Ничего не было слышно, кроме слабого хруста ветвей, да набежавший свежий ночной ветерок зашумел вершинами деревьев.

Полторацкий начал тихо двигаться по аллее, держа пистолеты наготове. Вдруг раздался выстрел и гулко прокатился по безмолвному саду, послышался всплеск воды и стон. Полторацкий бросился бежать на звук выстрела, не разбирая дороги, через кусты и скамейки. В темноте он спотыкался, ветки хлестали ему в лицо, сучки царапали руки.

— Сюда, сюда... Костя, помоги! — послышался голос.

Полторацкий наконец продрался к месту происшествия: на опушке сада, у самой канавки, на земле лежал Шубин и слабо стонал.

— Что с тобой, Шубин? Ты ранен? Что случилось?

— Убил... убил меня, злодей, — простонал поручик.

— Где, где он? Куда побежал? — и Полторацкий оглядывался в смятении вокруг. — Караул! — вдруг закричал он. — Сюда! Караул!

Эхо мощно разнесло по саду крик офицера. Шубин продолжал стонать, а растерявшийся адъютант не знал, что делать. Скоро задрезжали дрожки поджидавшего их кучера — он подъехал со стороны Царицына луга.

— Смотри, не бежит ли кто-нибудь? — крикнул Полторацкий кучеру.

— Никого не видно, ваше благородие! — отвечал кучер, — темно, худо видно.

— Объезжай кругом, сюда, — скомандовал Полторацкий, а сам стал расстегивать мундир Шубина, продолжавшего стонать.

— Ох, умираю... злодей заметил, что за ним следят, и убил меня...

Тем временем на выстрел и крики стали сбегаться люди: два-три будочника с алебардами и солдаты из барачков. Весь этот народ толпился и шумел, не зная, что делать.

— Ищите по всем кустам и закоулкам! — скомандовал Полторацкий.

Все рассыпались в разные стороны. Несколько человек подняли Шубина и понесли его на дрожки, въехавшие в сад. По шинели поручика текла кровь.

— Вези в Михайловский замок! — велел Полторацкий.

Раненого Шубина внесли в комнаты, занимаемые бывшим кастеляном, и приступили к осмотру раны. Она оказалась несмертельной: прострелена была левая рука

выше локтя. Шубин от потери крови впал в забытие, послали за доктором.

Перепуганный кастелян спрашивал адъютанта, что все это значит, но тот только махнул рукой:

— Узнаете после, а теперь, пожалуйста, смотрите за ним, мне нужно тотчас же ехать к государю с докладом!.. Срочное дело!

— Хорошо, хорошо, будьте покойны! Да что же случилось?

□ Покушение на жизнь государя!

Кастелян онемел.

— На Каменный остров, во дворец! — крикнул Полторацкий, и рысак сорвался с места. — Нашли? — спросил адъютант, на минуту остановившись у Летнего сада, где толпилась и галдела целая куча народу. — Нашли кого-нибудь?

— Ищут, ваше благородие! Да, похоже, никого нет!

— Ищите хорошенько, это важный преступник! — сказал адъютант и помчался на Каменный остров, где в это время пребывал император Александр Павлович.

Петербургская полиция при Александре I была организована самым жалким образом. «Кварталы» тогдашнего времени были завалены посторонними делами, переписка с разными присутственными местами занимала все руки и все головы, обилие дел, возложенных на полицию разными учреждениями, забирало все время.

В разных местах города полицией были построены плохонькие и тесные будки, даже печей там не полагалось, и зимой они промерзали насквозь. Выстоять холодную ночь в такой будке с длинной алебардой в руках было тяжело. Бутарей для этих будок каждый околоток должен был выбирать из своей среды, содержать их и платить жалованье. Если же который околоток отказывался найти бутаря, т. е. внести эту полицейскую повинность натурой, то должен был

платить в квартал деньги — десять рублей. На эти деньги уже сам квартал нанимал бутаря. Но ничтожность такой платы за денно-нощное бодрствование в холодной будке, да еще с риском подвергать себя опасности при ловле мазуриков, не могли привлечь охотников. Поэтому многие будки круглый год стояли пустыми.

В бутари при таких условиях шел самый пролетариат — люди, которым не нашлось ничего лучшего, загнанные крайностью. Понятно, что о нравственном качестве таких стражей общественной безопасности не могло быть и речи — рады были всякому желающему, и нередко сами бутари являлись первыми пособниками воров и мазуриков.

Уличная безопасность в плохо освещенном и плохо вымощенном Петербурге, с улицами, состоявшими сплошь из заборов, была ничем не обеспечена. Грабежи случались чуть ли не еженощно.

Незадолго до описываемого нами события случилось два происшествия, которые доказали плохое устройство полиции и обратили на это внимание государя. Чья-то карета, мчавшаяся во весь опор с Васильевского острова, наехала на какого-то англичанина и изуродовала его. Кучер успел уехать — и полиция никак не могла отыскать ни самой кареты, ни того, кому она принадлежала.

Другой случай был хуже: избили и ограбили служившего при великих князьях человека. И это произошло возле самого замка. Император Александр Павлович был крайне недоволен.

Уже ночью, когда все спали, прискакал на Каменный остров Полторацкий и бросился прямо к обер-гофмаршалу графу Толстому. Встревоженный граф вышел к адъютанту и с ужасом услышал страшную весть о заговоре на жизнь царя.

— Мы следили за злодеем в Летнем саду... Он выстрелил в Шубина и скрылся...

Голос Полторацкого прерывался, руки со следами крови дрожали.

— Боже мой! — воскликнул граф Толстой. — Я сейчас же доложу его величеству! Погодите немного здесь... сядьте. Вы ранены?

— Нет, ваше сиятельство, не ранен. Это кровь Шубина...

Весть мигом разнеслась по дворцу и наделала ужасного переполоха. Полторацкого потребовали к императору, и адъютант подробно рассказал ему обо всем.

С Каменного острова полетели курьеры в разные стороны. Весь Петербург всполошился. Летний сад оцепили войсками, обыскали каждый кустик

Когда Полторацкий воротился в Михайловский замок к Шубину, около него уже хлопотал доктор, рана была перевязана, а под утро Шубина перевезли на его собственную квартиру. Государь прислал своего доктора и флигель-адъютанта справиться о здоровье раненого. Шубин отвечал, что его здоровье — пустяки, лишь бы был император в безопасности.

На следующее утро в квартире Шубина и около нее на улице скопилось много народу — все спрашивали о его самочувствии и обсуждали происшествие.

Семеновский поручик стал героем, все только о нем и говорили.

Заря новой жизни, о которой так долго мечтал гвардейский поручик, уже занималась на его горизонте, и ни одно облачко покуда не туманило его.

На другой день после истории с Шубиным в правительственных сферах были сделаны некоторые перетасовки. Главнокомандующим в Петербурге назначили фельдмаршала графа Каменского, а начальником полиции — энергичного и деятельного Е.

Ф. Комаровского, получившего в недалеком будущем графский титул Римской империи.

Ему поручили произвести строжайший розыск по делу Шубина и представить во что бы то ни стало злодея. По этому же делу была назначена комиссия из генерал-адъютантов: Уварова, князя Волконского и сенатора Макарова.

В первый же день следствия, у Комаровского, служившего прежде адъютантом при великом князе Константине Павловиче, закралось сомнение в действительном существовании Григория Иванова, поскольку такого не было в числе служивших при Константине. Приметы его, данные Шубиным, не подходили ни к одному из бывших при великом князе. Однако по всем трактам было оповещено о задержании такового, если окажется.

— Мне кажется, что этот предполагаемый Григорий Иванов есть не что иное, как призрак, — сказал Комаровский военному губернатору М. Л. Кутузову

— И я так полагаю, — согласился тот.

Новый начальник полиции познакомился со всеми служащими полицмейстерами и частными приставами и из последних выбрал одного, некого Гейде.

— Осмелюсь доложить вашему превосходительству, что история с господином Шубиным довольно подозрительна, — сказал Гейде при представлении новому начальству.

— На чем основывается ваше предположение?

— Рана сделана на левой руке, ваше превосходительство, рана неопасная, возможно, нарочно сделана.

— Да, это так.. Это подозрительно... Ну а знаете вы о двух последних историях с англичанином и Ушаковым, которые остались нераскрытыми?

— Как же, ваше превосходительство!

— Не можете ли вы раскрыть их? Если вам это удастся — я вас награжу.

— Постараюсь, ваше превосходительство! Только дозвольте производить розыски в партикулярном платье, полицейская форма мне будет мешать...

— Конечно, конечно. Ну, так постарайтесь.

Гейде откланялся и уже на другой день явился с докладом:

— Нашел, ваше превосходительство; карета принадлежала извозчику, который уже арестован, а господин Ушаков был ограблен беглыми солдатами. Я их тоже поймал, ваше превосходительство.

— Прекрасно, прекрасно, господин Гейде! — похвалил начальник — Я вижу, вы необыкновенно способный человек.. Это делает вам честь. Согласно моему обещанию, я сделаю о вас представление, вы будете повышены. А теперь помогите раскрыть историю с Шубиным.

— Не имею слов выразить благодарность, ваше превосходительство, а история с поручиком Шубиным — довольно призрачная история-с.

— Призрачная-то призрачная, но нет веских улик. Сыщите мне эти улики. Распутайте этот узел!

— Употреблю все силы! — отвечал Гейде с глубоким поклоном.

Над головой бедного Шубина собиралась гроза... А он лежал дома в уверенности, что зардевшаяся заря скоро разгорится для него в сияющий день и обогреет его, так много страдавшего.

Он приятно улыбался, оставаясь один, и все ждал от царя милостей за свое мужество. Совесть не поднимала голоса в его душе.

Но милости и награды что-то не торопились сыпаться на него, а через несколько дней вокруг Шубина рой добрых знакомых и приятелей значительно поредел. В городе стали упорно разноситься насчет

него разные неблагоприятные и подозрительные слухи. Полторацкому запрещено было видеться с ним... Но счастливый в своей мечте поручик еще ничего не замечал и не подозревал.

А между тем запутанная история при содействии пристава Гейде, обладавшего действительно замечательными сыскными способностями, все более и более день ото дня распутывалась, через несколько дней Гейде принес к начальнику полиции пистолет, найденный одним истопником Михайловского замка в канаве, когда он ловил рыбу. Пистолет оказался от офицерского седла.

— Надо, ваше превосходительство, показать его лакею поручика Шубина, не признает ли?

— Да, да, непременно! Пошлите за ним, здесь и допросим, — согласился генерал Комаровский.

Камердинер Шубина был приведен к генералу, и Гейде начал опрос:

— Ты давно служишь у поручика Алексея Петровича Шубина?

— Да мы, ваше высокоблагородие, ихние крепостные будем. Я у их благородия служу с самого поступления в полк.

— А скажи, пожалуйста, не было ли у твоего барина седла какого-нибудь?

— Как же-с! И посеичас есть седло у нас. Это еще когда барин был полковым адъютантом, так с тех пор седло.

— В седле этом и пистолеты есть?

— Есть-с, как следует, по форме.

Гейде показал ему пистолет, вытащенный из канавы у Летнего сада.

— Не признаешь ли этого пистолета? Был ли у барина такой?

Камердинер внимательно осмотрел пистолет.

— Кажись, — и наш, а может быть, — и не наш, все они на один фасон.

— Седло у вас где находится, дома?

— Дома где-то завалено, барину теперь не требуется...

— Ну так ступай сейчас домой и отыщи седло с пистолетами. Я пошлю с тобой полицейского. Да барину ни слова, а то худо будет.

Седло было отыскано, в нем недоставало одного пистолета в кобуре.

— Ну теперь ясное дело: он сам себя ранил, а заговор лишь выдумка,— заключил генерал.

— Что касается примет этого Григория Иванова, откуда он их, ваше превосходительство, взял?

— И правда, откуда он эти приметы взял?

— Надобно опять допросить лакея, — решил Гейде, — не знает ли он кого с этими приметами.

Когда лакею прочитали приметы Григория Иванова, он сказал:

— Да, был у нас, ваше высокоблагородие, ровно бы как такой... тоже из крепостных барина, лакеем служил.

— Где ж он теперь?

— А Бог его знает! Бежал он от барина.

— Бежал? — переспросил генерал. — А объявление в полицию подавали?

— Как же, беспрременно подавали, в третью Адмиралтейскую часть, барин меня и посылал с объявкой.

Навели справки в Адмиралтейской части, затребовали это объявление о бежавшем крепостном и увидели, что прописанные там приметы оказались теми же, что у выдуманного Григория Иванова.

— Однако это уж чересчур! — воскликнул генерал. — Он не потрудился даже выдумать новых примет, а взял да и списал с бывшего слуги. Это просто глупо!

Шубина арестовали. На следствии он сначала продолжал утверждать прежнее, но когда ему представили все улики, упал на колени и со слезами признался, что выдумал эту историю для того, чтобы заслужить милость и награду государя.

Дело имело худой конец для поручика: его лишили чинов и сослали в Сибирь без срока. Легковерный Полторацкий отделался дешево: получил строгий выговор «за легковерие». На служебной карьере это не отразилось, спустя 35 лет он даже стал ярославским губернатором.

Гейде был пожалован чином подполковника и назначен начальником драгунской команды.

Поручик Шубин провел в ссылке тринадцать лет. В 1815 г. его простили, и он вернулся в столицу. Дальнейшая его судьба неизвестна.

* * *

В одном из центральных архивов хранится следственное дело за 1796 г. «О монахе Авеле и написанных им книгах». Чем глубже знакомишься с ним и судьбой загадочного монаха, тем больше удивляешься: как могли забыть историки человека, чьи пророчества сбывались день в день? Он предсказывал Екатерине II и Павлу I, Александру I и Николаю I. Правда, всем Авель имел дерзновение назвать день их смерти, а тем паче причину, за что 21 год провел в ссылках и тюрьмах. Так кем же он был — авантюристом, сумасшедшим или действительно пророком?

Крестьянин Василий Васильев родился в 1757 г. в Тульской губернии. С юности он отправился странствовать по Руси, принял постриг в одном из Новгородских монастырей. Став монахом и взяв имя Авель, сперва жил отшельником на Волге, потом в Соловецком монастыре, в Валаамском, где написал свои первые «зело престрашные книги». Это две небольшие

тетрадки с главами «Сказание о существе, что есть существо Божие и Божество» и «Жизнь и житие отца нашего Дадамия».

Авель потом объяснял, что ничего не писал, а «сочинял из видения». Однажды утром, еще затемно, ему будто бы открылись в небе две большие книги. Также было видение, что «ожидаемый жидами мессия уже объявился на земле, а именно в русском городе Орле под именем Федора Крикова». Авель поехал в Орел и действительно нашел торговца-еврея с этим именем. Они долго беседовали, и Криков назначил Авеля «в этом же году встречу в Киеве». Встрече не суждено было состояться, поскольку к этому времени Авеля арестовали, но именно разговор с «мессией» подвиг, видимо, его к паломничеству в Константинополь, куда он и двинулся через Орел, Сумы, Полтаву и Херсон.

Костромской епископ, в епархии которого стал жить Авель, немало озадачился писаниями монаха, углядев в них ересь. Авеля расстригли и должны были судить светским судом. Но так как в книгах шел разговор и об императрице, епископ счел за лучшее отдать «расстригу» в костромское наместническое правление, откуда под строгой охраной его отвезли в петербургскую Тайную экспедицию для допроса.

Допрашивал Авеля преемник Шешковского Александр Макаров.

«Вопрос. Что ты за человек, как тебя зовут, где ты родился, кто у тебя отец, чему обучен, женат или холост и если женат, то имеешь ли детей и сколько, где твой отец проживает и чем питается?

Ответ. Крещен в веру греческого исповедания, которую содержа повинуется всем церковным преданиям и общественным положениям; женат, детей трое сыновей; женат против воли и для того в своем

селении жил мало, а всегда шатался по разным городам.

Вопрос. Когда ты говоришь, что женат против воли и хаживал по разным местам, то где именно и в чем ты упражнялся и какое имел пропитание, а домашним — пособие?

Ответ. Когда было еще 10 лет от роду, то и начал мыслить об отсутствии из дому отца своего с тем, чтобы идти куда-либо в пустыню на службу Богу, а притом, слышав во Евангелии Христа Спасителя слово: «аще кто оставит отца своего и мать, жену и чада и вся имени Моего рода, той сторицею вся примет и вселится в царствии небесном», внемля сему, вячше начал о том думать и искал случая о исполнении своего намерения. Будучи же 17 лет, тогда отец принудил жениться; а по прошествии несколько тому времени начал обучаться российской грамоте, а потом учился и плотничной работе.

Вопрос. Какой тебе год и откуда был глас и в чем он состоял?

Ответ. Когда был в пустыне Валаамской, во едино время был из воздуха глас, яко боговидцу Моисею пророку и якобы изречено тако: иди и скажи северной царице Екатерине Алексеевне, иди и рцы ей всю истину, еже аз тебе заповедую. Первое скажи ей, егда воцарится сын ее Павел Петрович, тогда будет покорена под ноги его земля турецкая, а сам султан дань станет платить. И еще рцы северной царице Екатерине: царствовать она будет 40 годов.

Вопрос. Для чего внес в книгу свою такие слова, которые касаются Ея Величества и именно, «акиби на ню сын восстанет» и прочее, и как ты разумел их?

Ответ. На сие отвечаю, что восстание есть двоякое: иное делом, а иное словом и мыслию, и утверждаю под смертной казнию, что я восстание в книге своей разумел словом и мыслию; признаюся

чистосердечно, что сам сии слова написал потому, что он, т. е. сын, есть человек подобострастен, как и мы...».

Много задавал Макаров вопросов монаху, в основном по поводу императрицы и наследника. Остальные пророчества его не волновали. Очень удивился следовательно ответному вопросу Авеля: «Есть ли Бог и есть ли диавол, и признаются ли они Макаровым?»

Авель был приведен к генерал-прокурору графу Самойлову, который, рассвирепев, отвесил монаху три оплеухи. Предстал наконец Авель и пред светлые очи матушки-императрицы. Услышав год и день своей смерти, она была в истерике. Результатом их разговора явился указ:

«Поелику в Тайной экспедиции по следствию оказалось, что крестьянин Василий Васильев неистовую книгу сочинял из самолюбия и мнимой похвалы от простых людей, что в непросвещенных могло бы произвести колеблемость и самое неустройство, а паче что осмелился он вместить тут дерзновеннейшие и самые оскорбительные слова, касающиеся до пресветлейшей особы Ея Императорского Величества и высочайшего Ея Величества дома, в чем и учинил собственноручное признание, а за сие дерзновение и буйственность, яко богохульник и оскорбитель высочайшей власти по государственным законам заслуживает смертную казнь; но Ея Императорское Величество, облегчая строгость законных предписаний, указать соизволила оного Василия Васильева, вместо заслуженного ему наказания, посадить в Шлиссельбургскую крепость, вследствие чего и отправить при ордере к тамошнему коменданту полковнику Колюбякину, за присмотром, с приказанием содержать его под крепчайшим караулом так, чтобы он ни с кем не сообщался, ни разговоров никаких не имел; на пищу же производить ему по десяти копеек в

каждый день, а вышесказанные, писанные им бумаги запечатать печатью генерал-прокурора, хранить в Тайной экспедиции».

Эти бумаги, несмотря на разные российские передряги, войны и прочее, сохранились в архиве. В том числе и такая книга — «Житие и страдание отца и монаха Авеля».

«Житие» написано самим Авелем. Далее он рассказывает, как жил в монастырях, как ему случилось видение, после которого он «стал все познавать и все понимать». Проведя несложные подсчеты, видим, что по Авелю конец света, «когда мертвые восстанут и живые обновятся», падает на 2892 год по нынешнему календарю.

После кончины Екатерины на престол взошел Павел. Новый император затребовал из следственного дела сочинения «столь зрячего провидца» и, прочитав их, приказал привезти автора к нему.

Встретил он Авеля уважительно, даже предложил помощь в обустройстве жизни, на что Авель возразил: «От юности мое желание быть монахом и служить Богу». Тогда Павел попросил предсказать его будущее. О чем говорил прорицатель — неизвестно, но после разговора император приказал «облечь Авеля в монашество, обеспечить хорошее питание».

Неугомонный монах лишь год пробыл в Александровском монастыре, после чего отправился в Москву, где общался с известными по тем временам грамотеями Матвеем Мудровым, Петром Страховым. И пророчествуя, собирал деньги для дальнего путешествия. Но вскоре последовал новый запрет, и он отправился в понравившийся ему ранее Валаамский монастырь, где тайно сочинил новую книгу, предсказаний. Об этом узнали. И настоятель написал обер-прокурору: «Книга от него отобрана и ко мне представлена с найденным в ней листком, писанным русскими литерами, а книга

писана языком неизвестным». Опасаясь последствий, Авель, по всей видимости, зашифровал текст.

Его вновь привезли в Петербург и заточили в Петропавловскую крепость. Опять пришлось свидеться со следователем Макаровым. Правительства меняются, а следователи остаются!

Навестил монаха архиерей Амвросий, пытаюсь «понять этого человека». Он отписывал обер-прокурору: «Монах Авель, по записке своей, в монастыре им написанной, открыл мне. Оное его открытие, им самим написанное, на рассмотрение ваше при сем прилагаю. Из разговора же я ничего достойного внимания не нашел, кроме открывающегося в нем помешательства в уме, ханжества и рассказов о своих тайновидениях, от которых пустынные даже в страх приходят. Впрочем, Бог весть».

Последние слова архиерея означают, что «помешанный» его все-таки озадачил.

Из каземата Авель писал архиерею: «А ныне я имею желание определиться в еврейский род и научить их познанию Христа Бога и всей нашей православной веры и прошу доложить о том Его Величеству».

К несчастью своему, Авель неосторожно назвал дату смерти императора Павла, чем совсем уж себя погубил... Сидеть бы ему и сидеть в крепости... Но вступил на престол Александр I, и Авеля отправили в Соловецкий монастырь, а потом и вовсе освободили. Провел он на свободе целый год (1802), написал новую книгу, в которой предсказал, что «врагом будет взята Москва», да еще и дату назвал. Книга дошла до императора, и Авеля приказано было заключить в соловецкую тюрьму, пока не сбудутся его пророчества. На этот раз пришлось просидеть 12 лет: «...И видел в них добрая и недобрая, злая и благая, и всяческая и всякая; еще ж такие были искусства ему в соловецкой тюрьме, которые и описать нельзя. Десять раз был под

смертию, сто раз приходил в отчаяние; тысячу раз находился в непрестанных подвигах, а прочих искусов было отцу Авелю число многочисленное и число бесчисленное».

Предсказание о взятии Москвы исполнилось в 1812 г., и Александр I вспомнил об опальном монахе. Полетело на Соловки письмо: «Монаха Авеля выключить из числа колодников и включить в число монахов, на всю полную свободу. Ежели он жив и здоров, то ехал бы к нам в Петербург: мы желаем его видеть и с ним нечто поговорить».

Архимандрит Соловецкого монастыря, который морил Авеля голодом и вообще обращался с ним плохо, занервничал и ответил в столицу: «Ныне отец Авель болен и не может к вам быть, а разве на будущий год весною».

Авеля выпустили, снабдили паспортом, деньгами и одеждой. Он поселился в Троице-Сергиевой лавре, жил тихо, разговаривать не любил. К нему повадились было ездить московские барыни с вопросами о дочерях да женихах, но Авель отвечал, что он не провидец. Однако писать он не бросил.

В письме к графине Прасковье Потемкиной говорится, что сочинил, мол, для нее несколько книг, которые вскоре вышлет: «Оных книг со мною нету, а хранятся в сокровенном месте; оные мои книги удивительные и преудивительные, те мои книги достойны удивления и ужаса, а читать их токмо тем, кто уповает на Господа Бога и на пресвятую Божию Матерь. Но только читать их должно с великим разумением и с великим понятием». Однако это уже не были книги пророчеств, поскольку в другом письме Авель сетует: «Я от вас получил недавно два письма и пишете вы в них: сказать вам пророчества то и то. Знаете ли, что я вам скажу: мне запрещено пророчествовать именованным указом. Так сказано: ежели

монах Авель станет пророчествовать вслух людям или кому писать на хартиях, то брать тех людей под секрет и самого монаха Авеля и держать их в тюрьме или в острогах под крепкими стражами; видите, Прасковья Андреевна, каково наше пророчество или прозорливство, — в тюрьмах ли лучше быть или на воле, размысли убо. Я согласился ныне лучше ничего не знать да быть на воле, а нежели знать да быть в тюрьмах и под неволию. Писано есть: будити мудры яко змии и чисты яко голуби; то есть буди мудр, да больше молчи; есть еще писано: погублю премудрость премудрых и разум разумных отвергну и прочая таковая; вот до чего дошли с своею премудростию и с своим разумом. Итак, я ныне положился лучше ничего не знать, а если знать, то молчать».

«Книга бытия» Авеля, где говорится о возникновении Земли, сотворении мира и человека, иллюстрирована им самим разными таблицами и символами. Он так их комментирует: «Изображен весь видимый мир и в нем изображена тьма и земля, луна и солнце, звезды и все звезды, и все тверди и прочая таковая. Сей мир величеством тридцать миллионов стадей, окружностию девяносто миллион стадей; земля в нем величеством во всею третью твердь, солнце — со всею вторую твердь, тьма — со всю мету. Земля сотворена из дебелых вещей и в ней и на ней — воды и леса и прочие вещи. Солнце сотворено из самого сущего существа. Такожде и звезды сотворены и чистого самого существа, воздухом не окружаемы; величина звездам не меньше луны и не меньше тьмы. Луна и тьма сотворены из воздуха, тьма вся темная, а луна один бок темный, а другой светлый...» Авель делит мир на видимый и невидимый. Солнце у него состоит из самого сущего существа — не из ядерной ли энергии?

В 1823 г. монах определился на жительство в Высотский монастырь под Серпуховом, но вскоре его

покинул и снова отправился бродяжничать. Его обнаружили наконец в родной деревне и как самовольно оставившего поселение заточили смирения ради в Суздальский Спасо-Евфимьевский монастырь, служивший в то время тюрьмой для духовных лиц.

Там Авель и умер в 1841 г., прожив, как сам предсказывал, ровно «восемьдесят и три года и четыре месяца».

Одним из первых документов, подписанных вступившим на престол Александром I, был указ об упразднении Тайной экспедиции и отмене пыток. В манифесте от 2 апреля 1801 г. император резко осудил развернувшуюся при его отце организацию тайного политического сыска.

Стали образовываться министерства. Возникло и Министерство внутренних дел с особенной канцелярией, занимавшейся политическими делами. Наряду с ней вскоре вырастает новое учреждение, о котором император, отправляясь в 1805 г. в армию, говорил генерал-адъютанту Комаровскому: «Я желаю, чтобы была учреждена высшая полиция, которой мы еще не имеем и которая необходима в теперешних условиях; для составления правил оной составлен будет комитет».

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ СТРОИТСЯ

...где строенья станом великанов
разместились тесно по земле.

В. Брюсов

По сути дела в устье Невы в первые годы основания Петербурга выросли два города — один на Березовом острове, под защитой Петропавловской крепости, а другой — на Адмиралтейском острове, охраняемый

пушками Адмиралтейства. Особенно быстро шла застройка Березового острова.

Хотя правительство и не могло уделять много внимания собственно строительству города, Петербург разрастался. Возводила свои палаты знать, строили дома офицеры и служащие разных канцелярий, иностранцы, мастеровые. Рыли землянки и разбивали шалаши работные люди — подкопщики. Возникали лавки, харчевни, бани, рынки — Морской у Адмиралтейства, Обжорный на Березовом острове. Образовывались слободы, давшие впоследствии названия улицам Пушкарской, Ружейной, Посадской, Монетной, Зелейной (позднее — улица Зеленина). Знать селилась вдоль берегов Невы и Большой Невки. Возникли Большая и Малая Дворянские слободы.

Город в целом представлял собой несколько слобод с кривыми немощеными улочками и переулками, пустырями, маленькими домиками. Мостов почти не было. Берега рек и каналов еще не укреплялись, не стали набережными. В первые годы город целиком был деревянным. Среди его зданий выделялся дворец петербургского губернатора А. Д. Меншикова, вначале построенный из дерева, а потом из камня. На левом берегу Невы, там, где позднее был поставлен памятник Петру I — Медный всадник, стояла деревянная церковь Исаакия Далматского. За ней тянулись болота и заболоченные луга.

Петр I твердо решил перенести сюда столицу. Вот почему после взятия русскими войсками в 1710 г. города Выборга последовали указы Петра о переселении в Петербург сановников, придворных, а затем двора. Петр обязал при этом каждую семью построить для себя дом соответственно своему общественному положению и по своим размерам пропорционально количеству крепостных. Затем в Петербург были переведены правительственные

учреждения и там же в 1713 г. были расквартированы гвардейские части.

Но здесь лучше дать слово И. Г. Георги, автору «Описания С.-Петербурга в 1710 и 1711 гг.»:

«Что касается почвы нового города и его окрестностей, то она вообще очень холодная, как от множества воды, болот и пустырей, так и от самой северной широты, на которой он лежит. На Ингерманландской стороне земля, однако же, несколько плодороднее, чем на Финляндской.

До основания С.-Петербурга, на месте, им занимаемом, жил шведский помещик, с немногими финскими крестьянами и рыбаками, которые довольно, по своему, порядочно обрабатывали эту землю, так что еще и теперь, на пустырях в городе и вокруг его, остались следы борозд, поднятых их сохами.

Впрочем, за городом не растет почти ничего, кроме моркови, да и той немного, белой капусты и травы для скота.

Домашнюю скотину, как-то рогатый скот, овец, свиней и проч., прежде можно было покупать за безделицу, но теперь, когда, при большом стечении народа в С.-Петербург, потребление чрезвычайно увеличилось, бедным людям очень трудно пропитываться, так что они употребляют в пищу больше коренья и капусту, хлеба же почти в глаза не видят. Поэтому легко себе представить, сколь тяжело их существование, и если бы не подвоз съестных припасов из Ладogi, Новгорода, Пскова и других мест, то все скоро перемерли бы с голода. А между тем, как почти все жизненные припасы доставляются сюда издалека, в зимнее время иногда за двести и триста миль, на тысячах подводах, то и цены на все ныне очень высоки.

В здешних садах, несмотря на старание, прилагаемое в особенности голландцами, тоже немного чего разводится, частью по причине холодного грунта,

частью же потому, что зима продолжительнее лета. Что природа в силах произвести, то должно поспеть в два месяца: июнь и июль, да разве еще в августе, а что в это время не созреет, то должно считать погибшим. Фруктов здесь совсем нет и хотя осенью приходят из Новгорода целые барки с яблоками, но с очень незавидными; о сливах же и грушах, и даже о вишнях, и слухом не слышать. Но зато дичь водится в большом количестве, кроме зайцев, которых, по неимению обширных пахотных полей, мало, и то все только белые. Диких свиней и коз, равно и оленей совсем не видать, но в медведях, волках, лисицах, рысях и тому подобном недостатка нет. Тетеревей, куропаток, куликов, бекасов и т. п. так много, что крестьяне, ловящие этих птиц большею частью силками, предлагают их часто почти за ничто. Между тетеревами и куропатками есть некоторые ростом с курицу; последние большей частью совершенно белые и очень вкусные, отыскивают себе корм на земле и в снегу, для чего, в защиту от холода, природа обула их в род шершавых сапожков, и мне ни в Германии, ни в Голландии, ни в Брабанте нигде не случилось видеть птиц такой породы.

Реки здесь обилуют всякою рыбой; при всем том, как у русских нет никаких порядочных снастей для рыболовства, а, при множестве установленных постов, они тотчас с жадностью скупают весь улов, то рыба вообще довольно дорога. Зато вонючей соленой рыбы бездна; ее привозят полыми бочками и барками из Ладоги и других мест и хотя от нее уже издалека доносится такой запах, что надо затыкать нос, однако русские, в особенности же простолюдины, едят ее с невероятною алчностью и так же охотно, как свежую.

Дрова еще можно доставать с нуждою, хотя постепенно все тоньше и мельче, но и те сплавляются водою из дальних мест, потому что царем запрещено под телесным наказанием и лишением живота рубить в

С.-Петербурге, особенно же на острове Ретусари, хоть бы один сучок, уже не говоря о целых деревьях. По островам и вообще в тамошних лесах растут многоразличные хорошие злаки; в гербариуме покойного флотского пастора Вильгельма Толле я нашел их свыше 300 видов, собранных им в этих местах. Обыкновенный лес здесь ель, сосна, пихта, береза и орешник; снимаемые с последнего орехи крестьяне приносят на рынок целыми кулями. Дуб и бук попадались мне очень редко, или, лучше сказать, не встречались никогда, кроме тех двух дубов, которые, как я выше упомянул, растут у взморья на Ретусари. Оттого и суда здесь строятся все из елового и соснового леса, очень недолго держащегося в воде.

Климат в этом краю и зимой и летом очень суров и холоден; вследствие частых ветров, туманов и дождей или снега, а также болотистой местности, он притом и очень нездоров. Обычно более полугодом продолжается лютая зима (немецкая зима показалась бы здесь летом), а все прочее время, за исключением июня и июля, стоит апрельская или осенняя погода. Оттого жителям необходимо запасаться шубами, теплым платьем и такою же обувью.

Когда один только день идет дождик, то уже нигде нет прохода и на всяком шагу вязнешь в грязи. В прошлом 1710 г., по распоряжению его царского величества, начали мостить камнем улицу на Финляндской стороне, под руководством немецких мостовщиков; но чтобы везде настлать такую мостовую, потребуется немало времени, да и много камня, которого здесь не в изобилии...

Что касается местных жителей, то они, большей частью, здоровый и от природы дюжий народ, говорящий особым, финским языком, очень трудным и едва ли имеющим сродство с каким-нибудь другим. К

тому же они говорят так скоро, что чужому невозможно их понять.

Одеваются они почти, как лифляндцы, и носят такую же лыковую обувь, плоские шапки и за поясом небольшой топор, но переселившиеся в города ходят в немецком платье.

Живущие в Финляндии почти все евангелическо-лютеранского исповедания и в богослужении, церковном пении и молитвах следуют шведскому обычаю; однако мне часто казалось, что между ними таится еще много привязанности к прежним суеверным языческим обычаям и колдовству.

Жители Ингерманландии частью исповедуют еще евангелическую веру, частью уже русскую.

Хозяйство у них всех очень скудное и дурное, так что оно не может быть сравниваемо с бытом даже беднейшего немецкого крестьянина. Избы в деревнях срублены все на русский лад, из брусьев, крестообразно один на другой положенных, и состоят большей частью из одной комнатки, в которой и печь для варева.

Вместо окон — маленькое четырехугольное отверстие с задвижной дощечкой. У тех, которые позажиточнее, встречается, впрочем, иногда и крошечное окошечко, ладони в две из слюды (заменяющей нередко стекло и у самих бояр и других знатных господ), или бумажное, или же из пропитанной маслом холстины. Постели в деревнях совсем не известны, и жители покрываются, вместо одеял, какою-нибудь старой рухлядью или лохмотьями; большей же частью, точно так же, как и русское простонародье, жарко натопив комнату, ложатся, совсем нагими, на печь, похожую на хлебную, или на доски (скамьи), приделанные к стенам, или же прикрепленные к потолку (полати), нисколько не обращая внимания на то, что таким образом лежат вместе вповалку муж и жена, работник и девка, дети, собаки, кошки, свиньи,

куры и пр. Можно однако себе представить, какое ощущение эта гадость и вонь должна производить в непривыкшем к ней путешественнике, тем более, что изба обычно наполнена чадом, за которым, если стать прямо, не видно верхней части тела. Ночью для проезжего присоединяется еще другая мука от множества гадин, особенно клопов, сидящих в невероятном множестве между брусьями и в щелях деревянных стен и мешающих часто закрыть глаза хоть бы на минуту. Комаров в этих местах тоже несчетное число и мне не раз случалось, переезжая через Неву, зачерпывать полную шляпу их трупов, пливших из Ладожского озера.

Вместо свечей жители употребляют тонко наколотые еловые лучины, которые втыкают, одну за другой, в железный светец, подставляя под него ведро с водой; иногда же они суют такие горящие лучины прямо в деревянную стену, нисколько не заботясь о том, что от этого может сгореть вся изба.

Их детские зыбки тоже мудреные. К гибкому шесту, укрепленному, как у токарей, в потолок, привязывают тесьмой или веревкой продолговатую корзину, в которую кладут младенца, обложив его старым лохмотьем, какими-нибудь общипанными перьями или соломой; потом корзинку то тянут вниз, то отпускают вверх, приводя ее таким образом в качательное движение; когда же мать хочет дать ребенку грудь, то она, не вынимая его, наклоняется для этого над корзиной.

При постройке своих изб они довольствуются небольшим топором с прибавкою разве еще угломера, а вместо скобеля употребляют кривой крюк, каким в Германии мясники счищают и соскребают чурбан, на котором рубится мясо или готовятся колбасы. Этих орудий им, как и русским, стает на все, и избы их успевают в самое короткое время. Двери в последних

обычно так невысоки, что входящему надо очень низко наклоняться, и когда их отворяют, из избы валит такой дым и чад, что можно упасть в обморок или задохнуться; но жителям ни до этого, ни вообще до какой-нибудь чистоплотности нет ни малейшего дела.

Из всего сказанного легко себе представить, какой жалости достойны эти бедняки, когда промысл насылает на них голод, войну и повальные болезни, особливо же чуму.

В проезд мой этими краями к С.-Петербургу, я находил еще кое-кого по деревням; но на возвратном пути, на каких-нибудь 30, 40, 60 и более миль, уже не было ни одной живой души; все погибло и перемерло, и если бы царь, овладев Лифляндией, не устроил по дороге из Нарвы через Дерпт (теперь этот город — одна груда камней) до Риги, т. е. на расстоянии почти 100 миль, для собственного своего удобства и для порядочных путешественников, нескольких почтовых домов через каждые 3 или 6 миль, то проезжему в суровое зимнее время пришлось бы погибнуть от стужи и голода.

Война и моровая язва вконец разорили плодоносную и богатую Лифляндию и Курляндию. В деревнях почти не видать жителей, хлеб стоит на полях несжатый, скот разбрелся и съеден волками, дома в совершенном запустении; помещичьи имения и большие общины, в которых было по несколько тысяч крестьян, так вымерли, что местами осталось не более трех, четырех или шести душ...

Упомяну также, что чума хотя доходила до Нарвы и, как говорят, до Копорья, однако в С.-Петербург не проникла; но так как и здесь недостаток продовольствия имел следствием большую смертность, то вывели заключение, будто бы в этом городе тоже чума, из-за чего были приняты разные меры предосторожности.

С умирающими из бедных классов здесь не много, впрочем, церемонятся: труп, завернув в рогожу, привяжут веревками к шесту и таким образом несут его два человека; лишь иногда везут на дровнях — как мне самому случалось видеть — совсем нагого на кладбище, где зарывают его в землю без всякого дальнейшего обряда».

Строительство Санкт-Петербурга было делом весьма непростым.

Москва являлась деревянным городом, Петербург должен быть каменным, и в сентябре 1714 г. появляется указ «О воспрещении на несколько лет возводить во всем государстве каменное строение, так как в Петербурге трудно достать каменщиков и мастеров каменного дела». Для того, чтобы Петербург мог застроиться каменными постройками, прекращается на ряд лет, причем не указывается на сколько же лет, каменное строительство во всем государстве — принимается мера небывалая; но она все-таки не вполне достигает своей цели, в Петербурге много деревянных построек. Тогда издаются два взаимно дополняющих распоряжения — первое о том, чтобы строились мазанки, т. е. особые постройки из глины, если и не каменные, то походящие на каменные. Но мазанковые постройки пригодны к южному климату, а никак не к сырому петербургскому — это обстоятельство не принимается в расчет, важно сохранить идею каменного строительства. Далее приказывается деревянные постройки обшивать тесом, а последний раскрашивать под кирпич. Пусть хоть внешний вид будет каменный, пусть это будет маскарад, но все же город не будет походить на старозаветную, узкую, с тысячами переулочков, закоулочков, бревенчатую Москву.

Стремление к новому строительству было сильно у Петра I, но в то же время были сильны и традиции

прошлого. По этим традициям город составлялся из слободок, в которых жили люди, соединенные или по национальностям, или по роду занятий. Этот принцип Петр отчасти положил и в основание своего строительства Петербурга.

Но где же конкретно его следовало строить?

Петербургская сторона для этого не годилась — она была низка, низменна, да и кроме того — пусть взят Выборг, пусть положена крепкая подушка в основание Петербурга, все же шведы, если они возобновят свои нападения на Петербург, легко смогут подойти к Петербургской стороне — здесь нет широкой Невы, естественными преградами служат лишь менее широкие, менее глубокие Невки. Адмиралтейский остров, нынешняя Адмиралтейская часть, нынешний центр Петербурга, уже занят Адмиралтейством, около которого могут и должны жить люди морского дела, здесь не место купцам, разночинцам, служилому люду, тут должна быть Морская слободка. За речкой Мойкой, тогда сохранявшей еще финское название Мья, уже начиналось предместье, отводились участки под дачи богатых и знатных особ. Литейная сторона? Но она тоже была уже занята. На том месте, где теперь начинается въезд на Литейный мост, предприимчивый Яков Вилимович Брюс, чернокнижник, могущий по звездам и другим знакам небесным узнавать грядущие события, построил деревянный Литейный амбар со шпиром, на вершине которого красовался двуглавый орел. Близ этого амбара должны были расположиться артиллерийская и литейная слободки.

Брюс Яков Вилимович (1670 — 1735) — сподвижник Петра I, дипломат, полководец и ученый. Популяризатор учения Коперника в России. В 1707 г. составил «Глобус небесный иже о сфере небесной». Составленный под его наблюдением календарь выдержал огромное

число изданий. В 1696 г. составил первую карту российских земель от Москвы до Малой Азии. В 1699 г. организовал «навигацкую школу».

Таким образом, к 1714—1716 гг., когда Петр решил серьезно заняться устройством своего «парадиза», оказалось, что для этого имеется лишь один Васильевский остров.

Несмотря на топографические неблагоприятные условия, с 1717 г. начинается ряд крупных строительных работ. Отыскано 55 актов, регулирующих заселение Васильевского острова, из них 16 падают на время Петра I. Первым указом — «помещики и вотчинники» обязывались строить дома по числу душ принадлежавших им крестьян, т. е. в зависимости от этого числа нужно было брать больший или меньший участок земли, воздвигать больший или меньший и по размеру, и по числу этажей дом. Но, очевидно, такое исчисление найдено было неудобным на практике, и не прошло месяца после появления первого указа, как был опубликован второй. В этом указе постройка ставилась в зависимость от числа дворов. Однако и это условие тоже, видимо, не вполне отвечало требованиям жизни, так как очень скоро — 21 сентября 1721 г. — вернулись к первому, хотя одновременно предъявлялось и второе, а для торговцев и купцов величина домового участка регулировалась, как говорили тогда, «промыслом», т. е. количеством платимого налога. Это обстоятельство — неустановление твердого принципа для основания заселения — очень характерно для петровской эпохи: проводился опыт, во время которого и испытывали те или иные средства. Но, конечно, очень скоро выяснилось, что мало издать указы о заселении □ необходимо «обязать»: принять те или другие репрессивные меры. Прежде всего указывалось, что дворянство должно «добровольно» прибыть в Петербург к определенному сроку. Но таких желающих

находилось очень немного, большинство было глухо к вызовам, и были посланы указы к местным властям, чтобы уже те принимали меры и высылали «обязанных строиться».

Затем принялись и за тех, кто уже поселился в Петербурге. Всех, которые не принадлежали по роду службы к Адмиралтейству или же не были моряками, но поселились или на Адмиралтейском острове, или вообще на Московской стороне, обязали подпиской, что они к определенному числу переедут сами и перенесут свои жилища на Васильевский остров. Подписку жители давали, но не выполняли ее — тогда 14 января 1721 г. появился указ «О ломке на Московской стороне и Адмиралтейском острове кровель на домах лиц, не исполнивших указа о переносе домов на Васильевский остров», кроме кровель велено было ломать и печи. Понятно, что в таком доме жить было мудрено, но наши предки умудрялись жить, и заселение Васильевского острова шло далеко не гладко. Такие меры принимались не только при Петре I, но и при ближайших его преемниках, а результат, по рапорту генерал-полицмейстера первых годов царствования императрицы Анны Иоанновны, был следующий:

«На Васильевском острове на отводных местах каменное и деревянное строение хотя где и построено, но полов и потолков у многих не окончено, а именно, каменные вчерне и оные не покрыты, полов и потолков и окончин нет, а у других одни фундаменты, погреба, средние и верхние жилья зачаты и по окна и выше сделаны были, но за непокрышками некоторые развалились; деревянное же строение у некоторых хотя было и построено; но за неимением в них присланных от помещиков людей и пустотою погнило и растаскано; у прочих же застроены и, не достроя, оставлены и стоят пусты».

Так официально доносит высшее лицо полиции, т. е. такое лицо, которому желательно скрыть недостатки, представить дело лучше, чем оно было, но, несмотря на все эти смягчающие обстоятельства, картина довольно неважная. Заселения Васильевского острова не происходило, и Петру I, даже с помощью принуждения не удалось достигнуть желаемых результатов.

В мае 1735 г. появился «именной указ» полицмейстерской канцелярии «О немедленной постройке домов на Васильевском острове под опасением описания в казну недвижимого имущества» — эта мера на современном языке называется конфискацией. Далее шло воспрещение продажи и покупки недвижимости □ эти акты обмена могли совершаться каждый раз по особому именному разрешению, «не в пример прочим». Но, в конце концов, правительство должно было, не признаваясь, конечно, в сделанных ошибках, отменить все свои распоряжения, и с апреля 1759 г. заселение Васильевского острова перестало быть обязательной повинностью.

Попытка заселить остров кончилась неудачно. Такая же неудача постигла и желание устроить остров по новому способу, совсем не по русскому обычаю, а на иностранный — голландский или венецианский □ образец. В 1714 г. майором Лепинасом был снят точный план, с указанием обмеров глубины реки, Васильевского острова, и над этим планом стали работать все бывшие в то время в Петербурге архитекторы: и полицейский архитектор Гербель «сочинил» проект устройства Васильевского острова; приложил руку свою и более талантливый Матернови; наконец, пытались к этому делу приобщить вездесущего и все могущего делать Трезини. Ничего не выходило вплоть до февраля 1717 г., когда Петру был представлен проект архитектора Леблона.

Васильевский остров — самый большой остров дельты Невы. Площадь 1090 га. Возможно, назван так в конце XV в. по имени владельца — новгородского посадника Василия Селезня. Главные постройки острова: дворец Меншикова, здание Двенадцати коллегий, Кунсткамера, здание Петербургской Академии наук.

Сразу же с начала строительства на Петроградской стороне выяснилось, что узкая полоса земли между крепостью и Большой Невой не дает возможности развернуть гавань соответственно постоянно увеличивающимся торговым оборотам. Поэтому ее перенесли на Васильевский остров в район стрелки и Тучковой набережной.

Перевод гавани на Васильевский остров повлек за собой и перевод туда всех других связанных с торговыми операциями портовых учреждений. Туда переводится Таможенное присутствие, Биржа, Гостиный двор, пакгаузы, склады и пр. Там, где находился порт, там, где создавался центр торговой жизни города, Петр решил создать и административный центр столицы, подчеркивая этим то особое значение, которое он придавал Петербургу как портовому городу империи. Небольшой городок около устья реки Ижоры — «Торговый рядок у клетей», являвшийся еще в XV в. торговым форпостом новгородцев, — уступил теперь место петербургскому порту — главному порту России.

Первых градостроителей Васильевский остров привлекал еще и тем, что был изолирован от всей остальной территории. В связи с этим представлялась возможность создать по его периметру сильные укрепления и внутри их распланировать город. Идеи создания города-крепости были тогда еще свежи, и зодчие в своих проектах предусматривали такие системы укреплений, которые отвечали бы стремлениям Петра создать величественную столицу империи,

отражающую специфику укрепленного торгового города и морского порта.

Эти идеи были претворены в жизнь, о чем свидетельствует центральное расположение Адмиралтейства, с одной стороны, и Биржи — с другой.

В разное время в разговорах и быту город называли по-разному. Вот некоторые из этих названий: Окно в Европу, Северная Пальмира, Северная Венеция, Новый Рим, Петрополис, Петрополь, Сам-Петербург, Северный парадиз, Северная столица, Питер.

Васильевский остров немногим отличался тогда от остальной Невской дельты. Часть территории, прилегающей к взморью, была занята лесом, в котором водились лоси и много дичи; остальное пространство было покрыто густым кустарником. Во всей низкой и заболоченной местности исключение представляла стрелка острова, где на месте теперешней Биржи находился охотничий домик бывшего владельца острова Деягарди. Одно рыбацье селение находилось на Малой Неве при впадении в нее Черной речки.

Затем владельцем Васильевского острова становится князь Меншиков, который вначале завел здесь скотный двор, просуществовавший до 1715 г. В 1710 г. на стрелке у набережной Невы он построил для себя прекрасный деревянный двухэтажный дворец, а рядом с ним в следующем году начал строить другой, сохранившийся до нашего времени. Позади дворца был разбит сад, а спереди прорыт канал, идущий к Неве. Несколько дальше находился дом дворецкого Меншикова — Соловьева. Вот и все здания и сооружения стрелки ко времени, когда был составлен первый проект планировки Петербурга. Доменико Трезини был первым архитектором, под руководством которого были осуществлены первоначальные постройки «Северного парадиза». Этому архитектору

выпало на долю провести свыше тридцати лет в Петербурге, в течение которых им было построено много зданий, дворцов, церквей и пр. По приглашению русского посланника в Дании, известного деятеля петровской эпохи Андрея Петровича Измайлова, Трезини явился в Россию в июле 1703 г.

Он произвел, очевидно, благоприятное впечатление на Петра, так как после встречи с царем был назначен начальником Конторы от строений, и с этого момента начинается кипучая деятельность этого архитектора, принявшего на себя обязательства выстроить в новом Санкт-Питер-Бурхе дома, крепость, церкви и пр.

Трезини принадлежит первый проект планировки Васильевского острова. Основная идея проекта заключалась в создании прямоугольной сетки улиц-каналов, пересекающихся под прямым углом. В местах пересечения предусматривались широкие бассейны, в которых могли бы поворачиваться суда. По периметру острова предполагалось создать систему сильных укреплений. Каналы, по мнению автора, должны были служить средством защиты города от наводнений, а линия бастионов—средством защиты его от неприятеля.

В северо-западной части острова проект предусматривал место для сада огромных размеров — «общественного гульбища», а в восточной части — небольшой парк и две площади с расположенными на них государственными и общественными учреждениями. Остров, разделенный каналами на равные участки, состоящие в свою очередь из шести равных кварталов, образовал городской район. Петербургскую сторону автор проекта рассматривал как предместье города.

Такова сущность проекта, отражавшего желание Петра создать русскую северную столицу, которая превзошла бы красотой лучшие города Европы.

Какие же последствия имел первый проект планировки Петербурга?

Нынешние линии и проспекты Васильевского острова — это те просеки в лесу, по которым начали прорывать каналы.

В 1704 г. на Петербургском острове построено 15 дворов, в 1705 г. — 6 дворов, в 1706 г. — 18 дворов, в 1707 г. — 2 двора, в 1708 г. — 12, в 1709 г. — 23, в 1710 г. — 41 и т. д.

В 1703 г. на Адмиралтейском острове построено 12 дворов. В 1704 г. — 24 двора, в 1705 г. — 7 дворов, в 1706 г. — 4 двора, в 1707 г. — 9 дворов и т. д.

Число дворов к 1717 г.: Петербургский остров - 1660, Адмиралтейский остров - 1723, Московская сторона - 515, Выборгская сторона - 350.

* * *

История знает еще один исключительно интересный проект планировки Петербурга. Его автор — архитектор Жан-Батист Александр Леблон.

Леблон построил в Париже и предместьях ряд превосходных особняков, выдвинувших его на одно из первых мест среди молодых архитекторов французской школы. Он произвел хорошее впечатление на Петра I при свидании с ним в Пирмонте. В течение нескольких дней, проведенных обоими в беседах, был установлен план ближайших работ в Петербурге.

Во время строительства города были допущены ошибки, возникшие в результате отсутствия общего плана, но Петр считал необходимым их исправить.

Увлеченный целеустремленностью и величием строительной деятельности Петра, Леблон по его указанию разработал генеральный план Петербурга. В проекте была предусмотрена не только широко

задуманная система укреплений, но и разработана весьма подробно уличная сеть и сети обслуживания в объеме, далеко превосходящем требования того времени. С этой точки зрения проект Леблона представлял исключительный интерес.

Проект сопровождался целым рядом «добрых регул» по вопросам пожарной безопасности, уличному освещению «для публичной комодите», очистки города от мусора, охраны личной безопасности, содержания мостовых и пр.

Проект сопровождался двумя записками: одна из них, составленная как введение к «Генеральному плану», и другая в виде подробного объяснения самого проекта были направлены Петру I на утверждение в Голландию.

По этому проекту под Петербург отводился весь Васильевский остров, Адмиралтейский и часть Петербургской стороны. Весь этот район был окружен двойной фортификацией, т. е. двойными земляными укреплениями и сетью каналов. Эти каналы должны были быть устроены таким образом, что если бы неприятелю удалось взять первый ряд укреплений, то, открыв шлюзы, можно было затопить взятые укрепления водой из внутренних каналов. Затем весь город прорезывался сетью поперечных каналов, которые должны были заменять собой и улицы. Самые большие каналы должны были делаться в 12 саженей (сажень – 2,13 м), средние в 8,5 саженей и малые в 6 саженей глубины, т. е. самые большие морские корабли того времени могли свободно ходить по этим каналам. Каналы образовывали ряд площадей, которые отводились под царские дворцы, храмы, рынки, училища, сады и другие публичные здания и учреждения. Дворец помещался в центре города, ближайšie к нему кварталы были отведены под жилье сановников, немного подалее была площадь с

государственными учреждениями, около них должны были жить чиновники, купцы и ремесленники, а также иностранцы. И только «подлый» народ, т. е. крестьяне и мещане должны были жить вне города. На каждой площади и на перекрестках должны были быть фонтаны для очищения воздуха и как предохранительные против пожаров меры.

Таким рисовался Леблону будущий Петербург и, надо отдать справедливость автору, проект выглядел красиво. Но, как говорится, «гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить». Здесь «оврагом» явилась русская зима. Из-за нее, приблизительно с октября по апрель, т. е. почти полгода, каналами нельзя было бы пользоваться, поскольку они бы замерзли.

Такова действительность. Далее следует легенда: якобы Меншиков, завидуя Леблону, постарался помешать его затее — велел рыть каналы и уже и мельче, чем на проекте, а когда царь приехал осматривать работы, то оказалось, поправить дело нельзя, и царь распорядился прекратить бесполезные работы, а царская дубинка прогулялась по спине герцога ингерманландского.

По поводу застройки Васильевского острова бытовала такая история, рассказанная де Швартом, голландским резидентом.

«Многие удивляются тому, что начатые на Васильевском острове каналы чрез линии, или улицы, не все доделаны. По случаю узнал я следующие обстоятельства, бывшие тому причиною. Государь Петр I, рассмотрев многие планы расположения Петербурга, выбрал из них тот, по которому главному городу надлежало быть на Васильевском острове, остров должно было окружить болверками, а посреди улиц провести каналы для сообщения Большой Невы с Малою. Но при том государь позабыл точно назначить ширину улиц и каналов или предоставил сие

благоразумию тех, которым было поручено строение, думая, что они сообразно главному намерению сего дела не преминут назначить ширину каналов по крайней мере так, чтобы две баржи свободно могли в оных расходиться. Потом государь отправился к своему войску, оттуда же чрез два года (в 1716 г.) в Голландию и Францию, дав повеление продолжать начатое дело и стараться привести к окончанию со всевозможною скоростью. В 1718 г. возвратившись в Петербург, прежде всего сел он в шлюпку и поехал на Васильевский остров осмотреть линии и каналы, которых много уже было отделано. Он нашел там к великому своему удовольствию линии по большей части уже застроенные деревянными и каменными домами. Особенно ж приятно ему было видеть великолепные палаты князя Меншикова с длинным каменным флигелем вдоль по каналу против первой линии. Но притом к величайшей своей досаде приметил, что каналы и улицы по обеим сторонам были слишком узки. Сперва он молчал и только качал головою, смотря на сию ошибку, но не доверял еще самому себе, в самом ли деле каналы сделаны были уже амстердамских, которые он взял за образец. В сем сомнении поехал он прямо к голландскому резиденту господину де Вилде и спросил у него, не может ли он сказать, как широки амстердамские каналы. Резидент отвечал его величеству, что не помнит того, но, принеся план Амстердама с масштабом, подал оный государю. Петр Великий тотчас вынул свой циркуль и, вымеряв ширину больших и меньших амстердамских каналов, записал то в своей книжке. Потом просил он господина де Вилде сесть с ним в шлюпку и ехать на Васильевский остров. Там приказал государь вымерять ширину некоторых из первых каналов и улиц и, нашедши, что улицы по обе стороны канала вместе с самим каналом едва были не уже одного амстердамского канала без улиц, весьма

разгневался, вскричал: «Все испорчено!» и возвратился во дворец.

Весьма приметно было, что государь долго не переставал досадовать на сию неудачу. При всяком случае укорял он тем князя Меншикова, которому поручено было главное смотрение над строением нового города. Иногда приезжал его величество в шлюпке на Васильевский остров, смотрел на отстроенные линии и на каналы, отчасти отделанные, отчасти ж начатые, часто по целому часу, и уезжал обратно, не сказав ни слова. Наконец, когда славный архитектор Леблон, которого государь еще в Париже принял в свою службу, приехал в Петербург, повез он его немедленно на Васильевский остров, водил несколько часов по всему острову, держа план в руке, и напоследок спросил у него:

□ Ну, господин Леблон, что мне теперь делать по моему плану?

Леблон, пожав плечами, отвечивал:

□ Нечего больше делать, как все сломать и снова построить, сделанные каналы засыпать и выкопать другие.

Государь, сказав: «Я подумаю», □ сел в шлюпку и уехал. Потом поручил он Леблону другие знатные строения в Петергофе и в иных местах, о Васильевском же острове никогда уже более не упоминал".

Впоследствии, начиная с 1737 г. узаконивается строительство столицы по чертежам, составленным Комиссией строения города.

Англичанин Дж. Перри точно уловил настроение тогдашнего общества по отношению к Петербургу:

«Между прочими причинами я должен упомянуть об одной из главных, вызывающей неудовольствие большей части дворянства. Это то, что против воли заставляют их переселяться на житье с женами и семействами в Петербург, где они обязаны строить себе

новые дома и где все съестные припасы дороже, чем в Москве, а корм для лошадей в 6, или 8 раз, так как в Петербурге на него весьма большие требования, а страна эта производит его весьма малое количество, ибо более чем две трети ее состоит из лесов и болот. Не только одни дворяне, но купцы и всякого рода торговцы обязаны туда переселяться и торговать. Все это стечение народа поднимает цены на съестные припасы и приводит в стесненное положение тех, которые поставлены в необходимость жить тут для сухопутной или морской службы, для построек и для всех тех работ, которые царь уже привел в исполнение и еще намеревается исполнить. Тогда как в Москве все господа и почетные люди имеют для жилищ своих не только огромные здания в самом городе, но также дачи и деревни, где устроены у них рыбные пруды и сады, со множеством разнородных плодовых деревьев, и всякие увеселительные места. Петербург же, лежащий под 60°, 15' с. ш., не может производить ничего подобного. Кроме того Москва — их родина и самое любимое место; тут они окружены друзьями и знакомыми, живут недалеко от деревень своих, легко и дешево могут получать оттуда съестные припасы, привозимые крестьянами их...».

Кроме еды, нужно было позаботиться жителям и о тепле.

В 1720 г. некие люди вырубил часть березовой рощи в Переведеновской слободе (на месте нынешнего Гостиного двора). Царь приказал разыскать виновных, каждого десятого повесить, а остальных жестоко наказать. Вмешалась императрица, по ее просьбе смертную казнь отменили, а виновных публично высекли и отправили в ссылку.

Нехватало корабельного леса. Первоначально его заготавливали по берегам Невы и ее притокам и даже в самом Петербурге. Но скоро леса сильно поубавилось.

Под страхом высокого денежного штрафа (5—10 руб. за срубленное дерево), кнута и даже смертной казни (за сруб дуба) запрещалось рубить корабельный лес не по назначению кому бы то ни было. Указы объявлялись с барабанным боем. Для подтверждения их действительности в Петербурге в некоторых местах заранее ставились виселицы. Снисхождения делались редко. Так, например, когда один отставной солдат (инвалид) «посечку учинил малую» березе в Петербурге, то был бит «нещадно» батогами тут же у слегка подрубленной березы. От кнута его спасло лишь то, что он имел боевые заслуги. За розыск мачтовых деревьев объявлялось вознаграждение от 1 до 5 руб. за дерево.

По описи 1718 г. на Васильевском острове (в самом Петербурге корабельные деревья были учтены и переписаны до единого) числилось 88 деревьев, годных для кораблестроения, а на Петербургской стороне — 302.

Только с 1723 г. жителям Петербурга разрешена была свободная рубка леса на своих участках.

Со второго десятилетия XVIII в. одним из самых значительных районов по заготовке корабельного леса (дуб и др.) для петербургских верфей становится Казань. Заготавливаемый лес стали подвергать первичной обработке на месте заготовок. В ряде случаев по приказу Петра I насаждались корабельные рощи в окрестностях Петербурга, как, например, рощи лиственниц на Карельском перешейке.

В конце концов удалось обеспечить корабельное строительство высококачественным лесом и другими материалами.

Первым монументальным зданием, построенным на Васильевском острове, была Кунсткамера. О ней мы расскажем ниже.

Следующим весьма примечательным сооружением было здание Двенадцати коллегий — ныне Петербургский университет.

В 1714 г. по указу Петра Сенат, учрежденный в Москве в 1711 г., был переведен в Петербург, где для размещения его канцелярий были построены «светлицы нарочитой архитектуры» на берегу канала Петропавловской крепости, который проходил посреди крепости для снабжения ее водой.

Здесь Сенат находился до того времени, когда на Троицкой площади, куда переместился центр города из пределов крепости, для него был построен в 1714 г. по проекту Д. Трезини двухэтажный мазанковый дом с черепичной кровлей. В трехчленное здание характерного профиля с отдельными крышами, как оно изображено на гравюрах 1716 г., находившееся справа от Гостиного двора, был переведен петровский Сенат — «Сенатские палаты».

Весной 1718 г. был опубликован «Регламент о коллегиях» и в декабре того же года коллегии открылись в мазанковом сенатском доме, который к тому времени был увеличен в длину вдвое и представлял из себя вытянутое здание, состоящее из шести двухэтажных корпусов с отдельными крышами по четыре окна в каждом корпусе. В 1719 г. в этом здании отделяются помещения для военной и посольской коллегий. Прием иностранных послов до этого времени производился во дворце князя Меншикова.

Учреждение Синода оказало косвенное влияние на строение здания Двенадцати коллегий, так как с его возникновением в здании на Петербургской стороне должны были разместиться Сенат, Синод и 10 Коллегий. Здание же Сената, состоящее из 6 частей, каждая из которых имела от 2 до 4 небольших комнат, было совершенно недостаточным для размещения

непрерывно растущего аппарата государственного управления.

Эти причины побудили Петра после личного осмотра здания коллегий на Петербургской стороне издать в августе 1721 г. указ о строительстве здания Двенадцати коллегий на стрелке Васильевского острова.

Объединяя Сенат и все коллегии в одно целое, Петр преследовал цель личного удобства при предполагающихся обследовании деятельности вновь созданного государственного аппарата.

В мае 1722 г. из Москвы за подписью Меншикова был прислан вместе с планом ордер, по которому «С.-Петербургскому фортеции архитектору Трезини зачинать строить военную коллегию от берега Невы на 4-м номере, длиною на 15 саж.»

Это по сути первое указание о сооружении здания Двенадцати коллегий рассматривается как начало его строительства.

Последовавший позднее целый ряд устных указаний Петра I можно рассматривать как основные идеи, которые должны были лечь в основу составления проекта и последующего его осуществления.

В апреле 1722 г. Петр указал: «Все равные арнаменты, как лучше убрать мочно, а каморы прибавить или убавить по величине коллегий всегда мочно, двери проломать и прибавить только б снаружи все было равною долготою».

Коллегии — центральные гос. учреждения в России, созданные Петром I в 1718 г.; ведали отдельными отраслями управления. В 1802 г. после образования министерств были упразднены.

На первый взгляд кажется не вполне оправданным расположение здания торцом к набережной Большой Невы. Это послужило поводом к версии, будто Трезини нарушил указание Петра о расположении здания

Двенадцати коллегий вдоль набережной и по своему усмотрению расположил здание развернутым по отношению к домику Петра на Петербургской стороне. В действительности же такое расположение здания было обусловлено планировочной композицией городского центра, предусматривавшей создание площади перед зданием правительственных учреждений. Проект застройки стрелки 1723 г. подтверждает это предположение.

В начале 1723 г. последовали подробные устные указания Петра I, которые представляли собой не только программу для составления проекта, но и отражали образ будущего здания.

«На переди лавки с галлереей, а с канальной стороны погреба со сводами, а над погребами каморы со сводами, а отступя с задней стороны делать на канал каменную стену, на которой быть галлерее для коммуникации от коллегии до коллегии, шириною на 12 футов».

Неменьший интерес представляет указание Петра I, относящееся к июня 1723 г. «Фундамент выводить ровно с землею, а выше земли строению не должно быть до того времени, пока его величество, выбрав из разных чертежей не подпишет собственною рукою. Для сочинения тех чертежей дать меру всем архитекторам, дабы каждый сделал свое инвенциею и арнаменты».

В результате этих указаний состоялся первый в России архитектурный конкурс.

В первых числах января 1724 г. развешанные на стенах зала Зимнего дворца конкурсные проекты были внимательно рассмотрены Петром и членами Сената, в результате чего последовало указание Петра:

«Департамент Сената с арками и галлереею строить по чертежу архитектора Трезини, а верхние апартаменты убирать лучше, таким образом, как

строено палатное строение в Александровском монастыре».

Высочайшее утверждение проекта здания Двенадцати коллегий произошло в январе 1724 г. Утвержденный проект не предусматривал лавки в первом этаже и канала параллельно зданию, идея создания которого принадлежала Петру. По мнению последнего, канал должен был служить для транспортирования мелких судов, доставляющих товары к Коммерц-коллегии, откуда они поступали бы непосредственно в кладовые подвала. К этой идее неоднократно возвращались и впоследствии. При Екатерине II комиссия по составлению проекта планировки и застройки Петербурга в докладной записке в 1767 г. защищала идею осушения редко высыхающей заболоченной части Васильевского острова напротив здания Двенадцати коллегий. Комиссия писала:

«К осушению того площадного места и к проезду к коллегиям мелкими судами позади Коллежских Департаментов по плану сделать из Большой в Малую Неву-реку канал». Проект этот так и не был осуществлен.

Ведение административно-хозяйственных дел строительства Сенат оставил за собой, а наблюдение за ним было возложено на генерал-прокурора. Строительство здания осуществлялось под непосредственным руководством автора проекта — Трезини. По его смете, стоимость всего здания составляла 117.567 руб. 48 коп.

В мае 1724 г. приступили к бойке свай для укрепления грунта. Под здание было забито около 14 000 трехсаженных свай толщиной от 5 до 8 вершков.

Следует заметить, что вначале был установлен весьма своеобразный порядок, заключающийся в том, что каждое ведомство (коллегия) осуществляло

строительство своей части самостоятельно (за исключением Аудиенц-коллегии и Сенатского департамента, для которых постройку вела Канцелярия от строений). Им отпускала строительные материалы Канцелярии от строений, она производила заготовку материалов и распределяла их между коллегиями пропорционально потребностям. Вскоре, однако, обнаружились недостатки этого весьма способа ведения работ, повлекшего за собой впоследствии окончание отдельных частей здания в разные сроки, и он был отменен. Строительство всего здания было объединено и передано в ведение Канцелярии от строений.

Здание было подведено под крышу только осенью 1727 г. Поэтому естественно, что указ от апреля 1727 г. о переводе в новое здание сенатских и синодских канцелярий осуществить не удалось. Но так как дальнейшее пребывание Сената и коллегий в мазанковом доме на Петербургской стороне стало невозможным, то в сентябре 1727 г. последовал указ Сената о размещении коллегий в зданиях частных лиц.

В 1732 г. состоялось первое заседание Сената в новом здании. Этот год признан официальной датой окончания строительства.

В 1741 г. была построена аркада в первом этаже и галерея во втором этаже вдоль фасада, обращенного во двор, а в 1750 г. было произведено покрытие крыши железом по новым стропилам. Этот год следует считать датой фактического окончания строительства здания Двенадцати коллегий.

Переселение коллегий в новое здание продолжалось с 1732 по 1764 г.

* * *

В то время как строительство на Васильевском острове производилось по проекту, в других районах Петербурга оно осуществлялось почти без всяких планов.

Оторванность Васильевского острова от внешних путей, ведущих вглубь страны, его низкое расположение и заболоченность территории — вот те причины, по которым строительство было переброшено на Адмиралтейский остров. К тому времени отпала необходимость в создании укреплений, которые предполагали осуществить на Васильевском острове, и потому он остров неизбежно должен был утратить свое значение.

В 1767 г. Екатериной II был утвержден предложенный комиссией план застройки, согласно которому только часть территории Васильевского острова включена в границы города, где расположены дворец Меншикова, здание Двенадцати коллегий и дом Академии наук (бывший дворец Прасковьи Федоровны).

Перемещение центра столицы с Васильевского острова вызвало строительство новых правительственных зданий на Адмиралтейском острове.

По распоряжению Екатерины II в 1764 г. начинается строительство набережных Невы. Строится здание Сената и Синода, создаются здания для размещения других правительственных учреждений, и сюда постепенно переселяются коллегии.

В освободившемся здании Двенадцати коллегий начинает свою деятельность Петербургский университет — один из молодых в России. В это время столица имела уже 125 лет от роду и ее население доходило до 400 000 человек.

Мысль об учреждении университета в Петербурге возникла еще при Петре I. При Академии наук, учрежденной в 1725 г., находилась гимназия,

называвшаяся университетом. Этот университет закрылся в 1762 г. С 1782 г. академики были привлечены к преподаванию в Учительской семинарии, которая в период создания Министерства народного просвещения в 1801 г. была преобразована и получила новое название Учительской гимназии, а через десять месяцев была переименована в Педагогический институт. Этот последний на протяжении 13 лет со дня основания рассматривался министерством народного просвещения как зерно «имеющего учредиться в С.-Петербурге университета».

В 1816 г. Педагогический институт после преобразования, которое дало ему права, почти ничем не отличающиеся от университетских прав, получил новое название Главного педагогического института. В 1819 г. по высочайше утвержденному докладу министра духовных дел и народного просвещения князя А. Н. Голицына Главный педагогический институт был переименован в С.-Петербургский университет, и день 8 февраля 1819 г. считается днем его основания.

14 февраля 1819 г. в здании Двенадцати коллегий в торжественной обстановке состоялось открытие Петербургского университета. Однако не все здание было сразу предоставлено университету. Потребовался опять весьма длинный путь скитаний в течение 18 лет, пока здание, в котором состоялось открытие университета, было ему полностью предоставлено.

Правительством было отпущено 600 000 рублей на приспособление и отделку зданий Двенадцати коллегий соответственно его новому назначению. Для проведения этих работ в 1833 г. был утвержден Строительный комитет.

В этом же году были приобретены смежные с университетом участки купца Конопасова и купчихи Путиловой. Здесь был возведен Ректорский домик по проекту архитектора Щедрина. Строительные работы

по реконструкции здания Двенадцати коллегий и возведению Ректорского домика по проекту архитектора Щедрина велись под руководством архитектора Шретера и в основном были закончены в 1837 г. В этом же году университет возвратился в то здание, где он начал свое существование около двух десятков лет тому назад.

Несмотря на изменения, здание не потеряло того характерного облика, который был присущ барокко времен Петра. Оно поражает грандиозностью и своеобразной отделкой плоскостей, при которой чрезмерная вытянутость фасада не производит монотонного впечатления.

Особенность архитектурного оформления этого здания, как и других зданий петровской эпохи, заключается в том, что декоративное оформление стен осуществлено лишь немногими простыми, а иногда несколько наивными, плоскостными средствами: лопатами, неглубокими нишами под окнами, наличниками несложного профиля, свисающими «полотенцами» и фронтонами с вялыми завитками — волютами. Здания этого периода обычно состоят из нескольких объемов, среди которых расположенный в центре является доминирующим.

Планировка помещений немногим изменилась в последующие годы. Весьма интересен созданный вдоль всего здания коридор — галерея протяжением 390 м, — равного которому нет в мире. Из него ведут двери в рекреационные помещения и аудитории. Хорошо освещенная большими окнами галерея, к стенам которой прижаты дубовые книжные шкафы, представляет собой своеобразное книгохранилище, выполняющее одновременно функции рекреационного коридора.

В центральной части здания трехмаршевая лестница ведет в фойе второго этажа, рядом с которым

расположен двухсветный белоколонный актовый зал размером около 60 метров в длину и 15 метров в высоту, имеющий прямоугольную форму. Внутри зала — колонны ионического ордера, отделанные искусственным белым мрамором; они поддерживают хоры, идущие вокруг зала, и служат одновременно основанием архитраву, увенчанному цилиндрическим гладким сводом.

Высокие гладкие белые колонны, гладкий цилиндрический свод и облицованные искусственным мрамором стены придают этому помещению строгий и стройный вид.

Большой интерес представляет собой дошедший до нас почти в своем первоначальном виде Петровский зал, о котором некогда перед реконструкцией здания начальство университета писало: «Залу старинной архитектуры с лепными украшениями по стенам и на потолке и с картинами, как памятник искусств прежних времен, сохранить, а церковь перенести в верхний этаж».

Внутренняя отделка зала относится ко времени Анны Иоанновны. Стильная рельефная скульптура на стенах и плафоне двухсветного зала, вензеля П и А (Петр и Анна) в орнаментах и аллегорические картины на стенах создают богатство отделки.

Коридор, Петровский и Актный залы представляют особый интерес; созданные в различное время, различными авторами, оформленные различными средствами, — они производят сильное впечатление.

* * *

Первые торговые ряды в Петербурге были построены в 1705 г. на Петербургской стороне вблизи домика Петра I. Это было несколько сотен грубо обтесанных брусчатых лавок без окон и печей, которые

в июле 1710 г. сгорели дотла. На пожаре не обошлось без крупного грабежа. Чтобы наказать грабителей, вскоре по углам площади, занятой до пожара лавками, были построены четыре виселицы, на которых повесили по жребию четверых из двенадцати человек, уличенных в воровстве. После пожара 1710 г. мелкие торговцы воспользовались уцелевшими брусьями и досками и сколотили из них против Кронверка в два ряда шалаши. Это была первая в Петербурге толкучка, которую народ называл «татарским табором». Воспоминание о нем до сих пор сохранилось в названии Татарского переулка, примыкающего к описываемой местности. У этих шалашей толпилось всегда множество народа, отчего была такая теснота, что проходившие там должны были зорко смотреть за своими кошельками, шпагами, даже шляпами и париками — все это, чтобы сохранить в целости, необходимо было носить в руках.

Неизвестный автор рассказывает: «Однажды гвардейский полковник с женой, проходя по рынку, не приняли нужных предосторожностей, почему и возвратились домой — один без шляпы и парика, а жена без фонтанжа. Это приключение с ними случилось на рынке весьма просто: какой-то человек верхом на малорослой татарской лошаденке, проезжая мимо помянутых лиц, стащил их головные уборы особенного устройства вилами. Толпа, видя это, смеялась и отпускала остроты, но никто не оказал содействия к возвращению похищенного, и все продолжали идти своей дорогой».

Вблизи этого рынка в то время совершались казни и выставлялись на каменном столбе и железных спицах тела казненных. Здесь видел Бергхольц рядом с четырьмя другими головами голову брата прежней царицы, урожденной Лопухиной, и голову сибирского воеводы, князя Гагарина — тело его было повешено уже в третий раз. Лицо казненного было закрыто платком,

одежда его состояла из камзола, сверх которого была надета белая рубашка. Тела казненных отдавались спустя некоторое время родственникам для погребения, головы же долгое время оставались на площади. На этой же площади прогуливались и выделявали разные фокусы маски на уличных маскарадах, длившихся иногда целые недели. Эта же площадь была свидетельницей разных торжеств по случаю побед над неприятелями.

В 1713 г. был построен другой Гостиный двор, называвшийся долго Новым. Он стоял на той же площади, шагах в двухстах выше прежнего. Это было обширное мазанковое строение в два яруса, крытое черепицей и с большим двором внутри, который пересекался поперек каналом. Во всю длину здание было перегороджено стеной надвое, так что лавки выходили двойные — одни на площадь, другие же на внутренний двор. Там, кстати, помещалась первая книжная петербургская лавка. В ней продавались печатные указы, азбуки учебные (6 денег каждая), «считание удобное», т. е. таблица умножения (по 5 алтын), затем из гравюр: портреты «персоны», т. е. царя, Шереметева, виды монастырей, Москвы и т. д. Бойче всех книг в тогдашнее время шел календарь Брюса — народ особенно ценил его за предсказания. Вовсе не покупались и лежали в лавке книги: «Разговоры на голландском и русском языках». Как мало дорожили тогда книгами, есть много свидетельств: так, в конторе Московской Синодальной типографии накопилось такое множество напечатанных при Петре книг, не находивших покупателей, что в 1752 г. их приказано было сжечь. О равнодушии тогдашнего общества к книгам ярким примером является также и указ 1750 г., в котором говорится, что «в Синод беспрекословно было представлено для истребления множество книг и карт, которых представлять вовсе не

следовало». Книги эти были после свезены в «де-сианс академию». Позднее, впрочем, в русском обществе, особенно в провинции, явилась страсть хвастаться книжками, и нередко сельские библиотеки дворян состояли из тысяч томов, выточенных из дерева. Вся эта деревянная мудрость стояла в роскошных шкафах, с блестящей сафьянной накладкой на корешках и с надписями: Racine, Voltaire, Encyclopedic и т. д. В это время в быту дворянском книги составляли последнюю вещь из всех вещей. Орловский или тульский помещик говаривал, что выследить русака □ не то, что прочесть книгу. Книгу может прочесть всякий, а петли русачьи по выбору бредут на разум; пороша дело, а книгу читаешь от безделья. С почтенными помещиками думали тогда более или менее все одинаково.

Слуг в Петербурге в 1750 г. было 17 000 человек (при общем населении города, включая детей, 95 000 человек).

Книжная лавка, о которой мы говорили, была единственной в Петербурге до 1760 г.; она управлялась фактором. Вторая книжная лавка была открыта Вейтбрехтом и носила название Императорской книжной лавки. Затем уже, с 1785 по 1793 г., открылось около десяти новых книжных магазинов.

Из всех книгопродавцев того времени стоит выделить имя В. А. Плавильщикова. Ему принадлежит слава основателя первой русской библиотеки для чтения: до него книги можно было получать от книгопродавцев не по выбору читателей, а по воле продавцов, которые и выдавали книги испорченные или старые. В. А. Плавильщиков прибыл из Москвы в Петербург в 1788 г.; он сначала взял в аренду губернскую и после театральную типографию и затем открыл первую книжную торговлю в Гостином дворе в лавке под номером 27. По словам современников, его магазин представлял «тихий кабинет муз, где

собирались ученые и литераторы делать справки, выписки и совещания, а не рассказывать оскорбительные анекдоты и читать на отсутствующих эпиграммы и сатиры».

Открытие первой библиотеки в Петербурге состоялось в сентябре 1815 г. Первая же библиотека в смысле книгохранилища была основана Петром во дворце в Летнем саду и затем передана в Академию, где с 1728 г. сделалась доступной для общественного пользования.

В старом здании Гостиного двора помещалась и биржа, которая позднее, в 1725 г., перенесена в особое строение перед Гостиным двором. Вне Гостиного двора никому не дозволялось ни складывать, ни продавать товары. Этот Гостиный двор существовал до 1735 г., потом в нем хранилась полковая амуниция.

С переводом гавани в район стрелки Васильевского острова явилась необходимость создания здесь торговых и складских помещений.

Петр I, желая построить на Васильевском острове аристократический квартал, распределил между своими родственниками и именитыми людьми участки для застройки, и им же он предложил построить каменные лавки. Однако строительство торговых помещений в то время, очевидно, не встретило сочувствия у именитых людей. Поэтому Петр I дал указание строить Гостиный двор на Васильевском острове одновременно со строительством зданий Двенадцати коллегий. Начатое в 1722 г. Трезини строительство Гостиного двора протекало медленно, с большими перерывами и затянулось надолго — на 14 лет.

Гостиный двор представлял собой замкнутый неправильной формы пятиугольник с обширным внутренним двором и состоял из непрерывного ряда рустованных двухъярусных аркад.

С 1821 по 1824 гг. здание подверглось капитальному ремонту по проекту архитектора Росси, в результате чего совершенно изменило свой внешний вид.

Прошло еще почти столетие, и это здание уступило место вновь строящемуся зданию министерства торговли и промышленности. Это было в 1914 г.

Так называемый Новый Гостиный двор, сохранившийся до нашего времени, был запроектирован в виде неправильного замкнутого четырехугольника на площади. Начало строительства этого здания по проекту Кваренги относится к 1802—1803 гг.

Первый этаж здания Нового Гостиного двора украшается крытой рустованной аркадой и гладкими большими замковыми камнями, которым соответствуют оконные проемы прямоугольной формы в полуциркульных в верхней части гладких нишах с фигурными замковыми камнями второго этажа. Рустованные стены венчаются красивым карнизом.

* * *

Для снабжения Петербурга всеми видами продуктов питания и товарами в Новгороде было создано Центральное провиантское управление. Последнее транспортировало товары и продукты преимущественно на судах по Волхову через Ладожское озеро и Неву.

Сопровождавшие товары представители Центрального провиантского управления и купцы по прибытии в Петербург оформляли сдачу товаров в порядке выполнения поставок по договорам, заключали новые договоры и проводили разного рода торговые операции.

Для совершения и оформления торговых операций, естественно, понадобилась Биржа. Она представляла

собой вначале сборное место на Петербургском острове, близ крепости, около торговых рядов.

Биржа под «небесным покровом» существовала с 1703 г. до 1705 г. на территории первых торговых рядов. В 1713 г. был построен новый мазанковый двухъярусный Гостиный двор, где вплоть до 1724 г. находилась Биржа.

С увеличением торговых операций, естественно, явилась необходимость сооружения самостоятельного здания Биржи. В январе 1724 г. Сенат писал Коммерц-коллегии: «Император ... указал на С.-Петербургском острову ныне, где пристойно сделать Биржу, а на Васильевском острову, на Гостине-дворе, Биржу ж сделать каменную. ..».

В соответствии с этим приказом на Троицкой площади перед Гостиным двором в июне 1724 г. была произведена закладка здания, предназначенного для Биржи, а к середине ноября оно было построено. В этом «красивом», по словам современников, здании Биржа находилась до 1731 г. В это время на Васильевском острове уже заканчивалось строительство Гостиного двора, но специальное здание Биржи построено не было. Вот почему в 1731 г. Анна Иоанновна «для удовольствия купечества» издала указ о строительстве специального здания Биржи, а до ее сооружения был выстроен деревянный амбар. Но так как новое здание для Биржи на Васильевском острове, по невыясненным причинам, в то время все-таки построено не было, Биржа переместилась в Гостиный двор, законченный в 1735 г.

На плане Махаева, относящегося к 1753 г., на берегу Малой Невы мы видим пристань, впереди которой расположен Гостиный двор, где и находилась Биржа. Впоследствии «Биржевое зало» располагалось в здании пакгаузов рядом с Гостиным двором. В этом зале происходили биржевые собрания.

Самостоятельное здание для Биржи начало строиться по указу Екатерины II в 1781 г. по проекту архитектора Кваренги на том участке, где расположено здание современной Биржи.

Были выведены фундаменты, выложен цоколь, произведены и еще некоторые строительные работы. Но затем последовал перерыв, вызванный Крымским походом. Отпускаясь после него средства были недостаточны, и вследствие этого затянувшаяся на многие годы постройка совершенно прекратилась в 1787 г. В 1801 г. это здание было «назначено в продажу из партикулярных людей, но как в покупке желающих не нашлось...».

Недостроенное здание, покрытое деревянным шатром, оставалось в таком состоянии до 1803 г., когда это творение Кваренги было разобрано.

Причиной тому послужил рескрипт Александра I о строительстве нового здания Биржи по проекту архитектора де Томона.

Здание Биржи по проекту Кваренги в плане имело форму, напоминающую букву «ф» с утолщенной средней чертой. Насколько можно судить по сохранившимся рисункам современников, оно представляло собой огромный закругленный с двух сторон зал, к двум сторонам которого примыкали выступы с открытыми лоджиями.

Характерными особенностями проекта Кваренги являлись простота и деловитость. Если учесть компактность здания, чрезмерно простой и мелкий по масштабности силуэт его, то станет понятным предпочтение, отданное проекту Томона.

К моменту начала строительства Биржи стрелка Васильевского острова имела далеко не привлекательный вид: извилистая линия берега окаймляла низкую местность, на которой были хаотически разбросаны разного рода мелкие

сооружения, начиная от частных жилых домов со службами и кончая пристанями. На низкой, в некоторых местах заболоченной площади находилось складочное место, носившее название «Америки», вероятно потому, что там в пакгаузах хранились товары американского происхождения. Перед зданием Двенадцати коллегий стояло небольшое здание Кардегардии (караульни или гауптвахты), одно из многих, построенных в 1762 г. в разных частях города «для сохранения порядка в народе». На набережной Малой Невы — большое здание таможенного Гостиного двора. Внутри замкнутого двора стояло небольшое строение, где впоследствии помещались архив Департамента таможенных сборов и архив Коммерц-коллегии и Департамента внешней торговли. Рядом с Гостиным двором — известное «Биржевое зало» с пакгаузами и впереди него так называемая биржевая пристань. В конце пакгаузов перпендикулярно им было расположено деревянное «Аукционное зало» с небольшой пристанью рядом.

Дальше находились дома, принадлежавшие частным лицам Мартыну Глухову и тайному советнику Демидову. Вплотную к дому Демидова стояло здание академической гимназии, вдоль которого от берега Невы шла улица.

Идея проекта заключалась в создании полуциркулярной предбиржевой, глубоко вдающейся в Неву площади, на композиционной оси которой на высоком стилобаде должно разместиться здание Биржи с чрезвычайно мощной колоннадой. По обеим сторонам ее — проезды, создаваемые полукруглыми боковыми зданиями, ведущие к площади, упирающейся в здание Двенадцати коллегий. В центре последнего (по одному из вариантов) предусматривалось осуществление большой арки, через проем которой должен был открываться вид на главное здание ансамбля. К воде вели пологие гранитные пандусы, словно объятия,

охватывающие полуциркульную гранитную набережную.

В центре набережной — сочная рустованная арка из гранита, которой отвечает в торцовой стене здания Биржи полуциркульное, огромных размеров окно, обработанное характерным рустованным наличником. На парапете, выступающем впереди основного массива здания, расположена скульптурная группа.

Симметричность всей композиции подчеркивается двумя замечательными ростральными колоннами, установленными у пандусов на высоких пьедесталах.

Начало строительства Биржи относится к 1805 г. Закладка была произведена в весьма торжественной обстановке. Это событие, описанное довольно подробно Томоном, происходило следующим образом. Окаймленное амфитеатром место закладки было заполнено публикой. Помост, в глубине которого возвышался шатер, покрытый турецкими, шитыми золотом шаями, был устлан коврами. В специальном зале находилась громадная декорация, изображающая Биржу на фоне неба; в облаках парил орел, держащий в одной лапе рог изобилия, а в другой — торговый флаг.

Существует легенда, по которой якобы благодарным купечеством были подарены четыре золотых слитка для закладки их под четыре угла фундамента Биржи.

Все строительные работы были окончены в 1810 г. В 1812 г. здание было передано в ведение таможни, но в течение шести лет не было открыто, и лишь в июле 1816 г. состоялось открытие в торжественной обстановке. Помещения Биржи были украшены флагами всех наций. Вокруг пристани против Биржи стояли суда и яхты с поднятыми флагами и салютовали во время обеда. Вечер ознаменовался иллюминацией, во время которой играла «духовая полковая музыка».

Прошло столетие. Первая реконструкция здания, произведенная в 1913 г., заключалась в замене деревянного свода над главным залом железобетонным и в устройстве в пределах габаритов лестничной клетки двух самостоятельных лестниц, причем одна из них — парадная — была облицована мрамором.

По своим формам здание Биржи напоминает греческий храм. Две гранитные, грандиозные по своей ширине наружные лестницы с двух сторон и пологие гранитные пандусы с двух других ведут на уровень первого этажа — стилобада. Стилобад служит основанием здания, окруженного с четырех сторон тяжелой неконелюрованной колоннадой дорического ордера.

Характерной деталью колонн Биржи является то, что шейка капители несколько обужена против стержня колонн. Эта особенность создает впечатление колонны в обойме, или рубашке, и усиливает архитектурное значение колоннады.

Оконные проемы в небольших нишах увенчаны тяжелыми перемычками, состоящими из рустованных камней.

Пройдя через наружную дверь и фойе первого этажа, зритель попадает в огромных размеров зал, перекрытый полуциркульным коробовым сводом, опирающимся на гладкие стены.

Дорический антаблемент опоясывает зал со всех сторон. Над карнизом у торцовых стен глубокие ниши, впереди которых — скульптуры на фоне полуциркульного окна в глубине. Дверные проемы в соседние залы оформляют приставленные к стенам портики ионического ордера с фронтонным завершением.

Не менее значительны и другие залы, расположенные вдоль продольных стен здания, освещенные прямым светом, и двухсветные залы в

торцовых частях здания, перекрытые цилиндрическими сводами.

С 1940 г. в здании Биржи находится Центральный Военно-морской музей.

Бенедикт Лившиц

Биржа

Здесь логосом и паевою пылью
Вершится торг, и, весом заклеямен,
Трехзубый жезл невыносимой былью
Терзается средь чисел и имен.

Как плоть в аиде, робок скиптр нептоунов
И легче тени тяжкий призрак стен,
Где невский ветер, едва заметно дунув,
Подъемлет волны судорожных цен.

Ужель не жалко, что в табачной сини
Не светятся червонцы никогда?
Не дремлют – равнодушны рабыни –
У спусков грузные суда?

Иль вымысел – ликовинный и острый
Заморский запах, зов иной судьбы?
Жаровни на треножниках, и ростры,
Рассекшие пурпурные столбы?

И целый век жемчужные шеренги,
Как мертвецов, обходит аквилон,
Чтоб утешался мстительный Гваренги
Слоновым горем пестумских колонн?..

1915

Теперь о ростральных колоннах. Эти колонны-маяки были задуманы де Томоном при создании проекта ансамбля Стрелки. Они подчеркивают симметричность всей композиции, в центре которой стоит величественное здание Биржи. Они символизируют значение петербургского порта теми же средствами и в том же стиле, что и Биржа.

На мощных гранитных из кованых камней пьедесталах на гранитных цоколях установлены колоссальные колонны дорического ордера, украшенные железными рострами-трофеями и плоскими якорями и поддерживающие квадратные площадки с металлическими простого рисунка ограждениями, на которых установлены жаровни-светильники. Две огромные высеченные из естественного камня фигуры, аллегорически изображающие реки, расположены у подножья колонн.

Два одинаковых здания симметрично расположены по обеим сторонам Биржи. В прошлом они предназначались для хранения всевозможных товаров и назывались северным и южным пакгаузами.

История возникновения их вкратце такова. Для хранения товаров на территории порта были построены временные деревянные амбары. При разразившемся в 1727 г. пожаре сгорели склады и стоявшие на Неве суда с товарами. Последствия этого пожара не замедлили сказаться на работе торгового порта. Поэтому указом от 1732 г. Сенат утвердил большую программу строительства кладовых и амбаров. Составленный на основании этого указа проект предусматривал строительство деревянных кладовых и амбаров вдоль берега перед зданием Гостиного двора для удобства погрузки и выгрузки товаров непосредственно в кладовые с кораблей и барж. Внизу по течению Малой

Невы, на набережной ниже Гостиного двора предусматривалось строительство больших каменных пакгаузов в два ряда, по четыре длинных корпуса в каждом, по осуществлении строительства которых все деревянные склады подлежали сносу. Все постройки предполагалось возводить, соблюдая очередность, при этом, по мере сооружения каменных складов, свайные основания деревянных береговых складов предполагалось использовать для расширения пристани в целях удлинения фронта погрузо-разгрузочных работ.

Этот проект частично был выполнен: четыре корпуса были построены в первую очередь и три — во вторую.

С 1749 по 1766 г. рядом с Гостиным двором для пакгаузов были перестроены приобретенные у графа Лопухина и Южкова каменные дома.

После наводнения 1824 г. изменились взгляды на строительство складских помещений. Если раньше к ним предъявлялись требования только пожарной безопасности, теперь к этому было выдвинуто новое требование — защиты хранимых материалов от наводнений.

С 1826 по 1828 г. были построены пакгаузы, которые, судя по описанию «Коммерческой газеты», имели сводчатые перекрытия, снабжены громоотводами, а подвальные помещения были защищены шлюзовыми заслонками.

К этому времени назрела необходимость в сооружении здания Таможни. Последней, как известно, уступило свое место старое здание пакгаузов, после разборки которого начало осуществляться строительство здания Таможни в 1829 г.

По проекту Лукини, два совершенно одинаковых по объему и архитектурному оформлению здания пакгаузов располагаются по обеим сторонам Биржи

таким образом, что закрывают ее до третьей колонны. Здание Биржи оказывается несколько выдвинутым вперед по отношению к остальным зданиям, и этим как бы подчеркивается его архитектурное значение.

По этому проекту переданное в ведение Таможенного управления здание Академии наук (дворец Прасковьи Федоровны) в 1826 г. было разобрано и на его месте возведено новое — южный пакгауз.

Старое таможенное здание с пакгаузами должно было уступить свое место новому зданию Таможенного присутствия с Кунсткамерой, а на ограниченной этими зданиями площади проект предусматривал разбивку сквера с железной решеткой и живой изгородью из акаций. Середина площади предназначалась для складирования громоздких товаров.

В полном объеме этот проект не осуществлен.

В период с 1826 по 1828 г. на стрелке Васильевского острова были построены три здания: северный и южный пакгаузы и музейный флигель Академии наук.

Здание южного пакгауза в разное время использовалось различными организациями. После окончания строительства в этом здании были размещены в 1829 г. экспонаты первой Всероссийской мануфактурной выставки. В 1830 г. в этих помещениях была мечеть. В период с 1860 по 1878 г. здесь помещалась рисовальная школа. Затем, после 1890 г., часть здания была приспособлена под Зоологический музей, куда были переведены экспонаты из музейного флигеля Академии наук, а другую часть здания вместе с экспозиционным залом занимал Горный департамент. Впоследствии и эта последняя часть была приспособлена для экспонирования значительно увеличившихся коллекций Зоологического музея Академии наук.

* * *

В ноябре 1703 г. шкипер Ян Гильбранд привел первый корабль с товарами к пристани Петропавловской крепости и тем самым открыл первую навигацию в Балтийском море. Тогда и начинается деятельность Петербургского порта, ставшего преемником маленького «Торгового рядка у клетей» на Ижоре, выполнявшего роль порта у новгородцев.

Завязались деловые сношения со странами Западной Европы и, как следствие этого, возникла необходимость создать учреждение, которое регулировало бы иностранную торговлю, — т. е. портовую таможню. На Петербургской стороне, недалеко от Гостиного двора, на берегу ручья, протекавшего через Гостиный двор, в 1720 г. было сооружено здание, где помещалась первая таможня.

Перемещение порта на Васильевский остров вызвало необходимость перевода туда всех связанных с работой порта учреждений.

К тому времени вопрос о создании центра столицы на стрелке Васильевского острова был решен, и в виде меры к застройке Васильевского острова, наряду с другими, направленными к этой цели, Екатериной I в 1727 г. издается указ, обязывавший на С.-Петербургском острове строений не производить и перевести важную и дела таможни на Васильевский остров.

Этот указ по неизвестным нам причинам выполнить не представилось возможным. А в 1730 г. Анна Иоанновна приказала купцам и таможне перебраться на Васильевский остров.

В результате приказа таможня была переведена в дом Нарышкина, где тогда находились палаты ратуши, а товары купцов — в кладовые строившегося Гостиного двора.

Закладка здания была произведена в августе 1829 г. Строительство велось довольно поспешно, и в сентябре 1832 г. оно уже было сдано в эксплуатацию.

Некоторые детали выполнялись не на строительной площадке, а изготовлялись отдельными предприятиями и отдельными мастерами; так, заказ на выполнение чугунных решеток и перил был размещен на заводе Берда; медные фигуры, установленные на фронте здания — Меркурия, Нептуна и Цереры, отливались на петербургском Александровском заводе и т. д.

Одновременно с возведением здания велись работы по устройству гранитной набережной Малой Невы против здания по проекту министра финансов Канкрин. Устройство деревянных мостовых у здания Таможни и замощением двора были закончены все строительные работы.

Свыше пятидесяти лет здание эксплуатировалось портовой таможней, и за это время существенных изменений в его архитектуру не вносилось.

К концу XIX в. столица уже имела население около миллиона человек. Грузообороты значительно увеличились в сравнении с XVIII в. Парусные суда были заменены более совершенными, обладающими большей скоростью и большей грузоподъемностью. Количество прибывающих из-за границы судов значительно увеличилось в сравнении с прошлым веком. Ограниченная территория Стрелки Васильевского острова не давала возможности расширения складского хозяйства для хранения экспортных и импортных товаров. Незначительная протяженность Тучковой набережной не могла обеспечить причалом прибывающие корабли. Становится понятным перевод в 1885 г. порта со Стрелки на Гутуевский остров.

В 1927 г. здание таможни было передано Академии наук, которая произвела в нем капитальный ремонт, в результате чего второй этаж был реставрирован в том

виде, какой он имел в 1832 г. В этом здании был помещен Институт русской литературы Академии наук (Пушкинский дом).

Что же представляет собой само здание? Это вытянутый прямоугольник с незначительными выступами посередине. Рустованный первый этаж с полуциркульными в верхней части нишами, с оконными проемами и совершенно гладкими стенами второго и третьего этажей имеет великолепный портик ионического ордера. Установленный на выступающий от стены цоколь в высоту первого этажа, он поддерживает архитрав с фронтоном завершением. Тимпан украшен рельефами, изображающими рог изобилия и другие торговые и морские эмблемы. Простого профиля тяги под прямоугольными окнами второго этажа, скромная профилировка карниза и опоясывающих здание со всех сторон тяг, три бронзовые фигуры на пологом фронте — так выглядит фасад здания, обращенный на набережную.

Дворовый фасад лишен портика, но по характеру оформления близок к главному.

По своей внутренней отделке особого внимания заслуживает Конференц-зал (бывший зал Таможенного присутствия). Это прямоугольник, в середине которого четыре тяжелые колонны дорического ордера укороченной длины (словно погруженные на одну треть в толщу пола) поддерживают лишенный фриза антаблемент, служащий основанием сводчатому перекрытию над средней частью, расписанному орнаментом по зеленому фону. Желтые из искусственного мрамора стены, отделанные также искусственным мрамором колонны светлорозового цвета. Очень красивы роспись потолка и тонкая лепка карниза.

ПЕРВАЯ ПЕТЕРБУРГА

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

САНКТ-

Петр вернул Европе страну, которая ей принадлежала.

Монтескье

Все промышленные предприятия мануфактурного типа, существовавшие в Петербурге петровского времени, можно условно разделить на три группы. Первая и главная по своему значению объединяет предприятия казенные, работавшие в основном на военные нужды. Во вторую группу могут быть отнесены предприятия дворцовые, работавшие главным образом на нужды двора, а отчасти на рынок. К третьей группе относятся предприятия, принадлежавшие частным лицам или частным промышленным компаниям и работавшие в основном на рынок.

Среди казенных промышленных предприятий второе по значению место после верфи принадлежало Арсеналу, далеко, впрочем, уступавшему Адмиралтейству как по количеству занятых на нем рабочих, так и по размерам производства. Самое название Арсенала как учреждения, объединяющего все виды материального снабжения сухопутной артиллерии, вошло в употребление лишь в конце царствования Петра I. Арсенал возник сначала просто как пушечно-литейный завод и лишь постепенно, обрастая подсобными предприятиями и сосредоточивая хранение всевозможных артиллерийских и вообще оружейных запасов и материалов, превратился в Арсенал в настоящем смысле этого слова, До 1720 г. он назывался «Пушечным двором».

Место для завода было выбрано на Московской стороне строящегося города, т. е. на левом берегу реки

Невы, против просеки, получившей впоследствии название Литейной (будущего Литейного проспекта).

Во главе стройки нового завода Петр I поставил известного инженера В. де Геннина, который так энергично повел вверенное ему дело, что уже в 1713 г. были закончены основные здания завода. В сентябре того же года Геннин был назначен начальником Олонецких железоделательных заводов и уехал из Петербурга. Верховное наблюдение за петербургским литейным заводом осталось за генерал-фельдцейхмейстером Я. В. Брюсом. Но еще при Геннине, 15 января 1713 г., литейный цех завода начал работать, и вскоре были отлиты первые медные пушки.

Геннин Виллим де (? —1721) — крупнейший организатор строительных работ петровского времени, военный инженер, мастер промышленной архитектуры. Приехал в Петербург из Голландии. Начальник Олонецких заводов, полковник артиллерии. Работал в Петербурге, на Урале, основатель и строитель «железоделательных» заводов и крепостей в России. Отличался огромной энергией и добросовестностью. Завершил строительство Арсенала и Литейного двора на территории между Фонтанкой и Невой в начале Литейного проспекта (деревянные строения, сооруженные в 1713 г., не сохранились). По поручению Петра I разработал первоначальный проект Сестрорецкого оружейного завода — одного из первых крупных производственных комплексов в России (1720-е). Общий планировочный замысел Геннина сохранился, несмотря на многочисленные перестройки. После кончины автора работы были завершены военным инженером Вырубовым.

Литейный «анбар» быстро обрастал разными техническими предприятиями. Были выстроены

кузница, слесарная, лафетная, токарная, столярная, паяльная и др. мастерские и, кроме того, целый ряд служб, сараев и т. п. Все эти здания получили в своей совокупности название Литейного двора. Двор был расположен на самом берегу Невы, на месте нынешнего въезда на Литейный мост.

Место на «Литейной перспективе» служило с 1714 г. складом всех необходимых для производства нового завода материалов и припасов, а также местом хранения готовой продукции этого завода. Место это получило название Пушечного двора. Напротив него через «Литейную перспективу» сосредоточились к 1715 г. все основные подсобные мастерские литейного завода; здесь же расположилось здание «Артиллерийской канцелярии». Место это получило название Нового пушечного двора, а прежний Пушечный двор стал называться Старым пушечным двором.

Новый Пушечный двор, постепенно расширяясь, захватил всю территорию в глубь от «Литейной перспективы» до реки Фонтанки. Основным производством было литье медных пушек. Сперва их отливали в формах с готовым уже ствольным каналом. Однако несовершенная техника плавки и отливки металла приводила к тому, что внутренность ствола часто оказывалась недостаточно ровной и гладкой, покрытой раковинами, что влияло на качество стрельбы. К 1720 г. перешли поэтому к плавке «глухих пушек», т. е. сначала отливали тело орудия без ствольного канала, который просверливался затем особыми сверлильными станками. Станки эти приводились в действие конной тягой. Кроме пушек, отливались и другие предметы из меди, например колокола. В 1723 г. были отлиты огромные тяжеловесные жернова для Охтенских пороховых заводов.

Изготовление пушечных лафетов и зарядных ящиков к ним требовало кооперации труда разных специалистов — столяров, токарей, кузнецов, слесарей и т. д., выработывавших соответствующие части в специально оборудованных для этого мастерских. Изготовление разных жестяных предметов, например манерок для пороха, производилось в особой паяльной мастерской. Была построена также специальная мастерская для изготовления пушечных фитилей, требовавшая кооперации труда прядильщиков и фитильных заварщиков. Поделки из кожи, главным образом для пушечных конских упряжек, требовали создания шорной мастерской. Обилие всех этих подсобных мастерских и объясняет нам территориальное расширение Пушечного двора.

Первый пороховой завод в Петербурге был построен на набережной Малой Невки против Крестовского острова, примерно у нынешней Зелениной улицы, старое название которой было «Зелейная»; это была дорога, проложенная от пороховых, по-старому «зелейных» (в Московской Руси порох назывался «зелем»), заводов к Кронверку Петропавловской крепости. Когда был построен этот пороховой завод, в точности не известно, но сохранились архивные документы, показывающие, что летом 1714 г. на территории завода достраивались еще амбары для хранения составных частей пороха — селитры, серы и угля.

Война со Швецией вызвала большие потребности в порохе. Ввиду этого вскоре начата была постройка новых пороховых заводов на территории Охты. Сразу было намечено построить на Охте два завода. В течение 1715 г. постройка одного из охтенских заводов шла полным ходом. Заводы по указу Петра должны были быть построены на реке Охте и притоке ее Луппе □ «на порогах», т. е. несомненно, что с самого начала было

предположено использовать здесь водяные двигатели в противоположность пороховому заводу на Петербургской стороне, действовавшему конной тягой. Точное место постройки Охтенских пороховых заводов выясняется из «наказа» Артиллерийской канцелярии строителю заводов Мокею Гусеву: «Первой мельнице быть на р. Охте (по правой стороне) против бывших шведских кирпичных заводов (напомним, что на территории Охты стояла бывшая шведская крепость Ниеншанц), а другой мельнице быть на Луппе реке вверх от Охты в 50 саженьях». Для постройки плотин привлекались русские мастера-специалисты. В 1716 г. деревянная плотина на реке Охте была уже построена, и при ней действовала одна пороховая мельница. Петербургские пороховые заводы, кроме сравнительно незначительной выделки нового пороха, занимались переработкой старого испорченного пороха, присылавшегося для этого из прибалтийских крепостей. Охтенский пороховой завод в первый год своей работы дал всего лишь около 800 пудов продукции.

В 1717 г., совершая заграничное путешествие, Петр в Голландии обратил внимание на местный порох, отличавшийся, по-видимому, значительно большей ударной силой, чем русский. Образец этого голландского пороха Петру удалось прислать в Россию. Испытание его дало превосходные результаты. Генерал Брюс обратился к Петру с представлением о выписке из Голландии мастера-специалиста, сумевшего бы поставить в России производство пороха на новый «голландский манир». В 1719 г. в Петербург приехал мастер Петр Шмидт. Он был стар, болезнен, несговорчив и гораздо больше заботился о собственном обогащении за счет русской казны, чем о внедрении в порученное ему производство новой техники. Шмидт не торопился открыть свой «секрет» русским.

Для учета материалов, ведения денежных расчетов и отчетности на петербургский пороховой завод был в начале 1720 г. прикомандирован канцелярист Иван Леонтьев. Он происходил из дворян, служил ранее по ведомству Коллегии иностранных дел, долгое время жил за границей, хорошо знал иностранные языки, был, по-видимому, ловким человеком. Кроме прямой «бухгалтерской» обязанности по заводу, на Леонтьеву было поручено выведать у Шмидта «секрет» выделки пороха по новому способу. Выполнить это поручение Леонтьеву в конце концов удалось, но выведал он «секрет» не от самого Шмидта, который решительно уклонялся от этого, а при посредстве молодой жены Шмидта — Валентины де Валь. Об этом сам Леонтьев писал так: «Начал просить супругу его с прилежною учтивостью моею, чтобы она как мочно получила от него (т. е. от своего мужа) весь секрет о пороховом и селитерном деле». Петр Шмидт умер в апреле 1720 г., открыв перед смертью свой «секрет» жене. После смерти Шмидта вдове его было обещано сохранение жалованья ее покойного мужа (780 рублей в год) с тем, чтобы она осталась на заводе и обучала русских мастеров новому способу производства пороха. Валентина де Валь, по-видимому, добросовестно выполняла эти свои обязательства. Среди учеников ее были способные русские люди, например пороховой подмастерье Афанасий Иванов, хорошо знавший старый «русский» способ выделки пороха. Уже в июне 1721 г. он писал: «После смерти мастера Шмита учила меня жена ево Елена Иванова дочь, и я у нее пороховому делу как новый порох делать и старый переделывать по голанскому маниру разных рук, такоже и селитру литровать и уголья жечь научен, могу я и без нее, Елены Ивановой, сам собою делать. А что я ныне делаю новый порох и переделываю старой сильнее голанского

мастера и мастерицына составу, то я научился от своего мозгу».

В том же 1721 г. Валентина де Валь, решив навсегда остаться в России, просила зачислить ее на русскую службу. Просьба ее была уважена, и она получила официальное звание «пороховой мастерицы». Иван Леонтьев продолжал обхаживать Валентину де Валь, склоняя ее открыть теперь секрет «исправления негодного пороха». Валентина долго противилась этому, но, как писал Леонтьев, наконец «ослабела силою, и я, усмотря ее слабость, со всякою учтивостью услуг моих просил с увещанием, дабы она научила мастеров... на что она склонилась». Итак, в конце концов вся новейшая техника выделки и переделки пороха стала достоянием русских пороховых заводов. Валентина де Валь прослужила на пороховом заводе в качестве «пороховой мастерицы» около 40 лет.

В 1720 г. во главе Охтенского порохового завода был поставлен сержант понтонной роты Яков Батищев. Он был незаурядным техником-изобретателем. Раньше Батищев работал на Тульском оружейном заводе, где ввел ряд технических улучшений, заменивших ручной труд механическим. На Охтенском заводе Батищев применил механическую силу воды для «кручения» пороха, т. е. превращения выработанной пороховой массы в зернистый порох, что до Батищева производилось путем кручения ручных решет. Благодаря изобретению Батищева порох «крутился» системой грохотов, приводившихся в движение силою воды. К началу 1722 г. закончилось переоборудование трех старых толчильных (ступовых) пороховых мельниц в жерновые.

На Охте предполагалась постройка сразу двух заводов. Батищев предложил отказаться от второго порохового завода, а построить на отведенном месте новый вододействующий пушечный и оружейный завод.

Однако Главная артиллерийская канцелярия приказала Батищеву немедленно начать стройку второго порохового завода. В 1722 г. работы по постройке этого завода на реке Луппе развернулись полным ходом, и в 1723 г. новое предприятие начало действовать. При его постройке Батищев ввел еще одно новое техническое изобретение. Вместо каменных жерновов, привозившихся для пороховых мельниц из Голландии («голландские камни»), Батищев применил литые медные жернова, изготовленные по его заказу на петербургском Арсенале. С целью увеличения веса в эти медные жернова было влито до 500 пудов свинца. Вес каждого такого жернова достигал 350 пудов. По-видимому, жернова эти работали хорошо, но так как стоимость их оказалась в 10 раз выше стоимости привозных, то дальнейшее производство их по распоряжению Петра было запрещено.

Так как жизнь в Петербурге была значительно дороже, чем в Москве, то «для здешнего Санкт-Петербургского жителя» полагалась надбавка к московским окладам в размере 25%.

Несмотря на оборудование в Петербурге трех пороховых заводов, все же в течение всего царствования Петра московские заводы продолжали давать стране большую часть пороха. Так, по нарядам Главной артиллерийской канцелярии в 1721 г. намечено было выработать пороха: в Петербурге — 3 тысячи пудов, а в Москве — 12 тысяч пудов; в 1724 г. — в Петербурге 10 тысяч пудов, в Москве — 20 тысяч пудов. Ведущая роль в производстве пороха к 1725 г. все еще оставалась за Москвой.

Из числа дворцовых предприятий петровского Петербурга наибольшее значение имела Шпалерная мануфактура. Основанная в 1717 г., она просуществовала до 1859 г. и оставила по себе память в названии Шпалерной улицы. Почти все остальные

дворцовые промышленные предприятия быстро заглохли и прекратили свое существование вскоре же после смерти Петра. Часть из них была передана из ведения «Кабинета» в ведение Берг- и Мануфактур-коллегий, т. е. превратилась из дворцовых просто в казенные предприятия, работавшие на общий рынок.

Образцом для Шпалерной мануфактуры послужила королевская гобеленовая мануфактура в Париже, художественные ковровые изделия которой, привезенные в Россию, произвели на Петра сильное впечатление. По его указу Лефорт законтрактовал еще в 1716 г. в Париже мастеров-специалистов гобеленового дела. В начале 1717 г. четыре мастера уже прибыли в Петербург. Контракт с ними был заключен на 5 лет с окладом жалования по 400 рублей в год каждому. В июне 1717 г. прибыло еще 11 французских мастеров, в том числе Бегабль (с сыновьями) и Камус. Бегабль был назначен директором мануфактуры. Ему, согласно контракту, предписывалось обучать гобеленовому делу и русских учеников: «принимать в свою службу российскую нацию и обучать их всему, что касается до того мастерства».

Шпалеры — настенные безворсовые ковры с сюжетными и орнаментальными композициями. Ткались из цветных шерстяных ниток с добавлением шелковых, льняных, иногда серебряных или золотых на специальных ручных станках выборного ткачества, т.е. отдельными частями, которые затем сшивались тонкой шелковой нитью. Характерная особенность шпалер — рубчатая поверхность лицевой стороны и неровная изнаночная, образованная концами ниток утка и швов. В России известны в XVIII □ XIX вв.

В 1719 г. Шпалерная мануфактура была передана в управление единой тогда Берг- и Мануфактур-коллегии, а с выделением в 1722 г. особой Мануфактур-коллегии

— в ее управление. С этого времени в положении ее произошла решительная перемена. «По приговору Мануфактур-коллегии, — читаем мы в соответствующем архивном документе, — ведено для шпалерного дела оставить в Питербурхе только 5 человек (французов), в том числе баселистов четырех, которым жалованья надлежит давать по 400 руб. человеку, а из готелистов одного, а именно Бегагля, жалованья ему ведено давать по 500 руб. на год. Да к ним же ведено набрать из русских 10 человек учеников». С этого времени к работе в основном привлекаются русские ученики. Число их постепенно растет: в 1725 г. «в науке шпалерного дела» числилось 22 ученика.

Кроме основного ткацкого производства, при Шпалерной мануфактуре было оборудовано красильное отделение. В нем производилась окраска шерсти, гаруса, шелковых нитей. Хорошие «шпалерные мастера» владели обычно обоими видами искусства, т. е. и ткацким и красильным.

Помимо квалифицированной силы, красильня обслуживалась и чернорабочими. Сохранилась любопытная челобитная «Шпалерной мануфактуры красильного дела дроворуба» Филата Кадышева. Кадышев жалуется, что получает всего 1 рубль 30 копеек в месяц, «а работа весьма не склонна... и того жалованья не токмо что на одежду и обувь употребить, но и пропитание с немалым недостатком имеет, и всегда де бывает в мокроте и при огне и от того весьма платье и обувь носится необычайно». Главный интерес этой челобитной — в ее заключительной части, в которой Кадышев просит перевести его в ученики красильного дела: «А ныне возымел охоту, чтоб быть и обучаться красильному делу, понеже хотя при рубке дров и при носке воды пребываю, однакож, смотря на протчих, прилежно обучаюся как красильному и пресованью, так и катанью коломинок, о чем и мастер

красильного дела весьма известен...». Просьба Кадышева была удовлетворена, и мы встречаем его через несколько лет в качестве одного из способнейших учеников красильного дела.

Кроме Шпалерной мануфактуры, на территории Екатерингофа были расположены и другие дворцовые предприятия, а именно: коломенковая и полотняная фабрики, завод для выделки пудры, плетеночная фабрика и две ветряные мельницы — одна крупяная, другая масляная. Из этих предприятий наиболее крупным была полотняная фабрика. Точное время ее основания неизвестно, но во всяком случае она существовала уже в 1720 г. В 1722 г., наряду с другими дворцовыми предприятиями, она была передана из «Кабинета» в «диспозицию» Мануфактур-коллегии. Фактически с 1722—1723 гг. дворцовые фабрики утратили свою специфику и превратились просто в казенные предприятия, работающие не только на «дворец», но и на общий рынок.

Кроме дворцовых предприятий, по инициативе Петра было основано в Петербурге и его окрестностях еще несколько казенных фабрик и заводов, рассчитанных на производство предметов широкого потребления. Их судьба оказалась аналогичной судьбе предприятий дворцовых: очень быстро почти все они перешли в частные руки. Отметим кстати, что, при особом покровительстве Петра «компанейской» форме владения промышленными предприятиями почти все петербургские частные промышленные предприятия находились не в единоличном владении того или иного лица, а принадлежали «компаниям», составленным из нескольких предпринимателей, вкладывавших в дело свои капиталы, каждый в том размере, в каком он находил для себя возможным и выгодным.

Петр обращал особое внимание на кожевенное производство. До него в России юфть выделывалась с

помощью дегтя, и обувь получалась очень низкого качества. Под угрозой самого жестокого наказания, вплоть до лишения всего имущества и ссылки на каторгу или в вечную работу на галеры, Петр запретил выделывать обувь старым способом и торговать такой обувью. Было приказано выделывать юфть по новому способу, применяя вместо дегтя ворвань сало. Очевидно, Петр и основал в 1718 г. в Петербурге на Выборгской стороне, в бывшем дворе А. В. Кикина, казенный кожевенный завод как образцовый.

Кроме кожевенного завода Ильи Исаева «с товарищами», в конце 1724 г. в Петербурге начал строиться завод «лосиных и козлиных и оленьих кож», основанный иноземцем Христианом Лоренцом. На заведение этого завода Лоренцу была выдана из казны ссуда в размере 100 рублей сроком на три года. Работать завод начал с 1725 г.

В 1718 г. московскому купцу Павлу Вестову было предложено правительством завести в Москве на «компанейских» началах сахарный завод. Вестов с компаньоном своим Еремеем Кизелем предпочел строить сахарный завод не в Москве, а в Петербурге, очевидно потому, что сырьем для выварки сахара являлся тогда «сахар-сырец» (масса из тростникового сахара), привозить который необходимо было из-за границы, и доставка его морским путем прямо в Петербург удешевляла бы стоимость производства. Вестову удалось получить для постройки завода удобное место на Выборгской стороне на берегу нынешней Большой Невки, вблизи от казенных пеньковых амбаров, где была оборудована казенная пристань для прихода иностранных кораблей. К 1720 г. постройка была закончена, и с 14 июня 1720 г. завод начал работать.

В 1717 г. одновременно в Москве и Петербурге была основана «Штофных и прочих шелковых парчей

мануфактура». Основателями ее являлись объединившиеся в компанию три представителя высшей знати Петербурга. Это были президент Адмиралтейств-коллегии граф Федор Матвеевич Апраксин, президент Коммерц-коллегии Петр Андреевич Толстой и вице-президент Коллегии иностранных дел подканцлер барон Петр Павлович Шафиров. Для устройства фабричных помещений казна пожаловала этой компании дома в Петербурге и Москве. В Петербурге компаньоны получили каменный дом генерал-фельдмаршала князя Голицына. Вместе с тем компаньонам, или «интересентам», как они тогда назывались, было выдано от казны огромное денежное пособие — 36 672 рубля (правда, они сами вложили в дело собственный капитал в 57 837 рублей). Кроме всего этого, «интересенты», в целях обеспечения сбыта будущей продукции своей мануфактуры, добились получения от правительства полной монополии в производстве шелковых материй, бархата, парчи и штофов и запрещения ввозить эти материи из-за границы. Основное предприятие с сотнями рабочих развернулось в Москве, в Петербурге же существовал лишь весьма скромный филиал. По-видимому, сиятельные «интересенты» не сумели повести дело с коммерческим расчетом и уже в 1721 г. приняли в свою компанию московских купцов, а именно Матвея Евреинова «с товарищами», всего 8 человек. Очень скоро эта купеческая часть компании стала подлинным хозяином дела, и в 1724 г. титулованные «интересенты» вовсе вышли из компании, забрав обратно свои капиталы.

Производство в Петербурге пива и спирто-водочных изделий вызвано было прежде всего нуждами флота; значительное количество этой продукции потреблял и сам город. Первоначально пиво ввозилось из-за границы. Но уже начиная с 1716 г. возникают на

Выборгской стороне солодовые и пивоваренные заводы, сначала казенные, а потом и частные. Быстрое развитие пивоваренного производства с этого времени объяснялось в значительной мере тем, что в морском районе заменили кислые щи из щавеля как противоцинготное средство пивом. Пиво варилось и в Кронштадте; его расход только на флот достигал в 1721 г. 325 тыс. ведер. В середине XVIII в. в Петербурге насчитывалось 4 пивоваренных завода, из них 3 частных.

Бутылка винная - русская мера объема жидкостей — 1/16 ведра (0,77 л).

Бутылка водочная (пивная) — русская мера объема жидкостей — 1/20 ведра (0,624 л).

Ведро — русская мера объема жидкостей, равная 12, 3 л.

Почти одновременно с пивоваренным появляется в Петербурге в 1718 г. казенный водочный завод. Позднее, в 1738 г., вступает в действие и частный водочный завод, на котором, кроме водки, производились и духи.

Табачное производство началось в Петербурге также с 1718 г., когда была основана табачная мануфактура.

Производство рождало отходы. Но рядом указов жителям Петербурга под угрозой штрафа запрещалось выбрасывать мусор в Неву, в речки и каналы города, чтобы не засорять фарватера. Позднее с той же целью запрещено было сплавлять по рекам и каналам города неокоренный лес. Точно так же запрещалось выбрасывать сор с кораблей в Финском заливе в районе устья Невы под угрозой не только штрафа в 100 ефимков, но даже, при повторном нарушении, конфискации судна.

Уже в первые десятилетия истории Петербурга здесь начала развиваться частная промышленность.

Дошедшие до нас данные о промышленных рабочих первой половины XVIII в. позволяют говорить, что в 30-е годы крупные частные промышленные предприятия города имели свои постоянные рабочие кадры. Эти кадры как для всей страны, так и для Петербурга рекрутировались из четырех основных источников: из крестьян, детей посадских людей, солдатских детей и детей «фабричных» людей.

Рекрутская повинность — система комплектования русской армии, введенная Петром I в 1699 г. и заключающаяся в обязательной поставке сословиями определенного числа рекрутов. Срок службы рекрутов — сначала пожизненный, с 1793 - 25 лет, с 1834 - 20 лет. В XVIII в. комплектование русской армии с помощью рекрутских наборов представляло шаг вперед по сравнению с господствовавшей в Зап. Европе системой наемничества, так как обеспечивало постоянный, хорошо обученный состав армии. Вместе с тем повинность являлась одной из самых тяжелых повинностей, ложившихся на народные массы. С 1831 г. были введены ежегодные рекрутские наборы. Военной реформой 1874 г. повинность заменена всеобщей воинской повинностью с уменьшением срока действительной службы до 6 лет.

Беглые крестьяне, крестьяне с просроченными паспортами после производившихся переписей и общих ревизий закреплялись за промышленными предприятиями. Правительство предписывало также направлять на мануфактуры осужденных за преступления женщин и не годных для военной службы «праздношатающихся» мужчин. Трудные условия жизни заставляли работных людей отдавать «в учение» на фабрику своих детей. Предприниматели охотно брали таких учеников, и правительство поддерживало

предпринимателей, закрепляя за ними право на использование этого вида рабочей силы. Поступали на предприятия в качестве учеников и солдатские дети, нередко направляемые туда распоряжениями правительства из гарнизонных школ.

Ведомости регистрации цехов 1721 и 1724 гг. рассказывают откуда комплектовались ремесленники столицы; процент уроженцев Петербурга в эти годы был еще ничтожен. Наибольшее число новопоселенцев-ремесленников дал Ярославль с уездом, за ним следует Москва с уездом, а дальше — Галич, Кострома, Романов, Пошехонье, Кашин, Ростов, Новгород, Осташков, Вологда и другие города и уезды.

Любопытны сведения о специальностях ремесленников, прибывавших в столицу из различных местностей. Осташковцы состояли в рыбном цехе, все прибывшие из села Кимры были сапожниками, сапожниками же было и большинство кашинцев. В пищевом производстве преимущественно были заняты галичане, костромичи, романовцы и пошехонцы. Большинство ярославцев были пирожниками. Всего в пищевом деле была занята почти половина зарегистрировавшихся ремесленников. Другую значительную группу цеховых составляли лица, занятые изготовлением одежды и обуви. Очень немногочисленные цехи были представлены только иностранцами (они обслуживали исключительно или преимущественно дворянство); такими были цехи: золотой (17 чел.), парикмахерский (15 чел.) и позументный (6 чел.); все их члены составляли около 2,5% к общему числу зарегистрированных ремесленников.

Одна из ведомостей 1720-х гг. дает сведения о социальном составе зарегистрировавшихся цеховых Петербурга. Из учтенных 1455 человек 838 человек, или 57,6%, были крепостными крестьянами — помещичьими,

монастырскими, дворцовыми и др.; 1269 человек были посадскими людьми, приехавшими из разных городов. Монастырских служек и церковных причетников было 14 человек, солдатских, стрелецких и казачьих детей и ямщиков — 9 человек, «гуляк» — 5 человек, 96 человек (6,6%) были пришельцами из новозавоеванных городов, 188 человек (12,9%) являлись иностранцами. Иностранцы-ремесленники, как правило, регистрировались в цеховых организациях. Таким образом, основным источником рабочих кадров Петербурга были крестьяне, за ними следуют посадские люди. К сожалению, ведомости этих лет охватывают лишь малую долю лиц, занимавшихся ремеслом в столице, и притом касаются очень ограниченного круга ремесел и профессий. А между тем в 20-е годы XVIII в. Петербург уже был вторым после Москвы крупным центром ремесла в России.

Камер-юнкер Берхгольц посетил мануфактуру Тамсена в Москве, где видел, как и кто на ней работал (нет оснований думать, что условия труда на московских и петербургских мануфактурах в чем-либо различались, а запись Берхгольца представляет собой любопытный мемуарный документ о работных людях петровского времени). Берхгольц сопровождал герцога Голштинского, посещения которого ждали и к которому готовились. Поэтому многие подробности, записанные Берхгольцом, конечно, не отражают повседневной жизни мануфактуры, к ним надо относиться осторожно. Берхгольц посетил женское отделение прядильни, где работали девушки, отданные на работу в наказание «лет на 10 и более, а некоторые и навсегда». Комната, где находились прядильщицы, поразила Берхгольца чистотой, а девушки — своими красивыми платьями. Берхгольц побывал еще и в других мастерских, очевидно не вошедших в заранее разработанный маршрут гостей, ибо, как замечает Берхгольц, в них

«воняло почти нестерпимо». Гости осмотрели также мастерскую, в которой работало 20—30 человек свободных работников. Они получали заработную плату, не превышающую, по словам Берхгольца, того, во что обходится содержание арестанта.

Анонимный польский путешественник, посетивший Петербург в 1720 г., сообщил следующие сведения о какой-то петербургской ткацкой мануфактуре: «На берегу Невки есть длинный двухэтажный каменный дом, в котором 6 комнат внизу и столько же наверху... В каждой нижней комнате этого дома есть 5 станков для выделывания полотна. В угловых же комнатах работают столяры и токари, которые приготавливают станки, мычки, веретена, прялки, мотальницы, утки, челноки и другие снаряды. В комнатах верхнего этажа много женщин под присмотром англичанки, которая наблюдает за их работами. В одних комнатах прядут, в других разматывают, в третьих наматывают. Здесь множество людей, есть и смотритель, который всем управляет».

Как во городе во Санктпитере,
Как на матушке на Неве-реке,
На Васильевском славном острове,
Молодой матрос корабли снастил
О двенадцати тонких парусах,
О двенадцати полотняных.
Что увидела красна девица
Из высокого нова терема;
Выходила тут красна девица
На Неву-реку по свежу воду.
Почерпнув воды, остановилася,
А поставивши, думу думала,
Думу думавши, слово молвила:
«Ах душа моя добрый молодец!

Ты к чему рано корабли снастишь
О двенадцати тонких парусах,
О двенадцати полотняных?»
«Что ты, глупая красная девица,
Неразумная дочь отецкая?
Не своей волей корабли снащу.
Не своею я охотою,—
По указу я государеву,
По приказу-то адмиральскому!»
Как на фабрике на Милютиной
Душа девица плотно ткала,
Не простое, но белотканное;
Посредине все пташечки,
По краям все черны соболи.
Приходила к ней родна матушка,
Душа девица испужалася,
Мелки пташечки разлетались,
Черны соболи разбежались...
Из-под камешка из-под белого
Не огонь горит, не смола кипит,
Что кипит сердце молодецкое,
Не по батюшке, не по матушке,
Не по брате, не по милой сестре —
По душе-душе красной девице...
Как пришла ко мне весть нерадостна:
Душа девица-свет больным больна.
А после пришла ко мне грамотка:
Душа девица переставилась...

Первый городской рынок возник в центре только что основанного Петербурга, на Троицкой площади Петербургской стороны, недалеко от домика Петра I. С 1711 г. он был перенесен на Кронверк и получил название Сытного. Позднее возникают рынки на

Адмиралтейской стороне, Васильевском острове (Андреевский), на Выборгской стороне, Охте и в других местах. В середине XVIII в. в Петербурге насчитывалось свыше десяти значительных рынков. Кроме того, по мере роста города возникали различные ряды — хлебные, мясные, рыбные, сенные, каретные, кузнечные, точильные и т. д. В середине века их насчитывалось несколько десятков.

Частное строительство в городе вызывало появление торговли строительными материалами. К середине XVIII в. в городе было до десятка мест, где продавались лес, кирпич, глина, песок и пр.

КУНСТКАМЕРА

В Кунсткамере был, а слона не видал.

В. Даль. «Толковый словарь живого великорусского языка»

В связи с перенесением столицы в Петербург Петр I распорядился перевезти туда свое личное собрание и библиотеку, а также коллекции по анатомии и зоологии, которые хранились в Аптекарской московской канцелярии. К 1714 г. все экспонаты были перевезены в новую столицу и размещены в Летнем дворце. Коллекции оказались столь обширными, что для должного обслуживания их потребовался специальный штат. «Главное смотрение» над ними было поручено Президенту Аптекарской канцелярии лейб-медику Роберту Арескину, который назначил, в свою очередь, «библиотекарем и надсмотрителем редкостей и натуралиев» ловкого интригана, метко охарактеризованного впоследствии Ломоносовым как «неприятеля наук российских», — Иоганна Шумахера.

Сосредоточение к этому году крупного собрания исторических и «натуральных» экспонатов в одном месте и послужило основанием для историков считать 1714 г. датой основания первого русского исторического и естественно-научного музея, получившего название Кунсткамеры (от немецкого «искусство», «художество» и «палата», «комната», т. е. палата редкостей).

Кунсткамера становится доступной для довольно широкого круга посетителей и из частного «императорского собрания» превращается в общедоступный музей с самостоятельным штатом и помещением. Штелин описывает это событие следующим образом: «Тогда приказал Его Величество находящимся под начальством лейб-медика Арескина, главного оной кунсткамеры надзирателя, библиотекарю Шумахеру: поелику все в надлежащем порядке учреждено и расставлено, то бы впредь всякого желающего оную смотреть пускать и водить показывая и изъясняя вещи». Профиль музея, с момента его основания, был определен Петром I как просветительный: «Я хочу, чтобы люди смотрели и учились».

Кикины палаты, в которых разместился Музей, были расположены обособленно от других строений и представляли собой двухэтажное каменное здание значительных размеров. Еще упоминаются «деревянные покои», «светлица, где жил аптекарь» и «ляборатория ветхая с чуланом»

Из дошедших до нас воспоминаний русских и иностранных современников можно сделать вывод, что уже в первой четверти XVIII в. коллекции Кунсткамеры представляли значительный научный интерес. Они включали в себя такое множество редкостей, «что можно было совсем растеряться», и разделялись на

натуркамеру, «заключавшую в себе множество замечательных предметов по части естественной истории», «прекрасный мюнц кабинет» (кабинет монет и медалей) и «довольно большую библиотеку». Посетивший Кунсткамеру в 1725 г. немецкий профессор отмечает, что «не мог бы провести своего дня прекраснее».

Уже знакомый нам камер-юнкер Берхгольц оставил в своем дневнике за 1721—1725 гг. обширные записи о поразивших его собраниях Кунсткамеры. Он подробно описывает анатомические, эмбриологические, зоологические, ботанические и геологические коллекции и отмечает, что «такое множество предметов по части естественной истории и самых разнообразных уродов здесь собрано благодаря тому, что в соответствии с царскими указами препровождали в Петербург из всего государства все неестественное и неизвестное в каком бы ни было роде».

В самом деле, Петр, наряду с приобретением крупных собраний, с присущей ему энергией быстро налаживает сбор разнообразных отечественных коллекций, количество которых возрастало с каждым годом. На первых порах характер их определялся правительственными указами.

Так, например, воронежскому губернатору Колычеву посылается предписание «о ловле птиц и диких зверьков по приложенному реестру и приискании в Костинске и других городах великих костей как человеческих, так и слоновых и других необыкновенных». Губернатору Сибири Гагарину предлагается «для пробы из губерний раковин и камышков разноцветных рук какие в каких реках явятца с каждой губернии по пуду, привезав к ним ярлыки с описанием прислать в Санкт-Петербурх».

Февральский указ 1718 г. — «О приносе родившихся уродов, также найденных необыкновенных вещей» —

предписывает сдавать губернаторам и комендантам за вознаграждение «каменья необыкновенные, кости человеческие или скотские, рыбы или птичьи...да зело великие или малые перед обыкновенными, также как и старые подписи на каменьях, жилезье или меди, или какое старое и ныне необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно».

Характерной чертой этого указа является то, что он не только предписывает сдавать уродов, но и пытается научно объяснить происхождение уродства. «Невежды, чая, — говорится в нем, — что такие уроды рождаются от действия дьявольского, чему быть невозможно, ибо един творец всех твари Бог, а не дьявол, которому не над каким созданием власти нет; но от повреждения внутреннего, также от страха и мнения матерняго во время бремени, как тому есть многие примеры: чего испужается мать, такие знаки на дидяти бывают; также когда ушибается или больна будет и проч.». Для стимулирования сбора подобных экспонатов Петр вводит вознаграждения.

В Кунсткамеру со всех концов страны начинают поступать всевозможные экспонаты: меч-рыба, «которая между Мемельским гафом и морем лежала», уродливая овечка, «у которой по сторонам два рта с языками и два глаза, которыми видела», из Выборга «один барашек, у него 8 ног; у другого — три глаза, два туловища, шесть ног», из Тобольска; «младенец, у него три ноги, из Нижнего Новгорода»; «теленочек, у него 2 мунстрозные передние ноги», «младенец с двумя головами», из Уфы; «один младенец — глаза под носом и руки под шеей, из Нежина»; «два младенца грудью и животом срослись, из Ахтырок» и т. д.

В 1726 г. в Кунсткамеру поступили две большие археологические коллекции, включавшие в себя золотые и серебряные вещи, открытые в окрестностях Астрахани, а также древности, обнаруженные в 1716—

1718 г. в языческих молельнях «на восточном краю Каспийского моря, в стране Самарканд», которые состояли «из всякого рода жертвенной утвари и ветхих, но разборчивых рукописей на пергаменте». Помимо этого, в коллекции имелось также «прелюбопытное собрание идолов».

Начавшееся в 1718 г. обследование Сибири ставило пополнение музея уже на первый план. В указе, изданном по поводу посылаемого туда доктора Д. Мессершмидта, было написано, что он направляется в Сибирь сроком на 7 лет «для изыскания всяких раритетов и аптекарских трав, цветов, коренья и семян». В круг его обязанностей входил не только сбор материалов по естественно-историческим дисциплинам, но также описание памятников древностей и языков сибирских народностей. Что понималось в данной ему инструкции под «раритетами», явствует из приведенного ниже одного из многочисленных доношений, рассылавшихся Мессершмидтом по различным городам Сибири. «По указу царского величества, □ говорилось в нем, ведено мне в Сибирской губернии и во всех городах приискивать всякой птицы лесные и полевые и водяные и певчия мужска и женска живые или стреленые и пленницами ловленными и всяких зверей больших и малых... и всякие рыбы... всякой цвет земли и глины и камня... и всякой руды... и соль... и ящерицы и лягушки також могильных всяких древних вещей, шайтаны медные и железные и литые образцы человеческие и звериные и калмыцкие глухие зеркала под письмом. И все выше объявленное приносить мне».

Вот что записывает сам ученый:

«В Томске июля 4 дня 1721 г. от г-на коменданта В. Я. Козлович принял я:

два соболя живые

один гоголь стреляный

один чирок живой
две черницы живые да селезень живой
одну гагару живую
две перепелки стреляные
одна черница стреляная
один аист живой
два коростеля живых
один гусь живой да два свежие
пять перепелок живых
одну могильную деньгу медную китайскую».

За годы путешествий по Западной Сибири, Даурии и Монголии Мессершмидт посетил Тобольск, Томск, Кузнецк, Абакан, Красноярск, Туруханск, Нижнюю Тунгуску, Киренский острог, Иркутск, Читу, Нерчинск, о. Далай-Нор, Енисейск, район Оби до Иртыша, Тюмень, Вятку и многие другие города и районы.

В результате этой поездки ученым были собраны не только многочисленные зоологические и ботанические коллекции, но также много «древностей памятников и нумезматики» («шайтан», «каменных статуй», «печати», серебряные монеты и медали), а также «другие вещи, относящиеся к культуре и домашнему быту» (бубны, зеркала, одежда, утварь) и много рукописей, положивших начало рукописному фонду Кунсткамеры по азиатским народностям.

В Кунсткамеру присылали различные экспонаты из мира природы («пять ящиков с морскими науками» из Северного моря, «теленки двухголовый», «монстр человеческий») и свои изделия. Особый интерес для нас в обширном списке пополнителей представляют мастеровые и ремесленные люди, дарившие в музей собственные изделия, на изготовление которых нередко тратили долгие месяцы. В числе таких жертвователей можно назвать известного русского гравера Алексея Зубова, поднесшего музею «глобус небесный», и

гравера Алексея Ростовцева, приславшего «земной глобус с календарем и протчими подписями, все по русски».

Одновременно в Кунсткамеру поступали различные коллекции, характеризующие природу и культуру других народов: «самородное песочное золото» из Китая; «золотая турецкая монета», «медальное, татарским письмом внутри и снаружи насеченное блюдо, при старом японском зеркале старым японским письмом»; «разных сортов Ост-Индийские средиземные клешни раковые, купно с двумя рыбными крыльями и мечом от меч-рыбы и прочия», а также «119 живописных вещей» из Голландии.

Под «живописными вещами», по всей вероятности, подразумевалась голландская живопись, большим любителем которой являлся Петр I.

Царь распорядился передать в Кунсткамеру ряд мемориальных предметов «для памяти на предбудущее время», а именно: медное ядро, попавшее в бою близ персидского города Зинзмии в один из кораблей русской эскадры, а также серебряный ключ от города Дербента, поднесенный на блюде победителям.

Кроме того, в различных странах Западной Европы присматривались и приобретались лучшие коллекции того времени, состоявшие из различных «редкостей».

В 1716 г. в Голландии было приобретено «Альберта Себы славное собрание животных четвероногих, птиц, рыб, змей, ящериц, раковин и других диковинных произведений из Ост- и Вест-Индии» и «Гданского доктора Готвальда минеральный кабинет», в 1717 — собрание анатомических препаратов трав и бабочек «славного доктора Руйша».

Среди этих коллекций, состоявших главным образом из естественно-исторических экспонатов, в отдельных случаях имелись и «искусством сделанные вещи»,

которые и положили основу этнографическим коллекциям Кунсткамеры по зарубежным народам.

Так, например, в упомянутой коллекции Себы имелись изделия из слоновой кости, драгоценного дерева, жировика и других материалов, привезенные «из Восточной и Западной Индии и других далеких стран». К этой же группе следует отнести пару обуви, привезенной в 1718 г. Петром из Дании. Приобретались также лучшие нумизматические собрания того времени, среди которых следует отметить «Ледеров медальный кабинет», купленный в 1721 г. в Гамбурге, а также 150 серебряных вызолоченных медалей «маянского монетных дел назирателя Лауферта», изображающих римских пап.

Особую группу составляют различные математические и физические инструменты, закупленные по распоряжению Петра во время его заграничных путешествий, а также собрание известного мастера математических и физических инструментов «славного Мушенброка», положившее начало физическому кабинету Петербургской Академии наук.

В 1720-е гг. Кунсткамера размещалась в 8 комнатах дома Кикина, три из которых были отведены под «весьма красивую библиотеку», насчитывающую к 1720 г. до 15 тысяч книг. Библиотека включала в себя русских, славянских, латинских, греческих, французских и немецких авторов и была открыта «во всякое время».

О том, как были размещены коллекции Кунсткамеры, мы можем судить по описанию современников. В первой комнате помещались анатомические препараты, заключенные в стеклянные сосуды, — головки детей, которые «так хорошо сохраняются в спирте, что кажутся живыми с иных чуть

не брызжет живая кровь», а также «руки и ноги, на которых видны жилы через кожу, как будто живую» Судя по описанию, здесь была выставлена коллекция голландского анатома Рюйша. В 1717 г большая часть этой коллекции была привезена в Петербург. Из описи известно, что она содержала более 2 тысяч препаратов по эмбриологии и анатомии человека, а также 1179 номеров всевозможных мелких животных, 259 номеров птиц, законсервированных «рюйшевым сухим способом», 2 шкафа с гербарием и большое количество всевозможных ящиков с бабочками, морскими животными и раковинами.

В следующей комнате были расставлены склянки с образцами развития человеческого плода «от первого зародыша до полной зрелости», «различные чудовища», «чучела слонов, ящериц, рыб и высушенные рыбы с удивительными ртами», немного тростника и громадное количество слоновой кости — т. е. эмбриологические, зоологические и ихтиологические коллекции. В остальных трех комнатах размещались различные животные, «немало птиц разного рода и цвета», «странные мыши с собачьими мордами и бабочки», «янтарь», «изображение дикого человека, которого нашли неживым с двумя лодками», и «мюнц-кабинет».

Описание музея будет неполным, если не упомянуть о живых экспонатах, так называемых монстрах — детях или юношах с различными видами уродства, которые на протяжении первых десятилетий существования Кунсткамеры жили при ней и демонстрировались посетителям наряду с другими экспонатами. Так, например, в 1722 г. здесь содержалось 3 монстра — Яков, Степан и Фома, — последний из которых имел рост 126 см, а на руках и ногах по два «мунструозных» пальца, похожих на клешни рака, что не мешало ему ходить, поднимать и брать деньги и совершать другие действия на потеху публики. На содержание этих

монстров ежегодно выдавалось 50 руб., а им самим выплачивалось по 20 руб. жалованья и раз в 3 года выдавался мундир, кафтан, камзол и штаны.

Повышенный интерес к монстрам, или уродам, был заимствован Петром I за границей. При дворах европейских владетелей имелись слуги и шуты, увеселявшие царствующих особ своими физическими недостатками. Особый спрос был на карликов и великанов, первые из которых использовались главным образом как шуты, а вторые — как гайдуки и «личная охрана». Прусский король Фридрих-Вильгельм I собирал великанов со всех стран. С аналогичной просьбой он обратился и к Петру I, который отправил к нему группу великанов, но так как русские люди тосковали по родине и отказывались навсегда остаться на чужбине, их приходилось периодически менять.

Петр I также отдал дань этому нелепому увлечению. Во время своего путешествия за границу он нанял и привез в Россию гайдука гигантского роста (2м 17 см) по имени Буржуа, скелет которого и препараты отдельных органов после его смерти (1724 г.) были переданы в Кунсткамеру.

«Хоромы, где натуральные книги и вещи содержались», были отделаны очень нарядно. Потолки их были «убиты холстом», стены побелены и расписаны или обиты шпалерами «по зеленой земле с золотом». Они были обставлены различными шкафами и специально для этого назначения заказанными столами.

Все экспонаты Кунсткамеры были сгруппированы «занимательно», украшены дополнительными аксессуарами и снабжены различными, подходящими к случаю цитатами из латинских поэтов.

Образцами таких экспонатов могут служить «рука ребенка, держащая между пальцами ветку с фруктами», «рука ребенка, держащая змею», и многие

другие. Место отреза руки от тела для красоты обычно драпировалось тканью, кружевом или специально сшитым рукавом с нарядным манжетом.

Особенно показательны в этом отношении композиции в эмбриологических коллекциях Рюйша. Среди них имелись: «человеческий плод, примерно семи недель, который схвачен маленькой восточной змеей, трехмесячный плод мужского пола в пасти ядовитейшего животного, называемого жителями восточной Индии чекко»; «лежащий в гробнице труп человеческого плода 6 месяцев, украшенный венком из цветов и естественных плодов и букетом, запах которого он как бы вдыхает». Из черепа скелета человеческого плода, сидящего в гроте, выглядывает скелет мыши. Два скелета близнецов семимесячного плода размещены в трогательных позах у гроба третьего, причем «один подносит к лицу внутренности живота, как бы вытирая слезы, другой несет в правой руке кусок кишки, в левой артериальную ветку, вынутую из селезенки».

Препараты, демонстрирующие болезни различных органов человеческого тела, также были представлены в виде различных композиций, например, «сердце с шероховатой поверхностью» и измененный болезнью «кусочек печени» экспонировались на ладони детской ручки.

Старое помещение Кунсткамеры (Кикины палаты) было заложено в 1718 г. на Стрелке Васильевского острова.

Новое здание строили долго. До смерти Петра возвели лишь стены.

Круглый зал первого этажа предназначался для Анатомического театра, в зале же третьего этажа был установлен «славный Готторпский глобус».

Глобус этот, изготовленный в 1664 г. Андреем Бушем, «под смотрением Адама Олеария», имел

громадный диаметр — 336 сантиметров — и давал представление о земной поверхности и небесной сфере. Наружная поверхность его изображала Землю, а внутренняя — «богранное небо с созвездиями». Внутри глобуса зрители (не более 10—12 человек одновременно) проникали через маленькую дверцу и рассаживались на круглой скамье. В центре глобуса был установлен круглый стол, на котором иногда даже сервировалось угощение. Глобус был снабжен водяным двигателем, благодаря чему вращался каждые 24 часа вокруг своей оси, демонстрируя вращение Земли и бег светил. В 1713 г. он был подарен Петру I герцогом Голштинским, перевезен в Петербург и поставлен в деревянном павильоне на лугу перед Летним дворцом.

Из переписки по этому вопросу известно, что для доставки Готторпского глобуса потребовалось «сто человек ради перевозки, двадцать пять человек плотников, для дела ящиков, мосту и протчия надлежащая машины, тысячу самых толстых досок, восемьдесят бревен, между которыми пятнадцать самых толстых, пятнадцать пуд железа, тройные и четвертные блоки с веревками, сто сажень веревок, толщиной в два и полтора дюйма, три судна плоских, на которых щиты возят, три шлюпки».

После упаковки в специальный футляр глобус был помещен на баржу, перевезен по Неве до здания новой Кунсткамеры, поднят при помощи блоков до уровня крыши и поставлен в центре круглого зала третьего этажа (под настил пола предварительно были подведены дополнительные балки). После этого своды были возведены и начата постройка четвертого и пятого этажей башни, предназначенных для обсерватории.

В 1901 г. глобус перевезли в Царское Село и поместили в специальном зале Адмиралтейства. В 1942 г. его захватили немцы и вывезли в Германию.

Окончилась война. После долгих поисков глобус нашли в немецком городе Любеке. Его привезли в Архангельск, а оттуда на специальной железнодорожной платформе в Ленинград. Это путешествие проходило в сотни раз быстрее, чем то, которое в свое время проделал на санях подарок голштинского герцога.

* * *

В ноябре 1728 г. в торжественной обстановке была «отперта здесь паки императорская Библиотека с Кунст и Натурал каморою впервые потом как она в новые академические палаты переведена». Присутствовавшие на открытии гости осмотрели Кунсткамеру и «все протчее, что в здешней Академии наук примечания достойно есть», и выразили «особливое свое удовольствие», что все находится «в добром порядке».

Наличие среди гостей государственных деятелей и придворного общества того времени говорило о том, что открытие Кунсткамеры и библиотеки расценивалось как крупное событие в жизни города и страны.

Каков был основной состав посетителей музея в первые десятилетия его существования, материалы умалчивают. Имеется лишь единственный документ, относящийся к 1744 г., в котором говорится, что в Кунсткамере «всегда великое людство», так как туда «ежедневно всякого чина люди приходят и просят». Тон документа подсказывает, что под людьми «всякого чина» подразумевается не знать, а различные категории простолюдинов, которые, по всей вероятности, составляли основную массу посетителей и в предшествующие годы. К ним прежде всего следует отнести учеников академической гимназии и университета, обучавшихся на экспонатах музея рисованию, естественным наукам и физике; учащихся профессиональных школ Петербурга и других городов

страны, местную и приезжую интеллигенцию. Кто демонстрировал им экспозиции и как объяснял, остается для нас неизвестным.

В 1728 г. в Кунсткамеру поступило несколько нумизматических коллекций, в которые входили: «собрание древних Российских и татарских монет, числом более тысячи», «276 бронзовых медалей, касающихся до происшествий в правление короля французского Людовика Четвертогонадесять (т. е. XIV), изобретение парижской Академии надписей и словесных наук», «последование золотых и серебряных медалей королей шведских, тиснения славных мастеров Карлштейна и Гедлингера и столь высокой работы, что сии медали не уступают ни в чем совершеннейшим из тех, которые нам древняя Греция и Рим оставили».

В 1729 г. в Кунсткамеру было передано «множество математических, физических, астрономических и медицинских орудий, которые тем паче всякую превосходят цену, что употреблялись самим императором Петром Великим»; в 1732 г. — «восковая персона» Петра I и ряд предметов его личного обихода. Эти поступления положили основание новому мемориальному отделу Кунсткамеры, который был назван, по наименованию личного собрания Петра I, Императорским кабинетом.

В том же 1736 г. Кунсткамере было предложено перевезти из села Преображенского под Москвой «токарные махины и инструменты» Петра I. В списке числилось «махин дубовых с набором, железных, разных действий четыре», различных инструментов — пятьдесят девять, «очки государевы в футляре», «медалий стальной разных сортов одиннадцать», «алебастровые формы да инструментов господина ассессора Нартова — долот, циркулей, топоров, пил и других более ста номеров».

В 1741 г. в нее поступили две нумизматические коллекции, конфискованные вместе с остальным имуществом у Артемия Волынского и Платона Мусина-Пушкина. Они насчитывали свыше 500 номеров и включали в себя главным образом восточные и западноевропейские медали и монеты. В октябре того же года из Канцелярии конфискаций поступили «лаковый китайский кабинетец с российскими и другими деньгами и медалями из остермановых пожитков», а также, неизвестно из чьих собраний, большое количество инструментов: «две астролябии в футлярах», «готовальня серебряная, с инженерным инструментом», «отвес железный к ватерпасу», «штатив деревянный», «в деревянном ящике красного дерева компасец с солнечными костяными часами», «ящик буковый, в нем три фортеции», «два магнита», «чемодан инструменту токарного» и многие другие предметы, характеризующие быт и искусство, в основном китайское; «53 штуки медных больших и малых разных китайских фигур», «две штуки китайских плетеных», «кукол больших китайских фарфоровых, по белой земле с разными цветами — 7», «5 кукол фарфоровых зеленых на лошадях», 8 таких же — красных, «ящичек сандаловый, в котором кувшинчик с крышкой, кальянов золотых — 2, серебряных — 3, да один с финифтью», «чашечка китайская медная резная и вызолочена, на ножках», «9 картинок туманных за стеклом», «платье китайское атласное», а также большое количество медалей, картин и этнографических предметов.

Со всех концов необъятной России продолжали поступать многочисленные минералогические, зоологические, анатомические и этнографические материалы.

В 1730—1740-е гг. от частных лиц, от различных учреждений в Кунсткамеру поступило: «мертвое тело

младенца о 6-ти пальцах», «младенец о двух головах», «ясписовые камни из Сибири», «серебряная руда с медвежьего острова», «жемчуг из Новгородского уезда», «тюлень», «куриное яйцо странной формы» из Соликамска, «козленок-монстр», «уродливая курица», «кругловатая кривулина», которая по осмотру оказалась рогом ископаемого животного (из Костромского уезда), кабарга из Иркутска, «лошак», «челюсть, которая найдена на реке Дону, а какого зверя неизвестно», и др.

В архиве Академии наук сохранились документы о передаче в Кунсткамеру «азиатского разноцветного ворона», слона и различных зверей, издохших в придворном зверинце. Они поступали в Анатомический театр, а затем передавались чучельщикам.

Весьма ощутимый урон был нанесен Кунсткамере знаменитой «ледяной свадьбой», нелепым празднеством, устроенным в феврале 1740 г. по случаю «потешной свадьбы» придворного шута императрицы Анны Иоанновны, князя М. А. Голицына, с шутихою ее А. Н. Бужениновой. В программу увеселений было включено шествие народов, населяющих Российскую империю, и народов, соседствующих с ней. Мысль о создании этого «природного маскарада», по всей вероятности, была порождена теми разнообразными этнографическими коллекциями, и в частности национальными костюмами, которые поступали в Кунсткамеру из Второй камчатской экспедиции. Коллекции эти, характеризующие культуру и быт доселе почти не известных народов, вызвали в то время большой интерес. В шествии должны были принять участие «мордва, чуваша, черемиса, вотяки, тунгусы, якуты, чапчадалы (камчадалы), остяки, мунгалы, башкирцы, кингисы, юнаки, кантыши, каракалпаки, арапы белые и черные, и протчие, какие есть подданные российские».

Во все концы России было разослано «высочайшее распоряжение» с приказом срочно прислать в Петербург по типичной молодой паре представителей всех перечисленных выше народностей. Академии наук было поручено составить подробное описание этих народностей: «их платья, в чем ходят, и гербов на печатях или на других на чем и на каких скотах ездят», а также их оружия, музыкальных инструментов и национальных кушаний. Кроме того, Академии предлагалось срочно представить описание и зарисовки следующих народов, персонажей и животных: «пастуха с его убором, из народов кроме России и Европы», «одного осла, одного оленя», «индейского, епонского, монгольского, китайского воинов с копьем, в их приборах», «музыкантов, со описанием их игры, от тех же народов», «водолаза одного», «Бахуса изобразить», «эпонцев, манзуров, мунгальцев, контошинцев, киргисцов, калмык, каракалпаков и жен их по одному написать», «лошака», «осинского народа, которые под владением Грузии, по одному мужской и женской персоны и музыкантов их», «малых детей манжуров, одетых в пестрых странных одеяниях», «купидку одну плачущую», «сатирку, во всем изображении» и т. д. Все эти описания и зарисовки производились в Кунсткамере и по ее материалам.

Из музея было затребовано большое количество костюмов, музыкальных инструментов, оружия и различной утвари, главным образом сибирских народностей. В эти костюмы, переделанные без учета этнографических особенностей придворными художниками, были наряжены приехавшие «инородцы», которые и должны были составить шуточный свадебный поезд. Для этого они были рассажены попарно в фантастические сани и колымаги, запряженные верблюдами, волами, оленями, собаками и даже

свиньями, которые двигались под различную национальную музыку за женихом и невестой, восседающими в железной клетке на слоне.

Несколько месяцев спустя Кунсткамера получила лишь часть выданных ею коллекций в попорченном и измененном виде. Целый ряд экспонатов, в частности 8 чувашских и мордовских костюмов с вышивкой, 1 «птичья шуба», колпак лапландский, так же как и многие другие, были безвозвратно утеряны.

К началу 1740-х гг. в Кунсткамере оказалось сосредоточенным громадное количество всевозможных экспонатов, насущно требовавших классификации. Еще в бытность в Кикиных палатах коллекции суммарно разделялись на 3 группы: Кунст-кабинет, Натур-кабинет и Мюнц-кабинет. С переездом в новое здание появились еще два отделения: Императорский кабинет и Физический кабинет с обсерваторией. Последний по существу являлся хранилищем физической и астрономической аппаратуры, предназначенной для научных опытов, однако одновременно считался и отделом или, вернее, подотделом музея, так как при описании его вошел в состав Кунсткамеры. При посещении Кунсткамеры почетными посетителями им обычно показывали обсерваторию и Физический кабинет, где академические профессора демонстрировали различные «куриозные эксперименты».

Однако несмотря на то что коллекции с каждым годом возрастали, а систематизация, каталогизация и экспозиция производились крупнейшими учеными, сдвиги, происшедшие в русской науке, получили отражение в экспозиции музея не ранее конца 60-х — начала 70-х годов XVIII в. Виной тому был пожар, уничтоживший часть коллекций и затормозивший дальнейшее развитие этого музея более чем на два десятилетия.

В декабре 1747 г., в 5-м часу утра, дежурный часовой при Кунсткамере Евсей Ленин заметил огненные языки под кровлей здания.

Занялась и быстро запылала башня и западное крыло, где были сосредоточены музейные коллекции. Вызванные на подмогу солдаты из гарнизонного и лейб-гвардейского пехотного полков, академические служащие и василеостровские жители всю ночь работали по спасению книг и экспонатов. Они выносили их через окна и двери, с верхних этажей спускали на веревках, а небьющиеся предметы и книги просто кидали в снег перед зданием. Таким путем была спасена большая часть библиотеки и музейных экспонатов, хранившихся в нижних этажах, на которые пожар не распространился. Из коллекций верхнего этажа сохранился лишь Императорский кабинет.

Работы по восстановлению здания проводились по проекту и под руководством архитектора С. Чевакинского, откомандированного Сенатом из Адмиралтейского ведомства по просьбе Академии наук.

В первую очередь была перестроена башня в соответствии с требованиями астронома Гришова. Затем был разобран старый и устроен новый карниз, большие фронтоны заменены малыми с деревянными резными вставками, были установлены вазы и фигуры амуров наверху здания.

За исключением башни, все работы, в том числе и лепные работы Джани, были выполнены в 1757 г.

В 1758 г. основные строительные работы по восстановлению и реконструкции здания Кунсткамеры были закончены.

Сохранившиеся после пожара экспонаты и собранные в течение последних одиннадцати лет, в период восстановления здания, были опять помещены в Кунсткамеру и стали доступны для изучения.

Здесь зрители снова увидели великана слона — питомца Екатерининского зверинца, и чучело человека-великана, рост которого достигал 3 аршин и 3 вершков. Хорошо сохранились чучела всевозможных зверей: тигров, леопардов, оленей, полосатых зебр и разной породы обезьян. Здесь же замечательное собрание птиц: от крупных страусов до маленьких самых разнообразных цветов перелетных птичек. Среди чучел — широконосые пеликаны, разноцветные попугаи, райские птицы и иностранные голуби. Посетители осматривали морских зверей — моржей, тюленей и богатую коллекцию рыб. Здесь выставили множество прекрасных раковин и окаменелостей, являющихся результатом удивительной игры природы. Здесь, среди множества разных видов насекомых, редкие и прекрасные бабочки с бесподобными красками и удивительного рисунка. Здесь можно увидеть восковую фигуру Петра Великого, а рядом с ним, на столе — башмаки, чашки, столярные изделия, изготовленные Петром.

В 1777—1779 гг. архитектором Павловым были вставлены барельефы. Из них сохранился лишь один над входом в комнату (канцелярию), изображающий портрет академика Эйлера в профиль. На галерее, в большом зале также над входами сохранились два больших прекрасной работы барельефа. Один из них, работы Шубина, представляет аллегория «Россия» с медальоном Екатерины II. В то время два больших зала были украшены лепными потолками, а стены покрыты живописью, но все это, за исключением двух вышеуказанных барельефов и одного лепного потолка, не сохранилось.

По мере развития и расширения отделов Академии наук, находившихся в здании Кунсткамеры, возникла необходимость в предоставлении им соответствующих помещений. Помещения башни Кунсткамеры не могли

полностью обеспечить возможность ведения научных наблюдений и исследований, вследствие чего круг работ по астрономии значительно сузился. Такое положение, при котором большое количество астрономических инструментов не могло быть использовано на протяжении десятков лет, становилось нетерпимым. В первой половине XIX в., когда была организована Пулковская обсерватория, первой «Малой обсерватории» —колыбели русской астрономии—в этом здании не стало. Еще раньше из него выселилась Кунсткамера, экспонаты которой были распределены в ряде музеев Академии наук. В здании осталась только одна библиотека, переведенная в 1925 г. в новое помещение, так как старое к тому времени оказалось тесным для разросшейся академической библиотеки.

В настоящее время в этом здании находятся Музей антропологии и этнографии и Ин-т этнологии и этнической антропологии.

Внутренняя отделка помещений, существовавшая до пожара, почти не сохранилась. Из декоративного убранства, созданного в XVIII и XIX вв., дошло тоже далеко не все; но сохранившиеся лепка и живопись находятся в хорошем состоянии.

ЗАБОТЫ НОВОЙ СТОЛИЦЫ

Город пышный, город бедный...

А. Пушкин

Земля, на которой построен Петербург, как известно, болотистая, хотя ранее вся местность, где располагался город, была возделана под пашни. Так, еще в 1713 г. повсюду были приметны борозды плугов, дорога к городу тоже была топкая и очень плохая, шла она по направлению, где теперь Лиговский канал, и

весь путь весной и осенью был усеян лошадьми, павшими в упряжи между трясины. В 1718 г. была сделана плотина, там, где теперь Смольный, но и это не помогло, плотина скоро пришла в запустение. Немного далее от первой дороги шла другая, тоже плохая, к Ямской слободе — она пересекала Фонтанку между Обуховским и Семеновским мостами. В 1720 г. она была уже вымощена. Окрестности Петербурга не имели ни дорог, ни тропинок.

По рассказам современников, во времена Петра I в Петербурге, если нужно было найти чью-либо квартиру, то необходимо было описать местность, причем расспросам не было конца, пока не попадался сосед, хорошо знавший дом. Берхгольц рассказывает, что в его время, чтобы избавиться длинных переходов сухим путем, обычно брали барки или верейки и водой доезжали скорее и удобнее.

Но прокладывались улицы, строились мосты, набережные, прорывались каналы.

Первоначальные улицы представляли собой просеки с устройством простейшего водоотвода в виде канав. Местный грунт и обилие осадков делали улицы непроходимыми в сырую погоду. Один из современников пишет о Петербурге 1711 г.: «Когда один только день идет дождик, то уже нигде нет прохода и на всяком шагу вязнешь в грязи». В 1710 г. начались работы по замощению улиц на Городском острове (Петроградская сторона), однако из-за бедности камнем ближайших окрестностей Петербурга, а также вследствие нехватки мастеров дело шло медленно.

Началом крупных работ по замощению нужно считать указ в октябре 1714 г. о привозе камня в Петербург. Указ вменял в обязанность привозить по 10—30 крупных камней (в зависимости от величины судна) всем проходящим в город судам (причем камни должны

были быть весом не менее 10 фунтов) и по 3 более мелких камня (от 5 фунтов и выше) всем приезжающим возам; за каждый недовезенный камень взыскивалось по гривне. Камни поступали в распоряжение Канцелярии городских дел. Указ действовал 62 года и был отменен лишь в 1776 г. Следует отметить, что мощение улиц камнем было начато Петром впервые не в Петербурге, а в Москве, как это видно из указов 1700 — 1705 гг.

Первые работы по мощению основных магистралей в Петербурге выполнялись пленными шведами. Около 1715 г. ими была замощена новая дорога, проложенная от Адмиралтейства к старой Новгородской дороге (нынешний Невский проспект). Эта дорога, служившая въездом в город, была обсажена по сторонам деревьями в 3—4 ряда, благодаря чему производила впечатление аллеи. Своим благоустройством она поражала приезжавших в Петербург.

Однако правительство не склонно было производить все работы по мощению столицы за счет казны — это стало одной из многочисленных повинностей жителей Петербурга. Июньский указ 1718 г. гласил: «В улицах и в переулках каждому жителю против своего двора насыпать песком, и камнем мостить гладко, по указу, как показано от мастеров». Но, помимо натуральной повинности по мощению, практиковалось также производство этих работ государством за счет соответствующего обложения населения. За тем, чтобы «мостили во всем против образцов, чтобы впредь не перемасивать было», следили офицеры полиции.

Рассказывает лейб-хирург Ян Гофи:

«В первые годы по основании Петербурга, когда еще весьма немногие улицы были вымощены и во многих местах весьма было грязно, особливо ж в дождливую погоду, простой народ по старому обычаю, увидевши государя, падал пред ним на колени, после

чего часто вставляли они все вымаравшись в грязи. Петр Великий не хотел сего и всегда делал знак народу, чтоб не падали на колени, и даже часто говаривал, что сие ему не нравится. Однако ж народ не оставлял старого обычая, и государь должен был запретить, под опасением наказания кнутом, на улице падать пред ним на колени и пачкаться в грязи».

При устройстве улиц большое внимание уделялось водоотводу. Водоотводные каналы, проведенные вдоль улиц, укреплялись досками. Сохранились сведения об устройстве в петровское время подземных труб для стока воды. Благодаря энергичному воздействию правительства значительная часть улиц Петербурга была замощена уже к концу царствования Петра I; и хотя наряду с булыжной мостовой практиковался и менее совершенный вид покрытия — деревянные настилы из поперечно положенных досок и бревен, — все же улицы приобрели благоустроенный вид, выгодно отличавший Петербург от других городов.

Помимо замощения улиц, в петровское время большое внимание уделялось строительству каналов. Мечтой Петра I было создание города, прорезанного системой многочисленных водных артерий, служащих удобными путями сообщения для жителей Петербурга. Эта идея упорно проводилась в жизнь, хотя в ней, как и в некоторых других начинаниях Петра, было много надуманного. Так, например, ничем не оправдывался утвержденный царем проект создания на Васильевском острове сети каналов, прорезывающих этот остров по направлению всех его нынешних проспектов и линий.

Жизнь вносила свои коррективы в замыслы Петра.

Сеть каналов на Васильевском острове так и не была создана, как не была осуществлена и вся петровская идея создания на этом острове центра города. В то же время каналы, жизненно необходимые городу, связанные с осушением городской территории,

с потребностями обеспечения военной и противопожарной безопасности, с нуждами судоходства, были прорыты в сравнительно короткое время.

В 1711 г. были начаты работы по устройству сразу нескольких каналов. Мойка была соединена с Фонтанкой у Летнего сада, Красный и Лебяжий каналы из Невы в Мойку сделали островами территории нынешнего Марсова поля и Летнего сада. В 1717 г. были начаты работы по прорытию канала от Адмиралтейства в Мойку и канала из Невы в Мойку, получившего название Крюкова канала по имени вырывшего его подрядчика. Каналы вокруг Адмиралтейства, Галерного двора, Партикулярной верфи создали водное окружение вокруг огнеопасных и важных в военном отношении объектов, а канал у Почтового двора был прорыт с целью устройства удобной гавани.

Одновременно со строительством каналов производилось укрепление набережных. Эта работа была возложена на жителей города. Строительство набережных, несмотря на неоднократные строгие указы, шло медленно. Тем не менее при Петре на Адмиралтейском острове были укреплены берег Невы, берега Мойки и некоторых каналов. При устройстве набережных делались пристани. Наиболее благоустроенные набережные имели деревянные перила и берега, укрепленные не фашинами, а досками, заложеными за сваи.

Многочисленные водные протоки в Петербурге вызвали необходимость строительства мостов. В 1707 г. уже существовал деревянный подъемный мост, соединявший Петропавловскую крепость с Городским островом. В дальнейшем целый ряд деревянных мостов был построен на Адмиралтейском острове. Для пропуска судов по протокам и каналам Петр I требовал делать мосты через них подъемными. В 1720 г.

Канцелярия городских дел приступила к постройке ряда подъемных мостов на Адмиралтейском острове, а в 1723 г. подъемных мостов на этом острове было уже 17. При жизни Петра были построены мосты через все водные протоки в черте тогдашнего города, не существовало лишь моста через Неву.

Рост города и все более усложнявшееся его хозяйство заставили Петра серьезно заняться вопросами управления Петербургом. Петербургский генерал-губернатор А. Д. Меншиков, поглощенный крупными государственными делами, не мог уделять городу достаточного внимания. Правительству было нужно специальное учреждение, которое следило бы за выполнением многочисленных царских указов по регламентации городского строительства, городскому благоустройству, противопожарным мероприятиям и регулировало бы городские повинности. Таким учреждением явилась полицмейстерская канцелярия. В июне 1718 г. была создана должность генерал-полицмейстера — начальника городской полиции.

Назначенный на этот пост свояк Меншикова Антон Дивиер получил от царя инструкцию об обязанностях полиции, состоявшую из 13 пунктов. Согласно инструкции, полиция обязана была наблюдать за городской застройкой, укреплением берегов рек и протоков, чистотой улиц и устройством надлежащего водоотвода, исправностью печей и дымоходов в домах, за порядком на улицах, за торговлей съестными припасами. Полиция должна была организовывать ночные караулы в городе для предупреждения пожаров и воровства и учредить специальные должности десятских и сотских из жителей столицы для наблюдения за караулами.

Обращают на себя внимание 10-й и 11-й пункты инструкции, вменявшие в обязанность полиции борьбу с

подозрительными лицами и выявление беглых солдат, матросов, крестьян.

Всех «слоняющихся», «гуляющих» людей ведено было хватать и допрашивать, кто они такие. Крестьян, обнаруженных без «покормежных писем», избивали и отправляли к их владельцам, беглых жестоко наказывали, нищих били батогами и направляли на работу. Престарелых и увечных велено было направлять в богадельни, но это было лишь благим пожеланием: в Петербурге в 1727 г. было всего 6 богаделен (на 141 место), так что не могло быть и речи об удовлетворении даже небольшой части всех нуждающихся в призрании. Хозяевам домов было вменено в обязанность немедленно докладывать в полицию о всех приезжающих в столицу, ослушникам этого указа грозила ссылка на галеры и лишение всего имущества.

В функции полиции входило также опубликование всех царских указов и наказание ослушников. За нарушение правил городской застройки, поддержания города в чистоте и т. д. были установлены суровые наказания: битье батогами, ломка домов ослушников, взыскание штрафов и т. д.

Учреждением полиции Петр не считал законченной организацию управления Петербургом. В интересах купечества была проведена магистратская реформа, создавшая в городах России органы «самоуправления» торгово-промышленного населения. Уже в то время, когда создавалась в Петербурге Главная полицмейстерская канцелярия, шла деятельная подготовка к учреждению городских магистратов. В феврале 1720 г. последовал указ о назначении Трубецкого обер-президентом над всеми магистратами, а купца Исаева — его помощником и президентом петербургского магистрата. Этим было положено начало организации магистратов в Петербурге и других русских городах.

Все население городов России было разделено на две категории: регулярные (полноправные) и нерегулярные граждане. К группе нерегулярных граждан были отнесены люди, работавшие на черных работах и по найму, т. е. основное рабочее население (кроме крепостных), и слуги, к регулярным гражданам — купцы, ремесленники, доктора, капитаны кораблей. Дворяне, духовенство, чиновники, а также иностранцы совершенно не входили в число граждан, т. е. они не участвовали в выборах и деятельности магистратов, не несли городских тягот. Регулярные граждане делились на две гильдии. В 1-ю гильдию входила более богатая часть населения: крупные торговцы, золотых и серебряных дел мастера, «иконники», живописцы, а также доктора, лекари, аптекари и капитаны кораблей. 2-ю гильдию составляли мелкие торговцы и ремесленники (не вошедшие в 1-ю гильдию). Каждая гильдия выбирала из числа более обеспеченных людей по одному старосте с помощником и по несколько человек старшин. Староста являлся председателем гильдейского схода.

Органом городского управления являлся Городской магистрат. Для городов первой категории (имевших 2—3 тыс. дворов и выше), к которым были отнесены Петербург, Москва, Новгород и другие, магистрат должен был иметь следующий состав: президент, 4 бургомистра и 2 ратмана. При выборе в члены магистрата соблюдался тот же принцип, как и при выборе старшин: выбирать «к тому магистратскому делу меж собою в президенты и бургомистры и в ратманы из первостатейных, добрых пожиточных и умных людей», т. е. наиболее состоятельных. В отличие от старост, выбиравшихся на 2 года, члены магистрата выбирались пожизненно.

Городской магистрат выполнял функции суда для торгово-промышленного населения города. Вместе с

тем на нем лежало распределение налогов и повинностей между гражданами, а также сбор налогов, организация граждан в гильдии, цехи, содействие развитию ремесла, мануфактур, торговли, городского хозяйства. Во главе всех магистратов был поставлен находившийся в Петербурге Главный магистрат, который выполнял также функции Городского магистрата столицы.

Главная полицмейстерская канцелярия осталась независимой от магистратской системы и сохранила в своей власти не только городское хозяйство, но фактически все управление городом. Если кто и имел кого «в своем смотре», то не магистрат полицию, а скорее полиция магистрат, так как на Главной полицмейстерской канцелярии лежало наблюдение за выполнением всех правительственных указов, касающихся городского хозяйства и городских повинностей, а значит, контролирование и многих действий магистрата. К тому же полиция имела право применения административных мер воздействия на жителей, чего не было у магистрата. Вследствие всех этих причин магистрат не сделался полноправным органом управления городом, а стал лишь сословным учреждением торгово-промышленного населения (в основном купечества), причем в отношении регулирования повинностей населения он зависел от полиции. Учреждение магистратов, таким образом, не нарушало принципа централизма власти абсолютистского государства.

Слабость магистрата определялась не только административным вмешательством в его деятельность полиции, но и почти полным отсутствием собственных средств. Собирая налоги, магистрат не имел права ими распорядиться и должен был сдавать все собранное в казну.

Доходы Петербурга были довольно значительными: в конце царствования Петра I они исчислялись в сумме около полумиллиона рублей (в 1723 г. — 457 255 руб., в 1724 г. — 579 803 руб.) и состояли из ряда сборов, в число которых входили как общегосударственные (с таможен, портовые и др.), так и чисто городские (с перевозов, торговых бань, рыбной ловли и т. д.). Чисто городские сборы составляли менее половины всей суммы. Но на собственные расходы магистрату разрешалось употреблять весьма ограниченные деньги. Определенных денежных ассигнований на нужды городского хозяйства магистрат не имел.

Все средства, отпускавшиеся правительством на нужды города (на строительство, благоустройство и т. д.), поступали в распоряжение не магистрата, а Канцелярии городских дел, производившей строительные работы, и полиции и шли в основном из общегосударственных доходов; сборы с местного населения составляли сравнительно небольшую часть этих сумм. Строительство Петербурга производилось за счет специального сбора с населения всей страны. Сумма эта составила в 1716 г. около 256 тыс. руб.

В 1721 г. в связи с намечавшимися капитальными затратами на устройство уличного освещения в Петербурге генерал-полицмейстер Дивиер поднял вопрос об отпуске средств не только на освещение улиц (21 438 руб.), но и на содержание при полиции архитектора с помощником (1450 руб.), на чистку труб в домах (752 руб.), на содержание улиц в чистоте (2753 руб.) и на покупку пожарных труб (1600 руб.), а всего 27 993 руб. Деньги испрашивались Дивиером из расчета потребности одного года, но с учетом крупных единовременных затрат.

Сенат нашел возможным отпустить всего 5 тыс. руб., вопрос же об остальной сумме разрешался более двух лет. В декабре 1723 г. был введен специальный

сбор с жителей столицы, шедший на удовлетворение целого ряда нужд города: устройство и содержание уличного освещения, починку мостов, устройство водоотвода на улицах города и вывоз с улиц нечистот. Сбор был положен с каждой квадратной сажени дворовых участков, причем жители Васильевского острова и части Адмиралтейского острова до Мойки платили по 1 коп. с 1 кв. сажени, жители Городского острова и части Адмиралтейского острова от Мойки до Фонтанки — по 1 деньге, а остальные (Московская, Выборгская стороны, Аптекарский остров)—по 1 полушке. Этот сбор, который давал при Петре в год около 6 тыс. руб., стал постоянным ассигнованием на нужды городского хозяйства в Петербурге и фигурировал в дальнейших указах под названием «квадратных денег».

Так же было и с ремонтом мостовых и содержанием улиц в чистоте. Указ 1718 г. требовал под угрозой штрафа, чтобы «каждый житель против своего двора по утрам рано, покамест люди по улице не будут ходить... с мостов всякий сор сметали, и камень, которое из своего места выломится, поправляли, и чтоб по улицам отнюдь никакого сору не было...». Сор полагалось вывозить в «указные места», но добиться этого было очень трудно. Несмотря на грозные предостережения, сор ссыпался в реки, каналы и другие «неуказные места». Вследствие этого Дивьер предложил завести городскую команду возчиков, которая бы вывозила собираемый в кучи сор с улиц. Это предложение было утверждено с отнесением стоимости содержания за счет «квадратных денег».

То особое внимание, которое Петр I уделял водным коммуникациям в городе, вызвало ряд указов по соблюдению известного режима на водных магистралях. Помимо строжайшего запрещения засорять реки и каналы, необходимо было установить

порядок в движении и причаливании судов. Грузные суда могли подойти и встать на якорь не ближе 10 сажен от берега и подтягиваться к пристани лишь на самое короткое время. Разгрузку требовалось вести быстро и убирать разгруженные материалы немедленно, чтобы не загромождать пристани и набережные. Хозяевам дворов, расположенных на набережных, было вменено в обязанность извлекать из воды затонувшие против их домов суда.

Строго регламентировалось и начало переправ через реки после ледостава и ледохода. Специальная команда, вооруженная лопатами, ломом и веревками, обеспечивала безопасность зимних переправ. В обязанность команды входило не пропускать жителей через реку во время ледостава и ледохода, а также устраивать зимнюю дорогу по льду после ледостава. Устроенная на льду дорога обозначалась с обеих сторон воткнутыми в снег вехами, после чего пушечным выстрелом сообщалось о разрешении проезда по льду. Петр обычно проезжал первым.

Одно из крупных мероприятий городского хозяйства Петербурга — устройство уличного освещения. Это дело было новое для России и сравнительно недавно начало практиковаться в некоторых больших городах Западной Европы. Проект уличных фонарей в Петербурге был разработан архитектором Леблоном и одобрен царем в 1718 г. Фонари изготовлялись на ямбургских заводах Меншикова. Мы не знаем даты, когда зажегся первый фонарь постоянного уличного освещения в Петербурге. Известно только, что фонари прежде всего были установлены на Адмиралтейском острове у Зимнего дворца и у Адмиралтейства и что в 1720 г. фонари у Зимнего дворца уже горели. Полиция предполагала установить в городе 595 фонарей, а для зажигания и присмотра за фонарями организовать команду фонарщиков в 64 человека. В 1723 г. фонари частично

уже были установлены. Освещение производилось конопляным маслом.

Большое внимание администрация Петра I уделяла зеленым насаждениям Петербурга. При строительстве города строжайше запрещалось вырубать деревья. Вместе с тем жителям города вменялась в обязанность посадка кленов на улицах против своих домов с устройством защитных ящиков для предохранения деревьев от порчи скотом.

Петр всячески поощрял устройство частных садов и много средств тратил на разбивку роскошных дворцовых садов, поражавших современников своим совершенством. В связи с устройством фонтанов в саду Летнего царского дворца был прокопан специальный канал (Лиговский), подававший воду из реки Лиги в бассейн, вырытый у нынешней улицы Некрасова. Отсюда вода частично по открытым, частично по закрытым трубам через Фонтанку подавалась к фонтанам Летнего сада. Это был первый водопровод в Петербурге, он был открыт в 1725 г., уже после смерти Петра.

В разных частях города находились уличные часы. Такие часы с курантами были устроены на церквях Троицкой, Воскресенской (на Васильевском острове), но самыми лучшими городскими часами были большие часы с курантами, установленные на башне Петропавловского собора. Механизм курантов приводился в движение вручную.

Петровские указы уделяли много внимания благоустройству торговых мест. Наблюдение за торговлей поручено было полиции, которая должна была следить за порядком во время торговли, правильностью мер и весов и благоустройством торговых мест.

Указ 1718 г. запрещал торговать на Невской перспективной дороге, потому что «проезд по большой

дороге от тесноты за многолюдством весьма труден и от того чинятся великие драки». Мы уже говорили, что указ предписал также продавцам съестных припасов торговать в белых «мундирах», таких же, «как в мясном и рыбных рядах у торговых людей». Однако наличие белых «мундиров» у продавцов никак не говорило о чистоте мясных рынков. Наоборот, они были в крайне антисанитарном состоянии. Мясники тут же на рынке били скотину и бросали поблизости внутренности животных, «от чего мерзостный дух происходит и нечистота». Вследствие дурного запаха было трудно проезжать по Мойке около мясного рынка. Правительство вынуждено было отвести для убоя скота специальное место за городом.

Строго означался внешний вид торговых палаток. Правительство требовало, чтобы палатки обтягивались холстом, а не рогожей. Это требование либо вовсе не выполнялось, либо выполнялось формально: палатки хоть и делали из холста, но из старого, залатанного, «что было человеческому глазу мерзко». Поэтому Дивиеру приказано было сделать специальную образцовую палатку, чтобы по ней были устроены все другие.

Полиция обязана была следить, чтобы торговля производилась лишь доброкачественными товарами. Особое внимание уделялось борьбе с дороговизной продуктов. В Петербурге, целиком зависевшем от привоза съестных припасов, цены на продукты поднимались часто. Правительство боролось с этим явлением путем установления твердых цен. Этим занималась полиция совместно с магистратом. Эта мера практиковалась в течение всего XVIII в. Также в течение всего века соблюдался порядок торговли на рынках Петербурга, установленный при Петре I: до полудня по твердым ценам, после полудня по вольным ценам.

Наибольшие заботы правительству доставляло пожарное дело. В июне 1710 г. крупный пожар на Петроградской стороне уничтожил обширный рынок — Ростовские ряды. Крупные пожары были и в последующие годы, например в 1723 г. на Васильевском острове.

В целях борьбы с пожарами правительство требовало от населения выполнения правил противопожарной безопасности и в то же время предприняло ряд мер для организации тушения пожаров. При строительстве зданий требовалось класть печи на фундаментах, устраивать кирпичные разделки у дымоходов, крыть крыши черепицей и т. д. Вместе с тем всячески стимулировалось каменное строительство. Принимались и другие меры: например, летом избы и бани разрешалось топить лишь по субботам, печи, очаги и бани полиция должна была осматривать «по всякую четверть года» и т. д.

Особое внимание было обращено на очистку печных труб в домах обывателей. Жителям вменялось в обязанность производить чистку труб раз в месяц, однако этот указ не выполнялся. Попытка Дивьера организовать городскую трубочистную команду в составе мастера с подмастерьем и 30 трубочистов не увенчалась успехом: Сенат утвердил проект организации команды, но средств не отпустил, предписав разложить расход на жителей. На этом дело и заглохло до 1737 г.

Тушение пожаров было одной из повинностей жителей. Требовалось, чтобы с каждого двора люди приходили на пожар с положенным инструментом. Инструменты были несложны: для ломки горящих зданий — крючья, топоры, вилы; для тушения — ведра, лестницы, парусы, войлочные щиты, водоливные трубы. Простейшие инструменты (топоры, ведра, багры, вилы и т. д.) жители приносили на пожар из дома, причем в

особых списках указывалось, кому что приносить. Жители же обязаны были нести пожарную вахту по ночам. Сигналом тревоги служили трещотки и барабанный бой. В трудных случаях тушить пожары помогали войска. В 1718 г. для тушения пожаров на судах, а также строениях, расположенных по берегу реки, были устроены два плашкоута с поставленными на них брандспойтами.

Первая пожарная команда была организована в 1722 г. при Адмиралтействе из рабочих; она делилась на две смены. В Адмиралтействе имелись пожарные трубы и склад для пожарного инструмента. В городе дело обстояло гораздо хуже. Там не было команды, не было труб, и тушение производилось дедовскими способами. В 1721 г. Дивиер обратился в Сенат с просьбой об отпуске средств на приобретение четырех пожарных заливных труб, поскольку адмиралтейские трубы обслужить весь город не могли. По-видимому, трубы были приобретены, и Дивиер организовал караульни для их хранения. Однако постановка пожарного дела в Петербурге оставалась неудовлетворительной, как это выяснилось очень скоро во время пожаров 1736—1737 гг.

Жизнь в петровском Петербурге была нелегкой. Находясь в довольно неблагоприятных климатических условиях, испытывая ужасы частых наводнений, население строящегося города было отягощено многочисленными поборами и повинностями. Наиболее тяжелыми повинностями были постоянная и караульная. Не имея в Петербурге постоянных казарменных помещений для размещения войск, правительство расставляло военнотружущих по квартирам обывателей, о чем уже говорилось выше.

Караульная повинность имела целью охрану от пожаров и воров. В конце улиц были устроены шлагбаумы, у которых каждую ночь должны были,

соблюдая очередность, дежурить караульщики из жителей. Шлагбаумы опускались в 11-м часу вечера и поднимались лишь утром. В ночные часы разрешалось пропускать только знатных персон, команды солдат или команды, идущие на работы, медиков и духовенство. Ежедневно для несения караулов выставлялось в Петербурге 1200 человек. От несения этой повинности не освобождалось даже духовенство. Однако зажиточные люди не испытывали по-настоящему ее тягости, так как прибегали к найму вместо себя караульщиков. Наем караульщика, так же как и наем человека для исполнения должности десятского и сотского, стоил в то время больших денег.

И, все-таки за короткий срок был построен на пустом месте большой город. Некоторые отрасли городского хозяйства были либо совершенно новыми для России, либо получили в Петербурге небывалое для русских городов развитие. По своему благоустройству, планировке, системе застройки Петербург далеко ушел вперед от других городов России.

Впоследствии город был разбит на следующие части: Адмиралтейская (Адмиралтейский остров), Васильевская (Васильевский остров), Петербургская (Петербургская и Выборгская стороны), Московская и Литейная. В последние две части входила городская территория за Фонтанкой (т. е. на окраине тогдашнего Петербурга), и границей между ними служила Невская перспективная дорога. К Литейной части относилась также Охта и все слободы Александро-Невской лавры.

В каждой части города были созданы полицейские штабы — «съезжие дворы»; специально выделенные полицейские офицеры отвечали за благоустройство и порядок в порученной им части. В 1739 г. был учрежден съезжий двор на Охте; в том же году Выборгская часть была выделена из состава Петербургской. Таким образом, общее число частей города возросло до семи.

В 1763 г., когда были утверждены штаты полиции, полицейский аппарат представлял уже сложную структуру. Помимо Главной полицмейстерской канцелярии, в которой работало одних только чиновников (секретарей, канцеляристов, копиистов и т. д.) до 30 человек, в штат полиции входила квартирная контора (видимо, для распределения постоя), архитекторская контора («для смотрения над строением и снятия планов»), пожарная команда, трубочистная команда, 120 фурманов-возчиков по вывозке городских нечистот, полицейские штабы при съезжих дворах в частях города. Весь штат составлял 318 человек.

Городское хозяйство Петербурга в послепетровское время значительно усложнилось. С расширением города возникала потребность в строительстве новых мостов, осушении отводимых под застройку территорий, прокладке и мощении новых улиц и т. д. Вместе с тем необходимо было поддерживать в должном состоянии благоустройство уже застроенной части города, ремонтировать мостовые, набережные, мосты, заботиться о постоянных дворах, торговых банях и пр.

Много внимания уделялось правительством приданию улицам города парадного вида. При Елизавете Петровне велась борьба с вывесками на домах по главным улицам города, а также делались попытки убрать с этих улиц кабаки. Парадность Невской перспективе придавали триумфальные ворота, построенные в 1732 г.: одни у Аничкова моста через Фонтанку и другие у Зеленого моста через Мойку.

Петербург XVIII в. утопал в зелени садов. Однако это были царские и частные сады. Ни одного общественного парка в городе не было. Елизавета Петровна разрешала в определенные дни недели пускать в царские сады более обеспеченных жителей Петербурга, но при этом требовалось, чтобы люди были

хорошо одеты, и категорически запрещалось пускать в сады матросов, слуг и вообще бедный народ.

За санитарным состоянием города следила полиция. Она должна была наблюдать, чтобы улицы, площади и рыночные места были чистые и чтобы никакой «падали» или «мертвечины» по улицам не валялось. Особое беспокойство вызывали эпидемии. Во время конского падежа 1756 г. были приняты чрезвычайные меры. Специальные заставы не пропускали никого ни в город, ни из города. Пикеты брали под караул всех бросающих падаль. В городе дежурили ночные караулы из жителей столицы. Напряженная обстановка продолжалась свыше месяца.

Немало забот доставляли и кладбища. С первых лет существования города правительство стремилось вынести кладбища за городскую черту. Но это не всегда удавалось, и мероприятия правительства в этой области не были до конца последовательными. Однако антисанитарное состояние кладбищ, из которых некоторые с ростом Петербурга оказались чуть не в центре города, заставило правительство принимать срочные меры.

В 1746 г. приказано было закрыть Вознесенское и Калининское кладбища, так как императрица Елизавета Петровна во время своей поездки в Екатерингоф сама убедилась в «тяжелом духе», идущем с кладбищ. Через 10 лет были закрыты все кладбища в пределах города, и Губернской канцелярии предписано было устроить новые: в районе Волковой деревни (нынешнее Волково кладбище), на Васильевском острове (нынешнее Смоленское) и на Выборгской стороне, □ что и было выполнено.

Из всех отраслей городского хозяйства Петербурга в послепетровское время едва ли не больше всего забот правительству продолжало доставлять пожарное дело. Частые пожары в Петербурге производили большие

опустошения. Кроме тяжелых для города пожаров 1736—1737 гг., крупные пожары происходили и в последующие годы: в 1747 г. горела Кунсткамера, в 1761 г. произошел большой пожар в Мещанских улицах, продолжавшийся 14 часов и уничтоживший много домов, и т. д.

Один за другим издавались указы о противопожарных мероприятиях, однако в большинстве случаев они не представляли ничего нового по сравнению с мерами петровского времени. Новыми были лишь организация городской трубочистой команды при полиции (в 1737 г.) и предписание о заведении пожарного инструмента в важнейших учреждениях и воинских частях.

Огромные пожары XVIII в. оставляли без крова сотни людей. Во избежание возможных волнений правительству приходилось принимать меры помощи погорельцам. Это было тем более необходимо, что каждый пожар сопровождался повышением цен на съестные припасы и строительные материалы, а также увеличением платы за наем квартир. Правительство пыталось вести борьбу с этими явлениями путем подтверждения после каждого пожара установленных цен на продукты и строительные материалы. Нарушителям указов грозили суровые наказания, но едва ли эти меры давали какие-либо результаты.

В Петербурге в это время имелось много постоянных дворов. Уже в 1723 г. в связи с постройкой новых постоянных дворов на Городском острове, на теперешней Петровской набережной и в Литейной части был даже издан указ, запрещающий жителям Петербурга пускать за плату в свои дома приезжих, которым предлагалось останавливаться в казенных постоянных домах. Эти постоянные дома были предшественниками городских гостиниц.

Одним из источников дохода царского правительства был также «хомутный сбор», взимаемый с извозчиков. При уплате этого сбора извозчики получали в полиции номера, которые им предписывалось носить.

Войска по-прежнему размещались на обывательских квартирах, и постоянная повинность оставалась одной из самых тяжелых повинностей населения. Лишь в 1739 г. правительство приступило к строительству специальных слобод для гвардейских полков, однако и это не уничтожило постоянной повинности. Помимо военных, в квартирах жителей Петербурга отводились помещения также и для некоторых категорий гражданского населения (например для придворных служащих).

В середине XVIII в. в Петербурге было 16 богаделен с общим числом призреваемых около 2000 человек, из которых каждому давалось на пропитание всего по 2 коп. в день, вследствие чего питомцы богаделен вынуждены были подкармливаться нищенством. Но даже и об этой жалкой судьбе полунищих могли лишь мечтать тысячи не имевших никаких источников существования стариков и калек, из которых многие были ветеранами войны. Места в богадельне ожидали годами.

Началом изменений в области городского управления Петербурга послужил указ 1766 г. о выборе депутатов в «Комиссию для сочинения проекта нового уложения» (т. е. для разработки нового свода законов). Этим указом в Петербурге, как и в других больших городах России, создавалась новая должность городского головы, выбиравшегося на 2 года из числа домовладельцев не моложе 30 лет. В выборах городского головы и депутата в Комиссию по составлению проекта уложения в Петербурге и Москве

имели право принимать участие все домовладельцы города.

Функции городского головы были очень не ясны, и он до реформы 1775 г. не играл никакой роли в жизни города; однако самый факт создания такой должности очень интересен: городской голова являлся выборным лицом не одного какого-либо сословия, а всех домовладельцев города, в число которых входили представители разных сословий. Выборы производились тайным голосованием. Такой порядок применялся и во всех последующих городских выборах.

Для вновь избранного депутата Петербурга был разработан подробный наказ. Из 35 пунктов наказа 17 касались купечества — учреждение городского купеческого суда, освобождение купечества от казенных служб, запрещение иностранным купцам записываться в петербургское купечество, а крестьянам и разночинцам иметь купеческие торги и промыслы и т. д. Из остальных пунктов значительная часть затрагивала вопросы здравоохранения и санитарии: увеличение числа докторов, аптек, повивальных бабок (акушеров), соблюдение в городе чистоты, отвод мест для вывозки нечистот и т. д. По-видимому, здесь положение было наиболее неблагополучным. Кроме того, наказ требовал лучшей организации полиции, мер против дороговизны продуктов, предоставления кредита при строительстве домов, отвода городу земельных участков под устройство выгонов для скота и т. д. Важными были пункты, касающиеся городских повинностей (постоянной, караульной) и требующие замены их денежным сбором.

Позже в Петербурге, как и в других городах России, все органы местного управления, не исключая и полиции, были поставлены в зависимость от губернатора. Это было ново для столицы, так как до тех пор, если не считать губернаторства Меншикова,

губернская канцелярия занималась лишь делами губернии и не вмешивалась в управление самим Петербургом.

Но не только губернатору подчинялись теперь органы городского управления Петербурга. Над губернатором была создана еще одна должность — петербургского генерал-губернатора, который являлся наместником императора. Такая сложная система при отсутствии четкого разграничения функций генерал-губернатора и губернатора создавала путаницу. Оба руководителя губернской администрации вмешивались в городские дела и давали подчас противоречивые указания.

Губернская реформа лишила магистраты даже видимости функций по управлению городом, превратив их в чисто судебные учреждения для торгово-промышленного населения, сохранив при этом их сословный характер. В Петербурге как в губернском городе помимо существовавшего уже с 1774 г. городского магистрата, был учрежден еще губернский магистрат, которому подчинялся городской магистрат. Члены обоих магистратов выбирались на 3 года тайным голосованием из купечества и мещанства. Главный магистрат и его контора были упразднены, а магистраты поставлены в подчинение губернской администрации.

Новыми органами, созданными реформой 1775 г. в губернских городах, были Приказы общественного призрения. В ведение этих учреждений, возглавлявшихся местными губернаторами, передавались школы, больницы, сиротские дома, богадельни, исправительные дома и т. д. С этого времени появляются не знакомые до сего термины: «градская больница», «градская богадельня» и т. п. Таким образом, расширялся объем хозяйства города.

Денежные средства, выделенные государством Приказам общественного призрения, были ничтожны. Такие полезные начинания, как учреждение школ, больниц и т. д., осуществлялись в основном за счет благотворительности. В бюджете петербургского Приказа общественного призрения пожертвования частных лиц и учреждений составляли главный источник дохода. Кроме этих пожертвований, важным источником дохода были также различные штрафные деньги, передававшиеся в Приказ общественного призрения по распоряжениям правительства.

ЛЕТНИЙ САД

...И в Летний сад гулять водил.

А. Пушкин

В 1704 г. Петр I задумал построить в новом городе свою летнюю резиденцию. Место было выбрано у слияния реки Безымянный Ерик (Фонтанка) с Невой. Ранее здесь находилась усадьба шведского офицера, и небольшая часть побережья была обжита. Царь приказал разбить для себя большой сад, подобный прославленным западноевропейским паркам того времени, и сам наметил его первоначальный план. Над осуществлением замысла начали работать русские и иностранные архитекторы, садовники и прочие специалисты.

Новый дворцово-парковый ансамбль получил название «Летний дворец» царя. Сам Петр I именовал его «огородом», а впоследствии он стал называться Летним садом.

Уже через несколько лет своего существования Летний сад стал центром политической, официальной жизни, придворных церемониалов и торжеств.

В петровскую эпоху сад занимал примерно ту же территорию, что и сейчас. От берега Невы до середины участка был устроен парадный парк, а далее, до реки Мойки, — «огород» с плодовыми деревьями, грядками овощей, теплицами. Здесь был вырыт для разведения рыбы «карпиев пруд», построен «амбарец для клажи материалов», оранжереи, в которых зимой хранились южные растения, летом выставлявшиеся в кадках на аллее и площадке сада.

В последние годы царствования Петра близ Карпиева пруда архитектор М. Земцов начал создание зеленого лабиринта с «фабольными» фонтанами: каждый фонтан украсили свинцовыми скульптурными изображениями персонажей басен Эзопа. По мысли царя, это убранство фонтанов должно было иметь нравоучительное значение.

За рекой Мойкой, на месте нынешнего Инженерного замка, находились «фряжские итальянские погреба», где хранились заморские вина и всякие припасы для царского стола. К западу от погребов, на берегу Мойки, раскинулся еще один сад — третий, с дворцом, известным под названием «Золотые хоромы» Екатерины I.

Согласно требованиям тогдашнего паркостроения Летний сад получил строго геометрическую планировку. Прямые и радиальные аллеи разделяли его на отдельные площадки — боскеты (квадраты зеленого массива, со всех сторон обрамленные деревьями). В саду устроили водоемы геометрических очертаний, разбили богатые цветники, где выращивались любимые Петром тюльпаны, нарциссы, лилии, розы и многие другие цветы. Деревья и кусты, привезенные с разных концов России и даже из-за границы, образовали густой зеленый наряд сада. Их коротко стригли (как требовали правила парков XVIII в.), придавали кронам причудливые формы. Вдоль аллей и вокруг открытых

площадок подстриженные деревья образовывали плотные зеленые стены — шпалеры, высота которых порой достигала трех метров.

Парк пересекали также «огибные дороги»: длинные крытые коридоры из каркасов с привязанными к ним молодыми деревцами липы. В этих крытых аллеях было так темно, что в них даже днем зажигали подвесные фонари.

В некоторых боскетах росли яркие цветы, в других стояли мраморные статуи, беседки (люстгаузы), вольеры для птиц. Недалеко от главной аллеи, в боскете, был прорыт овальной формы водоем с островком в центре, на котором возвышалась беседка в виде китайской пагоды. Современники утверждали, что, когда Петр хотел побыть один, он уединялся здесь: в небольшом челне его перевозил на остров карлик.

Особую роскошь и живость придавали саду фонтаны. Известно, что Петр питал большое пристрастие к фонтанам и без них не мыслил настоящего сада, способного соперничать по красоте своей со знаменитыми парками Версаля. Поэтому, намечая план «огорода», одно из первостепенных мест он отвел сооружению системы водометов. Уже в 1705 г. царь приказал зодчему Ивану Матвееву «учинить приготовление свай, колеса великого... також двух с пальцами и несколько шестерен». Петр пояснил, что «сие надобно для возведения воды к фонтанам», и просил «весною перебить тое речку, которая идет мимо моего двора». При этом он послал чертеж водоподъемного устройства.

Весной 1706 г. эти работы были выполнены и начата установка первых фонтанов. Но, видимо, их струи не отличались большой высотой и мощностью, и Петр стал искать возможности увеличить силу взлета воды. Во время заграничного путешествия в 1716—1717 гг. он купил изобретенный англичанином Томасом Соверном

паровой насос. Его-то и было решено использовать для подачи воды к фонтанам сада. Петр писал в то время обер-комиссару Петербурга князю А. Черкасскому, ведавшему строительными работами в летней резиденции царя в Петербурге: «Присланную медную машину, которая гонит огнем воду, вели скорее собирать у Летнего дома по чертежу мастера, который с тою машиною прислан, дабы я при возвращении своему увидел ее действо». Таким образом, здесь впервые в мире нашел практическое применение паровой насос Соверна — одно из значительных достижений техники начала XVIII столетия.

Чтобы создать необходимый запас воды для фонтанов Летнего сада, в 1718 г. начали прокладывать канал из реки Лиги в пруды-накопители, вырытые в районе нынешней улицы Некрасова. Из этих прудов вода по трубам шла к устроенным на Фонтанке водовзводным башням.

Число фонтанов в саду постоянно увеличивалось. На главной аллее, в боскетах, в прудах сверкал бисерный узор водяных струй. Мраморные и позолоченные статуи, вазы, маскароны придавали им особую красоту. Чаши водоемов, сделанные из различных пород мрамора, раковин, пудожского камня, завершали художественную отделку фонтанов.

Через канал, который отходил от Лебяжьего и отделял парадную часть сада от хозяйственной, был перекинут мостик. Здесь установили модные в то время «фонтаны-шутихи»: тот, кто вступал на мост, не зная об особенностях его устройства, оказывался среди струй, вырывавшихся из-под ног. Уже после смерти Петра в северо-западном углу сада был сооружен каскад.

К 1725 г. в Летнем саду насчитывалось 23 фонтана, а немногим позднее их было около 50.

На аллеях, в зеленых нишах шпалер, на открытых площадках сада, перед дворцовыми постройками

стояло много мраморных статуй и бюстов. Это скульптурное убранство явилось необычным новшеством для России, поскольку в допетровское время в русском изобразительном искусстве преобладали религиозные темы и сюжеты, а монументальная светская скульптура не была еще создана. На Западе скульптурное убранство являлось обязательным элементом сада, и Петр не захотел отступать от общего правила. Для украшения Летнего сада, парков Петергофа, Стрельны и других дворцово-парковых ансамблей по его указанию были приобретены в Италии и доставлены в Россию лучшие произведения садовой скульптуры того времени. Свыше 150 мраморных статуй и бюстов украшали только парадную часть сада на Неве.

Пожалуй, ранее других здесь появились бюсты известного польского полководца XVII в. короля Польши Яна Собеского и его жены Марии-Казимиры Собеской. На тех же самых местах, что и при Петре I, стоят эти бюсты и поныне.

В 1717—1724 гг. была закуплена большая часть произведений крупнейших венецианских скульпторов конца XVII — начала XVIII в. «Амур и Психея», «Немезида», «Церера», «Ночь» и многие другие статуи, представляющие огромную художественную ценность, украшают Летний сад и сейчас.

В те же годы появилась здесь и античная статуя Венеры (неизвестного автора). Она была куплена в Риме доверенным царя Ю. Кологривовым и отдана для реставрации одному итальянскому скульптору. Когда чиновники папы римского узнали о приобретении Кологривова, «Венера» была конфискована, так как указ папы Клементя XI запрещал вывоз из страны произведений древности. Сообщая Петру о ценности статуи и о том, что случилось с ней, огорченный Кологривов заключал свое донесение словами: «Лучше

я умру, чем моим трудом им владеть». Ему на помощь прибыл в Рим находившийся в то время в Италии приближенный Петра I С. Рагузинский. Был придуман остроумный план: в обмен на статую Венеры предложить папе мощи Бригитты католической церкви, которые были обнаружены в одном из соборов Ревеля (Таллина). Такое предложение папа вынужден был принять, так как не подобало главе католической церкви пренебрегать реликвиями культа. А в знак признательности папа подарил статую Венеры русскому царю. Ныне она хранится в Эрмитаже и известна под названием «Венеры Таврической». В конце XVIII в., подаренная Екатериной II князю Потемкину, статуя находилась в Таврическом дворце — отсюда ее позднейшее название.

Мраморная скульптура Летнего сада служила не только его украшением, она была призвана в аллегорической форме прославлять общественно-политические события того времени, преобразовательную деятельность Петра I, пропагандировать светскую культуру. Так, специально в память победы над Швецией в Северной войне, была заказана для Летнего сада скульптура «Мир и Изобилие», или «Ништадтский мир».

На высоком гранитном постаменте — две фигуры из белого мрамора. Одна из них — богиня Изобилия, которую современники отождествляли с Россией. Правой рукой она гасит горящий факел, что означало на языке аллегии окончание войны. В ее левой руке — рог изобилия, символизирующий экономическую мощь страны. Вторая, крылатая фигура — богиня Славы. Лавровым венком она украшает голову богини Изобилия. Внизу — трофеи военных побед и умирающий лев (аллегорическое изображение поверженной Швеции). В лапах льва — картуш, на котором высечено латинское изречение: «Велик и тот, кто дает, и тот, кто

принимает, но самый великий тот, кто то и другое совершить может».

Автор композиции — известный итальянский скульптор П. Баратта. В настоящее время группа «Мир и Изобилие» расположена у северного фасада Летнего дворца.

Такие статуи, как «Минерва», «Слава», «Милосердие», «Правосудие», «Мореплавание», «Изобилие», также имели аллегорический смысл. Они призваны были служить укреплению самодержавной власти царя, прославлять его как мудрого правителя страны и талантливого полководца.

У Фонтанки, там, где ныне стоит Павильон Росси, в 1713 г. началось строительство грота. Его проект был разработан архитектором А. Шлютером. Но сооружение грота затянулось на многие годы, и в его создании принимали участие несколько виднейших архитекторов Петербурга. После смерти Шлютера строительством грота ведал его ближайший ученик И. Маттарнови, затем архитекторы Н. Микетти и Ж.-Б. Леблон, достраивал и декорировал интерьеры грота М. Земцов.

В архивах сохранилось много различных сведений, дающих представление о том, каким был грот в Летнем саду. Три его зала объединялись большими арочными проемами. Над центральным проемом возвышался высокий стеклянный купол. Под ним был устроен фонтан, украшенный свинцовой позолоченной фигурой Нептуна, стоящего в колеснице с впряженными в нее морскими конями. Стены были отделаны туфом, разноцветными морскими раковинами, толченым стеклом. Мраморные барельефы, статуи и бюсты довершали декор. Здесь же находился орган, приводившийся в действие водой.

Внешний вид грота также был ярок и наряден. Углы красивых кирпичных стен украшались рустовкой. Оконные и дверные проемы обрамлялись

выразительными лепными гирляндами. Над входом возвышалась скульптурная композиция из двух сидящих фигур, державших огромный картуш. Крыша по периметру была обнесена парапетом, и на нем установлены статуи «Терпсихора», «Флора», «Сибилла», «Фортуна» и другие.

Грот во времена Петра I считался выдающимся сооружением Петербурга. Его называли «диковинкой».

В первые годы существования Летнего сада его аллеи и площадки подступали к самой Неве: набережной тогда не было. Главным входом в сад служила пристань на берегу. В дни торжественных приемов и ассамблей сюда спешили гости на яликах, яхтах, лодках. У причалов были возведены три дубовые галереи для гостей. Во время праздничных гуляний в этих галереях накрывались столы и устраивались танцы. Центральная из них, богато убранная, стояла на оси главной аллеи сада. Отсюда открывалась перспектива нарядного зеленого коридора с прекрасными фонтанами, мраморными статуями, эффектно выделявшимися на фоне темных шпалер. Гости приглашали осмотреть сад с его затеями и диковинками.

О том, как выглядел Летний сад во время царствования Петра, подробно рассказал все тот же Берхгольц:

«Сад этот имеет продолговатую форму; с восточной стороны к нему примыкает Летний дворец царя, с южной — оранжерея, с западной — большой красивый луг (на котором, при всех празднествах, обыкновенно стоит в строю гвардия), а с северной он омывается Невею... У воды стоят три длинные открытые галереи, из которых длиннейшая — средняя, где всегда при больших торжествах, пока еще не начались танцы, ставится стол со сладостями. В обеих других помещаются только столы с холодным кушаньем. В средней галерее

находится мраморная статуя Венеры, которую царь до того дорожит, что приказывает ставить к ней для охранения часового.

Против этой галереи — аллея самая широкая во всем саду: в ней устроены красивые фонтаны, бьющие довольно высоко. Вода для них проводится в бассейны из канала с помощью большой колесной машины, отчего в ней никогда не может быть недостатка. У первого фонтана — место, где обыкновенно царица бывает со своими дамами, а далее, у другого, стоят три или четыре стола, за которыми пьют и курят табак...

Вправо от этой круглой и разделенной четырьмя аллеями площадки, с одной стороны стоит прекрасная статуя с покрытым лицом, у подножья которой течет или, лучше сказать, бьет вода со всех концов, а с другой находится большой птичник, где многие птицы частью свободно расхаживают, частью заперты в размещенных вокруг него небольших клетках. Там есть орлы, черные аисты, журавли и многие другие редкие птицы.

Тут же содержатся, впрочем, и некоторые четвероногие животные, как, например, очень большой еж... Кроме того, там есть еще синяя лисица, несколько соболей и пр. В высоком домике с восточной стороны множество прекрасных и редких голубей...

На другой стороне фонтана, против упомянутой статуи, устроена в куще деревьев небольшая беседка, окруженная со всех сторон водою, где обыкновенно проводит время царь.

На воде плавают здесь большое количество самых редких уток и гусей, которые до того ручны, что позволяют кормить себя из рук. По берегу вокруг расставлены маленькие домики, где они, вероятно, запираются на ночь. Здесь же красуется вполне снаряженный кораблик, на котором иногда потешается шут царя.

Против большого птичника устроен еще, в виде водопада, красиво вызолоченный мраморный фонтан, украшенный многими позолоченными сосудами. Это место (где находится также и оранжерея), бесспорно, одно из лучших в саду. Все оно обсажено кустарником и окружено решеткой...

Далее отсюда, вправо, стоит большая сплетенная из стальной проволоки клетка с круглым верхом, наполненная всякого рода маленькими птицами, которые целыми группами летают и садятся на посаженные внутри ее деревца...

Кроме того, в этом саду находится приятная рощица и устроено еще несколько фонтанов. Одним словом, там есть все, чего только можно желать для увеселительного сада...»

Восторженно писал о Летнем саде Феофан Прокопович:

«...дом царский на бреге полуденном Невы, при самом ея на помянутые струи разделении построенный, и при нем вертоград образцом италианским насаженный, с прекрасными архитекторскими гульбищами дивную являет красоту, и пловущих по реке увеселяет».

Почти одновременно с закладкой сада началось устройство Летнего дворца Петра I. На том месте, где сейчас стоит дворец, сначала было деревянное здание (хоромы) шведа.

В «Описании Петербурга и Кроншлота», относящемся к 1710—1711 гг., автор-иностранец указывал:

«В Неву впадает небольшая речка или канава. Вплоть у этой речки царская резиденция, т. е. небольшой домик в саду, голландского фасада, пестро раскрашенный, с золочеными оконными рамами и свинцовыми переплетами».

Видимо, в этих хоромах Петр и жил до постройки существующего дворца. Затем он приказал Меншикову перенести их «в новое место, что близь Калинкина», а тут построить каменные палаты. В августе 1710 г. начали забивать сваи под каменное здание и строить фундамент.

С севера к зданию подступала Нева, с востока — Фонтанка, с юга — искусственная гавань в виде ковша, и только западной стороной дворец был обращен в парадный сад.

Кстати, близость воды определила и дополнительные трудности строительства. Меншиков сообщал Петру в одном из писем: «Под Ваши полаты из фундамента воду выливают, для чего нарочно из Москвы свою машину я привести велел, однако по сие время вылить не могут». Немало труда стоило и укрепление берегов, сооружение подпорных стенок с восточной и южной сторон дворца, спусков к причалам.

Автором проекта дворца был Д. Трезини.

В облике этого здания отразились характерные особенности архитектуры раннего Петербурга: простота и строгость форм, геометрическая четкость плана, скромность декорировки фасадов. Интерьеры носили прежде всего интимный характер: небольшое количество комнат (по шести в каждом из двух этажей) было рассчитано только на личные потребности царя и его семьи.

Подсобных помещений, за исключением поварен, не было. Последнее, видимо, объясняется и тем, что одновременно со строительством дворца возводилось большое здание, которое рассматривалось как своего рода дополнение к дворцу.

Вдоль Фонтанки тогда же были построены двухэтажные каменные палаты. Восточная сторона их фундамента также уходила в воды реки, северный фасад примыкал к гавани, а с дворцом Петра они

соединялись крытой каменной галереей. Судя по чертежам, их архитектура имела много общего с архитектурой дворца.

Хотя это здание было примерно в три раза больше, чем царский дворец, служебное назначение его подчеркивалось названием — «людские покои», т. е. помещения, которые отведены для людей, обслуживающих двор царя. Правда, это название, возникшее еще в самом начале строительства, впоследствии оказалось не совсем точным.

Долгое время не было известно, что же именно находилось в помещениях людских покоев, где насчитывалось свыше сорока комнат. Обнаруженный в Архиве древних актов документ дает полное представление о назначении и характере использования этого здания. Как явствует из описи, тут находилась канцелярия кабинет-секретаря А. Макарова, жил князь Федор Прозоровский, ведавший имуществом Екатерины, размещались караульные солдаты, стрелки, матросы, столяр, портные, голландский часовщик и т. п. В некоторых комнатах хранились привезенные из-за границы ящики «с голландскими картинами» и изразцами, с китайской посудой, «с кроватями и к ним уборы», с судовыми припасами, «с платьем государыни».

Но наряду с этим из описи видно, что по характеру использования некоторые комнаты были фактически дворцовыми, как и одноэтажная галерея, соединявшая покои с дворцом. Например, упоминается большой зал, где находилась Янтарная комната — подарок Фридриха, короля прусского, Петру I. Большая уникальная коллекция янтаря была одной из диковинок, и, видимо, ее показывали гостям. Впоследствии Янтарную комнату перенесли в Екатерининский дворец в Царское Село и в годы войны она была похищена фашистами.

Одна из комнат была занята «раритетами». В описи не говорится, какими именно, однако надо полагать, что речь шла об анатомической коллекции Рюйша, впоследствии переданной в Кунсткамеру.

Интересны сведения еще об одной комнате. В описи говорится: «в ней машины и книги». О каких машинах шла тут речь? Возможно, о новых токарных станках А. Нартова, а может быть, это машины, оставшиеся после смерти А. Шлютера, которого Петр держал возле себя, в летнем доме, и часто работал вместе с ним.

Но главное, что стало известно из описи, — это местонахождение библиотеки Петра I. До сих пор знали, что она размещалась на «летнем дворе», но где именно, оставалось загадкой, так как ни одно из помещений дворца не могло вместить обширное собрание книг. Судя по описи, о которой говорилось выше, сохранившейся в архиве подрядной столяра Семенова, удалось установить, что для библиотеки было отведено три комнаты верхнего этажа людских покоев.

По приказу Петра для нее изготовили специальные шкафы разных размеров и форм. Здесь были шкафы с застекленными и глухими дверцами, угловые и стенные, для больших и маленьких книг. Посредине самой вместительной комнаты стоял длинный стол с ящичками для хранения планов и чертежей.

Библиотека Петра насчитывала более 2000 томов. Среди них были интереснейшие экземпляры по самым разнообразным отраслям знаний. Имелись книги о том, как строить крепости и дворцы, как создавать регулярные парки, сооружать триумфальные ворота, как строить корабли и галеры. «Книга Марсова» рассказывала об искусстве ведения войн. Здесь можно было увидеть «Метаморфозы» Овидия, басни Эзопа, книги по архитектуре, механике, медицине.

Галерея, соединявшая дворец и людские покои, состояла из ряда комнат, следующих одна за другой. По

некоторым данным, в летнее время здесь жили дочери Петра и Екатерины—Анна и Елизавета — и, что совершенно точно, дети царевича Алексея — Петр и Наталья.

После смерти Петра I, в 1725 г., в покоях жил Петр II, позднее здесь помещался архив придворной конторы. Когда в 1780 г. строилась гранитная набережная реки Фонтанки, по приказу Екатерины II здание разобрали, а гавань засыпали.

В 1725 г. закончилось возведение дворца для Екатерины I. Он стоял на углу берегов Невы и Лебяжьего канала. Этот дворец особо интересен тем, что в 1723 г. к нему была пристроена картинная галерея. 26 колонн коринфского ордера украшали одноэтажную галерею, обрамляя большие полуциркульные окна-двери; кровля была обнесена балюстрадой из тумб и балясин. Постройку возвели Матвей Мантуров «с товарищи» — мастерами кабинетного дела, возвратившимися из Англии. Это были высокой квалификации столяры, посланные за границу научиться изготовлению дворцовой мебели, в частности бюро-кабинетов. Но пока они обучались, мода на кабинеты прошла, мастера оказались не у дел и претерпевали большую нужду. С ними-то и был заключен договор на строительство деревянной галереи. Другая группа во главе с Иваном Салмановым (мастер художественной резьбы по дереву) выполнила 26 капителей и карнизов к колоннам по чертежам известного французского художника-резчика Н. Пино.

К тому времени была собрана богатейшая коллекция картин крупных художников XVII — начала XVIII в. Среди них — произведения Рубенса, Рембрандта, Ван Дейка, Сальма и многих других. Как и в петергофском дворце «Монплеzir», здесь был представлен А. Сило, к морским пейзажам которого Петр относился с особым интересом. Собрание

произведений живописи в Летнем дворце и коллекция полотен в «Монплезире» — это первые картинные галереи в России.

Незадолго до смерти Петр задумал собрать серию картин, прославлявших крупнейшие победы русского оружия. С этой целью были заказаны (и выполнены уже после смерти Петра) полотна: «Куликовская битва» А. Матвеева, «Гангутское сражение» И. Одольского, «Полтавская баталия» И. Никитина. Но в целом замыслу не суждено было осуществиться.

В 1725 г. архитектура Летнего сада пополнилась новым сооружением архитектора М. Земцова. Готовились торжества по поводу бракосочетания старшей дочери Петра Анны с герцогом Голштинским. Земцов получил задание «с поспешанием» построить «Залу славных торжествований» — специальный дворец, предназначенный для особо важных празднеств. Петр не дожил до свадьбы дочери, но воля его была осуществлена: уже через четыре месяца «зала» была готова.

Стройное деревянное здание с фасадами, члененными колоннами коринфского ордера, украшенное гирляндами, имело строгие пропорции, создавало радостное, праздничное настроение. «Зала» целиком отвечала своему назначению — интерьеры были пышно декорированы художественной резьбой, росписью, выполненной художником Л. Караваком, стены увешаны шпалерами.

Постройка была возведена рядом с дворцом Екатерины, также на подсыпанном берегу Невы. Но она простояла недолго: в 1732 г. по приказу императрицы Анны Иоанновны ее разобрали, чтобы на том же месте возвести новый дворец.

Русский двор теперь мало чем отличался от двора того или иного европейского монарха.

Веселье и праздники светского Петербурга не смолкали круглый год.

Над Летним садом вспыхивали многоцветные ракеты, огненные пирамиды, казавшиеся бриллиантовыми, яркие звезды, воздушные и водяные шары, искрометные фонтаны, фигуры из голубого и белого огня. Гости любовались зрелищем с галерей сада, который также был красочно иллюминирован фонариками, развешанными на деревьях, горящими площадками, пирамидами со свечами.

Часто в Летнем саду устраивались ассамблеи — увеселительные и деловые собрания петербургской знати.

Берхгольц рассказывает о празднике 1721 г. в Летнем саду:

«В 5 часов я со многими из наших отправился в сад. Подойдя к месту, где утром была стрельба, мы опять нашли там, в том же порядке оба гвардейских полка, но только с нижним оружием; верхнее они оставили в лагере. Когда я спросил, для чего они здесь собрались, мне отвечали, что царь обычно в такие праздники угощает их пивом и вином, которое сам им подносит в деревянных чашках величиной в большой стакан. Его величество именно этим и был занят, когда мы пришли... Войдя в сад и осмотрев его немного, я до того был удивлен переменами в нем в последние семь лет, что едва узнавал его. Мы сперва отправились туда, где думали найти лучшее, то есть царский двор, который очень желали видеть, и пришли наконец в среднюю широкую аллею. Там, у прекрасного фонтана, сидела ее величество царица в богатейшем наряде. Взоры наши тотчас обратились на старшую принцессу (Анну Петровну), брюнетку и прекрасную, как ангел. Цвет лица, руки и стан у нее чудно хороши. Она очень похожа на царя и для женщины довольно высока ростом. По левую сторону царицы стояла вторая

принцесса (Елизавета Петровна), белокурая и очень нежная; лицо у нее, как и у старшей, чрезвычайно доброе и приятное. Она годами двумя моложе и меньше ростом, но гораздо живее и полнее старшей, которая немного худя. В этот раз они были одеты одинаково, но младшая имела еще позади крылышки; у старшей же они были недавно отрезаны, но еще не сняты, а только зашнурованы. Сделаны эти крылышки прекрасно. Платья принцесс были без золота и серебра, из красивой двухцветной материи, а головы убраны драгоценными камнями и жемчугом, по новейшей французской моде и с изяществом, которое бы сделало честь лучшему парижскому парикмахеру. Вблизи ее величества царицы стояли еще маленький великий князь Петр Алексеевич (впоследствии Петр II) и его сестра великая княжна Наталья Алексеевна, дети покойных принцессы Вольфенбюттельской и наследного принца; они как вылитые из воску и ангельской красоты. Великому князю, говорят, только шестой год, а сестре его осьмой, но они уж довольно велики для своих лет. Они имеют свой особенный стол так же, как и обе старшие принцессы. У царицы есть еще маленькая принцесса (Наталья Петровна), лет четырех, которую еще носят на руках; она также прехорошенький ребенок. Здесь же была вдовствующая царица (вдова царя Иоанна Алексеевича) с дочерью своею, принцессою Прасковиєю, находящейся еще при ней...

Между бывшими здесь другими дамами мне особенно понравилась княгиня Черкасская, которая, как меня уверяли, считается при дворе первою красавицей. Но я насчитал еще до тридцати хорошеньких дам, из которых многие мало уступали нашим дамам в приветливости, хороших манерах и красоте. Признаюсь, я вовсе не ожидал, что здешний двор так великолепен. У ее величества четыре камер-юнкера, все красивые и

статные молодые люди; из них двое русских, Шепелев и Чевкин, и двое — немцев, Балк и Монс — двоюродный брат госпожи Балк, очень, говорят, любимый царицею... Пажи ее величества имеют зеленые мундиры с красными отворотами и золотыми галунами на всех швах, как и трубачи и валторнисты; но лакеи и конюхи, которых у ее величества множество, не имеют этих галунов; однако ж все-таки одеты прекрасно. В оркестре государыни много хороших немецких музыкантов, обязанных также носить красивые зеленые кафтаны (ливрей они вообще не любят). Одним словом, двор царицы так хорош и блестящ, как почти все дворы германские. У царя же, напротив, он чрезвычайно прост: почти вся его свита состоит из нескольких денщиков (так называются русские слуги), из которых только немногие хороших фамилий, большая же часть незнатного происхождения. Однако ж, почти все они величайшие фавориты и имеют большой вес. Теперь особенно в милости три или четыре...

Вскоре после нашего прихода в сад его величество оставил гвардейцев и пошел к ее величеству царице, которая осыпала его ласками. Побыв у нее несколько времени, он подошел к вельможам, сидевшим за столами вокруг прекрасного водомета, а государыня между тем пошла со своими дамами гулять по саду. После этого я стал рассматривать местоположение сада и, между прочим, увидел прелестную молодую дубовую рощицу, посаженную большей частью собственными руками царя и находящуюся прямо против окон царского летнего дворца. Так как здешнее духовенство обыкновенно также принимает участие во всех празднествах, то оно и в этот день собралось в большом числе и для своего удовольствия выбрало самое живописное и приятное место, именно эту рощу. Я нарочно оставался там несколько времени, чтобы отчасти полюбоваться на многие молодые и

чрезвычайно прямые деревья, отчасти посмотреть хорошенько на духовенство, сидевшее за круглым столом со многими кушаньями. Духовные лица носят здесь одежду всех цветов, но знатнейшие из них имеют обычно черную, в виде длинного кафтана, и на голове длинные монашеские покрывала, закрывающие плечи к спине. Многие своими бородами и почтенным видом внушают к себе какое-то особенное уважение. Наконец я очутился опять на том месте, где остался царь, и нашел его там сидящим за столом, за который он поместился с самого начала... Вскоре после того появились дурные предвестники, вселившие во всех страх и трепет, а именно человек шесть гвардейских гренадеров, которые несли на носилках большие чаши с самым простым хлебным вином; запах его был так силен, что оставался еще, когда гренадеры уже отошли шагов на сто и повертели в другую аллею. Заметив, что вдруг очень многие стали ускользать, как будто завидели самого дьявола, я спросил одного из моих приятелей, тут же стоявшего, что сделалось с этими людьми и отчего они так поспешно уходят. Но тот взял меня уже за руку и указал на прошедших гренадеров.

Тогда я понял в чем дело и поскорее отошел с ним прочь. Мы очень хорошо сделали, потому что вслед за тем встретили многих господ, которые сильно жаловались на свое горе и никак не могли освободиться от неприятного винного вкуса в горле. Меня предупредили, что здесь много шпионов, которые должны узнавать, все ли отведали из горькой чаши; поэтому я никому не доверял и притворился страдающим еще больше других. Однако ж один плут легко сумел узнать, пил я или нет: он просил меня дохнуть на него. Я отвечал, что все это напрасно, что я давно уже выполоскал рот водою; но он возразил, что этим его не уверить, что он сам целые сутки и более не мог избавиться от этого запаха, который и тогда не

уничтожишь, когда накладешь в рот корицы и гвоздики, и что я должен также подвергнуться испытанию, чтобы иметь понятие о здешних празднествах. Я всячески отговаривался, что не могу никак пить хлебного вина; но все это ни к чему бы не повело, если б мнимый шпион не был хорошим моим приятелем и не вздумал только пошутить надо мною. Если же случится попасться в настоящие руки, то не помогают ни просьбы, ни мольбы: надобно пить во что бы то ни стало. Даже самые нежные дамы не изъяты от этой обязанности, потому что сама царица иногда берет немного вина и пьет. За чашею с вином всюду следуют майоры гвардии, чтобы просить пить тех, которые не трогаются увещаниями простых гренадеров из ковша величиною в большой стакан (но не для всех одинаково наполняемого), который подносит один из рядовых, должно пить за здоровье царя или, как они говорят, их полковника, что все равно. Когда я потом спрашивал, отчего они разносят такой дурной напиток, как хлебное вино, мне отвечали, что русские любят его более всех возможных данцигских аквавит и французских водок (который, однако ж, здешние знатные очень ценят, тогда как простое вино они обычно только берут в рот и потом выплевывают), и что царь приказывает подавать именно это вино из любви к гвардии, которую он всячески старается тешить, часто говоря, что между гвардейцами нет ни одного, которому бы он смело не решился поручить свою жизнь.

Находясь в постоянном страхе попасть в руки господ майоров, я боялся всех встречавшихся мне и всякую минуту думал, что меня уж хватают. Поэтому я бродил по саду, как заблудившийся, пока наконец не очутился опять у рожицы близ царского летнего дворца. Но на этот раз я был очень поражен, когда подошел к ней поближе: прежнего приятного запаха от деревьев как не бывало и воздух был там сильно

заражен винным испарением, очень развеселившим духовных, так что я чуть сам не заболел одною с ними болезнью. Тут стоял один до того полный, что, казалось, тотчас же лопнет; там другой, который почти расставался с легкими и печенью; от некоторых шагов за сто несло редькой и луком; те же, которые были покрепче других, превесело продолжали пировать. Одним словом, самые пьяные из гостей были духовные, что очень удивляло нашего придворного проповедника Ремариуса, который никак не воображал, что это делается так грубо и открыто. Узнав, что в открытой галерее сада, стоящей у воды, танцуют, я отправился туда и имел наконец счастье видеть танцы обеих принцесс, в которых они очень искусны. Мне больше нравилось, как танцует младшая принцесса; она от природы несколько живее старшей. Когда стало смеркаться, принцессы удалились со своими дамами. Так как царь и царица (оставившая, впрочем, своих дам) также в это время отлучились, то нас стали уверять, что мы возвратимся домой не прежде следующего утра, потому что царь, по своему обыкновению, приказал садовым сторожам не выпускать никого без особого дозволения, а часовые, говорят, в подобных случаях бывают так аккуратны, что не пропускают решительно никого, от первого вельможи до последнего простолюдина. Поэтому знатнейшие господа и все дамы должны были оставаться там так же долго, как и мы. Все это бы ничего, если б на беду, вдруг не пошел проливной дождь, поставивший многих в большое затруднение: вся знать поспешила к галереям, в которых заняла все места, так что некоторые принуждены были стоять все время на дожде. Эта неприятность продолжалась часов до двенадцати, когда наконец пришел его величество царь, в простом зеленом кафтане, пошитом наподобие тех, которые носят моряки в дурную погоду (перед тем же на нем

был коричневый с серебряными пуговичками и петлицами); шляпу он почти никогда не надевает, приказывая носить ее за собой одному из своих денщиков. Войдя в галерею, где все ждали его с большим нетерпением и потому чрезвычайно обрадовались этому приходу, в надежде скоро освободиться, он поговорил немного с некоторыми из своих министров и потом отдал приказание часовым выпускать. Но так как выход был только один и притом довольно тесный, то прошло еще много времени, пока выбрались из сада. Кроме того надобно было также проходить недалеко от сада, через небольшой подъемный мост на малом канале, и только пройдя через него всякий мог без затруднения спешить домой».

И после смерти Петра, в 30—40-е гг. XVIII в., Летний сад по-прежнему сохранял свое значение парадной царской резиденции. Над его украшением немало трудились в это время архитекторы М. Земцов и В. Растрелли, знаменитый русский садовод И. Сурмин. Земцов завершил в 1731 г. Эзопов лабиринт, начатый еще при жизни Петра.

В северо-западном углу сада, где во время царствования Анны Иоанновны был главный вход, а через Лебяжий канал существовал подъемный мост, В. Растрелли построил пышный амфитеатр, декорированный каскадом, золоченой и мраморной скульптурой.

В 1732 г. на берегу Невы, рядом с Летним дворцом Екатерины I, на месте «Залы славных торжествований», возвели большой деревянный дворец для Анны Иоанновны по проекту В. Растрелли. Это эффектное здание с широкой лестницей, спускающейся к воде (она служила причалом для шлюпок и барок), было разобрано, видимо, во второй половине XVIII в. в связи со строительством набережной.

По традиции сад еще служил местом торжеств, праздничных иллюминаций, фейерверков. Так, в 1737 г. «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали о том, что «о полудни изволила ее императорское величество кушать за публичным столом в Летнем доме» по случаю взятия турецкого города Очакова. Приглашенные собрались в «зале», украшенной шпалерами «на брюссельский манер». По случаю торжества исполнялась музыка, специально для этого сочиненная. Чествование императрицы сопровождалось пушечной пальбой со многих яхт, стоявших перед дворцом. После праздничного обеда начался бал.

В первые годы царствования Елизаветы Петровны в саду устраивались маскарады и балы для петербургской знати, причем по поводу и без повода. Вот что говорится об одном из них: «В мае 1755 года в Летнем саду дан был маскарад, длившийся до восхода солнца, во всю ночь. Уже при полном свете утра (от двух до трех часов) ужинали, а после — продолжались танцы». Этот маскарад был посвящен проводам зимы и встрече лета.

С постройкой Летнего дворца для Елизаветы Петровны (на месте нынешнего Инженерного замка) балы и маскарады в Летнем саду прекратились. С середины XVIII столетия он становится прогулочным сначала для узкого, а затем и для более широкого круга знати. В одном из указов Сената за 1752 г. говорилось даже о «дозволении С.-петербургским жителям прогуливаться в 1 и 2 императорских садах на Неве, в праздники и торжественные дни, но с обязательством быть в пристойных одеждах».

В 1755 г. было объявлено об открытии сада для публичных гуляний два раза в неделю. Это разрешение подтверждалось указами 1762, 1794, 1827 гг., причем во всех случаях неизменно говорилось о «прилично одетой публике» и о запрещении посещать сад

мастеровым, матросам и солдатам. В XIX в. купечеству разрешалось в «духов день» устраивать в саду «смотрины невест», а иногда проводить «зрелища» любителям-спортсменам (состязания скороходов).

Изменился не только быт Летнего сада, постепенно менялся и его облик. К концу XVIII в. он становится близок по виду своему к пейзажным паркам, входившим в то время в моду. Деревья не стригли, их кроны разрослись, аллеи стали тенистыми, цветочные партеры не возобновлялись. Петровский «огород», созданный в стиле регулярных парков, был уничтожен сильным наводнением и ураганом 1777 г. Тогда были разрушены огибные дороги, павильоны, беседки, грот, вся фонтанная система. Пострадали и деревья, кусты. При ликвидации последствий наводнения в саду произвели значительные подсадки молодых деревьев, исправили газоны и аллеи, но архитектурные сооружения не восстановили, а водоемы засыпали.

Летний сад и позднее был местом различных гуляний. Уильям Кокс, посетивший Петербург в 1778 г., описывает одно своеобразное пиршество, которое давал откупщик, наживший в четыре года огромное состояние. Сдавая откуп, он счел нужным в виде благодарности устроить праздник народу, обогатившему его. Праздник, по обыкновению, дан был в Летнем саду, о чем заранее по всему городу были разосланы афиши. Вот что они гласили: «В честь высочайшего дня тезоименитства ее императорского величества представляется от усердия благодарности, от здешнего гражданина, народный пир и увеселение в разных забавах с музыкой на Царицыном лугу и в Летнем саду 25 ноября, пополудни во 2-м часу, где представлены будут столы с яствами, угощение вином, пивом, медом и прочее, которое будет происходить для порядка по данным сигналам ракетами:

1-е к чарке вина,

2-е к столам,

3-е к ренским винам, пиву, полпиву и прочего.

Потом угощены будут пуншем, разными народными фруктами и закусками; представлены будут разные забавы для увеселения, горы, качели, места, где на коньках кататься, места для плясок: все же сие будет происходить по порядку от определенных хозяином для подчивания особливых людей, кои должны довольствоваться всем, напоминая только тишину и благопристойность; ссоры ж и забиячества от приставленных военных людей допущены быть не могут; ибо это торжество происходит от усердия к народу и от благодарности к правительству; следовательно, и желается только то, чтоб были довольны и веселы, чего ради со стороны хозяина просьбой напоминается хранить тихость и благочиние; в заключении же всего представлена будет великолепная иллюминация».

Гости собрались около 14 часов. Огромный полукруглый стол был завален всякого рода яствами, сложенными самым разнообразным способом: высокие пирамиды из ломтей хлеба с икрой, вяляной осетриной, карпов и другой рыбы украшались раками, луковицами, огурцами. В различных местах сада стояли рядами бочки и бочонки с водкой, пивом и квасом. В числе других диковин был огромный картонный кит, начиненный сушеной рыбой и другими съестными припасами и покрытый скатертью, серебряной и золотой парчой. Кроме того, были устроены различные игры и увеселения: ледяные горы, карусели и т. п.; два высоких шеста виднелись своими флагами, и на верхушке была положена монета в виде приза. Праздник вышел очень оживленным, в нем участвовало до 40 000 человек. Впрочем, он ознаменовался довольно печальными последствиями. Многие из валявшихся на земле пьяных замерзли; немало людей погибло в драке;

другие, возвращаясь по домам поздней порой, были ограблены и убиты в уединенных кварталах города.

По поводу этого праздника была написана императрицей Екатериной II записка к генерал-полицмейстеру С.-Петербурга Д. В. Волкову. Императрица упоминает в ней о 370 лицах, погибших от пьянства.

Печальную репутацию приобрел в мае 1830 г. и пруд в Летнем саду: в нем утопилась безнадежно влюбленная молодая девица.

В екатерининское время в Летний сад привлекала толпы гуляющих роговая музыка придворных егерей. Хористы отличались великолепной одеждой: сначала она была зеленого цвета, отделанная золотым позументом; потом зеленые камзолы были заменены красными, а небольшие шапочки с изображением золотого сокола — трехугольными черными шляпами с плюмажами из белых перьев. В торжественных случаях егеря-музыканты являлись в штиблетах и с напудренными волосами. Частные хоры были одеты на манер придворных егерей.

* * *

В связи с устройством набережной Невы в 1784 г. вдоль северной стороны сада была установлена ограда, исполненная по проекту архитектора Ю. Фельтена. Она создавалась в течение нескольких лет. Ее металлические звенья выкованы на тульском заводе купца Денисова; цоколь, колонны, увенчанные урнами и вазами, вырублены из финского гранита.

Фельтен Юрий Матвеевич (1730-1801) — русский архитектор, представитель раннего этапа отечественного классицизма. Им сооружены в Петербурге гранитные набережные Невы в центре города, здание Старого Эрмитажа, знаменитая

ограда Летнего сада со стороны Невы, ряд церквей, а также исполненные в ложноготическом стиле Чесменский дворец и церковь при нем.

Решетка сада — одно из лучших произведений архитектуры классицизма, она гармонично вошла в пейзаж сада и набережной. Ее изяществом, красотой можно любоваться во все времена года — зимой, когда цоколь припорошен снегом, а колонны и металлические звенья покрыты инеем; летом, когда розовые лучи заката освещают на зеленом фоне четко выделяющийся рисунок и блестящую позолоту; ранней весной, когда на фоне лазурного неба прорисовывается каждая тончайшая деталь звеньев; она также хороша и осенью при золотом убранстве деревьев.

Значительные изменения в первоначальный облик сада внесли сооружения и памятники первой половины XIX в. На месте разрушенного наводнением грота по проекту архитектора К. Росси в 1826 г. построен был Кофейный домик, где на протяжении почти ста лет была кондитерская. В ней гуляющая публика могла пить кофе, какао, шоколад.

В 1827 г. в саду поставили деревянный Чайный домик (архитектор Л. Шарлемань). Вначале эта постройка служила для публики укрытием от дождя, так как ее средняя часть представляла собой беседку. Чайный домик — единственная в Летнем саду деревянная постройка начала XIX в., сохранившаяся до наших дней.

А. С. Пушкин, живший одно время неподалеку от Летнего сада, на Пантелеймоновской улице (ул. Пестеля) писал жене: «Летний сад □ мой огород. Я, вставши от сна, иду туда в халате и туфлях. После обеда сплю в нем, читаю и пишу. Я в нем дома».

В южной части сада, у Карпиева пруда, в 1839 г. была установлена ваза эльфдальского порфира — подарок шведского короля русскому царю. И поныне эта

ваза как в зеркале отражается в спокойных водах пруда.

В 1855 г. в одной из куртин у главной аллеи был открыт бронзовый памятник баснописцу И. А. Крылову. Он выполнен скульптором П. К. Клодтом и сделан на добровольные пожертвования населения.

Крылов Иван Андреевич (1769 – 1844) — русский баснописец, драматург, журналист. Служил в тверском губернском магистрате, канцеляристом в Казенной палате в Петербурге. В 1783 г. написал свою первую комическую оперу «Кофейница». В 1789 г. напечатаны первые басни, принесшие автору успех. С 1789 г. издатель журнала «Почта духов». За 1809 – 1843 гг. им написано более 200 басен, из которых некоторые стали хрестоматийными. Получал большую пенсию, имел чин статского советника, ведал императорской публичной библиотекой.

Сразу после появления памятника по городу распространилась эпиграмма Петра Шумахера:

Лукавый дедушка с гранитной высоты
Глядит, как резвятся вокруг него ребята,
И думает: о милые зверята,
Какие, выросши, вы будете скоты.

Старые дубы и клены нередко видели в тени своих крон В. А. Жуковского, И. А. Крылова, Т. Г. Шевченко, позднее И. А. Гончарова и Д. В. Григоровича — двух «отшельников», как их шутя называли за постоянное уединение в самых тихих аллеях. Имена В. Г. Короленко, А. А. Блока, А. И. Куприна и многих других вспоминаются при словах «Летний сад».

После смерти Петра I в Летнем дворце проживали члены царской семьи и придворные. Еще в елизаветинское время здание стали сдавать на лето

крупным сановникам, приближенным императрицы. Так было и позднее. При въездах и выездах «дачников» петровские вещи перевозились в другие здания. Мебель ломалась, расхищалась, убранство комнат исчезало. В результате частых ремонтов, которые делались в угоду вкусам очередного вельможи, снимавшего «дачу», постепенно изменялась и декорировка интерьеров.

Начиная с 40-х годов XIX в. в Летнем дворце, по всей вероятности, уже никто не жил, и появилось стремление сохранить его как мемориальный памятник. Но его могли осматривать только высокопоставленные особы по специальному разрешению гофинтендантской конторы. Так, в 1847 г. по просьбе министра императорского двора князя Волконского было разрешено посетить и осмотреть дворец бразильскому посланнику с женой. Документов того времени, говорящих о посещении дворца широкими кругами петербуржцев, не обнаружено. Правда, в конце XIX — начале XX в. в здании периодически устраивались выставки, и появилась возможность знакомиться с интерьерами дворца. Но убранство комнат было далеким от первоначального — здесь как реликвии сохранялись лишь отдельные вещи Петра I. Каким именно оно было, довольно полно рассказывает документ 1914 г. — донесение смотрителя дома полковника Романова в Петербургское дворцовое управление: «Многочисленная публика, посещая указанные дворцы, особенно иностранцы, всегда интересуются обстановкой дворцов и задают постоянно вопросы — такая ли точно была обстановка при жизни императора Петра Великого? Выслушивая в ответ, что в дворцах имеются единичные предметы времени Петра I, — высказывают сожаление, что не сохранилась полная обстановка быта и жизни Петра Великого. Ввиду изложенного желательно было бы в первоначальных дворцах не только сохранить имеющиеся ныне

предметы, но было бы желательно, если бы нашлась возможность первоначальные дворцы обставить мебелью только времени императора Петра I и всю существующую во дворце обстановку, не относящуюся к петровскому времени, удалить...»

Но, видимо, пожелание зрителя дворца осталось без последствий.

В апреле 1866 г. во время прогулки на императора Александра II было совершено покушение. Император не пострадал, покушавшегося Каракозова схватили. На этом месте в знак чудесного спасения в решетку сада была встроена часовня во имя Александра Невского. В 1918 г. ее закрыли, а в 1930 г. разобрали.

С 1934 г. Летний дворец превращен в историко-бытовой мемориальный музей. Нижний этаж дворца был занят выставкой, посвященной петровской эпохе, комнаты верхнего этажа считались мемориальными, однако в экспозиции их находилось еще немало вещей, которые не имели никакого отношения ни к Петру I, ни к историческим событиям и культуре того времени. В конце 1930-х гг. началась работа по изысканию, накоплению экспонатов петровской поры. Но намеченные планы были прерваны войной.

Эвакуация музейных ценностей в глубокий тыл, бережное сохранение оставшихся на месте — все это потребовало от работников музея немалого труда и сил. Окна нижнего этажа дворца закрыли щитами; чердачные перекрытия обмазали суперфосфатом от древесных вредителей и от пожара; в коридорах, в комнатах здания, на чердаке поставили бочки с водой и ящики с песком. Мраморная скульптура сада была зарыта на газонах, памятник Крылову, ваза у Карпиева пруда укрыты песком. Работами по сохранению мраморной скульптуры сада руководили скульптор Г. Симонсон, умерший в годы блокады, и инженер Н. Малеин. Пусто было в саду в холодную блокадную зиму.

И все же, несмотря на стужу и бомбежки, ежедневно, как и до начала войны, приходил на работу садовод П. Лобанов, тревожась за судьбу сада и дворца.

Весной 1942 г. голодные, исхудалые школьники и учителя расположенных вблизи школ пришли сюда, чтобы на газонах вырастить овощи. В память об этих блокадных огородах одна из аллей (между Главной и Лебяжьей) с тех пор так и называется — Школьная.

В первую же послевоенную весну многие десятки горожан приходили сюда после работы, чтобы возродить Летний сад: сажали молодые деревья, засыпали щели (укрытия от вражеских бомб) и траншеи, восстанавливали газоны. Сад помолодел, забелели вновь мраморные статуи и бюсты на его аллеях, зацвели цветы.

Дворец был отремонтирован и в 1947 г. принял своих первых посетителей.

Но на земле жили и те, кто не мог прийти в Летний сад. Стихия войн и революций разметала этих людей по чужим странам, и только воспоминания о родном городе согревали их одиночество. Раиса Блох когда-то дружила с Блоком, Гумилевым, Кузминым. А в 1932 г. она жила в Германии, где и написала стихотворение, которое потом Александр Вертинский пел по всей Европе. А Раиса в 1943 г. пыталась бежать с маленькой дочкой из оккупированной Франции в Швейцарию, дочь по дороге умерла. Раису швейцарские пограничники выдали немцам, и она погибла в концлагере.

Принесла случайная молва
Милые, ненужные слова:
Летний сад, Фонтанка и Нева.

Вы, слова залетные, куда?
Здесь шумят чужие города
И чужая плещется вода.

Вас не взять, не спрятать, не прогнать,
Надо жить □ не надо вспоминать,
Чтобы больно не было опять.

Не идти ведь по снегу к реке,
Пряча щеки в пензенском платке,
Рукавица в маминой руке.

Это было, было и прошло.
Что прошло, то вьюгой замело.
Оттого так пусто и светло.

В 1961—1964 гг. были проведены большие реставрационные работы. Перед реставраторами стояла задача: вернуть зданию, его интерьерам первоначальный облик, — задача сложная, так как многое оказалось утраченным.

Много внимания было уделено восстановлению чрезвычайно ценных деревянных чердачных конструкций. Трудоемкой и ответственной работой явилось снятие гипсовых копий с барельефов фасадов, которые под воздействием времени постепенно разрушаются.

Специальными научно-реставрационными производственными мастерскими были восстановлены наборный паркет и мраморный пол интерьеров, декоративная живопись, резьба, лепка, отделка деревом. В двух комнатах — в кабинете и спальне Петра — воссоздана отделка полностью. Кропотливого труда потребовало восстановление изразцовых панелей, мебели, особенно таких музейных предметов, как ореховая рама напольного зеркала из Танцевальной комнаты, шкаф для хранения столового белья, березовые стулья, резного дуба кровать, стенники, люстры...

Трудным оказалось устройство отопления во дворце. Ведь здание отапливалось нерегулярно, а многие десятилетия XX в. камины и печи совсем бездействовали. Было создано равномерное воздушное обогревание интерьеров.

ЗА ТЮРЕМНЫМИ СТЕНАМИ

Не слышно шуму городского,
В заневских башнях тишина!
И на штыке у часового
Горит полночная луна.

Ф. Глинка

Преобразовательная работа Петра I началась с изменения внешнего вида, одежды и формы отношений между классами,

Если раньше запрещено было носить нерусское платье и стричь голову по-иноземному, и князя Мосальского за то, что он подстриг волосы на голове, записали из стряпчих в стрельцы, то при Петре вышли специальные указы об обязательном ношении иностранной одежды и бритье бороды и усов. Это, правда, не касалось крестьян и духовенства.

С бородой у русских связывалось понятие о подобии и образе Божьем, и многие посчитали, что без бороды невозможно будет спасение. Митрополит Димитрий написал по этому поводу рассуждение «Об образе Божиим и подобии в человеке», где объяснял, что подобие Господа в невидимой душе, и бритье бороды спасению не вредит.

В Астрахани возник бунт, когда приставы у входа в церковь стали обрезать у мужчин бороды.

Ходила в народе легенда, что царь — немец и вовсе не сын Алексея Михайловича. Возникла она из-за того,

что Петр одевался в немецкое платье и водил дружбу с иноземцами.

«Государь не царь и не царского поколения, а немецкого... Когда были у государыни царицы Натальи Кирилловны сряду две дочери и тогда государь, царь Алексей Михайлович, на государыню царицу разгневался: буде ты мне сына не родишь, тогда я тебя постригу. А тогда она государыня царица была чревата. И когда приспел час ей родить дочь, она, убоясь государя, взяла на обмен из Немецкой слободы младенца мужеску пола из лефортова двора...»

За распространение этой легенды людей хватали и подвергали жестоким пыткам, по цепочке забирая всех, рассказывавших легенду.

Наказывались священники, если при обедне в молитве они пропускали имя Петра или в дни царских тезоименитств служили простую обедню вместо торжественной.

Петр приказал бить кнутом и заклеить крестьянина, говорившего, что «государь-де царицу покинул, а возлюбил немцев». Его отправили на десятилетнюю каторгу.

Не избежал застенка даже царский сын.

Царевич Алексей родился, когда его родителям было лишь по 16 с небольшим лет. Отец его, Петр, сына видел нечасто, время отнимали сначала военные занятия, потом кораблестроение, походы. Да и веселился царь отнюдь не в семейном кругу.

Когда царицу Евдокию насильно постригли в монахини, Алексей в возрасте восьми с половиной лет был забран у матери и отдан царевой сестре Наталье Алексеевне. Воспитателем царевича стал барон Гизен, образованный немец, поступивший на русскую службу. Уже вскорости Петр берет сына с собой в Архангельск, а при взятии Ниеншанца тот является солдатом бомбардирской роты.

Но потом царь охладевает к сыну, Гизена по настоянию Меншикова отсылают с дипломатическими поручениями за границу, и Алексей остается в селе Преображенском, окруженный монахами, родственниками — приверженцами старины, не принимающими петровых нововведений. Ближе всех ему в ту пору — Алексею исполнилось 15 лет — были его тетки, старые девы, дочери царя Алексея Михайловича от первого брака. Царевич потом сетовал, что Меншиков нарочно способствовал такой жизни, умышленно оставляя его без образования.

Алексей самовольно едет навестить мать в суздальский монастырь. Можно только представить их встречу. Петр немедленно потребовал сына к себе и высказал ему свое неодобрение. Он послал Алексея в Смоленск заготавливать провиант и собирать рекрутов. Поручение царевич выполнил с толком, и через пять месяцев ему был поручен сбор солдат и укрепление Кремля. Потом его отрядили в корпус, действующий в Польше, после чего он должен был ехать в Дрезден для занятия науками: языками, геометрией и пр.

Подыскали ему и невесту: принцессу Брауншвейг-Вольфенбюттельскую. Позже Алексей писал: «Вот Гаврила Иванович с детьми своими навязали мне на шею жену чертовку: как ни приду к ней, все сердитует и говорить не хочет».

Нашел утешение царевич у крепостной девки Ефросиньи, которую полюбил страстно.

«Отец ко мне был добр, — говорил Алексей в Вене, — но с тех пор, как пошли у жены моей дети, все сделалось хуже, особенно когда явилась царица и сама родила сына. Она и Меншиков постоянно вооружали против меня отца; оба они исполнены злости и не знают ни Бога, ни совести».

Петр уже начинает подозревать собственного сына в разных коварных умыслах. Он пишет ему: «Отмени

свой нрав и нелицемерно удостоил себя наследником, или будь монах; ибо без сего дух мой спокоен быть не может, а особливо, что ныне мало здоров стал. На что, по получении сего, дай немедленно ответ или на письме, или самому мне на словах резолюцию. А буде того не учинишь, то я с тобою как со злодеем поступлю».

Царевич отвечал: «Иду в монахи».

Петр из Копенгагена шлет ему приказ выезжать на войну или же постригаться.

Алексей заподозрил неладное, он был уверен, что зовут его не учиться военному искусству, а желая извести. Он жаловался графу Шонборну: «За год перед сим отец принуждал меня отказаться от престола и жить частным человеком, или постричься в монахи; а в последнее время курьер привез повеление — либо ехать к отцу, либо заключиться в монастырь: исполнить первое значило погубить себя озлоблением и пьянством; исполнить второе — потерять тело и душу».

Алексей отправился к отцу, но, проехав Данциг, исчез. Он решился бежать, заверенный боярином Кикиным, что цесарь даст ему убежище. Так и случилось: царевич прожил в тирольском замке несколько месяцев.

Но посланцы царя обнаружили его и там, и позже в Неаполе. Петр требовал вернуться домой. С одной стороны давили на цесаря, а с другой — на Ефросинью, обещая полное снисхождение Петра.

Делать нечего, Алексей отправился в Россию. На третий день приезда в кремлевском дворце были собраны сенаторы, генералы. Царь при общем собрании принял сына и перечислил все его вины, заключив: ты должен отказаться от престола и открыть соучастников побега. Испуганный царевич назвал несколько имен, и вот уже полетели отряды хватать названных.

Был обнародован царский манифест, где Алексей обвинялся в непослушании и отрешался от престола. Наследником объявлялся второй сын Петр, хотя еще и «малолетен сущий».

По делу Алексея арестовали многих людей. Уже и близкие царю Яков Долгорукий, и Борис Шереметев, и даже Ромодановский с Меншиковым попали под подозрение... Были казнены Кикин с несколькими боярами, монахи, подьячие: кто повешен, кто колесован...

Наконец, приступили к самому царевичу: для начала ему было дано 25 ударов кнутом. Алексею предлагалось ответить, хотел ли он учинить бунт в русских войсках, стоящих в Мекленбурге. У Алексея насильственно вырвали признание.

Верховный суд единогласно приговорил царевича к смертной казни, «потому что он не хотел получить наследства по кончине отца прямою и от Бога определенною дорогою, а намерен был овладеть престолом чрез бунтовщиков, чрез чужестранную цесарскую помощь и иноземные войска, с разорением всего государства, при животе государя, отца своего. Весь свой умысел и многих согласных с ним людей таил до последнего розыска и явного обличения в намерении привести в исполнение богомерзкое дело против государя, отца своего, при первом удобном случае». Уже после вынесения приговора Алексею дали 15 ударов кнутом.

Казни не дано было свершиться. Алексей, находясь в заключении, умер. За пять часов до этого его хватил удар. Он ли причиной или яд — сказать трудно. В данном случае это неважно. Мы имеем на руках приговор — юридическое обвинение из петровского времени.

Незадачливый царевич мечтал иногда вслух — когда он будет государем, то станет жить в Москве, а

Петербург оставит простым городом, также и корабли оставит и держать их не будет, и войска держать станет только для обороны, а войны ни с кем не будет искать...

* * *

Из архива:

«В нынешнем 1722 году июля 26 числа, по указу Его Императорского Величества и по приговору правительствующего сената, старец Валаам, а по обнажении монашества Василий Савин сын Левин, который наперед сего был капитаном, казнен смертию, для того марта в 19 числе сего ж году пришед он, Левин, в город Пензу на торг, кричал всенародно злые слова, касающиеся к высокой персоне Его Императорского Величества и возмутительные к бунту, а в Тайной канцелярии по расспросам его и по розыскам явилось, что не токмо в Пензе, но и прежде того отцам своим духовным на исповеди те бунтовные слова он, Левин, разглашал явно.

К тому ж показал он, что и впредь-де ежели ему означенную вину отпустят и от смерти его освободят, то имел он намерение, чтоб на всех городах и на пути народ возмущать, да он, Левин, показал, что веру православную христианскую он хулит, и тело и кровь Христа Спасителя нашего за истинное тело и кровь Его не приемлет, и святые иконы называет он идолами, и ежели его допустят, то он их исколет, и тем он, Левин, показал себя не токмо злым порицателем Его Императорского Величества и возмутителем народа, но и богохульником и иконоборцем.

Да он же некоторых духовных и мирских оклеветал напрасно, а потом в повинной своей написал, что он оклеветал их напрасно, да он же, богохульник, и по объявлении ему смертной казни исповедаться и святых тайн причаститься не хотел, принося на тело и кровь

Христа Спасителя нашего хулу, токмо уже пред самую казнию сущую свою вышеписанную злобу объявил явственно, и пред Богом и пред Его Императорским Величеством и пред всем народом принес вину и чистое покаяние, написав о всем своеручно, исповедался и святых тайн причастился, и хотя за вышеписанные его злые вины достоин он был по указам мучительной казни, однако же для вышеописанного его покаяния учинена ему казнь — отсечена голова, а туловище сожжено, и велено ту голову послать на Пензу, где он то возмущение чинил, и поставить на столб для страха прочим злодеям».

Это указ, выставленный на болоте, где казнили Левина.

Начальник Тайной канцелярии Ушаков писал доктору: «По указу Его Императорского Величества вашему благородию предлагаю: изволите сочинить спирт в удобном сосуде, в котором бы можно ту голову Левина довести до означенного города (до Пензы), чтоб она дорогою за дальностью пути не избилась и оный бы сосуд с спиртом чтоб изготовлен был сего же числа, а кому изволите приказать оное сочинить, чтоб он был в аптеке безотлучно».

По делу Левина пострадало множество людей. Один из них, капитан Салов, утверждал, что он глухой, поэтому «непристойных» слов Левина слышать не мог. Ушаков не поверил и велел опросить знакомых Салова. Одни открещивались от знакомства, другие отвечали: да, глухой; третьи: нет, хорошо слышит. Послали запрос в полк, где служил Салов. Ответ, подписанный полковником и офицерами, гласил: Салов, служба в полку, глух не был.

Капитана лишили чина, били кнутом и сослали в крепость. Только после кончины Петра ему было позволено возвратиться в свое поместье.

Удивляет несоответствие между преступлением и тяжестью наказаний; так, казнь следовала и за убийство, и за сон на посту. Разве что виды ее были неодинаковы: четвертование, колесование, сожжение и т. д. Смертная казнь предусматривалась сто одной статьей. Пожалуй, многовато.

Губернатор сибирский князь Гагарин за злоупотребление властью и взятки был предан суду, несколько раз пытан и повешен в 1721 г. перед окнами юстиц-коллегии на Васильевском острове. Этого показалось мало, и его тело три раза перевешивалось в разные места города.

«Урожайным» был год 1738. Сожжен какой-то Тайгульда за переход в ислам, сожжены капитан-лейтенант флота Возницын за «отпадение от христианской веры» и Борух Лейбов «за превращение оного капитана в жидовский закон». Последний был к тому же обвинен в «смертном убийстве Смоленского уезда села Зверич священника Авраама, в совращении жидами в Смоленске простого народа, и в построении им жидовской школы, и в мучении бывшей у него в услужении российской крестьянской девки».

До Петра I повешение за ребро было казнью случайной. В 1676 г. воевода Мещеринов, взяв Соловецкий монастырь, «многих за ребра вешал». Тем же увлекался Степан Разин. При Петре это применялось с усердием.

Железный крюк, подвешенный к виселице, имевшей форму буквы Г, вонзался осужденному в бок, поддевался под ребро и высывался наружу. Повешенный принимал, таким образом, изогнутое положение: ноги и голова свешивались вниз. В описаниях раскольничьих дел есть пример, когда эта казнь была по приговору соединена с колесованием.

Берхгольц рассказывает о случае, когда повешенный ночью освободился от крюка и упал на

землю. На четвереньках он отполз от виселицы шагов на сто и спрятался. Утром его нашли и опять повесили.

При Петре I о времени и месте казни часто давались объявления. Вот одно из них:

«1724 года ноября в 15 день, по указу Его Величества Императора и Самодержца всероссийского, объявляется во всенародное ведение, что завтра будет во десятом часу перед полуднем на Троицкой площади экзекуция бывшему камериру Монсу да сестре его Балкше, подьячему Егору Столетову, камер-лакею Ивану Балакиреву за их плутовство такое, что Монс и сестра его и Егор Столетов, будучи при дворе Его Величества, вступали в дела противныя указам Его Величества и укрывали винных плутов от обличения вин их и брали за то великие взятки, и Балакирев в том Монсу и прочим служил. А подлинное описание их вин будет объявлено при экзекуции».

Обычно тела оставлялись на месте казни с целью устрашения. Спустя некоторое время их убирали: кидали псам или отвозили в убогие дома для погребения вместе с умершими без покаяния.

Погребение это совершалось в троицкий четверг, служилась общая панихида. Обязательно присутствовал палач, наблюдавший, чтобы тела преступников не похоронили при церкви. Казненные накапливались в огромных количествах, заражая все вокруг. Так длилось до тех пор, пока царица Елизавета, проезжая мимо Божедомки (ныне ул. Достоевского в Москве), не почувствовала ужасный смрад и не отменила единый день похорон для преступников.

Известен случай казни над умершим за тринадцать лет до того боярином Милославским, тело которого по приказу Петра было вынуто из могилы и на тележке, запряженной шестью свиньями, привезено в приказ, где его облили кровью казненных преступников, а затем рассекли на части «и во всех застенках под дыбами

оныя скарედныя части его закопаны, и умножаемую воровскою кровию донине обливаются, по псаломскому слову: мужа кровей и мести гнушается Господь».

Веревка, на которой вешали самозванца лже-Петра, оказалась слишком толстой: петля не затянулась. Тогда палач, взяв у стоявшего рядом мужика дубину, раскроил повешенному голову.

XVII столетие было временем созидания Русского государства, вся работа шла на это, для человека же мало что оставалось.

Но несмотря на то что это была очень жестокая эпоха, нельзя не обратить внимания на следующее: Борис Годунов, вступая на царство, дал обет прекратить смертельные казни на пять лет, царь Алексей Михайлович в 1653 г. повелел сидевших в тюрьмах и ждавших казни татей и разбойников от смерти освободить и отправить в ссылку. В 1691 г. то же приказывает Петр I.

Хотелось бы остановиться на узниках Петропавловской и Шлис-сельбургской крепостей.

Князь П. Кропоткин, проведенный в одиночной камере Петропавловской крепости два года, писал в «Записках революционера»: «Здесь Петр I пытал своего сына Алексея и убил его собственной рукой. Здесь, в каземате, куда проникла вода во время наводнения, была заключена княжна Тараканова. Крысы, спасаясь от потопа, взбирались на ее платье. Здесь ужасный Миних пытал своих политических противников, а Екатерина II заживо похоронила тех, которые возмущались убийством ее мужа...»

Петропавловская крепость заложена в 1703 г.

Первым заключенным в ней был, вероятно, царевич Алексей.

В 1718 г. здесь находились генерал-аудитор Кикин, князя Лопухин, Долгорукий и др. В Петропавловской

крепости оказалась сестра Петра царевна Марья Алексеевна.

В каземат попал прекрасный писатель — крестьянин, автор книги «О скудости и богатстве» Посошков. Его очень ценил Петр I, но Екатерина сочла взгляды писателя крамольными, и он был схвачен Тайной канцелярией. Посошков умер в крепости в начале 1726 г.

Посошков Иван Тихонович (1652 — 1726) — выдающийся экономист эпохи Петра I, сторонник меркантилизма. В своей «Книге о скудности и богатстве» (1724) он отстаивал всемерное развитие производительных сил страны путем расширения производства отечественных товаров, развития торговли и увеличения товарооборота с другими странами; стоял за организацию в России цехов. Выдвигал прогрессивное для своего времени требование точного определения обязанностей крестьян по отношению к помещикам.

Многим известна история княжны Таракановой, незаконной дочери Елизаветы Петровны и графа Разумовского. Ее объявили самозванкой и обманом вывезли из Италии на корабле. Больная чахоткой, она умерла в конце 1775 г. Императрица восклицает в одном из своих писем:

«Распутная лгунья осмелилась просить у меня аудиенции. Объявите этой развратнице, что я никогда не приму ее, ибо мне вполне известны и крайняя ее безнравственность, и преступные замыслы, и попытки присвоить чужие имена и титулы. Если она будет продолжать упорствовать в своей лжи, она будет предана самому строгому суду».

Образу княжны Таракановой посвящены романы и стихи.

В журнале «Русский архив» за 1877 г. приводятся воспоминания Винского, попавшего в Петропавловку по

подозрению в краже из банка крупной суммы. Со двора крепости его ввели в небольшую дверцу, и он увидел огромный сарай, освещаемый лишь одним окошком. С Винского сняли одежду: «Без обуви и штанов повели меня в самую глубь каземата, где, отворивши маленькую дверь, сунули меня в нее, бросили ко мне шинель и обувь, потом двери захлопнулись... Видя себя совершенно в темноте, я сделал шага два вперед, но лбом коснулся свода. Из осторожности простерши руки вправо, ощупал прямую мокрую стену; поверотясь влево, наткнулся на мокрую скамью, и на сей севши, старался собрать рассыпавшийся мой рассудок». Кормили Винского за счет казны так: утром — сбитень с булкой, днем — каша с говядиной. Стоило все это пять копеек. Позже его перевели в другую камеру— светлую, с большим окном, разрешили свидания и на содержание стали выдавать 25 копеек в день.

В 1790 г. в Петропавловскую крепость посажен писатель Радищев, автор книги «Путешествие из Петербурга в Москву». Прочитав ее, Екатерина воскликнула: «Да Радищев бунтовщик хуже Пугачева!»

Вести дело Александра Радищева она поручила известному своими зверствами начальнику Тайной канцелярии Шешковскому. Радищев, узнав об этом, упал в обморок.

Пока Радищев находился в крепости, его родственники каждый день посылали Шешковскому гостинцы, и, пожалуй, лишь это спасло писателя от пыток. Шешковский ограничился «вопросными пунктами», составленными на основании пометок Екатерины на полях крамольной книги.

В конце XVIII в. в Петропавловскую крепость были заключены студенты Колокольников и Невзоров — по делу Новикова.

Но, как ни странно, в это время среди узников Петропавловки было больше французов.

Мы находим упоминание о неких Дю-Розуа, посаженном за масонские книги, Боно, по поводу которого «Ее Императорское Величество высочайше указать соизволила, чтобы посланного арестанта (из Варшавы), по приезде в город, как наивозможно в ночное время закрытого, чтобы его никто видеть не мог, привезти прямо в крепость». По всей видимости, это был крупный прусский шпион.

Сидели в крепости польские повстанцы и самые разные революционеры, злодеи и основатели религиозных сект...

Не обходилось и без анекдотических случаев. Двое молодых переводчиков иностранной коллегии Стрелевский и Буйда, зная ужас императрицы Екатерины перед Французской революцией, решили на этом сыграть, придумав составить записку на высочайшее имя о методах пресечения возможности такой революции в России. Но сначала они намеревались немножко попугать и сочинили письмо, якобы написанное неким иностранцем: в нем говорилось, что Екатерина — первейший враг Французской революции, и ее нужно отравить, подсыпав яду в кушанье. Стрелевский передал письмо графу Зубову, сказав, что нашел его на улице.

В результате оба друга «загремели» в Петропавловку и немало натерпелись, пока Шешковский не разобрался, в чем дело. Их позже выслали на службу в Польшу.

Сидел одно время в крепости любопытный монах Авель, сочиняющий мистические религиозные проповеди. На допросах он утверждал, что увидел в небесах две книги и только записывает их содержание. Пытался Авель предсказывать будущее. Такая ересь не могла прийтись по нраву Екатерине, и Авеля, после допросов в Петропавловке, велено было держать вечно в Шлиссельбургской крепости.

За оскорбление императорского двора сидел в крепости граф Апраксин, высланный потом в Тобольск.

Уже при Павле был заключен полковник Елагин — «за дерзновенные разговоры».

Попал в крепость даже знаменитый атаман Платов — по ложному доносу об умысле стать во главе донских казаков и отделиться от России. Вот что он вспоминал: «Стены были мокры и скользки, а по полу бегали крысы. Сначала мне это казалось гадким, а напоследок я к этому гаду и он ко мне, друг к другу, привыкли». Когда Платова император Павел отправил в поход на Индию, тот воскликнул: «Хоть к черту на рога, к самому лукавому в пекло идти, а не в этот проклятый гнилой каземат!»

Сразу большой приток арестантов случился в 1820 г. — это были бунтовавшие солдаты Семеновского полка. Сидели они, по воспоминаниям современников, в мрачном каземате — 24 шага в длину и 8 в ширину, с маленьким окном в толстой стене. Было сыро и грязно. И в такое помещение набивали до 300 человек: сидеть на койках приходилось по очереди.

А. С. Пушкин иронизировал в 1829 г.:

Вот перешел чрез мост Кукушкин,
Опершись жопой о гранит,
Сам Александр Сергеич Пушкин
С мосье Онегиным стоит.
Не достаивая взглядом
Твердыню власти роковой,
Он к крепости стал гордо задом:
Не плюй в колодец, милый мой.

Упомянем еще нескольких арестантов, содержащихся в крепости в 10-х годах XIX в.

Это дезертир Пршилковский, комиссионер Дмитриев, титулярный советник Язвицкий, штабс-

капитан Катаев, разные иностранцы.

Сидели в Петропавловке и женщины. Из них упоминается о некоей «девице Салтан» (видимо, иностранка), арестованной в мужском костюме.

Ужасными были условия жизни декабристов. Для них наскоро выстроили камеры из сырого леса; они имели вид клеток и помещались в крепостных амбразурах. Д. Завалишин вспоминает: «Эти клетки были так тесны, что едва доставало места для кровати, столика и чугунной печи. Когда печь топилась, то клетка наполнялась непроницаемым туманом, так что, сидя на кровати, нельзя было видеть двери на расстоянии двух аршин. Но лишь только закрывали печь, то делался от нее удушливый смрад, а пар, охлаждаясь, буквально лил потоком со стен, так что в день выносили по двадцати и более тазов воды. Флюсы, ревматизм, страшные головные боли были неизбежным следствием такого положения».

Князь Кропоткин пишет: «В Алексеевском равелине, как гласила молва, сидело несколько человек, заключенных на всю жизнь по приказу Александра II, за то, что они знали дворцовые тайны, которых другие не должны были знать. Одного из них, старика с длинной бородой, видел в таинственной крепости один из моих знакомых».

Кто же этот секретный узник? Нынешние исследователи сходятся что он — или гвардейский офицер Шевич, или поручик Бейдеман. Мне кажется, скорее всего — последний. Михаил Бейдеман из дворян, окончил военное училище, жил потом за границей. Он был волонтером у Гарибальди, наборщиком в типографии Герцена, Узнав о крестьянской реформе 1861 г., Бейдеман решил вернуться в Россию, но был задержан на границе. У него нашли подложный манифест к народу.

Провел Бейдеман в Петропавловке двадцать лет безымянным под номером 17. Позже его перевели в Казань — в больницу для умалишенных, где он и умер.

В 1870— 1872 гг. внутри Трубецкого бастиона построили тюрьму на 69 одиночных камер, где содержались подследственные и осужденные (до исполнения приговора) узники. В них сидели члены петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (Бауман и др.), члены разных политических партий.

В феврале 1917 г. в Петропавловскую крепость были заключены царские министры.

По делу о кружке, руководимом титулярным советником Буташевичем-Петрашевским, в Петропавловку попали 43 человека. Среди них были оба брата Достоевские: отставной инженер-поручик Ф. Достоевский и отставной поручик М. Достоевский, освобожденные через восемь месяцев после гражданской казни и отправленные на каторжные работы. Федору Михайловичу предстояло провести в Омске четыре года.

Вот как, по воспоминаниям известного народника и террориста М. Михайлова, кормили в то время в крепости; «Кроме щей и каши, давали макароны и суп, говядину с соусом из брюквы или говядину с картофелем. Иногда давали пирог с кашей. Но суп обыкновенно не представлял никакого отличия от грязной воды, говядина была похожа — по выражению Хлестакова — на топор, масло было горькое».

Прочитав сетования Михайлова, наши зеки 30—50-х гг. решили бы, что Петропавловка — сущий рай.

В 1860-х гг. в крепости сидели литераторы Писарев, Чернышевский и Шелгунов, примерно, по два года каждый. Обвиненный в составлении прокламаций и сношениях с государственными преступниками, Шелгунов сожалел, что в библиотеке тюрьмы не нашел

книг по нескольким отраслям знаний. Вспоминал странный мягкий удар, то и дело слышащийся где-то: оказалось, это заключенный Серно-Соловьевич упражняется в своей камере с мячом.

Николай Некрасов

Приметы

Видно, вновь в какой нелепости
Молодежь уличена, —
На квартиры подле крепости
Поднимается цена.

Каждый день старушки бледные
Наезжают в гости к нам.
И берут лачужки бедные
По неслыханным ценам.

Оживает наша тихая
Палестина, — к Рождеству
Разоденусь, как купчиха, я
И копейку наживу.

1876

С декабря 1825 г. по май 1866 г. в Алексеевский рavelин поступило 149 человек по самым разным обвинениям: о государственной измене и за отступление от православия, за взяточничество и подлоги банковских билетов, лжедонос и похищение чужой жены... Бывали здесь князья и студенты, польские шляхтичи и монахи, купцы и мещане...

В 1830 г. сюда попал управляющий делами комитета министров Ге-желинский — за подлоги. После следствия его отправили рядовым в Финляндский полк.

В 80-х годах осужденных на каторжные работы предварительно содержали в Трубецком бастионе Петропавловки. Находились они на общем каторжном положении: в арестантском платье, с ежемесячным бритьем головы. Табака не полагалось, книг тоже. Постель была из войлока с подушкой, набитой соломой. Завтрак для каторжных состоял из кваса вместо чая и двух фунтов хлеба на день. Обед — из горохового супа или щей и каши. Вечером — чай. По просьбе заключенного давали Евангелие.

Мы считаем вполне уместным поместить здесь выдержки из воспоминаний политического заключенного Поливанова как о Трубецком бастионе, так и о рavelине. Выдержки мы приводим без сокращения, лишь комбинируя их из разных мест воспоминаний. Начинается описание с того момента, как Поливанов подъезжал к крепости.

«С каждой секундой стена Петропавловской крепости становилась все ближе и ближе, и я с жадностью смотрел в окно кареты, желая запечатлеть в памяти все, что проходило перед моим взором. Теперь в тяжелые минуты прощания с вольным светом все казалось мне близким, родным, все обращало на себя внимание... Вот мы проехали через Кронверкский проспект — и перед нами показались стены крепости, подъемный мост, перекинутый через канал, и ворота, казавшиеся мне пастью чудовищного зверя. Вот мы уже катились беззвучно по деревянной настилке этого моста, и я только успеваю бросить прощальный взгляд на Неву, над которой уже начинает сгущаться вечерний туман, как мы очутились в крепостных воротах.

Мы поехали сначала по направлению к собору, мимо бульварчика и расположенного за ним белого

двухэтажного здания, где помещалась какая-то канцелярия; потом мы выехали на площадь, и карета взяла наискось левее, и мы направились к узкому деревянному забору, идущему от крепостной стены или здания, примыкающего к стене, к монетному двору. Через ворота в этом заборе шла дорога в Трубецкой бастион; ворота распахнулись перед нами очень быстро и предупредительно, и мы въехали в узкий переулок, с правой стороны которого шел очень высокий деревянный забор, отделяющий территорию Монетного двора от Трубецкого бастиона, а слева двухэтажное здание, нижние окна которого выходили на тротуар.

Здесь начиналась Екатерининская куртина, в верхнем этаже которой помещался архив в громадных залах. В одной из них часто производятся допросы сидящим в Трубецком бастионе, там же судили Верховным судом Каракозова (1866 г.) и Соловьева (1879). В нижнем этаже находятся одиночные камеры, выходящие окнами на Неву. До постройки тюрьмы Трубецкого бастиона (1868—69) Екатерининская и Невская куртины были обычным местом заключения следственных политических арестантов. Проехав по переулку несколько десятков шагов, карета остановилась у подъезда, ведущего в тюрьму Трубецкого бастиона... На крыльце показался сторож, носивший название присяжного, и махнул рукою. Мы (т.е., Поливанов и сопровождающие его жандармы) поднялись на крыльцо и, пройдя караульную комнату мимо солдат-гвардейцев, куривших сигарки, и их ружей, поставленных в козлы, очутились в большой, мрачной и донельзя грязной комнате. Она слабо освещалась двумя окнами, выходившими в тюремный садик. Нижние стекла этих окон были матовые. В правом переднем углу стоял грязный деревянный стол, а за ним по обеим сторонам угла шла глаголем деревянная же скамейка. У левой стены находилась

круглая печь, обитая железом, а далее, в левом углу виднелась узкая дверь, окрашенная в темно-вишневую краску. От этой двери был растянута старый рваный половик...

Тюрьма Трубецкого бастиона имела вид пятиугольника. Четыре стены тюрьмы шли параллельно фасадам бастиона, а пятая сторона была занята приемной комнатой и квартирой смотрителя. Помнится, в ней же находится помещение для свиданий через решетку. По остальным четырем идут камеры, восемь номеров по каждой, да еще на четырех углах имеются площадки с изолированными камерами, так что в каждом этаже имеется 36 камер, всего же значит 72. Из коридора у каждой из камер на высоте аршин двух был прибит железный, окрашенный белой краской бак для воды, ибо водопровода в камерах не было ... Я прошелся несколько раз по камере и осмотрел ее. Длиною она была, помнится, шагов 8—9 и очень высока. Я только концами пальцев мог достать до краев косоугольного подоконника, самое же окно на высоте не менее, если не более, сажени и давало, как я мог убедиться в этом на следующий день, очень мало света, так как, хотя стекла не были матовые, но стены бастиона были на очень небольшом расстоянии от окна, в которое никогда не мог проникнуть ни один солнечный луч.

Далее во втором этаже, куда меня перевели на третий день, окна были значительно ниже валганга, так что и там было темновато, особенно осенью и зимою. Мебель состояла из железной кровати, прикованной изголовьем к стенке. Ножки этой кровати были вделаны в асфальтовый пол: перед ней было нечто вроде стола, роль которой играл железный лист в осьмушку дюйма толщиной, вделанный в стену у изголовья кровати. Этот стол опирался на две железные полосы, один конец которых вделан наглухо в стену, а другой приклепан к нижней поверхности стола. Кроме этого, было только

два предмета: с правой от входа стороны двери кран, а под ним раковина, с левой — неудобноназываемое учреждение с ведром, тоже прикованное к стене (параша). Таким образом, во всей камере не было ни одного предмета, который можно было бы передвинуть с места на место. А потому забраться на окно не было никакой возможности.

В камере была страшная грязь, сырость, капли воды, сбегавшие с подоконника, образовали к утру целую лужу... Внешняя сторона моей жизни проходила так: утром часов в семь мне приносили ломоть черного хлеба, полотенце, которое затем отбирали, и подметали пол. В 12 часов раздавали обед — омерзительный, нужно сказать. В скоромные дни он состоял из щей или из жиденького манного супа, в котором, по солдатской поговорке «крупинка за крупинкой гонялась с дубинкой», гречневая каша в весьма умеренном количестве, а в постные дни (среда и пятница) из гороха или супа с признаками сметки и каши с постным маслом. В семь часов давали ужин — остатки щей или супа, разбавленные в изобилии кипятком...»

А вот описание Алексеевского равелина, находящееся в тех же самых записках: «Пройдя небольшое расстояние по переулку, мы свернули налево в какие-то ворота, которые вели в пролет, очень длинный и очень темный; очевидно, он шел под зданием, примыкавшим к крепостной стене. На пути нам попадались и слева и справа какие-то подъезды, какие-то ворота. Потом тьма сгустилась уже до того, что ничего нельзя было разобрать; мы шли уже сквозь толщу крепостной стены. В конце подворотни мы остановились, и я, несколько освоившись с темнотой, увидел, что нахожусь в нескольких шагах от окованных железом ворот, они запахнулись, и передо мною открылось поле, занесенное снегом, далее какой-то мостик с горевшими на нем двумя фонарями, а за ними

небольшой островок с низким одноэтажным зданием. Жандармы подхватили меня и, почти неся на руках, быстро поволокли по направлению к этому мостику.

Выйдя за ворота, я видел направо и налево стены крепости, уходившие во тьму, затем, далее, за полоской земли, окаймлявшей стены, — темную, даже черную поверхность еще не замерзшей Невы, казавшейся, быть может, более темной, чем на самом деле, благодаря снегу, покрывавшему землю. Впереди был мостик, о котором я говорил, а за ним — здание Алексеевского рavelина. Близ мостика передо мной мелькнула закрытая до сих пор выступом Трубецкого бастиона набережная противоположного берега Невы или, лучше сказать, ряд фонарей, тянувшихся огненным пунктиром вдоль набережной; но мы идем быстро, жандармы тащат меня чуть ли не на рысях; огни исчезли, мы уже перешли через мостик. Алексеевский рavelин совсем уже близко и мрачно смотрит на меня темными окнами, напоминающими пустые глазницы черепа: было заметно сразу, что стекла были матовые. Пройдя шагов 25—30 от крепости, мы остановились перед воротами, в которых была калитка с оконцем, забранным снаружи решеткой из медных прутьев.

Калитка запахнулась, меня ввели в подворотню. Отворивший нам калитку старший унтер-офицер жандармского караула пошел впереди, минуя первое крылечко с правой стороны, которое, как я убедился, вело в караульное помещение, повел нас во второе. Я заметил, что напротив его, по левой стороне подворотни, было точно такое же крылечко с двумя каменными ступеньками. Невдалеке от этих крылечек были другие ворота, точно такие же, как и наружные, которые вели в садик, служивший местом прогулки заключенных. Внутренность коридора, в который мы вошли, поразила меня своей неприглядностью. Этот коридор слабо освещался маленькой керосиновой

лампой, поставленной на одном из окон, которые были расположены на левой стене, выходящей в садик. Окна были невелики и находились очень высоко, пожалуй, даже выше среднего человеческого роста. С правой стороны шла сначала глухая стена, потом виднелась белая дверь в углублении стены, запертая засовом, а над ней дощечка с надписью № 4. Дверь следующего номера, пятого, была открыта, и жандармы, все еще не выпускавшие меня из рук, втащили меня туда так быстро, что я успел только бросить беглый взгляд и заметить, что против моей камеры коридор поворачивает под острым углом налево, и что по его правой стороне был расположен ряд камер. Мне удалось увидеть только дверь № 6...

Первое, что меня поразило — это были стены. Мне казалось, что они аршина на полтора, начиная от пола, были обиты черным бархатом, а выше выкрашены в казенный бледно-бланжевый цвет. Для красоты под потолок шла красная полоса в виде бордюра. Я подошел к стене и увидел, что этот бархат был ни что иное, как черно-зеленоватая плесень, покрывавшая бархатным ковром всю нижнюю часть стены; повыше она изменяла цвет на бледно-розовый, далее же — на белый и располагалась уже не таким толстым слоем. Стекла были матовыми и на них лежали черными полосами тени перекладин решетки. Налево от входа весь угол наполняла огромная изразцовая печь, топившаяся из коридора; несколько ближе к двери — деревянное учреждение с ведром. В расстоянии аршина полтора от левой стены стояла деревянная кровать, покрытая ветхим одеялом старомодного рисунка, бывшим некогда белым с красными полосками, но пожелтевшим от времени. У кровати стоял деревянный крашеный стол, ящик из которого был вынут, и такой же стул с высокой спинкой. На столе стояла большая глиняная

кружка с водою, жестяная лампочка и коробка шведских спичек.

Порядок жизни в Алексеевском равелине не отличался много от того, который был в Трубецком бастионе: утром, с семи часов, начинался обход камер и раздача хлеба, тут же начиналась прогулка для тех, чья очередь приходилась в данный день. Так как ежедневно гуляла только половина тюрьмы, то к 9 часам прогулка кончалась, потом приходил доктор, и, затем, до вечера наступала такая тишина, какая в Трубецком бывала только по ночам, да и то не всегда. Ровно в полдень слышались шаги солдат, несущих обед, и звяканье шпор Ирода (так заключенные прозвали смотрителя). Затем раздавалось хлопанье дверей и грохот засовов, которыми сопровождалась всякая раздача пищи. Белье меняли каждую субботу; по субботам же, раз в шесть недель, бывала у нас ванна. Мыла, тем паче зубного порошка я не видел все время заключения в Петропавловской крепости, кроме как в ванне; равным образом и другой, необходимой в житейском обиходе вещи — носового платка, считавшегося начальством тоже излишней роскошью».

Приведем из тех же воспоминаний главные моменты жизни заключенных, моменты, особенно сильно влиявшие на психику.

Момент первый. — «Ну, иди!» — обращаясь ко мне, сказал капитан Домашнев. Я просто остолбенел и не тронулся с места... В первый раз услышал я обращение на «ты»... и кровь ударила мне в голову. Трудно передать, что я почувствовал в течение нескольких следующих секунд. Я знал, конечно, что со мной не будут обращаться, как с принцем крови; я, казалось, был готов ко всем страданиям, лишениям, унижениям; я говорил, что такого рода нравственные надругательства, как бритье головы, кандалы, обращение на «ты», не могут иметь в моих глазах

характера личного оскорбления. Это — общеобязательная, прилагаемая ко всем каторжным норма, это — одно из средств, которыми существующий государственный строй борется со своими врагами... и много и много рассуждал я в этом роде, но увы! не в первый раз оказалось, что броня философии не в силах защитить от комариного укуса. Ум может говорить, что ему угодно, но всякая логика бессильна, когда чувство в разладе с умом... ».

Момент второй. — «Надо раздеться», — обратился он ко мне. Меня обступили вошедшие вслед за ним присяжные и жандармы, и, при помощи дюжины умелых рук, через две минуты я остался в чем мать родила. Один взял мою шляпу и передал ее другому, тот третьему, и в один миг она исчезла из камеры. В тоже время один тащил с меня пальто за левый рукав, другой — за правый, третий стал на одно колено и снимал с меня штилеты. Я поразился быстротой и отчетливостью, с какой все это делалось: не было ни суетни, ни толкотни, ни излишней поспешности, а дело так и кипело. Видно было, что это дело им очень знакомо, и в нем выработались свои определенные приемы.

Когда я был совершенно раздет, то две пары дюжих рук легли ко мне на плечи, и я опустился на стул, неведомо откуда появившийся. Тут началась последняя и вместе с тем самая тяжелая, самая унижительная часть обыска. Один стал перебирать мои волосы гребенкой и пальцами, другой искал, не запрятано ли что-нибудь между пальцами ног, третий полез ко мне в ухо, а двое, держа меня за руки, шарили под мышками. Искали, словом, везде, где только можно было предположить какую-либо контрабанду. Я никогда бы не поверил, что служебное рвение может простираться так далеко. При первом прикосновении жандармских лап у меня потемнело в глазах, и я видел рой каких-то

блестящих точек, прыгающих по всем направлениям. Да, встряска была порядочная!»

И, наконец, момент третий. «Алексеевский рavelин был ужасным и таинственным местом заключения, входя в которое нужно было «оставить всякую надежду». Здесь человек терял свое имя, здесь не допускалось никаких сношений — ни личных, ни письменных, даже с самыми близкими родственниками: арестант умирал для всего мира. Здесь не было никакого закона, кроме монаршей воли, и эту тюрьму посещали только царь, шеф жандармов и комендант крепости».

И несмотря на все это, вот какие воспоминания о месте прогулки — тюремном садике □ сохранились у арестанта Алексеевского рavelина:

«Летом наш садик имел очень миленький вид: все в нем цвело и зеленело, клумбы покрывались лилиями, листва березок так приятно ласкала взгляд; но и они, бедняжки, испытывали на себе влияние неволи. Растя как бы на дне колодца — поверхность сада была ниже пола зданий — окруженные стенами, они жадно тянулись к теплу и свету, а потому были гораздо тоньше, чем должно было им быть; но все же росли они хорошо и сравнялись уже верхушками с коньком крыши тюремного здания. Про липу и говорить нечего; она уже давно переросла крышу, и вершина ее всегда была залита солнечным светом. Яблони роскошно цвели весной и приносили к осени много яблок, которые, однако, почти все обрывали жандармы, даже не давая им вызреть как следует. В саду росли еще: старая ветвистая бузина — излюбленное место воробьиных собраний, точно клуб какой-то, где всегда раздавалось задорное чиликанье, так приятно нарушавшее тюремную тишину. Кусты по краям дорожки краснели от ягод. Одна только елочка, посаженная, видимо, недавно кем-нибудь из наших ближайших

предшественников — Ширяевым или Нечаевым, — хирела, словно тоскуя о родном просторе моховых болот.

Порой так приятно было сидеть на скамеечке под липой, в тени которой сидело несколько поколений русских радикалов, любоваться зеленью, цветами, следить за тем, как в лазурном небе пробегают белые облачка и парят с резким криком чайки, — наши волжские «мартышки», — сверкая на солнце белым брюшком, так напомиравшие мне много, много счастливых минут, пережитых мной еще в недалеком прошлом, но которое казалось теперь таким далеким. Тюремная стена так круто и резко отрезала меня от него, что теперешняя моя жизнь казалась не продолжением этого прошлого, а каким-то новым, вторым существованием, несколько не похожим на бывшее. Я жадно прислушивался ко всем долетавшим до меня звукам: и пароходные свистки, и доносившаяся по временам музыка из Летнего сада, и рев слона в Зоологическом саду, что был на Петербургской стороне — все, все звуки — (особенно отчетливые по вечерам: теперь нас было так много, что прогулка тянулась весь день с утра до сумерек) — напоминали мне о жизни, которая «играет у гробового входа» жизни, ставшей теперь такой чуждой, такой далекой, далекой!»

В начале XX в. в Петропавловку попали виновники сдачи Порт-Артура японцам Стессель и Небогатов, приговоренные к смертной казни. Этот приговор был заменен на десятилетний срок в крепости.

После введения военно-полевых судов работы в Петропавловской крепости прибавилось. Первым процессом такого суда в Петербурге было «Дело о нападении 14 октября 1906 года на помощника казначея С.-Петербургской портовой таможни». Привлекалось 12 человек, все они сидели в Петропавловке. Восемь из них были повешены там же.

Карета под охраной шести конных жандармов везла деньги на общую сумму в полмиллиона рублей — золотом, кредитными билетами, купонами и пр. Вдруг раздались взрывы бомб, брошенных под ноги лошадям. Началась стрельба. Налетчики похватали мешки и побросали их в свой экипаж, где сидела хорошо одетая дама (как выяснилось, Адель Коган, исчезнувшая навсегда). Экипаж умчался. Двое нападавших были убиты, один застрелился, видя, что бежать невозможно. Ранены четыре дворника (один смертельно), три жандарма, таможенник и двое прохожих. Через две недели полиция заключила в крепость Владимира Лихтенштадта, признавшегося в изготовлении им бомб для этой акции, а также для взрыва дачи Столыпина на Аптекарском острове.

В 1908 г. были арестованы десять человек, на квартирах которых обнаружено большое количество бомб, револьверов и пр. Это была группа, готовящая различные покушения на государственных лиц. Семерых из них через неделю заключения в крепости повесили. Это дело любопытно тем, что среди десятерых находился обвиняемый с итальянским паспортом Марио Кальвино. Итальянское министерство иностранных дел телеграфировало просьбу о помиловании, итальянский посол в России просил у департамента полиции встречи с узником. Но когда один из защитников потребовал отсрочки судебного заседания ввиду иностранного подданства подсудимого, председатель оборвал его: «Подсудимый Кальвино, не называющий своей фамилии, должен считаться русским подданным, хотя бы из Шклова или Бердичева». Председатель оказался не прав: как выяснилось, обвиняемый был из Одессы.

Война 1914 г. вызвала приток в Петропавловку крупных немецких шпионов: Лерхенфельда и др.

А в 1916 г. туда был заключен военный министр Сухомлинов, подозревавшийся в связях с немецкой разведкой. Дело его продолжало рассматривать уже Временное правительство: Сухомлинов был переведен в петроградскую тюрьму «Кресты», откуда в мае 1918 г. освобожден (!) по амнистии. Он тотчас же перебрался в Германию. Видно, хорошую службу сослужил он в свое время будущим членам «рабоче-крестьянского» правительства.

Мария Шкапская

Город спал во сне непробудном
До утра, всю ночь напролет,
Но работал громко и трудно
В Петропавловской пулемет.

И над нею пели метели
И гигантская тень Петра
На невероятных качелях
Качалась всю ночь до утра.

И была угрюмая жалость
На страшном Петровом лице,
И с Петром Россия качалась
На доске, на другом конце.

Были руки до крови стерты,
И была живая едва,
И болталась, словно у мертвой,
Седая ее голова.

Но летели качели в тучи
До утра, всю ночь напролет,

И всю ночь работал трескучий
В Петропавловской пулемет.

1922

В январе 1919 г. в Петропавловской крепости расстреляны великие князья Романов Георгий Михайлович, Романов Николай Михайлович, Романов Дмитрий Константинович, Романов Павел Александрович.

«Слушали: Об утверждении высшей меры наказания чл. быв. императорск.-Романовск. своры. Постановили: Приговор ВЧК к лицам быв. имп. своры — утвердить, сообщив об этом народу».

Крепость Орешек заложили новгородцы на Ладожском озере в 1323 г. Петр I назвал ее Шлиссельбургом.

Николай Огарев писал:

А там далеко за Невой
Еще страшней чернелось зданье
С зубчатой мрачною стеной
И рядом башен. Вопль, рыдания
И жертв напрасных стон глухой,
Проклятий полный и страданья,
Мне ветер нес с тех берегов
Сквозь стуки льдин и плеск валов.
Дворец! Тюрма! Зачем сквозь тьму
Глядите вы здесь друг на друга?
Ужель навек она ему
Рабыня, злобная подруга?

Первым узником здесь стала царевна Марья Алексеевна, дочь царя Алексея Михайловича. Есть свидетельства, что она умерла от голода. А вина ее заключалась в том, что царевна состояла в переписке с первой женой Петра Великого Евдокией Лопухиной. Лопухина сначала была сослана в Суздальский Покровский монастырь и пострижена в монахини. Но Евдокия отказалась признать насильный постриг и носила мирское платье. Она была молода, красива, 25 лет. Приехав по службе в Суздаль, генерал-майор Глебов увлекся ею. Петру донесли, и Глебова посадили на кол, а Евдокию сослали в Ладожский монастырь. После смерти Петра Екатерина I, видя в Лопухиной возможную претендентку на престол, велела заточить ее в Шлиссельбургскую крепость.

При бироновщине в крепость попали князья Долгорукие. Но уже через год — в 1740 г.— туда был водворен и сам Бирон с семьей.

Самый знаменитый узник Шлиссельбургской крепости, конечно, Иоанн Антонович.

Малышом, двух месяцев от роду, его провозгласили императором, но через год престол захватила Елизавета Петровна.

Детство свое пришлось Иоанну провести в северном краю, в Холмогорах под неусыпным надзором. Шестнадцати лет его тайно привезли в Шлиссельбург. Даже комендант не должен был знать, кто его узник. Один из тюремщиков обучил его грамоте по Библии.

Воцарившись, Петр III навестил Иоанна, что произвело на молодого императора тяжелое впечатление: юноша был нервен, психически расстроен...

При попытке подпоручика Мировича освободить Иоанна тот был убит, согласно тюремной инструкции.

XVII в. дал раскол; много хлопот доставляли властям, в частности, беспоповцы, называвшие

императора антихристом, а чиновников — его слугами.

В Шлиссельбургскую крепость привезли раскольника-проповедника Круглого, закованного в ручные и ножные кандалы. Вот как предписывалось его содержать; «посадить в палату такую, мимо которой бы народного хода никакого не было, и у оной палаты, где посажен будет, как двери, так и окошки все закласть наглухо в самом же скорейшем времени, оставя одно малое оконце, в которое на каждый день к пропитанию его, Круглого, по пропорции подавать хлеб и воду, и приставить к той палате крепкий и осторожный караул, и велеть оным крепко предостерегать, дабы к тому оконцу до него, Круглого, ни под каким видом никто б допускаем не был, и ником же образом оный Круглый утечки учинить не мог. Тако ж и тем определенным на караул при той палате солдатам, которые и пищу подавать будут, с ним, Круглым, никаких разговоров отнюдь не иметь под опасением за преступление тягчайшего истязания».

Практически замурованный колодник с первого дня отказался от подаваемого в оконце хлеба и брал лишь воду, а спустя две недели и ее брать перестал. Еще через две недели разобрали стену «палаты» и увидели, что Круглый умер.

В 1757 г. в крепость был заключен предводитель башкирского восстания Батырша. Восстание возникло на религиозной почве и было подавлено. Батырша бежал, скрывался всю зиму в яме, но его поймали. В крепости он просидел, скованный по рукам и ногам, пять лет. Когда однажды часовой уснул, «оный колодник взял принесенный солдатом Хомуговым топор, поодиночке у капрала Никитина тем топором голову разрубил надвое; у солдата Хомутова головы левую сторону разрубил и правый висок проломил; у Лазарева в двух местах брюхо пропорото; у Епифанова, который

был на часах, в двух местах голову разрубил же». Но убежать не удалось.

За попытки ограничить царскую власть в каземат Шлиссельбургской крепости попал князь Дм.Голицын.

В конце XVIII в., в 1792 г. в крепость заключают крупного деятеля и просветителя екатерининской эпохи Николая Новикова. Он издавал несколько журналов, открыл различные школы, выпустил множество разных книг. Первая русская общественная библиотека-читальня возникла тоже при содействии Новикова.

Состоя в масонской ложе, Новиков старался все же издавать определенные книги.

Так, в 1784 г. вышла работа немецкого ученого-богослова Арндта «Об истинном христианстве», запрещенная еще покойной Елизаветой. Императрица издает указ, запрещающий светским типографиям печатать духовную литературу. Усилились гонения на масонов, и Новиков был арестован и заключен на четыре года в камеру, где когда-то находился Иоанн Антонович. Лишь в 1796 г. император Павел позволил ему поселиться в своем имении.

В это же время в Шлиссельбургской крепости сидели:

- 1) Савва Свирский — за фальшивые монеты;
- 2) сын пономаря Григорий Зайцев «за ложное и дерзкое разглашение и буйственное поведение»;
- 3) беглый арестант Протопопов «за отвращение от веры и неповиновение церкви»;
- 4) бывший унтер-офицер Кузнецов «за фальшивые монеты на 10 лет»;
- 5) бывший поручик Карнович «за продажу чужих людей, за сочинение печатей и паспортов и дерзкое разглашение».

О Новикове же сказано: «за содержание масонской секты, за печатание касающихся до оной развращенных

книг».

Седьмым шел доктор Багрянский — «за перевод развращенных книг».

Поручик Федор Кречетов был из тех неугомонных во все времена людей, которые не могут без общественной деятельности. Он подавал императрице, Синоду, разным вельможам всевозможные проекты переустройства государства, увлекался французскими энциклопедистами, перевел книгу Пуфендора «О должности человека и гражданина». Императрица отнеслась к нему подозрительно, и в Рождество 1794 г. Кречетова привезли в Шлиссельбургскую крепость. Генерал-прокурор Самойлов докладывал Екатерине: «Из его мыслей и произносимых слов видно, что он не хочет, чтоб были монархи, а заботится более о равенстве и вольности для всех вообще, ибо он, между прочим, сказал, что раз дворянам сделали вольность, для чего же не распространить оную и на крестьян, ведь и они такие же человеки».

В заключении Кречетов пробыл шесть лет, освобожден совершенно больным по случаю вступления на престол Александра I.

Также заключили в крепость в 1818 г. полковника Бока — «за намерение его представить лифляндскому дворянству проект введения в России представительного правления». Спустя десять лет он сошел с ума.

Сидел в этой тюрьме надворный советник Рогов, явно ненормальный. Вина его заключалась в том, что он, придя к себе на службу, стал писать от имени императора Павла указ, намереваясь огласить его в соборе. Даже семью Рогова отправили в Сибирь, а сам несчастный умер в заточении. И немудрено, ибо предписывалось «посадить оного Рогова в крепость в крепкую такую камеру, где бы оный никого видеть не мог, приставивши к нему для караула одного унтер-

офицера и солдат трех человек... Разговоров с ним никаких, особливо о его деле, по которому он подвержен сему содержанию, отнюдь не иметь и ни под каким видом у него не спрашивать...»

Находился там и лишенный чина, бывший надворный советник Колычев, постриженный когда-то в монахи, но сбежавший из монастыря. Его приговорили к вечному заточению.

Государственное преступление солдата Алашева состояло в том, что он, бросив камень, разбил фонарь в Зимнем дворце. Его присудили к трем годам.

При императорах Павле и Александре здесь сидели крестьянин Свирский за подделку ассигнаций и генерал-майор Раевский за карточную игру...

Были также арестанты, попавшие в крепость за дерзость начальству, за противоправительственные сочинения, за незаконное присвоение земли, сектанты, участники бунтов...

При императоре Павле в Шлиссельбургскую крепость было заключено 4 9 человек — 46 мужчин и три женщины. Из них 22 военных: от подпоручика до генерал-майора. Пятеро — гражданские чиновники.

Там были одна княжна, князь с женой, один купец, два ксендза, два поляка, несколько человек крестьян.

В списке узников крепости за 1821 г. указываются 18 человек. Это уже известный нам полковник Бок, подпоручик Калинин, барон Менус, польский ротмистр Мощинский — «безнравственный, буйный и безнадежный к исправлению» и оставивший память потомкам Н. В. Каразин — автор более шестидесяти научных работ, общественный деятель, особенно пользовавшийся популярностью у себя в Малороссии. Это был инициатор народного образования; Герцен вспоминал его как «неутомимого работника на общую пользу, бравшегося за все с необыкновенной энергией, толкавшегося во все двери и встретившего везде отпор,

препятствия и невозможность в этой среде произвести что-нибудь путное».

Другие же находили Каразина двуличным, приспособленцем. Причина заключения Каразина в каземат неясна. Предположительно, его заподозрили в составлении антиправительственной прокламации, найденной у солдат Семеновского полка. Отсидел Каразин год и был выслан в свое имение.

Имеется также список узников Шлиссельбургской крепости за 1826—1870 годы. За что же они были заключены? Приведем некоторые факты.

Сын театрального антрепренера Соковнин — за подлоги и мошеннической сбор ополчения.

Регистратор Вишневский — за дерзкие выражения против правительства.

Крепостной Сергеев — юродивый, за религиозные нелепости. Есаул Котельников — за отступление от православия. Чиновник Конов — за государственную измену. Минский помещик Черновский — за уголовные преступления. Шляхтич Шикер — за государственное преступление. Отставной чиновник Нимзе — за неосновательные доносы. Отставной генерал Деканор — за связь с дочерью. Священник Романов — за политические предсказания. Адельт, контролер польского банка — подлоги. Нилус — карточный шулер.

Зачастую сидели люди уже ненормальные. О священнике Романове, например, доносилось: «Нельзя описать всех подвигов этого несчастного сумасброда, так они гадки и отвратительны. Каждый день надо мыть и его самого и комнату, потому что и при самых строгих наблюдениях он всячески успевает вымазать себя с ног до головы собственными испражнениями. Неугомонный крик и порывы все бить, ломать, коверкать с избытком становятся тяжки. Посему позволю себе смелость доложить вашему сиятельству, что ему необходимо постоянное лечение».

Самым молодым заключенным этой поры был 16-летний граф Ефи-мовский. Его за шалости исключили из пажеского корпуса и вдобавок высекли. Молодой граф обиделся и придумал себе герб с перефразированной надписью: «На обломках самовластья напишем имена свои». Он хотел прижечь себе такое клеймо и организовать тайное общество для мщения.

Из декабристов в Шлиссельбургской крепости находились подполковник Иосиф Поджио — восемь лет, Михаил и Николай Бестужевы — год, затем — в Сибирь, Иван Пущин, генерал-интендант Юшневский, мичман Дивов, князь Барятинский и другие.

В 1827 г. сюда попадают студент Василий Критский и канцелярский чиновник кремлевской экспедиции Данила Тюриниз — члены тайного общества, деятельность которого состояла из либеральных бесед да пения «дерзновенных стихов».

Знаменитый революционер, теоретик анархизма Михаил Бакунин попал в крепость в 1854 г, и провел там три года (перед этим три в Петропавловке). Потом его сослали в Восточную Сибирь, откуда Бакунин бежал в Америку. Он вспоминал: «У меня открылась цинготная болезнь и повыпали все зубы... Страшная вещь — пожизненное заключение: влачить жизнь без цели, без надежды, без интереса... Что бы я ни делал, что бы ни читал, даже во время сна я не переставал чувствовать какое-то беспокойное ворчание в сердце и в печени: я раб, я мертвец, я труп... Если б во мне оставалась религия, то она окончательно рушилась бы в крепости... Я одного только желал—не унизиться до того, чтобы искать утешения в каком бы то ни было обмане, сохранить до конца в целостности святое чувство бунта».

А между тем в крепость попадали и люди, совершенно противоположные: например, курляндский дворянин Бринкен. Он надевал разную военную форму, выдавал себя за графа и выбирал в магазинах отрезы

дорогого сукна. Отделяваясь под различными предложениями от приказчика, он скрывался, не оплачивая сукно. Дело Бринкена царь передал на рассмотрение курляндскому дворянству, и после Шлиссельбурга тот был лишен дворянского звания и отдан в солдаты под фамилией Егоров.

Полгода содержался в крепости граф Потоцкий, попавший туда за какие-то проделки совсем не политического характера. Граф обладал огромным состоянием и постарался сгладить свою жизнь заключенного. В его камере висели шторы, на стенах — картины, пол устилал ковер. Вокруг стояли кресла, обитые сафьяном. Арестантское ложе покрывала лосиная кожа. Из рестораций ему привозили жареную телятину, рябчиков, фрукты, ликеры и водку. Последнюю — в огромных количествах.

И каким контрастом явилось заключение земляка Потоцкого — поляка Бронислава Шварце, члена комитета польского восстания 1863 г.!

В начале XX века переведены были на русский язык его записки «Семь лет в Шлиссельбурге».

Вот тогдашнее жилище Шварце:

«Три шага в ширину, шесть — в длину, или, говоря точнее, одна сажень и две, — таковы размеры третьего номера. Белые стены, с темной широкой полосой внизу, подпирали белый же потолок. На значительной высоте находилось окно, зарешеченное изнутри дюймовыми железными полосами, между которыми, однако, легко могла бы пролезть голова ребенка. Под окном, снабженным широким деревянным подоконником, стоял зеленый столик крохотных размеров, а при нем такого же цвета табурет; у стены обыкновенная деревянная койка с тощим матрацем, покрытым серым больничным одеялом; в углу, у двери, классическая «параша». На острове было необыкновенно сыро, в особенности на северной стороне, где я сидел и где никогда не

показывалось солнце. Достаточно было белью пролежать несколько дней в камере, как оно совершенно покрывалось плесенью».

Далее Шварце пишет: «Хотя пища была хорошая, даже со сладким, но давали ее мало и только по разу в день. Три года я голодал, пока не привык».

Далее за 22 года (1884—1906 гг.) в Шлиссельбургской крепости просидело 69 узников. Это пропагандисты 70-х годов, члены «Земли и Воли», «Черного передела» и пр. Среди них — четыре женщины: Фигнер, Волкенштейн, Гинзбург и Коноплянникова.

В 1905 г. состоялось высочайшее повеление об упразднении Шлис-сельбургской государственной тюрьмы и существующей при ней охраны.

АКАДЕМИЯ НАУК

Наука не пиво, в рот не вольешь.

Русская поговорка

Образование в России стало насущной потребностью — именно этим объясняется появление множества проектов и докладов царю, в которых авторы излагали свои взгляды на необходимость просвещения.

В 1718 г. Петр I писал: «Сделать Академию, а ныне приискать из русских, кто учен и к тому склонность имеет, также начать переводить книги юриспруденции и прочие кто сие учинить сего году начало».

Петр неоднократно вспоминал русскую пословицу: «Легча де всякое новое дело с богом начать и кончить, нежели старое испорченное дело починить». Этой народной мудростью Петр I руководствовался при учреждении Академии наук.

К этому времени он сам был избран в члены Парижской Академии наук в 1717 г.

Смерть прервала деятельность Петра, и создание Академии было завершено при Екатерине I.

В апреле 1725 г. был предоставлен для будущих членов Академии и студентов дом Шафирова на Петербургской стороне и дворец царицы Прасковьи Федоровны, строительство которого к тому времени было вчерне закончено.

В декабре 1725 г. состоялось первое торжественное заседание.

Почти с самого начала своего существования Академия наук испытывала недостаток в помещениях. В связи с этим понятно возникновение ряда проектов зданий для нее. Каждый из них предусматривал решение здания не изолированно, а в комплексе с существовавшими в то время зданиями Кунсткамеры и дворца Прасковьи Федоровны.

В 1733 г. архитектор Трезини разработал проект академического здания, представлявшего собой двухэтажный дом, охватывающий с трех сторон Кунсткамеру и дворец Прасковьи Федоровны. Ни этот проект, ни несколько иная редакция его, принадлежащая архитектору Шумахеру, не были осуществлены.

В 1737 г. архитектором Ферстером был предложен проект, идея которого заключалась в строительстве нового здания симметрично зданию бывшего дворца Прасковьи Федоровны. При осуществлении этого проекта Кунсткамера с башней занимала бы центральное положение, по обеим сторонам ее были бы расположены одинаковые по величине, объему и архитектурной обработке здания.

Весьма интересный проект был выдвинут Канцелярией от строений. Содержание его заключалось в том, что здание, во всем подобное Кунсткамере,

располагалось по другую сторону дворца Прасковьи Федоровны. Рядом с Кунсткамерой предусматривалось здание параллельно зданию Двенадцати коллегий, между которыми устраивалась гавань. Площадь перед зданием Двенадцати коллегий с монументом Петра I со стороны стрелки оформлялась открытой галереей.

Реальных возможностей для осуществления этого проекта, очевидно, не было; кроме того, расположение двух зданий (подобных Кунсткамере) с башнями на близком расстоянии не признавалось удачным объемным решением.

Наконец, несколько слов о последнем известном нам проекте Ломоносова. Ломоносов предложил в 1757 г. объединить все академические здания вместе наподобие шляхетского кадетского корпуса.

Время шло, но ни один из рассмотренных проектов не был осуществлен. И только через 50 лет после появления одного из первых проектов начато было строительство дошедшего до нас так называемого главного здания Академии наук по проекту архитектора Кваренги.

Главное здание Академии наук строилось четыре года — с 1783 по 1787 г. Руководил строительством архитектор Жерве. Здание было выстроено довольно быстро (если принять во внимание строительную технику того времени и сезонность работ) и представляет собой трехэтажное здание, прямоугольное в плане и с незначительными выступами по бокам и в центре, с толстыми стенами, достигающими до полутора метров в нижних частях. Высокий, около трех метров, первый этаж трактуется как цоколь, облицованный крупными гранитными чистойковки камнями. Выдвинутый вперед в центре здания цоколь служит основанием восьмиколонного портика ионического ордера (на всю высоту здания) с фронтонным завершением. Профили антаблемента и

подоконные тяги опоясывают здание со всех четырех сторон.

Две гранитные наружные лестницы (главного и дворового фасада) на выдвинутых вперед частях цоколя ведут во второй этаж. Среднюю часть дворового фасада также украшает фронто́н, поставленный непосредственно на карниз.

Здание в стиле строгого классицизма, грандиозный портик которого на фоне гладких, лишенных каких-либо украшений стен, опоясанных тремя горизонтальными подоконными тягами простого профиля, более, чем какое-либо другое, соответствует такому учреждению, как Академия наук.

Из внутренних помещений художественный интерес представляет вестибюль с одномаршевой с двумя площадками лестницей, ведущей из второго в третий этаж. На торцовой стене лестницы находится мозаика Ломоносова «Полтавский бой».

На третьем этаже две двери в торцовой стене ведут в конференц-зал, противоположная сторона которого украшена четырьмя колоннами коринфского ордера. Колонны отделаны искусственным мрамором. За ними полуциркулярная ниша, перекрытая полусферическим кессонированным сводом. Лепные наличники, изображающие грозди винограда с листьями, обрамляют оконные и дверные проемы, над которыми помещены орлы со спускающимися гирляндами. Камин из белого мрамора между дверями. Потолок зала с ложным зеркальным сводом расписан по выкружным кессонам. В углах зала и середине стен роспись прерывается симметричным орнаментом с аллегорическими изображениями.

Овальный зал интересен лишь своим плановым решением: стены с четырьмя нишами и сводчатые потолки с широкими карнизами — это все, что его украшает.

Малый конференц-зал, кроме лепных наличников входных дверей, никаких других художественных украшений не имеет.

Активная деятельность Петербургской Академии наук была обусловлена проходившими в стране важнейшими социокультурными сдвигами. Вслед за А. К. Нартовым, в 1712 г. создавшим первый станок с механическим суппортом, в 1764—1766 гг. И. И. Ползунов разработал проект и построил первую в мире паровую машину для приведения в действие заводских механизмов. В академических мастерских трудились десятки талантливых изобретателей. Механик Академии И. П. Кулибин в 70-х годах создал конструкцию однопролетного моста через Неву, смастерил десятки новых точнейших приборов и машин, в том числе ледоходное судно. Различными рабочими машинами на уральских, олонецких, тульских, московских предприятиях управляли специалисты, окончившие цифровые, математические или навигационные, а также другие технические школы. Развертывалось издание книг и резко улучшалась подготовка «руководителей работ». На просвещение обращают внимание официальные круги. Специфической чертой русской Академии было то, что она с самого начала являлась правительственной, а не общественно-научной организацией. Она имела твердый государственный бюджет, заботами Петра I обеспечена была превосходными вспомогательными учреждениями. Ей отдали в пользование образованную еще в начале века первую российскую библиотеку, а также созданную в 1714 г. знаменитую Кунсткамеру — музей с естественно-историческими коллекциями. Для ее нужд построили обсерваторию, физический кабинет, инструментальные мастерские, типографию, создали анатомический театр, Ботанический сад,

Гравировальную и Рисовальную палаты и ряд других подсобных учреждений.

В создании Академии непосредственное участие принимали некоторые крупные зарубежные ученые и философы, а также члены «Петровской ученой дружины». Особую активность проявил Лейбниц, чье заключение — «России нельзя быть без академии» — стало девизом для сторонников российского Просвещения. Большую помощь оказали ученые Берлинской, Шведской, Болонской, Парижской академий. Лондонского королевского общества. Научные кадры этих учреждений годами и десятилетиями оставались в России, творчески развивая главные направления деятельности молодых академических сил Петербурга. В составе новой академии первоначально преобладали европейские, в основном немецкие, ученые. Однако постепенно расширялся российский национальный контингент.

Определенное содействие этому процессу оказал академический университет, который просуществовал недолго: с самого начала его состав был малочисленным. Оживление системы обучения здесь связано было с именем М. В. Ломоносова, который, став куратором академического университета, уделял большое внимание этому учебному заведению, сыгравшему немалую роль в его собственной судьбе. Внимание Ломоносова к университетской молодежи способствовало формированию отечественных научных кадров. Первым президентом Академии наук был Лаврентий Блюментрост (1681—1734) — воспитанник академической гимназии пастора Глюка, медик-практик, до назначения президентом — лейб-лекарь императорского двора.

Большой след в истории Академии наук оставил швейцарский естествоиспытатель, математик, механик, физик, химик, физиолог Даниил Бернулли (1700—1782).

Будучи блестящим экспериментатором, он многое сделал в области механики, гидродинамики и кинетической теории газов. Особое значение имели его работы по теории вероятностей, предлагавшие эффективные решения для различных задач на основе применения исчисления бесконечно малых. Он был ранним представителем своеобразного «синтетического» метода исследования явлений природы: механические, физические, химические, а временами и физиологические реалии рассматривались им в некоей совокупности. В результате выявляемые им законы действительного мира обретали общетеоретическое значение, глобальный, связной характер. Его интерес к проблемам питания человеческого организма, циркуляции крови инициировал антропологические исследования, стимулировал поиск оригинальных решений. Содействуя обоснованию современной картины мира, Д. Бернулли использовал математику и механику для обоснования исходных философских понятий.

Плодотворное влияние на развитие Академии оказал Леонард Эйлер (1707—1783) — гениальный математик, механик и химик, ботаник, географ, энциклопедист. Создатель петербургской математической школы, он воспитал целую плеяду талантливейших русских учеников. Прожив в Петербурге более 30 лет, Л. Эйлер создал свыше 1000 научных работ, десятки молодых ученых не теряли связей с ним, находились в творческой переписке. Л. Эйлер содействовал проявлению, раскрытию энциклопедических дарований Ломоносова.

Оставшийся в России после отъезда Эйлера-старшего во Францию сын действительного члена Петербургской Академии наук, магистр Эйлер-младший многое делал для организации в стране широкой системы математического образования, выпуска

учебников начальных и средних, высших технических и университетских учебных заведений.

Математические работы Л. Эйлера возвышались по ряду проблем над исследованиями Лейбница, Декарта, Д'Аламбера, опережали постановку и решение многих задач французской математической школы конца XVIII в.

Сильнейшее воздействие на обновление картины мира, побуждающее к новым открытиям в области механики и физики, в XVIII в. оказывала астрономия, занимавшая почетное место в Академии. Ряд обширных академических программ осуществил Ж.-Н. Делиль (1688—1768), возглавлявший астрономические исследования фактически на территории всей России. Центральная его обсерватория возвышалась тремя этажами над зданием Кунсткамеры. Закупленное за рубежом новейшее оборудование позволяло вести наблюдения, обеспечивающие комплексное изучение Луны и планет Солнечной системы, самого Солнца, звездного неба с целью уточнения навигационных карт и «масштабов Вселенной». Тщательно исследуя параметры кометных орбит, эллипсоиды планет, Делиль совершенствовал теорию небесной механики и физики в рамках астрономического учения Кеплера — Ньютона. В 1715 т. он стал главным инициатором международного конкурса, посвященного проблемам осевого вращения Венеры и ее прохождения по диску Солнца в 1761 и 1769 г. По проведенному общему объему работ и их результатам Академия «служила примером» для стран мирового сообщества. Известно, что в результате наблюдений уже в 1761 г. Ломоносов создал работу «Явление Венеры на Солнце», издал ее на русском и немецком языках, чем закрепил свой приоритет в целом ряде важных открытий в области астрономической науки. При поддержке Делиля была начата работа над созданием Ф. Т. Шаубертом трехтомной «Теоретической

астрономии», а еще ранее осуществлен большой объем астрогеодезических изысканий, увенчавшихся изданием Географическим департаментом Академии знаменитого Атласа Российской империи.

Называя имена иностранных ученых, прославившихся в стенах Академии, следует указать имя Каспара Фридриха Вольфа, который почти тридцать лет своей жизни проработал на поприще эпигенетики. Основатель эмбриологии, автор трактата «Теория зарождения», он опубликовал в России классическое исследование о формировании кишечника у куриного эмбриона, которое наряду с другими его выдающимися работами стало весомым аргументом в борьбе с преформистскими концепциями, отрицавшими постепенность в формировании органов особи в процессе эмбрионального развития. Скотоводческая и коневодческая практика в стране, ветеринария и медицина в работах «русской школы» Каспара Вольфа обретали экспериментально-теоретическую основу. Наряду с другими исследованиями в области биологии они содержали методологические выводы и отчетливо выраженный философский подтекст. Помощь иностранных ученых Академии позволяла постепенно ликвидировать отставание России в развитии естественных наук, решать достаточно быстро и эффективно народнохозяйственные задачи, проблемы подготовки национальных кадров.

Несмотря на трудности объективного и субъективного ряда, целый отряд «собственных», российских ученых (и не только русской национальности) оказались уже через 15—20 лет заметными сотрудниками различных академических департаментов и отделов, обществ и ассоциаций. Вскоре в Петербургской Академии наук начинают работать М. В. Ломоносов, М. Е. Головин, В. Ф. Зуев, П. Б. Иноходцев, С. К. Котельников, С. П. Крашенинников, И.

И. Лепехин, С. Я. Румовский и многие другие выдающиеся русские естествоиспытатели. Характерно, что немало ученых-практиков, находящихся на различных государственных должностях, продолжительное время сотрудничали в рамках академических департаментов и отделений, не занимая штатной должности непосредственно в Академии (В. Татищев, А. Кантемир, П. В. Постников, А. Д. Голицин, Б. И. Куракин, Ф. С. Салтыков-Щедрин, П. П. Шафиров и др.).

В деятельности Академии наук XVIII в. можно выделить условно четыре направления: 1) научно-исследовательское, 2) технико-прикладное, 3) культурно-просветительское и 4) педагогическое.

Разумеется, достижения в первой области были теснейшим образом связаны с последними и являлись главными в ряду академических занятий. Крупнейшие ученые-академики привлекались к преподаванию в академическом университете и гимназии: студентов закрепляли за учеными, делая нередко академиков ответственными за их успехи в учебе. Просветительская работа академического состава включала чтение публичных лекций для населения, участие в издании газеты «Санкт-Петербургские ведомости» и «Месячных исторических, генеалогических и географических Примечаний к Ведомостям», а также «Ученых записок Петербургской Академии наук». К просветительской и педагогической деятельности следует отнести те учебные пособия для гимназистов и студентов, которые были созданы академическими силами: «Руководство к арифметике» Л. Эйлера, «Краткое руководство к познанию простых «сложных машин» Г. В. Крафта, «Краткое руководство к географии» Л. Бакмейстера, «Сокращения первых оснований математики» С. К. Котельникова, «Плоская и сферическая тригонометрия» М. Е. Головина и т. п.

Научно-исследовательская и технико-прикладная деятельность академических учреждений являла собой генеральную и к тому же достаточно быстро окрепшую форму творческой работы сотрудников общероссийской Академии. Ее костяк очень быстро составили национальные, российские кадры, уже в XVIII в. вступавшие в творческие связи (практические и теоретические) почти со всеми академиями мира. После учреждения в 1759 г. звания члена-корреспондента значительно расширились и укрепились научные академические контакты. Петербургская Академия имела широкий круг почетных членов (Х. Вольф, И. Бернулли, Ф. Вольтер, П. Мопертюи, Д. Дидро, Р. Реомюр, Ж. Д'Аламбер, К. Линней, Б. Франклин и т. д.). Ведущие ученые России избирались в состав иностранных академий. Труды Академии издавались на латинском языке и привлекали внимание ученых за пределами страны.

Академическая типография — первоначально единственная светская в стране — в течение XVIII в. выпустила в свет большой объем естественнонаучной и философской (в широком значении этого слова) литературы, в том числе переводной. Все «три класса» научного профиля Академии: 1) математический, 2) физический (включая физиологию, анатомию, ботанику и химию) и 3) гуманитарный (словесность, поэзия, риторика, этика, эстетика, художественная литература, журналистика и т. п.) □ нашли отражение в книгоиздательской деятельности Петербургской Академии наук. Анализ академической книжной продукции XVIII в. свидетельствует о бурном росте работ просветительского, естественнонаучного, технико-прикладного и культурологического содержания. При общем росте количества названий, тиражей и объемов (в печатных листах) изданий в середине века (1747) приоритет остается за

литературоведением и языкознанием (1-е место), затем следуют естествознание (2-е место), философия, этика и история (3-е место) . Тираж книг, изданных в академической типографии за три года (1750—1753), увеличивается по сравнению с предшествующим трехлетним периодом почти в 2,5 раза (54,5 тыс. и 133 тыс.). Объем академических изданий к концу века вырастает, достигая сотен и сотен тысяч экземпляров научных, учебно-просветительских книг .

В Академии тесно сотрудничали зарубежные и отечественные ученые. Показательна в этом отношении область математических знаний, разработка которых первоначально возглавлялась Бернулли и Эйлером. Оба великих математика, а затем и их российские ученики горячо пропагандировали классический труд И. Ньютона «Математические начала натуральной философии» (1687), работы Г. Лейбница и Р. Декарта по теории бесконечно малых. С ними сотрудничали преподаватель математики, механики и геодезии в академическом университете С. К. Котельников, русский академик С. Я. Румовский и др. Работы академических математиков содействовали выработке космогонических и онтологических представлений, философских концепций по проблемам метода и соотносимости категорий.

Любопытно, как быстро менялись некоторые научные принципы в связи с интенсивной работой ученых Академии наук. Преподаватель Морской академии, начавшей функционировать раньше, в 1722 г. издал свою «науку статическую, или Механику», а уже в 1726 г. принципы этого учебника были пересмотрены сторонниками не статической, а динамической механики, чьи исследования в Академии наук опирались на принципы движения и изменения как на атрибутику тел и явлений природы. Их вывод — «наука может открывать истины, только признавая

движение» — стал в России со второй трети XVIII в. внедряться в сознание ученых как «генеральная линия» развития физики, химии, механики, астрономии и т. п., отражавшая процесс формирования картины мира.

Петербургская Академия наук немало способствовала народным дарованиям.

Мы не знаем, кому первому пришла в голову здравая мысль, что для приведения повозки в движение вовсе не обязательно ее толкать или тащить - достаточно для той же цели вращать колеса, сидя в самой повозке, — но, несомненно, этот человек стоял очень близко к гениальности, если ему удалось преодолеть вековое привычное мнение: повозку нужно тянуть.

Есть все основания думать, что таким гением и был Леонтий Шамшуренков, крестьянин Нижегородской губернии, живший в первой половине XVIII в.

Первоначальную известность Шамшуренкову доставила модель «снаряда», изобретенного им для поднятия на колокольню Ивана Великого царь-колокола, незадолго до того перелитого.

Первоначальный царь-колокол был отлит в самом конце XVI в. по заказу царя Бориса Годунова, а затем перелит в 1654 г. Четырнадцать лет лежал колокол в яме, в коей был отлит, так как никто не брался поднять эту громадину весом в 8 тысяч пудов. Неизвестно, каким образом, но простой русский крестьянин, по должности — царский привратник, извлек колокол из ямы, установил его сначала на подмостках, а затем повесил на колокольне Ивана Великого. Однако в 1701 г., во время пожара, колокол упал и разбился, после чего подвергся новой, в два приема, переливке с увеличением его веса. При первой переливке химический состав металла не удовлетворил мастеров Ивана Федоровича и его сына Михаила Ивановича Моториных: они добавили олова в сплав и отлили тот самый колокол, который сохранился доныне.

И до сих пор царь-колокол превосходит по весу все колокола мира.

Немало велось по стране разговоров о колоколе. Появилось множество самых разнообразных проектов его поднятия, иногда дельных и остроумных, чаще нелепых или наивных. Шамшуренков в разговоры не вмешивался, но думал об этом деле много и в конце концов придумал свой «снаряд», о котором и решил довести до сведения властей.

Объяснения, записанные нижегородским дьяком со слов Шамшуренкова, были направлены в Петербург, в Военную коллегию, для изучения. Коллегия признала «оный снаряд к назначению пригодным» и вызвала Шамшуренкова в Москву.

В январе 1737 г. он приступил к работе по подъему колокола.

Но в мае того же года в Кремле произошел очередной большой пожар. Огонь охватил леса и подмости, окружавшие колокол, он упал, и при падении от него отвалился огромный кусок.

Поднимать его на колокольню было уже незачем. Он пролежал в яме почти сто лет. В 1831 г. Николай I велел вынуть его из земли и поставить на гранитный пьедестал.

Шамшуренков же вернулся домой. Там вступил в споры с воеводой, жаловался на него в столицу. Воевода засадил его в острог. Здесь Шамшуренков просидел много лет и сидел бы, вероятно, без конца, если бы не его изобретательский талант.

Из тюрьмы в 1741 г. он подал в нижегородскую губернскую канцелярию заявление «о сделании коляски самобеглой», где говорилось: «И такую коляску сделать могу доподлинно, так что она будет бегать без лошадей, только правима будет через инструменты двумя человеками, стоящими на той же коляске, кроме сидящих в ней праздных людей, а бегать будет хотя

через какое дальнейшее расстояние, и не только по ровному местоположению, но и к горе, буде где не весьма крутое место. А та-де коляска может сделана быть, конечно, через три месяца со всем совершенством, и для апробации на сделание первой такой коляски потребно из казны денег не более тридцати рублей, только б определено было помогать слесарным и кузнечным и прочих художеств мастерам, которые будут делать по данным мною моделям и за моим присмотром стальные и железные инструменты и всякие надлежащие материалы...»

Шамшуренков понимал, что ему могут не поверить, и ссылался на выданный когда-то документ, свидетельствующий о признании способа подъема колокола. Предлагал, если самобеглая коляска не получится, предать его смертной казни.

Прошло несколько месяцев. Шамшуренкова вызвали к следователю, но вместо ответа на свое прошение он получил сообщение о возбуждении против него обвинения «в помарании титула царского».

Шамшуренков был поражен.

Дело том, что он был неграмотен, и заявление об изобретении коляски с его слов было написано другим арестантом-сокамерником и переписано набело племянником Шамшуренкова. Кто же мог «помарать» бумагу?

Вскоре, однако, выяснилось, что племянник, переписывая в заголовке титул императрицы, перечеркнул его в черновике. Этот черновик недоброжелательные соседи передали начальству.

Только в 1742 г. дело «о помарании титула» прекратили, виду того, что племянник «учинил то от неисправного писания крестьянской своей простотою, а умыслу никакого к тому не было».

Шамшуренков же оставался в тюрьме.

Так прошло четырнадцать лет.

Через девять лет после подачи им заявления Московская сенатская контора обратилась наконец в Петербург с запросом, «не повелено ль будет показанную куриозную коляску реченному крестьянину Шамшуренкову для апробации делать и на нее предъявленную сумму из казны денег употребить».

В 1752 г. пришел указ прислать Шамшуренкова в Петербург.

Ему отвели квартиру при Канцелярии строений, дали помощников, материалы, нужные инструменты. На пропитание изобретателю выдавалось по 10 копеек в день. Специальный офицер, приставленный к делу, имел «смотрение, чтобы делание той коляски производилось со всяким поспешанием, а по окончании оной представить в Сенат коляску вместе с изобретателем».

«Смотрение» офицера было, конечно, излишним: изобретатель, поставивший всю свою судьбу в зависимость от успеха коляски, работал и день и ночь. Дело шло быстро, так как Шамшуренков, в сущности, только доводил до конца те свои опыты, которые делал дома до тюрьмы.

В начале ноября 1752 г. коляска была готова. Ее отправили в Сенат, а самому изобретателю разрешили вернуться на родину, наградив его 50 рублями, что было по тем временам изрядной суммой.

Изобретатель воспрянул духом и обратился в Сенат с новым предложением «сделать сани, которые будут ездить без лошадей зимою, а для пробы могут ходить и летом с нуждою».

Для своей самобеглой коляски он предлагал сделать часы — счетчик пройденного расстояния, укрепляемые на задней оси коляски. Эти часы, по уверению изобретателя, должны были вести счет до тысячи верст, причем «на всякой версте будет бить колокольчик».

Усовершенствованная коляска заинтересовала царицу Елизавету Петровну, и Сенату было приказано запросить изобретателя о стоимости работы и материалов. Шамшуренков немедленно ответил через канцелярию воеводы, что сани обойдутся в 50 рублей, а часы — в 80.

К сожалению, в архивах не сохранилось описание коляски и чертежей ее. Но, судя по переписке, Шамшуренков обладал чрезвычайно острой изобретательской мыслью и конструкция его коляски была оригинальной.

Этот выдающийся конструктор и техник до конца своей жизни, оборвавшейся неизвестно когда, выступал с самыми разными проектами.

Последние из его проектов, о которых дошли до нас сведения, носили грандиозный характер.

Он предлагал «подвести Волгу к Москве», а затем проложить «подземную колесную дорогу».

Как приводилась в движение «самобеглая коляска» Шамшуренкова, мы не знаем. Важно, что к тому времени, когда человечество получило в свое распоряжение движущую силу огня и пара, вопрос о самодвижущемся, в полном смысле слова, экипаже был принципиально решен, и конструкторам оставалось только поставить на «самобеглую коляску» механический двигатель.

Нижегородский изобретатель-самоучка Иван Кулибин по велению императрицы Екатерины II был переведен на работу в Академию наук. По своим обязанностям он должен был «иметь главное смотрение над механическими и оптическими мастерскими, чтобы все работы с успехом и порядочно производимы были, и делать нескрывное показание академическим художникам во всем том, в чем он сам искусен».

Однако к этим обязанностям присоединились и другие, состоявшие в исполнении капризов

императрицы, главным образом по устройству придворных развлечений. Кулибин и здесь проявил свою изобретательность. Он осветил при помощи обыкновенных зеркал темные проходы Царскосельского дворца, установил огромное зажигательное стекло в саду, оптический телеграф, сконструировал трехколесную самоходную коляску, поставил зеркальные фонари, увеличившие в тысячу раз свет одной свечи, соорудил «подъемное кресло» вроде нынешнего лифта для тучной императрицы. О разнообразии и красоте делавшихся им ракет и фейерверков нечего и говорить.

Придворные занятия принесли Кулибину огромную популярность у вельмож того времени. К нему обращались с самыми разнообразными просьбами и заказами, и каждый заказ увеличивал славу механика. Его изобретательность и находчивость послужила материалом для множества рассказов.

Вот один из них.

Вельможа Л. А. Нарышкин собирался как-то дать пышный бал на своей даче под Петергофом. Для сооружения искусственного вулкана и других подобного рода забав он пригласил театрального механика итальянца Бригонция. Ему же поручил Нарышкин перевезти автомат заграничной работы, изображавший старика в греческой одежде, сидящего в кресле перед столом. Этот автомат мог перебирать карты, переставлять шашки, считать деньги. Бригонций привез статую в разобранном виде. Собрать ее у него не получалось, как он ни старался.

Автомат был настолько сложен, что театральный механик бился над сборкой несколько дней. Все напрасно!

Наконец итальянец заявил, что собрать автомат сможет только сам его изобретатель.

Нарышкин был в отчаянии — главный сюрприз выпадал из программы праздника.

Накануне бала Нарышкин встретил на Исаакиевском мосту Кулибина. «Бог послал мне тебя, Кулибин, — сказал сиятельный вельможа. — Садись в карету, поедем скорее ко мне на дачу, поддержи честь русского механика».

Они отправились к Кулибину домой, забрали инструменты и поехали в Петергоф.

Кулибин поколдовал над автоматом и собрал капризного «старика». Радости Нарышкина не было предела.

— А где Бригонций? — спросил он у слуги.

— В саду, строит сельский домик и огнедышащую гору.

— Позови его сюда.

Пришел Бригонций, высокомерный и самонадеянный итальянец. Нарышкин принялся в изысканных выражениях умолять Бригонция еще раз попробовать собрать автомат.

— Никто его собрать не может, — отвечал Бригонций. — Отрубите мне голову, если я говорю неправду!

— Рубите ему голову! — вдруг раздался голос автомата.

Бригонций побледнел. Автомат показывал на него рукой — там стоял Кулибин и управлял им. Итальянец бросился бежать, забыв свою шляпу.

— Бригонций, вы забыли вашу голову! — кричал ему вслед смеющийся Нарышкин.

Таких анекдотов о Кулибине много.

Его работа не ограничивалась академическими и придворными обязанностями — к ним он добавлял от себя труды, которыми хотел служить обществу. Но многие его проекты так и оставались неосуществленными, оседали в канцеляриях и архивах.

Изобретенный Кулибиным протез для замены ампутированных ног получил весьма благоприятные отзывы специалистов Медико-хирургической академии. Несмотря на это, он пропал в канцелярских дебрях. Тем временем какой-то ловкий французский коммерсант вывез один из изготовленных Кулибиным протезов в Париж и там несказанно разбогател.

Надо заметить, что известность получили только те из многочисленных изобретений Кулибина, которые он сам включил в составленный им в конце жизни реестр. Реестр этот, однако, далеко не полон. В сохранившихся его бумагах имеются рукописи, относящиеся, например, к «сеятельной машине», к «пловучей мельнице» и другим новшествам.

Для нас в данный момент представляет интерес «водоходное судно» Кулибина, попутно разрешившее проблему двигателя самоходного флота.

«Водоходное», то есть движимое силой самого течения, судно Кулибина было самой оригинальной попыткой разрешить стоявшую не только перед русскими судостроителями задачу.

Кулибин стал заниматься машиной, которая могла бы приводить в движение суда против течения силой самой текущей воды. Изготовил он ее за год.

В ноябре 1782 г. машина была испытана на Неве на глазах множества любопытных, собравшихся на гранитной набережной реки. Из окон Зимнего дворца наблюдала за испытанием Екатерина II.

Испытание судна, груженного четырьмя тысячами пудов балласта, с машиной Кулибина, дало весьма благоприятные результаты. Водоход пошел вверх по Неве против сильного ветра и высоких волн с такой скоростью, что двухвесельный ялик едва мог за ним поспевать.

Сущность устройства водохода Кулибин излагал так:

«На концах положенного и закрепленного поперек судна вала устанавливались двигательные колеса с вертикально расположенными плицами, представлявшими из себя сквозные рамы, которые могли закрываться деревянными лопастями, прикрепленными на шарнирах, по три на каждой раме. Когда плита опускалась в воду, течение реки механически закрывало раму лопастями, ударяло в нее и тем заставляло поворачиваться колесо и вал; на этом последнем закреплялся конец каната, на другом конце которого заводился вперед судна якорь, вчальный в него, и закидывался в реку; при поворачивании вала канат навивался на него, и судно механически подтягивалось на канате к закинутаю якорю, как это было при движении «подачами»; в то же время заводился вперед первого якоря второй якорь, канат которого, по выборке на вал первого «завоза», также начинал наматываться, и таким движением судна продолжалось безостановочно».

Самым интересным в водоходе Кулибина было, конечно, устройство «двигательных колес» с самоустанавливающимися лопастями. Это устройство и было впоследствии использовано для судовых двигателей, хотя в водоходе это колесо было, как видно из описания конструкции судна, не двигателем, а двигателем.

Несмотря на полный успех водохода, Кулибин оказался от эксплуатации, считая судно все же далеким от совершенства.

Когда он покинул Петербург и поселился на родине в Нижнем Новгороде, то опять занялся своей машиной. Кулибин, в сущности строил свой водоход для Волги, которая в нем нуждалась, а не для Невы, где он мог быть только развлечением.

Фарватер Волги предъявлял к судам особые требования.

Посредством системы блоков изобретатель добился возможности поднимать вал и колеса машины, с тем чтобы водоход мог легко проходить волжские мели.

Проба усовершенствованного водохода была произведена в сентябре 1804 г. на Волге у Нижнего Новгорода.

Берега были покрыты народом. Завидя плотную невысокую фигуру в длиннополном кафтане, стоявшую на палубе, нижегородцы дружно приветствовали своего земляка.

Водоход с грузом шел против течения со скоростью около версты в час. По условиям судоходства того времени это было чрезвычайным достижением.

Петербургская академия выплатила Кулибину поощрение в 6 тысяч рублей. На этом, к сожалению, дело и кончилось.

Несколько лет водоход хранился в нижегородской ратуше, затем был продан на слом «по ветхости».

Практического применения он не получил. Не получил он и дальнейшего развития, так как вскоре в России, как и во всем мире, начали строиться паровые суда.

Однако значение созданного Кулибиным «двигательного колеса» в истории техники нельзя преуменьшать: он изобрел то гребное колесо с подвижными самустанавливающимися лопастями, которого только и недоставало для возникновения самоходного речного флота.

Превратить водоход Кулибина в пароход теперь уже не составляло труда, как не составляло большого труда, при наличии универсального двигателя, «способного по воле нашей что будет потребно исправлять», превратить «самобеглую коляску» в паровоз, заставив его двигаться по рельсовым путям и вести за собой вагоны с грузом и пассажирами.

В 1815 г. у Таврического дворца в Петербурге был испытан колесный пароход «Елизавета» длиной в 18 метров.

В газете появилось такое описание:

«Судно сие полтора часа ходило по разным направлениям, в круглом, напротив дворца, бассейне, которого диаметр не превосходит сорока сажень. Удобное движение столь большого судна в таком малом пространстве воды представляло приятное зрелище и показывало, сколь оно удобно в управлении. Новость сего явления, местоположения и прекрасная того дня погода привлекли туда необыкновенное множество зрителей».

На пароходе «Елизавета» была установлена паровая машина двойного действия. В этой машине пар входил в цилиндр попеременно сперва с одной стороны, а затем с другой, оба раза толкая поршень. Поршневой шток с помощью коромысла и шатуна передавал движение кривошипу или колену, скрепленному с валом.

В ноябре пароход отправился первым рейсом в Кронштадт.

Первое судно показало скорость до девяти километров в час и благополучно завершило переход за три часа и двадцать минут. Это удивило петербуржцев, так как военный «пассаждот» на веслах проходил то же расстояние за целые сутки.

В Кронштадте ожидали прибытия первого парохода. Толпа народа встречала его в гавани. На борт «Елизаветы» поднялся главный командир Кронштадского порта со своей свитой. Тут же были устроены гонки на скорость между пароходом и лучшим «ходоком» в Кронштадте — командирским гребным катером. Победителем состязаний вышел пароход.

Михайло Ломоносов очень интересовался атмосферным электричеством. В «физических покоях» — лаборатории Академии наук, или у себя дома, а летом

в деревне, Ломоносов и его приятель академик Г. Рихман улавливали грозовые электрические разряды. Они построили «громовые машины», чтобы делать опыты.

«Громовая машина» представляла собой изолированный железный шест, установленный на крыше дома. Изоляторами служили горлышки, отбитые от стеклянных бутылок. От шеста внутрь дома в лабораторию спускалась железная проволока, тщательно отделенная от всех предметов. Во время грозы железный шест заряжался атмосферным электричеством, и в комнате с конца привода с громким треском сыпались яркие искры. Электричество, заряжавшее провод, ученые измеряли с помощью «электрического указателя» — прибора, построенного академиком Рихманом и напоминающего нынешний электроскоп в школьных кабинетах физики.

При одном из таких опытов, когда «гром был нарочито силен», молния — бледно-сиреневая искра — поразила насмерть академика Рихмана.

Ломоносов тяжело переживал утрату своего друга и помощника. Враги уверяли, будто смерть Рихмана — «наказание за дерзновенные опыты, неугодные Богу».

Но Ломоносов еще дерзостней продолжал опыты. Обо всем, что ему удалось наблюдать, исследовать, измерить, он сообщил на заседании Академии наук в 1753 г. Доклад назывался «Слово о явлениях воздушных, от Электрической силы происходящих, с истолкованием многих других свойств природы».

В ту пору американский ученый Франклин высказал догадку, будто электричество — это особая жидкость, присутствующая в каждом теле. Ломоносов отверг эту теорию. Он доказал, что атмосферное электричество появляется в результате трения частичек «мерзлых паров», переносимых нисходящими и восходящими потоками воздуха.

Гроза — не единственное проявление электричества, считал Ломоносов. Уроженец Севера, он много раз видел полярное сияние. Ломоносов предложил такое объяснение: полярное сияние — не что иное, как электрические разряды в разреженных слоях атмосферы. Он проделал такой опыт: взял полый стеклянный шар, выкачал из него почти полностью воздух и наэлектризовал шар. Тот стал светиться. Действительно, в разреженных газах, при прохождении электрического тока высокого напряжения, наблюдается свечение. Так почти 250 лет тому назад в опытах Ломоносова родился прообраз газосветной трубки.

И всем этим новшествами, двигавшим мир к прогрессу, способствовала Петербургская Академия наук.

* * *

При Академии наук была создана крупная библиотека.

Следует сказать, что необходимость такой библиотеки была ясна не только Петру I, но и его ближайшим сподвижникам. Один из представителей царя за границей стольник Федор Степанович Салтыков является автором двух записок о преобразованиях в России, составленных им в 1713 г. и пересланных царю. В первой из них — «Пропозициях» — Салтыков советует Петру учредить в каждой из губерний России по одной-две академии для обучения детей дворян, купцов «и всяких иных разных чинов». При этих академиях, которые он предлагал разместить в монастырях и содержать на монастырские доходы, необходимо создать типографии, а также библиотеки «из разных языков и из разных наук», наподобие Оксфордской и Кембриджской библиотек в Англии. В другой записке —

«Изъявления, прибыточные государству» — Салтыков предлагал в каждой губернии организовать по одной библиотеке, очистив для этого здания монастырей. В библиотеках должны быть собраны старинные рукописные и печатные книги, а также научная литература на различных языках. Библиотеки должны были «строить» (т. е. комплектовать) те люди, «которые видали то строение в других государствах».

Мы не знаем, насколько записки Салтыкова ускорили учреждение в Петербурге новой библиотеки. Для нас важно другое. Записки Салтыкова показывают, что не только Петр понимал необходимость создания в России государственной библиотеки. Об этом говорили Петру и крупные западноевропейские ученые, сочувственно относившиеся к преобразованиям в России. Так, Лейбниц в известной записке о введении наук в России, составленной в конце 1708 г., писал, что для распространения наук и художеств нужны библиотеки, музеи по естественной истории и другие культурно-просветительные учреждения. «Библиотека должна быть сколько возможно обширна и хорошо снабжена». Следует, по мнению Лейбница, обратить особое внимание на приобретение книг по математике и механике, естествознанию, истории и описанию путешествий. Латинские книги должны быть основой библиотеки, но важно иметь литературу и на западноевропейских языках, а также на языках греческом, славянских, арабском, персидском, турецком, китайском. Для библиотеки нужно приобретать также древние и новые рукописи, гравюры и рисунки.

Несомненно, что Петр имел свой план организации государственной библиотеки. Он считал нужным сделать ее единым учреждением с музеем-кунсткамерой, так как и библиотека, и музей, по мнению Петра, должны были иметь одну общую задачу

— содействие распространению в России научных знаний. Кроме того, и это особенно важно, Петр ясно сознавал необходимость сделать новую библиотеку (как и музей) учреждением общественного пользования. Известно, что он категорически воспротивился предложению П. И. Ягужинского брать плату за вход в библиотеку и Кунсткамеру.

Таким образом, по мысли Петра, новая библиотека, в отличие от многих королевских книгохранилищ того времени, с самого своего основания должна была стать публичной.

Никакого правительственного акта об учреждении библиотеки Академии наук до нас не дошло. Сохранившиеся же сведения об основании этой библиотеки и ее первоначальном книжном фонде противоречивы. В иллюстрированном издании, первом своеобразном путеводителе по Академии наук, вышедшем из печати в 1741 г. на немецком и русском языках под названием «Палаты Санктпетербургской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры...», говорится: «С самого начала состояла библиотека только из 2000 книг, которых половина привезена была из Риги, а другая — с Москвы. Первые из оных книг были по большей части богословские, а последние — медицинские и исторические... находилась Библиотека и Кунсткамера с 1714 г. по 1719 г. в Летнем дворце». Слово «половина» в приведенной цитате не следует понимать буквально. В немецком тексте этого издания говорится, что книги были привезены частично из Риги, частично из Москвы. Также нельзя считать вполне точной и цифру 2500 книг.

Впрочем, цифра 2500 книг, не случайна. Она соответствует числу названий книг собрания герцога Курляндского, которое поступило в библиотеку Академии наук в самые первые годы ее существования.

Существуют еще два свидетельства о первоначальном составе библиотеки, относящиеся к XVIII в. Первый историк Академии наук Г.-Ф. Миллер пишет, что книги библиотеки Академии наук были собраны во время Северной войны в Польше, Курляндии и Финляндии. Приведение в порядок привезенных книг было поручено в 1714 г. И. Д. Шумахеру.

Сходна с этим версия автора широко известного «Дневника» Ф. Берхгольца, который сообщает, что в первоначальный фонд библиотеки вошли книги, собранные по большей части в Польше.

Сосредоточение в одном помещении книг, свезенных из разных мест, не означало еще основания новой библиотеки. Пока это был простой склад книг, находившийся тогда в распоряжении лейб-медика царя и президента Аптекарской канцелярии Роберта Арескина, который, будучи занят другими делами, не имел возможности уделять книгам достаточного внимания. Однако Петр считал, что пришла пора заняться библиотекой по-настоящему. Еще в 1713 г. в Париже Петром Лефортом, племянником известного любимца Петра I Франца Лефорта, был принят на русскую службу некий Иоганн-Даниил Шумахер, магистр философии, окончивший Страсбургский университет. В сентябре 1714 г. Шумахер прибыл в Петербург, и здесь «спустя три недели по приезде моем,—пишет Шумахер в своем «Житии», хранящемся в Архиве Академии наук, — определен я был чрез посредство доктора Арескина... в службу его имп. величества в должность библиотекаря».

Шумахеру был поручен разбор книг, находившихся в служебном помещении Летнего дворца. Будучи первоначально, как уже говорилось, единственным библиотечным работником, он сам систематизировал литературу, составлял каталоги и выдавал книги единичным тогда читателям. Так, известен факт выдачи

из библиотеки в 1715 г. путешественнику Лоренцу Лангу (впоследствии иркутскому вице-губернатору) словаря Бейля. В 1716 г. по приказу Арескина был принят для переплета библиотечных книг выходец из Гданьска Христофор Битнер.

Время начала работы над книжными фондами в помещениях Летнего дворца (1714 г.) считается датой основания новой государственной библиотеки.

Книги библиотеки герцога Курляндского были привезены не в Летний дворец, а сложены в Петропавловской крепости. Следовательно, уже в 1716 г. служебные помещения Летнего дворца были заполнены и места для новых книг там не хватало. Приходилось думать о новом здании для библиотеки. Положение осложнилось тем, что Петр решил сделать библиотеку и музей (Кунсткамеру) единым учреждением. И если для книг какое-то помещение все же имелось, то экспонаты музея размещать было негде.

Когда в 1716 г. прибыли из Копенгагена для музея «всякие раритеты», Шумахер, которому было поручено «смотрение» не только за библиотекой, но и за Кунсткамерой, оказался в затруднительном положении: 4 сентября он просил отвести для хранения экспонатов «две коморки». Как был разрешен вопрос, мы не знаем. Возможно, что привезенные вещи, так же как и другие экспонаты, за недостатком помещения находились в доме Р. Арескина. В 1718 г., после казни одного из главных приверженцев царевича Алексея Петровича А. В. Кикина, на левом берегу Невы против Охты был конфискован каменный дом, так называемые Кикины палаты, и Петр распорядился перевести туда библиотеку и Кунсткамеру.

Впервые книжные фонды были собраны в одном помещении, расставлены в определенном порядке. Появилась возможность открыть Библиотеку для посетителей, установив для этого специальные дни.

Библиотека сделалась публичной, что невозможно было осуществить раньше, поскольку доступ в дворцовые помещения не был свободен для всех. Следует иметь в виду, что в Кикины палаты была переведена лишь часть книг из Библиотеки, так как те из них, которые находились в постоянном пользовании Петра, остались в дворцовых помещениях.

В 1718 г. библиотека пополнилась двумя крупными книжными собраниями — Виниуса и Питкейна.

Количество книг в библиотеке приближалось уже к 10 000 томов. Однако Петр не считал собрание книг для новой библиотеки законченным. В 1721 г. он послал Шумахера за границу. Была составлена инструкция «Пункты о том, что библиотекарю Шумахеру чрез путешествие ево в Германии, Франции, Англии, Голландии учинить», в которой между прочим значилось: «Смотреть ему знатнейшие библиотеки, какою матерею они учреждены и соблюдаются, а паче ему надлежит о новых и самолучших книгах уведомляться и спрашивать где-либо изрядная и совершенная библиотека обретается». Шумахеру поручалось ознакомиться с организацией зарубежных библиотек для использования их опыта в России и приобрести новые книги.

Вернувшись в 1722 г. в Россию, Шумахер подал Петру подробный отчет о своей поездке.

Поездка Шумахера содействовала, по-видимому, более регулярному пополнению библиотеки Академии наук иностранными книгами. «В 1723 году начали выписывать книги из Голландии, из коих многие дошли сюда и в тамошнем переплете. Сие продолжалось до 1728 года, и число оных накопилось до тысячи». Отношения, установленные Шумахером с голландским «славным и искусным» книготорговцем Васенбергом, очевидно, дали свои плоды.

В среднем в год закупалось по 117 томов, причем эта цифра имела явную тенденцию к повышению. Среди закупленных книг было много исторических.

О приобретении библиотекой Академии наук книг за границей стало широко известно в Европе, и некоторые владельцы библиотек сами предлагали ей свои книги.

В 1723 г. был отдан под суд вице-канцлер П. П. Шафиров и имущество его конфисковано. У Шафирова имелось довольно большое собрание книг, которые Петр распорядился отдать в библиотеку.

К концу 1725 г., т. е. к тому времени, когда начала функционировать Академия наук и императорская библиотека стала выполнять новые для нее функции — обслуживание академиков, эта библиотека была уже крупным книгохранилищем.

Кто же были читатели библиотеки? В архиве Академии наук сохранился журнал записи книг, выданных в 1724—1725 гг. При выдаче книг в журнале проставлялись следующие данные: дата выдачи, кому и какие именно книги выданы. При возвращении книг записанное в журнале зачеркивалось или делалась соответствующая отметка. Журнал велся разными людьми и очень неряшливо, что говорит о том, что учету выданных книг не придавалось должного значения. Некоторые записи сделаны настолько неразборчиво, что расшифровать их почти невозможно.

В эти годы читателями были: архиепископ Феофан Прокопович, архимандрит Афанасий Кондоиди, генерал-фельдцейхмейстер Я. В. Брюс, вице-канцлер А. И. Остерман, царевна Анна Петровна, бывший воспитатель царевича Алексея Петровича барон Гюйссен, лейб-медик Л. Л. Блюментрост, библиотекарь И. Д. Шумахер, сотрудники Академии наук: профессор И. Х. Коль, переводчик И. В. Паузе, секретарь Филипп Гмелин и др. Этот перечень можно пополнить еще несколькими фамилиями. На основании списка невозвращенных книг

(в котором проставлена дата выдачи) устанавливается, что в 1715 г. книги получал известный уже нам Лоренц Ланге, в 1718 г. — шведский офицер Стобаус, в 1723 г. — генерал-полицмейстер А. М. Дивиер, в 1725 г. — помощник герольдмейстера граф Ф. М. Санди. С 1720 г. постоянным читателем библиотеки был известный историк В. Н. Татищев. Таким образом, читателей этого времени можно разбить на четыре группы: представители знати (Брюс, Остерман, царевна Анна, Дивиер, барон Гюйссен, граф Санди), представители высших слоев духовенства (Феофан Прокопович, Кондоиди), сотрудники Академии наук и библиотеки (Блюментрост, Коль, Паузе, Шумахер, Гмелин и др.), представители интеллигенции, не связанные с Академией (Татищев, Ланге, Стобаус).

Таким образом, уже в первое десятилетие существования Библиотеки книги из нее выдавались читателям. Помимо того, два раза в неделю она была открыта для осмотра посетителей. Все это даст основание считать ее первой русской публичной библиотекой.

* * *

В декабре 1710 г. царь распорядился прилать санным путем из Московской типографии (впоследствии — Синодальной) печатного стана с только что введенным гражданским шрифтом. Заботами И. А. Мусина-Пушкина были присланы два станка: один для печатания гравюр, другой для текстов.

Если обратиться к петербургским гравюрам тех времен, изображающим Петербургскую сторону, то можно увидеть на Троицкой площади, подле моста, ведущего в Петропавловскую крепость, небольшую мазанку с тремя окошками, в которой и размещалась первая Петербургская типография. Самое раннее

известное нам издание, вышедшее из этой типографии, — листок «Ведомостей» от 11 мая 1711 г. Первой книгой, отпечатанной в Петербургской типографии, была «Книга Марсова», прославлявшая победы русского оружия в Северной войне. А всего с 1711 по 1726 г. вышло из этой типографии изданий и гравюр на 49 тыс. рублей — немалую по тем временам сумму.

К 1728 г. в Петербурге были учреждены еще три типографии — при Александро-Невской лавре, при Сенате и при Морской Академии (впоследствии — Морской кадетский корпус). Когда Петр I подписал указ об учреждении Академии наук, там было сказано: «Також устанавливаем да Академия имеет свою собственную типографию, с такою привилегиею, да вся та, яже или ко умножению учений служащая, или к приращению, или славе империи прислужающая быти Академия рассудит, в печать издаются и продаются».

В конце 1726 г. прибыли «на кораблях из Голландии два стана к печатанию книг, да литеры...», а в октябре 1728 г. вышел указ о том, чтобы в Петербурге оставались только две типографии: «для печатания указов — в Высоком Сенате и исторических книг, которые на российский язык переведены и в Синоде опробованы будут — при Академии...». После этого распоряжения все имущество первоначальной Петербургской типографии отошло к Академии наук.

Трудно оценить тот вклад, который внесла издательская деятельность Академической типографии в российскую культуру. В ней издавалось свыше половины всех книг и брошюр, печатавшихся в то время в России, и вся периодика.

Огромен вклад Академической типографии в создание и становление не существовавших до той поры единых правил орфографии и пунктуации, определивших в дальнейшем развитие русского правописания и издательской графики. На помощь

типографии в этом деле пришло учрежденное при Академии наук в 1735 г. «Российское собрание», одной из задач которого, кроме всего прочего, была разработка правил правописания, которые передавались непосредственно в Академическую типографию.

Располагалась Академическая типография первые 100 лет своего существования (до 1825 г.) на Васильевском острове, в бывшем доме царицы Прасковьи Федоровны, который стоял на том месте, где сейчас располагается здание Зоологического института и музея.

При типографии Академией содержались также собственная словолитня, переплетная и гравировальная мастерские и мастерская для резьбы по камню, что вызывало частое недовольство Шумахером в среде академиков, считавших содержание столь дорогостоящих заведений причиной финансового неблагополучия Академии. Академическая «градыровальная» мастерская имела в то время высочайшую репутацию, работы ее весьма ценились. Гравировальное дело было поставлено выписанным в августе 1727 г. из Германии Х.-А. Вортманом, прослужившим до 1745 г. и оставившим замечательную плеяду русских учеников. Большой популярностью в изданиях Академии наук пользовались гравированные виньетки, заставки и концовки с изображением Минервы — оно стало своеобразным гербом Академии и было вырезано на ее печати.

Все издания, вышедшие из стен Академической типографии, отличались аккуратностью и изящностью исполнения; шрифты были четкие и для тех времен необычайно разнообразные. В 1730 г. была напечатана «Хинейская (китайская) грамматика» академика Байера, для печатания которой впервые были отлиты китайские иероглифы. Немногим позже было освоено

также печатание нот, географических карт, математических таблиц и пр., что имело по тем временам огромное значение для издания научных трудов и учебников.

Была учреждена академическая книжная лавка, которая в 1730 г. отдана в заведование выписанному из германии Готлибу Кланнеру, повысившему доход лавки с 506 руб. в 1729 г. до 6350 руб. в 1731 г.

Большую помощь оказала Академическая типография в учреждении собственных типографий при Сухопутном шляхетном кадетском корпусе в 1756 г., при «артиллерии и фортификации» в 1759 г., при Сенате в 1760-1761 гг., Военной коллегии в 1763 г.. В сентябре 1755 г. основатель Московского университета И. Шувалов писал президенту Академии наук графу Разумовскому: «...имею честь сим просить, чтобы приказать сделать в Академии, на первый случай, два станка для русской печати со всеми ко оным принадлежностями. Во что оные встанут, московский университет с благодарением в Академию заплатит. Також приказать отпустить из Академии одного наборщика и двух при нем учеников...». В марте 1756 г. в Москву были отправлены из Академии все принадлежности для университетской типографии и опытный наборщик Семен Полянинов с двумя учениками.

В 1764 г. были отправлены в Астрахань по просьбе тамошнего губернатора Бекетова типографский корректор Александр Леонтьев с тремя мастеровыми для учреждения там типографии.

Вся эта обширная помощь осуществлялась при том, что Академическая типография постоянно испытывала собственные трудности — и финансовые, и организационные. Известно постановление Академии наук от 1729 г., которое гласит: «Для покупки к типографскому и словолитному делу и к кузнице

материалов и прочего, без которого невозможно, — взять у кого пристойно, взаем на счет академический 500 рублей». Доходило даже до того, что жалование и работникам типографии, и академикам зачастую выплачивали книгами. Так, когда в 1747 г. в доме В. К. Тредиаковского случился пожар и он ходатайствовал о выплате жалования за год вперед, императрица Елизавета Петровна распорядилась выдать ему из Академической типографии книг на 2 тыс. рублей.

Тредиаковский Василий Кириллович (1703 — 1769) — поэт, филолог и теоретик литературы. В работе «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» (1735) сформулировал принципы русского силлабо-тонического стихосложения. Был одним из первых представителей русского классицизма; ввел новые стихотворные жанры. Выступал также как переводчик. Переложил стихами роман «Тилемахида» Фенелона.

В 1758 г. при Академии была организована вторая, Новозаведенная типография, при основании которой подразумевалось «умножить во оной печатание книг как для удовольствия народного, так и для прибыли казенной». Печатались в Новозаведенной типографии только те книги, которые пользовались широким спросом, в основном иностранные, для перевода которых подряжались переводчики со стороны; здесь можно встретить имена Лукина, Фонвизина, Нартова и др. Довелось Новозаведенной типографии поучаствовать даже во дворцовом перевороте 1761 г.: в ночь на 28 июня в ней были тайно отпечатаны тексты манифеста о перевороте и присяги Екатерине II. Позднее руководитель и инициатор создания Новозаведенной типографии Тауберт был пожалован императрицей в статские советники и библиотекариусы с жалованием 1500 руб. в год. В 1763 г. эта типография

принесла 12 тыс. рублей прибыли. Просуществовала она недолго и уже в 1766 г. слилась с основной.

На протяжении всего XVIII в. в стенах Академии издавалось около десяти периодических изданий, в основном, научного характера. В числе этих изданий были и «Ведомости», печатавшиеся в Академической типографии на немецком языке с 1727 г., а с января 1728 г. — и на русском. Одно время их редактором был М. В. Ломоносов. Об издававшихся с 1728 г. на латинском языке «Комментариях Петербургской Императорской Академии наук» известный математик и механик Д. Бернулли писал в 1734 г. из Базеля в Петербург Леонардо Эйлеру: «Я не могу вам довольно выразить с какою жадностью повсюду спрашивают о мемуарах петербургских. Желательно поэтому, чтобы поспешили печатанием их».

В 1768 г. Екатериной II было учреждено при Академии наук «Собрание старающееся о переводе иностранных книг на Российский язык», в работе которого принимали участие среди прочих Я. Б. Княжнин, М. И. Попов, А. Н. Радищев и др. Названное «Общество» просуществовало до 1783 г. и за этот срок издало 112 книг в 173 томах; все они были напечатаны в Академической типографии.

Невозможно перечислить в нашем столь малом экскурсе имена даже именитых писателей и ученых, труды и сочинения которых напечатал академический станок в XVIII в.. Здесь можно встретить имена В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова, С. П. Крашенинникова, С. К. Котельникова, А. Кантемира, Н. И. Новикова, В. М. Севергина и многих, многих других.

В январе 1783 г. был подписан «Указ о вольных типографиях», и значение Академической типографии как центра российского книгоиздательства постепенно начинает снижаться. В XIX в. Академическая типография вступила, имея основной своей

деятельностью издание научных трудов самой Академии, вовсе не исчерпав этим своих славных деяний.

МЫ ВСЕ УЧИЛИСЬ ПОНЕМНОГУ...

Учился читать да писать, а выучился петь да плясать.

Царь Петр I, который никогда не обучался ни риторике, ни диалектике, но, одолев четыре правила арифметики, немедленно приступил к изучению фортификации и артиллерии, не мог не отнестись отрицательно к преподаваемым в схоластических школах знаниям. Он верил, что «в просторном государстве высокие науки изберут себе жилище и в российском народе получают к себе любовь и усердие», и всячески торопился их насаждать, не всегда обнаруживая при этом разборчивость в средствах. Тяжелая война требовала всемерного ускорения темпов обучения. Без математики, физики, астрономии нельзя было ни совершенствовать артиллерию, ни строить флот.

Первые светские школы были открыты в Москве еще до основания Петербурга. В новой столице довольно долгое время обстановка была слишком напряженной, чтобы здесь можно было спокойно учиться. Лишь в последний период русско-шведской войны, примерно с 1715 г., в Петербург начинают переводиться новые училища, и в последнее десятилетие царствования Петра его столица быстро становится центром нового светского просвещения, готовящим стране моряков, артиллеристов, инженеров, архитекторов, медиков, учителей, служащих коллегий и т. д.

Перестраивающаяся жизнь выдвигала на первый план умение «воинствовать, знати строение и

докторское искусство». В период войны «воинствованию» должно было быть уделено особое внимание, а поставленная России новая задача — овладение морем — требовала обучения не только сухопутному, но и морскому «воинствованию». С 1697 по 1714 г. более 200 русских людей обучалось за границей морскому делу, главным образом в Голландии и Англии. Однако обучение за границей стоило дорого и не всегда давало нужные результаты, поскольку морские державы не проявляли стремления помогать царю в создании флота. Поэтому еще в 1701 г. в Москве под Сухаревой башней была открыта Школа математических и навигацких наук, в которой преподавал Л. Ф. Магницкий, создатель первого русского учебника по арифметике — настоящей энциклопедии математических знаний.

Заложенное в Петербурге уже в 1704 г. Адмиралтейство быстро разрасталось. Отведенное под него обширное четырехугольное место обстраивалось с трех сторон и было обнесено валом и каналами; с четвертой стороны оно выходило на Неву, где стали закладываться суда. Постепенно здесь создавались склады всяких товаров, нужных для оборудования судов, а также склады боеприпасов. Вокруг Адмиралтейства селились мастеровые и всякие другие причастные к морскому делу лица, среди которых было на первых порах немало иностранцев. Так создавалась Морская, или Немецкая, слобода. На набережной стали строиться дома для крупных морских начальников: «великого адмиралтейца», командира русского флота графа Ф. М. Апраксина, адмирала К. И. Крюйса, вице-адмирала Брауна и других.

Мысль о целесообразности переселения в этот вновь создающийся морской центр школы, готовящей морских офицеров, не могла не возникнуть как у царя, так и у его помощников по морскому делу. Недостигаемость

Петербурга для шведов после Полтавской победы и особенно после взятия Выборга давала полную возможность реализовать эту мысль.

В мае 1714 г. Петр, находясь в плавании на корабле «Екатерина», лично написал капитан-поручику Г. Скорнякову-Писареву: «Господин капитан-поручик! Понеже господин адмирал граф Апраксин писал, дабы выслали в Петербург с Москвы из Навигацкой школы учеников, которые выучили геометрию, 20 человек, и когда оные в Петербург приедут, тогда их прими и учи артиллерии, а заранее о том донеси князю Александру Даниловичу Меншикову, дабы он велел к приезду их сделать в Петербурге в удобном месте избы, где их учить». Это первый известный нам документ, свидетельствующий о переводе части Навигацкой школы в Петербург. В 1715 г. была утверждена подробная «Инструкция Морской академии в С.-Петербурге», предписывающая распорядок жизни и работы на новом месте. Низшее Навигацкое училище продолжало пребывать в Москве, а в Петербурге создавалась Морская академия, куда переводились старшие лучшие ученики и принимались новые. 20 декабря 1715 г. был издан указ, предписывавший: «Которые есть в России знатных особ дети, тех всех от 10 лет и выше выслать в школу С.-Петербургскую, а в чужие края не посылать, и чтоб оные недоросли высланы были нынешнею зимою». Этой «школою С.-Петербургскою» и была Морская академия.

В Петербурге не только специальное, но и общеобразовательное значение Морской академии расширилось: наряду с математическими и военными дисциплинами в ней преподавались политика, геральдика, гражданские законы, гражданская архитектура и другие «шляхетные науки», а также семь иностранных языков (по-видимому, на выбор): английский, французский, немецкий, шведский,

датский, итальянский и латинский. Военная часть обучения должна была состоять, согласно адмиралтейскому регламенту, из «артиллерии, навигации и фортификации, шанцев и ретраншементов, воинских обучений с мушкетами».

Морская академия основана была в знаменательное для истории русского флота время — после Гангутской победы. В первые годы ее существования была предпринята экспедиция на Гогланд, а в 1716 г. Петр оказался начальником соединенной русско-датско-англо-голландской эскадры, в которой Россия смогла уже выставить 26 крупных военных судов. При таких условиях на подготовку морских офицеров приходилось обратить особое внимание. Если матросы на наших судах были уже почти поголовно русские, то среди офицерских чинов этого времени насчитывалось еще около половины иностранцев.

Помещалась Морская академия в соседстве с Адмиралтейством в построенном в 1712 г. доме Кикина, на набережной, где теперь стоит здание Зимнего дворца. Дом был, по-видимому, небольшой (описание его не сохранилось), так что к нему пришлось пристроить несколько мазанок. Рядом с ним стоял дом начальника флота графа Федора Апраксина. Набережная, шедшая от Адмиралтейства к «почтовому дому» (впоследствии на этом месте был выстроен Мраморный дворец), усиленно укреплялась. В болотистую землю забивали бесконечное число свай, валили фашичник, землю, щебень, обсаживали набережную вывезенными из Гамбурга липами. Против Адмиралтейства был отгорожен луг; на расположенном невдалеке участке адмирала Крюйса был разбит красивый сад с оранжереей.

Главным преподавателем Морской академии был англичанин Фарварсон, перебравшийся из Москвы вместе со своим помощником Гвином. Из первых

директоров следует отметить Андрея Артамоновича Матвеева и двоюродного брата царя — Андрея Львовича Нарышкина, учившегося за границей. Нарышкин водил своих питомцев в морские походы, заставляя их практически изучать морское дело. При нем было усилено обучение стрельбе, больше внимания уделялось упражнениям в морской съемке и астрономии. Морские науки проходились по книгам и запискам Фарварсона. По окончании академии ее воспитанники выходили в морские офицеры, геодезисты, топографы, архитекторы. Некоторые из окончивших становились учителями провинциальных «цифирных» школ. Среди воспитанников Академии были лица, снискавшие себе впоследствии громкую известность, например адмирал С. И. Мордвинов, гидрограф А. И. Нагаев, судостроитель И. И. Неплюев и др.

В московской Навигацкой школе сословный состав учеников был пестрый: рядом с детьми «дворянского чина» и «людей боярских» обучались дети солдат, подьячих, приказных. При Петре профессиональное образование не являлось еще узко сословным. Ищущих знания людей было слишком мало, чтобы пренебрегать кем бы то ни было (за исключением лиц, положенных в подушный оклад). Для набора 300 человек — первоначально установленного комплекта Морской академии — отдан был уже упоминавшийся приказ о высылке в Петербург «знатных особ детей». Однако учиться, даже в Морскую академию, дворянство шло еще не весьма охотно. Если бы даже почти каждая знатная семья имела хотя бы одного представителя в петербургской «морской гвардии», то это все же далеко не могло бы заполнить нужного комплекта. Имеются сведения, что в 1717 г. некоторые ученики были «наги и босы», «кормились вольною работою», а иногда даже «побирались, волочась между дворами». Конечно, такие

воспитанники не принадлежали к богатым и знатным семьям.

В своем известном сочинении «Цветущее состояние Всероссийского государства» И. Кириллов дает чрезвычайно ценные сведения о Морской академии 1727 г., из которых мы узнаем, что в ней числились ученики как «из шляхетства», так и «из разночинцев», причем многим предметам, как то: геометрии и тригонометрии, астрономии, географии — обучались лишь первые. В школе существовало несколько подразделений: арифметическое, геометрическое, меркаторское, астрономическое, геодезическое. Арифметике обучалось 20 детей шляхетства и 17 разночинцев, геометрии и тригонометрии — 39 шляхтичей, плоской навигации — 55 шляхтичей и 28 разночинцев, астрономии — 4 шляхтича, географии всего 1, геодезии — 24 шляхтича и 7 разночинцев и т. д. 8 разночинцев обучались письму, следовательно были малограмотными, 10 разночинцев и 1 шляхтич — псалтырю, 25 разночинцев и 2 шляхтича — часослову. Общее число учеников-шляхтичей было больше разночинцев, а общее число учеников академии не достигало предполагавшегося комплекта в 300 человек. Штат служащих состоял из 45 человек, но из них, помимо профессора математики (очевидно, Фарварсон) и учителя навигации, остальные являлись «подмастерьями», т. е. преподавателями низшей квалификации (по артиллерии, навигации, фортификации, геометрии и арифметике, геодезии, живописи и рапирному искусству). Военным обучением занимались поручики, два сержанта, капралы; в штате были также надзиратели и учителя цифирной школы.

Вслед за частью Навигацкой школы в Петербург из Москвы были переведены и другие военные школы — Артиллерийская и Инженерная. Артиллерийская школа была помещена на Литейном проспекте против

Артиллерийского двора. Близость школы к Артиллерийскому двору вызывалась необходимостью для учеников изучать практику артиллерийского дела (неподалеку, на Выборгской стороне, существовал для этого специальный полигон). Обучались ученики и «огнестрельным делам, надлежащим до воинских случаев и до потешных фейерверков». По-видимому, они должны были обслуживать столичные празднества, обычно заканчивавшиеся фейерверками. Учеников было немного, первоначально всего 20 человек. Обучались в школе не только дворяне, но и «пушкарские дети».

В марте 1719 г. последовал приказ из Воинской коллегии об учреждении в Петербурге другой военной школы — Инженерной роты. В приказе сказано: «Великий государь указал учинить в С.-Петербурге Инженерную роту и быть ей под ведением полковника-инженера Кулона, а в ту роту взять из московской Инженерной школы учеников всех, сколько их в той школе ныне обретается, и инженера, который при той школе определен для учения школьников, с подлежащими их инструменты и со всем, что при них есть». В Инженерной школе обучалось более 70 человек; начальником ее после Кулона был назначен Миних. К первоначальному московскому обучению арифметике и геометрии, «сколько до инженерства надлежит», прибавлены были в Петербурге фортификация и другие предметы. Казенного дома школа не получила, и ей пришлось разместиться в двух светлицах какого-то постоянного двора Московской стороны. Предназначенная сначала для детей «знатных фамилий», она скоро утратила свой аристократический характер и пополнялась главным образом сыновьями шляхетства. Окончившие школу определялись кондукторами инженерной команды, сержантами, фурьерами, капрами, бомбардирами, каптенармусами в полевую и осадную артиллерию и в инженерную роту,

но иногда и на горные заводы и даже в помощники архитекторов. Артиллерийская и Инженерная школы были вскоре слиты в одну, в которой в 1727 г. показано учеников: в геометрии — 21, в арифметике — 14, в артиллерии — 104, командированных — 87.

Существовала при петербургском гарнизоне еще школа для обучения солдатских детей. Здесь в 1727 г. обучались арифметике, письму и пению 80 человек; кроме того, совершенно обучившихся письму показано 8 человек, в словесных науках упражнялись 18, а один обучался геометрии. Большую роль в преподавании играла музыка (очевидно, подготовлялись полковые музыканты): в школе 40 человек учились играть на гобоях, а 12 — на флейтах.

Для обучения «строению» не было специальных школ, и гражданское строительство изучалось в военных школах. В недавно основанном городе на строителей спрос был немалый.

Таким образом, военные школы, имевшие до некоторой степени и общеобразовательное значение, за последнее 10-летие петровского царствования были сосредоточены в новой столице. Далекое не сразу наладилась нормальная жизнь в петербургских школах. Ученики были оторваны от своих семей, отпусками почти не пользовались. Новый город был ненавистен многим дворянам, весьма неохотно отдававшим туда своих сыновей, которые к тому же сами часто не обнаруживали склонности к учению.

Но Петр рассчитывал на новую среду, на свой личный надзор и пример, на то, что энтузиазм строительства как города, так и флота захватит молодежь и в ее рядах создадутся новые люди с новыми интересами и навыками. Он сам посещал новые школы, особенно Морскую академию, находившуюся около Адмиралтейства, где он постоянно бывал. Царь прекрасно понимал, какое значение приобретают такие

школы во время войны и как повышают они значение новой столицы. Заметив беспорядки, развал, бедность, Петр сердился, наряжал следствие, но, занятый войной, поглощавшей огромные средства, он не мог всюду поспеть, за всем уследить. Такие помощники, как Матвеев, Нарышкин, Фарварсон, поддерживали его просветительные начинания: они сражались за кредиты, иногда вырывали деньги у растратчиков, напоминали царю о нуждах школ, искали у него поддержки в своей преподавательской деятельности. Фарварсон много сил положил на преподавание математических наук, которое благодаря ему стояло на высоком уровне. Он научился русскому языку, и Петр использовал его в качестве редактора переводов некоторых специальных сочинений. Ему же были поручены и астрономические наблюдения, в которых иногда участвовал сам царь.

Ученый швед Карл Берк посетил в царствие Анны Иоанновны петербургский кадетский корпус. Вот его впечатления:

«Возраст кадет от 12 до 20 лет, они представляют почти все старые российские княжеские и боярские роды, а несколько человек — из лифляндских дворян. Числом кадет 360, они поделены на три роты под руководством отборных знающих ротных офицеров (а некоторые из них сами воспитывались в Берлинском кадетском доме, где, кстати, всего 236 кадет), а также майора, подполковника (в полковничьем ранге) и полковника, которым является фельдмаршал Миних.

Будущим командирам надлежит изучать не только необходимое и приличествующее офицеру, но также обязанности простого солдата и привыкать к военным тяготам. Поэтому кадет обучают экзерцициям, стоять на посту (правда, в ночное время постов выставляется немного), патрулировать, делать досмотр, подавать рапорты и прочим навыкам, нужным зрелому военному;

они также учатся содержать в наилучшем состоянии свое оружие и обмундирование. Офицеры строго надзирают за всем этим, наказывая провинившихся, смотря по их проступкам, арестом, фухтелями, выставлением к позорному столбу, сидением на острой кровельке, поставленной на орудийный запал и т. д.

Время каждого кадета полностью распределено по занятиям и упражнениям, которые по склонностям и в соответствии с возрастом для него наиболее важны, а именно: русский, немецкий, французский и латинский языки, история, география, геометрия, фортификация, арифметика, письмо и составление писем, танцы, фехтование, вольтижировка, рисование и верховая езда.

Учителя фехтования и танцев (один из учителей танцев — месье Ланде) показали мне парнями, хорошо знающими свое дело, а вот учитель письма обучал мелкому почерку с многочисленными безвкусными хвостиками и немецкими печатными буквами. Учитель рисования — то же самое, он учил юношей мазать красками, сам хорошо не владея рисунком. Граф Миних, или кто там еще, поступил бы лучше, если бы в поисках такого учителя обратился к знающим людям, ведь солидный диплом еще не дает надежной гарантии.

Каждый учитель по наукам и упражнениям имеет в своем классе список кадет, приходящих на урок, и делает им по этому списку переключку. Чтобы обучение шло как можно успешнее, ни у кого на уроке нет больше 16 кадет. Чем слабее кадет в своих предметах, тем меньше видов упражнений и больше уроков по каждому предмету получает он в неделю. Расписание занятий определяет обер-профессор, особенное внимание обращающий на то, чтобы равно успевающих и знающих одни и те же языки сводить в пары. Русский юноша всегда должен говорить со своими офицерами и

учителями по-немецки, а немец — по-русски. Равным образом в Новый год два кадета обычно обращаются к ее величеству с поздравительными речами — немец говорит по-русски, русский по-немецки.

Я, проходя с майором по классам, с величайшим удовольствием наблюдал, как любовно обращался он с этими чудесными юношами. Он называл их по титулу — князь, граф, барон, или, если это простые дворяне, юнкерами. Он отдавал должное отличившимся хорошим поведением и заслужившим похвалы от учителей и, напротив, стыдил нерадивых. Недостатком, устранения которого он весьма и весьма желал, были слишком многочисленные отпуска. Один господин просит позволения съездить домой для своего сына, другой просит за брата, третий за родственника. Чадо за три месяца позабывает то, чему училось целый год.

Что касается содержания кадет, то оно действительно хорошее. Комнаты чистые и опрятные (однако самые лучшие отведены офицерам), есть свои прекрасные лазарет и аптека. Едят все в большом зале, получая три добрых блюда в обед, два на ужин; для русских в их рыбные дни готовят отдельно. Для тех, кто провинился и слишком мал, чтобы выдержать удары шпагой, есть штрафной стол, накрытый мешковиной. На него в деревянной чашке ставят разломанный хлеб, немного соли и кружку с водой.

Там содержатся 60 верховых и 20 ломовых лошадей. В доме много ремесленников и рабочего люда; кроме того, кадеты побогаче имеют собственных слуг. Для рабочих есть маленькая русская церковь, для русских кадет — часовня, и теперь строится евангелическая церковь для лифляндцев, которые до сих пор отправляли богослужение в одном из залов».

* * *

Наряду с «воинствованием» и «строением» в новой столице начали обучать и «докторскому искусству». Как известно, еще в допетровское время на Руси было немало иноземных врачей и притом высокой квалификации, главной функцией которых было наблюдение за здоровьем царя и его семьи. У служивших в Москве иностранцев обучались русские ученики (при Алексее Михайловиче их было 20). В 1662 г. был отправлен за границу для обучения медицине будущий первый русский доктор медицины Петр Постников, который после двухлетнего обучения в Падуанском университете удивил своих экзаменаторов блестящими познаниями. По возвращении на родину он был использован по дипломатической части.

Во время своих заграничных поездок Петр приглашал в Россию немало медиков. Занимались врачеванием и обрусевшие иностранцы, получившие медицинское образование, как, например, Лаврентий Блументрост, сын московского врача, сначала лейб-медик царевны Наталии Алексеевны, а с 1718 г. и лейб-медик царя и управляющий его библиотекой и Кунсткамерой.

Когда в 1716 г. на Выборгской стороне открылся Петербургский военный госпиталь, при нем была создана и хирургическая школа. Госпитальный доктор Захар Захарович фон дер Гульст преподавал анатомию ученикам и подлекарям; Виллим Горн числился оператором и учителем «накладывания бандажей». Госпиталь при Петре помещался в деревянном здании на стыке двух рукавов Невы. Число учеников доходило до 50 человек, учившихся медицинским наукам, латинскому языку и рисованию. В 1719 г. был основан Адмиралтейский госпиталь, в котором несколько учеников получали медицинское образование. Подготавливались лекари и под руководством отдельных врачей. Так, в 1719 г. к Л. Блументросту были

прикомандированы 30 солдатских детей, уже немного освоившихся с немецким и латинским языками.

Ближайшую связь с медициной имело лекарственное дело. Напротив Выборгской стороны был расположен остров, густо заросший еловым лесом, в котором гнездились вороны, почему он и получил название Елового, или Вороньего. Этому острову предстояло сыграть видную роль в аптекарском деле — стать Аптекарским островом, как он зовется и теперь. В 1713 г. здесь был заложен аптекарский огород, вскоре превратившийся в ботанический сад, сделавшийся центром лекарственного дела. Расположение его было удобное, так как врачи, являвшиеся в то время единственными специалистами по ботанике, могли легко обслуживать и сад, и госпиталь на Выборгской стороне, переправляясь на лодке с одного берега Невы на другой. Аптекарский остров, первыми поселенцами которого были аптекарские служители, находился в ведении Медицинской канцелярии. В 1730 г. о саде отзывались уже как о «превеликом». Один из ранних директоров его Сигезбек даже утверждал, что не видел ему подобного в Европе. В нем были насажены китайские и монгольские растения, имелись теплицы. При саде жил аптекарь, собиравший и сушивший лекарственные растения.

При Петре впервые были открыты вольные аптеки для всего населения. Это потребовало расширения культуры лекарственных растений, чем и занялись в саду на Аптекарском острове. Основателями сада были сам Петр и его лейб-медик Р. К. Арескин. Шотландец по рождению, выученик Оксфордского университета, Арескин создал себе в Англии репутацию прекрасного врача. В 1706 г. он, по приглашению Меншикова, приехал в Россию. Познакомившись с Арескином, Петр взял его к себе и, убедившись в его честности и преданности, поставил во главе Аптекарского приказа.

При самой деятельной поддержке Петра он сумел положить начало созданию из прикладного аптекарского огорода научного ботанического сада. Так возникло в Петербурге, еще до основания Академии наук, первое научное ботаническое учреждение. Арескин отнюдь не бросил практическую врачебную деятельность. Он заинтересовался лечебными свойствами натуральных богатств окрестностей Петербурга. Его внимание привлекли Полюстровские воды, над изучением лечебных свойств которых он работал.

В 1721 г. Л. Блументрост представил выработанные по поручению царя «пункты учреждения» Медицинской коллегии, переданные Петром в Сенат и узаконенные последним в августе. Медицинская коллегия просуществовала недолго. Смещение в ней единоличного и коллегиального принципа вызвало нарекания, почему она и была заменена в 1725 г. Медицинской канцелярией под единоличным управлением Л. Блументроста.

По его настоянию вышло в 1721 г. постановление против «бродячих лекарей», требовавшее подвергать врачей до разрешения им практики испытанию.

Медицинская коллегия должна была ведать и аптеками. В Москве уже существовали в XVII в. аптеки, обслуживавшие главным образом придворные круги. В новой столице первая казенная аптека возникла в 1704 г. Эта главная, или (как ее называли) «верхняя», аптека помещалась в Петропавловской крепости, а затем, в виду сырости, вредившей лекарствам, была переведена в новое помещение на Миллионной улице. При открытии ее земские бургомистры Новгородской губернии поднесли царю пять медных кубов с трубами, чем Петр был весьма доволен. Вскоре открылась вторая, «нижняя», аптека на Преображенском острове в каменном трехэтажном доме (где теперь стоит

Гостиный двор); третья аптека была открыта на Адмиралтейском острове (между Невой и Мойкой). В 1722 г. последовало разрешение заводить вольные аптеки, что содействовало дальнейшему увеличению их числа и обслуживанию лекарственной помощью более широких кругов населения.

Рост промышленности в петровской России имел результатом развитие начатков прикладных научных знаний. Сведений об этом мы имеем пока еще мало, однако за последнее время обнаружен такой любопытный факт, как основание в Петербурге в 1720 г. при Берг-коллегии первой химической лаборатории, для которой было построено особое кирпичное здание на территории дворца царицы Прасковьи Федоровны против Литейного двора. Развитие металлургии требовало «способствования» рудных ископаемых, испытания сырья, поступавшего на заводы, а также полученных ими продуктов и привозимых из-за границы химикатов. Некоторые сохранившиеся данные говорят об интересе самого Петра к химии. За последнее время найдены записи условных обозначений металлов, химических веществ, посуды и пр., сделанных для Петра с целью облегчить ему изучение «опробовательной хитрости». Сохранилась и его собственноручная записка методики пробы различных металлов. Возможно, что Петр сам производил несложные анализы.

Хотя просвещение петровской эпохи в отличие от предшествующего времени носило ярко выраженный светский характер, новая столица не могла обойтись и без духовной школы. Характерно, что духовный регламент мотивировал необходимость обучения будущего духовенства ссылкой на благоприятные результаты, достигнутые при обучении военному делу, архитектуре, врачеванию.

В целях образования будущего духовенства в 1721 г. в новой столице при Александро-Невском монастыре открыта была Словенская школа, обучавшая главным образом детей служителей, дьячков и подьячих монастыря грамоте, грамматике, в городе, «но в стороне, где нет народного шума, ниже частых оказий, которые обычно мешают учению».

Для новых гражданских учреждений — Сената, коллегий — требовались знающие люди. Возник проект организации Академии политики для подготовки образованных чиновников. Однако он не получил осуществления. Часть воспитанников военных школ переходила на гражданскую службу, но таких людей было немного. Приходилось привлекать лиц из старых приказов и широко использовать учеников духовных школ. Нельзя не признать, что эти школы оказали значительную услугу новым гражданским и просветительным учреждениям: они дали людей и тем, и другим. Петербург вбирал в себя все лучшее, что могли ему предоставить духовные школы Москвы, Киева и других городов, и использовал их воспитанников с помощью нового светского обучения для нужд строящегося по новому государства и для нужд самого города. Провинциальная школьная молодежь очень часто успевала получить достаточное отвращение к мертвой схоластической науке, чтобы с интересом отнестись к более жизненному новому преподаванию. Когда осуществилось открытие задуманной Петром академической гимназии, главные пополнения ее шли в течение долгого времени за счет духовных школ.

Много слабее и неудачнее профессионального было поставлено в петровской столице, как и по всей России, общее образование. Дворянство почти не заботилось об обучении своих детей. Конечно, в больших городах и особенно в столице было меньше неграмотных

недорослей, чем в захолустных дворянских имениях, но все же, несмотря на суровые подчас правительственные мероприятия, образование дворянских сыновей, не говоря уже о дочерях, было весьма недостаточным. В лучшем случае оно находилось в руках домашних учителей, иностранцев, или содержателей частных иностранных пансионатов. В 1711 г. в Петербурге были четыре частные школы, о которых сохранилось, к сожалению, мало сведений. Обучали в них языкам, элементам арифметики, танцам и «пристойному обхождению». Так как ученики протестантского вероисповедания смешивались с православными, духовенство относилось к таким школам подозрительно, почему они обычно существовали недолго, тем более что и правительство не очень сочувствовало им, видя в них конкурентов своим школам.

И. И. Неплюев рассказывал в своих записках, что в октябре 1715 г. «по присланному указу перевели нас всех в школу в С.-Петербурге, которой школы был содержателем француз Боро». Однако над школой поставлены были русские «надзиратели» — сначала уже известный нам генерал-адмирал Ф. М. Апраксин, потом граф Г. П. Чернышев, также адмиралтейский деятель, любимец Петра, человек умный и прямой. После него надзирателем был назначен уже упоминавшийся А. А. Матвеев. Таким образом, иностранцы, содержатели пансионатов, находились под контролем русских людей, пользовавшихся особым доверием царя. Такие лица, как граф Чернышев, считавшийся отчасти врагом иностранцев, и Апраксин, во многом не сочувствовавший петровским реформам, должны были, вероятно, особенно строго выполнять контроль над иностранными пансионатами, подходя к ним с точки зрения защиты русских интересов.

Новая по своему светскому духу и профессиональным целям петровская школа не могла все же вполне оторваться от некоторых московских традиций, от старых методов и форм преподавания. Если и была признана сладость плодов учения, то горечь его корней продолжала считаться обязательной. Даже в таком привилегированном заведении, как Морская академия, дисциплина была жестока. Воспитанники находились под надзором «дядек», вооруженных хлыстами. Побег из школы закон карал смертной казнью, невозвращение вовремя из отпуска — каторжными работами. Правда, постановления эти являлись скорее угрозами, чем предписанием к исполнению, но все же такая угроза висела над послушниками. Школа была той же службой, и к воспитанникам ее государство относилось с такой же требовательностью, как и к лицам, находящимся на службе.

Противодействие, оказываемое наиболее отсталой частью петровского общества просветительным усилиям царя и его помощников, заставляло последних выступать устно и письменно в защиту просвещения. В писаниях, выпускавшихся раскольниками против царя, нападкам подвергалась и новая просветительная политика: «И учинил по еретическим книгам школы математические и академии богомерзких наук, в которых установил о звездочетия погодно печатать зловерующие календари». Сторонникам Петра приходилось поэтому проявлять большую энергию в защите новой школы и новой науки. Особенно примечательна в этом отношении деятельность Феофана Прокоповича. Переселение в Петербург этого выдающегося писателя и прекрасного церковного оратора сыграло весьма значительную роль в жизни столицы.

С Феофаном Прокоповичем Петр познакомился в 1706 г. в Киеве, куда приехал для основания Печерской крепости. Петр хорошо его запомнил и, видимо, уже тогда решил привлечь в число своих сотрудников. В 1715 г. Прокопович был вызван в Петербург, куда, задержанный в Киеве продолжительной болезнью, приехал только в 1716 г. Здесь он сразу же приступил к энергичной пропагандистской деятельности, сочиняя проповеди, в которых разъяснял реформы Петра и доказывал их необходимость. Одной из наиболее ярких была проповедь Прокоповича, произнесенная им 30 августа 1718 г. в Александро-Невском монастыре. В ней он ссылками на историю доказывал право России на Неву, Ингерманландию и Карелию. «Идеже Александр святой посея малое семя...где он трудился, дабы не безвестна была граница российская, ты престол российский тамо воздвигл еси», — говорил Прокопович, обращаясь к Петру, присутствовавшему на богослужении. Наряду с сочинением проповедей, Прокопович работал над различными богословскими трактатами и особенно над Духовным регламентом. В этой работе ему помогали вытребованные Петром в Петербург из Киева игумен Варлаам Леннецкой и иеромонахи Кохановский и Загурский. В Петербурге были напечатаны многие выдающиеся сочинения Прокоповича: «Розыск исторический» (1721), «Увещание от св. Синода невеждам» (1725) и др.

Обширный дом Прокоповича, окруженный лесом и красиво расположенный, являлся своеобразным литературным салоном петровского Петербурга. Высокообразованный и радушный хозяин всегда привлекал к себе посетителей из числа русских и иностранцев, среди которых светских людей было едва ли не больше, чем духовных. Первый по времени биограф Прокоповича (есть основание думать, что им был академик Байер) говорит, что собрания у

Прокоповича были своего рода аттическими вечерами, дававшими обильную пищу для бесед и размышлений. Долгие годы дом Прокоповича играл роль одного из виднейших культурных центров Петербурга.

Любопытны записки А. Болотова середины XVIII в. о его образовании:

«Наилучшим пансионом почитался тогда в Петербурге тот, который содержал у себя кадетский учитель старик Ферре, живший у самого кадетского корпуса; в сей-то пансион меня и отдали...

После отъезда моей матери в деревню, а родителя с полком в Финляндию, остался я один в Петербурге, посреди людей, совсем мне незнакомых. Не могу никак забыть того дня, когда меня привезли домой к учителю и оставили одного. Мне казалось, что я нахожусь в другом мире: все было тут дико, ново. Маленькая постелька и сундучок с платьем составляли весь мой багаж, а дядька мой Артамон был один только знакомый.

Учеников было человек пятнадцать; некоторые на содержании у учителя, а другие прихаживали только всякий день учиться, а обедать и ночевать хаживали домой. Из числа первых был некто господин Нелюбохтин, сын полковника гарнизонного, да двое господ Голубцовых, детей сенатского секретаря. Они жили вместе со мной, и каждому была отведена особливая конторочка в том же покое, где мы учились, досками огороженная. Мне, как новичку, и притом полковничьему сыну, была отведена лучшая с господином Нелюбохтиным, который был мальчик нарочито взрослый и притом тихого и хорошего характера. Голубцовы были меня старше, ибо мне тогда исполнилось десять лет отроду.

Учитель наш был человек старый, тихий и весьма добрый. Он и его жена, такая же старушка, любили меня отменно. Он сам мало нас учил, потому что по

обязанности должен был каждый день ходить в классы в кадетский корпус и учить кадетов. Ему доставалось учить нас час в полдень да вечером час.

Что касается содержания и стола, то он был обычный, пансионный, то есть очень умеренный. Наилучший и приятнейший кусок составляли булки по утрам. Обеды же очень тощи и в самые скоромные дни, а в постные и того хуже. Впрочем, иногда помогала ложка-другая щей с говядиной, варимых для себя слугой моим.

Поскольку язык французский я учил еще в Курляндии, то теперь ученье шло успешно и я в полгода обогнал всех моих товарищей и сделался первым в школе. Учение наше состояло в переводах с русского на французский эзоповых басен и газет русских.

Для географии учитель пригласил к нам какого-то немца. Для меня она была особенно любопытна. Европейская карта отпечаталась в уме моем так, что я мог ее всю пересказать. Жаль, что учение географии долго не продолжалось.

Что касается истории, то сию науку в пансионе не учили.

Но сей недостаток я восполнил чтением книг исторических, особенно «Похождение Телемака». Не могу даже пересказать, какую великую пользу она принесла мне. Сладкий пиитический слог французский пленил мое сердце и мысли, и я, достав книгу на русском языке, часто ее перечитывал. Я получил через нее понятие о мифологии, о древних войнах. Словом, сия книга послужила первым камнем, положенным в фундамент моей будущей учености, и жаль, что у нас в России тогда было так мало подобных книг на русском языке. Литература тогда только начиналась, и следовательно, не можно было мне, будучи ребенком, нигде получить книг для чтения».

* * *

А в военных учебных заведениях во второй половине XVIII столетия продолжалась перестройка, начатая в середине века и развивавшаяся по мере того, как дворянство освобождалось от обязательной военной службы, а его привилегии росли. Образцом для учебных заведений оставался Шляхетский корпус. Он все более терял военный характер. В низших классах корпуса давалось только общее образование, а в высших — профессиональное, но не только военное, а и гражданское. В уставе корпуса, принятом в 1766 г., было немало пышных фраз в духе передовой педагогики XVIII в. Так, целью обучения признавалось «сделать человека здоровым, украсить сердце и разум, готовить знатных граждан», приводить к учению, «подобно как в приятное украшенное цветами поле». Это был своего рода дворянский университет. В 1793 г. в корпусе училось 680 кадет и было 73 учителя.

Морской кадетский корпус был переведен в 1770-х гг. в Кронштадт, а в 1790-х гг. — в Ораниенбаум.

Артиллерийские и инженерные школы были соединены в 1762 г. в сводный Артиллерийско-инженерный корпус, находившийся на Петербургской стороне; характер его стал также общеобразовательным.

Корпуса все больше приобретали характер закрытых общеобразовательных учреждений для дворянской молодежи.

В 1760-х гг. были созданы и первые женские дворянские учебные заведения в соответствии с модными педагогическими идеями, проводником которых в окружении Екатерины II являлся вельможа И. И. Бецкой. Как и корпуса, женские учебные заведения были закрытыми воспитательными учреждениями.

Первым из женских учебных заведений был открытый в 1764 г. в Петербурге женский воспитательный институт возле Смольного монастыря — Императорское общество благородных девиц. Смольный институт был рассчитан на 200 дворянок, которые на 12 лет (с 6 до 18 лет) отрывались от домашней среды. Курс обучения отличался чрезвычайной многопредметностью, включая даже архитектуру и геральдику, а также рисование миниатюр, игру на музыкальных инструментах, домашнюю экономию и т. п. Но прежде всего воспитанницы Смольного должны были стать хорошими женами, поэтому их учили вышивать, готовить, вести домашнее хозяйство.

Главный принцип Смольного: в здоровом теле — здоровый дух! Для хорошего цвета лица в здании зимой поддерживалась температура ниже комнатной, для осанки воспитанницы спали на жестких постелях. С утра благородные девицы занимались гимнастикой, а потом обливались холодной водой прямо из Невы.

Смольный институт находился в ведении императрицы и только она могла назначать начальницу. Первой начальницей Смольного была княгиня Наталья Долгорукая. Однако вскоре ее сменила София де Лафон, в честь которой была названа площадь перед Смольным (позже — площадь Пролетарской диктатуры). Начальницы Смольного менялись редко — за все время существования Института их было всего девять. Учителями были в основном французы, потом преобладали немцы.

Поэт А. П. Сумароков, воспевая Екатерину II как основательницу Смольного института, писал:

Здесь девы российские как нимфы обитают,
И венценосицу богиней почитают,
Которая сих дев печется обучить,

И смертных сих девиц от смертных отличить.

Но для более проницательных современников были очевидны недочеты институтского воспитания. Князь М. М. Щербатов говорил, что «из девичьего монастыря для воспитания благородных девиц ни ученых, ни благодетельных девиц не вышло ... воспитание более состояло играть комедии, нежели сердце, нравы и разум исправлять». А остроумная эпиграмма XVIII в. предлагала следующую подпись к портрету Бецкого в связи с первым выпуском смолянок:

Иван Иванович Бецкий
Человек немецкий.
Носил мундир швецкий .
Воспитатель детский.
В двенадцать лет
Выпустил в свет
Шестьдесят кур
Набитых дур.

После отречения Николая II Императорское общество благородных девиц фактически прекратило свое существование. В здании осталась лишь часть воспитанниц, около 400, которые не уехали на каникулы.

В начале августа 1917 г. южную часть Смольного передали Петроградскому Совету, а 1 ноября 1917 г. «остатки девиц» были выселены из здания в связи со своей неблагонадежностью.

С октября 1917 г. Смольный стал центром подготовки большевистского восстания. Здание разделили на две части: в южной части обосновались революционные солдаты и матросы, в северной — 400 благородных девиц.

Девушки, конечно, очень смущались, однако задор солдат и матросов был полностью направлен на революционные дела, поэтому обошлось без жертв.

По образцу Смольного института были позднее открыты и другие институты для благородных девиц, а также «мещанское отделение», или «Особливое училище при Воскресенском Новодевичьем монастыре для малолетних девушек». Для мещанского института программа была снижена: из нее были исключены не только геральдика и архитектура, но и география и история.

Менее заметное место в системе учебных заведений столицы занимали непривилегированные средние школы.

Новой школой явилось воспитательное училище при Академии художеств, предназначенное для мещан, так как профессиональные художники редко выходили из дворянства. Здесь наблюдались те же недостатки, как и в прежних школах: отсутствие единства образовательной задачи, резкие различия в возрасте учеников, изучение дисциплин на выбор, без прохождения всего курса, довольно обширного (в него входили русский, латинский, французский и немецкий языки, закон Божий, арифметика и геометрия, история и география, рисование и танцы). Учащиеся делились на три возраста: детский, отроческий и юношеский, □ каждый с трехгодичным курсом.

Гимназия Академии наук продолжала действовать, но число учеников ее было невелико, далеко уступая числу учащихся в гимназиях московских и казанской; в 1781 г. их было всего 29 человек. Руководили гимназией видные русские ученые; особенно долго (с 1777 по 1794 г.) ею ведал известнейший исследователь русской флоры академик И. И. Лепехин, сам бывший питомец гимназии. Заботами Лепехина академическая гимназия продолжала выполнять ту ценную работу, которую она

вела при Крашенинникове и Ломоносове. Из ее стен в последней четверти XVIII в. вышел ряд крупных деятелей русской науки и культуры, среди них, например, сын придворного музыканта, будущий знаменитый путешественник, специалист по минералогии, академик В. М. Севергин, сын мастера шпалерной мануфактуры, адъютант, математик А. К. Кононов и др.

Но университет при Академии, за укрепление которого так энергично боролся в последние годы своей жизни Ломоносов, отстоять не удалось. Он был закрыт в 1767 г., и на целых полвека столица осталась без общеобразовательного высшего учебного заведения.

Ломоносов Михаил Васильевич (1711-1765) — ученый-энциклопедист, мыслитель, один из основоположников современного естествознания, поэт, поборник отечественного просвещения. Родился в Архангельской губернии в семье помора. В 19 лет ушел учиться в Москву. Учился в московской Славяно-греко-латинской академии, в Киевской духовной академии и в университете при Петербургской Академии наук. В 1736-1741 гг. находился за границей, где изучал естественные и технические науки. В 1742 г. был назначен адъютантом физического класса, а в 1742 г. профессором химии (академиком) Петербургской Академии наук. До конца жизни стоял в центре научной деятельности Академии, вел борьбу против чиновничьего произвола и засилия иностранцев, за выдвижение русских ученых. В 1760 г. избран членом Шведской Академии наук, в 1764 г. — почетным членом Болонской Академии. Своими открытиями обогатил почти все области знания. Многие его идеи более чем на сто лет опередили науку того времени. Впервые разграничил понятия «корпускулы» (молекулы) и

«элемента» (атома), что нашло всеобщее признание лишь с середины XIX в. В противоположность господствовавшим представлениям о теплороде, доказал, что тепловые явления обусловлены механическим движением материальных частиц. В труде «Опыт теории упругости воздуха» объяснил упругость газов движением их частиц. В 1748 г. высказал общий закон сохранения вещества и движения. В 1756 г. провел знаменитые опыты по обжиганию металлов в закрытом сосуде, которые дали первое неоспоримое доказательство сохранения вещества при химических реакциях и роли воздуха в процессах горения. В 1748 г. основал первую в мире химическую лабораторию, в которой проводились не только научные работы, но и практические занятия студентов. В этой лаборатории прочитал свой курс «Введение в истинную физическую химию», положив основание физической химии. Дал правильное объяснение таким явлениям как молния, северное сияние, предложил молниеотвод. Он впервые установил, что планета Венера окружена атмосферой. Сконструировал много оптических приборов, инструментов и т. п. Положил начало русской научно-технической терминологии. Много работал в области геологии, проявлял большой интерес к вопросам исследования полярных областей и Северного морского пути. Явился преобразователем русского литературного языка. Его труды «Письмо о правилах российского стихотворства», «Краткое руководство к риторике», «Российская грамматика» и др. положили начало научному изучению русского языка, способствовали укреплению национальной самостоятельности языка и обогащению его. Своей

поэтической практикой утвердил силлаботоническую систему стихосложения, на основе которой русская поэзия развивалась в XVIII – XX вв.

Развивалось специальное техническое образование. В 1774 г. было открыто Горное училище при Берг-коллегии, помещавшееся на Васильевском острове между 21-й и 22-й линиями в двух домах гр. П. Б. Шереметева. Профессорами здесь были отчасти приезжие иностранцы, отчасти петербургские академики; некоторые предметы читались на немецком языке. На дворе училища был устроен примерный рудник с шахтами, штольнями, воротами. В 1788 г. появилась своя обсерватория. Училось в Горном училище 70 казенных студентов и 50 своекоштных.

В Литейной части было открыто Водоходное училище для купеческого мореплавания.

Подготовка специалистов к врачебной деятельности также поднялась на более высокую ступень. В хирургической школе при Сухопутном и Морском госпиталях преподавались анатомия, физиология, ботаника, патология, хирургия и повивальное искусство. В конце XVIII в. в ее штате числилось 5 профессоров, 2 учителя (по латинскому языку и рисованию), прозектор и 1 оператор. В Московской части близ Фонтанки в 1783 г. было основано Медицинское училище с трехлетним курсом на 30 казеннокоштных учеников и 50 волонтеров; при нем была небольшая больница для прохождения медицинской практики. Лекари и подлекари обучались также при Аптекарском саде.

Между тем стали задумываться и об общем образовании. Ф. В. Кречетов, представляя в 1791 г. проект учреждения «национальной благоучительной школы», доказывал необходимость народных школ тем, что в России из людей «среднего рода» только

половина, а среди земледельцев один из ста грамотные, не говоря уже о женщинах.

В 1777 г. Новиковым были основаны в столице две начальные школы для детей обоего пола — Екатерининская и Александровская. Они содержались на доход, получаемый от издания журнала «Утренний свет», начавшего выходить в этом году.

Желая втянуть общество в свое начинание, Новиков предлагал частным лицам вносить по 40 руб. в год на содержание в новых школах по одному ученику. После основания первого училища — Екатерининского, ему удалось получить ряд пожертвований для открытия второго. Устроенное при церкви Благовещения на Васильевском острове, представлявшем в это время в значительной мере центр учебной и научной жизни столицы, это второе училище, получившее название Александровского, стало многочисленнее первого: в 1779 г. в нем находилось 93 ученика, а в Екатерининском всего 32.

Вслед за Новиковым вопросами народного образования занялся Кречетов. Получив в 1781 г. звание учителя, он поставил перед созданным им в Петербурге Всенародным вольным обществом задачу распространения наук «посредством наискорейшего обоего пола людей читать и писать научения». Один из членов Общества, оказавшийся доносчиком, показывал, что на его вопрос Кречетову: «Да на какой же конец ты такие школы заводишь, ведь ныне, по милости государыниной везде заведены училища», — тот ответил: «Это только мажет по губам государыня из одного тщеславия, а я де заведу училище такое, что наберу множество людей, да и баб до тысячи...».

Начинание Новикова вызвало недовольство Екатерины II. Она даже не подписалась на «Утренний свет» и никаких пожертвований на новиковские школы не сделала; между тем данные этим школам названия

как бы апеллировали к ее помощи. Однако деятельность Новикова побудила правительство вплотную заняться вопросом о начальной школе. В 1781 г. Екатерина II учредила в Петербурге Исаакиевское училище и выразила надежду, что и в других частях города «обитатели, по мере состояния своего, не откажутся содействовать пользе сограждан своих».

В том же году в столице открылось еще 6 школ: во 2-й Адмиралтейской, в Московской, в Литейной части, на Васильевском острове, на Петербургской и на Выборгской стороне.

Учащимися были дети купцов, мещан, приказчиков, господских служителей, солдат, иногда офицеров.

Учили в этих школах грамоте, закону Божию, арифметике и рисованию; в Василеостровском училище, кроме того, — истории и географии, вероятно, ввиду сосредоточения на Васильевском острове детей, родители которых работали в просветительных учреждениях.

В 1781 г. в этих школах насчитывалось 485 учеников, причем больше всего их обучалось в школах Васильевского острова и Петербургской стороны (100 и 102 человека).

Для более систематического проведения школьной реформы была образована в 1782 г. Комиссия о учреждении училищ. Председателем ее являлся П. В. Завадовский, деятельным членом П. И. Пастухов. Приехавший в том же году в Петербург крупный педагог — деятель австрийской школьной реформы серб Янкович де Мириево был назначен заведующим Главной школой в Петербурге. Комиссия выработала «План к установлению народных училищ в Российской империи», утвержденный 27 сентября 1782 г.

Дальнейшая работа сосредоточилась на открытии новых школ и реорганизации старых, введении единообразия в обучении, подготовке учителей и

учебников. Школы были разделены на два типа: двухклассные — малые и четырехклассные — главные; в первую очередь открывались преимущественно малые — для главных еще не хватало учителей.

В январе 1783 г. Приказом общественного призрения было предписано приготовить для петербургских училищ столы, скамьи, доски. Вскоре для них стали приобретаться или строиться дома. Обучение проводилось бесплатно с раздачей учебных книг.

В эти же годы приступили к написанию или переводу учебников. Были составлены учебники по географии России, арифметике, геометрии, механике (племянник Ломоносова М. Е. Головин), русской грамматике (проф. А. А. Барсов), русской истории (акад. И. Г. Штриттер); Ф. И. Янкович де Мириево составлял словари.

К уже упоминавшимся прежним низшим школам прибавились Казанская и Благовещенская. Благовещенская находилась, как и Андреевская, на Васильевском острове и была открыта ввиду чрезмерного стечения учеников в Андреевской школе.

В декабре 1783 г. в Петербурге открылось Главное народное училище, имевшее целью подготовку педагогов для всей страны. В программу преподавания входили математика, физика, естественная история, гражданская архитектура, чтение книги «О должностях человека и гражданина», русский, латинский и немецкий языки, черчение и рисование. В высших двух классах преподавали адъюнкты Академии наук (В. Ф. Зуев, М. Е. Головин и др.) и профессора, а в младших двух — подготовленные семинаристы. Старшие ученики посещали лекции в Академии наук. При Главном народном училище были созданы научные кабинеты и библиотека, выписывались русские и заграничные журналы.

По образцу Главного народного училища была реформирована существовавшая в Петербурге при лютеранской церкви немецкая школа св. Петра, для которой переводились на немецкий язык русские учебники.

С 1786 г. от петербургского Главного народного училища отделилась Учительская семинария. Там было организовано два факультета: математический и исторический; однако слушатели не ограничивались рамками избранной ими факультетской специальности, а обязывались проходить сокращенный курс и другого факультета.

Итоги мероприятий в области народного образования все же были скромными. В 13 русских училищах Петербурга в 1789 г. насчитывалось 2607 мальчиков и 522 девочки, а в 1792 г. — 3198 мальчиков и 535 девочек учащихся. Это значит, что огромная масса детей города с двухсоттысячным населением не была охвачена школой.

Помимо государственных школ, в Петербурге имелось немало частных пансионов, принадлежавших иностранным подданным. В них обучались и воспитывались почти исключительно дети дворян. Здесь большое внимание уделялось изучению так называемых светских, или шляхетских, наук (геральдика, фехтование, танцы и т. п.); изучение латинского языка, языка науки, отодвинутое на задний план, стало факультативным, уступив место новым иностранным языкам, столь необходимым «в обществе».

Стремясь взять дело образования в свои руки, правительство установило контроль и за работой частных пансионов. В сентябре 1784 г. вышел указ о подчинении всех частных пансионов Комиссии народных училищ, на которую возложена их ревизия. При этом выяснилось, что в Петербурге имеется 28 иностранных и 18 русских вольных школ.

В первую очередь намечались меры к упорядочению иностранных пансионов: в преподавание введен единообразный план, обучение русскому языку стало обязательным, но преподавание могло вестись и на иностранном языке.

В русских частных школах насчитывалось в 1784 г. всего 159 учеников. Здесь недворянские дети учились грамоте и арифметике. Содержателями этих школ были писари, дьячки, церковные сторожа, мещане, дворцовые крестьяне, а также жены солдат и канцеляристов. Если к дворянским пансионам правительство относилось терпимо, то существование русских частных школ считало излишним: они были закрыты, а 159 учеников их распределены по народным училищам.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

Аврамов Михаил Петрович (1681-1752) — государственный и политический деятель, писатель. Служил подьячим в Посольском приказе, в 1697-1702 обучался в Голландии «типографским наукам». С 1702 дьяк Оружейной палаты, затем участвовал в создании петербургской типографии (1711), ее первый директор. В 1712 издал стихотворное приветствие Петру I, вернувшемуся из Прутского похода. С 1716 собирал материалы по русской истории. Составитель «Книги Марсовой или воинских дел» — о победах русской армии в Северной войне. Женитьба на дочери кабинет-секретаря А. В. Макарова обеспечила Аврамову быстрое продвижение по службе, чин статского советника. В 1721-1724 служил в Берг-коллегии. После воцарения Петра II выступил против петровских реформ, обвинял

Феофана Прокоповича в еретичестве. За доносы в 1732 попал в Тайную канцелярию, провел 10 лет в ссылке. Возвращен в Петербург императрицей Елизаветой Петровной в 1741. Настаивал на усилении церковной цензуры, выступал против иностранцев в России, предлагал вместо металлических денег выпускать бумажные. После челобитной императрице, как ей следует править, в 1748 арестован, умер в темнице.

Адодуров (Ададуров) Василий Евдокимович (1709–1780) — государственный деятель, ученый. Учился в Новгородском духовном училище, Славяно-греко-латинской академии, Академической гимназии, Академическом университете. Участвовал в подготовке немецко-латинско-русского лексикона Вейсмана (1731), составил к нему краткий очерк грамматики на немецком языке. В 1733 первым из воспитанников АН получил звание адъюнкта по кафедре высшей математики. Составил полную Российскую грамматику (1741). С 1739 служил переводчиком у А. П. Волынского, был под следствием по его делу. С 1741 в Герольдмейстерской конторе наблюдал за печатанием материалов к коронации Елизаветы Петровны. Был секретарем при А. Г. Разумовском. В 1744 пожалован калужским советником и назначен преподавателем русского языка будущей императрице Екатерине II. В 1756–1759 содержался под домашним арестом по делу А. П. Бестужева-Рюмина. В 1759–1762 в чине статского советника был помощником оренбургского губернатора. В 1762 куратор Московского университета и президент Московского отделения Мануфактур-коллегии. С 1763 сенатор, жил в Петербурге.

Алексей Михайлович (1629–1676) — русский царь (1645–1676), сын царя Михаила Федоровича Романова и царицы Евдокии Стрешневой, отец царя Петра I. Сторонник абсолютизма. Правительство Алексея Михайловича стимулировало развитие промышленности

и торговли, реорганизовало армию. Подавил восстания в Москве (1648, 1662; Медный бунт), Пскове и Новгороде (1650), восстание Степана Разина (1671). При нем Соборное уложение 1649 окончательно оформило крепостное право, проведена церковная реформа патриарха Никона. Вел активную внешнюю политику. В 1654 начал войну с Речью Посполитой за Украину и Белоруссию, в результате которой закреплено воссоединение Левобережной Украины с Россией, России возвращены Смоленск, Северская и другие земли. Лично участвовал в военных походах. К своему титулу добавил «вел. кн. Литовский и Белой России, Волынский и Подольский». В войне со Швецией (1656–1658) за выход к Балтийскому морю не достиг цели. Похоронен в Архангельском соборе Кремля.

Алексей Петрович (1690–1718) — царевич, старший сын Петра I и его первой жены Евдокии Лопухиной. Воспитывался бабушкой Н. К. Нарышкиной, матерью, затем теткой Натальей Алексеевной. Отличался начитанностью, знал иностранные языки. Выполнял поручения отца в ходе Северной войны, но к петровским реформам относился враждебно. В 1709–1712 путешествовал по Европе, обучался в Дрездене. В 1711 по настоянию отца женился на принцессе Софье-Шарлотте Браунгшвейг-Вольфенбюттельской, их дети — Наталья (1714–1728) и Петр (будущий император Петр II). В 1716 тайно уехал со своей любовницей в Вену под защиту австрийского императора. Скрываясь, жил в Тироле, потом в Неаполе. Поверив уговорам П. А. Толстого, возвратился в Россию, где был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Во время следствия выдал своих сообщников Кикина, Дубровского, Большого и других. Верховным судом приговорен к смертной казни. Есть версия, что был задушен. Похоронен под лестницей колокольни Петропавловского собора.

Анна Иоанновна (1693-1740) — российская императрица с 1730, дочь Ивана V Алексеевича и П. Ф. Салтыковой, племянница Петра I. С 1710 жила в Курляндии. Приглашена на престол Верховным тайным советом при условии подписания “Кондиций”, которые ограничивали самодержавие в пользу феодальной аристократии. При поддержке гвардии в начале правления отказалась от подписанных «Кондиций» и ликвидировала Верховный тайный совет. Дала ряд привилегий дворянству. При ней государственные посты занимали немцы — выходцы из Курляндии во главе с фаворитом Э. Бироном, от имени которого царствование получило название бироновщины. В 1731 учредила Кабинет министров. При ней в 16 городах открыты духовные семинарии, учреждена смертная казнь за богохульство.

Анциферов Данила Яковлевич (?—1712) — землепроходец, один из первых исследователей Курильских о-вов. В 1711 был выбран казачьим атаманом и вместе с И. П. Козыревским возглавил партию русских казаков, посетивших два северных острова Курильской гряды. Был убит на Камчатке ительменами. Челобитные, подписанные им и его товарищами, были первыми описаниями этих островов. Его имя присвоено мысу и вулкану на о-ве Парамушир.

Апраксин Андрей Матвеевич (1663-1731) — государственный деятель, писатель. Был стольником при Федоре Алексеевиче и Иване V. Участвовал в гаагских и амстердамских переговорах, путешествовал по Италии. Вел путевые записки, где рассказал о Великом посольстве, маневрах с участием Петра I, архитектуре Италии.

Апраксин Петр Матвеевич (1659-1728) — государственный деятель. В 1677 стольник, с 1689 окольныйничий, с 1698 воевода в Новгороде. После поражения русских войск под Нарвой (1700) ему

поручен набор драгунских полков, которые вместе со стрельцами прикрывали северную границу России. В 1704 разбил шведский отряд, спешивший на помощь нарвскому гарнизону. Будучи астраханским губернатором, подавил астраханское восстание 1705–1706. В 1706 заключил с ханом Аюкой договор о переходе калмыков к России. В 1708–1713 казанский губернатор, в 1717 сенатор. В 1718 арестован по подозрению в содействии побегу царевича Алексея Петровича. Признан невиновным. С 1722 президент Юстиц-коллегии.

Апраксин Степан Федорович (1702–1758) — генерал-фельдмаршал. В детстве записан рядовым в Преображенский полк, с 1727 капитан. Отличился при взятии Очакова (1737) в русско-турецкую войну. Начальник войск на персидской границе, посол в Персии. В 1743 вице-президент Военной коллегии, в Семилетнюю войну главнокомандующий армией. Отошел с армией к Тильзиту якобы из-за плохого снабжения войск. Отстранен от командования, обвинен в измене и арестован. Умер во время следствия.

Апраксин Федор Матвеевич (1661–1728) — генерал-адмирал, брат царицы Марфы — жены царя Федора Алексеевича. С 1682 стольник Петра I. В 1693–1696 двинский воевода и губернатор Архангельска. В 1696 участвовал в Азовском походе, руководил строительством азовского флота. С 1708 командовал корпусом в Ингерманландии, в 1712–1723 управлял Эстляндией, Ингерманландией, Финляндией, командовал галерным флотом в гангутском сражении 1714. В 1717–1728 президент Адмиралтейств-коллегии. В Персидском походе 1722–1723 командовал Каспийской флотилией, в 1723–1726 Балтийским флотом. Несколько раз обвинялся в казнокрадстве, но из-за симпатии Петра к нему отделялся штрафами. С

1726 член Верховного тайного совета, сторонник Меншикова.

Атласов (Отласов), Владимир Васильевич (?—1711) — землепроходец. Сибирский казак. В 1672 был взят для «прииска новых земель» и сбора ясака на «цареву службу» в Якутске. В 1695 послан «прикащиком» в Анадырск. В 1697—1699 совершил походы по Камчатке. «Объясачил» (обложил данью) местные народы и оформил присоединение Камчатки к Московским землям. Оставленные им описания («скаска») по ценности имеющихся в них географических и этнографических материалов намного превосходят отчеты других землепроходцев. В «скасках» помещены первые обширные и достоверные сведения о природе Камчатки и населяющих ее народностях и племенах, приведены материалы о Чукотке, Аляске и первые сведения о Курильских о-вах и Японии.

Баженины, братья Федор Андреевич (1663—1726) и Осип Андреевич (?—1723) — промышленники, многоспособствовавшие строительству торговых и рыболовных судов в России. В 1700 соорудили корабельную верфь близ Архангельска, в устье р. Вавчуги, притока Сев. Двины, и при верфи механический, лесопильный, пенькопрядильный и парусный заводы. Петр I выдал им жалованную грамоту, по которой им разрешалось строить корабли, ввозить из-за границы без пошлины необходимые для этого материалы и свободно нанимать рабочих для верфи. Пользуясь такой привилегией, построили много кораблей. Уже в 1702 были спущены на воду два военных фрегата. В 1703 через Белое море в Англию и Голландию был отправлен первый русский торговый корабль, что способствовало развитию торговых отношений с другими государствами. В 1725 на верфи по заказу русского правительства были построены три китобойных судна для морских промыслов. Петр I в 1702

присвоил Осипу звание корабельного мастера, а Федора в 1711 назначил экипажмейстером.

Барятинский Иван Федорович (1689–1738) — генерал-аншеф, во время Персидского похода 1722 его отряд захватил Сальянскую область. При воцарении Анны Иоанновны выступил против Верховного тайного совета. С 1730 сенатор, с 1735 московский генерал-губернатор, с 1736 управлял Малороссией. Участвовал в дворцовом перевороте Екатерины II, с 1788 гофмаршал, президент придворной конторы. С приходом Павла I в отставке.

Бахарев (Бахорев) Никита (1705—?) — механик. С 1712 учился в Московской математико-навигационной школе и с 1724 — в Морской академии в Петербурге. В 1729 приехал на Урал, где с 1735 был механиком. Работал при Сибирском обер-бергамте (горном управлении), в ведении которого находились уральские и сибирские казенные заводы и рудники. Был одним из инициаторов добычи, обработки и использования уральских самоцветов и поделочных камней. В 1748 построил механические предприятия с водяным приводом для обработки мрамора и оригинальные шлифовальные мельницы. Был учителем замечательного теплотехника и механика И. И. Ползунова, который работал у него на Екатеринбургском заводе с 1742 по 1747 в качестве «механического ученика».

Бекович-Черкасский (Александр (?–1717) — политический деятель, князь. Кабардинец, принял православие. Отправлен в 1707 Петром I в Голландию для изучения навигации. По возвращении произведен в поручики и послан на Кавказ; составил проект присоединения Северного Кавказа к России. Участвовал в экспедициях на Амударью, в Хиву. В 1714–1716 обследовал восточный берег Каспия и основал там три крепости. Был убит в хивинской экспедиции.

Белосельский-Белозерский Михаил Андреевич (1702–1755) — вице-адмирал, с 1740 советник Экипажной экспедиции, с 1743 генерал-церемониймейстер, в 1745–1749 глава Адмиралтейств-коллегии.

Беринг Витус Ионассен (1681–1741) — мореплаватель, капитан-командор. С 1703 подпоручик на русском флоте, участвовал в Северной войне, командовал кораблями. В январе 1725 начальник первой Камчатской экспедиции, в 1732 начальник второй экспедиции. Основал на Камчатке Петропавловск (1740), достиг Аляски, открыл Алеутские и Шумагинские о-ва. В ноябре 1741 корабль Беринга пристал к неизвестным островам (Командорским) и во время стоянки был сильно поврежден. Экипаж перебрался на остров и устроился на зимовку, во время которой часть людей и сам Беринг умер от цинги. Его именем названы остров, море на севере Тихого океана.

Бестужев-Рюмин Алексей Петрович (1693–1766) — государственный деятель, дипломат. Учился в Дании и Германии (1708–1712). Служил при посольствах в Голландии и Англии, состоял при дворе будущей императрицы Анны Иоанновны, затем был послом России в Дании и Гамбурге. В 1740 кабинет-министр. Поддерживал Бирона, за что арестован и в 1741 приговорен к смертной казни, замененной на ссылку в деревню. Назначен Елизаветой Петровной вице-канцлером и сенатором, с 1744 канцлер. С 1758 в опале, под следствием. В 1742 оправдан, получил от Екатерины II чин генерал-фельдмаршала.

Бидлоо Николай (?—1735) — голландский анатом и хирург. В 1703 приглашен Петром I в Москву на должность главного врача госпиталя (осн. в 1706—1707), ставшего первой в России школой для подготовки врачей.

Бланк Иван Яковлевич (1690–1745) — архитектор, ученик М. Г. Земцова. Участвовал в строительстве дворца царицы Прасковьи Федоровны (Университетская наб.; не сохранился), Знаменской церкви в Царском Селе, церкви свв. Симеона и Анны на Моховой улице, занимался устройством фонтанов в Петергофе.

Богданов Андрей Иванович (1696–1766) — историк, первый русский книговед. В 1712–1719 пороховых дел мастер. В 1719 определен Петром I в петербургскую типографию. С 1730 в библиотеке Петербургской АН, фактически возглавлял Русский отдел библиотеки, занимался его комплектованием. Составлял словари, указатели, в 1741 подготовил «Собрание пословиц и присловиц российских», руководил школой японского языка. Автор первого исторического исследования о северной столице — «Историческое, географическое и топографическое описание С.-Петербурга от начала наведения его».

Браунштейн Иоганн Фридрих — архитектор, в Петербурге с 1713. В Петергофе занимался строительством Большого дворца, флигелей, планировкой садов. В Царском Селе строил дворец Екатерины I, в Кронштадте возвел здания губернских домов, «минихова дома». Участвовал в отделке Летнего дворца Петра I в Летнем саду и дворцов Меншикова в Петербурге и Ораниенбауме.

Брюс Яков Вилимович (1670—1735) — государственный деятель и ученый, один из ближайших сподвижников Петра I, генерал-фельдмаршал Родился в России, куда его дед, шотландец, переселился еще в 1647. Начал свою службу в «потешных» войсках Петра I. Сопровождал его за границу в 1697—1698. Во время Северной войны командовал русской артиллерией. С 1717 — президент Берг- и Мануфактур-коллегии. За удачное заключение Ништадтского мира со Швецией в 1721 получил титул графа. Наряду с военной и

государственной деятельностью выполнял различные поручения Петра I в области культуры и просвещения. Во время осады Азова в 1696 составил карту земель от Москвы до берегов Малой Азии. Хорошо зная астрономию, давал указания о проведении астрономических наблюдений, в частности о наблюдениях солнечного затмения 1699 и солнечных пятен. В основанной Петром Навигацкой школе оборудовал астрономическую лабораторию, в которой после 1702 производил наблюдения. По выбору и указанию Петра I перевел на русский язык книгу голландского физика и астронома Х. Гюйгенса «Космотеорос» (1698), содержащую общедоступное изложение гелиоцентрической системы мира, и написал к ней предисловие. Перевод ее был издан (без указания имен автора и переводчика) в 1717 и 1724 под заглавием «Книга мирозрения». В ней изложен закон тяготения Ньютона. Редактировал земные глобусы и глобусы небесной сферы, географические карты, напечатанные в гражданской типографии в Петербурге. С 1706 ведал русским книгопечатанием. Ему приписывали составление известного календаря, написанного и напечатанного в Москве в 1709—1715 (Брюсов календарь). В 1726 вышел в отставку. По завещанию часть его богатых коллекций рукописей, физических приборов, монет, медалей и других редкостей передана Академии наук.

Бужинский Гавриил Федорович (1680-1751) — церковный деятель, писатель. Учился в Киево-Могилянской академии, с 1709 префект академии. В 1714 вызван Петром I в Александро-Невский монастырь, а в 1718 назначен обер-иеромонахом флота. С 1722 архимандрит Троице-Сергиева монастыря. С 1726 епископ Рязанский и Муромский. Примыкал к группе Феофана Прокоповича. Автор похвального «Слова» в честь семьи царя Петра, «Синаксарии» Александру

Невскому и др. Перевел на русский язык «Разговоры дружеские» Э. Роттердамского, «Введение в историю европейскую» С. Пуфендорфа.

Бутурлин Иван Иванович (1661–1738) — генерал-аншеф (1721). Спальник, затем стольник при дворе Петра I. В 1687 премьер-майор Преображенского полка. Участвовал в Азовских походах 1695 и 1696. С начала Северной войны командовал гвардией, под Нарвой (1700) взят в плен, в 1710 обменен на шведского генерала. С 1711 командующий корпусом на Днестре; в 1712 разбил запорожцев у реки Каменка. С 1712 командующий войсками в Курляндии. Участник Гангутского морского сражения, экспедиции в Данию (1716). В 1718 участвовал в допросах царевича Алексея Петровича. В 1719–1722 командующий гвардией. В 1727 по инициативе Меншикова лишен чинов и отправлен в свое поместье.

Бухгольц Иван Дмитриевич (1671–1741) — путешественник, генерал-майор. С 1689 в Преображенском полку, в 1714 назначен начальником экспедиции в Прииртышье для поиска золота и строительства крепостей. В 1716 заложил Омскую крепость. В 1724 назначен на российско-китайскую границу в Забайкалье, в 1728 генеральным правителем пограничных областей, в 1731 комендантом Селенгинской крепости. С 1740 в отставке.

Вагин Меркурий (?–1712) — землепроходец, совершивший первое путешествие на Ляховские о-ва. Якутский казак. Весной 1712 во главе казачьего отряда прошел из Усть-Янска сухим путем до Святого Носа, а затем по льду перешел на Большой Ляховский о-в, откуда был замечен Малый Ляховский о-в; вернулся на материк до вскрытия моря. Был убит вместе с сыном и казачьим старшиной Л. Пермяковым взбунтовавшимися казаками.

Варлаам (Василий Леницкий);(?-1741) — церковный деятель, писатель. Из польских дворян, окончил Киево-Могилянскую академию. В 1711 домовый священник Б. П. Шереметева в Прутском походе. В 1711-1712 священник при посольстве Шереметева в Константинополе. В 1712-1713 как паломник жил в Иерусалиме, схвачен на Кипре турками и посажен в тюрьму. В 1714 вернулся в Россию, с 1719 епископ Суздальский, наблюдал за первой женой Петра Евдокией Лопухиной, содержащейся в Суздальском монастыре. В 1722 лишен сана за пьянство и пр. Прощен Петром и в 1722 назначен епископом Коломенским. Участвовал в коронации Екатерины I и погребении Петра I. С 1730 архиепископ Псковский. Организовал духовные школы и училища в Суздале, Коломне, Астрахани.

Вейде Адам Адамович (1667-1720) — генерал от инфантерии. Начиная военную службу в «потешных» войсках Петра I, участвовал в Азовских походах 1695-1696. Изучал военное и морское дело за границей. В 1698 составил Воинский устав, где изложены обязанности всех воинских чинов, правила их поведения. Был одним из составителей Устава воинского 1716. В 1699-1700 формировал в Москве пехотные и драгунские полки. В начале Северной войны командовал дивизией, в Нарвском сражении попал в плен, из которого вернулся в 1710. Командовал дивизией в Прутском походе 1711, в походах 1714-1716 в Финляндию и Померанию. Отличился в Гангутском морском сражении, командуя галерой, на которой находился царь Петр. С 1717 президент 2-й Военной коллегии.

Вепрейский Никита — управитель города Бахмута в первой четверти XVIII в., организовавший в 1723, совместно с капитаном Семеном Чирковым, первые крупные разработки каменного угля на территории

современного Донбасса. Под его руководством в угольных разработках участвовало около 200 человек. Местные жители широко использовали ископаемый уголь для кузнечных работ и солеварения. В результате его опытов во многих местностях России в XVIII в. были начаты разработки ископаемого угля для производственных целей.

Веселовский Авраам Павлович (1685–1783) — дипломат. В 1705 окончил гимназию в Москве, в 1705–1708 за границей при кн. Б. И. Куракине. В 1708–1709 переводчик в Посольском приказе. С 1710 в канцелярии Меншикова, с 1715 резидент в Вене; руководил поисками царевича Алексея Петровича. В связи с высылкой австрийского резидента из Москвы вынужден был покинуть Вену. По неясным причинам скрылся и жил в Англии. В 1720 царь Петр приказал найти его и арестовать, но поиски не увенчались успехом. С начала 1730- гг. жил в Женеве.

Веселовский Исаак Павлович (1690–1754) — дипломат. С 1707 переводчик в Посольском приказе. С 1709 служил при русском посольстве в Пруссии и Дании. Сопровождал Петра I в зарубежной поездке 1716–1717. С 1720 секретарь Коллегии иностранных дел, затем служил в Берг-коллегии, в Комиссии уложений. В 1722–1725 преподавал французский язык цесаревнам Анна Петровне и Елизавете Петровне. За какие-то «предерзости» арестован в 1728 и сослан. При Елизавете Петровне в Коллегии иностранных дел, тайный советник.

Вилегин Иван — землепроходец, промышленник. Ок. 1720 отправился по льду в направлении Медвежьих о-вов; посетил один из них (Крестовский), где обнаружил следы давнего пребывания людей — старые юрты и места стоянок. Видимо, это были становища чукчей, обнаруженные русскими, побывавшими у Медвежьих о-вов еще в конце XVII в.

Виниус Андрей Андреевич (1641-1717) — государственный деятель. Дьяк, думный дьяк (1695). С 1664 переводчик в Посольском приказе. В 1677-1689 служил в Аптекарском приказе, возглавлял Почтовое ведомство Посольского приказа, в 1697-1703 возглавлял Сибирский приказ. В 1703 разжалован за хищения. В 1706 бежал в Голландию. Прощен Петром I, с 1708 вновь в России. Переводил французские книги по механике, артиллерии и др. Собрал неплохую иностранную библиотеку.

Волков Михаил — рудознатец, крепостной крестьянин. Много лет занимался разведками руд в центральных районах страны. В 1719 был послан для разведки земных недр в Сибирь. Недалеко от Кузнецка и Томска обнаружил ряд месторождений железной и медной руды. В 1721 открыл на берегу р. Томи «горелую гору» — месторождение каменного угля. Образцы найденного каменного угля в 1722 испытывались в Петербурге и дали положительный результат.

Волынский Артемий Петрович (1689-1740) — известный государственный деятель. В 1704 зачислен солдатом в драгунский полк. В 1711 был уже ротмистром и снискал расположение царя. Состоя при Шафирове во время Прутского похода, он в 1712 разделил с ним плен в Константинополе. В 1715 Петр отправил Волынского в Персию «в характере посланника». Его миссия имела две цели: всестороннее изучение Персии и приобретение торговых привилегий для русских купцов. Оба поручения Волынский выполнил успешно (1718) и был произведен в генерал-адъютанты (последних было тогда всего 6) и в 1719 назначен губернатором в учрежденную Астраханскую губернию. Здесь он скоро успел ввести некоторый порядок в администрации, поправить отношения с калмыками, поднять экономическую жизнь края и сделать немало приготовлений к предстоявшему

персидскому походу. В 1722 женился на двоюродной сестре Петра I, Александре Львовне Нарышкиной. Предпринятый в этом году поход в Персию окончился неудачно. Враги Волынского объясняли это поражение Петру ложными будто бы сведениями, доставленными Волынским, и кстати указали на его взяточничество. Царь жестоко наказал Волынского своей дубинкой и уже не доверял ему по-прежнему. В 1723 у него была отнята «полная мочь», предоставлена одна только деятельность административная, и от участия в войне с Персией он был совсем устранен. Екатерина I назначила Волынского губернатором в Казань и главным начальником над калмыками. В последние дни царствования Екатерины I Волынский по проискам, главным образом, Ягужинского, был отставлен от этих должностей. При Петре II, благодаря сближению с Долгорукими, Черкасскими и др., ему снова удалось получить пост губернатора в Казани, где он и пробыл до конца 1730. Страсть его к наживе и необузданный нрав в Казани достигли своего апогея, и вызвали учреждение над ним со стороны правительства «инквизиции». Отставленный от должности, он получает в ноябре 1730 новое назначение в Персию, но скоро определяется, вместо Персии, воинским инспектором под начальством Миниха.

Политические взгляды Волынского высказаны были в первый раз в «Записке», составленной (1730) сторонниками самодержавия, но поправленной его рукой. Он не сочувствовал замыслам верховников, но был ревностным защитником интересов шляхетства. Заискивая перед всесильными тогда иноземцами — Минихом, Левенвольде и самим Бироном, Волынский сходится, однако, и с их тайными противниками, Еропкиным, Хрущовым и Татищевым, ведет беседы о политическом положении Русского государства и строит планы исправления внутренних

государственных дел. Слухи о бунтовских речах Волынского окончательно решили его участь. Остерман и Бирон представили императрице свои донесения и требовали суда над Волынским; императрица не согласилась на это. Тогда Бирон, оскорбленный поношением его действий и избиением Тредьяковского (происходившим в его покоях), прибегнул к последнему средству. «Либо мне быть, либо ему», — заявил он Анне Иоанновне. В первых числах апреля 1740 Волынскому было запрещено являться ко двору; в апреле, вследствие доложенного императрице дела 1737 о 500 рублях казенных денег, взятых из конюшенной канцелярии дворецким Волынского «на партикулярные нужды» его господина, последовал домашний арест, а через три дня приступила к следствию комиссия. Первоначально Волынский вел себя храбро, желая показать уверенность, что все дело окончится благополучно, но потом упал духом и повинился во взяточничестве и утайке казенных денег. При дальнейшем допросе Волынского его называли клятвопреступником, приписывая ему намерение произвести переворот в государстве. Под пыткой Хрущов, Еропкин и Соймонов прямо указывали на желание Волынского самому занять российский престол после кончины Анны Иоанновны. Приговорен к отсечению головы.

Галаган Игнатий Иванович (?-1748) — военный деятель, сын казака. Старшина в Запорожской Сечи, в 1706 командовал полком в союзе с русскими войсками против шведов. Вместе с Мазепой перешел на сторону шведов, но вскоре явился с повинной к Петру I, приведя с собой 60 пленных шведов. С 1709 чигиринский полковник, с 1714 прилуцкий полковник. Участвовал в Персидском походе 1722-1723. Руководил сооружением украинской укрепленной пограничной линии.

Командовал казачьим отрядом в войне за Польское наследство (1733–1735). Нажил большое состояние.

Ганнибал Абрам (Ибрагим) Петрович (1697–1781) — военный инженер, в Петербурге с 1706. Проектировал и строил в Петербурге, Кронштадте, Ревеле, в Сибири. Перестраивал бастионы Петропавловской крепости. В биографии Ганнибала до сих пор еще много невыясненного. Сын владетельного князька, Ганнибал на восьмом году похищен и привезен в Константинополь, откуда в 1705 или 1706 Савва Рагузинский привез его в подарок Петру I, любившему всякие редкости и курьезы, державшему и прежде «арапов». Получив прозвище в память славного карфагенянина, Ганнибал принял православие; восприемниками его были царь (давший ему и отчество) и королева польская. С тех пор Ганнибал «неотлучно» находился подле царя, спал в его комнате, сопровождал во всех походах. Учился во Франции, служил в тамошней армии, участвовал в испанской войне и дослужился до капитана. Вернувшись в Россию в 1723, определен в Преображенский полк инженер-поручиком бомбардирской роты, капитаном которой был сам царь. После смерти Петра Ганнибал пристал к партии недовольных возвышением Меншикова, за что был отправлен в Сибирь (1727) перенести город Селингинск на новое место. В 1729 велено было отобрать у Ганнибала бумаги и содержать под арестом в Томске, выдавая ему ежемесячно по 10 рублей. В январе 1730 состоялось назначение Ганнибала майором в Тобольский гарнизон, а в сентябре — перевод капитаном в Инженерный корпус, где Ганнибал числился до увольнения в отставку в 1733. В начале 1731 Ганнибал женился в Петербурге на гречанке Евдокии Андреевне Диопер и вскоре был командирован в Пернов учить кондукторов математике и черчению. Вышедшая против воли, Евдокия Андреевна изменила

мужу, что вызвало преследования и истязания со стороны обманутого. Дело дошло до суда; ее арестовали и держали в заключении 11 лет в ужасных условиях. Между тем Ганнибал сошелся в Пернове с Христиной Шеберг, прижил с ней детей и женился на ней в 1736, при живой жене, тяжба с которой окончилась лишь в 1753; супругов развели, жену сослали в Староладожский монастырь, а на Ганнибала наложили эпитимию и денежный штраф, признав, однако, второй брак законным. Поступив в 1740 снова на службу, Ганнибал пошел в гору с воцарением Елизаветы Петровны. В 1742 он был назначен ревельским комендантом и награжден именьями. Переведенный в 1752 снова в Инженерный корпус, Ганнибал был назначен заведовать делами по разграничению земель со Швецией. Дослужившись до чина генерал-аншефа и александровской ленты, Ганнибал вышел в отставку (1762).

Гвоздев Михаил Спиридонович — геодезист и путешественник первой пол. XVIII в. Учился в Морской навигацкой школе (1716) и в Морской академии (1719). В 1732 совершил плавание к берегам Берингова пролива на боте «Св. Гавриил» под командованием И. Федорова. Сведения об этом путешествии основываются на его рапортах. В июле «Св. Гавриил» отправился от Камчатки. В начале августа экспедиция достигла района мыса Дежнева. Члены экспедиции неоднократно высаживались на берег; курсируя в проливе, они осмотрели о-ва Ратманова и Крузенштерна. В августе «Св. Гавриил» подошел почти вплотную к Американскому материку в районе мыса Принца Уэльского, затем к о-ву Кинг, или Укивок, где участники экспедиции получили сведения об Америке от местных жителей. В сентябре 1732 Федоров и Гвоздев возвратились на Камчатку. В результате этого плавания впервые были картированы части азиатского

и американского побережий пролива между Сев.-Вост. Азией и Сев.-Зап. Америкой.

Геннин Виллим де (?-1721) — военный инженер, голландец, крупнейший организатор строительных работ петровского времени. Основатель «железоделательных» заводов в России. Начальник Олонецких заводов, полковник артиллерии. Завершил строительство Арсенала и Литейного двора. По поручению Петра разработал проект Сестрорецкого оружейного завода.

Гербель Николай Фридрих (?-1724) — архитектор и строитель родом из Германии, в Петербурге с 1719. Руководил строительством Кунсткамеры, комплексом зданий придворного Конюшенного ведомства.

Голицын Борис Алексеевич (1654-1714) — государственный деятель, боярин (1690). С 1676 комнатный стольник. Вместе с Нарышкиными был инициатором провозглашения Петра I царем в 1682. Возглавлял приказ Казанского дворца и Иноземный приказ. В чине капитана участвовал в Кожуховском походе 1694, командовал конницей в Азовском походе 1695. В 1698 расследовал Стрелецкий мятеж. В начале XVIII в. управлял Поволжьем, попал в немилость из-за Астраханского восстания 1705. Умер в монашестве.

Голицын Василий Васильевич (1643-1714) — государственный деятель. Пятнадцати лет вступил чашником на придворную службу и, постепенно поднимаясь, достиг в 1676 боярского звания. Был самым видным деятелем правительственного кружка при царе Федоре, выделяясь из остальных бояр образованностью, гуманностью и всем складом своей жизни на западноевропейский лад. Он примыкал к той части общества, которая находилась под польско-католическим влиянием. Знал латинский, немецкий и польский языки; имел большую библиотеку. В его московском доме, одном из великолепнейших в Европе,

по мнению иностранцев, всегда ждала их гостеприимная встреча, тоже по-европейски: хозяин закидывал их вопросами, интересуясь современной политической жизнью Европы. Голицын строил широкие планы социально-политической реформы; думал о необходимости преобразования всего государственного строя, положив в основу разрушение крепостного права с наделением крестьян тем количеством земли, которым они пользовались. Смерть царя Феодора отдала Голицына от дел государственного управления. Он принадлежал к партии Милославских, с главою которой, царевной Софьей, был соединен сердечной привязанностью. Тем не менее, Голицын не принимал участия в заговоре, приведшем Софью к власти. Занял первое место в правительстве Софьи. Гуманность, образованность, стремление к широким реформам Голицына наложили некоторый отпечаток на внутреннюю политику времени правления Софьи. В области внешней политики важнейшим делом было заключение в 1686 вечного мира с Польшей, по которому за Россией были укреплены области, завоеванные в XVII в., между прочим и Киев. После этого мира Россия была притянута к союзу с Австрией и Польшей против Турции. В силу союзного договора русские войска должны были занять Крым. Первый поход 1687, начальство над которым должен был взять Голицын, остался незаконченным. Войска, вследствие пожаров в степи, должны были вернуться. И второй поход Голицына был также неудачен. Войско дошло по безлюдной степи до Перекопа, откуда должно было вернуться, теснимое татарскими отрядами. Походы уронили престиж Голицына. Обвиненный в самоуправстве и в нерадении во время крымского похода, был лишен чести, боярства и имущества и сослан с семьей в Каргополь. Позже его ложно обвинили в измене, в том, что он взял с крымского хана

деньги. Вследствие этого извета его сослали в Пустозерск, а затем в с. Кологоры Пинежского уезда. Похоронен в Красногорском Богородицком монастыре возле Пинеги.

Голицын Дмитрий Михайлович (1665–1737) — государственный деятель. С 1686 комнатный стольник у царевича Петра, с 1694 капитан Преображенского полка. С 1697 на учебе в Италии, с 1701 посол в Константинополе. В 1704–1706 в Польше и Саксонии. С 1707 киевский воевода, в 1711–1718 киевский губернатор. В 1718–1722 во главе Камер-коллегии. При Екатерине I и Петре II член Верховного тайного совета и с 1727 президент Коммерц-коллегии. Участвовал в составлении «Кондиций». После неудачи «верховников» отошел от дел и жил в Архангельском, где собрал большую библиотеку. В 1736 обвинен в злоупотреблениях и приговорен к смертной казни, замененной заключением в Шлиссельбургской крепости.

Голицын Михаил Алексеевич (1688–1775) — внук фаворита царевны Софьи, В. В. Голицына. Рос в ссылке с дедом и отцом. По достижении совершеннолетия взят в военную службу и — слабоумный с ранних лет — с трудом к 40 годам дослужился до чина майора. Овдовев (1729), уехал за границу, где женился на итальянке из простонародья и, по-видимому, перешел в католицизм. Узнав об этом и убедившись в слабоумии Голицына, императрица Анна Иоанновна расторгла его брак и, разлучив в женой, взяла к себе шутом (1733). В числе обязанностей Голицына было подавать императрице квас, откуда и прозвище его «Квасник». В 1739 императрица женила Голицына на своей любимой шутихе Евдокии Ивановне Бужениновой. Анна Леопольдовна уничтожила институт придворных шутов и освободила Голицына от шутовских обязанностей. Его

жена итальянка после долгих бедствий в Москве была, по-видимому, выслана за границу.

Голицын Михаил Михайлович(1675-1730) — генерал-фельдмаршал, член Верховного тайного совета. В 1698 участвовал в подавлении стрелецкого бунта, в 1699 в морском походе Петра, в 1700 в сражении при Нарве. В 1702 осадил Нотебург. Петр I, сомневаясь в возможности овладения этой крепостью, послал к Голицыну гонца с приказанием отступить. «Скажи государю», — отвечал Голицын посланному, — «что я теперь принадлежу одному Богу», — и повел войска на приступ, который увенчался полным успехом. В 1708 одержал над шведами победу при местечке Добром и принимал блистательное участие в поражении шведского генерала Левенгаупта при деревне Лесной. В 1709 участвовал в Полтавском сражении, где командовал гвардией, а после боя первый настиг остатки шведской армии под Переволочной и вместе с Меншиковым заставил их положить оружие. Он же содействовал (1710) взятию Выборга, защищал (1711) Украину против запорожцев, находившихся в союзе с крымскими татарами; был с Петром I в Прутском походе. С 1714 по 1721 командовал войсками в Финляндии, участвовал в морском сражении при Гангуте, а в 1720 одержал над шведским флотом победу при острове Гренгам. Во время похода Петра в Персию Голицын оставался начальником в Петербурге. При Екатерине I Голицын пожалован (1725) в генерал-фельдмаршалы; Петр II сделал его президентом Военной коллегии и членом Верховного тайного совета (1728). При вступлении на престол Анны Иоанновны Голицын, участвовавший в замыслах «верховников», был удален от двора и вскоре умер.

Головин Николай Федорович (?-1745) — адмирал. В 1708 был отправлен Петром I в Англию и Голландию и восемь лет прослужил в английском флоте для

изучения морского дела. По возвращении в Россию исполнял важные поручения по флоту. В 1725 был назначен чрезвычайным посланником к шведскому двору, в 1733 адмиралом и президентом Адмиралтейств-коллегии, позднее сенатором. В 1742–1743 командовал Балтийским флотом в военных действиях против шведов.

Головин Федор Алексеевич (1650–1706) — государственный и военный деятель, дипломат. Сподвижник Петра I, адмирал (1699), генерал-фельдмаршал (1700). Составил и заключил Нерчинский договор с Китаем в 1689. Участник Азовских походов 1695–1696, командовал эскадрой. С 1696 возглавлял Оружейную, Золотую и Серебряную палаты. С 1698 во главе Военно-морского приказа и Монетного двора, с 1700 — Посольского приказа. Организовал русские представительства за границей. С 1701 во главе Навигацкой школы. Участвовал в редактировании газеты «Ведомости». Автор книги «Глобус небесный».

Головкин Гавриил Иванович (1660–1734) — государственный деятель; канцлер и сенатор. Родственник царицы Наталии Кирилловны; с 1676 состоял при царевиче Петре стольником, а впоследствии верховным постельничим. При царевне Софье выказал особую приверженность Петру, которого сопровождал во время бегства от стрельцов в Троице-Сергиеву лавру (1689), и с тех пор пользовался постоянным доверием Петра. Сопровождал царя в первом путешествии в чужие края и вместе с ним работал на верфях в Саардаме. В 1709 — государственный канцлер, в 1713 президент Коллегии иностранных дел. При Екатерине I Головкин был назначен (1726) членом Верховного тайного совета. Императрица передала ему на сохранение свое духовное завещание, которым назначила преемником престола Петра II, а его одним из опекунов малолетнего

императора. По кончине Петра II Головкин предал огню этот государственный акт, которым, на случай бездетной кончины юного императора, престол обеспечивался за дальнейшими потомками Петра I, и высказался в пользу Анны Иоанновны. Личный враг князей Долгоруких, действовал против замыслов «верховников». При Анне Иоанновне был сенатором, а в 1731 членом кабинета министров. Владел целым Каменным островом в Петербурге, многими домами и поместьями, но был, по сообщаемым сведениям, чрезвычайно скуп.

Головкин Михаил Гаврилович (1699–1754) — государственный деятель. Сын Г. И. Головкина. В 1712 отправлен учиться за границу, в 1722 назначен послом в Берлин. При Анне Иоанновне назначен сенатором, ему поручены Монетная канцелярия и денежные дворы, но Головкин желал быть кабинет-министром и, считая себя обиженным, в течение 10 лет не принимал деятельного участия в государственных делах. Впрочем, в 1733 ему поручается вместе с А. Масловым изыскать способы изъятия из обращения мелких серебряных монет; в 1734 Головкин назначается главным директором Монетной канцелярии (в Москве) и канцелярии монетного управления. В 1736 ему поручено рассмотреть положение о мерах и весах; в 1737 был членом «генерального собрания» для суда над князем Д. М. Голицыным. При низвержении Бирона Головкин, посвященный в планы Миниха, в критическую минуту сказался больным, подобно Остерману. В 1741 Анна Леопольдовна произвела его в вице-канцлеры. Вместе с князем Черкасским Головкин ведал внутренними дела, а Остерман — внешними. После переворота приговорен Сенатом к смертной казни, которую Елизавета Петровна заменила ссылкой в пустынное зимовье Якутии.

Гольдбах Христиан (1690—1764) — математик, чл. Петербургской АН (с 1725). Родился в Кенигсберге. В

1725 приехал в Россию. В 1726—1740 исполнял должность конференц-секретаря Академии; в 1742 перешел на службу в Коллегию иностранных дел, переехал в Москву, где и умер. В 1729—1764 вел регулярную переписку с Л. Эйлером. В одном из писем (1742) высказал Эйлеру гипотезу, известную под названием проблемы Гольдбаха (всякое целое число, большее или равное шести, может быть представлено в виде суммы трех простых чисел). В первых томах «Комментариев Петербургской Академии наук» напечатал ряд статей об интегрировании дифференциального уравнения Риккати, о превращении расходящихся рядов в сходящиеся и др.

Гордон Патрик Леопольд (1635-1699) - военный деятель, инженер, генерал-лейтенант (1683). Из шотландских дворян. Окончил коллегию в Данциге, служил в шведских и польских войсках. С 1661 в чине майора на русской службе, обучал «полки нового строя». Участник Крымских походов 1687 и 1689. Возглавляя Бутырский полк, в 1689 перешел от Софьи к Петру. Командовал Кожуховским походом 1694, участвовал в Азовских походах 1695-1696, подавлял стрелецкое восстание 1698. Автор «Журнала, Дневной записки бывшего в российской службе генерала Гордона, им самим писанной» — важного источника по истории петровского времени.

Григорович-Барский Василий Григорьевич (Василий Киевский) (1701-1747) - русский паломник-путешественник. Желая поступить в Киево-Могилянскую академию, тайком от отца явился к ее ректору, Феофану Прокоповичу, который и зачислил его в бурсу. В 1723 отправился в Львов, где ему удалось поступить в иезуитскую академию под вымышленным именем Барского (1724), но иезуиты скоро догадались, что имеют дело с православным, и выгнали его из академии. В 1724 предпринял пешее хождение в Рим;

затем он один отправился в Корфу, Кефалонию, Зант, Хиос, Солун и Афон, оттуда в Палестину, Сирию, Аравию до горы Синайской, Египет, снова посетил острова Архипелага, остановился на некоторое время в Константинополе, ходил в Антиохию, опять на Афон, прошел Эпир, Македонию и из Константинополя через Румынию, Болгарию, Молдавию и Польшу вернулся в Киев, где вскоре и скончался. Во время всех своих странствований Василий вел обстоятельные путевые записки. Его описания отличаются подробностью и точностью и свидетельствуют, между прочим, что он прилежно читал и изучал древних, особенно средневековых греческих писателей, на которых часто ссылается. Везде он снимал виды и планы замечательнейших мест и зданий и собрал их около 150-ти. По возвращении он хотел пересмотреть и исправить свои записки для печати, но болезнь не дала ему возможности это сделать. Впервые записки были изданы в 1788; затем еще шесть изданий.

Девьер Антон Мануиллович (1673–1745) — генерал-аншеф. Сын торговца, служил юнгой на голландском флоте. С 1697 на русской службе, денщик Петра I, подполковник гренадерского полка. С 1711 генерал-адъютант Петра, с 1716 капитан гвардии. Был женат на сестре Меншикова. С 1718 генерал-полицмейстер С.-Петербурга, где сформировал полицию и пожарную команду, благоустраивал город. С 1726 сенатор. Выступив против Меншикова, был арестован, лишен чинов и сослан в Мангазею. В 1739 назначен начальником Охотского порта, основал школу Сибирской речной флотилии. В 1741 при Елизавете Петровне возвращен в столицу и назначен ее генерал-полицмейстером.

Демидов Акинфий Никитич (1678–1745) — промышленник, сын Н. Демидова. Сначала находился на Урале при отце, затем строил Колывано-Воскресенский

медеплавильный завод на Алтае, на Урале — Уткинский, Суксунский, Ревлинский, Верхнелайский и др. Особо выделялся Верхнетагильский завод с самой большой в мире домной. К 1745 владел 25 крупными предприятиями с 38 тыс. рабочих. Он и отец за 1701–1745 увеличили свое состояние в 950 раз.

Демидов Никита (Антуфьев Никита Демидович); (1656–1725) — промышленник, из крестьян. Сначала владелец кузнечной мастерской в Туле, затем там же основал завод. Оценив деятельность Демидова, Петр I передал ему казенный Невьянский железоделательный завод на Урале, снабжавший в Северную войну русскую армию оружием. Построил на Урале несколько медеплавильных заводов, его заводы в Тульской и Костромской губерниях выплавляли чугун. В 1720 возведен в потомственное дворянство. Открыл первую «цифирную школу» в Невьянске. Преподнес Петру I золотые изделия, найденные в сибирских курганах, — они стали началом русской коллекции Кунсткамеры.

Денисовы (братья) Андрей (1664–1730) и Семен (1682–1747) — вожди беспоповского старообрядчества. Из рода князей Мышецких. Андрей был основателем (ок. 1695) и руководителем Выговской пустыни в Олонецком крае, ставшей важнейшим центром движения сторонников старой веры. Ради сохранения монастыря сотрудничал с Петром I, получил царский указ на самоуправление монастыря. С 1722 выговцы поставляли даже дичь к царскому столу. Андрей переписывался с царицей Прасковьей Федоровной, царевной Софьей Алексеевной, Меншиковым. Семен — его ближайший помощник и преемник. Авторы ряда исторических, богословских и полемических сочинений (всего 119): «Поморские ответы» — катехизис старообрядчества, «Виноград российский», «Уложение» и др., сыгравших заметную роль в борьбе старообрядчества с официальной церковью.

Дмитриев-Мамонов Иван Ильич (1680–1730) — генерал-аншеф. На военной службе с 1700, участвовал в двух осадах Нарвы. С 1719 советник Военной коллегии. С согласия Петра I вступил в гражданский брак с дочерью Ивана V царевной Прасковьей Ивановной. Играл значительную роль при дворе. Командовал гвардией в Персидском походе. С 1726 сенатор.

Дмитрий Ростовский (Туптало Даниил Саввич); (1651–1709) — один из наиболее почитаемых богословов русской православной церкви. Родился близ Киева, в 1668 стал монахом. Был игуменом ряда монастырей. С 1702 по рекомендации Петра I митрополит Ростовский. С 1684 начал работать над составлением «Миней Четьих». Активный обличитель старообрядцев, против которых была направлена его книга «Розыск о раскольнической брынской вере, о учении их, о делах их». Автор религиозно-нравственного сочинения «Антология в утолении печали человека» и многих проповедей и пьес. Канонизирован в 1757 в целях усиления старообрядческой пропаганды.

Долгоруков Василий Владимирович (1667–1746) — государственный деятель, генерал-фельдмаршал. С 1685 стольник. С 1700 в Преображенском полку, участвовал в Северной войне. В 1706 находился при гетмане Украины Мазепе, в 1708 управлял Украиной, подавил Булавинское восстание. В Полтавском сражении командовал резервной кавалерией. Отличился при взятии Штеттина в 1713. В 1715 отправлен в Польшу, где с небольшим отрядом разбил армию Станислава Лещинского в 15 тыс. человек. В 1716–1717 сопровождал Петра I в Голландию и Францию. Не одобрял многие реформы Петра и поэтому вступился за царевича Алексея Петровича. Лишен чинов и отправлен в ссылку. В 1724 возвращен из ссылки и в чине бригадира направлен в войска. В 1726 произведен в полные генералы, командовал войсками на Кавказе.

При Петре II член Верховного тайного совета. При Анне Иоанновне сенатор, президент Военной коллегии. В 1731 по доносу обвинен в оскорблении императрицы и заточен в Шлиссельбургскую крепость, затем сослан в Соловецкий монастырь. В 1741 при Елизавете Петровне возвращен; президент Военной коллегии. Член суда над Остерманом, требовал его колесовать.

Долгоруков Василий Лукич (ок. 1670–1739) — дипломат. С 1687 во Франции, с 1700 в Польше при русском посольстве, выполнял тайные политические поручения Петра I. В 1706–1707 посол при дворе польского короля Августа II, пытался оградить Польшу от влияния Швеции. В 1707–1720 посол в Дании, способствовал разрыву датско-шведского союза. В 1720–1723 посланник во Франции. В 1725–1727 посол в Швеции. В 1728 член Верховного тайного совета. Во время болезни Петра II участвовал в составлении подложного завещания в пользу невесты Петра II княжны Е. Долгоруковой, однако позже высказался в пользу Анны Иоанновны. Один из авторов «Кондиций». При Анне Иоанновне был назначен губернатором в Сибирь, но по пути в Тобольск лишен всех чинов и сослан в свою вотчину. В 1730 заключен в тюрьму Соловецкого монастыря, в 1739 казнен в Шлиссельбургской крепости.

Долгоруков Михаил Владимирович (1667–1750) — государственный деятель. В 1685 стольник. Участвовал в Крымском походе 1689. С 1711 сенатор. В 1718 арестован по делу царевича Алексея Петровича, сослан в деревню. В 1724–1728 губернатор Сибири, с 1729 член Верховного тайного совета. Участвовал в создании «Кондиций». В апреле 1730 назначен губернатором Астрахани, в ноябре губернатор Казани. В 1731 сослан в Нарву, в 1739 отправлен в Соловецкий монастырь. С 1741 в заточении в Шлиссельбургской крепости, при

Елизавете Петровне освобожден, восстановлен в правах.

Долгоруков Михаил Юрьевич (?-1682) — политический деятель, боярин. С 1661 комнатный стольник царя Алексея Михайловича, с 1671 боярин. В 1672-1679 во главе Казанского приказа. С 1674 суздальский наместник, с 1679 воевода киевского полка. Возглавлял Пушкарский, Сыскной, Рейтарский, Иноземский приказы. В 162 вместе с отцом Ю. А. Долгоруковым управлял Стрелецким приказом. Во время стрелецкого восстания 1682 убит восставшими.

Долгоруков Яков Федорович (1639-1720) — политический деятель. С 1672 стряпчий, стольник. С 1676 симбирский наместник. С 1682 комнатный стольник Петра I. В 1687-1697 возглавлял Московский Судный приказ. В 1687-1688 в составе посольства во Францию и Италию. В 1689 участвовал в Крымском походе. Помогал Петру в борьбе против царевны Софьи. Участвовал в Азовских походах 1696-1696, за что пожалован в бояре. С 1698 посол в Швеции. В 1700-1701 во главе Военного приказа, ведал снабжением армии. В 1701 попал в плен к шведам, в 1711 бежал, захватив шхуну. С 1712 сенатор. С 1717 президент Ревизион-коллегии. В 1718 участвовал в следствии по делу царевича Алексея Петровича.

Досифей (?-1691) — деятель старообрядчества, игумен Беседного Никольского монастыря близ Тихвина. После реформы патриарха Тихона оставил монастырь и поселился в пустыни. Отстаивал канонические принципы древлеправославия, организовал Собор, на котором было решено перекрещивать приходящих из официальной церкви, не принимать официальных священников. От преследований бежал на Дон. Умер на Кубани; его тело, чтобы не стало объектом поклонения, было изрублено на куски и разбросано по степи.

Евдокия Федоровна (1669–1731) — первая супруга Петра I, дочь боярина Федора Лопухина. Петр I вступил в брак с Евдокией Федоровной в 1689 и в следующем году имел от нее сына Алексея. Воспитанная по старинке, Евдокия Федоровна не могла привязать к себе Петра; он с первых же лет супружества часто покидал жену для любимых потех и вскоре сблизился с красавицей немецкой слободы Анной Монс. Охлаждению к жене содействовала нелюбовь к ее родне □ Лопухиным, приверженцам московской старины. Евдокия Федоровна напрасно жаловалась на свое одиночество, и в письмах к Петру звала его к себе. Отправившись за границу в 1696, Петр из Лондона просил Л. Нарышкина уговорить Евдокию постричься, и тотчас же по возвращении в Москву отправил ее в Суздальский Покровский монастырь. Архимандрит монастыря не согласился постричь Евдокию Федоровну, за что был арестован; она была пострижена под именем Елены лишь в 1698. Евдокия Федоровна только полгода носила иноческое платье, затем стала жить в монастыре миряночкой и, по собственному признанию, вступила в связь со Степаном Глебовым, приехавшим в Суздаль для рекрутского набора. Вместе с царевичем Алексеем Петровичем была центром партии, враждебной Петру. Ростовский епископ Досифей пророчествовал, что Евдокия скоро опять будет царицей, и поминал ее в церквах «великой государыней». Другие предрекали, что Петр примирится с женой и оставит Петербург и свои реформы. Все это открылось из так называемого Кикинского розыска по делу царевича Алексея. В сочувствии к Евдокии Федоровне были уличены монахи и монахини суздальских монастырей, крутицкий митрополит Игнатий и многие другие. В письме к Петру Евдокия Федоровна во всем повинилась и просила только прощения, чтобы ей «безгодной смертью не

умереть». Жестоко казнив всех замешанных в деле, Петр по отношению к Евдокии Федоровне ограничился переводом ее в Ладожский Успенский монастырь. Затем она была переведена в Шлиссельбург, где при Екатерине I содержалась в строгом секретном заключении. В 1727 Евдокия Федоровна поселилась в Новодевичьем, затем в Воскресенском монастыре в Москве; ей было назначено большое содержание, и дан особый двор. Петр II и Анна Иоанновна относились к ней с полным уважением как к царице.

Евреинов Иван Михайлович (?—1724) — геодезист и путешественник. Обучался в Московской навигацкой школе, а затем (до 1718) в геодезическом классе Морской академии в Петербурге. В 1719—1721 вместе с Ф. Лужиным по указанию Петра I совершил поездку на Камчатку и Курильские о-ва для картирования этих районов. Экспедиция обследовала и положила на карту всю северную половину Курильской гряды (до о-ва Симушир). Карта Евреинова была первой картой Сибири и дальневосточных районов России, основанной на инструментальной съемке. Он и Лужин впервые определили координаты 33 пунктов Сибири и Камчатки и 14 о-вов Курильской гряды. После экспедиции работал топографом в Вятке.

Евреинов Матвей Григорьевич (до 1648—ок. 1737) — выходец из белорусских евреев. Торговал в овощном ряду, с 1678 в Гостиной сотне. Поставлял сукно в русскую армию, торговал льном, шелком, чаем и пр. В 1703 был самым богатым в России купцом. Владелец московской шелковой мануфактуры.

Евреинов Яков Матвеевич (1700—1772) — дипломат, сын М. Г. Евреинова. В 1716 направлен Петром I за границу для обучения языкам и коммерции. В 1723—1725 консул России в Испании. С 1742 советник Мануфактур-коллегии, с 1753 президент Коммерц-коллегии. Организовал первый в России коммерческий банк.

Екатерина I Алексеевна (Марта Скавронская); (1684-1727) — российская императрица (коронована в 1724, правила с января 1725). Дочь прибалтийского крестьянина Самуила Скавронского, была служанкой у пастора, женой шведского драгуна. Во время Северной войны оказалась у Б. П. Шереметева, затем у Меншикова. С 1705 у Петра I; приняла православие. В 1708 родила дочь Анну (мать Петра III), в 1709 Елизавету (будущую императрицу). Петр I не успел назначить преемника, и после его смерти Екатерина была возведена на престол гвардией. Правила, полагаясь на Меншикова. Незадолго до кончины подписала завещание о передаче престола Петру II — сыну царевича Алексея Петровича.

Елизавета Петровна (1709 — 1761) — императрица с 1741, дочь Петра I. Взошла на престол в результате дворцового переворота, свергнув малолетнего имп. Ивана VI Антоновича. В 1742 назначила наследником престола своего племянника вел. кн. Петра Федоровича (будущий имп. Петр III). В 1744 в Москве сочеталась морганатическим браком с певчим Придворной капеллы А. Г. Разумовским, возведя его в графское достоинство. Ее двор отличался пышностью и великолепием, сооружены Аничков дворец, ансамбль Смольного монастыря, Никольский Морской собор, Зимний дворец и др. здания в Петербурге и пригородах, основаны фарфоровый з-д (1744), Красносельская ситценабивная мануфактура (1753), Заемный банк для дворян и Купеческий банк (оба в 1754), открыты Тучков и Сампсониевский мосты (оба в 1759), образованы Академия художеств (1757) и Пажеский корпус (1759).

Елчин Яков Агеевич — якутский воевода начала XVIII в., организатор экспедиций по обследованию сев.-вост. районов Сибири. В 1716 был назначен начальником Большого камчатского наряда — экспедиции, которая должна была обследовать

прибрежные районы Восточно-Сибирского, Чукотского, Берингова и Охотского морей и основать там остроги. Самому Елчину пришлось ограничиться только подготовкой экспедиции, так как он в 1718 был смещен. Его преемники из-за трудностей передвижения и снабжения не смогли осуществить больших задач экспедиции; часть экспедиции обследовала Шантарские о-ва. Экспедиции, организованные Елчиным, — начальные звенья тех огромных географических открытий русских на Тихом и Северном Ледовитом океанах, которые были осуществлены экспедициями В. Беринга, А. Чирикова и др. По указанию Елчина была составлена карта Чукотского п-ова и Камчатки — одна из первых географических карт сев.-вост. района Азии. В 1719 в Якутске составил примечания к этой карте.

Ефремов Михаил (?—1708) — мастер, гравер и «словолитен» Московского печатного пора. В 1707—1708 вместе с другими «словолитцами» изготовлял по указанию Петра I новые («гражданские») типографские шрифты, отличавшиеся от ранее употреблявшихся более простым и удобным для чтения начертанием букв. Образцы шрифтов были утверждены Петром I. Однако Ефремов не успел закончить изготовление шрифтов. Его шрифтом была напечатана только детская азбука.

Желябужский Иван Афанасьевич (1638—после 1709) — дипломат, писатель. С 1656 ясельничий, 1684 окольничий. С 1661 в составе посольств Курляндию, Бранденбург, Англию. В 1664—1667 возглавлял Конюшенный приказ. С 1671 воевода в Чернигове, судья во Владимирском и Поместном приказах. В 1678—1679 воевода в Смоленске и в Казани (1681). В 1682 член комиссии по отмене местничества. После заточения царевны Софьи в монастырь — не у дел. Автор «Записок», в которых рассказал о стрелецком

восстании, Крымских и Азовских походах, Северной войне 1700–1721, о своих современниках.

Зарудный Иван Петрович (1670–1727) — скульптор и архитектор, родом с Украины. В начале XVIII в. построил в Москве церковь архангела Гавриила (Меншикову башню) — шедевр архитектуры раннего барокко. Работал также в Петербурге, Ревеле, Ораниенбауме. Под его руководством создан иконостас Петропавловского собора (1722–1726).

Звитен Стефан ван — строитель из Голландии, в Петербурге с 1719. Построил Подзорный дворец для Петра I при впадении Фонтанки в Неву, усадьбу «Дальние дубки» в Сестрорецке. В 1720-е как архитектор Адмиралтейств-коллегии занимался строительством Адмиралтейства. Построил на Университетской наб. дом для Д. Трезини.

Земцов Михаил Григорьевич (1688–1743) — первый русский архитектор. В 1710 определен в ученики к Д. Трезини; работал также у архитекторов Леблана и Микетти. Состоял с 1733 архитектором Александро-Невского монастыря и членом комиссии по строению Петербурга. Им построены: зал в Летнем саду по случаю свадьбы великой княгини Анны Петровны, церковь Симеона и Анны на Моховой и др. Принимал также участие в постройке дворцов Аничкова, Петергофского и Большого Царскосельского.

Зотов Никита Моисеевич (1645–1718) — соратник Петра I. Дьяк Челобитного, Сыскного, Московского судного приказов. С 1681 думный дьяк. С 1701 ближний советник и генерал-президент Ближней канцелярии. Участвовал во всех забавах Петра, именовался в них князь-папой.

Зубов Алексей Федорович (1682 или 1683–после 1750) □ гравер. Учился в Москве при Оружейной палате (1689–1705). С 1711 работал в гравировальной мастерской Петербургской типографии, в основном по

собственным рисункам, в технике резцовой гравюры. Наиболее значительны созданные им архитектурные пейзажи — ценный источник для изучения облика города петровской эпохи: «Васильевский остров» (1714), «Панорама Петербурга» (1716), «Вид Петербурга» (1727). Исторической достоверностью отличаются также исполненные им портреты, изображения фейерверков, баталий, сцены придворной жизни: «Баталия при Гангуте» (1715), «Баталия при Гренгаме» (1721), «Изображение брака Петра I и Екатерины Алексеевны» (1712), портреты Петра I (1712), Екатерины I (1725). С 1732 жил в Москве.

Иван V Алексеевич (1666–1696) — сын царя Алексея Михайловича и Марии Милославской, русский царь в 1682–1696. Болезненный и ограниченный человек. В 1682–1689 за него управляла царевна Софья, а в 1687–1696 Петр I. От брака с П. Ф. Салтыковой родилась дочь — будущая императрица Анна Иоанновна. Похоронен в Архангельском соборе Кремля.

Идес Эверт Избрандт (ок. 1660 — между 1704 и 1709) — купец, датский подданный, родом из Гольштейна. Был отправлен Петром I в Китай для выяснения отношения китайского двора к Нерчинскому договору России с Китаем (1689). Путешествие И. в Пекин через Тобольск — Енисейск — Нерчинск — Калган и обратно продолжалось с марта 1692 по февраль 1695. Интерес представляют составленные им описание и карта путешествия. Особенно ценны были сообщаемые им данные о быте и хозяйстве народов Сибири. Отрывки из дневников были опубликованы уже в 1696. В 1704 Н. Витсен в Амстердаме издал отредактированное им описание путешествия Идеса. Работа Идеса переводилась на многие европейские языки. Русский перевод издан в 1789 Н. Новиковым в 8-й и 9-й частях «Древней Российской Вивлиофики».

Кантемир Антиох Дмитриевич (1708–1744) — поэт и переводчик, дипломат. Родился в Константинополе в семье господаря Молдавии Дмитрия Кантемира, который во время русско-турецкой войны 1711 оказался в окружении Петра I и переселился в Россию. В 1725 поступил на военную службу, в 1728 был произведен в поручики. В 1730 вместе с Феофаном Прокоповичем, В. Н. Татищевым и др. выступил против «верховников». В 1731 был назначен послом в Лондон, а с 1738 — в Париж, где и умер. За годы дипломатической службы проявил себя талантливым дипломатом, во время пребывания в Западной Европе интересовался французской философией, литературой, общественной мыслью, был дружен со многими передовыми людьми своего времени. Переводил, например, «Персидские письма» Монтескье, с которым был хорошо знаком. В 1730 закончил перевод трактата Фонтенеля «Разговоры о множестве миров», в котором отстаивалась гелиоцентрическая система Коперника. Литературная и научная деятельность Кантемира отличалась многосторонностью. Он был автором теоретических трактатов, поэм, песен, басен, эпиграмм. В истории русской литературы он первым ввел жанр стихотворной сатиры, им было написано 9 сатир, в которых следование образцам европейского классицизма было обогащено русской сатирической традицией.

Капустин Григорий Григорьевич — рудознатец. Сын крепостного крестьянина. С 1715 принимал участие в разведке полезных ископаемых, проводившихся по указанию Петра I. В конце 1721 открыл на р. Кундрючьей (в вост. части современного Донбасса) месторождение ископаемого угля. Это открытие положило начало работам по разведке каменного угля на территории Донецкого бассейна.

Киавери Гаэтано (1689–1770) — архитектор из Италии, в Петербурге с 1718. Вместе с Гербелем строил

дворец царицы Прасковьи Федоровны, на месте которого ныне здание Зоологического музея. Участвовал в строительстве Кунсткамеры и Большого дворца в Стрельне.

Киприянов Василий Анофриевич (Онуфриевич) (? — 1723) — печатник и издатель. Выходец из среды посадских людей Кадашевской слободы в Москве. В 1701—1703 принимал участие в издании «Арифметики» Л. Магницкого. В 1705 основал в Москве первую русскую гражданскую типографию; выпустил ряд математических и географических пособий, гравированных на меди таблиц, чертежей, предназначенных в основном для учрежденных Петром I школ; был одним из первых популяризаторов естественнонаучных знаний в России. Составил и издал настенный календарь, известный под названием Брюсова календаря. В 1707 выпустил карты полушарий, а позже карты четырех частей света — первый русский атлас мира. Им была основана первая в России бесплатная публичная библиотека.

Кирилов Иван Кириллович (1695–1737) — государственный деятель, ученый. С 1711 начал работать в канцелярии Сената в Москве подьячим. В 1721 получил чин секретаря Сената, а вместе с ним и потомственное дворянство, в 1727 — обер-секретарь Сената. Одним из направлений его деятельности было руководство топографо-картографическими работами. Ему удалось обеспечить систематическое проведение съемочно-картографических работ на огромной территории, собрать материал, послуживший основой «Атласа Всероссийской империи» (1734) и «Атласа Российского» (1745). Деятельно участвовал в организации Второй Камчатской экспедиции во главе с Берингом. Особенно много сделал для отправки академической группы экспедиции (Г. Ф. Миллер, И. Г. Гмелин, С. П. Крашенинников). Научные интересы

нашли выражение в труде «Цветущее состояние Всероссийского государства», написанного в 1727. Это было первое статистическо-географическое описание России, в котором приведен не только описательный, но и большой цифровой и статистический материал, охватывающий разные стороны социально-экономической жизни России. В 1734—1737 статский советник и бригадир, возглавил Оренбургскую экспедицию, задачей которой было изучение обширного края и укрепление оборонительной линии по рекам Оби и Яику. Ему удалось организовать разведку полезных ископаемых, начать строительство 20 крепостей и ряда заводов. Напряженная работа и походная жизнь подорвали его здоровье, он заболел туберкулезом и умер.

Кожин Александр Иванович — топограф первой четверти XVIII в. Учился в Московской навигацкой школе. В 1715 описал часть побережья Финского залива. В 1716 и 1718 произвел съемку значительной части вост. берега Каспийского моря. Эти материалы были использованы при создании в 1720 карты Каспийского моря, где впервые было дано относительно правильное очертание его береговой линии.

Козыревский Иван Петрович (1680 — ?) — землепроходец, один из первых исследователей Курильских о-вов. Якутский казак. В 1711 вместе с Д. Анциферовым совершил плавание на два северных острова Курильской гряды. В 1713 обследовал северную часть Курильских о-вов и составил карту всей цепи Курил. В 1726 представил В. Берингу свою карту Камчатки и Курильских о-вов. Его чертежи и сведения сыграли важную роль в истории изучения этого района. Именем К. названы мыс и гора на Курильских о-вах.

Колонг И. де — военный инженер, с 1719 начальник Инженерной школы, основанной Петром I. Строитель обер-комендантского дома в Петропавловской крепости

(1743–1746), в 1730-е гг. строил военные укрепления Кронштадта, в 1730–1750-е Фридрихгамские ворота кронверка св. Анны и Аннинские укрепления в Выборге.

Конрад Ян Кристоф (ок. 1680–после 1746) — архитектор, в Петербурге с 1700. Сначала работал в Москве. В 1718–1720 один из создателей Александро-Невского монастыря.

Корнилов Амос Кондратьевич — полярный мореход XVIII в. Плавал с промысловыми целями на о-в Шпицберген (Груммант), где зимовал в 1737, 1738 и 1739. Вел наблюдения над льдами, полярным сиянием, морским течением; впервые дал характеристику явления т. н. ледового отблеска. Результаты его наблюдений были использованы при подготовке экспедиции В. Я. Чичагова.

Коровин Степан Михайлович (ок. 1700–1741) — гравер, переводчик. С 1709 обучался в слободской школе в Москве. В качестве подьячего находился в свите Петра I во время путешествия за границу в 1716. Оставлен в Париже для учебы. По возвращении в Россию гравер и переводчик АН, с 1730 контролер Нарвской портовой таможни, затем секретарь нартовской лаборатории механических и инструментальных наук.

Кочубей Василий Леонтьевич (ок. 1640–1708) □ государственный и военный деятель. В 1681 был регентом Войсковой канцелярии, в 1687 генеральным писарем и в этом звании скрепил сочиненный Мазепой донос на Самойловича. Мазепа, став гетманом, наградил Кочубея деревнями (в том числе знаменитой Диканькой), дал ему в 1694 достоинство генерального судьи, а в 1700 исходатайствовал звание стольника. Доверие Мазепы к Кочубею было настолько велико, что он ему первому рассказал о своем намерении отделиться от России. Между тем Мазепа полюбил шестнадцатилетнюю красавицу — дочь Кочубея,

Матрену (Мария пушкинской «Полтавы») и хотел вступить с нею в брак, но встретил несогласие родителей, особенно гордой жены Кочубея. Мазепе удалось соблазнить Матрену, которая, порвав с родительским домом, переехала жить к нему. После этого старики Кочубеи некоторое время не бывали у Мазепы и писали ему негодующие письма, на которые он отвечал, обвиняя их самих в несогласии выдать дочь за него замуж и указывая на свое великодушное отношение к ним, так как он 16 лет терпел их «поступки смерти годные». По инициативе жены Кочубея был послан с бродячим монахом Никанором словесный донос на Мазепу. Над Мазепой был учрежден надзор, но ничего компрометирующего не выяснилось. В 1707 был послан второй донос. Об этом узнал Мазепа, но, приняв меры предосторожности, все же оставил Кочубеев в покое. Они послали через своих соумышленников — полковника Искру и священника Святайлу — ахтырскому полковнику Осипову новый донос, переданный Петру I через киевского губернатора, князя Д. М. Голицына. Было назначено следствие, которое вели канцлер граф Г. И. Головкин и тайный секретарь Шафиров. Мазепа действовал настолько умело, что следователи ничего не могли открыть и уверились в полной невинности гетмана, который оделил их богатыми подарками. Кочубей и Искра бежали, надеясь стать под защиту русского царя, но были задержаны русскими офицерами и отвезены в Витебск. Между тем Петр, убедившись в лживости доноса, написал Мазепе ряд благосклонных писем и приказал выдать ему обличителей. В Витебске Кочубей и Искра подверглись жестоким пыткам, так как Петр видел в факте доноса «некие неприятельские факции», о которых и хотел разузнать. Головкин доносил Петру из Витебска: «так как Кочубей зело стар и дряхл безмерно, того ради пытать его больше не решился,

чтоб прежде времени не издох». Под пытками Искра и Кочубей заявили, что их показания ложны. Обезглавлен и похоронен близ Белой Церкви.

Красильников Андрей Дмитриевич (1705—1773) — астроном, пионер русской полевой астрономии, адъютант Петербургской АН (с 1753). В 1724 окончил Морскую академию. В 1733—1746 работал в Сибири, где определил 10 астрономических пунктов и несколько десятков пунктов только по широте; в 1750—1753 определил положение Москвы и три астрономических пункта в Прибалтике. Впервые вычислил по долготе протяженность России от вост. берегов Камчатки до зап. оконечности о-ва Даго, с ничтожной для того времени ошибкой, около 5'. Автор первого на рус. языке учебника по астрономии и ряда календарей.

Красильниковы — металлопромышленники XVIII в., выходцы из Тулы. Родоначальник — Марк Евсеевич Красильников. Его сыновья: Семён Маркович (род. ок. 1701) и Лукьян Маркович (ум. не позднее 1746), тульские оружейники, основатели двух ветвей рода Красильниковых. По приглашению двоюродного брата — И. Е. Небогатова (комиссара Казанской крепостной конторы, в 1729-1731 руководителя Казанского бергамта) в 1724 организовали совместную компанию для восстановления полученного в том же году в свое распоряжение бездействовавшего казенного Саралинского медеплавильного завода близ села Сараль Казанского уезда. В 1725 компаньоны добились передачи им еще одного бездействовавшего казенного Елабужского железоделательного завода. Предполагалось реконструировать его и превратить в медеплавильный (не осуществлено). Саралинский завод, пущенный в 1727 и выплавивший всего 557 пудов меди за 3 года, в 1730 закрыт «за маловодьем». Компания распалась, заводское оборудование в 1731 было поделено. В 1732 начал действовать новый завод

Красильниковых — Коринский (или Ново-Коринский) медеплавильный, построенный на основании указа Берг-коллегии от 1729. Четыре заводские печи выплавляли до 1,2 тыс. пудов меди в год.

Крекшин Петр Никифорович (1684-1763) — писатель, новгородский дворянин. Служил при Петре I в Кронштадте смотрителем работ, был обвинен в растрате казенного имущества и сослан, но потом оправдан и вновь принят на службу. С 1726 занимался собиранием материалов по русской истории. Ему приписывают ряд исторических сочинений. После Крекшина осталось много актов и других бумаг, которыми пользовались Татищев, Голиков и Щербатов. Это собрание было приобретено графом Мусиным-Пушкиным; ныне утрачено. Сохранились три рукописи Крекшина: «Экстракт из великославных дел кесарей вост. и зап. и из великославных дел императора Петра Великого», «Экстракт из великославных дел царей и великих князей всероссийских с 862 по 1756 г.», «Описание о начале народа словенского». Напечатаны «Сказание о Петре Великом» и «Разговор в царстве мертвых о Петре Великом». Был горячим поклонником и хвалителем Петра I. На сочинениях его сильно сказывается влияние книжной учености допетровской эпохи; он верил баснословным рассказам из русской истории, бывшим в ходу между книжниками XVI-XVII вв.

Крюйс Корнилий Иванович (1657-1727) — русский адмирал. Службу начал в голландском флоте; в 1697 приглашен Петром I на русскую службу; в 1700-1701 строил флот в Воронеже и составил карту Дона; несколько раз отражал нападение шведов на Кронштадт и Петербург. Под его наблюдением окончено строительство крепости и гавани в Кронштадте и Толбухина маяка. В 1713 эскадра, бывшая под командой Крюйса, заметила неприятельские суда и пустилась за ними в погоню, но корабли «Рига» и

«Выборг» сели на мель, и неприятель успел уйти. За это военный суд, в состав которого входил сам царь, приговорил Крюйса к смертной казни, замененной ссылкой в Казань. В 1719 Крюйс назначен вице-президентом Адмиралтейств-коллегии.

Куракин Александр Борисович (1697– 1749) — государственный деятель и дипломат. Сын Б. И. Куракина. С детства сопровождал отца в заграничных поездках, был одним из первых русских, получивших образование за границей. С 1722 камер-юнкер и советник посольства в Гааге. С мая 1722 состоял при французском дворе. В 1727 назначен послом в Париже. Покровительствовал учившемуся за границей В. К. Третьяковскому. Вернувшись в Россию в 1729, как двоюродный дядя императора Петра II занял высокое положение при дворе. Примкнул к противникам Меншикова и способствовал его падению. С 1730 камергер, входил в ближайшее окружение Анны Иоанновны. В 1731 основал в Москве госпиталь для содержания отставных офицеров, увечных и раненых солдат. В 1736 вместе с А. П. Волынским и Д. А. Шепелевым включен в состав Высшего суда (под председательством Анны Иоанновны) по разбору жалоб кн. К. Кантемира. Был ревностным сторонником Э. Бирона, поддерживал его в борьбе против Волынского. В 1739 назначен послом в Берлин, но в должность не вступил. Во время подписания Анной Иоанновной завещания первым выступил с предложением о назначении Бирона регентом при Иване VI. После прихода к власти правительницы Анны Леопольдовны первоначально сохранял свое положение при дворе. Однако затем, после показаний А. П. Бестужева-Рюмина, попал под подозрение, но прощен. С 1741 сенатор.

Куракин Борис Иванович (1676–1727) — государственный деятель и дипломат. С 1683 спальник

при Петре I, в 1691—1693 участвовал в его воинских «потехах». В 1691 женился на Ксении Федоровне Лопухиной — сестре супруги Петра I Евдокии. Офицером участвовал в Азовских походах 1695–1696. В 1697 с группой дворянских недорослей послан для обучения в Венецию. Изучал математику, механику, фортификацию и др. Получил свидетельство мастера. В 1698 вернулся в Москву и был назначен под Азов. В 1699 сопровождал Е. И. Украинцева в Константинополь. В 1700 участвовал в Нарвском сражении, в 1702 — во взятии Нотебурга. Принимал участие в строительстве Петербурга. В 1707 послан к папе римскому Клименту XI с заданием добиться непризнания Станислава Лещинского польским королем. После успешных переговоров посетил Венецию, Австрию, Гамбург, Голландию с целью предотвратить вербовку наемников в шведскую армию. Участвовал в Полтавском сражении 1709, где командовал Семеновским полком; после измены И. С. Мазепы ему поручена организация избрания нового гетмана. В 1709 направлен к Брауншвейг-Люнебургскому курфюрсту для переговоров о браке царевича Алексея Петровича с дочерью курфюрста Шарлоттой. В начале 1710 вел переговоры с ганноверским курфюрстом (будущий английский король Георг I), добился нейтралитета Ганновера. Затем некоторое время находился в Голландии при поселе А. А. Матвееве. С 1709 полномочный министр в Лондоне. Пытался склонить Великобританию к посредничеству при переговорах между Россией, Швецией и Турцией. Вел также работу по заказу кораблей, приглашений на русскую службу иностранцев; при создании Петербургской АН способствовал приглашению в Россию иностранных ученых. В 1717 сопровождал Петра I в путешествии по Франции.

Ласси Петр Петрович (1678-1751) — генерал-фельдмаршал, ирландец по происхождению. В 1700 поступил на русскую службу и принял видное участие в Северной войне; в 1725 назначен членом Военной коллегии, в 1726 командующим войсками Петербургского района, а затем рижским генерал-губернатором и командующим войсками Остзейского края. В 1733 послан во главе войска поддержать кандидатуру Августа III на польский престол против Станислава Лещинского, что выполнил блестяще. В 1736 назначен командующим армией для действий против турок в Крыму во время похода Миниха; умело комбинировал действия сухопутной армии и флота, неся незначительные потери в людях и времени. В 1741-1743 главнокомандующий в шведской войне, которую провел успешно; вернувшись к своему посту в Остзейском крае, разрабатывал операционные планы на случай войны с Пруссией. Один из тех немногих иностранцев XVIII в., которые свои силы с готовностью отдали новому отечеству.

Лейн Эдвард (?-1729) — военный инженер, в Петербурге с 1702. Строил в Ревеле и Кронштадте: канал и доки, военная и торговая гавани, ансамбль крепости.

Лесток Иоганн-Герман (1692-1767) — государственный деятель. Происходил из старинной дворянской французской семьи. В 1713, в звании лекаря, прибыл в Петербург, первое время пользовался расположением Петра I, но в 1720 сослан в Казань за обольщение дочери одного придворного служителя. Екатерина I вызвала его в Петербург и назначила лейб-хирургом. Своим веселым нравом и услужливостью снискал расположение цесаревны Елизаветы Петровны. В правление Анны Леопольдовны принимает участие в дипломатической интриге, подготовившей переворот 1741, но вел себя все время в высшей степени

осторожно и лишь в последний момент побудил Елизавету к решительному шагу. По восшествии на престол Елизаветы пользовался большим влиянием на дела; даже вице-канцлер Бестужев сначала считал необходимым быть с ним в дружбе. Позже между ними возникла вражда из-за явного пристрастия Лестока к Франции, от которой он получал пенсию, и к Пруссии, по ходатайству которой император Карл VII даровал Лестоку графское достоинство и от которой он также получал пенсию. Около 1745 Бестужеву удалось перехватить тайную переписку Лестока и французского посланника Шетарди; последний был удален из России, и Лесток лишился прежнего влияния на императрицу. В 1748 Бестужев, пользуясь перлюстрированной перепиской Лестока, возбудил против него обвинение в государственной измене. Лесток был арестован, пытан в Тайной канцелярии и приговорен к смерти, но помилован. Сначала он содержался в крепости, с 1753 водворен в Великом Устюге и освобожден Петром III, возвратившим ему чины и конфискованное имущество.

Лефорт Франц Яковлевич (1656–1699) — адмирал (1696), государственный и военный деятель, сподвижник Петра I. Выходец из Швейцарии. Обучался в кальвинистском коллегииуме и, по семейной традиции, готовился к коммерческой деятельности, но в 1675 покинул Женеву и отправился в Голландию. Находясь в свите наследного принца Курляндского Фридриха Казимира, участвовал в войне Голландии против Франции. По окончании войны вступил в голландский отряд, с которым отправился на службу в Россию. В 1675 отряд высадился в Архангельске, в начале 1676 прибыл в Москву, но на русскую службу принят не был и распался. Лефорт остался в Москве и поселился в Немецкой слободе. В 1678 зачислен на русскую службу в чине капитана. В начале 1679 направлен в киевский гарнизон. Командовал ротой, участвовал в

многочисленных стычках с крымскими татарами. С 1683 выполнял различные дипломатические поручения. Его дом постепенно превратился в центр Немецкой слободы; в нем собирались не только ее жители, но и представители русской знати. По одной из версий, в 1689 Лефорт был в числе первых, кто перешел с войсками на сторону Петра I в период его конфликта с царевной Софьей. С 1690 генерал-майор. Петр I, с весны 1690 регулярно посещавший Немецкую слободу, в сентябре впервые посетил дом Лефорта и вскоре сблизился с ним. Лефорт стал одним из главных организаторов и участников военных «потех» Петра I; в 1691 произведен в генерал-лейтенанты, в 1693 — в полные генералы. С 1691 командовал полком, для размещения которого выстроил слободу на левом берегу Яузы, получившую название Лефортской (отсюда название местности Лефортсково). В 1691-1694 сопровождал Петра I в поездках на Плещеево озеро в Переславль-Залесский, в Архангельск и на Белое море. В 1-м Азовском походе 1695 — один из трех (наряду с Гордоном и А. М. Головиным) командующих русскими войсками, сторонник быстрого штурма Азова. Во 2-м Азовском походе 1696 командовал флотом; после взятия Азова Петр I назначил его новгородским наместником. Возглавлял Великое посольство 1697—1698. Умер от простуды.

Лихуды — церковные деятели, просветители, братья. Иоанникий (1633-1717) и Софроний (1652-1730). Окончили Падуанский ун-т (1670), преподавали в духовных училищах Кефалонии. В 1685 прибыли в Москву, преподавали греческий язык в училище при Богоявленском монастыре, в 1687-1694 — грамматику, риторику, логику, пиитику, физику в Славяно-греко-латинской академии, составили ряд учебных пособий по этим наукам. В 1687—1691 участвовали в развернувшихся в церковных и придворных кругах

спорах о «пресуществлении Св. Даров». В полемическом труде «Акос, или Врачевание, противопологаемое ядовитым угрызением змиевым» (1687) выступили против «латинских» (южнорусских и польских) богослужебных книг. После перевода «Акоса» на русский язык (1688) с резкой критикой их взглядов выступил Сильвестр Медведев. В 1688 -1691 Иоанникий вел переговоры с правительством Венеции о союзе против Османской империи. В 1693 патриарх Иерусалимский Досифей направил в Москву письмо, в котором обвинил Лихудов в пренебрежении богословием и увлечении латинским языком и философией. В 1694 сын Иоанникия — Николай похитил дочь дворянина Селифонтова Марию. Опасаясь наказания, Лихуды тайно бежали из Москвы к Смоленску, но были пойманы, удалены из академии и переведены на московский Печатный двор, где в 1697-1699 по распоряжению царя Петра I преподавали итальянский язык. В 1698, после того как учившийся у братьев П. Артемьев, находясь в составе посольства патриарха Иоакима в Венеции, перешел в католичество, обвинены в проповеди «латинства», а также во взяточничестве и помещены в Новоспасский монастырь. В 1704, после доноса о переписке Лихудов с Константинополем, переведены в костромской Ипатьевский монастырь, а в 1706 — в Новгород, где по ходатайству митрополита Иова получили разрешение открыть славяно-греко-латинскую школу (по образцу московской). В 1707 Софроний вызван в Москву для преподавания греческого языка. Оставшийся в Новгороде Иоанникий по поручению митрополита Иова участвовал в «увещевании» находившегося в заточении С. Денисова, в 1716 переехал в Москву и вместе с братом занимался исправлением славянского перевода Библии. После смерти Иоанникия Софроний продолжал преподавание в академии. С 1723 архимандрит

Солотчинского монастыря, в 1729 отстранен от настоятельства по старости. Лихуды — авторы многочисленных полемических сочинений и сборников против католиков, лютеран, старообрядцев.

Лужин Федор Федорович (?—1727) — геодезист и картограф. Учился в Московской навигацкой школе и в геодезическом классе Морской академии в Петербурге (до 1718). В 1719—1721 вместе с И. М. Евреиновым участвовал в картировании Камчатки и Курильских островов. В 1723—1724 проводил съемки в Вост. Сибири; в 1725—1727 участвовал в Первой Камчатской экспедиции В. Беринга; с отрядом М. П. Шпанберга совершил плавание по рекам Лене, Алдану, Мае.

Лызлов Андрей Иванович (1655-1697) — историк, переводчик. Сын боярина. В 1670 в чине «жильца» упоминается на службе при дворе. С 1674 стряпчий, с 1676 стольник, участник Чигиринских 1677 и 1678, Крымских (1687 и 1689) и Азовских (1695-1696) походов. В 1682 перевел с польского языка фрагменты из «Хроники» Матвея Стрыйковского в 1686 — сочинение Симона Старовольского «Двор цесаря турецкого». В 1692 закончил работу над «Скифской историей», в которой описал борьбу русского народа и его западных соседей с монголо-татарскими и турецкими завоевателями (доведена до конца XVI в.). Использовал большой круг источников и исторических сочинений. Считая турок и татар потомками древних скифов (отсюда заглавие книги), рассмотрел известия античных авторов о Сев. Причерноморье, изложил историю обороны Руси от хазар, печенегов, половцев, особое внимание уделил монголо-татарским завоеваниям, а также истории Крымского ханства. «Скифская история» уже в рукописи получила широкое распространение в России, затем была дважды издана Н. И. Новиковым.

Магницкий Леонтий Филиппович(1669–1739) — математик, педагог. Учился в Московской славяно-греко-латинской академии; затем самостоятельно изучил математические науки в объеме, далеко превосходящем уровень сведений, сообщаемых в русских арифметических, землемерных и астрономических рукописях XVII столетия. После открытия в Москве (1701) Школы математических и навигацких наук назначен туда преподавателем арифметики и, по всей вероятности, геометрии и тригонометрии. Составил учебную энциклопедию по математике под заглавием «Арифметика, сиречь наука числительная и т. д.» (1703), содержащую пространное изложение арифметики, важнейшие для практических приложений статьи элементарной алгебры, приложения арифметики и алгебры к геометрии, практическую геометрию, понятия о вычислении тригонометрических таблиц и о тригонометрических вычислениях вообще и необходимейшие начальные сведения из астрономии, геодезии и навигации. Как учебник эта книга более полувека употреблялась в школах. Позднее Магницкий участвовал в первом русском издании логарифмических таблиц А. Влакка. Правительство Петра I недостаточно ценило заслуги Магницкого и ставило его как преподавателя ниже его товарищей-англичан, Фарварсона и Гвина. Он получал значительно меньшее жалованье, и когда его товарищи были переведены в Петербург в открывшуюся там морскую академию (1715), он остался в Москве на прежней должности в Школе, занявшей по отношению ко вновь открытой академии второстепенное положение.

Мазепа Иван Степанович (ок. 1640–1709) — гетман Левобережной Украины. Происходил из белоцерковской православной шляхты, воспитывался при дворе польского короля Яна-Казимира и состоял в списке «покоевых дворян» (род камер-юнкеров). Неудачно

исполненное в 1662 Мазепой поручение к гетману Тетере прервало его придворную карьеру. В 1665, после смерти своего отца Адама-Степана Мазепы, Мазепа получил звание черниговского подчашего. К этому времени относят и его любовные приключения с Фальбовской и Загоровской, с которыми некоторые связывают переход Мазепы к казакам. Впоследствии Мазепа женился на вдове белоцерковского полковника Фридриковича. Были ли у Мазепы дети от этого брака — неизвестно. Перейдя к казакам, Мазепа поступил на службу к гетману Дорошенко и дослужился до звания генерального писаря. Когда Мазепа увидел, что дело Дорошенко проиграно, он перешел на сторону Самойловича и сблизился с ним. Есть сведения, что Мазепа был воспитателем детей Самойловича. При Самойловиче Мазепа сделался генеральным есаулом. Участие Мазепы в интригах и доносе на Самойловича не доказано. После свержения Самойловича на коломацкой раде 1687 Мазепа был избран гетманом. Избранием он был обязан подкупу князя В. В. Голицына и щедрым обещаниям, данным старшине. Последнего Мазепа вознаграждал раздачей имений и полковничих и других должностей. Как гетман-администратор Мазепа ничем не выделялся. Полагают, что первая мысль об измене явилась у Мазепы в 1705, когда он обсуждал ее с княгиней Дольской, урожденной Вишневецкой. Позже Мазепа вел переговоры с ней же и с польским королем Станиславом Лещинским. Переговоры велись тайно, и содержание их остается неизвестным. До самого последнего момента Мазепа сумел сохранить доверие Петра. Доносы на Мазепу не раз посылались Петру из Украины. Он оставлял их без внимания. Весной 1708 донос на Мазепу отправил через своего родственника генеральный судья Василий Кочубей, раздраженный на гетмана за романические отношения Мазепы к его дочери. Петр I отдал доносчиков в руки Мазепы, и они

были казнены. Рассказ, будто бы Мазепа призвал Карла на Украину, не имеет твердых оснований. О переговорах Мазепы с самим Карлом ничего не известно. Поход Карла на Украину для Мазепы было, по-видимому, неожиданным. Когда шведский король вступил на территорию Украины, Мазепа с некоторыми полковниками перешел на его сторону. Какое между ними состоялось соглашение, неизвестно. Из позднейших актов можно заключить, что Украина должна была оставаться свободной, сохранить целостность границ и неприкосновенность своих привилегий. Получив известие об измене Мазепы, Петр немедленно же распорядился об избрании гетмана: им стал Иван Скоропадский. Мазепа был предан анафеме. С Полтавской битвой дело Мазепы оказалось проигранным. Он убежал вместе с Карлом и в марта 1710 умер в Бендерах. Тело его перевезли в Галац и похоронили в монастыре святого Георгия.

Переход Мазепы на сторону Швеции некоторые из историков считали фактом случайным, делом эгоистических стремлений Мазепы, но позже была выдвинута и иная точка зрения. Союз Украины со Швецией назревал и подготовлялся давно, и шаг Мазепы был не шагом только эгоиста, но шагом политическим, рассчитанным лишь неверно, а потому и не имевшим успеха. Личность Мазепы интересовала многих писателей и поэтов — Пушкина, Байрона, Готшалля, Словацкого. Их поэтические изображения очень далеки, однако, от исторической действительности.

Макарий (посл. треть XVII в.—1-я пол. XVIII в.) — церковный деятель, путешественник, писатель; иеромонах Спасо-Преображенского монастыря в Новгороде-Северском. Имел глубокие познания в области истории церкви, догматики, патристики, практики богослужения; владел греческим языком. В

1704 иеромонахи Макарий и Сильвестр направились в Кисп, а затем в Яссы, где побывали на приеме у молдавского господаря Михаила Раковицы. В 1705 паломники прибыли в Галац, затем на корабле по Дунаю и Черному морю — в Константинополь (Стамбул). Посетили Софийский собор, ряд церквей. В июне 1705 Макарий и его спутник через Мраморное море, Дарданеллы, о-ва Хиос, Станков, Горосал, Родос прибыли в Александрию. Из Александрии на корабле совершили поездку в устье Пила, побывали в г. Решит, осмотрели египетские пирамиды. В 1705 паломники достигли Иерусалима. Они посетили Вифлеем, Ильинский и Крестовоздвиженский монастыри, лавру Саввы Освященного, Сионскую и Елеонскую горы и др. Существуют полная и краткая редакции «Хождения» Макария, в котором проявился светский подход в отборе объектов описания, ощущается тенденция к беллетризации повествования, ориентация на живую разговорную речь.

Макаров Алексей Васильевич (1674-1750) □ государственный деятель, кабинет-секретарь Петра I. Человек незнатного происхождения, по своей приближенности к Петру имел большое влияние. Всюду сопровождал царя и способствовал возведению на престол Екатерины I. По словам Берггольца, он заведовал делами, о которых не давалось знать Сенату. При Петре II назначен президентом Камер-коллегии. В 1732 подвергся обвинению во взяточничестве и утайке секретных бумаг, но был оправдан. Вскоре по интригам Феофана Прокоповича был замешан в дело монаха Георгия Зворыкина, обвинявшегося в разных фантастических преступлениях, и оставался под следствием до самой своей смерти. Огромная его переписка опровергает показание Гельбига о малограмотности Макарова.

Маленькой Семен Мартынович (?—1702) — купец. В 1695 возглавил торговую экспедицию, отправленную Приказом Большой казны в Индию. Прибыл в Исфахан (Персия), затем (в 1698) от Бендер-Аббаса морем в Сурат (Индия). В Индии провел свыше двух лет, получил от падишаха Аурангзеба фирман на свободный проезд и беспошлинную торговлю в индийских городах. Закупив большую партию товаров, в январе 1701 отправился морем в Персию. Его записки содержат сведения о жизни Персии и Индии, условиях торговли русских купцов на Востоке.

Манкиев (Манкиевич) Алексей Ильич (?–1723) — историк, поляк по происхождению. Во время войны со шведами 1700 попал в плен. В Стокгольме служил в канцелярии русского резидента князя Хилкова. По возвращении в Россию назначен в 1720 «переводчиком шведского, латинского, польского языков» в Коллегию иностранных дел. Ездил с А. И. Румянцевым в Стокгольм; в 1721 был на Ништадтском конгрессе; в 1722–1723 командирован на утверждение границ между Россией и Швецией. Находясь в плену, составил к 1715 «Ядро истории российской», которое через Румянцева представил Петру I. Его труд, доводивший изложение событий до 1712, выгодно отличался от наиболее распространенного тогда в качестве общего обзора «Синопсиса» Иннокентия Гизеля меньшим количеством ошибок и особенно тем, что давал по летописным и другим материалам историю северовосточной Руси. Долго «Ядро» распространялось лишь в рукописях и было напечатано впервые в 1770 Г. Миллером, который приписал его князю Хилкову. Несмотря на то что к этому времени разработка истории России уже значительно ушла вперед, несмотря на тяжеловатый для эпохи Екатерины II слог, «Ядро» находило читателей, было издано еще 3 раза (1784, 1791 и 1799 годах) и вышло даже в немецком переводе

в Москве. Ввиду того что Манкиев пользовался при составлении «Ядра» некоторыми не известными теперь источниками, его труд имеет известную цену в глазах специалистов и до сих пор.

Матвеев Андрей Артамонович (1666–1728) — дипломат, сын А. С. Матвеева. На восьмом году пожалован в комнатные стольники; в царствование Федора Алексеевича последовал за отцом в ссылку и, едва избежав по возвращении смерти в дни стрелецкого бунта, снова был выслан из Москвы по требованию стрельцов. В 1691–1693 Матвеев воеводствовал в Двинском крае, а в 1700 получает дипломатическое назначение, сначала в качестве посла при Голландских Штатах, потом — в Австрии. В Голландии его задача — склонять Штаты к посредничеству между Россией и Швецией и одновременно — «распалить злобу англичан и голландцев против шведа»; в Австрии он должен был добиваться заключения союзного договора с Венским двором. В 1705 он в Париже ведет переговоры о возвращении конфискованных французским правительством русских торговых судов, а главное — о посредничестве Франции вместо уклонявшейся от этой роли Голландии. С той же главной целью Матвеев едет в 1706 в Англию, причем получает полномочие обещать английскому правительству за посреднические успехи вступление России «в великую алианцию». Усилия Матвеева не сопровождались, однако, особыми успехами. В Голландии он напрасно устраивал «первым господам и господам» собрания в своем доме, «забавы картами и иные утехы»; во Франции ему пришлось убедиться, что «дружба с французами, чрез сладость своих комплиментов, в прибыльном деле малой случай нам кажет»; а английское министерство, по его признанию, «в тонкостях и пронырствах субтельнее самих французов», здесь «от слов гладких и

бесплодных происходит одна трата времени». В Англии подвергся даже насилию и аресту по жалобе одного кредитора, и это обстоятельство стало предметом продолжительных дипломатических объяснений между Петербургом и Лондоном. Несколько успешнее была деятельность Матвеева в Австрии, хотя и здесь не привела к определенным результатам. В 1716 руководил Морской академией в Петербурге, а в 1719 он назначен сенатором и президентом Юстиц-коллегии. В 1724 президент Московской сенатской конторы. В царствование Екатерины I Матвеев не был включен в состав Верховного тайного совета, а вместо того командирован ревизовать Московскую губернию. Найдя всюду «непостижимое воровство и хищения», подверг виновных суровым наказаниям, в одном случае даже смертной казни, и последнее обстоятельство отчасти явилось причиной его выхода в отставку. По отзывам иностранцев, выделялся своей образованностью из среды русских людей того времени.

Матвеев Андрей Матвеевич (1701-1739) — живописец. В 1716 отправлен Петром I обучаться живописи в Голландию; затем состоял учеником Антверпенской академии. В 1727 вернулся на родину. Из сохранившихся произведений его известны автопортрет с женой и портреты князя и княгини Голицыных. Ему приписываются также «Битва на Куликовом поле» и аллегорическая картина в собрании графа Строганова. Образа Матвеева в Петропавловском соборе и в Симеоновской церкви Петербурга сплошь переписаны.

Моторины Иван Федорович (1686-1735) и Михаил Иванович — русские литейщики, отец и сын. Работали над отливкой пушек для армии, колоколов и пр. В 1701-1704 Иваном Моториным было изготовлено 113 шестифунтовых пушек для русской артиллерии. Им было отлито большое количество крупных колоколов

для Москвы, Петербурга, Киева, Старой Руссы и др. В 1734 Маторины приступили к отливке знаменитого царь-колокола для колокольни Ивана Великого в Кремле. Из-за неисправности печей работу пришлось остановить. Окончательно колокол был готов в ноябре 1735.

Маттарнови Георг Иоганн (?-1719) — архитектор и строитель, автор первых планов Петербурга. В 1715-1719 построил Зимний дворец Петра I, позднее включенный Д. Кваренги в здание Эрмитажного театра, Партикулярную верфь. Автор проекта Кунсткамеры. В 1717-1719 возвел первую церковь Исаакия Далматского на Исаакиевской площади. Участвовал в строительстве и отделке дворца Меншикова, Летнего дворца Петра I в Летнем саду.

Махаев Михаил Иванович (1716-1770) — рисовальщик и гравёр. Учился с 1729 в академической школе «ландкартному делу» и перспективе у живописца Валериани; в 1754 г. был «подмастером гравовального художества» у И. Соколова и Качалова (первая работа — цельногравированный «Придворный календарь на 1735 год»). Из его гравюр известны: два портрета первого русского солдата Бухвостова, «Монархический колосс», вид Соловецкого монастыря и так далее; ряд планов и видов Москвы и Петербурга с окрестностями гравирован другими по рисункам Махаева, оставившего, кроме того, несколько десятков рисунков, изображающих виды разных русских провинциальных городов.

Меншиков Александр Данилович (1673-1729), □ российский государственный деятель, сподвижник Петра I, светлейший князь (1707), генералиссимус (1727). Сын придворного конюха. Крупный военачальник во время Северной войны 1700-1721. В 1718-1724 и 1726-1727 президент Военной коллегии. При Екатерине I фактический правитель государства.

Императором Петром II сослан в Березов (ныне Березово Тюменской обл.). На всех должностях, на которые назначал его Петр, Меншиков проявлял себя человеком талантливым, энергичным, инициативным, смелым и настойчивым. Получавший от царя все возможные награды и титулы, Меншиков отличался при этом непомерным тщеславием и корыстолюбием. Он не упускал ни одной возможности для личного обогащения, не брезговал взятками и казнокрадством. В отношениях с подчиненными Меншиков бывал резок и высокомерен. Так, считается, что именно его неосторожное поведение спровоцировало на измену украинского гетмана Мазепу. Начиная с 1711 царь стал получать сведения о злоупотреблениях Меншикова, однако на их взаимоотношениях это стало сказываться лишь несколько лет спустя. Князь оставался одним из ближайших сотрудников Петра: в 1718 он принимал участие в следствии и суде над царевичем Алексеем, был воспитателем царевича Петра Петровича. Но еще в 1714 Меншиков был одним из подсудимых по делу о злоупотреблениях по различным подрядам, и на него был наложен штраф примерно в полтора миллиона рублей. В 1717 началось так называемое Почепское дело, связанное с обвинением Меншикова в захвате чужих земель и закреплении украинских казаков, ставшее предметом разбирательства в Сенате и специальных комиссиях и подорвавшее кредит его доверия у царя. Однако до полного разрыва дело не дошло: Петр снисходительно относился к проступкам своего любимца и в 1720 сделал его президентом Военной коллегии. Однако следствие над Меншиковым продолжалось вплоть до смерти царя.

Несколько лет после смерти Петра I стали для Меншикова временем взлета к вершинам могущества и стремительного падения. В январе 1725 он принял активное участие в решении судьбы престола, и именно

его стараниями на трон была возведена Екатерина I. С этого момента он стал фактически первым лицом в государстве, выступил инициатором создания Верховного тайного совета и стал его руководителем. Меншиков вернул себе потерянную в 1723 должность президента Военной коллегии, претендовал на трон герцога Курляндского и собирался выдать дочь замуж за царевича Петра Алексеевича, для чего в мае 1727 добился от умирающей императрицы подписания завещания в его пользу, а также ареста противников этого плана — А. И. Дивиера, П. А. Толстого и их единомышленников. По воцарении Петра II Меншиков был произведен в генералиссимусы и полные адмиралы, было объявлено о помолвке императора с Марией Меншиковой. Однако вскоре он заболел и упустил из своих рук контроль над императором, который тяготился опекой будущего тестя; к тому же императору нравилась его тетка Елизавета, а сама Мария также была влюблена в другого. Ситуацией воспользовались представители старых аристократических родов, с которыми Меншиков пытался примириться, Голицыны и Долгоруковы. В сентябре 1727 Меншикову был объявлен сперва домашний арест, а затем ссылка в Раненбург, однако вскоре над ним было учинено новое следствие и весной 1728, лишенный всех чинов и имущества, в сопровождении лишь нескольких слуг он был сослан в Березов. Здесь на руках у Меншикова умерла дочь, а вскоре скончался и он сам.

Микетти Никколо (1675–1759) — архитектор из Италии, в Петербурге с 1718. По его проекту сооружен Большой дворец в Стрельне; принимал деятельное участие в формировании ансамбля Петергофа, отделке Летнего дворца. В 1719–1722 главный архитектор Адмиралтейств-коллегии.

Миних Бурхард Христофор (1683–1767) — инженер из Германии, в Петербурге с 1721. Основатель и руководитель Первого кадетского корпуса, строитель Ладожского канала, укреплений в Выборге, Кронштадте, рavelинов Петропавловской крепости, Петергофского водовода. Губернатор С.-Петербурга. Вместе с Д. Трезини построил церковь св. Петра на Невском.

Морозко (Семенов) Лука — землепроходец, якутский казак. В 1696 с 16 казаками был послан из Анадырского острога для сбора ясака на реке Ануке, проник на Камчатку, достиг реки Тигиль, собрал сведения о Камчатке и Курильских островах. В 1697–1699 во главе отряда казаков, посланных В. Атласовым, совершил поход на восточном берегу Камчатского п-ва, был убит во время этого похода в стычке с камчадалами.

Нартов Андрей Константинович (1680—1756) — механик и изобретатель. Учился в Школе математических и навигацких наук в Москве. Его незаурядные способности были отмечены Петром I, по указанию которого он вскоре был переведен в Петербург и назначен личным токарем царя в дворцовой токарной мастерской. Работая здесь в 1712—1725, изобрел и построил ряд совершенных и оригинальных по кинематической схеме токарных станков (в т. ч. копировальных), часть которых была снабжена механическими суппортами. В обнаруженной рукописи Нартова «Ясное зрелище махин» описывается более 20 токарных, токарно-копировальных, токарно-винторезных станков различных конструкций. Выполненные им чертежи и технические описания свидетельствуют о его больших инженерных познаниях. В 1726—1727 и в 1733 работал при Московском монетном дворе, где создал оригинальные монетные станки. С 1736 заведовал механической мастерской

Петербургской АН. В 1742—1743 был первым советником АН. Ему принадлежит много других изобретений в различных отраслях техники. В 1738—1756, работая в Артиллерийском ведомстве, создал станки для сверления канала и обточки цапф пушек, оригинальные запалы, оптический прицел и др.; предложил новые способы отливки пушек и заделки раковин в канале орудия. В 1741 изобрел скорострельную батарею из 44 трехфунтовых мортирок. В этой батарее впервые в истории артиллерии был применен винтовой подъемный механизм, который позволял придавать мортиркам желаемый угол подъема. Имеются указания на участие Нартова в создании знаменитых гаубиц — «единорогов». Петровская токарня, превращенная им в академические мастерские, послужила базой для последующих работ М. В. Ломоносова, а затем И. П. Кулибина (особенно в области приборостроения).

Наталья Алексеевна (1673-1716) — царица, младшая сестра Петра I. Была человеком довольно прогрессивных взглядов. Всегда поддерживала своего брата, все те идеи, которые он хотел воплотить, понимала его стремление перестроить Россию на новый лад. Жила в любимом Петром селе Преображенском, где прошли его детские годы. Царица была женщиной умной и талантливой. Уклад ее дома приближался к европейскому. Именно там находился широко известный в то время преображенский придворный театр, и где она была не только создателем, но и режиссером. При Наталье Алексеевне Преображенское напоминало райский уголок: зеленели луга, шумели листвой деревья, пышно росли цветы, и среди этого дивного пейзажа любила гулять царица со своими фрейлинами (вернее, как тогда говорили, «комнатными девушками»). Петр очень доверял сестре. Именно ей он поручил заботы о Марте Скавронской в самом начале

своих отношений с очаровательной пленной, и Наталья приняла Марту в свой круг: заботилась о ней, обучала русскому языку и русским обычаям. Она воспитывала и царевича Алексея Петровича, своего племянника, сына Петра от брака с Евдокией Лопухиной.

Никонов Ефрем — изобретатель, крестьянин подмосковного села Покровского. В 1718 подал челобитную Петру I, предлагая построить «потаенное огненное судно». Вскоре был вызван в Петербург, где построил и испытал на погружение и плавание под водой модель судна. В 1724 было построено боевое подводное судно. Начавшиеся его испытания прервались вскоре после смерти Петра, а настойчивые попытки Никонова продолжать работу навлекли на него опалу. Вскоре он умер в ссылке. Предложил также водолазный костюм, одним из первых выдвинул идею перехода от неподвижного водолазного колокола к свободному передвижению человека под водой.

Остерман Генрих Иоганн Фридрих (1686–1747) — государственный деятель, дипломат. Из семьи лютеранского пастора из Вестфалии. В 1703 поступил на русскую службу. Знание немецкого, итальянского, французского языков и умение быть полезным в любом деле помогли ему быстро выдвинуться в ряды сподвижников Петра I. Наряду с деловыми качествами и завидной работоспособностью Остермана, по отзывам современников, был «ловок в каверзах, хитростях и притворстве». Вел переговоры со Швецией и заключал Ништадтский мир (1721). С 1723 после устранения Шафирова стал вице-президентом Коллегии иностранных дел. В 1725—1741 занимал пост вице-канцлера. После смерти Петра I лавировал между различными политическими придворными группировками, сохраняя за собой высокий пост и получая многочисленные пожалования. С воцарением Петра II действовал поначалу в союзе с Меншиковым, в

1727 был назначен воспитателем юного Петра II. С 1726 член Верховного тайного совета. В событиях 1730 занял выжидательную позицию. Как только «верховники» потеряли контроль над ситуацией, сделался сторонником Анны Иоанновны. С 1731 был фактическим руководителем внутренней и внешней политики России. Дворцовый переворот 1741, возведший на престол Елизавету Петровну, означал конец его политической карьеры и процветания. Был предан суду, приговорен к смертной казни, замененной ссылкой в Березов, где и умер.

Пазухины Борис Андреевич и Семен Иванович (гг. рожд. и смерти неизв.) — путешественники XVII в. С дипломатическими целями посетили Хивинское и Бухарское ханства. Их отчет, содержащий подробные сведения о государственном устройстве, природе, населении, путях сообщения государств Средней Азии, Персии, Индии, был одним из первых географических описаний этих стран.

Петр I Алексеевич (1672–1725) □ российский царь с 1682 (правил с 1689), первый российский император (с 1721), младший сын Алексея Михайловича. Провел реформы государственного управления (созданы Сенат, коллегии, органы высшего государственного контроля и политического сыска; церковь подчинена государству; проведено деление страны на губернии, построена новая столица — Санкт-Петербург). Использовал опыт западноевропейских стран в развитии промышленности, торговли, культуры. Проводил политику меркантилизма (создание мануфактур, металлургических, горных и других заводов, верфей, пристаней, каналов). Возглавлял армию в Азовских походах 1695–1696, Северной войне 1700–1721, Прутском походе 1711, Персидском походе 1722–1723 и др.; командовал войсками при взятии Нотебурга (1702), в сражениях при деревне Лесная (1708) и под Полтавой

(1709). Руководил постройкой флота и созданием регулярной армии. Способствовал упрочению экономического и политического положения дворянства. По инициативе Петра I открыты многие учебные заведения, Академия наук, принята гражданская азбука и т. д. Реформы Петра I проводились жестокими средствами, путем крайнего напряжения материальных и людских сил, угнетения народных масс (подушная подать и др.), что влекло за собой восстания (Стрелецкое 1698, Астраханское 1705-1706, Булавинское 1707-1709 и др.), беспощадно подавлявшиеся правительством. Будучи создателем могущественного абсолютистского государства, добился признания за Россией странами Зап. Европы авторитета великой державы.

Петр II (1715-1730) □ российский император (с 1727), сын царевича Алексея Петровича. Фактически правил государством при нем А. Д. Меншиков, затем Долгоруковы. Объявил об отмене ряда преобразований, проведенных Петром I. После смерти Екатерины и провозглашения Петра императором Меншиков поселил юного самодержца в своем доме и полностью контролировал все его действия. Однако вскоре светлейший князь заболел, чем не преминули воспользоваться его противники. Под влиянием А. И. Остермана и князей Долгоруких Петр, давно тяготившийся опекой Меншикова, лишил его всех чинов, сослал в Сибирь и объявил о расторжении помолвки с его дочерью. Петр был живым, сообразительным и, по-видимому, не лишенным способностей, но одновременно упрямым и своенравным мальчиком, нравом напоминавшим своего великого деда. Несмотря на некоторое сходство, царь, в отличие от Петра I, не желал учиться. По причине своего юного возраста он не мог должным образом заниматься государственными делами, почти не

появлялся в Верховном тайном совете. Это привело вскоре к расстройству всей системы управления, поскольку чиновники, опасаясь немотивированных поступков Петра, не решались брать на себя ответственность за важные решения. Заброшенным оказался Российский флот, к которому государь не проявлял никакого интереса. Основными фаворитами императора стали князя отец и сын А. Г. и И. А. Долгоруковы, люди бесцветные и беспринципные, стоявшие на страже лишь собственных интересов. Их влияние на царя было чрезвычайно велико. При посредстве Ивана Долгорукова, отличавшегося, по отзывам современников, бесшабашностью и распутным образом жизни, Петр много времени проводил время в разного рода пирушках, за картами, в обществе девиц легкого поведения, рано пристрастился к алкоголю. Постоянной спутницей царя на охоте была и его тетка Елизавета Петровна, в которую, по некоторым данным, был влюблен. Тем не менее Долгоруковым в ноябре 1729 удалось заставить царя обручиться с княжной Екатериной Долгоруковой. Впрочем, есть основания полагать, что к этому времени Петр стал уже тяготиться обществом Долгоруковых и проявлять некоторый интерес к делам государства; неоднократно он обещал искренне привязанному к нему Остерману возобновить учебу. Но в январе 1730 четырнадцатилетний царь заразился оспой и, проболев около двух недель, умер.

Пино Никола (1684-1754) — французский скульптор, художник и декоратор. В Петербурге с 1716. В 1720-е гг. участвовал в создании фонтанов Петергофа, в отделке Большого дворца и Марли, Летнего дворца, в возведении Меншиковского дворца в Ораниенбауме. Автор декоративного убранства Петровских ворот в Петропавловской крепости.

Попов Петр Ильич — землепроходец начала XVIII в. В 1711 спустился по реке Анадырю и достиг района мыса Дежнева. Собрал сведения о быте чукчей и эскимосов, природе Чукотки и Аляски, а также о пути на Аляску через Берингов пролив.

Посошков Иван Тихонович (1652–1726) — экономист, публицист, купец-предприниматель. Из дворянских подмосковных крестьян. Выучился грамоте, освоил монетное дело, работал на Денежном дворе в Москве. Скопив небольшой капитал, занялся предпринимательством в Петербурге и Новгороде, завел винокурный завод и даже приобрел небольшую вотчину с крепостными крестьянами. Главный труд — «Книга о скудости и богатстве» (1724) — обращен к Петру I, где автор поставил цель выяснить, отчего «приключается напрасная скудость и почему приумножается богатство». В книге излагалась целая система мероприятий, направленных на улучшение экономического и социального устройства России. Источником богатства Посошков считал торговлю, а купечество — единственным сословием, которое должно ею заниматься. Предлагал ряд мер по улучшению торговли и промышленности (строительство заводов и фабрик, разведка полезных ископаемых, сокращение ввоза иностранных товаров и расширение вывоза российских изделий и др.). Главной причиной скудости государства считал отсталость сельского хозяйства, которую связывал с непомерной эксплуатацией крестьянства. Хотя Посошков не посягал на крепостное право, он исходил из того, что помещики — временные владельцы крестьян, и настаивал на государственной регламентации крестьянских повинностей и обучении крестьянских детей. Возможно, взгляды Посошкова стали причиной его ареста и заключения в Петропавловскую крепость (в 1725), где он и скончался через несколько месяцев.

Прокопович Феофан (Елеазар) (1681–1736) — церковный и политический деятель. Родился в Киеве в семье небогатого купца. Образование получил в Киево-Могилянской академии. В 17 лет отправился в Польшу, для продолжения образования перешел в униатство. В 1693—1701 учился в коллегии святого Афанасия в Риме. В 1702 вновь принял православие, был пострижен в монахи. С 1704 — преподаватель, с 1711 — ректор Киево-Могилянской академии. Преподавал поэтику, математику, риторику, философию, теологию. Выступал с обличением невежества и суеверий. В 1706 произнес речь при Петре I и был им замечен, в 1711 царь взял его с собой в Прутский поход. В 1716 перебрался в Петербург, стал ближайшим советником Петра I, идеологом церковной реформы. С 1724 — архиепископ Новгорода. Был одним из образованнейших людей своего времени, его взгляды на природу и материю содержали элементы деизма и пантеизма. В Прокоповиче Петр I нашел талантливое толкователя своих мыслей и исполнителя своих желаний. Волевой и целеустремленный, тот был скорее политиком, чем священником. По поручению Петра I он составлял «Духовный регламент» (1721), в котором обосновывались основные положения церковной реформы: ликвидация патриаршества, введение коллегиального управления церковью (Синод), что означало ее подчинение государству в экономическом и политико-административном отношении. Главным его сочинением., в котором идеология абсолютизма получила законченную форму, стала «Правда воли монаршей» (1722), написанная для обоснования петровского указа о престолонаследии, согласно которому монарх волен был назначать себе преемника. Выступил с утверждением основного положения идеологии абсолютизма: абсолютная монархия основана на установленной Богом и одобренной

народом неограниченной власти монарха, который правит во имя общего блага и государственной пользы. Был близок к теориям западноевропейских философов (Г. Гроций, С. Пуфендорф) о естественном праве и общественном договоре. После смерти Петра I ему удалось сохранить свое положение. По образному выражению Г. В. Плеханова, П. обладал не только «пушистым лисьим хвостом, но и острыми волчьими зубами».

Расстрелли Бартоломео Карло (1675–1744) — художник-итальянец, трудившийся в России, литейщик из металла и скульптор. Купил себе во Франции графский титул. В 1716 был вызван Петром I в Петербург для литья пушек и для художественных работ по украшению новой русской столицы. Первыми скульптурными произведениями, выполненными в ней Растрелли, были бронзовые фигуры на мотивы басней Эзопа, расставленные на левом берегу Невы и подаренные впоследствии Екатериной II графам Остерману и Бецкому, которые приказали их перелить. Не сохранились также бронзовый бюст С. Бухвостова, отлитый Растрелли по приказанию Петра I, и свинцовые статуи, украшавшие аллеи и фонтаны Летнего и Петергофского садов. Из скульптур Растрелли до нас дошли только бронзовый бюст Петра I, хранящийся в так называемой Аполлоновой зале Зимнего дворца, статуя царя верхом на коне, барельефы Петровского монумента на площади перед Инженерным замком и бронзовая статуя императрицы Анны Иоанновны в сопровождении пажа. Растрелли участвовал в создании петергофских фонтанов.

Ремезов Семен Ульянович (ок. 1662 — ок. 1716) — географ, картограф и историк Сибири. Тобольский служилый человек. В 1696—1697 составил план каменного города в Тобольске, чертеж земель к югу от Тобольского уезда и др. В 1698 вместе с сыном Семеном

составил в Москве «Чертеж всей Сибири»; продолжая работу с сыновьями Леонтием, Семеном и Иваном, закончил к началу 1701 создание «Чертежной книги Сибири» (опубл. в 1882), которая подводила итог имевшимся географическим материалам того времени. В самом конце XVII в. он и его сыновья, используя Есиповскую и другие летописи, составили т. н. Ремезовскую летопись.

Ромодановский Федор Юрьевич (ок. 1640-1717) □ государственный деятель. Входил в круг сподвижников Петра I, участвовал в воинских потехах молодого царя. В 1694 в награду за победу, одержанную в «потешном» бою над лже-королем Бутурлиным, Петр I даровал ему титул князя-кесаря. С 1686 до смерти возглавлял Преображенский приказ, который был первоначально судебно-административным органом, управлявшим «потешными» полками, а также царской канцелярией. После второго Азовского похода Преображенский приказ, подчинявшийся непосредственно Петру I, получил исключительное право следствия и суда по политическим преступлениям. Как судья Преображенского приказа Ромодановский пользовался неограниченной властью, «мог всякого взять к розыску, арестовать и розыскивать, и по розыску вершить». Петр I доверял ему, во время Азовских походов (1695—1696) и Великого посольства (1697—1698) оставлял правителем Москвы, а фактически — всей страны. Находясь на своем посту почти 30 лет, проявил преданность царю и административные способности. В короткий срок он заставил всех считаться с Преображенским приказом, чему в немалой степени способствовали проведенные с исключительной жестокостью политические процессы стрельцов, участников Астраханского восстания и др. В народе заслужил всеобщую ненависть и дурную славу. По характеристике современника, Б. И. Куракина, он был

«видом как монстра, нравом злой тиран, превеликий нежелатель добра никому».

Скляев Феодосий Моисеевич (?—1728) — кораблестроитель. В 1696 начал работать учеником корабельного плотника. Пройдя курс обучения, а затем практику на заграничных верфях, в 1707 получил чин поручика и звание корабельного мастера (инженера). Строил суда в Воронеже, Новой Ладоге, Шлиссельбурге, Петербурге и на Олонецких верфях. За 32 года своей деятельности построил корабли: «Старый орел» (1709), двухпалубные корабли «Полтава» (1712) и «Нарва» (1714), трехпалубный 88-пушечный корабль «Фридемакер» (1721) и многие др. Ему поручался также сложный ремонт кораблей. Петр I, русские и иностранные мастера высоко ценили его знания.

Скорняков-Писарев Григорий Григорьевич (?—1745) — деятель первой пол. XVIII в. Выполнял поручения Петра I военного и политического характера. Руководил разведкой и строительством каналов (в т. ч. Ладожского и Лиговского) и других гидротехнических сооружений (на рекам Двине, Днепре, Ловати и др.). На него было возложено заведование вновь учрежденными школами в Пскове, Ярославле, Новгороде, а также Морской академией в Петербурге (с 1719). Явился автором первого на русском языке сочинения по механике — «наука статическая или механика» (1722).

Соймонов Михаил Федорович (1730—1804) — один из организаторов горного дела в России. Содействовал созданию в 1773 Горного училища, был первым его директором. Придавая большое значение практическому обучению студентов, построил при училище специальный рудник и лаборатории. В 1773—1776 и в 1796—1801 в качестве президента Берг-коллегии осуществил ряд важных мероприятий по развитию русской горной промышленности.

Софья Алексеевна (в монашестве Сусанна); (1657–1704) □ правительница России в 1682— 1689. Дочь русского царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны, урожденной Милославской. После смерти царя Федора Алексеевича русским государем был провозглашен Петр I — сын царя Алексея Михайловича и царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной. С этим не захотела примириться семья Милославских. Она воспользовалась волнениями стрельцов, которые подвергались всевозможным притеснениям и были обложены тяжелыми налогами. В мае 1682 вооруженные стрельцы ворвались в Кремль и перебили многих родственников и приверженцев Петра I и Нарышкиных. Они потребовали, чтобы русскими царями были объявлены два сводных брата — Иван и Петр. Причем «старшим царем» должен был считаться Иван — сын Алексея Михайловича и Марии Ильиничны Милославской. Но так как Иван был болезненным, а Петр еще отроком (ему было всего 10 лет), то управлять государством за них должна была сестра — царевна Софья. Царевна была умной, энергичной и образованной женщиной. Ее воспитателем был известный просветитель Симеон Полоцкий. Большую роль при дворе играл ее фаворит князь В. В. Голицын, один из самых образованных людей XVII в. В августе 1689 в Москве произошел переворот. К власти пришел Петр I, бывшая правительница России была заключена в Новодевичий монастырь. В 1698 в России произошло еще одно стрелецкое восстание. Стрельцы с запада шли на Москву, собираясь посадить на царский трон царевну Софью. Но они были остановлены и разбиты под Воскресенским Новоиерусалимским монастырем верными Петру I войсками. С. была пострижена в монахини, и за ней был установлен строгий надзор. Умерла в заключении в монастыре.

Спафарий (Милеску) Николай Гаврилович (1636—1708) — молдавский ученый и государственный деятель. Образование получил в Славяно-греко-латинской академии в Яссах, затем в Константинополе. Находился на службе молдавского господаря, занимал пост «великого спафария» — командующего наемными войсками. После неудавшегося дворцового переворота, в котором он принимал участие, вынужден был покинуть Молдавию и в 1671 переселился в Россию, где стал переводчиком Посольского приказа. Составил славяно-греко-латинский словарь. В 1675—1678 возглавил русское посольство в Китай. О поездке в Китай представил подробный отчет, в котором содержались ценные сведения о природе Китая, быте и нравах китайского народа. Написал ряд книг по истории, дошедших до нас в рукописях.

Стадухин Михаил Васильевич (?—1666) — землепроходец и мореход. Якутский казак. В 1630 был отправлен из Енисейска на службу на р. Лену. В 1633 возглавлял поход на р. Вилюй. В 1641—1644 во главе отряда служилых людей спустился вниз по Индигирке и морем достиг р. Колымы, где основал в 1644 зимовье (ныне Стадухино, в 20 км от совр. Нижнеколымска). В 1645 морем вернулся на Лену. В 1649 сделал неудачную попытку пройти морем от Колымы на р. Анадырь: зимой 1650—1651 сухим путем пробрался с Колымы на Анадырь, откуда позже прошел на рр. Пенжину, Гижигу, Тауй и Охоту; в 1659 вернулся в Якутск. В 1663—1665 — приказчик Аназейского зимовья. Убит по пути на Колыму.

Страленберг Филипп Йухан (1676—1747) — шведский офицер. Участвовал в Полтавской битве (1709), был взят русскими в плен; долгое время жил в Сибири. Составил историко-географическое описание и карту Сибири, используя в значительной мере чертежи русского картографа С. Ремезова и другие

русские материалы. Его книга «Историческое и географическое описание северной и восточной частей Европы и Азии» и карта Сибири были изданы им после возвращения в Швецию в 1730 (в 1797 книга впервые опубликована в русском переводе).

Толстой Петр Андреевич (1645–1729) — государственный деятель, дипломат. В 1671 получил чин стольника при дворе царицы Натальи Кирилловны. В 1682 выступал на стороне царевны Софьи. В 1690–е гг. перешел в лагерь сторонников Петра I. Участвовал во взятии Азова (1696), получил чин прапорщика, а затем капитана Семеновского полка. В 1697 отправился волонтером в Италию для овладения военно-морским делом. Год пребывания в Европе обогатил его впечатлениями, знакомствами, дал свободное знание итальянского языка и аттестат, свидетельствующий об овладении навыками кораблевождения. Человек с таким кругозором, европейскими манерами и природной энергией мог рассчитывать на успешную карьеру. В 1702—1714 был первым постоянным русским послом в Турции. Показал себя деятельным и настойчивым дипломатом, успешно решавшим возложенные на него задачи. Дипломатический опыт Толстого пригодился Петру I в 1716—1717, когда он сопровождал царя в поездке по Европе. В 1718 выполнил еще одно поручение Петра I — добился возвращения из Вены царевича Алексея. Толстой, возглавив Тайный приказ (1718—1726), провел следствие по делу царевича, его подпись стояла под смертным приговором. В 1717—1727 был президентом Коммерц-коллегии. В 1722 в Персидском походе руководил походной канцелярией императора. Имел более 12 тыс. крестьян мужского пола в 22 уездах России. Содействовал возведению на престол Екатерины I, был главным распорядителем на коронации (1724), за что вскоре был пожалован графским титулом. В 1726 стал инициатором создания

Верховного тайного совета. В 1727, незадолго до смерти Екатерины I, поссорился с Меншиковым. Был привлечен к суду и осужден на казнь, которая была заменена ссылкой ему и его сыну в Соловецкий монастырь.

Трезини Доменико Андреа (ок. 1670–1734) — архитектор раннего русского барокко, инженер. Швейцарец, с 1703 в России. По его проектам заложены Кронштадт и Александро-Невская лавра, в 1706 начата перестройка Петропавловской крепости в камне, построен Летний дворец Петра I в Летнем саду, Петровские ворота и Петропавловский собор, здание Двенадцати коллегий, Гостиный двор и т. д. Составил для Петра I типовые проекты жилых петербургских домов и пригородных дач.

Ту Личэнь (1667—1740) — китайский посол в России. В начале XVIII в. был начальником Управления описания и картографии пограничных земель Китайского государства. В 1712—1715 был послан в Россию для ведения переговоров с калмыцким ханом Аюкой. О своем путешествии по восточным областям России написал сочинение, которое содержит дневник путешествия, описание посещенных земель и народов, а также сведения о встречах с русскими чиновниками. Его предисловие к этому сочинению датировано 1723.

Угрюмов Иван Матвеевич (?–1707) — архитектор-строитель, работал в Москве, Петербурге, Шлиссельбурге, Сибири. Автор первых планировочных работ в Летнем саду, начинал возведение дворца Петра и Кикиных палат.

Унковский Иван — путешественник XVIII в. В 1722—1724 с дипломатическими целями совершил поход к джунгарскому хану Цэван-Рабтану в район озера Зайсан и верховьев Иртыша; задачей экспедиции было также найти месторождения золота в этих районах Средней Азии и разведать сухопутные и речные пути, ведущие к

ним из Сибири. Вел путевой журнал, содержащий географические и историко-этнографические сведения, составил карту владений хана.

Усов Тимофей Петрович (1700–1728) — строитель и художник. Учился в Голландии и Италии. Участвовал в создании иконостаса Петропавловского собора, строительстве дворца в Стрельне, фонтанов в Петергофе. Вместе с М. Земцовым строил Итальянский дворец на Фонтанке (ныне одно из зданий РНБ).

Устинов Иван Григорьевич (?–1731) — архитектор и строитель. Участвовал в сооружении Петропавловского собора, фонтанов в Петергофе и строений в Шлиссельбурге.

Федор Алексеевич (1661–1682) — сын царя Алексея Михайловича, брат Петра I, русский царь с 1676. При нем в 1678 была проведена общая перепись населения, в 1679 введено подворное обложение, увеличившее податной гнет, в 1682 уничтожено местничество и в связи с этим сожжены разрядные книги. Реформы вызвали недовольство и привели к восстанию 1682. В 1681 подписан Бахчисарайский договор, по которому Левобережная Украина переходила к России, и был проведен церковный собор. Способствовал подготовке Симеоном Полоцким «Академической привелеи» — документа, на основании которого в 1687 была открыта Славяно-греко-латинская академия. Увлекался музыкой, пением, сам сочинял песнопения. Уделял внимание праздничным ритуалам, определил, какое платье носить в те или иные праздники.

Ферстер Иоганн Христиан (1675–1755) — архитектор, в Петербурге с 1714. Строил первый каменный дворец Екатерины I в Царском Селе. Постройки в Кронштадте.

Чириков Алексей Ильич (1703—1748) — мореплаватель. В 1721 окончил Морскую академию в

Петербурге. В 1725—1730 был помощником В. Беринга в Первой Камчатской экспедиции; в 1728 на судне «Св. Гавриил» совершил плавание (под командой Беринга) от устья р. Камчатки через пролив (Берингов) в Сев. Ледовитый океан. В 1733—1743 .был помощником Беринга во Второй Камчатской экспедиции и одним из фактических ее руководителей; в 1741 на судне «Св. Павел» совершил плавание к американскому берегу, открыл ряд островов. О результатах плавания составил рапорт Адмиралтейств-коллегии, который содержит первое описание сев.-зап. берегов Америки и сведения об алеутах. Его именем назван остров в заливе Аляска, мыс острова Атту (Ближние Алеутские о-ва) и др.

Шафиров Петр Петрович (1669-1739) — государственный деятель, дипломат. Из евреев. С 1691 служил переводчиком в Посольском приказе. В 1697—1698 участвовал в Великом посольстве. Знание языков позволило ему выдвинуться. Стал одним из сподвижников Петра I, принимал участие в подготовке союза России с Польшей и Данией (1699) и России с Польшей (1701). С 1709 вице-канцлер. Большой его заслугой было заключение Прутского мирного договора (1711) с Турцией. Он сумел заключить Адрианопольский договор (1713) и удержать Османскую империю от войны с Россией. В 1715 участвовал в заключении договора с Польшей и Данией, в 1717 — с Пруссией и Францией. С 1717 вице-президент Коллегии иностранных дел, готовил Ништадтский мирный договор (1721) со Швецией. В 1717 в канун начала мирных переговоров было напечатано его сочинение «Рассуждения о причинах Свейской войны» с предисловием Петра I, где доказывалось, что война со стороны России была вынужденной и справедливой. В 1722 попал в опалу. В 1725 Екатерина I назначила его президентом Коммерц-коллегии. В 1730—1732 — посол в Иране, заключил Рештский договор (1732), по

которому Россия возвратила прикаспийские провинции и получила право беспошлинной торговли с Ираном. В 1733—1739 был президентом Коммерц-коллегии.

Швертфегер Леонард Теодор — архитектор, в Петербурге с 1713. Архитектор Александро-Невского монастыря, где с 1720 по 1730 построил собор (не сохранился), Благовещенскую церковь, начал постройку Федоровского корпуса. Тогда же построил Монастырское подворье на Васильевском острове, участвовал в возведении здания Двенадцати коллегий.

Шедель Иоганн Готфрид (1680-е—1752) — архитектор-строитель, в Петербурге с 1713. Много строил в Петербурге и пригородах, Москве, Киеве. Автор Большого дворца в Кронштадте, дворцов Меншикова.

Шереметев Борис Петрович (1652—1719) — военачальник. Участник Северной войны 1700—1721, под Нарвой (1700) командовал дворянской конницей, в 1701 назначен командующим экспедиционным корпусом в Эстляндии и Лифляндии, нанес шведам поражения при Эрестфере (1701) и Гуммельсгофе (1702), взял крепость Мариенбург, где в русский плен попала Марта Скавронская (будущая имп. Екатерина I). Осенью 1702 — командующий русской армией при осаде Нотебурга, весной 1703 — при осаде Ниеншанца. В 1703 взял Копорье, в 1704 — Дерпт (ныне Тарту). В Полтавском сражении 1709 главнокомандующий русской армией, в дальнейшем командовал русскими войсками на Украине (1712— 1713), в Померании и Мекленбурге (1715— 1717). В 1712 Петр I пожаловал ему земельный участок на берегу Фонтанки, на котором позже сооружен Шереметевский дворец. Умер в Москве, по повелению Петра I похоронен в в Александро-Невской лавре.

Шлаттер Иван Андреевич (1708 — 1768) — ученый и государственный деятель. С 1722 — пробирный мастер

в химической лаборатории Берг-коллегии. С момента организации Монетного двора в Петербурге работал там (с 1754 — директор). С 1760 был президентом Берг-коллегии. Предложил ряд усовершенствований в процессах плавки благородных металлов и чеканки монет. Ввел комбинированную схему аффинажа, состоящую из пирометаллургического метода разделения золота и серебра (сухой путь) и гидрометаллургической обработки выделенного золота. Автор первой русской книги по пробирному искусству «Описание при монетном деле потребного искусства» (1736), а также ряда работ по металлургии, горнорудному делу гидросиловым и паровым установкам.

Шлютер Андреас (1661-1714) — архитектор, скульптор и декоратор. В Петербурге с 1713. Участвовал в сооружении дворцов Меншикова, Летнего дворца в Летнем саду, Кикиных палат, Верхних палат и каскадов в Петергофе.

Шпанберг Мартын Петрович (?-1761) — русский мореплаватель. Выходец из Дании. В 1725—1730 принимал участие в Первой Камчатской экспедиции: дважды совершил переход из Охотска в Большерецк (на зап. берегу Камчатки), плавал под командой Беринга на боте «Св. Гавриил». Участвовал в работах Второй Камчатской экспедиции 1733—1743; руководил отрядом по изучению Курильских о-вов и Японии, открыл ряд островов и нанес на карту Курильские о-ва. В 1743 заменил Беринга (ум. 1741) в должности начальника всей экспедиции. Его именем назван один из островов Курильской гряды.

Яворский Стефан (до пострижения Симеон Иванович);(1658-1722) — церковный деятель. Из украинской шляхты. Окончил в 1684 Киево-Могилянскую духовную академию, затем продолжил образование в духовных учебных заведениях Вильно,

Львова, Люблина и Познани, для чего временно отошел от православия, приняв униатство. Вернувшись в 1687 в Киев, принес покаяние и был вновь принят в православие. В 1689 постригся в монахи, преподавал в Киево-Могилянской академии, стал ее префектом. Оказавшись в Москве, был замечен Петром I, получил назначение митрополитом Рязанским и Муромским (1700). После смерти патриарха Адриана (1700) стал местоблюстителем патриаршего престола. В 1701 — президент Славяно-греко-латинской академии. В 1721 при учреждении Синода был назначен его президентом, но влияния на ведение церковных дел не оказывал. Был одним из ярких церковных проповедников своего времени. Дар слова он посвятил борьбе с расколом и протестанским влиянием. Наиболее полно его взгляды выражены в богословском трактате «Камень веры», написанном в 1718, а опубликованном в 1728 после смерти автора.

Ягужинский Павел Иванович (1683–1736) — государственный деятель, дипломат. Из семьи органиста лютеранской кирхи Немецкой слободы. С 1701 служил в гвардии, позже вошел в круг людей, близких к Петру I, выполняя разные дипломатические поручения: участвовал в работе Аландского конгресса (1718—1719), был посланником в Австрии (1721). Доверие Петра I к нему выразилось в том, что в 1722 он назначил его генерал-прокурором Сената, который получил большие полномочия. Подчинялся непосредственно императору: не случайно генерал-прокурора Сената называли «оком государевым» и «сердцем всего государства». Показал себя на этом посту деятельным администратором, вникавшим во всевозможные дела, содействуя улучшению работы государственного аппарата. После смерти Петра I был отправлен послом в Польшу (1726—1727), что фактически привело к ликвидации должности генерал-

прокурора и лишило Сенат прямой связи с монархом. В январе 1730 вел двойную игру. Поначалу он поддержал «верховников», но практически сразу же по своим каналам известил Анну Иоанновну о замыслах Верховного тайного совета и ситуации в дворянских кругах, посоветовав ей отречься от «Кондиций», оставив за собой всю полноту власти. При Анне Иоанновне был послом в Пруссии (1731—1734), с 1735 — кабинет-министром.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Август II
Авель (Васильев В.)
Адмони В. Г.
Адлерберг В. Ф.
Аксаков И. С.
Аксаков К. С.
Александр I
Александр II
Александр III
Александр Невский
Алексей Михайлович
Алексей Петрович, царевич
Андреевский С. А.
Анисимов А. А.
Анна Иоанновна
Апраксин П. М.
Апраксин Ф. М.
Арескин Р. К.
Ахматова А. А.
Базен П. П.
Бакунин М. А.
Батищев Я.
Башмаков М. И.
Башуцкий А. П.

Безбородко А. А.
Бейдеман М. С.
Белинский В. Г.
Бенкендорф А. Х.
Берк К. Р.
Бернулли Д.
Берхгольц Ф. В.
Бецкой И. И.
Бирон Э. И.
Блох Р. Н.
Блюментрост Л.
Боборыкин П. Д.
Богданов А. И.
Болотов А. Т.
Бродский И. А.
Брюс Р. В.
Брюс Я. В.
Брюсов В. Я.
Булгарин Ф. В.
Буташевич-Петрашевский М. В.
Бутков П. Г.
Бутурлин И. И.
Буш А.
Вебер Ф. Х.
Вертинский А. А.
Волков Д. В.
Волинский А. П.
Вольф К. Ф.
Вортман Х.-А.
Вяземский П. А.
Геннин В.
Георги И. Г.
Герард И. К.
Герцен А. И.
Глинка Ф. Н.
Глиэр Р. М.

Гоголь Н. В.
Голицын А. Н.
Голицын Д. М.
Голицын М. М.
Голицын П. А.
Головин М. Е.
Головкин Г. И.
Готовцев П. Н.
Грановский Т. Н.
Грибоедов А. С.
Григорьев А. А.
Гримм Ф.-М.
Гумилев Н. С.
Густав Ваза
Даль В. И.
Делиль Ж.-Н.
Деягарди Я.
Демут-Малиновский В. И.
Державин Г. Р.
Дивиер А.
Дидро Д.
Достоевский Ф. М.
Екатерина I
Екатерина II
Елизавета Петровна
Еропкин П. М.
Заболоцкий Н. А.
Завадовский П. В.
Зарудный И. П.
Захаров А. Д.
Земцов М. Г.
Зиновьев Н. И.
Зубов А. Ф.
Зуев В. Ф.
Иван III
Иван IV

Иван V Алексеевич
Иван VI Антонович
Иностранцев А. А.
Иноходцев П. Б.
Камерон Ч.
Кантемир А.
Каразин Н. В.
Каракозов Д. В.
Карамзин Н. М.
Карл XII
Кваренги Д.
Кеппен П. И.
Кикин А. В.
Кириллов И. К.
Кирсанов С. И.
Ключевский В. О.
Коноплянникова З. В.
Котельников С. П.
Коробов И. К.
Корчмин В.
Корф И. А.
Крафт Г. В.
Кречетов Ф. В.
Кропоткин П. А.
Крылов И. А.
Крюйс К. И.
Кулибин И. П.
Курбатов В. Я.
Кутневич В. И.
Кутузов И. М.
Лажечников И. И.
Ламотре О.
Леблон Ж. Б.
Левин В. С.
Лейбниц Г. В.
Ленин В. И.

Лепехин И. И.
Лившиц Б. К.
Ломоносов М. В.
Лоренц Х.
Лукини И. Ф.
Львов Н. А.
Магницкий Л. Ф.
Магнус Эрикссон
Макаров А. С.
Манкиев А. И.
Мартынов И. И.
Матвеев А. А.
Маттарнови Г.
Махаев М. И.
Меншиков А. Д.
Мессершмидт Д.
Милорадович М. А.
Минаев Д. Д.
Миних Б.-Х.
Мирбах Э.
Мирович В. Я.
Монтескье Ш. Л.
Мординов С. И.
Мусин-Пушкин И. А.
Мусин-Пушкин П. И.
Нагаев А. И.
Нартов А. К.
Нарышкин Л. А.
Наталья Алексеевна
Неведомский И. А.
Некрасов Н. А.
Николай I
Николай II
Новиков Н. И.
Одоевский В. Ф.
Орлов А. Ф.

Остерман А. И.
Паллас П. С.
Перри Дж.
Петр I
Петр II
Петр III
Пименов С. С.
Писарев Д. И.
Плавильщиков В. А.
Платов М. И.
Плейер О.
Поджио И. О.
Ползунов И. И.
Полонский Я. П.
Посошков И. Т.
Прокопович Ф.
Прокофьев А. А.
Пруссак В. Ф.
Птолемей
Пушкин А. С.
Пущин И. И.
Радищев А. Н.
Разумовский Г. К.
Растрелли В. В.
Репнин Н. И.
Ромодановский Ф. Ю.
Росси К. И.
Ростовцев А.
Руска Л. И.
Салтыков Ф. С.
Семенов В. П.
Семенов Тян-Шанский П. П.
Серно-Соловьевич А. А.
Скорняков-Писарев Г. Г.
Случевский К. К.
Соловьев А. К.

Софья Алексеевна
Стессель А. М.
Стефан Баторий
Столыпин П. Н.
Сумароков А. П.
Сухомлинов В. А.
Тараканова Е.
Татищев В. Н.
Телушкин П.
Тилло Э. И.
Толстой А. Н.
Толстой П. А.
Тома Т. де
ТрEDIAKовский В. К.
Трезини Д.
Троснянский Я.
Украинцев Е. И.
Ушаков А. И.
Фельтен Ю. М.
Фигнер В. Н.
Хавен П. фон
Хвостов Д. И.
Чевакинский С. И.
Черкасский А. М.
Чернышев Г. П.
Чернышев И. Г.
Чернышевский Н. Г.
Чичагов П. В.
Чичерин Н. И.
Шауберт Ф. Т.
Шамшуренков Л.
Шафиров П. П.
Шаховской А. А.
Шварце Б.
Шереметев Б. П.
Шешковский С. И.

Шкапская М. М.
Штелин Я.
Шумахер И.-Д.
Шумахер П.
Шхонебек А.
Щедрин Ф. Ф.
Щербатов М. М.
Эйлер Л.
Юль Ю.
Ягужинский П. И.
Языков Н. М.

ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Адмиралтейский остров
Адмиралтейство
Академия наук
Академия художеств
Алекسانдро-Невский монастырь (лавра)
Аничков дворец
Анны св. церковь
Аптекарский «огород»
Березовый остров
Биржа
Благовещенская церковь
Большой театр
Васильевский остров
Вознесения церковь
Волково кладбище
Гауптвахта
Главный штаб
Голодай-остров
Горный институт
Городской (Петербургский) остров
Гостиный двор
Гутуевский остров

Двенадцати коллегий здание
Домик Петра I
Екатерингофский дворец
Екатерины св. церковь
Заячий остров
Зимний дворец
Исаакиевская церковь
Исаакиевский собор
Каменноостровский дворец
Кикина каменные палаты
Котлин остров
Крестовский остров
Кунсткамера
Летний дворец
Летний сад
Литейный двор
Литейный проспект
Медный всадник
Меншиковский дворец
Михайловский дворец
Михайловский (Инженерный) замок
Мойка
Монетный двор
Морской рынок
Мраморный дворец
Мытный двор
Нева Большая
Нева Малая
Невка Большая
Невка Малая
Невка Средняя
Невский проспект
Никольский морской собор
Никольский рынок
Охта
Пантелеймона св. церковь

Партикулярная верфь
Петровский остров
Петропавловская крепость
Петропавловский собор
Почтамт
Почтовый двор
Предтеченская церковь
Преображенский собор
Ростральные колонны
Сампсоньевская церковь
Сенат
Сенной рынок
Симеона и Анны церковь
Смоленка
Смоленское кладбище
Смольный дворец
Смольный институт
Смольный монастырь
Сытный (Обжорный) рынок
Таврический дворец
Троицкая площадь
Троицкий собор
Фонтанка
Эрмитаж
Эрмитажный театр

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО О СЕВЕРНОЙ СТОЛИЦЕ
ГЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
НЕВА
ДРЕВНИЙ МИР НЕВСКОЙ ЗЕМЛИ
ПЕРВЫЕ ЖИТЕЛИ НЕВСКОГО КРАЯ
ЗА ЗЕМЛЮ РУССКУЮ

ЗАКЛАДКА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ
КЛИМАТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
ПЕТЕРБУРГСКИЕ НАВОДНЕНИЯ
ПЕРВЫЙ ДОМ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
АДМИРАЛТЕЙСТВО
ПЕРВЫЕ ЖИТЕЛИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
ИЗ ЦЕРКВИ — В БАНЮ, ИЗ БАНИ — В КАБАК...
КАК ВЕСЕЛИЛСЯ ВЫСШИЙ СВЕТ
В ТАЙНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ СТРОИТСЯ
ПЕРВАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
КУНСТКАМЕРА
ЗАБОТЫ НОВОЙ СТОЛИЦЫ
ЛЕТНИЙ САД
ЗА ТЮРЕМНЫМИ СТЕНАМИ
АКАДЕМИЯ НАУК
МЫ ВСЕ УЧИЛИСЬ ПОНЕМНОГУ
БИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК ПЕТРОВСКОЙ
ЭПОХИ
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ
ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ